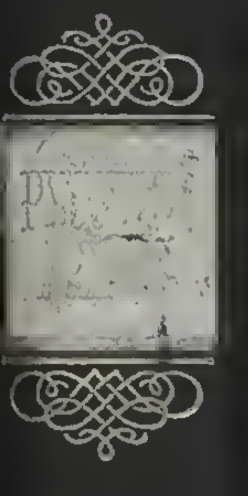

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

19-20

«ТЕРРА»

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. ГЕССЕНОМЪ

XX

БЕРЛИНЪ 1930

СОДЕРЖАНІЕ

На сценѣ и за кулисами Брестской трагикомедіи.

(Мемуары участника Брестъ-Литовскихъ мирныхъ переговоровъ)

Д. Г. Фокке.

ЧАСТЬ I.

ПРІОСТАНОВКА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И ПЕРЕМИРІЕ.

ГЛАВА I.

Наканунѣ Бреста.

Переворота будто и не было. — Другіе штабы и нашъ. — Въ «Ней-Шваненбургѣ» — все по старому. — Сознаніе: конецъ войнѣ.

Нѣсколькими выстрѣлами съ красной «Авроры» и недолгой перестрѣлкой съ юнкерами и женскимъ батальономъ въ Зимнемъ дворцѣ прогремѣла «великая октябрьская революція».

Едва внятны были эти выстрѣлы даже десяткамъ тысячъ петербуржцевъ, привыкшихъ къ шальнымъ выстрѣламъ стражей «безкровной» революціи, милиціонеровъ — многіе изъ петербуржцевъ только на другой день по газетамъ да по разсказамъ знакомыхъ уяснили себѣ перемѣну положенія, да и то оптимистически разсчитывали:

— Вотъ пройдутъ выборы въ Учредительное Собраніе, тамъ и видно будетъ, за кѣмъ — сила. За этими ли большевиками или за Керенскимъ. А, можетъ быть, и кадеты пройдутъ: у кадетовъ большая популярность въ народѣ. Не удержаться большевикамъ. Какъ они въ одинъ день Керенскаго свалили, такъ и сами свалятся.

Еще менѣе внятенъ шумъ переворота былъ въ старомъ помѣстьѣ «Ней-Шваненбургъ» на границѣ Псковщины и Витебской губерніи, въ сторонѣ отъ большихъ центровъ, на совершенно глухой въ мирное время желѣзно-дорожной Пыталовской вѣткѣ. А, казалось бы, «Ней-Шваненбургъ» самъ могъ быть однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ ведущей войну Россіи, да и на самомъ дѣлѣ былъ такимъ важнымъ центромъ; въ ней-шваненбургскомъ помѣщичьемъ домѣ и службахъ

расположился штабъ 1-ой арміи. Такихъ штабовъ, центровъ страны, жизнь которой на три четверти — въ интересахъ фронта, всего тринадцать на всю линію отъ Балтійскаго моря до Румыніи.

Ничѣмъ особеннымъ не сказались, однако, послѣднія петербургскія событія въ «Ней-Шваненбургѣ».

Штабы всѣхъ калибровъ на фронтѣ и въ тылу — ставки главнокомандующихъ, армейскіе, корпусные, дивизіонные, штабы разныхъ комендантовъ, предусмотрѣнные старыми штатами и, какъ грибы, повыраставшіе во время революціи — уже съ февраля играли не только подобающую имъ роль нервныхъ центровъ сѣти управленія многоголовымъ организмомъ арміи, но и досадную роль революціонныхъ и революціонизирующихъ фронтъ и тылъ центровъ.

Еще до большевизма всѣ штабы обросли, «на законномъ основаніи», самыми разнообразными выборными комитетами при поощрявшемъ эту болячку на тѣлѣ арміи главковерхѣ Керенскомъ.

Но все таки штабъ штабу рознь.

Въ «Ней-Шваненбургѣ», куда штабъ I арміи недавно перешелъ съ «оживленнаго», печальной памяти, Керенскимъ наступленіемъ и отступленіемъ Юго-Западнаго фронта, тихо.

По счастливой для нашего штаба случайности, отношенія между офицерами и солдатами, даже при новыхъ, введенныхъ съ февраля порядкахъ, при существованіи комитетовъ и при комиссарѣ, сложились хорошія, безъ особыхъ треній.

Комиссара послѣ переворота прислали новаго, но онъ такой смирный, такой незамѣтный: въ штабныхъ комнатахъ почти не показывается, ничѣмъ себя не проявляетъ, въ прямую работу штаба не вмѣшивается. Даже фамилія новаго комиссара какъ-то никому не извѣстна.

И комитетъ тотъ же, что былъ.

Свѣдѣнія о ходѣ второй революціи до «Ней-Шваненбурга» доходили самыя скудныя: кое-какіе разсказы рѣдкихъ пріѣзжихъ, состарившіяся на недѣлю газеты, да бѣлыя ленточки оперативнаго телеграфа съ привычными лаконическими распоряженіями тоже прежняго, остающагося на своихъ мѣстахъ начальства изъ высшихъ штабовъ. Онѣ, эти бѣлыя ленточки — внѣ новой революціонности, во всякомъ случаѣ, внѣ революціонной болтовни.

А очередныя петербургскія «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» — кто съ ними серьезно считался. Тоже привыкли, какъ къ повседневности, и новый рѣшительный ихъ характеръ, признаться теперь, недооцѣнивали.

На фронтѣ — затишье.

Въ штабѣ — работа бумажная, если и срочная, какъ всегда, то не волнующая, потому что за ней ни одной капли крови на позиціяхъ, ни одного существеннаго измѣненія для возможности будущихъ боевыхъ операцій. Въ самыя операціи уже не вѣрится.

Ощущеніе и сознаніе — кончена война — пожалуй, *самое характерное для того момента въ тихомъ «Ней-Шваненбургѣ».*

ГЛАВА II.

Мое назначеніе и отъѣздъ.

Мастерская на холостомъ ходу. — Срочная оперативная Главкосѣва. — Я назначенъ. — Никакъ не отбояриться. — Немедленно. — Крути, Гаврила. — Отъ Пыталова къ Двинску. — ...въ цѣляхъ огражденія интересовъ фронта.

За окнами равння черпая ночь затниувшейся до половины ноября осени. Шумятъ вѣковые деревья Ней-Шваненбургскаго парка. Холодная слякоть.

Если бы не отдѣльныя фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ — да и фигуръ этихъ мало на дворѣ такими холодными вечерами — «Ней-Шваненбургъ» казался бы не штабомъ, а, какъ еще иедавно, — помѣстьемъ.

Только заглянувъ въ «службы» такимъ темиымъ вечеромъ, узнаешь, что мирнан жизнь ушла изъ иихъ, и иа смѣну ей водворилась обстановка важпаго военнаго центра.

На смѣпу державшагося вѣковымъ укладомъ осѣдлаго помѣщичьяго быта — кочевье подвижиого штаба, съ своимъ собственвымъ регламентомъ, даже теперь, въ революціоиное время, далеко ие утратившимъ необходимый въ штабной службѣ порндокъ.

Техника — опора работы штаба, и она сказывается протянувшимися тутъ и тамъ телефопиыми проводами, кузовами автомобилей, мотоциклами, отдѣльными холодиыми оговьками электрическихъ лампочекъ отъ собствеиной подвижной станціи штаба.

Войдешь вечеромъ въ большой залъ Ней-Шваиенбургскаго замка — тамъ полиое торжество этой техники.

Всюду яркіе электрическіе огни. Надъ каждымъ столомъ, у каждаго изъ телеграфныхъ аппаратовъ.

Залъ замка теперь — походиая мастерская военныхъ дѣйствій, въ которой все, до малѣйшей технической детали, до бдительности каждаго изъ мастеровъ на своемъ мѣстѣ, налажено такъ же строго и точно, какъ въ отвѣтствеинѣйшіе дни боевой работы фронта.

Сухо постукиваютъ точками и тире аппараты Морзе. Гремятъ надежными цѣпями грузныхъ механизмовъ «Юзы».

Съ ритмомъ заводской машины работаетъ телеграфиан связь, мощная и въ сторону фронта и въ стороиу руководнщихъ штабомъ центровъ.

Всѣ — по мѣстамъ въ часы обычной вечерией работы, опредѣляющей каждодиевный нервиый ритмъ иашего дня, такъ же, какъ трескучіе повороты колесъ и рычаговъ «Юза» опредѣляютъ ритмъ ихъ работы.

Въ этой механической, штабной обыкновенности заурядиаго дня едва ощущается сегодня то, что сложный механизмъ мастерской штаба уже на три четверти работаетъ впустую.

— На холостомъ ходу.

Такъ работалъ бы машинный отдѣлъ завода, если бы чья-то злая рука перерѣзала приводиые къ станкамъ ремни, пообломала зубцы у шестеренъ. Двигатель въ порядкѣ, но живая сила его иапрасна.

Какъ всегда, вывѣренъ и точенъ механизмъ штаба. Только работа его въ сторону фронта — уже не прежняя работа. Фронтъ въ параличѣ. Его нужно питать, какъ отказавшіяся служить руки и ноги параличнаго, но съ него почти ничего нельзя требовать. Безсильный самъ по себѣ и не тревожимый противникомъ, фронтъ недвижимъ.

Былъ десятый часъ вечера, когда подъ нажимомъ ноги дежурнаго юзиста загремѣлъ цѣпями и заработалъ ритмично аппаратъ Штасѣва.

— Срочная оперативная.

— Предписаніе Главкосѣва Черемисова на имя командующаго I арміей, генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта Нотбека:

«По приказанію Главкосѣва командируйте немедля штабъ-офицера генштаба владѣющаго языками городъ Двинскъ присоединенія мирной делегаціи выѣхавшей Петрограда цѣлью присутствованія при веденіи переговоровъ о перемиріи для огражденія интересовъ фронта нашего и союзниковъ. 18 ноября/1 декабря № 2290 Наштасѣвъ (подпись).

Могла ли не произвести впечатлѣнія такая телеграмма.

— Значитъ, переговоры съ германскимъ командованіемъ уже офиціально начинаются.

— Значитъ, составлена уже и русская делегація.

— Значитъ, перемиріе — вопросъ нѣсколькихъ дней.

Пока совѣщаются генералъ Нотбекъ и временно исполняющій должность наштарма, генералъ-квартирмейстеръ полковникъ Берендсъ, штабной улей оживился отъ только-что полученнаго извѣстія.

— Миръ. И кто-то изъ нашего штаба — участникъ переговоровъ.

Недолго совѣщалось начальство. Въ результатѣ совѣщанія — мнѣ предписаніе:

«Съ полученіемъ сего предписываю вамъ немедленно отправиться въ городъ Двинскъ для присутствованія при веденіи переговоровъ о перемиріи въ цѣляхъ огражденія интересовъ фронта какъ нашего, такъ и нашихъ союзниковъ».

Основаніе: телеграмма вр. и д. Главкосѣва, № 2290.

Генералъ-лейтенантъ Нотбекъ.

При иныхъ условіяхъ — побѣда, цѣлостность русскаго фронта, порядокъ въ странѣ и въ арміи, отчетливое сознаніе, чьими директивами руководиться въ работѣ и кому давать въ ней отчетъ — не представить себѣ большаго почета, чѣмъ такое предписаніе.

— А теперь?

Слишкомъ подозрительна эта спѣшка. Подозрительно такое выхватываніе человѣка изъ промежуточнаго штаба, полу-забытаго по дорогѣ изъ Петербурга въ прифронтовый Двинскъ. Ужъ не потому ли, на самомъ дѣлѣ, отъ насъ офицера требуютъ, что мы — просто по дорогѣ выѣхавшей делегаціи?

— И какъ странно требуютъ: не дожидаясь даже отвѣтнаго сообщенія командующаго арміей, кого именно онъ назначилъ, каковы данныя у назначеннаго для выполненія столь серьезной задачи, словно эта задача по плечу любому.

— Что-то не тянетъ оказаться на мѣстѣ этого «любого».

— Можно ли ожидать, чтобы сочлены по делегаціи, очевидно избранные не зря, считались серьезно съ человѣкомъ, попадающимъ въ ихъ число, какъ говорится, здорово живешь.

— А нѣмцы? — откуда-то вынырнула еще болѣе подозрительная мысль. Кто можетъ поручиться, что они согласятся имѣть дѣло съ делегаціей, которая, за отсутствіемъ законнаго правительства въ странѣ, врядъ ли достаточно полномочна. Миръ — дѣло не одного фронта, не только военнаго начальства, а и государства въ цѣломъ, а какъ теперь разобраться, кто теперь представляетъ собой русское государство.

Передаю свои соображенія полковнику Берендсу, пытаюсь внушить ему мысль, что командующій арміей не связанъ въ назначеніи, что подъ его требованія могъ бы подойти и другой офицеръ генеральнаго штаба, не именно я.

— Вы больше всѣхъ подходите. Вамъ поручить всего надежнѣе.

Хватаюсь за другое:

— Такъ ли важно, господинъ полковникъ, чтобы назначенный удовлетворялъ этимъ требованіямъ. Вѣроятнѣе всего, мирную делегацію въ нынѣшнихъ условіяхъ не встрѣтятъ слишкомъ радушно. Станутъ ли еще ей довѣрять? А отсиживать въ концентраціонномъ лагерѣ у нѣмцевъ можно и безъ знанія языковъ, безъ того, чтобы числиться въ генеральномъ штабѣ.

Полковникъ Берендсъ въ душѣ, видимо, согласенъ съ моими доводами, но только разводитъ руками и вновь указываетъ на телеграфную подпись Главкосѣва, словно на гарантію законности назначенія съ чисто-военной точки зрѣнія:

— Хотя бы и въ плѣнъ. Приказаніе — разсуждать не приходится.

— Командируйте кого-нибудь изъ холостыхъ. Имъ проще у нѣмцевъ отсиживаться. У меня семья, и оставлять семью одну въ условіяхъ, когда тылъ куда опаснѣе фронта или плѣна, не хотѣлось бы.

Не дѣйствуютъ мои доводы.

Отвѣтъ — категорическій:

— Отказываетесь исполнять предписаніе командарма — вынужденъ васъ арестовать. А послѣдствія — сами знаете — полевой судъ и такъ далѣе. Да поѣзжайте вы скорѣе. Не накликайте на себя непріятностей и штабъ подъ нихъ не подводите. Кромѣ васъ, намъ послать некого.

Приходится подчиниться и ѣхать.

Выѣзжаю въ чемъ одѣтъ. Беру съ собой только небольшой дорожный чемоданчикъ. Но не ѣхать же совсѣмъ въ одиночествѣ. Допустимо ли тамъ, за нѣмецкой проволокой подчеркнуть нашъ русскій фронтовой развалъ, при которомъ офицерскіе денщики, вѣстовые или ординарцы объявлены «пережиткомъ рабства», «прихотью золотопогонниковъ», «буржуазной эксплоатаціей»? Пусть это и «мелочь», нельзя афишировать, хотя бы такую мелкую, деталь русскаго офицерскаго униженія.

Прошу себѣ ординарца.

Мнѣ даютъ сразу двухъ на всякій случай. Только бы я ѣхалъ немедленно. Эти два ординарца — ординарные солдаты изъ покладистой, еще сохранившей выправку штабной команды, ничѣмъ не замѣчательные:

— Ивановъ и Коршуновъ.

И вагонъ мнѣ подаютъ съ той же немедленностью — салонъ-вагонъ командующаго арміей изъ его поѣздного состава, стоящаго тутъ же на тупикѣ.

Около одиннадцати вечера мы уже тронулись экстреннымъ поѣздомъ: салонъ-вагонъ и паровозъ.

— Крути, Гаврила!

Такъ подбодряли машинистовъ и кондукторовъ тучи отпускныхъ и дезертировъ во время тягуче-долгихъ переѣздовъ въ прифронтовой полосѣ, когда желѣзнодорожники изнемогали въ хаосѣ передвиженія, безъ сколько-нибудь точныхъ расписаній, безъ намека на какую-нибудь норму.

Не приходилось подбадривать моего «Гаврилу». Видно, и ему строго-настрого предписано такое же, какъ мнѣ, «немедленно». Или паровозный «Гаврила» — одинъ изъ заждавшихся не то мира, навстрѣчу которому онъ мчитъ меня-делегата, не то доброй стопки самогона на узловомъ Пыталовѣ.

Пыталово — уже на прямой артеріи изъ «краснаго Питера» къ братающемуся за Двинскомъ фронту. По этой артеріи бойко текутъ слухи изъ Питера и ходкій нѣмецкій товаръ въ «дизинтирскихъ» и «дилигацкихъ» карманахъ изъ Двинска. Чего только, отъ перочинныхъ ножиковъ и дешевой пудры для товарищей-гражданокъ до сквернаго нѣмецкаго коньяку, ни надобывали «дизинтиры» и «дилигаты» черезъ окопы въ обмѣнъ на казенное снаряженіе и добрый русскій паекъ, а то и за счетъ «братски подѣленныхъ», «соціализированныхъ» складовъ продовольствія и войсковыхъ денежныхъ ящиковъ.

Можетъ быть, именно нѣмецкій коньячекъ манитъ машиниста, но «крутитъ Гаврила» на рѣдкость.

Отъ узлового Пыталова до Двинска прицѣпляютъ къ другому паровозу, къ высокому и стройному Сормовскому здоровяку.

Въ Пыталовѣ уже ясно, что новый «Гаврила» подхлестывается ничѣмъ другимъ, какъ миромъ.

Справляться, упрашивать дежурнаго по станціи, убѣждать коменданта — такъ обычно приходилось даже въ иныхъ серьезныхъ поѣздкахъ на фронтъ — на этотъ разъ не приходится. И безъ меня одинъ больше другого стараются. Видимо, крѣпко нажала ставка Главкосѣва или тотъ же «красный Питеръ».

Недолгая суета на станціи — и мой салонъ-вагонъ уже несется по направленію къ Двинску.

Восемьдесятъ верстъ въ часъ. Отвыкъ я отъ такой ѣзды, а при куцомъ составѣ моего «экстреннаго-делегатскаго» она скорѣе безпокоитъ, чѣмъ радуетъ: такъ и тряхнетъ всего на каждомъ расхлябавшемся рельсовомъ стыкѣ, несмотря на диванно-мягкія рессоры салона.

Не спится.

Пронзительно свистнетъ, какъ будто надъ самымъ ухомъ разогнавшійся «Гаврила», рванетъ еще прытче — и прыгаютъ передъ глазами буквы наклеенныхъ на телеграфный бланкъ ленточекъ «Юза»:

— . . . въ цѣляхъ огражденія интересовъ фронта, какъ нашего, такъ и нашихъ союзниковъ.

Нѣтъ. Не швырялись бы изъ «штасѣва» такими значительными, обязывающими офицера словами, если бы не было ясно:

— Вопросъ о перемиріи поставленъ серьезно. Этотъ вопросъ — не просто болтовня на потребу уличной и окопной толпѣ, а обстоятельно подготовленный не безъ вѣдома представителей союзниковъ военно-дипломатическій ходъ.

Болѣе, чѣмъ досадно, что я по-неволѣ безсиленъ сразу же шагать нога въ ногу съ остальнымъ составомъ делегаціи, но — ничего не подѣлаешь.

А «Гаврила» все крутитъ, бросаетъ вагонъ изъ стороны въ сторону. Засвистѣлъ часто, умѣрилъ ходъ, но чаще и чаще меня швырнетъ на стрѣлкахъ большой, многовѣтвистой рельсовой сѣти.

Красные товарные и бѣлые санитарные составы. Много свистковъ.

— Двинскъ.

ГЛАВА III.

Въ Двинскѣ.

Оказывается: не догоняли, а опережали делегацію. — Въ развинтившемся штабѣ и въ распоясавшемся Двинскѣ. — Прибыла погребальная колесница. — Никакихъ полномочій. — Полноправные «они» и безгласные «мы». — Каменевъ «докладываетъ» первому по пути «демократическому собранію». — Всякой твари по парѣ.

Такъ исправно крутилъ мой «Гаврила», что въ Двинскъ я прибылъ рано утромъ 19 ноября (2 декабря) еще до пріѣзда туда выѣхавшей изъ Петербурга делегаціи.

Силой телеграфнаго «немедленно» и головоломнымъ усердіемъ машиниста случайно именно я, а не делегація, которую мы отчаянно догоняли, явился въ Двинскъ первымъ вѣстникомъ подготовлявшагося на смѣну фактическому перемирію — «воткнемъ штыки въ землю», — офиціальнаго перемирія.

Узнавъ у коменданта станціи, что именно я — «первая ласточка» будущаго мира, вернулся къ себѣ въ салонъ-вагонъ взять свой немудреный багажъ и отпустить дожидающагося моихъ распоряженій машиниста.

— Всего хорошаго. Спасибо. Вы мнѣ больше не нужны.

Пожали другъ другу руки.

Ищу извозчика — ѣхать въ штабъ V арміи.

Утро такое же слякотное, грязно-сѣрое. Природа хоронитъ сама себя по четвертому разряду

Подъѣздъ Двинскъ пустъ еще въ этотъ утренній часъ. Раннее вставанье по уставу отброшено солдатами: зато по вечерамъ они переполняютъ кино и собранія.

Штабъ V арміи — въ городѣ, въ одномъ изъ большихъ зданій Двинска. Тутъ уже иная картина, иное настроеніе. Мало общаго съ нашимъ «Ней-Шваненбургомъ». Даже въ мелочахъ чувствуется революціонная школа здѣшняго армейскаго комиссара, доктора Склянскаго,

активнаго большевика, еще до переворота сумѣвшаго создать въ этомъ штабѣ атмосферу своей диктатуры.

Дежурныхъ не сразу добьешься. Отвѣчаютъ неприкрыто злобно, словно дѣловой вопросъ мѣшаетъ здѣшней штабной толкотнѣ туда-сюда по вольности революціоннаго дворянства.

Добрался все-таки до начальника штаба арміи и представилъ ему свое предписаніе. Приходится ждать. Поѣздъ съ делегаціей прибудетъ въ Двинскъ около десяти-одиннадцати утра. За чаемъ и за поисками какихъ-нибудь руководящихъ нитей въ газетахъ провожу время.

Къ десяти поѣхалъ на вокзалъ.

Уже проснулся городъ. По улицамъ фланируетъ распоясавшаяся въ прямомъ и переносномъ смыслѣ солдатская масса: то и дѣло встрѣчаются безобразныя шинели-клешъ съ болтающимся или вовсе снятымъ клапаномъ — революціонная мода, безобразящая на арестантскій манеръ сѣрыя фигуры. Многіе по-своему распорядились съ кокардами: одни поснимали ихъ — не хотимъ-молъ рабскаго клейма — другіе, наоборотъ, понацѣпляли вмѣсто плоской солдатской кокарды выпуклую, офицерскую — чѣмъ мы хуже офицеровъ.

На вокзалѣ — толчея. Ждутъ делегатскаго поѣзда.

Плевки. Мусоръ неизбѣжныхъ «сѣмячекъ». Угрюмые и тупые взгляды. Обрывки ругани. Наглые смѣшки. Нарочный локоть въ бокъ и рѣдкая «честь» по привычкѣ.

Толпа на перронѣ — спокойна, но чувствуется, что именно такая «спокойная» толпа въ любую минуту можетъ стать звѣремъ по пустяковому поводу: изъ-за недовольнаго офицерскаго словца, изъ-за брошеннаго кѣмъ-нибудь кроваваго лозунга. Эксцесса жди въ любой моментъ.

Около одиннадцати часовъ прибылъ наконецъ делегатскій поѣздъ, погребальная колесница для готовящихся похоронъ. Поѣздъ весь убранъ красными флагами и полотнищами, кровавымъ трауромъ революціи.

Къ поѣзду не стоитъ пробираться. Его окружила ожидавшая на станціи толпа: поѣздъ — для толпы и толпа — для поѣзда. Митингъ начинается тутъ же. Говорятъ, не успѣвъ выйти изъ вагона, бросая выкрики-слова черезъ окно.

Мнѣ издали не видно, кто говоритъ, и не слышно, что говорятъ. Но уже потому, какъ принимаетъ эти первыя рѣчи толпа, чувствуется, что митингуютъ, конечно, не военные делегаты, а прибывшіе съ ними «товарищи».

Это были уже покойный совѣтскій дипломатъ Іоффе, «герой» многихъ «мировъ» и «договоровъ», уже опальный сановникъ Каменевъ и произнесшая два-три слова лѣвая эсэрка Биценко. Теперь она всѣми забыта.

Съ «летучаго» митинга на вокзалѣ — на «организованный» митингъ при армейскомъ съѣздѣ V арміи.

Армейскіе комитетчики съ красными бантами подъ предводительствомъ суетливаго, тоже покойнаго уже, Склянскаго перехватываютъ делегатовъ и на автомобиляхъ везутъ въ городъ.

Вернулся въ штабъ V арміи и я. Здѣсь состоялось мое знакомство съ другими военными, прибывшими изъ Петрограда и изъ Пскова, гдѣ Штабъ Сѣвернаго фронта. На митингъ никто изъ нихъ не пошелъ: кто отправился по знакомымъ тутъ же въ штабѣ, кто — помыться и прибраться послѣ безсоннаго и для нихъ переѣзда.

Въ одномъ изъ штабныхъ кабинетовъ бесѣдую съ кѣмъ приходится.

Старшій въ чинѣ среди членовъ «военной консультаціи» и ея явный будущій вожакъ — контръ-адмиралъ Василій Михайловичъ Альтфатеръ, коренастый брюнетъ съ моложавымъ лицомъ, съ небольшой бородкой клиномъ въ новой, безпогонной формѣ моряковъ.

Представляюсь ему, обращаюсь съ волнующими меня вопросами, не ожидая, что этотъ «старшина делегаціи» сразу же обдастъ меня ушатомъ холодной воды.

— Какія же полномочія у насъ, военныхъ-делегатовъ?

— Да никакихъ.

— То-есть, какъ — никакихъ?

— Очень просто: ничего не подписывать, а только слушать, о чемъ будутъ толковать съ нѣмцами товарищи-делегаты изъ центральнаго комитета, и... — написано же у васъ въ предписаніи — соблюдать интересы нашего и союзническихъ фронтовъ.

Недоумѣваю. Въ умныхъ и живыхъ глазахъ адмирала наигранное равнодушіе и хитринка, а, можетъ быть, даже иронія надъ моей наивностью.

— Ну, а планъ работы?

— Ѣдемъ, а тамъ увидимъ. Вотъ и весь планъ для насъ съ вами. Настоящіе делегаты, Іоффе, Каменевъ,... получили какія-то инструкціи. Мы съ вами — пока ничего. Наше дѣло маленькое.

Добиться отъ адмирала большаго нельзя. Правды онъ не скрылъ, но и отъ оцѣнокъ ея воздержался. Такъ, видимо, удобнѣе. Атмосфера «краснаго Питера» уже научила поменьше разговаривать.

Пока поразошлись въ штабныхъ комнатахъ ничѣмъ не спаянные «мы», военные консультанты, полномочные «они» устами Каменева передъ армейскимъ съѣздомъ словами-выкриками «докладываютъ», какъ они будутъ дѣлать это «дѣло мира».

Кончился митингъ. Ради «доклада первому встрѣтившемуся по пути демократическому собранію» делегація, конечно, упустила указанный самимъ же Каменевымъ срокъ встрѣчи съ нѣмцами — два часа дня.

«Демократическое собраніе» выслушало одного за другимъ товарищей-переговорщиковъ, гремѣло ура, нестройно пѣлся интернаціоналъ — еще не понаторѣли — а время ушло, ничего не разъяснивъ тыловой солдатской толпѣ, стоящей «на стражѣ» развала и болтовни.

Наконецъ вспомнили о томъ, что надо же ѣхать.

Позвали и насъ, военныхъ консультантовъ.

Около 14-ти часовъ, когда делегація выѣзжала изъ Двинска, выяснилось, что ѣхать къ нѣмцамъ на автомобиляхъ немыслимо. Дороги обратились въ кисель отъ нуднаго, неперестающаго уже нѣсколько дней дождя, изрѣдка съ мокрымъ снѣгомъ.

— Поѣдемъ на экстренномъ поѣздѣ по сохранившейся желѣзнодорожной вѣткѣ отъ Двинска, за Калкуны къ передовой линіи.

Для всей делегаціи на вокзалъ подали одинъ салонъ-вагонъ, бывшій раньше въ распоряженіи великаго князя Михаила Александровича, уже приспособленный подъ Склянскаго и другихъ главарей Двинска.

Грузимся въ одинъ вагонъ всѣ, и я впервые вижу, съ кѣмъ именно мнѣ придется явиться къ нѣмцамъ:

— Восточные профили, пенсне и «господскіе» пальто съ мѣховыми шаль-воротниками у самыхъ главныхъ товарищей, за которыми усиленно ухаживаютъ провожающіе делегаты армейскаго съѣзда. Чисто-товарищеская наружность у «представителей всѣхъ слоевъ трудового народа» — рабочій, матросъ, солдатъ. Простенькая шляпа и пальто — подъ курсистку — у делегатки Биценко. Добродушно-бородатая фигура старика-крестьянина. Офицеры и чиновники — почти поровну тѣхъ и другихъ — рядъ знакомыхъ лицъ и незнакомые.

Кивки, рукопожатія и просто взглядъ другъ на друга.

Тронулся поѣздъ, окончательно соединивъ всю эту пестроту «одеждъ и лицъ и состояній», но не создавъ въ тѣснотѣ салона, куда набилось 28 человѣкъ вмѣстѣ со мной и двумя моими ординарцами, той тѣсной сплоченности, того общаго духа, безъ котораго нельзя дѣлать общее дѣло.

— Ясно, что общаго дѣла и не жди.

ГЛАВА IV.

На линію фронта.

Въ вагонѣ. — Звѣринецъ. — Лисица-предсѣдатель и «львы» делегаціи. — Лѣвые эсэры. — Мелкота звѣринца. — Какъ Россія «посылала» своихъ представителей. — Нѣтъ даже списка. — Путаница списка. — Не катастрофа-ли? — 513 верста и окопы. — Давно ждутъ. — Нѣмцы.

Вагонъ-салонъ идетъ впередъ своимъ краемъ-верандой изъ сплошныхъ зеркальныхъ стеколъ. Паровозъ — толкачемъ позади.

Гдѣ-то впереди, въ сѣрой мглѣ дождя-изморози — послѣдній рубежъ отступившей въ бояхъ отъ своихъ западныхъ границъ Россіи, окопная линія. За нею, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ другіе окопы, возлѣ которыхъ этого салона уже поджидаютъ къ упущенному — два часа дня — сроку нѣмцы.

Видимо, безсонная ночь отъ Петербурга до Двинска и утреннее митингованіе утомили товарищей-делегатовъ и прикомандированныхъ къ делегаціи по назначенію офицеровъ и чиновниковъ. Ни оживленія, ни общаго разговора.

Устало-равнодушнымъ чувствую себя и я. Присматриваюсь къ спутникамъ, разспрашиваю о нихъ у знакомыхъ офицеровъ, удовлетворяю свое любопытство при видѣ этихъ фигуръ.

— Звѣринецъ.

Кто-то шепоткомъ обронилъ такое собирательное имя для «полномочной делегацiи революцiоннаго русскаго народа», и оно воскресаетъ передо мной теперь, много лѣтъ спустя.

Заправила звѣринца, бросающiйся въ глаза потому, что всѣ къ нему обращаются, какъ къ старшему, — предсѣдатель делегацiи Iоффе. Онъ, спокойно покуривая, бросаетъ отвѣты, равнодушнымъ голосомъ самъ спрашиваетъ о мелочахъ поѣздки. Спроситъ и снова замолчитъ, покуривая. У Iоффе — характерное семитическое лицо, довольно длинные волосы, бородка и пенсне. Взглядъ — непрiятный, самодовольно презрительный. Такой взглядъ у трусовъ по натурѣ, когда они чувствуютъ себя въ безопасности и въ удачѣ.

Что-то общее — похожiя бородки, непремѣнные очки или пенсне, длинноватые, назадъ зачесанные волосы и возрастъ «заслуженныхъ революцiонеровъ» съ многолѣтнимъ стажемъ эмигрантства, въѣзжавшихъ, по словамъ самого Троцкаго, въ Берлинъ не иначе, какъ съ фальшивымъ паспортомъ въ карманѣ, нѣкоторый заграничный лоскъ и всѣ внѣшнiе признаки «интеллигентности» — есть, какъ и у Iоффе, у двухъ другихъ главарей, Каменева и Карахана.

Разнятся они отъ Iоффе только иной психологической окраской физiономiй:

Эти «львы» делегацiи — Левъ Борисовичъ Каменевъ-Розенфельдъ и Левъ Михайловичъ Караханъ — на взглядъ много симпатичнѣе предсѣдательствующей лисицы.

Каменевъ даже благообразенъ. У него мягкiя черты, почти не выдающiя происхожденiя, устало-задумчивые глаза подъ очками.

Караханъ клюетъ носомъ. Это — типичный армянинъ, почти тотъ каррикатурный «восточный человѣкъ», который способенъ переходить отъ соннаго лежебочества къ крикливой, подвижной ажитацiи.

Совершенно не обратилъ я вниманiя на Сокольникова-Брилiянта. Григорiй Яковлевичъ Сокольниковъ и потомъ не игралъ въ переговорахъ особенной роли. Второстепенный персонажъ брестской трагикомедiи.

Вотъ еще — полномочные, но уже не «соцiалъ-демократы фракцiи большевиковъ», а «лѣвые соцiалисты-революцiонеры», примкнувшiе къ Октябрю и, пытаясь брыкаться противъ нѣкоторыхъ «крайностей большевизма», шедшiе съ ними рука объ руку:

— Масловскiй, Сергѣй Дмитрiевичъ — онъ же Мстиславскiй, одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ лѣво-эсеровскаго «Знамени Труда». Онъ внѣшне знакомъ мнѣ, какъ библiотекарь Николаевской Академiи Генеральнаго Штаба, куда онъ попалъ послѣ окончанiя С.-Петербургскаго университета, какъ сынъ одного изъ бывшихъ профессоровъ Академiи. Масловскiй и по-сейчасъ въ присвоенной ему по должности формѣ военнаго чиновника. Этотъ делегатъ небольшой партiи, спутницы большевизма, ничѣмъ особеннымъ не выдается. На его лицѣ — скромноватая революцiонная «убѣжденность»; такимъ, по разсказамъ, онъ былъ всегда: будучи академическимъ библiотекаремъ, не скрывалъ своихъ лѣвыхъ взглядовъ, но и не проявлялъ себя, какъ революцiонеръ, пока офицiально не пришла развязавшая языкъ и руки революцiя.

— Биценко, Анастасія Алексѣевна. Единственная женщина въ делегаціи, наполовину составленной изъ военныхъ и ѣдущей рѣшить вопросъ о продолженіи или окончаніи войны, знаменита тѣмъ, что нѣкогда своими руками убила военнаго министра, генерала Сахарова. Это убійство и семнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ, вотъ — революціонныя заслуги лѣво-эсеровской делегатки Биценко. На первый взглядъ, она кажется моложе своихъ лѣтъ. Молчалива. Держится одиноко.

По ироніи судьбы, много болѣе красочной кажется мелкота делегатскаго «звѣринца», хотя, казалось бы, они, представители отдѣльныхъ «классовъ» революціонной демократіи, должны бы играть болѣе видную роль, чѣмъ лисица-Іоффе съ двумя большевицкими «львами» и двумя лѣвыми эсэрами, которые представляютъ только партіи.

Вотъ — морской «волкъ» этого «звѣринца»: матросъ Оличъ. Рослый, сытый волкъ. «Представительный» по-своему, въ опрятной морской формѣ. Тѣсно ему въ зеркально-стеклянной клѣткѣ салонъ-вагона.

Вотъ — угрюмый «барсукъ»: солдатъ Бѣляковъ. Маленькій, коренастый, среднихъ лѣтъ, упорно молчаливый. Звѣрь невзрачный, не то по натурѣ мрачный, не то запоздало-озлобленный сосѣдствомъ съ группой насъ, «золотопогонниковъ».

— Вотъ — нагловатый «хорекъ»: рабочій Обуховъ, не то путиловецъ, не то обуховецъ. Молодой, чернявый, кудреватый. Сидитъ развалившись, въ жилеткѣ поверхъ черной рубашки. Развязнѣе всѣхъ.

Вотъ — старый, обросшій шерстью и потертый жизнью «медвѣдь»: крестьянинъ Сташковъ. Сиво-сѣдой, съ кирпичнымъ загаромъ и глубокими старческими морщинами, типичный деревенскій старикъ, добродушно-простоватый. Такой старикъ и по-сейчасъ, несмотря на революцію, готовъ-поди называть васъ «бариномъ», поговорить «по душамъ» и ужъ, конечно, совсѣмъ далекъ отъ программныхъ тонкостей товарищей всѣхъ революціонныхъ толковъ. Его программа — самое большее — «намъ бы землицы, да работниковъ, Михайлу и Степана, съ войны вернуть».

О томъ, какъ именно Россія «послала» этихъ делегатовъ, разсказали такую «забавную» исторію.

Вечеромъ составъ делегаціи ѣхалъ на реквизированныхъ «для нуждъ пролетарской революціи» автомобиляхъ къ Варшавскому вокзалу. И вдругъ спохватились:

— А вѣдь русское то крестьянство, вся эта многомилліонная трудовая масса у насъ никѣмъ не представлена! Какъ быть?

На удачу, на одной изъ темныхъ и пустынныхъ въ тѣ дни вечернихъ петербургскихъ улицъ догоняютъ пѣшую фигуру въ зипунѣ и съ котомкой. Старикъ-крестьянинъ. Остановились.

— Куда идешь?

— На вокзалъ, товарищи.

— Садись, подвеземъ.

Старику — что: сѣлъ, поѣхалъ. Только подъѣзжая къ Варшавскому вокзалу, засуетился старикъ:

— Да мнѣ не на этотъ, товарищи! Мнѣ бы на Николаевскій. За Москву мнѣ ѣхать.

Старика, однако, не отпустили. Стали его о партійной принадлежности спрашивать: какой партіи будешь?

— Эсэръ я, товарищи. У насъ всѣ эсэры!

— А лѣвый или правый?

Въ тѣ времена «правымъ», конечно, никто не сказывался.

— Лѣвый, товарищи. Самый что ни на есть лѣвѣющій!

Тутъ же рѣшили, что для «полномочнаго представителя русскаго крестьянства» большихъ данныхъ и не требуется.

— Незачѣмъ тебѣ въ деревню ѣхать. Поѣзжай съ нами къ нѣмцамъ, въ Брестъ, миръ отъ нѣмцевъ добывать.

Уговорили старика, посулили суточныя деньги — и такимъ упрощеннымъ путемъ досадная прорѣха въ составѣ делегаціи была заштопана.

Кромѣ характерной фигуры контръ-адмирала В. М. Альтфатера, наиболѣе оживленнаго изъ военныхъ консультантовъ и довольно охотно бесѣдующаго съ большевиками-главарями делегаціи — видимо, адмиралъ уже привыкъ къ нимъ, успѣлъ кое-какъ спѣться уже въ Петербургѣ — я затрудинюсь давать характеристики офицерамъ-спутникамъ по салонъ-вагону. Ни одинъ изъ нихъ не сталъ впослѣдствіи видной фигурой, которая возбуждала бы къ себѣ понятный интересъ. Тогда это были просто назначенцы отъ различныхъ штабовъ, офицеры и военные чиновники.

Нужно какъ-то включиться въ составъ ѣдущихъ, разъ уже попалъ въ этотъ делегатскій вагонъ, разъ черезъ часъ-два придется переходить за германскую проволоку. Возбуждаю этотъ вопросъ лично о себѣ, и въ вагонѣ создается нѣкоторый переполохъ. Расталкиваютъ соннаго секретаря Карахана:

— А списокъ-то у насъ есть?

Оказывается, до сихъ поръ нѣтъ никакого списка.

— Нельзя же такъ! Какъ же мы безъ списка къ нѣмцамъ явимся. Непремѣнно надо составить.

Какъ возбудившій вопросъ о спискѣ, я принимаю участіе въ составленіи этого перваго акта дѣловой работы делегаціи. Всѣ опрашиваются, стучитъ пишущая машинка, захваченная съ собою, и черезъ нѣкоторое время наличный составъ делегаціи фиксированъ.

СПИСОКЪ

членовъ Русской делегаціи для переговоровъ о перемиріи и состоящихъ при ней лицъ къ 20-му ноября (8-му декабря) 1917 года.

I. УПОЛНОМОЧЕННЫЕ.

Члены Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Крестьянскихъ, Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

1. Іоффе, Адольфъ Абрамовичъ (предсѣдатель делегаціи).
2. Каменевъ, Левъ Борисовичъ.
3. Сокольниковъ, Григорій Яковлевичъ.
4. Биценко, Анастасія Алексѣевна.
5. Масловскій, Сергѣй Дмитріевичъ.

II. ЧЛЕНЫ ДЕЛЕГАЦІИ.

6. Оличъ, Федоръ Владнмировичъ (матросъ).
7. Бѣлнковъ, Нпколай Кузьмнчъ (солдатъ).
8. Сташковъ, Романъ Илларіоновичъ (крестьянинъ).
9. Обуховъ, Павелъ Андреевичъ (рабочій).

III. ЧЛЕНЫ ВОЕННОЙ КОНСУЛЬТАЦІИ.

10. Адмиралъ Альтфатеръ, Васнлій Мнхайловичъ (старшина)
11. Капитанъ I ранга Долнво-Добровольскій, Борисъ Іосифовичъ.
12. Генер. Штаба Полковнпкъ Шпшкинъ, Владимиръ Ивавовичъ.
13. Генер. Штаба Полковникъ Станиславскій, Андрей Васнльевичъ.
14. Генер. Штаба Подполковникъ Морозъ, Феликсъ Антоновичъ.
15. Генер. Штаба Подполковникъ Берепдсъ, Константинъ Юльевнчъ.
16. Генер. Штаба Подполковннкъ Суховъ, Василій Гаврнловичъ.
17. Генер. Штаба Подволковникъ Фокке, Джонъ Гуговичъ.
18. Прапорщнкъ флота Зеднпъ, Карлъ Яновичъ.

IV. СОСТОЯЩІЕ ПРИ ДЕЛЕГАЦІИ.

19. Секретарь делегацін Караханъ, Левъ Мнхайловичъ.

Переводчики.

20. Коллежскій ассесоръ Соколовъ, Владимиръ Петровичъ.
21. Поручикъ Щуровскій, Андрей Владимировичъ.
22. Вольноопредѣлнющійсн Штукгольдтъ.

Юзнсты.

23. Герберсонъ, Карлъ Антоиовичъ.
24. Ивановъ, Васнлій Петровичъ.
25. Артарьннъ, Иванъ Павловичъ.

Переписчикъ.

26. Войшвилло, Брониславъ Іосифовичъ.

Ординарцы.

27. Ивановъ.
28. Коршуиовъ.

Насколько хорошо «сорганнзована» была делегацін и насколько «своевременно» было составленіе спнска, вндно уже нзъ того, что списокъ пришлось на спѣхъ перекранвать н переправлнть. Окрестили, оказывается, иевѣрно Сокольникова н Биценко: одному дали чужое имн, другой — чужое отчество.

Мало того: само распредѣленіе собранной въ салонъ-вагонѣ компаніи по категорінмъ н правамъ представительства, вндимо, и теперь,

на порогѣ нѣмецкихъ окоповъ не было вполнѣ яснымъ даже для руководителей. Такъ, въ окончательной редакціи списка двѣ первыя рубрики: «уполномоченные» и «члены делегаціи» слились въ одну — первую.

Но, пожалуй, самою крупною неожиданностью для главарей делегаціи явилось то, что въ ней — цѣлыхъ двадцать восемь человѣкъ, вмѣстѣ съ Ивановымъ и Коршуновымъ, которые изъ моихъ ординарцевъ получили повышеніе въ ординарцы русской делегаціи. Не выкидывать же теперь ихъ.

— Двадцать восемь человѣкъ. А нѣмцамъ сначала обѣщали только пять-шесть и въ послѣднемъ извѣщеніи сообщили о восемнадцати.

— Ну что-жъ, ничего не подѣлаешь.

Вагонъ мягко покачивается на расхлябавшемся пути, тащится елееле. Назначенный для встрѣчи съ нѣмцами срокъ давно позади. За зеркальными стеклами салона совсѣмъ темно. Дождь бьетъ въ нихъ, осенній, холодный, скучный.

Было около 17-ти часовъ, когда нашъ вагонъ вдругъ накренился, рванулъ и запрыгалъ безъ рельсъ по шпаламъ...

— Не катастрофа-ли?!

Всѣ поскакали. Прытче всѣхъ оказался за минуту до того сонный Караханъ. Выскочилъ первымъ.

Вагонъ, впрочемъ, ужс сталъ, сойдя съ рельсъ тамъ, гдѣ подъѣздному пути уже нѣтъ дальше хода, близъ самыхъ русскихъ позицій. Надо вылѣзать. Собираемъ свои вещи — чемоданчики, портфели, мѣшки — выходимъ изъ вагона прямо въ черную, липкую грязь выше щиколодки.

У этого тупика, импровизированнаго капризомъ войны, перервавшей всѣ пути рытвинами окоповъ и воронками отъ снарядовъ, насъ поджидали высланные члены армейскаго комитета пятой арміи.

— 513 верста.

Дальше нѣтъ пути: онъ разобранъ или разрушенъ снарядами. Кругомъ слякоть, въ которой расплываются края многихъ, водою наполненныхъ воронокъ. Къ мѣстности въ темнотѣ трудно приглядѣться: тутъ ровно, дальше — какъ будто холмисто. Странное спокойствіе на этомъ участкѣ фронта, изрытомъ страшной оспой орудійныхъ перестрѣлокъ. Молчитъ фронтъ.

Отсюда къ нѣмцамъ доставляться уже приходится «на своихъ на двоихъ». Правда, армейскіе комитетчики пригнали сюда одну изъ штабныхъ машинъ, чтобы подвезти насъ къ самымъ окопамъ, но никакой автомобиль не приспособленъ къ передвиженію по такому вязкому тѣсту, по жижистой глинѣ. Никакъ не подвезешь.

Пошли по направленію къ окопамъ по шпаламъ полуразрушеннаго полотна. То и дѣло вмѣсто насыпи — яма. Обходимъ ее. Еще яма, стараемся обогнуть ее, не увязнувъ въ разболотившейся почвѣ.

А по сторонамъ отъ дороги, именно въ этой грязи — землянки окопныхъ резервовъ. Люди привыкли и къ этому безконечному дождю и къ этой чмокающей глинѣ, по-одиночкѣ и небольшими группами

выходитъ къ намъ навстрѣчу, провожаютъ угрюмыми вопросами въ двѣ-три слова, или медленно тянутся за нами, или возвращаются назадъ.

Здѣсь, на самой позиціи нѣтъ и подобія Двинской тыловой крикливости. Не жди, чтобы эти «окопные» зажглись вдругъ героизмомъ, исполнили боевое приказаніе или по-керенски дали уговорить себя пойти въ наступленіе. Но они и не изъ тѣхъ, кто бросаетъ указанное ему мѣсто: пассивно вѣрны расплывшемуся, какъ и земля вокругъ, понятію о воинскомъ долгѣ. Просто усталые, потерявшіеся русскіе люди.

Огибаемъ большой грязно-мутный прудъ, въ который, того и гляди, нырнешь съ особенно скользкой тропинки. Сразу за прудомъ опять уцѣлѣвшій участокъ желѣзно-дорожной насыпи, на которомъ уже недвижимое развороченное германскими снарядами стальное рѣшето, когда-то бывшее нашимъ блиндированнымъ вагономъ. Еще недавно подвижный и самъ способный нести смерть, теперь онъ вошелъ въ цѣпь окопныхъ прикрытій жалкимъ, едва защищающимъ щитомъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ отъ этой развалины и отъ насыпи, вдоль которой окопы, уже бугрится русская проволока.

Фронтъ.

Къ самой чертѣ фронта вмѣстѣ съ нами докатилась накопившаяся по дорогѣ толпа особенно любопытныхъ солдатъ. Это — самые оживленные, самые активные и разговорчивые изъ всей массы заживо погребенныхъ въ грязныхъ глинистыхъ норахъ здѣшнихъ окопниковъ. Имъ не терпится.

Указываютъ на двѣ линіи нашей и нѣмецкой проволоки, на другую толпу нѣмецкихъ солдатъ вокругъ бѣлаго флага на заранѣе условленномъ мѣстѣ встрѣчи русской делегаціи.

— Давно ждутъ!

Трогаемся дальше. Солдатская толпа рѣшила — за нами. Привыкли, видно, къ такимъ хожденіямъ. Армейскіе делегаты энергичными окриками удерживаютъ разогнавшихся къ нѣмцу товарищей. И окрикъ на этотъ разъ дѣйствуетъ. Толпа сознаетъ важность происходящаго, явно побаивается, какъ бы чѣмъ не сорвать близкаго мира.

— Сказано вамъ: не смѣть! Условіе такое. Только делегатамъ пропускъ!

Въ сблизившихся двухъ густыхъ колюче-щетинистыхъ проволочныхъ загражденіяхъ пробиты (надо полагать, не спеціально для насъ — тутъ давно торная дорога) бреши, впрочемъ, не слишкомъ удобно проходимыя. Проволока въ темнотѣ то и дѣло цѣпляется за полы шинели, отпуститъ передняго и хлестнетъ слѣдующему по ногамъ, въѣлась въ липкую грязь, лежачая, и покачивается упрямыми обрывками въ воздухѣ.

За проволокой уже нейтральная зона. Мы переходимъ ее западнѣе дер. З. Кухалишки по полотну Варшавской ж. д. (въ 15 вер. южнѣе ст. Калкуны).

Многіе изъ насъ среди тысячъ испытанныхъ въ жизни чувствъ особенно реально хранятъ память о первомъ своемъ переѣздѣ черезъ русскую границу: врѣзается въ память какой-нибудь мирный Эйдкуненъ съ каской пограничнаго нѣмецкаго жандарма, ни друга, ни врага.

Но ничто не сравнится съ этимъ вечеромъ 19 ноября (2 декабря) близъ оборванной 513 версты, между двухъ еще недавно смертельно враждебныхъ окопныхъ линій.

Запомнилась эта минута.

Хлюпаемъ по грязи — и вдругъ изъ темноты окрикъ:

— Не ходите дальше, пожалуйста!

Если бы не характерные профили островерхихъ германскихъ касокъ, одной, другой, не догадаться бы, что насъ остановилъ нѣмецъ. Въ рѣзкомъ окрикѣ — ни намека на акцентъ.

Въ глаза ударилъ яркій, рѣжущій до боли послѣ темноты снопъ лучей электрическаго фонаря.

Нѣмцы.

ГЛАВА V.

На германской сторонѣ.

Встрѣча. — Это тоже делегатъ? — Германскіе окопы. — Окопный уютъ и разумная дисциплина. — На лошадяхъ по временной узкоколейкѣ. — Керосинка. — Мое запоздалое удовлетвореніе. — Нѣмецкое «коварство». — Пріѣздъ въ Брестъ. — Брестское пепелище. — Почти что подъ конвоемъ. — Въ цитадели. — Господа, господа... — Въ залу конференціи.

Нѣмцы. Неподалеку отъ первыхъ остановившихъ насъ касокъ въ защитныхъ чехлахъ — большая группа во главѣ съ генераломъ, начальникомъ дивизіи, занимающей этотъ участокъ фронта. Въ рукахъ у генерала — бѣлый флагъ, символъ мирныхъ намѣреній, на устахъ — нѣсколько короткихъ словъ офиціальнаго привѣтствія, навѣрное, заранѣе подготовленныхъ, такъ какъ генералъ произнесъ ихъ по-русски, ломанымъ языкомъ.

Смотрю на часы: 17 часовъ 30 минутъ.

Нѣмецкая встрѣча дожидалась насъ на деревянномъ настилѣ — островкѣ среди липкой грязи, затапливающей русскіе окопы и нейтральную зону. Въ этомъ настилѣ — тоже символъ:

— Вышли къ вамъ навстрѣчу, но вязнуть въ вашей грязи не хотимъ.

Первое, что потребовалось отъ насъ, былъ списокъ делегаціи. Передаемъ только что составленный въ вагонѣ списокъ, и насъ выкликаютъ по нему, пригласивъ каждаго названнаго переходить по настилу на германскую сторону.

Нѣмецкій генералъ, высокій, худощавый, прямой старикъ, держитъ себя офиціально-сухо. Внимательно оглядываетъ каждаго и молчитъ. На его лицѣ и въ его голосѣ живое, хотя тоже сдержанное, удивленіе только при видѣ странной на фронтовой линіи женской фигуры Биценко.

— «Ist das auch ein Delegat?»

Делегатскія права Биценко подтверждаются словесно, и генералъ не протестуетъ, не критикуетъ, съ одинаковымъ равнодушіемъ пропуская и штатскихъ, и офицеровъ, и солдатъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ настила — насыпь германскаго окопа, въ который мы спускаемся по деревянной лѣстницѣ. На русской землѣ, на той же почвѣ, которую затянувшаяся русская осень превратила въ липкое болото, попадаемъ въ иной міръ, съ иными порядками, инымъ укладомъ, иными возможностями организовать подземную жизнь передовой линіи.

Не приходится сгибаться въ три погибели нигдѣ — траншеи глубоки. Не приходится вязнуть въ глинѣ и скользить — повсюду намощенъ деревянный полъ, рѣшетчатый, не задерживающій воды. Нѣтъ и опасности, что воды отъ многонедѣльнаго дождя накопится по поясъ, что поплывутъ не спасающія отъ нея рѣшетки — на каждомъ шагу отводящія изъ окопа воду канавки. По такому окопному паркету, вдоль перилъ изъ проволоки мы идемъ нѣсколько минутъ, имѣя возможность наблюдать нѣмецкое траншейное благоустройство: стѣны окоповъ забраны листовой жестью, ихъ жилые участки оклеены обоями, а въ иныхъ землянкахъ даже мягкая мебель и уютъ вплоть до піанино. Повсюду электричество, поражающее обиліемъ свѣта.

Узнаю: на участокъ одной дивизіи по штату положено 10.000 лампочекъ.

И духъ дисциплины въ этихъ чистенькихъ шахтахъ войны, гдѣ директора-генералы и инженеры-офицерство руководятъ трудомъ рабочихъ-солдатъ, иной, чѣмъ у насъ.

Взять хотя бы характерную фигуру старика-фельдфебеля. Онъ безъ стѣсненія попыхиваетъ своей сигарой поодаль отъ дивизіоннаго. А обратился къ нему генералъ, подскочилъ фельдфебель, вытянулся, руки по швамъ, но сигары не бросилъ, держитъ ее между пальцами, чтобы снова начать пускать клубы синяго дыма, когда его отпустятъ.

Фигуры часовыхъ въ окопахъ, у дверей блиндажей и на отмѣченныхъ указующими надписями поворотахъ — уставно прямы, а отдѣльныя фигуры солдатъ — просты: отдыхающіе люди.

Для удобства делегаціи отъ линіи окоповъ до ближайшей желѣзнодорожной станціи построена специальная узкоколейка съ конной тягой. Въ такомъ количествѣ насъ не ждали, и намъ приходится тѣсниться въ миніатюрныхъ вагончикахъ и на ихъ тормазныхъ площадочкахъ. Подносятъ наши вещи, укладываютъ ихъ въ коническую землевозную вагонетку по строгому счету. Считаетъ старикъ-фельдфебель, но прикомандированный къ делегаціи лейтенантъ не удовлетворяется и повторно пересчитываетъ багажъ самъ: въ этомъ — педантичность хозяина, отвѣчающаго за вещи гостей.

Лейтенантъ приноситъ извиненія за задержку, за тѣсноту и неудобство доставки, а намъ приходится радоваться этому «неудобству» послѣ хожденія по грязи на нашей сторонѣ. Маленькіе вагончики даже отапливаются, но вмѣсто дымящей печи посрединѣ, которая обычно превращаетъ наши теплушки въ «дымную саклю бѣдняка», здѣсь маленькія печурки съ топкой наружу: тепло поддерживаетъ съ тормазной площадки вагоновожатый-солдатъ.

Тронулись.

Поѣздишко дребезжитъ. Желѣзная дорога-однодневка съ «живымъ», разборнымъ полотномъ прыгаетъ, но лошади бѣгутъ бойко, и

на спускахъ тормазнымъ солдатамъ приходится суетливо умѣрять ихъ облегченный пылъ.

Погода разгуливается. Дождь пересталъ, и болѣе четкими стали вспышки освѣтительныхъ ракетъ вдоль линіи фронта. Наоборотъ, потускнѣли въ очистившемся вечернемъ воздухѣ небесныя дороги прожекторовъ, свѣтятся ярче, только ощупывая одно изъ низкихъ разорванныхъ облаковъ.

Кончился для насъ проложенный временный путь, а съ нимъ кончилась и конная тяга. Возлѣ шоссе, около котораго сгрудились бараки и склады ближайшаго къ окопамъ тыла, — небольшая станція уже постоянной узкоколейки: стрѣлки, запасные пути и ряды миніатюрныхъ вагончиковъ, обслуживающихъ фронтъ. Тутъ же и ожидающая насъ новая тяга: приземистый, пыхтящій, съ перебитымъ отъ плохой нефти ритмомъ теплоходъ.

Делегатъ-матросъ встрѣтилъ этого своеобразнаго стального коня ироническимъ прозвищемъ:

— Керосинка.

Въ этомъ оброненномъ словцѣ матроса, привыкшаго къ сложной, работающей, какъ часы, судовой механикѣ и не нюхавшаго (кромѣ сотни шаговъ по грязи недавно) фронтовыхъ, сухопутныхъ тяготъ, слышалась насмѣшка надъ «убогой» техникой «германскихъ имперіалистовъ». Но въ отвѣтъ матросу засмѣялись и другіе, словно забывъ, что такія «керосинки» все-таки помогли германскому оружію шагъ за шагъ отодвинуть насъ отъ Калиша къ Двинску.

«Керосинка» везетъ насъ дальше.

Снова трясемся, молчимъ, каждый занятъ своими мыслями. Для всѣхъ глубоко безразличенъ этотъ участокъ пути — скорѣй бы онъ кончился — но у меня невольно иное отношеніе къ мѣстности, по которой мы проѣзжаемъ, и къ станціи Турмонтъ, на которую въ концѣ концовъ дотащила насъ «керосинка».

Этотъ участокъ германскаго фронта для меня — «знакомый незнакомецъ», недавній врагъ, въ лицо которому такъ хочется заглянуть: хранитъ ли онъ слѣды былыхъ столкновеній?

Какъ разъ противъ германскаго участка со станціей Турмонтъ въ центрѣ въ началѣ злополучнаго 17-го года располагалась русская 70-ая пѣхотная дивизія, которой командовалъ генералъ-лейтенантъ баронъ ф.-Будбергъ, и въ которой я былъ сперва Старшимъ адъютантомъ, а потомъ и Начальникомъ штаба. Было глухое время траншейной войны, не оживляемой сколько-нибудь серьезными столкновеніями. И вдругъ явилась неожиданная возможность поохотиться на ближайшую базу нѣмцевъ — станцію Турмонтъ.

Со стороны морского вѣдомства въ распоряженіе дивизіи поступили два дальнобойныхъ 12-дюймовыхъ орудія, снятыя съ судовъ. Установили орудія, вычислили прицѣлъ и рано утромъ открыли максимально возможный огонь по Турмонту. За эффектомъ огня наблюдали наши летчики, и, по ихъ донесенію, честь русской артиллеріи была блестяще поддержана и на этотъ разъ: отъ станціи Турмонтъ не осталось ничего.

Съ запоздалымъ удовлетвореніемъ я наблюдаю это «ничего», подъѣзжая къ Турмонту уже въ мирныхъ условіяхъ, когда съ тѣми же нѣмцами на томъ же участкѣ разговариваешь уже не на пушечномъ языкѣ, а любезными фразами гостя.

За разбитымъ Турмонтомъ на полуст. Беркгофъ делегацію ожидаетъ экстренный поѣздъ. Какъ глубоко ни вклинились нѣмцы въ русскую территорію, наша широкая колея уже перешита на болѣе узкую, европейскую, позволяющую арміямъ Австро-Германіи безъ задержки перебрасываться съ Запада на Востокъ и съ Востока на Западъ. И приготовленные для делегаціи вагоны, спальные и ресторанъ — уже нѣмецкіе.

— Наконецъ-то можно расположиться поудобнѣе, отдохнуть послѣ двухъ дней и ночи безъ сна и послѣ тряскаго пути.

Но лица делегатовъ вдругъ вытягиваются. Сопровождающіе нѣмцы съ любезной улыбкой (какое коварство!) приглашаютъ не въ эти вагоны, а въ товарный.

Общее смущеніе. Товарищи удивлены, готовы возмутиться такимъ отношеніемъ къ нимъ, «полномочнымъ представителямъ революціонной Россіи». По счастью, краснорѣчивый взглядъ нѣмецкихъ офицеровъ на наши ноги, обросшія фронтовой грязью, не даетъ разыграться «дипломатическому инциденту»: намъ просто хотятъ оказать услугу — почистить сапоги.

Въ товарномъ вагонѣ — нѣсколько расторопныхъ германскихъ солдатъ, сапожныя щетки, вакса. Привычными, ловкими движеніями солдаты-чистильщики помогаютъ намъ «отряхнуть съ нашихъ ногъ прахъ революціонной Россіи», не слишкомъ пріятный намъ самимъ и вовсе неумѣстный въ чистенькихъ нѣмецкихъ вагонахъ экстреннаго поѣзда.

Дольше всѣхъ колебались, дозволить-ли «буржуазнымъ» нѣмцамъ такой подвохъ, «представители всѣхъ классовъ революціоннаго русскаго народа», матросъ и другіе. Но и они сдались. Эту-то чистку сапогъ и назвалъ Масловскій-Мстиславскій «первымъ порогомъ испытанія, которому будетъ подвергать съ этой минуты нашъ демократизмъ Старая Германія»...

«Уже очищенныхъ» насъ приглашаютъ въ экстренный поѣздъ. Сопровождающіе насъ германскіе офицеры, I-го гвардейскаго гренадерскаго имени Императора Александра I полка лейтенантъ В. Гроскопфъ и другой лейтенантъ, фамиліи котораго я не запомнилъ, указываютъ намъ отведенныя каждому въ поѣздѣ купэ. Но и указывать, впрочемъ, не приходится. Нѣмцы предусмотрительны, и телефонъ съ позиціи въ Турмонтъ работаетъ исправно: переданный генералу при встрѣчѣ списокъ делегаціи уже разбитъ аккуратненькими наклеечками съ фамиліями на дверяхъ каждаго купэ. Нашъ списокъ отдѣлилъ козлищъ отъ овецъ, «полномочныхъ» отъ военной консультаціи, отдѣляютъ и нѣмцы: делегаты — въ одинъ вагонъ, офицеры — отдѣльно. Оно и лучше.

Вся делегація соединяется вмѣстѣ по пути изъ Турмонта въ Брестъ только въ вагонъ-ресторанѣ за ужиномъ, который былъ поданъ въ одиннадцать часовъ вечера. Всѣмъ хочется спать, всѣ устали, и этотъ

ужинъ, первый на нѣмецкой сторонѣ, ничѣмъ не отмѣченъ въ памяти. Не до наблюденій было и во время остального пути черезъ Вильно и Гродно, — спалъ, какъ убитый.

20 ноября (3 декабря) въ 10 часовъ утра экстренный делегатскій поѣздъ прибылъ въ Брестъ-Литовскъ, оставленный нашими войсками еще лѣтомъ 1915 года.

Уже судя по картинѣ разрушенія на станціи — вокзалъ закрытъ для движенія, крыша его разрушена — Брестъ достался нѣмцамъ не даромъ. Не въ блестящемъ состояніи этотъ крупный желѣзнодорожный узелъ.

За то внѣшне-блестяща намъ на встрѣчу делегація ставки Главнокомандующаго Восточнымъ Фронтомъ, Принца Леопольда Баварскаго во главѣ съ комендантомъ штабъ-квартиры, маіоромъ 2-го Кирасирскаго полка фонъ Камеке. Строгая офиціальность. Маіоръ безъ всякихъ привѣтственныхъ рѣчей подходитъ къ выдѣлившемуся изъ красной делегаціи вожаку Іоффе, и они взаимно представляютъ другъ другу: Іоффе — членовъ делегаціи, маіоръ — своихъ офицеровъ.

Брестъ-Литовскъ и въ рукахъ нѣмцевъ продолжаетъ оставаться крѣпостнымъ раіономъ съ особо строгими порядками. Потому при доставкѣ членовъ делегаціи въ приготовленныя для нея въ крѣпости помѣщенія нѣмецкая любезность уже совмѣщается съ предосторожностями изоляціи. Въ каждый изъ поданныхъ автомобилей помѣщается только одинъ изъ состава делегаціи въ сопровожденіи двухъ нѣмецкихъ офицеровъ. Почти что подъ конвоемъ.

По дорогѣ отъ станціи до крѣпости можно было составить представленіе о Брестскомъ пепелищѣ. Разрушенія въ городѣ — колоссальныя, не осталось камня на камнѣ. Высившійся противъ вокзала огромный желѣзный ангаръ мрачно чернѣетъ покалѣченными стальными ребрами и рваными лохмотьями желѣза. На многомъ — печать нѣмецкаго стремленія привести развалины въ сколько-нибудь приличный видъ, но отъ этого еще болѣе мертвыми стали пустыри, на которыхъ два года назадъ была живая жизнь.

Минуемъ большой мостъ и вскорѣ попадаемъ къ цитадели. Это — уже жизненно-необходимый для германской арміи районъ: въ немъ полнѣйшій порядокъ, благоустройство и строгій регламентъ крѣпости, въ которой къ тому же квартируетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ германскихъ штабовъ. Правда, самыя большія казарменныя зданія по периферіи цитадели выгорѣли и полуразрушены, но рядъ крѣпостныхъ помѣщеній, въ томъ числѣ и флигеля офицерскихъ квартиръ (нѣмцы ихъ называютъ «блокъ»), сохранился и поддерживается въ полномъ порядкѣ. Въ двухъ, трехъ изъ такихъ зданій приготовлены помѣщенія и для насъ.

Каждому — отдѣльная комната.

Хотя измѣненія въ списочномъ составѣ делегаціи стали извѣстны только со вчерашняго вечера, въ Брестѣ уже вполнѣ подготовлены къ тому, что делегатовъ не восемнадцать, а двадцать восемь человѣкъ. Никому, однако, не приходится тѣсниться, для ихъ размѣщенія уже потѣснилось живущее въ «блокѣ» германское офицерство.

Отведенная мнѣ комната — порядочной величины, уютно омеблированная мягкими креслами, съ большимъ письменнымъ столомъ для занятій, съ прекрасной пружинной кроватью и, конечно, съ электрическимъ освѣщеніемъ. Мнѣ, какъ и каждому изъ делегаціи, данъ денщикъ — «бурше», молодой германскій солдатъ.

Условія нашего пребыванія въ Брестѣ продиктованы еще маіоромъ-комендантомъ при встрѣчѣ на вокзалѣ: въ районѣ цитадели мы вполнѣ свободны въ своемъ правѣ передвиженія, по при желаніи попасть въ городъ вынуждены испрашивать на это особое разрѣшеніе комендатуры и выѣзжать не иначе, какъ въ сопровожденіи одного изъ прикомандированныхъ къ делегаціи нѣмецкихъ офицеровъ.

— Могутъ случиться нежелательныя ни для васъ, ни для насъ недоразумѣнія, — намекнулъ комендантъ, вообще не склонный много разговаривать съ пріѣзжими. Его сердце королевскаго кирасира, явно, не слишкомъ расположено къ врагамъ вдвойнѣ: русскимъ и революціонерамъ.

Не успѣли мы привести себя въ порядокъ и оглядѣться въ отведенныхъ намъ комнатахъ, какъ по корридору уже забѣгалъ выспавшійся теперь, суетливый Караханъ, секретарь делегаціи.

— Господа, будьте готовы, господа! Сейчасъ у насъ частное совѣщаніе. Въ 11 часовъ, господа!..

Заглянетъ въ комнату, посуетится и уже постукиваетъ въ дверь къ сосѣду.

И мы, еще не переименованные изъ «господъ» въ «товарищи», но отнюдь и не господа положенія при этихъ переговорахъ, собираемся по зову этого большевика-спекулянта въ указанный намъ баракъ, гдѣ будутъ происходить совѣщанія.

— Господа!.. надо обсудить!.. надо подготовиться!..

Зала конференціи — тутъ же, по близости, въ деревянномъ домѣ-баракѣ, казенно-дачнаго вида. Входимъ въ него съ небольшого крыльца и попадаемъ черезъ раздѣвальную въ просторное помѣщеніе, спеціально подготовленное для переговоровъ.

И здѣсь — новый штрихъ нѣмецкой предусмотрительности и быстроты въ работѣ: залъ засѣданій въ одну ночь приспособленъ къ тому, чтобы вмѣстить разросшуюся почти до тридцати человѣкъ делегацію (въ Брестѣ сначала ждали только пятерыхъ), въ соотвѣтствіи съ которой должна, конечно, увеличиться и делегація Германіи и союзныхъ съ нею державъ. Въ нѣсколько часовъ наряженная комендантомъ штабъ-квартиры команда солдатъ-рабочихъ разобрала стѣну сосѣдней комнаты и соединила обѣ въ одну, достаточно вмѣстительную для пятидесяти-шестидесяти засѣдающихъ.

ГЛАВА VI.

Первая «дуэль».

Частное совѣщаніе. — «Импровизированная» встрѣча. — Привѣтствіе принца Леопольда Баварскаго. — О народѣ то и забылъ. — Делегаты Германіи, Австро-Венгріи, Турціи и Болгаріи. — Мы только солдаты и о политикѣ не говоримъ. — Часъ напраснаго разглагольствованія. — Русскихъ условій перемирія нѣтъ. — Непрошенное выступленіе Гантчева и находчивая дипломатія Гофмана. — Одни «заголовки».

Въ залъ засѣданій насъ проводилъ прикомандированный къ русской делегаціи лейтенантъ 2-го гвард. пѣх. полка Мюллеръ, съ которымъ впослѣдствіи приходилось имѣть дѣло больше, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ изъ германскихъ офицеровъ. Типичный нѣмецкій аристократъ-гвардеецъ, Мюллеръ въ то же время — петербуржецъ; окончилъ гимназію «Петеръ-шуле», превосходно, безъ тѣни акцента говоритъ по-русски, охотно разговаривая съ нами, офицерами. Характернѣйшая черта этого на рѣдкость высокаго человѣка — привѣтливая мягкость, предупредительность, совмѣщаемая съ холоднымъ тономъ по отношенію къ Іоффе, Карахану и другимъ делегатамъ-революціонерамъ. Видимо, лейтенантъ въ душѣ жалѣетъ русское офицерство, попавшее въ ложныя, унизительныя условія революціи, но не подчеркиваетъ этого, не желая доставить намъ лишнюю боль.

Въ 11 час. 25 мин. 20 ноября (3 декабря) делегація приступила къ «дѣловой работѣ», начавъ ее первымъ частнымъ совѣщаніемъ, на которое собрались 22 человѣка, всѣ, кромѣ юзистовъ и ординарцевъ. Не было ни заранѣе выработаннаго регламента, ни дирижерскихъ указаній уже на мѣстѣ, — безъ особыхъ приглашеній всѣ заняли мѣста за длиннымъ столомъ, невольно соблюдая разграниченіе между главарями, остальными «полномочными» и офицерствомъ: Іоффе, Каменевъ и Караханъ сѣли за предсѣдательскій столикъ, приставленный къ торцу большого стола, рядомъ съ ними сгруппировались лѣвые эсъэры и «представители революціоннаго народа», а на другомъ концѣ — военная консультація.

Іоффе открылъ засѣданіе, объявивъ порядокъ дня: 1) выработка текста отвѣтнаго привѣтствія русской делегаціи на ожидаемое привѣтствіе Главнокомандующаго арміями Восточнаго Фронта и 2) оглашеніе текста деклараціи о мирѣ.

Вглядываюсь въ лица «полномочныхъ». Тупо молчатъ рабочій, матросъ, солдатъ и крестьянинъ. Биценко пересмѣивается съ сосѣдомъ Сокольниковымъ.

Оглашается декларація, и ее не голосуютъ, конечно, а, тѣмъ меньше, спрашиваютъ мнѣнія о ней у военныхъ спеціалистовъ.

На этомъ предварительное совѣщаніе и окончилось, а первое совмѣстное засѣданіе двухъ делегацій состоялось въ тотъ же день, въ 16 час. 10 мин.

Не знаю, кто и какъ договаривался съ германскимъ штабомъ относительно ритуала офиціальной рѣчи, но было рѣшено съ обѣихъ

сторонъ избѣжать церемоній торжественнаго представленія и придать первому свиданію делегацій съ германскимъ фронтовымъ командованіемъ какъ будто импровизированный характеръ. На площадкѣ передъ баракомъ, въ которомъ происходили засѣданія, намъ повстрѣчалась совсѣмъ небольшая группа штабныхъ офицеровъ во главѣ съ главнокомандующимъ Принцемъ Леопольдомъ Баварскимъ и его начальникомъ Штаба, генераломъ Гофманомъ. Ни пожатій руки, ни торжественнаго врученія «вѣрительныхъ грамотъ».

Принцъ Леопольдъ Баварскій — небольшого роста, сутуловатый съ чуть раздвоенной совершенно сѣдой бородкой и въ пенснэ. На немъ скромная сѣрая шубка съ черным мѣховымъ воротникомъ, по-солдатски подпоясанная, остроконечная каска въ защитномъ чехлѣ, и оружіе — только короткій кинжалъ съ офицерскимъ темлякомъ. Рядомъ съ нимъ высокій и видный генералъ Гофманъ въ почтительной позѣ второго лица.

Принцъ Леопольдъ ограничился простымъ, короткимъ привѣтствіемъ:

«Господа, я привѣтствую васъ, какъ уполномоченныхъ представителей Правительства Россійской Республики, делегированныхъ сюда для заключенія перемирія. Я надѣюсь, что общими усиліями ваша работа приведетъ къ желанной цѣли. Германское верховное командованіе, въ согласіи съ нашими союзниками, уполномочило меня руководить переговорами о мирѣ. Я поручилъ начальнику моего штаба, генералъ-маіору Гофману, предсѣдательствовать отъ моего имени на совѣщаніи. Еще разъ я привѣтствую васъ и надѣюсь, что вы будете хорошо себя чувствовать въ моей ставкѣ».

Отвѣчалъ по-русски Іоффе, подзубрившій за это время выработанное утромъ отвѣтное привѣтствіе. Но, то ли по забывчивости Іоффе, то ли отъ нѣкотораго смущенія, куда-то совершенно испарилась каменевская поправка — привѣтствіе германскому народу.

Легкіе поклоны, и мы разстаемся, чтобы присоединиться къ уполномоченнымъ Германіи и ея союзниковъ въ залѣ засѣданій. Конечно, опоздали. Уполномоченные противниковъ, всѣ, кромѣ генерала Гофмана, были уже на мѣстахъ, сидя по одну сторону большого стола. Снова только поклоны, и мы занимаемъ другую (правую отъ входа) сторону стола. Посрединѣ противъ мѣста, оставленнаго для генерала Гофмана, садится Іоффе. Вправо отъ него размѣщаются политическіе делегаты, а влѣво, съ прослойкой изъ лѣваго эсэра Масловскаго, — члены военной консультаціи. Вскорѣ появляется и проводившій главнокомандующаго предсѣдатель собранія, генералъ Гофманъ.

Происходитъ обмѣнъ полномочіями, причемъ передъ оглашеніемъ списка уполномоченныхъ съ германской стороны генералъ Гофманъ дѣлаетъ заявленіе:

«Верх. командованіе германскими арміями, въ лицѣ Верх. Главнокомандующаго Ген.-Фельдмаршала и начальника Генеральнаго Штаба германскихъ армій Павла фонъ-Бенекендорфа и фонъ-Гинденбурга и Адмирала Начальника Морского Штаба германскаго флота Геннинга фонъ-Гольцендорфа, уполномочило на веденіе переговоровъ о перемиріи принца Леопольда Баварскаго, генералъ-фельдмаршала Баваріи и

Главнокомандующаго Восточнымъ Фронтомъ. Послѣдній поручилъ веденіе переговоровъ германской делегаціи».

СПИСОКЪ
членовъ делегаціи воюющихъ съ нами государствъ.

I. Германская.

1. Генералъ-маіоръ Гофманъ — предсѣдатель делегаціи.
2. Генеральнаго Штаба маіоръ Бринкманъ } совѣщательные
3. Капитанъ I ранга Горнъ } члены.
4. Генеральнаго Штаба капитанъ Гей — переводчикъ.
5. Ротмистръ въ резервѣ фонъ-Розенбергъ — секретарь.
6. Поручикъ фонъ-Бюловъ — помощникъ секретаря.

II. Австро-Венгерская.

7. Генеральнаго Штаба подполковникъ Германъ Покорный.
8. Генеральнаго Штаба маіоръ Францъ фонъ-Мирбахъ.
9. Секретарь Миссіи Эмерихъ графъ Чакій фонъ-Кережехъ и Адоріанъ.
10. Ротмистръ фонъ-Бергеръ.

III. Болгарская.

11. Генеральнаго Штаба полковникъ Гантчевъ.
12. Совѣтникъ Анастасовъ.

IV. Турецкая.

13. Генералъ отъ кавалеріи и генералъ-адъютантъ Цеки.
14. 2-го лейбъ-гусарскаго полка ротмистръ фонъ-Шмидтъ, прикомандированный къ генералу Цеки.
15. Совѣтникъ Эденъ-бей.

Этотъ списокъ живымъ рядомъ сидѣлъ передъ нашими глазами. Походные мундиры, ордена и знаки отличій, сдержанно-сосредоточенныя лица. Пусть эти пятнадцать человѣкъ представляютъ собой цѣлыхъ четыре государства со столь различнымъ племеннымъ и даже расовымъ составомъ, отраженнымъ и въ составѣ делегаціи, но они всѣ — военные. Это объединяетъ ихъ гораздо больше, чѣмъ разношерстную группу «представителей» одной только Россіи.

Среди сидящихъ напротивъ прежде всего бросается въ глаза самъ генералъ Гофманъ. Высокій и плотный, но стройный мужчина среднихъ лѣтъ, съ коротко остриженой крупной головой и съ манерами человѣка, привыкшаго повелѣвать. Какъ оказалось впослѣдствіи, русскій языкъ достаточно знакомъ генералу. Онъ былъ нѣкоторое время официально прикомандированъ къ одному изъ русскихъ казачьихъ полковъ и теперь разбирается во многомъ раньше, чѣмъ подоспѣетъ съ своей помощью русскій переводчикъ.

Совсѣмъ молодое впечатлѣніе производятъ ближайшіе помощники генерала Гофмана по руководству огромнымъ восточнымъ фронтомъ.

Его правая рука и начальникъ оперативнаго отдѣленія — всего ва всего (безъ революціи, стихійно «омолодившей» нашъ штабной составъ) маіоръ. У маіора Бринкмана холеное лицо типичнаго нѣмецкаго офицера и нѣсколько надменный видъ. Морякъ Горнъ по-англійски выбритъ, улыбается, поглядывая на нашего матроса.

До нельзя характеренъ старшій въ чинѣ, но второстепенный по національному значенію, турецкій делегатъ Цеки-паша. Коренастый, черный, плѣшивый, съ короткими оплывшими руками и щетинистымъ усами. На немъ мундиръ такого же цвѣта, какъ и у нѣмцевъ, только съ кручеными жгутами-погонами и съ золотыми аксельбантами султанскаго свитскаго генерала.

Австрійскій подполковникъ Покорный молодъ. Блондинъ съ пріятнымъ, простымъ и привѣтливымъ лицомъ.

Болгаринъ Гантчевъ, воспитанникъ русской военной академіи, головой ушелъ въ высокій отложной воротникъ, подпираемый почти-русскими полковничьими погонами. Усищи и черные глаза, всегда готовые хитро улыбаться.

Техника засѣданія опредѣлилась быстро, благодаря предварительному сговору: каждая делегація будетъ пользоваться своимъ языкомъ, но всѣ рѣчи и заявленія будутъ взаимно переводиться на русскій и нѣмецкій языки. Обычный для дипломатовъ французскій языкъ былъ отброшенъ, какъ ненужный: французовъ вѣдь нѣтъ, а для хозяевъ-германцевъ это — языкъ враждебной націи.

Не составило вопроса и то, что уполномоченные Болгаріи и Турціи «не успѣли» получить письменныхъ полномочій. Цеки и Гантчевъ — военные агенты при ставкѣ принца Леопольда Баварскаго, но вѣдь это создавало для нихъ большее право переговариваться, чѣмъ для делегата-крестьянина Сташкова, просто подобраннаго на улицѣ. Противъ Цеки и Гантчева никто не спорилъ.

Согласились и съ германской стороны на требованіе «рыцарей открытой дипломатіи» — вести точные протоколы засѣданій, безъ изъятій, съ тѣмъ, чтобы совѣтскому правительству было предоставлено право ихъ опубликованія.

Покончивъ съ несложной техникой, генералъ Гофманъ обратился къ русской делегаціи съ предложеніемъ огласить конкретныя пожеланія, съ которыми она явилась на переговоры.

Собравъ въ голосѣ всю возможную торжественность, Іоффе прочелъ ту самую декларацію, съ которой ознакомилъ насъ на предварительномъ совѣщаніи. Генералъ Гофманъ предложилъ строго дѣловой вопросъ пріѣзжимъ, только-что заявившимъ, что они «уполномочены обсудить условія перемирія на всѣхъ фронтахъ».

— Уполномочена ли русская делегація говорить и отъ имени ея союзниковъ?

На вопросъ-ударъ взялся отвѣчать Каменевъ:

— Русское правительство обращалось къ своимъ союзникамъ съ предложеніями принять участіе въ переговорахъ, но до сихъ поръ не получило точнаго отвѣта. Тѣмъ не менѣе, оно считаетъ возможнымъ теперь же приступить къ переговорамъ съ тѣмъ, чтобы вновь обратиться къ союзникамъ Россіи.

Гофманъ отвѣтными словами тонко подчеркнулъ изолированность большевиковъ и ясно выразилъ возможность для него, какъ для германскаго генерала, говорить и дѣйствовать только въ предѣлахъ чисто военныхъ, мѣстно-фронтовыхъ:

— Мои полномочія не даютъ мнѣ права вступать въ переговоры о мирѣ съ союзниками Россіи, которыхъ здѣсь нѣтъ. Правительства центральныхъ державъ уже неоднократно дѣлали противникамъ мирныя предложенія, но не встрѣтили отклика. Политическіе принципы, которые, по мнѣнію центральныхъ державъ, должны явиться основой будущаго мира, также недавно выражены въ телеграммахъ министровъ Чернина и Кюльмана, такъ что они извѣстны наравнѣ съ принципами русскаго правительства. Я же лично, какъ человѣкъ только военный, не считаю себя компетентнымъ и не уполномоченъ говорить о политическихъ вопросахъ.

Вслѣдъ за предсѣдателемъ аналогичное заявленіе коротко дѣлаютъ представители Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи.

Заявленіе принимается къ свѣдѣнію, съ прибавкой въ протоколѣ съ большевицкой стороны: «русская делегація считаетъ нужнымъ замѣтить, что разсматриваетъ вопросъ о перемиріи значительно шире, полагая, что оно должно явиться основой всеобщаго мира, во имя котораго и заключается перемиріе».

Затѣмъ большевики вновь пустились въ декларативныя разглагольствованія.

Каменевъ «сожалѣетъ», что въ телеграммахъ министровъ иностранныхъ дѣлъ Кюльмана и Чернина «не видно дѣйствительнаго присоединенія къ тому всеобщему миру безъ аннексій и контрибуцій, съ гарантіями правъ на самоопредѣленіе, которые были провозглашены русской революціей и являются непоколебимой мирной программой революціоннаго правительства Россіи».

Каменевъ говоритъ безостановочно, генералъ Гофманъ нетерпѣливо морщится, а остальные делегаты хранятъ молчаливое спокойствіе, выслушивая долгую риторику о томъ, чему не вѣритъ самъ Каменевъ, заранѣе готовый къ сепаратнымъ переговорамъ.

«Непоколебимый» сторонникъ всеобщаго мира, Каменевъ, не жалѣетъ категорическихъ утвержденій:

— Только такой всеобщій миръ безъ аннексій и контрибуцій долженъ быть заключенъ въ результатѣ перемирія!

— Русская делегація настаиваетъ на томъ, чтобы получить здѣсь же опредѣленіе общихъ основъ мира, къ которому мы идемъ черезъ перемиріе.

Неприбытіе союзниковъ въ Брестъ Каменевъ называетъ «недоразумѣніемъ» и надѣется опять-таки начать свои разговоры о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій именно тогда, когда союзники наконецъ сюда прибудутъ.

Деклараціи Каменева длятся около часа. То и дѣло лопается терпѣніе генерала Гофмана и, пользуясь возможностью вставить реплику, какъ предсѣдатель, онъ снова и снова упираетъ:

— Представители отъ Германіи и ея союзниковъ не имѣютъ полномочій обсуждать вопросы мира; если бы это не было такъ, то здѣсь съ германской стороны не сидѣли бы только военные.

— Въ данный моментъ нѣтъ рѣчи о всеобщемъ мирѣ. Говорить о немъ можно только послѣ заключенія перемирія. Въ этомъ основная задача, ради которой и засѣдаетъ собравшаяся конференція. Дальше обсужденія военно-техническихъ условій перемирія ни я, ни другіе представители союзныхъ армій говорить не уполномочены. Мы — солдаты и только солдаты. Будемъ же говорить только о перемиріи, только по существу.

Каменевъ, однако, приберегаетъ еще одно средство воздѣйствія на делегацію Германіи и ея союзниковъ, заявляя напослѣдокъ:

— Въ инструкціяхъ русской делегаціи имѣется пунктъ, согласно которому всѣ страны, участвующія въ переговорахъ о перемиріи, берутъ на себя обязательство немедленно обратиться ко всѣмъ воюющимъ странамъ, еще здѣсь не представленнымъ, съ предложеніемъ принять участіе въ переговорахъ о перемиріи. Русская делегація предлагаетъ поэтому Германіи и ея союзникамъ сдѣлать по отношенію къ непредставленнымъ здѣсь воюющимъ странамъ то же, что сдѣлала революціонная Россія, когда она обратилась къ Германіи и ея союзникамъ съ предложеніемъ немедленно начать переговоры о перемиріи на всѣхъ фронтахъ.

Средство не подѣйствовало. Генералъ Гофманъ и не подумалъ счесть себя связаннымъ изобрѣтеннымъ для него въ Петербургѣ «обязательствомъ». Отъ своего имени и отъ имени представителей трехъ другихъ союзныхъ главнокомандующихъ онъ съ офиціальной настойчивостью отвѣтилъ:

— Представители союзныхъ державъ имѣютъ возможность только принять къ свѣдѣнію это предложеніе, такъ какъ ихъ полномочія распространяются только на чисто военные вопросы.

Заправилы красной делегаціи попросили устроить перерывъ, послѣ котораго должны будутъ обсуждаться чисто военные вопросы. Генералъ Гофманъ и союзные делегаты оставили залъ засѣданія въ 16 час. 50 мин. Мы остались одни, но для чего потребовался этотъ перерывъ, оказалось тайной для русскихъ военныхъ консультантовъ. Вмѣсто того, чтобы приступить къ обсужденію чисто военныхъ вопросовъ — такъ вѣдь было обѣщано — главари делегаціи совѣщались келейно цѣлый часъ. Какъ потомъ оказалось, этотъ часъ былъ затраченъ только на составленіе «перехода къ очереднымъ дѣламъ», въ которомъ Іоффе и Ко. сухо расписались въ своемъ первомъ пораженіи. Но и послѣ возобновленія засѣданія въ 17 часовъ 50 минутъ большевики не сразу пускаютъ въ ходъ этотъ документикъ. Іоффе вновь пытается продолжать волокиту и проситъ пріобщить къ протоколу тексты предложеній о мирѣ: декретъ Съѣзда Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ депутатовъ и радіо-телеграммы Чернина и Кюльмана. Только получивъ на это согласіе, Іоффе оглашаетъ такое заявленіе:

«Русская делегація, основываясь на точномъ текстѣ предложенія, сдѣланнаго Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ 13 (26) Ноября 1917 г. и принимая во вниманіе заявленіе Уполномоченныхъ Германіи, Австро-

Венгріи, Болгаріи и Турціи объ отсутствіи у нихъ полвомочій взять на себя обязательство предложить всѣмъ воюющимъ противъ нихъ державамъ, не представленнымъ на дапномъ совѣщаніи, приступить къ перегонорамъ о перемврін ва всѣхъ фровтахъ, — предлагаетъ представителямъ Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи н Турціи сообщить о предложеніи уполномоченвыхъ Россіи свонмъ правительствамъ н впредь до полученія отвѣта переходить къ обсужденію условій перемирія».

Генералъ Гофманъ заяввлъ, что онъ не можетъ высказаться по этому поводу, во можетъ только передать это пожеланіе своему Верховному командованію, которое можетъ уже передать это дальше германскому правительству.

Снова — предложеніе приступить наконецъ къ дѣловому разговору объ условіяхъ перемирія. Генералъ Гофманъ и 15 челонѣкъ съ его стороны ждутъ русскнхъ условій. А ихъ нѣтъ. Ннкакнхъ условій перемирія просто до сихъ поръ не выработаио.

Тогда Іоффе съ мѣста нъ карьеръ предлагаетъ отложить засѣданіе на 21 ноября (4 декабря), ссылаясь на то, что сегодня русская делегація не въ состояніи обсуждать зтотъ попросъ, такъ какъ телеграфное сообщеніе съ Петербургомъ еще не установлено.

Вдругъ совершенно неожнданно выступнлъ представитель Болгарів Гантчевъ:

— Чтобы не терять времени, не лучше лн теперь же огласить германскія условія перемнрія, разъ онн уже готовы?

Провсходитъ многозначительная заминка. Красная делегація бойко поддерживаетъ предложеніе Гантчева: оно вѣдь должпо раскрыть передъ нею планы нѣмцевъ. Гермавскіе штабвые офицеры встревожвлись, глухо переговарнваются между собой, явно выражая недовольство, а самъ Гантчевъ съежнлся н притихъ подъ гнѣвнымъ взглядомъ внутренне иегодующаго генерала Гофмана.

Однако, «солдатъ» Гофманъ быстро овладѣлъ собой н положеніемъ и показалъ, что днпломатъ овъ — не худшій, чѣмъ солдатъ. Можно было ждать, что онъ отклонитъ предложеніе, но онъ, наоборотъ, заявнлъ:

— Присоединяюсь къ предложевію полковника Гантчева съ велнчайшей охотой.

Мы слушаемъ, но, вмѣсто самаго содержанія германсквхъ условій перемирія, генералъ Гофманъ чнтаетъ только «заголовки» пунктовъ. Хотите знать — извольте:

1. Срокъ, способы продленія н способы заявленія объ отказѣ отъ перемнрія. 2. На какіе участки и вооруженныя силы (сухопутныя, морскія и воздушныя) распространяется перемиріе. 3. Демаркаціонная линія между воюющнмв сторонамн. 4. Морскія силы, условія передвиженія торговыхъ судовъ. 5. Запрещеніе пользоваться перемиріемъ для подготовкв наступленія на фронтѣ, гдѣ будетъ принято перемиріе. 6. Назначеніе подкомиссій на разныхъ участкахъ, какъ, вапрнмѣръ, на Черномъ морѣ и т. д., въ виду большого протяженін фронта. 7. Всѣ частичныя прекращенія боевыхъ дѣйствій съ заключенія этого перемирія считать недѣйствительвыми. 8. Непосредственво послѣ заключенія перемирія — вступить въ переговоры о заключеіии мнра.

9. Пункты изготовленія условій перемирія, подписанія ихъ и т. д. пока не обсуждаются. Каждая сторона должна получить по одному экземпляру договора.

Передавать фактическое содержаніе пунктовъ подъ этими заголовками генералъ Гофманъ считаетъ ненужнымъ, такъ какъ естественно, что первой должна огласить свои условія русская делегація. Ознакомившись съ заголовками германскихъ пунктовъ, она сможетъ строить свой проектъ по той же общей схемѣ.

Попытка Іоффе ухватиться за болгарскаго полковника и заявить, что онъ явно шире понималъ свое предложеніе, не удается. Гантчевъ говоритъ:

— Категорически заявляю, что я предлагалъ огласить именно то, что оглашено генераломъ Гофманомъ. Большаго я, конечно, и не могъ предлагать. На большее русская делегація не могла разсчитывать.

Въ 18 часовъ 25 минутъ засѣданіе закрывается.

Противники раскланиваются, чтобы черезъ полчаса встрѣтиться уже въ новыхъ условіяхъ — за обѣденнымъ столомъ.

ГЛАВА VII.

Въ офицерскомъ собраніи.

Никакихъ разговоровъ съ нѣмцами. — Приняли перчатку. — Сборъ къ обѣду въ брестскомъ офицерскомъ собраніи. — Высочайшій обходъ. — Красная іерархія и за обѣденнымъ столомъ. — Блестящій «бивуакъ». — Пролетаріи борются на столовомъ фронтѣ. — Которое покрѣпче? — Въ сигарномъ дыму. — Мой разговоръ съ принцемъ Леопольдомъ. — Что такое «миръ безъ аннексій»?

Прежде всего было рѣшено:

— Никакихъ постороннихъ разговоровъ съ нѣмцами не вести.

— Позабыть, что многіе изъ насъ владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ и, въ случаѣ необходимости, разговаривать только черезъ переводчика.

«Броня» непониманія упала съ насъ сама собой.

Комендантъ штабъ-квартиры заявилъ, что ему не представляется возможнымъ организовать питаніе делегаціи отдѣльно отъ штаба и предложилъ в любезной формѣ быть гостями офицерскаго собранія. Большевики молчаливо сочли это приглашеніе за «вызовъ», но, какъ говорится, «приняли перчатку». Согласились.

Жизнь Брестской ставки расписана по минутамъ. Штабного многолюдства нѣтъ, каждый работаетъ за десятерыхъ, и единственные перерывы въ работѣ для питанія — коротки. Принцъ Леопольдъ живетъ нѣсколько обособленной жизнью, въ небольшомъ, уединенномъ помѣстьѣ «Скоки». Въ штабъ наѣзжаетъ регулярно къ 11 часамъ для выслушиванія доклада и въ 19 час. 30 мин. для присутствія на общемъ обѣдѣ и для бесѣдъ съ офицерами, прикомандированными къ штабу гражданскими лицами и дипломатами союзныхъ Германіи государствъ. Принцъ Леопольдъ — признанный германскимъ офицерствомъ обра-

зецъ военнаго по призванію. Онъ — страстный спортсменъ и охотникъ. Его режимъ — режимъ спартанца. Несмотря на свои годы, принцъ Леопольдъ встаетъ ежедневно, лѣтомъ и зимой въ 5 часовъ утра и, какъ разсказываютъ, до перваго льда не оставляетъ купанья въ рѣкѣ, по юношески бросаясь въ воду внизъ головой.

Весь аппаратъ штаба равняется на своего прямого руководителя, генерала Гофмана. Генералъ Гофманъ съ точностью хронометра начиваетъ работу въ 8 часовъ, къ 11 часамъ онъ уже готовъ къ обычному докладу у Главнокомандующаго. Съ перерывами на завтракъ въ 13 час. и на обѣдъ въ 19 час. 30 мин. штабъ работалъ обычно до 1 часу ночи, а въ періодъ боевъ не существовало и ночного отдыха. Словомъ, въ самое спокойное время генералъ Гофманъ и его офицеры 13½ часовъ отдавали работѣ, 4½ часа ѣдѣ и прогулкамъ и только 6 часовъ сну.

Часъ обѣда — наиболѣе свободный часъ всего дѣлового дня, хотя его «этикетность» особенно подчеркнута присутствіемъ на обѣдахъ августѣйшаго Главнокомандующаго, принца Леопольда.

Офицерское собраніе невелико: гостиная, устланная ковромъ и уставленная мягкой мебелью, и три обѣденныхъ комнаты, сообщающіяся между собой такъ, что возможно видѣть сидящихъ за столомъ въ сосѣдней.

Сборъ — въ гостиной. Офицеры ожидаютъ своего главнокомандующаго стоя, негромко переговариваясь. Каждый входящій дѣлаетъ нѣсколько общихъ поклоновъ, звякаютъ шпоры, слегка склоняются головы. «Гости» изъ Петербурга, войдя, сгруппировались отдѣльно, по одну сторону прохода, оставленнаго для принца. Само собой случилось такъ, что полномочные стали въ первый рядъ, а офицеры — позади нихъ.

Въ группѣ германскихъ штабныхъ всего около двадцати пяти офицеровъ и трое штатскихъ во фракахъ: большинство изъ присутствующихъ намъ уже знакомо по засѣданію. Кромѣ нихъ — комендантъ и главный врачъ штабъ-квартиры и адъютанты.

Принцъ Леопольдъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ появился изъ внутренней двери и началъ обходъ присутствующихъ, подойдя сначала къ пріѣзжимъ. Нѣсколько словъ предсѣдателю делегаціи Іоффе. Поклонъ и любезное привѣтствіе делегаткѣ Биценко. Въ отвѣтъ — «не понимаю по-нѣмецки». Биценко (она въ синей блузкѣ и безъ особой прически, просто небрежный узелъ) — прямолинейно-революціонна: превзошла даже строгость первоначальнаго уговора и не воспользовалась услугами переводчика. Впрочемъ, и принцъ Леопольдъ не сталъ дожидаться этой услуги, кивнулъ насупившейся Биценко и остальнымъ. Изъ русскихъ военныхъ задалъ вопросъ только бывшему впереди наготовѣ переводчику, поинтересовавшись, почему онъ — въ цвѣтныхъ рейтузахъ.

Со своими принцъ простъ: кому — шутка, кому — вопросъ, кому — только отвѣтъ на поклонъ.

Пока длился обходъ, по группамъ офицеровъ и среди петербургской делегаціи въ качествѣ церемоніймейстера сновалъ старшій адъютантъ, 4-го гвардейскаго полевого артиллерійскаго полка капитанъ

фонъ-Трота. Онъ, во избѣжаніе толчеи, каждому указывалъ его будущее мѣсто за обѣденными столами.

Опредѣлился такой порядокъ размѣщенія: пріѣзжіе сидятъ въ шахматномъ порядкѣ между нѣмцами и ихъ союзниками, причемъ хозяева ни на іоту не измѣнили іерархическаго порядка, установленнаго спискомъ русской делегаціи. «Полномочные» усажены выше военныхъ консультантовъ: матросъ Оличъ — выше адмирала Альтфатера, солдатъ, рабочій и крестьянинъ выше штабъ-офицеровъ. Этотъ фактъ заслуживаетъ того, чтобы его подчеркнуть особо, потому что сами «полномочные» были нѣсколько удивлены такой расцѣнкой петербургской делегаціи внѣ офиціальныхъ сношеній. Одинъ изъ «полномочныхъ» назвалъ даже «смѣшнымъ» со стороны нѣмцевъ такое распредѣленіе мѣстъ. Но нѣмецкіе церемоніймейстеры смотрѣли очевидно такъ: — «мы не вмѣшиваемся въ вашу революціонную табель о рангахъ и разсаживаемъ васъ по указанію рубрикъ вашего же списка». О второмъ мотивѣ возможно говорить только гадательно, такъ какъ никто изъ германскаго штаба не далъ на него прямого намека: нѣмцы, превосходно зная о томъ, что творится въ Россіи, и собственными глазами видя, что военная консультація — на второмъ планѣ въ делегаціи, не хотѣли создать для русскихъ офицеровъ ложнаго положенія, изъ-за котораго у нихъ могли бы выйти непріятности съ фактическими хозяевами русскаго взбаламученнаго моря.

Избѣгая всего этого, хозяева офицерскаго собранія усадили товарища Іоффе между принцемъ Леопольдомъ и генераломъ Гофманомъ, въ центрѣ поставленнаго покоемъ главнаго стола въ средней изъ трехъ комнатъ столовой. Рядомъ съ принцемъ оказался и Каменевъ, а противъ нихъ — лѣвые эсэры Масловскій и Биценко, окруженная двумя балканскими союзниками нѣмцевъ, Цеки-пашей и болгарскимъ флигель-адъютантомъ, занимавшимъ делегатку разговоромъ на отличномъ русскомъ языкѣ. Впрочемъ, эту единственную въ собраніи даму не оставлялъ вниманіемъ и генералъ Гофманъ: онъ то и дѣло обращался къ ней черезъ столъ съ любезностью, носившей характеръ явнаго интереса къ гостьѣ.

Я, какъ и всѣ военные консультанты, оказался въ смежной комнатѣ въ обществѣ менѣе значительныхъ лицъ германской ставки. Отсюда, однако, возможно наблюдать за всѣми и слышать обрывки разговоровъ за другими столами. Рядомъ со мной — кирасирскій маіоръ фонъ-Камеке, комендантъ штабъ-квартиры, еще недавно съ расчетливой скромностью называвшій укладъ жизни въ ставкѣ жизнью «бивуака».

«Бивуакъ» офицерскаго собранія блисталъ, однако, изысканностью снѣжно-бѣлыхъ скатертей, роскошной сервировки вплоть до всѣхъ сортовъ бокаловъ, стаканчиковъ и рюмокъ у каждаго прибора, такъ какъ и подававшееся въ изобиліи вино было разнообразно. Много цвѣтовъ и печатныя карточки меню. Прислуживали расторопные вѣстовые.

Не былъ слишкомъ оживленнымъ первый обѣдъ. Та и другая сторона воздержались отъ офиціальныхъ рѣчей или даже короткихъ тостовъ. Но и полнаго молчанія, по первоначальной программѣ деле-

гаціи Смольнаго, также не было. Только говорили исключительно о «постороннемъ», пользуясь нѣмецкимъ, русскимъ и даже французскимъ языкомъ. Темы чаще всего — или узко-мѣстная жизнь или словесныя экскурсіи по былымъ Россіи и Германіи, такъ какъ среди присутствовавшихъ оказалось немало такихъ, кто до войны побывалъ «у враговъ». Одинъ изъ моихъ сосѣдей, представитель Австро-Венгріи, маіоръ Покорный жилъ, напримѣръ, долгое время въ Москвѣ и отлично владѣлъ русскимъ языкомъ. Другой мой сосѣдъ, комендантъ, не прочь выставить на показъ «быстроту и натискъ» своей хозяйской работы. Изъ моего съ нимъ обѣденнаго разговора и сталъ извѣстенъ секретъ молніеноснаго приспособленія помѣщеній зала совѣщаній и квартиръ для делегатовъ.

Надо полагать — коменданту очень хотѣлось показать мнѣ, русскому офицеру, что онъ не напрасно смѣнилъ кирасу на хозяйскій глазъ тылового коменданта:

— Телефонируютъ вчера вечеромъ: не восемнадцать, а двадцать восемь человѣкъ. Перешли проволоку, ѣдутъ. За мной дѣло не станетъ. Пришлось нашей лейтенантской молодежи потѣсниться, но ваши всѣ устроены и, надѣюсь, удобно. А залъ совѣщаній, если обратили вниманіе, даже наново обоями оклеенъ.

Къ моему сожалѣнію, я не имѣлъ возможности хорошо услѣдить за тѣмъ, какъ «боролись на обѣденномъ фронтѣ» матросъ, солдатъ, рабочій и крестьянинъ, на этотъ разъ игравшіе, конечно, шиворотъ-навыворотъ, первую роль въ пролетарско-буржуазномъ состязаніи. Главарей большевиковъ спасала ихъ интеллигентская потертость, такъ что они въ своихъ подержанныхъ пиджачныхъ костюмахъ (обзавелись новенькими въ слѣдующій пріѣздъ) и съ прикушеннымъ для революціонныхъ выпадовъ языкомъ не создавали особенно рѣзкой дисгармоніи съ мундирами и фраками сосѣдей. «Представители всѣхъ революціонныхъ классовъ», наоборотъ, здѣсь «представляли красную Россію» особенно выпукло.

По ироніи судьбы, офицерское собраніе, для котораго было предусмотрѣно молчаніе, было единственнымъ мѣстомъ, гдѣ при встрѣчѣ съ нѣмцами раскрывались ихъ уста, потому что въ залѣ засѣданій всѣ четверо не проронили ни звука до самаго отъѣзда.

За обѣдомъ они такъ или иначе разговаривали.

Одинъ изъ такихъ разговоровъ мнѣ удалось наблюдать. Принцъ Леопольдъ обратился съ какимъ-то вопросомъ къ сидѣвшему наискосокъ отъ него рабочему Обухову. Всѣ невольно притихли, и изъ нашей комнаты можно было видѣть, какъ рабочій, нѣсколько смущенный, но не желающій этого показать, принялъ развязную позу — палецъ за жилетку — и отвѣчаетъ принцу, сидя бочкомъ.

Крестьянинъ Сташковъ съ принцемъ не разговаривалъ, но велъ-таки посильные дипломатическіе переговоры съ прислуживающимъ вѣстовымъ. У крѣпкаго старика была своя «программа-максимумъ» по отношенію къ подававшемуся за столомъ вину, которому Сташковъ отдавалъ за обѣдомъ усиленную честь. Никогда не отказывался, но заботливо освѣдомлялся у сосѣдей:

— Которое покрѣпче? Красненькое, бѣленькое — намъ все равно, только бы поздоровѣе было.

Программу «представителя крестьянства» удовлетворяли, какъ могли, и качествомъ и количествомъ. Къ концу обѣда Сташковъ, и безъ того не блѣдный, налившимся, благодушно-довольнымъ лицомъ оправдывалъ репутацію «краснаго» делегата.

Обѣдъ былъ изъ трехъ блюдъ, фруктовъ и кофе. Слишкомъ тонкимъ назвать его затрудняюсь, но сравнительную съ парадностью сервировки его простоту покрывало изобиліе винъ, за которыми послѣдовалъ любимый кейфъ Германіи — сигары. Для меня, курящаго только изрѣдка, оказались нелегко переносимыми сигарные вулканы, усердно извергавшіе изобильный сизый дымъ.

Подогрѣтое виномъ и шампанскимъ настроеніе обѣдающихъ къ концу обѣда повысилось. Стало шумнѣе. Оживленнѣе заговорили даже самые молчаливые.

Въ нашемъ углу, гдѣ сигарный дымъ коромысломъ, тоже поразвязались языки. Говоримъ о близкомъ концѣ войны, строимъ возможные планы иного устройства личной жизни. Довольно попыхиваетъ сигарой маіоръ фонъ-Камеке, ласково улыбается австріецъ Покорный, и плутовски поблескиваютъ острые глазки сидящаго напротивъ меня германскаго капитана Гея, начальника развѣдывательнаго отдѣленія штаба Восточнаго фронта.

Сигналъ конца обѣда даетъ принцъ Леопольдъ, встаетъ и порывистымъ жестомъ отставляетъ свой стулъ. И всѣ встаютъ.

Послѣ обѣда задерживаются на короткое время въ гостиной, гдѣ подается баварское пиво и докуриваются сигары. Въ день перваго обѣда тамъ задержались совсѣмъ ненадолго, потому что предстояла ночная работа. Позже эта гостиная служила иногда мѣстомъ, дающимъ германскому офицерству возможность подчеркнуть разницу между большевиками и русскимъ офицерствомъ: условія гостиной позволяли оказать большее вниманіе собесѣднику-офицеру, не задерживая делегатовъ-политиковъ.

Здѣсь мнѣ впослѣдствіи пришлось разговаривать съ принцемъ Леопольдомъ, который охотно заговаривалъ съ тѣми, кто зналъ нѣмецкій языкъ, и избѣгалъ разговоровъ черезъ переводчика. Принца заинтересовало, что я хорошо говорю по-нѣмецки, и онъ задалъ вопросъ, почему имеяно я, офицеръ русскаго генеральнаго штаба, такъ хорошо владѣю этимъ языкомъ.

— Я — уроженецъ Прибалтійскаго Края.

— О, тогда это вполнѣ понятно. А у васъ есть родственники въ Прибалтикѣ?

— Да, по моимъ свѣдѣніямъ, сестра осталась въ Ригѣ.

Рига въ то время уже была занята германскими войсками, и принцъ предложилъ мнѣ помочь снестись съ ней письменно. Рига вѣдь въ предѣлахъ его фронта. Я поблагодарилъ за любезность и просилъ разрѣшенія воспользоваться въ будущемъ этимъ предложеніемъ.

Къ числу моихъ гостиныхъ разговоровъ съ нѣмецкимъ офицерствомъ относится и еще одинъ, болѣе поздній, имѣвшій значеніе и за предѣлами гостиной брестскаго офицерскаго собранія. Иначе и быть

не могло, потому что въ этомъ разговорѣ съ правой рукой генерала Гофмана, маіоромъ Бринкманомъ, мнѣ пришлось, формально разъясняя позицію делегаціонныхъ политиковъ, высказать мысль, которая была непремѣнной для русскаго офицерства и для всего русскаго народа, за исключеніемъ тѣхъ, кто съ самаго начала былъ готовъ на «похабный» миръ и разсуждалъ:

— Мы — самарскіе. До насъ нѣмецъ не дойдетъ.

Въ этомъ разговорѣ маіоръ Бринкманъ осторожно освѣдомился, какой именно смыслъ вкладываютъ полномочные делегаты въ настойчиво повторяемую фразу о мирѣ «безъ аннексій и контрибуцій». Его интересовало, подводится ли подъ понятіе аннексіи вооруженная оккупація австро-германскими арміями уже занятыхъ русскихъ территорій.

Я поспѣшилъ разъяснить, что съ русской стороны безусловно считаютъ: очищеніе австро-германскими войсками всей русской территоріи до границъ 1914 года — неизбѣжный пунктъ будущаго мира.

Тогда маіоръ Бринкманъ, въ свою очередь, сталъ нащупывать другое: усматриваемъ ли мы, русскіе, указаніе, что австро-германскія войска обязуются очистить всю занятую ими территорію, въ декларація министровъ иностранныхъ дѣлъ Германіи и Австро-Венгріи? Дипломатичность текста этихъ декларацій дала мнѣ возможность выдвинуть наиболѣе выгодное для Россіи утвержденіе:

— Безусловно. Въ Россіи увѣрены, что декларація Кюльмана и графа Чернина вовсе не отклоняютъ возможности возврата русскихъ земель.

— Ахъ вотъ какъ? Значитъ, у васъ допускаютъ такое толкованіе?

Я подтвердилъ еще разъ, а насторожившійся Бринкманъ не замедлилъ доложить о нашей бесѣдѣ генералу Гофману, который, какъ теперь ясно изъ его воспоминаній, и на этотъ разъ оказался «солдатомъ», исправляющимъ промахи дипломатовъ. Только въ этомъ случаѣ пришлось дѣлать указанія не противникамъ, а настаивать передъ своими. Мой разговоръ съ Бринкманомъ заставилъ генерала Гофмана забить тревогу противъ слишкомъ тонкихъ формулировокъ дипломатическихъ кабинетовъ:

— Нельзя допустить, чтобы русская делегація съ подозрительной охотой, несмотря на первоначальную браковку, пріобщившая тексты декларацій министровъ иностранныхъ дѣлъ Германіи и Австро-Венгріи къ протоколу совѣщаній, истолковывала ихъ, чуть ли не какъ обязательство отвода австро-германскихъ войскъ при заключеніи въ будущемъ мира.

Дать противнику насторожиться и загодя исправить возможный въ будущемъ промахъ — пожалуй, невыгодный маневръ. Но могъ ли я иначе отвѣтить? Не расписаться же въ томъ, что въ Россіи всѣ примирились съ намѣреніемъ Германія держать подъ нѣмецкимъ штыкомъ многія тысячи квадратныхъ верстъ русской земли даже послѣ заключенія мира. А кромѣ того, въ близкій будущій позоръ Россіи, на чело которой было поставлено рабское клеймо въ томъ же Брестѣ

черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, тогда, въ первые дни Бреста, далеко не вѣрилось. И не «платоническимъ» казалось, увы, несбыточное патріотическое убѣжденіе. Въ силу этого твердость отвѣта временно имѣла и свое прямое положительное значеніе: руководителямъ переговоровъ съ германской стороны, хоть на время, пришлось считаться съ сопротивленіемъ грядущему позору со стороны внѣ-большевицкаго русскаго общества и офицерства.

ГЛАВА VIII.

Протокольная комиссія и наши условія перемирія.

Промахъ Іоффе. — Связи еще нѣтъ — спасаемъ иллюзію подготовленности. — Контръ-адмиралъ Альтфатеръ. — Протокольная комиссія. — Товарищи ломятся въ открытую дверь. — Протоколы Бреста — судъ надъ правительствами. — Порядокъ совѣщанія военной консультаціи. — За длительный срокъ. — Непереброски войскъ. — Очищай наши острова. — Доводы противъ требованія Альтфатера. — «Величіе». — Принято безъ споровъ. — Лишающее смысла «лишеніе».

Вечеромъ того же 20 ноября (3 декабря) делегація приступила къ тому, что, во всякомъ случаѣ, много болѣе заслуживаетъ названіе работы, чѣмъ агитаціонное словоизверженіе воротилъ Смольнаго на первомъ утреннемъ засѣданіи.

Ген. Гофманъ категорически предложилъ представить русскія условія перемирія. Іоффе, можетъ быть, не хотѣлъ спѣшить, но положеніе иниціаторовъ переговоровъ обязывало, возможность дальнѣйшей отсрочки была исключена, не удовлетворить и на завтра представителей Германіи и ея союзниковъ было просто немыслимо.

Однако, изыскивая на спѣхъ способы отсрочки представленія пунктовъ перемирія съ русской стороны, Іоффе не сообразилъ, что имъ былъ допущенъ курьезнѣйшій промахъ. Онъ потребовалъ отсрочки представленія своего проекта условій перемирія, сославшись весьма неудачно на то, что пока еще не установлена прямая телеграфная связь съ Петербургомъ и русскимъ высшимъ командованіемъ. Ни однимъ словомъ не возразилъ ген. Гофманъ, даже не освѣдомился, для чего, собственно говоря, необходима эта связь съ первыхъ же шаговъ.

Насколько возможно было судить по ходу состоявшагося затѣмъ совѣщанія изъ однихъ только военныхъ консультантовъ, пункты договора о перемиріи отсутствовали не только въ видѣ готовой письменной формулировки, но и въ видѣ сколько-нибудь ясныхъ для Іоффе и Ко. предположеній. Адмиралъ Альтфатеръ, который, какъ старшій въ чинѣ, принялъ на себя руководство совѣщаніемъ военной консультаціи, просто не имѣлъ времени напередъ договориться съ главарями делегаціи, такъ какъ мы начали совѣщаніе вскорѣ же послѣ обѣда въ офицерскомъ собраніи. За какіе-нибудь четверть часа ни о чемъ не договоришься, тѣмъ болѣе съ людьми, ни аза въ глаза не знающими въ военномъ дѣлѣ. Этого времени не хватило бы и для кратчайшаго

ознакомленія ихъ съ техническимъ подходомъ къ сложному вопросу, не то, чтобы добиться ихъ «руководящихъ» указаній. Такихъ указаній и не было дано. По крайней мѣрѣ, контръ-адмиралъ Альтфатеръ ни словомъ о нихъ не упомянулъ во время совѣщанія и велъ его такъ, какъ будто военная консультація вполнѣ самостоятельна.

У большевиковъ было полное довѣріе къ Альтфатеру, умѣвшему держаться съ ними вполнѣ согласнаго тона и во-время ввернуть словцо, окрашивающее «по-революціонному» даже фронтовые вопросы. Назоветъ, напримѣръ, упирающійся въ берегъ Балтійскаго моря правый флангъ нашего Сѣверо-Западнаго фронта «подступами къ Красному Питеру», и эта редакція сразу же окраситъ для большевиковъ въ политическій тонъ фронтовой вопросъ, подскажетъ эффектную фразу для будущихъ безчисленныхъ отчетовъ передъ безконечными митингами и съѣздами. Разработка проекта перемирія казалась большевикамъ вѣрнымъ дѣломъ въ такихъ рукахъ, какъ у Альтфатера. А офицеры ничего испортить не могутъ: они будутъ безусловно способствовать тому, чтобы проектъ былъ съ «запросомъ», соблюдая букву инструкціи «о защитѣ интересовъ фронта какъ нашего, такъ и союзнаго», тѣмъ болѣе, что эта буква совпадаетъ съ ихъ личными чувствами военныхъ. А отказаться въ порядкѣ торга отъ запрошенной цѣны всегда возможно, даже не спрашивая мнѣнія военныхъ консультантовъ.

Словомъ, вечеромъ заработали двѣ комиссіи: одна чисто-русская и чисто-военная, въ которую вошелъ и я, а другая — смѣшанная изъ представителей обѣихъ делегацій, созданная для совмѣстнаго редактированія и установленія идентичнаго текста протоколовъ перваго засѣданія. Какъ шла работа въ этой послѣдней комиссіи, я знаю только по наслышкѣ, но охарактеризовать эту работу могу, не искажая былой дѣйствительности.

Въ смѣшанную комиссію по свѣркѣ протоколовъ вошли съ красной стороны: Каменевъ, Караханъ и Мстиславскій, а со стороны Германіи и ея союзниковъ — переводчикъ капитанъ Гей, маіоръ фонъ-Мирбахъ, совѣтникъ Анастасовъ и ротмистръ фонъ-Шмидтъ, т. е. по одному отъ каждаго государства, если принять во вниманіе, что Мирбахъ былъ австріецъ, а Шмидтъ удачно совмѣщалъ въ себѣ нѣмца съ туркомъ, будучи германскимъ инструкторомъ въ турецкихъ войскахъ.

Техника работы была такова: та и другая сторона представляла свой текстъ (нѣмцы явились уже съ готовымъ отлитографированнымъ текстомъ), редакціи параллельно свѣрялись, и сторонамъ предоставлялось право доказывать правильность именно своей редакціи, внося добавленія или перемѣны, если то или иное мѣсто протокола изложено недостаточно ясно или правильно.

Совершенно по разному отнеслись стороны къ этой работѣ. Для нѣмцевъ и ихъ союзниковъ (не они предложили строго вести протоколы) это была почти ненужная формальность. Возможно, что, заготовляя свою редакцію, нѣмецкій переводчикъ и постарался придать собственный оттѣнокъ нѣкоторымъ мѣстамъ протокола; напримѣръ, имъ было фиксировано, что Іоффе сказалъ: «на приглашеніе союзниковъ русское правительство не получило никакого отвѣта», тогда какъ на самомъ дѣлѣ было заявлено лишь о неполученіи «точнаго» отвѣта.

Однако, этой преднамѣренности или случайности, такъ какъ капитанъ Гей владѣлъ русскимъ языкомъ далеко не безукоризненно, съ нѣмецкой стороны не придавалось ровно никакого значенія. Вносятся съ красной стороны поправки — и всѣ четыре представителя противниковъ принимаютъ ихъ, не оспаривая, по первому заявленію. Иначе дѣйствуетъ Каменевъ съ товарищами. Ихъ «боевая» натура требуетъ натиска даже тогда, когда приходится ломиться въ открытую дверь. Каждое заявленіе о поправкѣ усиленно аргументируется съ подчеркиваніемъ ущерба для «идейной» стороны протокола.

«Ловятъ» нѣмцевъ на томъ, что тутъ или тамъ они пропустили кличку «всеобщій» при словѣ «миръ» въ устахъ большевицкаго оратора. Нужно же показать, что сепаратный миръ для Смольнаго не пріемлемъ! Указываютъ: нужно непремѣнно сдѣлать добавку къ словамъ ген. Гофмана, что «здѣсь налицо только военные, уполномоченные говорить только о чисто-военномъ вопросѣ перемирія». Добавить: «только военные со стороны Германіи и ея союзниковъ», иначе и всеполномочные «политики» Смольнаго оказываются разжалованными только въ делегаты русскаго фронта. Несовмѣстимо это съ достоинствомъ вождей «всего міроваго пролетаріата»!

Настаиваютъ даже на такой тонкости, какъ Каменевская оцѣнка характера мирныхъ декларацій Кюльмана и Чернина. Сказалъ Каменевъ: «не видно дѣйствительнаго присоединенія къ всеобщему миру безъ аннексій и контрибуцій, который провозглашенъ Русской Революціей», а нѣмецкій текстъ передаетъ: «Русскій уполномоченный, господинъ Каменевъ выражаетъ сожалѣніе, что телеграммы графа Чернина и статсъ-секретаря Кюльмана не во всѣхъ частностяхъ соотвѣтствуютъ желаніямъ русской демократіи».

Къ этимъ тремъ пунктамъ протокола, въ сущности, и свелись всѣ основныя и неоспариваемыя противниками поправки большевицкаго тріо, но копья ломались усиленно,

Отпраздновать эту протокольную побѣду Каменеву удалось только черезъ четыре дня, когда онъ давалъ отчетъ о поѣздкѣ въ Брестъ на соединенномъ засѣданіи «Центр. Исполн. Комитета Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ», собранномъ 24 ноября (7 декабря). Заканчивая отчетъ, онъ приберегъ для финальнаго эффекта «оружіе» Брестскихъ протоколовъ, потрясая которыми заявилъ:

«Мы были смѣлы, такъ какъ мы выражали стремленіе народовъ всего міра къ миру. Съ одной и съ другой стороны испробована сила штыковъ, но не использована еще сила революціоннаго энтузіазма народовъ всего міра, а эта сила огромна. На съѣздѣ 5-ой арміи въ Двинскѣ, передъ тѣмъ, какъ перейти русскіе окопы, я сказалъ: мы ѣдемъ не только мириться, но и судить. Мирить народы, судить правительства, повинныя въ войнѣ и ея затягиваніи. Первый шагъ этого суда — это протоколы нашихъ переговоровъ, и по нимъ народъ разсудитъ, кто правъ, тѣ ли, кто провозгласилъ всеобщій миръ и работаетъ для него, или тѣ правительства, которыя ему мѣшали и мѣшаютъ».

Тѣмъ временемъ у членовъ военной консультаціи шла иная работа, въ основѣ которой лежало искреннѣйшее желаніе оградить Россію отъ

преступленія измѣны союзникамъ. Досаднымъ въ этой работѣ было, что участники совѣщанія не могли питать почти никакихъ надеждъ на конечный успѣхъ своей работы и иллюзій своей роли оградителей военной чести Россіи. Все цѣннѣйшее въ этомъ смыслѣ можетъ быть легче легкаго отвергнуто несговорчивымъ Гофманомъ, а хозяева положенія съ русской стороны, большевики, нѣсколькими росчерками пера «полномочныхъ» еще проще скрѣпитъ позоръ нашей Родины во имя своей личной выгоды захватчиковъ власти.

Совѣщаніе военной консультаціи устроилось въ одной изъ предоставленныхъ пріѣзжимъ русскимъ офицерамъ комнатъ, достаточно вмѣстительной, потому что ее занимали сразу нѣсколько человѣкъ.

Порядокъ веденія совѣщанія опредѣлился самъ собой по тѣмъ нормамъ военнаго обычая, которыя существовали изстари. Руководителемъ явился старшій въ чинѣ к.-адмиралъ Альтфатеръ, остальные высказывали свое мнѣніе по отдѣльнымъ пунктамъ проекта договора, и производилось нѣчто вродѣ голосованія окончательной редакціи каждаго подготовленнаго пункта: каждый долженъ былъ заявить о согласіи или несогласіи съ нею. Рѣшающая роль принадлежала въ концѣ концовъ к.-адмиралу Альтфатеру, которому, впрочемъ, не приходилось колебаться между двумя или многими мнѣніями, потому что единодушія было не въ примѣръ больше, чѣмъ разногласій.

Руководство Альтфатера носило всѣ признаки свойственной его натурѣ активности (больше всѣхъ говорилъ) и способности увлекаться (былъ инниціаторомъ всѣхъ преувеличеній).

«Услуга» болгарскаго полковника ген. Гофману сказалась и на работѣ нашего совѣщанія: стали для удобства придерживаться схемы извѣстнаго намъ только по заголовкамъ германскаго контръ-проекта, который родился раньше нашего запоздало-«иниціативнаго».

Разногласія между участниками вызвалъ уже первый пунктъ — срокъ перемирія.

Особенно короткаго срока перемирія не предлагалъ никто. Слишкомъ очевиднымъ было, что при крайней растянутости русскаго фронта, при его развалѣ и частичныхъ параличахъ связи изъ-за революціи и распутицы, срокъ въ недѣлю, дней въ десять совершенно непріемлемъ. До многихъ частей приказъ о перемиріи дошелъ бы лишь тогда, когда договоръ о немъ потеряетъ силу. Потому наименьшій изъ названныхъ сроковъ былъ 28 дней.

Но тутъ же выдвинулась и другая, крайняя тенденція: выставить полугодовой срокъ. Мотивомъ такого срока было стремленіе по возможности оттянуть окончательное рѣшеніе вопроса о выходѣ Россіи изъ войны, не считаясь съ мнѣніемъ союзниковъ. Въ концѣ концовъ рѣшили остановиться на этомъ крайнемъ срокѣ.

Безъ особыхъ преній былъ принятъ второй пунктъ о 72 часахъ, какъ о срокѣ возобновленія военныхъ дѣйствій въ случаѣ перерыва въ послѣдующихъ переговорахъ.

Совсѣмъ въ духѣ дѣйствительнаго огражденія интересовъ фронта нашихъ союзниковъ былъ разработанъ третій пунктъ, воспрещающій переброску на участкахъ одного фронта, съ одного фронта на другой, съ фронта въ тылъ и изъ тыла на фронтъ всѣхъ, кромѣ уволенныхъ

отъ службы, больныхъ, раненыхъ и отпускныхъ. Большаго въ смыслѣ гарантіи, что перемиріе не умножитъ численности австро-германскихъ частей на Западномъ фронтѣ противъ союзниковъ, придумать было немыслимо. Но чрезмѣрность этой формулы была ясна сама собою. Вѣдь австро-германское командованіе связывалось при этомъ и въ переброскахъ на участкахъ Западнаго фронта, т. е. теряло бы возможность всякой маневренной войны и собиранія своихъ знаменитыхъ «кулаковъ», тогда какъ обязать къ тому же французовъ и англичанъ мы, яснѣе яснаго, и не брались.

При установленіи четвертаго пункта о «демаркаціонной линіи» Альтфатеръ проявилъ верхъ иниціативы, поднявъ вопросъ объ островахъ Даго, Эзель, Моонъ и остальныхъ Моонзундскихъ. Категорическимъ требованіемъ съ его стороны было очищеніе нѣмцами этихъ острововъ. Составъ военной консультаціи позволилъ себѣ критиковать предложеніе Альтфатера. Умѣстно ли требовать у врага оставленія территоріи, занятой имъ у насъ силой оружія, не роняетъ ли это русскаго военнаго достоинства, какъ бы явно указывая, насколько ущемлена огромная по пространству Россія занятіемъ территоріально незначительныхъ острововъ?

Критика не сломила рѣшимости Альтфатера. Онъ обрисовалъ исключительную важность этого пункта перемирія въ дѣлѣ организаціи морской обороны Балтійскаго моря, и въ этомъ было не переспорить моряка представителямъ сухопутнаго фронта. Очищеніе же Моонзунда Альтфатеръ считаетъ «стратегической справедливостью», т. к. при возобновленіи военныхъ дѣйствій воюющія стороны имѣли бы равные шансы на занятіе острововъ и на развитіе дальнѣйшихъ операцій.

Въ текстъ проекта перемирія въ концѣ концовъ было включено и очищеніе острововъ. Этотъ починъ Альтфатера вызвалъ черезъ нѣсколько дней громовыя статьи въ русской оппозиціонной печати, иронизировавшія надъ «мирной стратегіей» большевиковъ, воображающихъ, что нѣмцы отдадутъ назадъ то, что прозѣвано недавно уже тропутыми революціей арміей и флотомъ. А большевики использовали этотъ пунктъ для пышныхъ разговоровъ о «величіи» своей мирной политики, благо окончательная сдача всѣхъ «величественныхъ» позицій была еще впереди.

Работа совѣщанія военной консультаціи затянулась до утра. Но, конечно, въ иныхъ условіяхъ, не существуй обязательства товарища Іоффе представить «его» проектъ завтра же, мы посвятили бы этой работѣ не часы, а дни, и по возможности сгладили бы ея колющіе углы, даже оставивъ въ силѣ систему «запросовъ».

Часу въ четвертомъ Альтфатеръ отправился къ «полномочнымъ» съ текстомъ договора о перемиріи.

Долго ли, коротко ли обсуждался составленный нами проектъ «полномочными», не берусь сказать. Передавали мнѣ, что совсѣмъ не долго. Іоффе и Ко. отставили только одинъ изъ пунктовъ проекта о срокѣ вступленія договора въ силу. Большевикамъ не было выгодно его заранѣе фиксировать по какимъ-то политическимъ соображеніямъ. Пунктъ этотъ такъ и остался обойденнымъ.

На удивлеиіе многихъ изъ военной консультаціи большевики не прошлись уничтожающимъ перомъ по тѣмъ пунктамъ договора, въ которыхъ офицеры-консультаиты подчеркиули интересы русскаго и союзныхъ фроитовъ. Объясиеніе зтого явилось иа утро: Іоффе и Ко. очень мало стѣсиялись дѣлать «скидку» тутъ же въ залѣ засѣданій, а главное, готовнли свой отъѣздъ въ Петербургъ, рѣшивъ предпослать перемирію «пріостановку военныхъ дѣйствій» упрощеннымъ порядкомъ.

Остается еще сказать, что важнѣйшій дѣловой докумеитъ первой поѣздки «за миромъ» въ Брестъ, текстъ проекта перемирія, обошелъ всѣ офиціальиыя и офиціозныя газеты совѣтскаго правительства, но съ совершеино иелѣпой формулнровкой V пункта:

«Морскія суда... не могутъ... входить въ морскіе районы, подлежащіе лншеиію (вмѣсто «очищенію») воюющими страиами».

Это «лишеиіе» вбухалъ въ свои мемуары и ярый поборникъ точиости историческихъ протоколовъ-оправданій Масловскій-Мстиславскій, участиикъ первой трехдиевной поѣздки.

ГЛАВА IX.

Второй день.

Альтфатеръ читаетъ. — Первое впечатлѣніе отъ русскихъ условій. — Гофманъ не принялъ «удара». — Германія и большевизмъ за краткій срокъ перемирія. — Неожиданное повое предложеніе. — Каменеву не до терминовъ. — Гофманъ форсируетъ соглашеніе. — Польстилъ н съехидничалъ. — Гофманъ днктуетъ свон условія. — Проволока и столбы.

Передъ вторымъ засѣданіемъ 21 ноября (4 декабря) «боевое» иастроеніе чувствовалось много ярче, чѣмъ въ первый день, когда «воевали» — и то только въ сферѣ одиой «политики» — солисты-«полномочные». Предстоящее сообщеніе протнвникамъ выработаннаго иочью проекта договора о перемиріи взвинчивало весь составъ делегаціи, объединяя ее хотя бы механически.

Делегаціоиные политики дѣлаютъ даже нѣкоторый жестъ, подчеркивающій раздѣленіе труда въ петербургской делегаціи: огласить пункты проекта предоставляется «солдату» русской стороны, к.-адмиралу Альтфатеру.

Открывая засѣданіе, ген. Гофманъ со спокойной любезностью, за которой благодушная увѣренность, что вчерашней ненужной «политики» уже не будетъ, заявляетъ:

— Присутствующіе уполномочениые Германіи н ея союзниковъ готовы выслушать русскія предложенія объ условіяхъ перемирія.

К.-адмиралъ Альтфатеръ приступаетъ къ чтенію.

И въ его манерѣ читать, въ бѣгающей полу-улыбкѣ глазъ, въ задорномъ отчеканиваніи бьющихъ иа эффектъ пунктовъ проекта наглядно проступаетъ нѣкоторое свойственное его натурѣ легкомысліе, въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Далеко ие ограничеиный, Альтфатеръ легко справился со своей задачей старшины военной кон-

сультаціи, вырабатывая именно такой проектъ условій перемирія, который считалъ наиболѣе отвѣчающимъ духу арміи и, прежде всего, флота. Но онъ привносить въ оглашеніе этихъ условій какое-то озорство, легкомысленное уже потому, что историческій моментъ и ужасающее положеніе Россіи душевно исключаютъ всякую внутреннюю улыбку, не допускаютъ и тѣни школьническаго подхода къ происходящему: какъ-то, молъ, проглотитъ Гофманъ такую военную пилюлю?

И все-таки это неумѣстное школьничество отчасти заражаетъ насъ всѣхъ. Слишкомъ искренне на этотъ разъ хитроватый Альтфатеръ.

Нашъ переводчикъ В. П. Соколовъ, военный чиновникъ изъ правовѣдовъ, вообще говоря идеально схватывающій текстъ и передающій съ рѣдкой точностью, не упустивъ ни слова, длиннѣйшія тирады делегаціонныхъ говоруновъ, на этотъ разъ волнуется. А въ такихъ случаяхъ даетъ себя знать его небольшой недостатокъ, заиканіе. Обычно выравнивающій свою рѣчь послѣ первыхъ фразъ, Соколовъ тутъ не справляется съ собой, и остается невольное впечатлѣніе: боекъ военный задоръ петербургской делегаціи, пока она говоритъ своимъ языкомъ, а стоитъ этому задору перейти на нѣмецкую почву — и задоръ спотыкается даже въ устахъ русскаго же переводчика.

Проектъ произвелъ на генерала Гофмана и на его свиту впечатлѣніе физическаго удара, но приходилось удивляться, какъ владѣетъ своимъ духомъ руководитель нашихъ противниковъ, несмотря на то, что наружно онъ далеко не справился съ своей расходившейся кровью: побагровѣлъ, нахмурилъ брови, весь какъ-то ощетинился.

Такое же напряженіе людей, выслушивающихъ оскорбленіе, и на лицахъ большинства остальныхъ, кромѣ апатичнаго Цеки-паши. Двойное указаніе нашего проекта, что съ Турціей предлагается договориться особо, здѣсь, однако, непричемъ. Цеки просто не умѣетъ и не хочетъ понапрасну волноваться.

Потребовалось нѣкоторое время, чтобы ген. Гофманъ совсѣмъ овладѣлъ собой, и, не совѣщаясь ни съ кѣмъ изъ его союзниковъ, ровнымъ, мощнымъ, но не повышеннымъ голосомъ заявилъ:

— Съ точки зрѣнія Верховнаго Командованія я прежде всего долженъ выразить удивленіе, что со стороны русской делегаціи предлагаются условія, которыя были бы понятны только въ случаѣ военнаго разгрома Германіи и ея союзниковъ. Я полагаю, что фронтовая обстановка противорѣчитъ этому, и считаю своимъ долгомъ это подчеркнуть... Но все же въ интересахъ дѣла я полагалъ бы возможнымъ перейти къ постатейному обсужденію выслушаннаго нами предложенія.

Яснымъ стало одно: ген. Гофманъ намѣренъ вести переговоры во что бы то ни стало.

Напряженности въ залѣ совѣщанія какъ не бывало.

Ген. Гофманъ и его сотрудники по-прежнему безстрастны; охладѣлъ даже экспансивный болгарскій делегатъ Гаятчевъ, за минуту до того готовый взорваться. Съ нашей стороны, гдѣ составъ столь различенъ по взглядамъ и по настроенію, двойственное чувство: и жаль, что «ударъ» оказался впустую, и облегченіе: переговоры все-таки продолжаются.

— Переходя къ обсужденію первыхъ пунктовъ договора о перемиріи, я долженъ напомнить, что Германія и ея союзники вчера неоднократно выслушивали желаніе русской делегаціи, чтобы перемиріе непосредственно перешло въ переговоры о мирѣ. Такъ какъ это вполнѣ соотвѣтствуетъ также желанію Германіи и ея союзниковъ, то я вчера предлагалъ возможно болѣе краткосрочное перемиріе. Оно можетъ быть автоматически продлено, и срокъ предупрежденія о прекращеніи перемирія можетъ быть установленъ при дальнѣйшемъ обсужденіи».

Отказъ отъ перемирія на срокъ въ 6 мѣсяцевъ былъ предрѣшенъ главарями красной делегаціи, но способъ выйти изъ щекотливаго положенія былъ избранъ ими настолько кривой по формѣ, что онъ на нѣкоторое время сбилъ съ толку внимательныхъ къ смыслу каждаго термина противниковъ. На предложеніе ген. Гофмана о болѣе краткомъ срокѣ отвѣчалъ Каменевъ и, не оттѣнивъ должнымъ образомъ, что онъ вноситъ совершенно новое предложеніе (безъ прямого отношенія къ только что прочтенному проекту), заговорилъ о краткосрочномъ «перемиріи» на восемь-десять дней. Во время такого предварительнаго «перемирія» — предлагалъ Каменевъ — русское правительство имѣло бы возможность еще разъ обратиться къ своимъ союзникамъ съ предложеніемъ принять участіе во всеобщемъ перемиріи на всѣхъ фронтахъ.

Съ 6 мѣсяцевъ — на 8 дней!

Каменева занимала не техническая сторона, а пышныя мотивировки:

«Для русской делегаціи дѣло идетъ о томъ, чтобы установить принципы длительнаго перемирія, которое давало бы время для мирныхъ переговоровъ, а эти переговоры стали бы болѣе близкими, если бы удалось уже сейчасъ установить эти принципы. Этимъ облегчалась бы возможность примкнуть къ перемирію здѣсь неприсутствующимъ воюющимъ странамъ и, такимъ образомъ, борьба народовъ Россіи за миръ получила бы болѣе широкую базу».

Ген. Гофманъ обрубаетъ эту «идеологію»:

— Еще разъ подтверждаю то, о чемъ говорилъ вчера: въ обсужденіе мирныхъ предложеній и мирныхъ условій мы входить не уполномочены, а потому всѣ эти разсужденія не приводятъ къ цѣли. И думаю, что Центральныя державы едва ли готовы еще разъ обращаться къ своимъ врагамъ на Западѣ съ просьбой объ открытіи мирныхъ переговоровъ.

Пренія грозили бы безконечно затянуться, если бы Гантчевъ не предложилъ объявить перерывъ засѣданія, который и былъ объявленъ въ 12 ч. 5 мин.

За время перерыва и непосредственно послѣ него выяснилось, что «написанное перомъ» легко вырубается даже безъ топора: каменевская ошибка въ терминологіи вскрылась, какъ только добрались до фиксированнаго нѣмецкимъ переводчикомъ, капитаномъ Геемъ, слова «перемиріе на восемь-десять дней». Не вязалось это съ упираніемъ на желательность длительнаго перемирія, создавая какую-то запутанную двойственность въ предложеніи Каменева. Ознакомленіе съ записью Гея разъяснило неувязку, и подходящій терминъ «пріостановка военныхъ дѣйствій» былъ наконецъ найденъ.

Договоренность могла бы положить предѣлъ переговорамъ въ той формѣ, въ какой они начались. Я и многіе ждали, что ген. Гофманъ отложитъ теперь въ сторону ночной проектъ военной консультаціи и скажетъ:

— Хорошо, подождемъ. Но въ такомъ случаѣ представьте ваши условія этой «пріостановки военныхъ дѣйствій».

Случилось иначе. Ген. Гофманъ не сдѣлалъ ни одного упрека за то, что совѣщаніе потеряло время на заслушиваніе русскаго проекта условій перемирія, если сами русскіе этого перемирія пока еще не хотятъ. Для него прочное перемиріе, слишкомъ очевидно, было интереснѣе всякихъ отсрочекъ и проволочекъ, и онъ, съ согласія Іоффе, возобновилъ обсужденіе альтфатерскихъ пунктовъ.

Было опять-таки непонятнымъ, почему Іоффе и Ко. спрятали въ карманъ свое новое предложеніе и вернулись къ обсужденію стараго.

Одно за другимъ слѣдуютъ два предложенія по первымъ пунктамъ: предложеніе ген. Гофмана о срокѣ перемирія въ 14 дней и предложеніе Іоффе о срокѣ въ 72 часа для предупрежденія о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Въ отвѣтъ на первое предложеніе Іоффе пока отмалчивается, въ отвѣтъ на второе — ген. Гофманъ возражаетъ, требуя болѣе длительнаго срока и указывая:

«Война коалицій дѣлаетъ необходимымъ соглашеніе между союзниками, и это соглашеніе требуетъ времени. Такъ какъ перемиріе имѣетъ цѣлью открытіе мирныхъ переговоровъ, то оно могло бы быть прекращено только въ томъ случаѣ, если бы переговоры не привели къ желанной цѣли. Въ этомъ случаѣ необходимы были бы переговоры союзныхъ правительствъ, которые потребовали бы большаго времени».

Для обсужденія первыхъ двухъ пунктовъ, по предложенію со стороны пріѣзжихъ, объявляется перерывъ въ 12 ч. 30 мин. Слѣдующія затѣмъ 41 минута оказываются достаточными, чтобы шесть мѣсяцевъ военной консультаціи превратились въ 28 дней у сговорчивыхъ большевиковъ.

Въ 13 ч. 11 мин. засѣданіе возобновляется. Іоффе уже приготовилъ новую формулировку:

I. Перемиріе начинается 27 ноября (10 декабря) въ 14 часовъ (12 ч.) и продолжается до 25 декабря 1917 года (7 января 1918 года) до 14 часовъ (12 ч.). Обѣ стороны имѣютъ право возобновить военныя дѣйствія съ предупрежденіемъ въ семидневный срокъ. Если таковое предупрежденіе не воспослѣдуетъ, то перемиріе автоматически продолжается до тѣхъ поръ, пока одна изъ сторонъ не заявитъ въ семидневный срокъ о прекращеніи перемирія.

Ген. Гофманъ, форсируетъ ходъ совѣщанія такъ, какъ будто вопросъ о «пріостановкѣ военныхъ дѣйствій» для русскаго сговора съ союзниками просто отпалъ:

«Въ интересахъ ускоренія переговоровъ я соглашаюсь на двадцативосьмидневный срокъ перемирія и этимъ иду навстрѣчу русской делегаціи».

Вставляетъ вопросъ Каменевъ:

— А автоматически перемиріе продолжается опять на 28 дней или на сколько?

— Нѣтъ. Только на семь дней. И это, стало быть, будетъ первымъ пунктомъ нашего договора. Переходимъ къ обсужденію «второго» пункта русскаго проекта условій перемирія.

«Переходя къ пункту 2-му русскихъ условій (на самомъ дѣлѣ, это былъ «третій» пунктъ. Д. Ф.), я долженъ указать, что русская редакція приковываетъ къ мѣсту вооруженныя силы Германіи и ея союзниковъ на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Это, очевидно, категорически непріемлемо. Перемиріе на Востокѣ нимало еще не предопредѣляетъ переломъ военныхъ дѣйствій на Западѣ, а кромѣ того, такое условіе обрекаетъ на безплодныя лишенія окопнаго существованія множество людей, среди которыхъ многіе проводятъ въ окопахъ уже четвертую зиму. Германія всегда держалась системы перевода пострадавшихъ и вообще утомленныхъ частей съ активныхъ фронтовъ на спокойные участки, и отказаться отъ такой смѣны и отъ вывода войскъ съ передовыхъ позицій въ тылъ, она, конечно, не можетъ ни въ какомъ случаѣ. Россіи могутъ быть даны гарантіи лишь въ томъ, что никакихъ перегруппировокъ, которыя оказались бы угрозой русскому фронту съ нашей стороны производиться не будетъ. Вообще, при краткосрочномъ перемиріи не можетъ быть и рѣчи о крупныхъ, армейскаго масштаба, перебраскахъ съ Востока на Западъ».

Въ заключеніе ген. Гофманъ и «польстилъ» боеспособности развалившагося русскаго фронта, въ которую, конечно, нисколько не вѣрилъ, и умно съехидничалъ насчетъ внутренняго положенія большевиковъ.

— Вѣдь на русскихъ операціонныхъ путяхъ боевыя дѣйствія могутъ въ любой срокъ возобновиться: это само собой вынуждаетъ германское Верховное Командованіе сохранить основную группировку на Востокѣ неизмѣнной впредь до окончательнаго выясненія обстановки.

— Да и вамъ прикрѣпленіе войскъ къ фронту едва ли выгодно. Вамъ уже пришлось взять съ фронта часть войскъ внутрь страны для несенія полицейской службы. Весьма возможно, что и въ будущемъ въ этомъ явится новая необходимость.

И, не ожидая возраженій, предлагаетъ свою редакцію 2-го пункта, нацѣло отбрасывая нашу вчерашнюю «защиту интересовъ союзническаго фронта»:

«Перемиріе распространяется на всѣ сухопутныя и воздушныя военныя силы Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи на фронтѣ между Чернымъ и Балтійскимъ морями. Одновременно съ этимъ устанавливается перемиріе и на Русско-Турецкихъ театрахъ войны въ Азіи».

Послѣ совсѣмъ короткаго перерыва (по требованію съ германской стороны) оглашается и полный текстъ этой статьи съ такой добавкой къ предыдущему:

«Центральныя Державы, Болгарія и Турція обязуются не усиливать своихъ войскъ противъ Россіи во время перемирія и не принимать никакихъ перебросокъ войскъ, имѣющихъ своей цѣлью подготовку наступленія на русскомъ фронтѣ между Чернымъ и Балтійскимъ морями, а также на Русско-Турецкомъ фронтѣ въ Азіи. Точно также и Россія обязуется во время перемирія не предпринимать никакихъ войсковыхъ

передвиженій, которыя могли бы облегчить нападеніе на арміи четырехъ союзныхъ державъ. Стороны, заключающія договоръ, сохраняютъ за собой полную свободу въ вопросѣ освобожденія и расквартированія войсковыхъ частей».

У Іоффе и Ко. вдругъ пропадаетъ всякая энергія «требовать» и «возражать». Онъ заявляетъ о принятіи германской редакціи къ свѣдѣнію, предложивъ огласить весь остальной текстъ нѣмецкаго контръпроекта.

Можно было потомъ окрасить этотъ маневръ желаніемъ такъ или иначе выудить у нѣмцевъ ихъ условія, но ген. Гофманъ, давно перешедшій отъ выслушиванья къ диктовкѣ своего проекта, не смущается нимало и оглашаетъ условія Германіи и ея союзниковъ съ нѣкоторыми комментаріями къ отдѣльнымъ пунктамъ.

Поводъ возвратиться къ русскимъ условіямъ ген. Гофману даетъ только вопросъ демаркаціонной линіи съ альтфатеровской загвоздкой о Моонзундскихъ островахъ. Въ этомъ вопросѣ ген. Гофманъ не только диктуетъ, но и одергиваетъ:

«Считаю необходимымъ категорически подчеркнуть, что германское Верховное Командованіе должно отклонить русское предложеніе объ очищеніи острововъ Рижскаго залива. Исторія не знаетъ примѣра, чтобы, при равноправіи державъ, на обѣ стороны возлагались не одинаковыя обязательства, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ. Со своей стороны считаю русское предложеніе объ очищеніи острововъ абсолютно не подлежащимъ обсужденію».

Германскій проектъ, разработанный детальнѣе нашего, но въ общемъ, кромѣ пунктовъ о непереброскѣ и объ очищеніи Моонзундскихъ острововъ нѣмцами, мало расходящійся съ нашимъ, теперь сталъ извѣстнымъ Іоффе и Ко. Но отвѣта у нихъ нѣтъ. Вновь съ независимымъ видомъ они предлагаютъ отложить совѣщаніе до завтрашняго дня. Предложеніе принимается безъ спора и безъ вопроса, зачѣмъ, собственно говоря, понадобилась такая отсрочка. Вѣдь еще только 14 ч. 40 мин.

Рѣчь о телеграфной связи заходитъ опять, но только въ частномъ порядкѣ въ помѣщеніи русскаго телеграфа, гдѣ еще до сихъ поръ бездѣйствуютъ прибывшие съ нами юзисты. И безнадежно бездѣйствуютъ, такъ какъ прямого провода въ красный Питеръ еще нѣтъ, и даже связь съ русской стороной за окопами еще не установлена.

Удивляются большевики, строятъ предположенія, что въ Двинскѣ не оказалось необходимой проволоки, но германскій офицеръ связи разрушаетъ это предположеніе:

— Относительно проволоки не безпокойтесь. Проволока дана съ нашей стороны.

— Тогда, навѣрное, остановка за столбами или шестами...

— О, нѣтъ. Мы дали и столбы. Впрочемъ, — смягчаетъ иронію германскій офицеръ — на фронтовой линіи, кажется, сильно мететъ, заносы, очевидно, мѣшаютъ.

На этомъ и успокоились. Выручила-таки русская метель.

ГЛАВА X.

Третій день и отъѣздъ.

Іоффе изобрѣтаетъ директивы самому себѣ. — Прощальная декларація. — Я подозрѣвалъ. — Обмѣнъ любезностями. — Подкомиссія для составленія соглашенія о перерывѣ военныхъ дѣйствій. — Первый договоръ. — «Неофиціальный» обмѣнъ мнѣній. — Гофманъ упрекаетъ въ недовѣріи. — Вернули-таки братаніе и агитаціонную литературу. — Каменевъ за трезвость въ нѣмецкихъ окопахъ. — Намъ «мирная» литература не нужна. — Шкалинъ. — Контрибуція и аннексія «трудового крестьянства». — Инструкція мнѣ и Шишкину. — Отъѣздъ.

За ночь прямая связь съ Петербургомъ все-таки установилась.

Нашъ «юзъ» сталъ подавать признаки жизни, и заправилы политической делегаціи пытались переговариваться съ краснымъ Питеромъ. Отъ чиновниковъ-юзистовъ я на утро узналъ, что Іоффе и Ко. не было преподано абсолютно никакихъ новыхъ руководящихъ указаній.

Это были какъ разъ дни той революціонной метели, которая вдохновила Александра Блока на его извѣстное «Двѣнадцать». Грабежи и аресты, агитаціонная борьба съ полузадушенными партіями за первенство въ Учредительномъ Собраніи, стройка наспѣхъ новыхъ комиссаріатскихъ учрежденій, преслѣдованія «саботажниковъ», и, главное, новыя и новыя рѣчи на новыхъ и новыхъ денныхъ и ночныхъ митингахъ, собраніяхъ и съѣздахъ. Вождя революціи Ленина или комиссара иностранныхъ дѣлъ Троцкаго за ночь не поймали. Остались Іоффе и Ко. безъ директивъ.

Тѣмъ не менѣе, на слѣдующій день, играя въ прятки и передъ военной консультаціей и передъ ген. Гофманомъ, Іоффе и Ко. рѣшили спрятаться именно за такія, яко-бы полученныя изъ Смольнаго директивы.

Напрасной оказалась продѣланная военной консультаціей за ночь работа мотивированнаго сопоставленія двухъ редакцій условій перемирія, нашей и Гофмановской. Въ 11 часовъ 15 минутъ 22 ноября (5 декабря) главари делегаціи собрали насъ на частное засѣданіе для выработки текста прощальной деклараціи передъ рѣшеннымъ на сегодня отъѣздомъ обратно.

Не стараясь особенно детально обрисовывать передъ нами создавшееся положеніе, Іоффе огласилъ слѣдующую декларацію, которую онъ и политики рѣшили сдѣлать сегодня же нѣмцамъ:

«Послѣ сообщенія русской делегаціей условій перемирія, предполагаемыхъ Россіей, предсѣдателемъ делегаціи Германіи и союзныхъ ей державъ были оглашены и вручены намъ условія перемирія Центральныхъ Державъ и ихъ союзниковъ. Въ виду обнаружившихся разнорѣчій, обусловленныхъ отчасти также и различнымъ характеромъ полномочій, мы сообщили объ этихъ обстоятельствахъ нашему Верховному командованію. Верховное командованіе сегодня ночью сообщило намъ, что оно полагаетъ необходимымъ совмѣстное съ делегаціей обсужденіе указанныхъ обстоятельствъ, и предписало намъ

внести предложеніе о перерывѣ совѣщанія на недѣлю съ тѣмъ, чтобы слѣдующее засѣданіе было открыто въ два часа дня 12 декабря 1917 года (29 ноября 4 часа дня).

Русское верховное командованіе предлагаетъ возобновить засѣданіе въ гор. Псковѣ, если противъ выбора этого пункта не встрѣчается возраженій со стороны представителей союзныхъ державъ, и сохранить для сношеній, касающихся слѣдующаго засѣданія, установленную телеграфную связь (юзъ). Исходя изъ искренняго стремленія народовъ Россійской Республики къ всеобщему демократическому миру, мы выражаемъ твердую увѣренность, что дальнѣйшія работы совѣщанія, опирающагося на выяснившееся въ исходѣ работъ стремленіе представленныхъ странъ найти пріемлемую для обѣихъ сторонъ формулировку условій перемирія, приведутъ къ желанному результату, обезпечивъ переходъ къ мирнымъ переговорамъ».

О своемъ намѣреніи внести такую декларацію, разрывающую переговоры, Іоффе предупредилъ ген. Гофмана еще до офиціальнаго засѣданія, во время обычнаго завтрака въ офицерскомъ собраніи.

Гофманъ на минуту отбросилъ свою внѣ засѣданій привѣтливость, насупился, но не выразилъ особаго удивленія:

— Что дѣлать. Впрочемъ я подозрѣвалъ, что такъ оно и будетъ.

Обычнаго утренняго засѣданія такъ и не было. Послѣ завтрака состоялось частное совѣщаніе ген. Гофмана и представителей союзниковъ Германіи, соединившихся съ нами лишь въ 17 часовъ 5 минутъ (15 ч. 5 мин.).

Іоффе читаетъ приведенную выше декларацію. Съ германской стороны — невозмутимое спокойствіе. Совѣщаніе не прибѣгаетъ даже къ услугамъ переводчика: ген. Гофманъ лично прочитываетъ готовый нѣмецкій текстъ этой же, разрывающей переговоры, декларации и сразу же отвѣчаетъ:

«Долженъ выразить сожалѣніе, что начатые переговоры должны неожиданно прерваться. Само собою разумѣется, что нельзя противиться тому, чтобы они были отложены на недѣлю. Со своей стороны, однако, предлагаю возобновить засѣданія опять въ Брестъ-Литовскѣ, такъ какъ здѣсь все уже оборудовано для совѣщанія. Въ частности, ставка нашего Восточнаго фронта соединена проводами юза съ верховными командованіями Германіи и ея союзниковъ, а также и русская делегація соединена отсюда проложеннымъ уже проводомъ въ Петербургъ. Кромѣ того, за продолженіе совѣщанія именно въ Брестъ-Литовскѣ я долженъ выдвинуть серьезнѣйшій съ нашей стороны доводъ: ни я, какъ уполномоченный Германіи, ни представители нашихъ союзниковъ, совершенно очевидно, не имѣемъ возможности покинуть ставку даже на короткое время, такъ какъ всѣ мы по служебному положенію съ нею связаны. Для насъ оставить Брестъ-Литовскъ значило бы оставить свой постъ въ арміи. Россія же, какъ доказалъ пріѣздъ ея уполномоченныхъ въ Брестъ, имѣетъ возможность выслать въ германскую главную квартиру необходимыхъ для переговоровъ лицъ безъ ущерба для своихъ фронтовыхъ интересовъ».

Іоффе, съимпровизировавшій ночное распоряженіе «русскаго верховнаго командованія», тутъ же легко импровизируетъ и мотивы приглашенія нѣмцевъ въ Псковъ:

«Русское главное командованіе перенесеніемъ мѣста будущаго засѣданія въ Псковъ хотѣло лишь отвѣтить на гостепріимство, оказанное русской делегаціи въ Брестъ-Литовскѣ. Надѣюсь, что русское верховное командованіе не будетъ имѣть ничего противъ того, чтобы слѣдующее совѣщаніе состоялось опять въ Брестъ-Литовскѣ».

Ген. Гофманъ отвѣчаетъ новой любезностью — удовлетвореніемъ, что ему дана возможность не разъ привѣтствовать русскую делегацію въ Брестъ-Литовскѣ — и указываетъ, что его проектомъ перемирія предусмотрѣны частные случаи пріема союзныхъ делегацій въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ.

Отъѣздъ нашей делегаціи оказывается технически возможнымъ лишь вечеромъ, а потому ген. Гофманъ, всячески стараясь использовать первый пріѣздъ Іоффе и Ко. для наибольшей принципіальной договоренности, предлагаетъ продолжать обсужденіе условій перемирія по пунктамъ. Но сначала онъ считаетъ необходимымъ урегулировать вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между арміями на Восточномъ фронтѣ. Ген. Гофману, такимъ образомъ, самому приходится возобновить разговоръ о той «пріостановкѣ» военныхъ дѣйствій, которую вчера изобрѣлъ и о необходимости которой сегодня позабылъ Каменевъ.

Словно позабывъ, что передъ ними военный врагъ, еще не заключившій съ ними даже перемирія, врагъ, не связанный ничѣмъ и имѣющій возможность въ любую минуту начать наступленіе на русскую землю, политики изъ Смольнаго «успокаиваютъ» этого врага:

— Не бойтесь, молъ, мы вамъ угрожать не будемъ. Нашъ главковерхъ Крыленко уже издалъ приказъ о прекращеніи боевыхъ дѣйствій.

Ген. Гофманъ взялъ подъ подозрѣніе крыленковское право и возможность отдавать фронту такія приказанія, которыя исполнялись бы русскимъ фронтомъ безпрекословно:

«Я устанавливаю фактъ, что со дня отдачи русскими приказа о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій со стороны германской арміи былъ лишь отвѣтный огонь, и, такимъ образомъ, существованіе двухъ приказовъ, основного русскаго и считающагося съ нимъ нѣмецкаго, видимо, не останавливаетъ огня».

Большевики не стали доказывать гарантію, что Крыленко прочно «воткнулъ въ землю русскіе штыки», и согласились на образованіе спеціальной смѣшанной подкомиссіи для составленія проекта соглашенія о прекращеніи боевыхъ дѣйствій.

Подкомиссія была тутъ же образована, и въ составъ ея вошли со стороны Германіи и ея союзниковъ: маіоръ Бринкманъ, ротмистръ фонъ-Шмидтъ и совѣтникъ д-ръ Анастасовъ, а съ русской стороны — генеральнаго штаба подполковники Морозъ и Фокке.

Въ 15 ч. 40 мин. мы пятеро удалились для работы, въ результатѣ которой былъ составленъ первый договорный документъ всей Брестской эпопеи, скрѣпленный подписями съ обѣихъ сторонъ.

По предложенію маіора Бринкмана, каждая сторона должна была выработать свой проектъ, чтобы затѣмъ сличить ихъ и устранить разногласія.

Принялись за работу, но уже черезъ нѣсколько минутъ отказались отъ «сепаратнаго» порядка.

— Что у васъ поставлено въ первый пунктъ?

На этотъ вопросъ Бринкмана отвѣчаемъ:

— Срокъ пріостановки военныхъ дѣйствій.

— А у насъ — цѣль этой пріостановки.

Рѣшаемъ, что проще и быстрѣе работать вмѣстѣ, принявъ общую схему, причемъ маіоръ Бринкманъ тутъ же дѣлаетъ намъ уступку и, упомянувъ о своей «цѣли» только во вступительныхъ словахъ, также начинаетъ со срока.

Никакихъ споровъ. Глаже и не могла идти работа. На наше удивленіе маіоръ Бринкманъ съ полной охотой включаетъ въ проектъ даже пунктъ о «неперебраскахъ», вызвавшій вчера столь категорическій отпоръ его шефа, ген. Гофмана. Къ этому пункту дѣлается только оговорка, въ силу которой невозможны лишь тѣ переброски, приказъ о коихъ отданъ послѣ 5 декабря н. ст., т. е. позже сегодняшняго дня.

Только много позже стала ясной эта неожиданная лойяльность правой руки ген. Гофмана: приказы о всѣхъ необходимыхъ для усиленія Зап. фронта перебраскахъ, оголявшіе германскій Восточный фронтъ, уже были сдѣланы загодя.

Къ 17 часамъ 30 мин. совмѣстно разработанный проектъ былъ готовъ и вылился въ такую форму, не оспаривавшуюся затѣмъ на общемъ совѣщаніи:

«Между уполномоченными представителями Верховныхъ Главнокомандующихъ арміями Россіи съ одной стороны, Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи съ другой стороны и для облегченія ведущихся переговоровъ о перемиріи устанавливается слѣдующее соглашеніе о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій:

1) Пріостановка военныхъ дѣйствій начинается 7-го декабря 1917 года въ 12 часовъ пополудни (24-го ноября 1917 года въ 2 часа дня) и продолжается до 17-го декабря 1917 года въ 12 часовъ дня (4-го декабря 1917 года въ 2 часа дня).

2) Обѣ стороны имѣютъ право возобновить военныя дѣйствія съ предупрежденіемъ за три дня.

а) Пріостановка военныхъ дѣйствій распространяется на всѣ сухопутныя и воздушныя силы указанныхъ странъ между Чернымъ и Балтійскимъ морями, равно какъ и на Русско-Турецкій фронтъ въ Азіи.

б) На островахъ Моонзунда германскія сухопутныя военныя силы включаются въ договоръ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій.

в) Воздушныя военныя силы на моряхъ имѣютъ право полетовъ лишь надъ водными пространствами. Запрещены полеты надъ сушей.

г) Обстрѣлъ побережья морскими силами воспрещенъ.

3) Демаркаціонной линіей на европейскихъ фронтахъ служатъ передовыя загражденія обѣихъ линій. Тамъ, гдѣ нѣтъ сплошной ли-

ніи загражденій, демаркаціонной линіей считается прямая между конечными пунктами загражденія. Пространство между обѣими линіями считается нейтральнымъ.

На Азіатскихъ фронтахъ демаркаціонная линія устанавливается по соглашенію Главнокомандующихъ обѣихъ сторонъ.

4) Обѣ стороны обязуются издать точный приказъ о запрещеніи перехода демаркаціонной линіи.

5) Въ теченіе періода пріостановки военныхъ дѣйствій могутъ имѣть мѣсто только такія переброски войсковыхъ соединеній силою дивизіи и выше, распоряженіе о которыхъ было издано до 5-го декабря 1917 года включительно (22-го ноября 1917 года).

6) Всѣ до настоящаго времени заключенные отдѣльными частями частные договоры о перемиріи теряютъ свою силу.

Подписано и заготовлено въ пяти экземплярахъ.

Брестъ-Литовскъ, 5-го декабря (22-го ноября) 1917 года».

Вернувшись въ общій залъ совѣщанія двухъ делегацій, мы застали остававшихся тамъ для «неофиціальнаго» обмѣна мнѣній по поводу двухъ встрѣчныхъ проектовъ перемирія за дебатами по вопросу о «братаніи», поднятому-таки политиками изъ Смольнаго, независимо отъ того, что онъ былъ обойденъ альтфатеровскими пунктами. Іоффе и Ко., оказывается, приплели-таки этотъ вопросъ къ проекту военной консультаціи, выдвинувъ, кромѣ того, и дополнительное политическое предложеніе о разрѣшеніи пропуска агитаціонной литературы Смольнаго въ Германію и «транзитомъ» на фронты союзниковъ.

Главными участниками диспута были докладчикъ, к.-адмиралъ Альтфатеръ, и его оппонентъ, ген. Гофманъ.

Общая оцѣнка ген. Гофманомъ альтфатеровскихъ пунктовъ упирала на скрытое въ нихъ «глубокое недовѣріе къ тѣмъ обѣщаніямъ и обязательствамъ, которыя включены въ германскій и союзническій проектъ о перемиріи». «Максимумъ недовѣрія» онъ усмотрѣлъ въ пунктѣ о непереброскахъ войскъ.

О злосчастныхъ островахъ Моонзунда не спорили вовсе.

Зато много говорилось о политической добавкѣ «разрѣшить организованныя сношенія между войсками обѣихъ сторонъ», другими словами знаменитое «братаніе». Ген. Гофманъ сначала категорически выступилъ противъ этого, подчеркивая:

— Перемиріе еще не миръ. Служба должна продолжаться съ непреклонной строгостью. Кромѣ того, братанія совсѣмъ нецѣлесообразны: на практикѣ они слишкомъ часто приводятъ лишь къ столкновеніямъ, къ форменнымъ побоищамъ между «братающимися», которыхъ приходилось разнимать пулеметами. Въ обоюдныхъ интересахъ — отказаться до начала мирныхъ переговоровъ отъ всякаго общенія.

Каменевъ возражаетъ, выдвигая не столько «идейную» сторону вопроса (идеями Смольнаго ген. Гофмана не прошибешь), сколько не слишкомъ лестную для большевиковъ, какъ для власти, практическую невыполнимость такого запрета:

— Ужъ на что мы строго запрещали братаніе, а на дѣлѣ наши солдаты продолжали брататься даже тогда, когда съ вашей стороны ихъ встрѣчали выстрѣлами.

Зато въ пику ген. Гофману и нѣмцамъ Каменевъ особенно упираетъ на необходимость строжайшаго запрета выгодныхъ для нѣмцевъ обычныхъ спутниковъ братанія — мѣновой окопной торговли и, прежде всего, снабженія русскихъ солдатъ нѣмецкимъ спиртомъ. Въ этомъ вопросѣ большевики, такъ часто строившіе «революціонный энтузіазмъ» массъ на разбитыхъ винныхъ складахъ, договариваются до курьеза:

— Во избѣжаніе передачи алкогольныхъ напитковъ въ русскіе окопы необходимо ограничить дачу ихъ германскимъ солдатамъ.

— Германскій солдатъ привыкъ къ умѣренному употребленію спирта, — возражаетъ на это ген. Гофманъ, — лишить его винной порціи, облегчающей суровую обстановку окопной жизни, не представляется возможнымъ для германскаго командованія. Вообще не приходится говорить о возможности установленія какой бы то ни было общей нормы для обѣихъ армій, въ виду того, что въ Россіи строжайше запрещено употребленіе спирта въ какомъ бы то ни было видѣ.

Въ концѣ концовъ ген. Гофманъ дѣлаетъ уступку въ вопросѣ о братаніи и соглашается на «организованное общеніе», но не по всему фронту, а лишь въ заранѣе опредѣленныхъ, точно установленныхъ пунктахъ.

Дѣлается имъ уступка и по вопросу о провозѣ агитаціонной литературы Смольнаго, о содержаніи которой Каменевъ даетъ такое разъясненіе:

— Эта литература направлена къ пробужденію въ народахъ стремленія къ миру и братству. Почему бы Германіи воспрещать ея распространеніе, если Германія, на самомъ дѣлѣ, такъ искренне желаетъ мира, какъ здѣсь завѣряется.

Отвѣтное соображеніе ген. Гофмана ловко использует эту ссылку на «мирное» содержаніе брошюръ и листовокъ:

— Именно потому, что Германія такъ готова къ миру, для насъ подобная литература и не нужна. Другое дѣло — ваши западные союзники... Для нихъ проповѣдь мира была бы весьма полезна. Примѣръ — хотя бы эта конференція: Германія и ея союзники налицо всѣ до одного. Вашихъ союзниковъ не видно.

Словомъ, оговорившись опять отсутствіемъ полномочій рѣшать такой политическій вопросъ, ген. Гофманъ обѣщалъ сообщить о литературномъ предложеніи Смольнаго своему правительству и съ веселой улыбкой добавилъ:

— Результаты я, пожалуй, берусь и теперь предугадать: мы, конечно, разрѣшимъ провозъ вашей литературы на французскій и англійскій фронтъ, а ввозъ ея въ Германію, навѣрное, отклонимъ.

Появленіе пятерыхъ авторовъ проекта договора о десятидневной пріостановкѣ военныхъ дѣйствій быстро прекращаетъ эти пренія. Совѣщаніе переходитъ къ дѣлу и также безъ столкновеній принимаетъ проектъ въ редакціи подкомиссіи. Замѣтно большое удовлетвореніе со стороны пріѣзжихъ включеннымъ-таки въ него, и въ весьма опредѣленной редакціи, пунктомъ о неперебросках, которымъ такъ удачно прикрыта вся фактически «будущая» операція ген. Гофмана по массовой переброскѣ многихъ германскихъ дивизій на фронтъ нашихъ союзниковъ.

Засѣданіе закрывается въ 17 час. 45 мин., съ тѣмъ, чтобы соглашеніе было подписано въ офицерскомъ собраніи, гдѣ хозяева и пріѣзжіе встрѣтятся въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ.

Ничего примѣчательнаго не было бы въ этомъ послѣднемъ обѣдѣ, если бы «представитель революціоннаго крестьянства» не почувствовалъ своей рвущейся къ алкоголю душой, что «прошли счастливые деньки Аранжуэца», и не приналегъ на нѣмецкое угощеніе.

Это развязало его делегатскій языкъ по окончаніи обѣда и развязало, конечно, не для «политики» въ духѣ ратовавшаго противъ германскаго алкоголя Каменева. У старика Сташкова — «особое мнѣніе» по этому наиболѣе острому для него вопросу его высокой «миссіи».

Повертѣлся старикъ около говорящаго по-русски и всегда любезнаго лейтенанта Мюллера, прищелкнулъ пальцами и подмигнулъ:

— А на прощанье... шкаликъ бы!..

Лицо Мюллера выразило максимальную готовность, но въ то же время онъ насторожился и недоумѣнно обратился ко мнѣ:

— Шкаликъ? Представьте себѣ, не понимаю. Какой-нибудь новый терминъ?

Я улыбнулся.

— Нѣтъ, лейтенантъ. «Терминъ» — старинный. Просто-напросто хорошая порція водки, вообще — чего-нибудь спиртного.

Улыбнулся и лейтенантъ, закивалъ Сташкову и пригласилъ его въ его комнату, тутъ же неподалеку отъ помѣщенія офицерскаго собранія.

— Пожалуйста, пожалуйста. Къ вашимъ услугамъ.

Въ отведенной ему комнатѣ «представителя русскаго революціоннаго крестьянства» снабдили такимъ основательнымъ «шкаликомъ», что онъ быстро утратилъ вертикальную позицію. Литровая бутылка пунша свалила съ ногъ и его.

Подписываютъ заготовленные пять экземпляровъ соглашенія, а одного изъ «полномочныхъ» нѣтъ. Лыка не вяжетъ. Такое положеніе не было предусмотрѣно наказомъ делегаціи Смольнаго. Помялись-помялись и приложили свои руки только трезвые. А съ германской стороны придираться не стали — хватитъ и восьми подписей. Такъ и остался первый изъ договоровъ безъ скрѣпы того, кто «представлялъ» въ единственномъ числѣ сто слишкомъ милліоновъ россійскаго крестьянства.

Хуже было, когда наступилъ часъ отъѣзда делегаціи, для которой уже былъ поданъ обратный экстренный поѣздъ.

Расталкиваютъ Сташкова, а онъ — на дыбы.

«Полномочно» опрокинулъ вслѣдъ за бутылкой мюллеровскаго пунша всѣ основные принципы «мира безъ аннексій и контрибуцій». Взялъ съ нѣмцевъ контрибуцію «шкаликомъ» и рѣшилъ аннексировать для своего постояннаго жительства свою комнату въ цитадели.

— Домой?... Не желаю домой!.. Мнѣ и здѣсь хорошо... Никуда я не поѣду!..

Германскіе офицеры, сдерживая смѣхъ, придаютъ приличный оттѣнокъ выбытію Сташкова изъ строя «борьбы за миръ».

— Боленъ господинъ делегатъ? Ахъ какъ жаль! Но мы сейчасъ устроимъ. Сію минуту будетъ вызванъ санитарный автомобиль.

Отъ санитарнаго автомобиля товарищи отказываются, а пошатнувшаяся позиція «трудового крестьянства» возстанавливается всѣми мѣрами отъ холодной воды до строжайшихъ указаній на «партійную дисциплину».

Наконецъ его уговорили и возложили на принесенныя-таки нѣмецкими санитарами носилки. Сташковъ благополучно отбылъ вмѣстѣ съ другими...

Въ Брестъ-Литовскѣ остались трое: секретарь делегаціи Караханъ впредь до возвращенія ея обратно и двое членовъ военной консультаціи, полковникъ Шишкинъ и я, на которыхъ была возложена миссія проредактировать вмѣстѣ съ представителями германскаго штаба текстъ будущаго договора о перемиріи въ той формѣ, въ какую онъ вылился къ моменту перерыва переговоровъ.

Работа эта была намъ поручена слѣдующей «инструкціей» за подписями Іоффе и Каменева, подлинникъ которой сохранился у меня.

Инструкція.

1. Полковникъ Шишкинъ и подполковникъ Фокке остаются по порученію делегаціи для составленія совмѣстно съ уполномоченнымъ противной стороны документа, который резюмируетъ обмѣнъ мнѣній по поводу предложенныхъ противной стороной условій перемирія.

2. Матеріалами для составленія документа должны служить 1) текстъ нѣмецкихъ предложеній, 2) текстъ редакціи, предложенной русской делегаціей, и 3) протоколы совѣщанія.

3. Въ окончательномъ видѣ документъ долженъ представить собой текстъ въ 11 пунктовъ. Каждый изъ пунктовъ долженъ имѣть или одинъ текстъ, если таковой былъ достигнутъ въ ходѣ переговоровъ (какъ, напр., пп. 1 и 2) или два параллельныхъ текста, если примиренія не произошло, или основной текстъ съ предложенными, но непринятыми поправками.

4. Документъ этотъ долженъ дать точную картину текста перемирія, какъ онъ составился въ результатѣ обсужденія, чтобы правительство имѣло точныя данныя, въ чемъ достигнуто единодушное рѣшеніе и въ чемъ остались противорѣчія и разночтенія.

5. Полк. Шишкинъ и подполк. Фокке выѣдутъ въ Петроградъ немедленно по установленіи текста. Текстъ этотъ не можетъ быть никому сообщаемъ и не передаваемъ ни по радіо, ни по юзу, ни какимъ-либо другимъ способомъ. Предсѣдатель А. Іоффе. Каменевъ.

P. S. Имѣть въ виду, что для насъ недопустимо выраженіе «контролируемое общеніе солдатъ» (братаніе), а только «организованное».

5-го (22 ноября) декабря 1917 г.

Изъ всего сложнѣйшаго вопроса, оставшагося въ концѣ концовъ не фиксированнымъ въ множествѣ спорныхъ деталей (иначе къ чему наше редактированіе), ихъ единственно занимала «ясность» въ пунктѣ о братаніи.

Работа по редактированію параллельнаго текста началась на слѣдующее утро. Занялись ею вмѣстѣ съ полковникомъ Шишкинымъ и мною: ротмистръ фонъ-Розенбергъ, капитанъ Гей и ротмистръ фонъ-Шмидтъ.

Обычная, безъ треній и разноголосицы, работа была закончена въ тотъ же день 23-го ноября (6-го декабря), а вечеромъ, распрощавшись съ любезными врагами-хозяевами, мы оба выѣхали въ отдѣльномъ вагонѣ на фронтъ, который и перешли въ знакомомъ уже пунктѣ около 14 часовъ 24-го ноября (7-го декабря).

На 513-ой верстѣ насъ ждалъ русскій вагонъ, къ вечеру доставившій насъ въ Двинскъ.

Въ Двинскѣ тоже о насъ предупреждены и, взявъ за бока дежурнаго по станціи, мы получили въ свое распоряженіе экстренный поѣздъ.

ГЛАВА XI.

Въ красномъ Питерѣ.

Контрасты краснаго Питера. — Революціонная улица. — Пасть Смольнаго. — Стража совѣтовъ. — Въ твердынѣ Октября. — Кто хозяинъ? — 45-ый номеръ. — Цыганка. — Революціонная карьера сестры Троцкаго. — Составленіе отчета о поѣздкѣ. — «Мое» сообщеніе въ Роттердамской газетѣ. — Не готовились. — Троцкій засѣдаетъ и позируетъ. — Крыленко. — Скалонъ. — Митинговый оптимизмъ Іоффе. — Альтфатеръ поддакиваетъ. — Нота Троцкаго союзнымъ посламъ. — Ненужность «звѣринца». — Мое повышеніе.

Двойственное чувство вызывалъ пріѣздъ въ Петербургъ и сама столица въ тѣ дни, когда я возвращался изъ Бреста.

Подъѣзжая къ городу, видя первые каменные ящики привокзальной окраины, будничные, спокойные — все по старому — ловишь себя на знакомомъ, уютномъ чувствѣ возврата съ фронта домой, къ роднымъ, къ порядку мирной жизни, къ той волнующей на первыхъ порахъ успокоенности, въ которой особенно цѣнно первое соприкосновеніе съ привычнымъ, роднымъ, мирно-петербургскимъ.

Такъ было въ каждый пріѣздъ, въ отпускъ или въ командировку. Такое же чувство напрашивалось и хмурымъ зимнимъ утромъ 24-го ноября (7-го декабря), когда нашъ экстренный поѣздъ доставилъ меня и полковника Шишкина на знакомый Варшавскій вокзалъ. Но съ этимъ первымъ чувствомъ пришлось скоро разстаться ради другого, неизбѣжнаго для того, кто впервые попадаетъ въ «Красный Питеръ».

Знакомое, привычное, родное еле касается вниманія и утратило обычную полу-дѣтскую способность волновать и радовать, потому что оно на каждомъ шагу перебито контрастами красной новизны. Они болѣе броски, настойчивѣе бьютъ въ глаза, задѣваютъ мысль, несмотря на то, что это петербургское утро — сколокъ съ тысячъ такихъ же утръ, и «Красный Питеръ» еще далеко не утратилъ свою суетливую столичность, какъ черезъ годъ, черезъ два года.

У вокзальнаго подъѣзда насъ ожидалъ автомобиль, который долженъ былъ доставить насъ прямо въ Смольный. Шоферъ и его помощникъ — въ солдатскихъ шинеляхъ, но уже безъ погонъ и съ красными бантами огромной величины. Прежней воинской вѣжливости уже нѣтъ, но нѣтъ и вызывающаго тона: мы — какъ-никакъ делегаты, выполняющіе важное порученіе «рабоче-крестьянской власти», и ѣдемъ въ самый Смольный, «святая святыхъ» большевизма.

Измайловскій, Загородный, Невскій, Суворовскій... Знакомыя улицы не во многомъ измѣнили свою физіономію, но, какъ первые признаки страшной, смертельной болѣзни на лицѣ родного, близкаго человѣка, каждый бросившійся въ глаза симптомъ красной чумы отдается въ сознаніи больнымъ ударомъ.

Въ девятомъ часу утра открываются лавки и магазины, но уже далеко не всѣ: два изъ трехъ магазиновъ или заколочены или смотрятъ помертвѣлыми глазами пустыхъ витринъ. Эти такъ и не откроются весь день, мѣсяцы, годы... А возлѣ большинства еще не закрывшихся лавокъ, если онѣ — съѣстныя, накапливаются хмурые хвосты посѣрѣвшихъ, пригнувшихся людей. Надъ ихъ головами, тамъ и тутъ, красно-бурые, цвѣта запекшейся крови, «праздничные» флаги и обрывки флаговъ, истрепанныя безъ боевъ, одной петербургской слякотью, знамена революціи.

Первые снѣжные дни прикрыли уличную грязь, а пронизывающій морозъ укрѣпилъ снѣжный покровъ цементомъ. Но людямъ уже не до снѣга, не до дворницкихъ скребковъ, этой шаркающей музыки петербургскаго утра, не до хрусткаго песку на тротуарахъ. Вязнутъ и скользятъ, сбиваются съ панелей на середину улицы, «завоеванную» уже съ февраля и теперь близкую къ полному покоренію. Пѣшеходы вытѣсняютъ съ улицы все болѣе рѣдкихъ извозчиковъ, какъ вытѣснили уже барскія кареты. Только автомобили несутся съ бѣшеною скоростью. Они — хозяева улицы и всего города, потому что нѣтъ другихъ автомобилей, кромѣ совѣтскихъ.

На нѣкоторыхъ углахъ — группы людей. Мрачно прислушиваются къ выкрикамъ одного или рѣже къ озлобленному спору нѣсколькихъ сцѣпившихся объ «учредилкѣ» политиковъ.

Высоко надъ улицей взмывается красными складками хоругвь-плакатъ, символъ недавняго энтузіазма, проплеванный октябрьскими дождями и разбудившій въ прохожихъ столько же злобы и ненависти, сколько призывовъ къ «братству» треплется мозглымъ вѣтромъ на его полотнищѣ.

Возлѣ Военной Академіи, откуда мое нынѣшнее безрадостное право-обязанность быть свидѣтелемъ брестскаго позора, толпятся сѣрыя шинели, штатскія пальто и рабочія куртки. Смѣхъ, свистки, выкрики. Кого-то ведутъ, и сосредоточенно-тупы лица увѣшанныхъ пулеметными лентами конвоировъ, добровольцевъ-мальчишекъ или немолодыхъ солдатъ, высланныхъ по наряду.

Близъ Смольнаго особенно разъѣзжены улицы, которыя некому и некогда убирать. Машина трещитъ «скоростями», рветъ на ухабахъ, чаще и порывистѣе гудитъ, въѣзжая въ ворота одного изъ изящнѣй-

шихъ зданій стараго, дворцоваго Петербурга, которое стало форпостомъ новой, красной Россіи.

То ли образовавшаяся за дни перваго Бреста привычка къ невольному сосѣдству съ большевистскими воротилами, то ли полное невѣріе въ возможность ихъ затяжного торжества (слишкомъ безнадежной казалась бездарность этихъ «государственныхъ» людей), но какое-то острое чувство любопытства ко всему, что предстоитъ увидѣть и услышать въ Смольномъ, почти всецѣло заслоняло во мнѣ другое чувство: страхъ передъ этимъ гнѣздомъ большевизма, страхъ, съ которымъ я столкнулся въ тѣ ноябрьскіе дни у большинства близкихъ и знакомыхъ петербуржцевъ. Многимъ изъ нихъ казалось прямо непостижимымъ, какъ я могъ самъ лѣзть «въ пасть» большевикамъ, да еще въ штабъ-офицерскихъ погонахъ.

На дворѣ, рядомъ съ тяжелыми штабелями дровъ старой заготовки сѣрѣетъ броневикъ. Изъ черной, прямоугольной бойницы въ круглой, равнодушной башнѣ торчитъ унылый стволъ орудія. Нѣсколько пулеметовъ (излюбленое оружіе революціи) насторожились у входовъ, между колоннами, на балконахъ. Ленты уже вложены и, если не заѣстъ, готовы къ работѣ пулеметныя очереди. У большого крыльца — особо довѣренная толпа вооруженныхъ. Сѣрая шинель въ ней рѣдкость, больше черныхъ пальто рабочихъ красногвардейцевъ, особенно усердныхъ въ накручиваніи на себя крестъ-накрестъ и вокругъ пояса пулеметныхъ лентъ.

Къ остановившемуся автомобилю подскочилъ молодой человѣкъ въ черномъ студенческомъ пальто, не сохранившемъ ни золоченыхъ иниціаловъ на плечахъ, ни пуговицъ съ двуглавыми орлами — только канты — но вооруженный. На немъ — красная кавказская шашка, перекинутая почему-то шиворотъ-навыворотъ черезъ лѣвое плечо, и револьверъ. Видно, что его блѣдное лицо непрестанно въ волненіи. Голосъ нервный, движенія суетливыя (постоянно поправляетъ непривычную шашку) и въ самомъ тонѣ вопроса — возбужденная торжественность:

— Къ кому, товарищи?

— Мы — изъ Бреста. Къ товарищамъ Іоффе и Каменеву.

Отвѣтъ производитъ впечатлѣніе. Молодой человѣкъ дѣлаетъ неопредѣленный жестъ къ фуражкѣ и, тряхнувъ кудрявой головой, бѣжитъ впередъ, расталкиваетъ на подъѣздѣ красногвардейцевъ, заинтригованныхъ пріѣздомъ «золотопогонниковъ», и пыхтящихъ папиросами матросовъ.

— Пропустить, товарищи, пропустить!..

Слово «Брестъ» производитъ магическое дѣйствіе. Оно сорвало юношу съ шашкой съ мѣста и заставляетъ его почтительно слѣдовать за нами, пока по вестибюлю и коридорамъ Смольнаго мы разыскиваемъ Іоффе и Каменева. Въ этой твердынѣ Октября, входъ въ которую такъ грозно охраняется пулеметами, броневикомъ и вооруженными красногвардейцами, суетливая людская толчея: матросы, безпогонные солдаты, рабочіе, усиленно жестикулирующіе штатскіе въ пиджакахъ, молодые люди въ френчахъ офицерскаго покроя и дѣвицы

неопредѣленнаго класса и профессіи, уже нарождавшійся типъ «совѣтской барышни».

Все это или оживленно стремится по лѣстницамъ изъ помѣщенія въ помѣщеніе или просто слоняется безъ всякаго дѣла и усиленно дымитъ папиросами. Новые хозяева стараго института для дворянскихъ дѣвицъ не до конца стерли слѣды прошлаго: на нѣкоторыхъ дверяхъ сохранились вывѣски съ обозначеніемъ институтскихъ классовъ, дортуаровъ и помѣщеній классныхъ дамъ. Но поверхъ этого прошлаго сотнями окурковъ, заплатами революціонныхъ афишъ, плевками и грязными слѣдами сапогъ по когда-то блестящему паркету прошлось и наслѣдило настоящее. У него — свой порядокъ, сказывающійся полной невозможностью разобраться, кто же изъ этой людской массы, чувствующей себя, какъ дома, въ зданіи Смольнаго, истинный хозяинъ положенія: гдѣ-то засѣдающіе главари съ громкими революціонными именами или вся эта безымянная рабоче-солдатско-матросская толпа? Первые ли диктуютъ свою волю этой толпѣ, или она сама диктуетъ новому правительству свои лозунги и жадныя требованія?

Откуда-то пахнуло зловоніемъ, ударила въ носъ струя одуряющаго смрада изъ загаженной институтской уборной, но это не безпокоитъ группу красныхъ политиковъ, оживленно дебатирующую какой-то волнующій вопросъ именно у дверей такой клоаки. Тутъ же по близости — столикъ подъ старинными часами, а за столикомъ дежурная дѣвица интеллигентнаго облика, видимо, удивленная появленіемъ двухъ штабъ-офицеровъ въ формѣ и въ погонахъ.

Изъ-за нашихъ спинъ вынырнулъ юноша съ шашкой. Предупредительно рекомендуетъ «товарищей делегатовъ изъ Бреста», разыскивающихъ товарища Іоффе.

— Товарищъ Іоффе — наверхъ, 45-ый номеръ.

Двигаемся наверхъ, снова — долгіе поиски. Наконецъ 45-ый номеръ найденъ. Стучимъ, входимъ.

Сравнительно большая комната съ паркетнымъ поломъ и большими окнами, за которыми холодный, сѣрый зимній день, мало напоминаетъ кабинетъ государственнаго человѣка. Она почти пуста: небольшой столъ, стулъ, трепаный диванъ и шкапъ со старыми бумагами въ углу. Больше никакой мебели. И здѣсь тѣ же окурки, плевки, обрывки бумаги. На столѣ — куски чернаго хлѣба, эмалированныя кружки, неопрятные стаканы съ недопитымъ мутнымъ чаемъ и большой чайникъ.

Навстрѣчу намъ съ ободраннаго дивана гибкимъ движеніемъ поднялась безукоризненно одѣтая и красиво причесанная, съ драгоцѣннымъ кулономъ на шеѣ, моложавая дама лѣтъ тридцати. У нея — невольно запоминающаяся наружность: черные, какъ смола, отливающіе волосы, смуглое лицо восточнаго — я бы сказалъ, цыганскаго — типа и большіе красивые глаза. Не каждый день встрѣчаются такія женскія лица, отмѣченныя энергіей и женственной силой, умѣющей подчинять и не склонной подчиняться.

«Цыганка» вопросительно оглядываетъ насъ съ головы до ногъ.

— Вамъ кого угодно, товарищи?

— Намъ необходимо видѣть товарища Іоффе и вручить ему сводку условій перемирія.

— Значитъ, вы изъ Бреста. Хорошо. Но его сейчасъ нѣтъ. Можете передать мнѣ. Я — секретарь Исполкома, и все передамъ лично товарищу Іоффе. Обождите.

Съ этими словами «цыганка» вышла, оставивъ насъ въ 45-омъ номерѣ, и вскорѣ вернулась, приглашая въ «святая святыхъ» Смольнаго, въ столовую народныхъ комиссаровъ, гдѣ намъ предложили обѣдъ изъ двухъ блюдъ и чай.

Оказалось, что въ лицѣ секретаря Исполкома мы имѣли дѣло съ женой нашего знакомца по Бресту Каменева и сестрой самого Троцкаго. Это — одна изъ характернѣйшихъ женскихъ фигуръ большевицкой революціи. На должности съ канцелярскимъ названіемъ секретаря и на кабинетной работѣ «цыганка»-Каменева оставалась недолго. Женщина прежде всего, ищущая отъ положенія на верхахъ максимальныхъ удовольствій, она впослѣдствіи разошлась съ Каменевымъ и стала героиней многихъ исторій. Вторымъ другомъ «цыганки» былъ актеръ Разумный, получившій по ея протекціи въ первые мѣсяцы НЭП'а болѣе чѣмъ хлѣбную должность: завѣдующаго всѣми игорными клубами Москвы.

Жажда широкой жизни и разгула вспыхнула тогда съ неудержимой силой, и на пустившихся въ азартъ нэпмановъ правительство смотрѣло сквозь пальцы, такъ что положеніе Разумнаго быстро доставило ему славу богатѣйшаго человѣка въ красной столицѣ. Богатства его пухли на огромныхъ процентныхъ отчисленіяхъ съ карточной игры.

Романъ Каменевой и Разумнаго развивался на глазахъ у московскихъ сплетниковъ и зубоскаловъ, создавшихъ такую, построенную на игрѣ словъ побасенку:

Когда у Каменевой родился «разумный» сынъ, Каменевъ наконецъ «уразумѣлъ», въ чемъ дѣло, и «вразумился» (сошелся съ Разумной), а Разумный «окаменѣлъ» (сѣлъ въ каменный мѣшокъ одной изъ совѣтскихъ тюремъ) за то, что оказался «неразумнымъ» (измѣнилъ Каменевой).

Карьера Разумнаго, проживавшаго некоронованнымъ магнатомъ въ роскошныхъ апартаментахъ прежней московской гостиницы «Прага» на Арбатѣ, дѣйствительно окончилась для него печально. Разумный былъ сосланъ въ Нарымскій край, а Каменева, наскучивъ скудной красками московской жизнью, отправилась за границу...

Въ столовой народныхъ комиссаровъ Каменева оживленно разговаривала съ нами, обдавая насъ запахомъ своихъ тонкихъ духовъ, поблескивая живыми темными глазами, задавая вопросы и вставляя замѣчанія, обнаруживавшія ея живой умъ, очень часто гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ мы выслушивали отъ такихъ спутниковъ по поѣздкѣ въ Брестъ, какъ Іоффе или Караханъ.

За обѣдомъ выяснилось, что моя связь съ делегаціей не прекращается, меня не отпускаютъ, а, наоборотъ, мнѣ поручается вмѣстѣ съ Каменевой составить отчетъ о поѣздкѣ въ Брестъ для опубликованія въ офиціальныхъ совѣтскихъ газетахъ. Въ этотъ и въ слѣдующіе дни до новаго отъѣзда въ Брестъ мнѣ пришлось видѣть Іоффе и другихъ

главарей делегаціи только мелькомъ. Они заходили въ ту комнату Смольнаго, гдѣ составлялся отчетъ, наскоро пробѣгали написанное, наскоро же бросали указанія на необходимость подчеркнуть то или другое въ ихъ «твердой» позиціи — за всеобщій миръ и противъ сепаратности. Подъ вліяніемъ этихъ указаній и подъ бдительнымъ надзоромъ моего редактора, Каменевой, отчетъ о поѣздкѣ подъ громкимъ заглавіемъ «Борьба за миръ» вышелъ благопристойной для большевиковъ, но очень блѣдной по краскамъ, протокольной картиной перваго этапа переговоровъ и былъ помѣщенъ въ «Извѣстіяхъ» отъ 26-го ноября 1917 года, № 236.

Только къ вечеру я попалъ домой въ день пріѣзда въ Петербургъ.

Это былъ Екатерининъ вечеръ, когда разгулявшаяся петербургская голытьба громила винный погребъ Зимняго дворца. По городу, какъ и каждый новый вечеръ, ходили особенно тревожные слухи о грабежахъ, арестахъ и убійствахъ вмѣстѣ съ новыми надеждами на какую то внезапную перемѣну: переворотъ, наступленіе казаковъ или даже вмѣшательство нѣмцевъ.

25-го и 26-го ноября (8-го и 9-го декабря) я по обязанности составителя отчета проводилъ въ Смольномъ довольно долгое время. Тамъ же дневалъ и ночевалъ к.-адмиралъ Альтфатеръ, совсѣмъ явно спѣвшійся съ большевиками, появлявшійся тутъ и тамъ, обращая на себя общее вниманіе толкущихся въ Смольномъ товарищей своимъ лицомъ, на рѣдкость похожимъ на лицо сибирскаго узника, отрекшагося Императора Николая II. Если бы не бѣгающая хитринка въ лукавыхъ глазахъ, вмѣсто ласковаго и довѣрчиво-добраго взгляда Государя, — родные братья.

На третій день, 27-го ноября (10-го декабря) былъ назначенъ вторичный отъѣздъ делегаціи въ Брестъ. Составъ ея нѣсколько мѣнялся, рѣшили, напримѣръ, захватить съ собой стенографиста, чтобы не дать нѣмцамъ исказить «высокій идейный смыслъ» большевицкихъ заявленій. Мнѣ пришло въ голову предложить на эту роль сына квартирохозяина, у котораго я когда то снималъ комнату, молодого еврея, студента-медика, вчера какъ разъ предлагавшаго себя для подобныхъ услугъ. Іоффе согласился и включилъ моего случайнаго протеже въ списокъ отъѣзжающихъ.

Въ заплеванныхъ кулуарахъ Смольнаго можно было встрѣтить иностранныхъ корреспондентовъ, ловившихъ свѣжіе слухи и пытавшихся освѣтить у себя на родинѣ хаосъ красныхъ событій. Мнѣ случилось бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ нихъ, и въ результатѣ одной изъ такихъ бесѣдъ, много позже, до большевиковъ дошло сообщеніе русскаго сотрудника газеты «Nieuwe Rotterdamsche Courant» изъ Стокгольма отъ 9 января 1918 года. Корреспондентъ оказалъ мнѣ двойную медвѣжью услугу: полностью прописалъ мой чинъ и фамилію и вложилъ въ мои уста такой текстъ, въ произнесеніи котораго я былъ абсолютно неповиненъ. Делегаціонные большевики впослѣдствіи хмурились и ворчали про себя.

Явившись утромъ въ день отъѣзда въ Смольный и будучи приглашенъ на засѣданіе по вопросу о дальнѣйшей работѣ делегаціи, я

съ полной наглядностью увидѣлъ, что за эти дни перерыва ровно ничего не было подготовлено и предрѣшено.

Совѣщаніе собралось въ кабинетѣ тогдашняго народнаго комиссара по ин. дѣламъ Троцкаго, съ сестрой котораго я имѣлъ такъ много дѣла за послѣдніе дни. Меня представили Троцкому. Лицо его извѣстно по многимъ фотографіямъ и портретамъ. Здѣсь, у себя въ кабинетѣ и въ присутствіи очень немногихъ лицъ, Троцкій держится спокойно, неразговорчивъ и дѣловитъ.

Спокойствіе и выдержка этого комиссара съ громкой репутаціей «огненнаго» вождя могло, впрочемъ, имѣть и особое объясненіе: герой большевизма не только засѣдалъ, но и позировалъ. Въ его кабинетѣ, за занавѣской помѣщался скульпторъ (какъ мнѣ говорили, Гинзбургъ), спѣшившій по заказу правительства увѣковѣчить Льва Давидовича.

На совѣщаніе у Троцкаго собрались знакомые мнѣ Іоффе, Каменевъ и Альтфатеръ вмѣстѣ съ двумя новыми лицами. Это были красный главковерхъ и народный комиссаръ по военнымъ дѣламъ Крыленко, вчерашній прапорщикъ, безгласный пособникъ убійства генерала Духонина, и одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ убитаго, генеральнаго штаба генералъ-майоръ Скалонъ, командированный изъ могилевской Ставки для участія въ работѣ военной консультаціи.

Крыленко — небольшой, плотный, коротко стриженый, съ сильной ранней просѣдью, такъ какъ лѣтъ ему немного за тридцать. На совѣщаніи красный военный министръ не пытается держать себя героемъ и большимъ начальствомъ. Его, мелкаго партійнаго работника, въ 1905 году обильно извергавшаго ораторскую слюну на легальныхъ университетскихъ митингахъ и собраніяхъ, а позже заурядняго провинціальнаго учителя и простенькаго прапорщика запаса, подавляетъ фигура вождя большевицкаго подполья, Троцкаго. Какъ народные комиссары, они равноправны, и вопросъ о перемиріи одинаково касается обоихъ, но тонъ руководителя совѣщанія взятъ только Троцкимъ. Крыленко вставляетъ немногія слова, а по окончаніи совѣщанія суетъ намъ, военнымъ, еще не снявшимъ погонъ, проектъ своего декрета о полномъ упраздненіи въ арміи чиновъ, орденовъ и знаковъ отличія.

Генералъ-майоръ Скалонъ, смерть котораго вскорѣ вызвала столько взволнованныхъ разговоровъ, человѣкъ средняго роста, складно сложенный, съ легкой сѣдиной и небольшимъ красноватымъ носикомъ на обыкновенномъ, не выдающемся по чертамъ, но симпатичномъ лицѣ. Близкая драма генерала Скалона не чувствуется. Онъ спокоенъ и внимательно прислушивается къ тому, что говорится.

Совѣщаніе вмѣстѣ съ сеансомъ скульптора, лѣпившаго Троцкаго, продолжалось всего часа полтора.

Сначала, когда Іоффе началъ свой докладъ, у меня создалось впечатлѣніе, будто совѣщаніе спеціально инсценировано для нашей военной группы съ цѣлью произвести на насъ впечатлѣніе большевицкой государственной серьезности и увѣренности. Иначе трудно было объяснить какъ-будто излишній на этотъ разъ митинговый тонъ Іоффе, передававшаго этапы перваго Бреста въ духѣ крайняго оптимизма.

Іоффе былъ искренно озабоченъ тѣмъ, чтобы произвести впечатлѣніе на своего всесильнаго комиссара и зарекомендовать съ возможно лучшей стороны свои собственныя дипломатическія способности передъ главой всего совѣтскаго дипломатическаго вѣдомства. А къ намъ, военнымъ свидѣтелямъ его работы, онъ только апеллировалъ, ища поддержки.

Эта поддержка немедленно явилась въ лицѣ старшины военной консультаціи, Альтфатера, поддакивавшаго Іоффе въ оптимизмѣ и настаивавшаго на предъявленіи нѣмцамъ вновь эффектныхъ пунктовъ объ очищеніи Моонзундскихъ острововъ. Сохранить эти требованія нужно во что бы то ни стало.

Троцкій — коротокъ. Онъ согласенъ съ Альтфатеромъ и также настаиваетъ на сохраненіи язвительнаго пункта, столь выгоднаго для престижа рабоче-крестьянской Россіи. Однако, слишкомъ далеко въ своемъ оптимизмѣ Троцкій не идетъ и предусматриваетъ германскую несговорчивость. Но никакихъ прямыхъ директивъ имъ не дается; въ случаѣ отказа нѣмцевъ, онъ предлагаетъ снестись съ нимъ по прямому проводу.

Безцвѣтно проходитъ и обсужденіе каверзнаго вопроса, не выльются ли переговоры о «всеобщемъ» мирѣ въ сепаратный миръ, отъ котораго такъ отмахивались большевики на словахъ. Краски этого вопроса до конца использованы опубликованнымъ 24-го ноября (7-го декабря) «Сообщеніемъ народнаго комиссара по иностраннымъ дѣламъ, къ свѣдѣнію г. г. Пословъ Великобританіи, Франціи, Америки, Италіи, Китая, Японіи, Румыніи, Бельгіи и Сербіи». Троцкій напоминаетъ объ этомъ своемъ посланіи, давая понять, что узелъ вопроса о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ союзниками развязанъ заключительными словами ноты:

«Такимъ образомъ, между первымъ декретомъ Совѣтской власти о мирѣ (26 октября) и между моментомъ предстоящаго возобновленія мирныхъ переговоровъ (29 ноября стараго стиля) пролегаетъ срокъ свыше мѣсяца. Этотъ срокъ представляется даже при нынѣшнихъ разстроенныхъ средствахъ международнаго сообщенія совершенно достаточнымъ, чтобы дать возможность правительствамъ союзныхъ странъ опредѣлить свое отношеніе къ мирнымъ переговорамъ, т. е. свою готонность или свой отказъ принять участіе въ переговорахъ о перемиріи и мирѣ и — въ случаѣ отказа — открыто передъ лицомъ всего человѣчества заявить ясно, точно и опредѣленно, во имя какихъ цѣлей народы Европы должны истекать кровью въ теченіе четвертаго года войны».

Нота послана, послѣдній призывъ сдѣланъ, и совѣтская власть въ правѣ умыть свои руки.

Поднимается вопросъ объ измѣненіи на этотъ разъ состава делегаціи. Іоффе вноситъ предложеніе о сокращеніи количества уполномоченныхъ:

— Переговоры назрѣли, основные политическіе вопросы выяснились, предстоитъ преимущественно сговоръ по чисто-военнымъ вопросамъ, и присутствіе на конференціи представителей революціонныхъ классовъ Россіи стало излишнимъ.

На этомъ и рѣшили: молчальники перваго Бреста не поѣдутъ забавлять нѣмцевъ на второй. Наоборотъ, составъ военной консультаціи

усиливается представителемъ Ставки Главковерха, генералъ-майоромъ Скалономъ и представителемъ Морского Генер. Штаба, капитаномъ І-го ранга Доливо-Добровольскимъ.

Отъѣздъ делегаціи въ новомъ составѣ былъ назначенъ на вечеръ. Приходилось продѣлать огромный конецъ съ Выборгской стороны на Варшавскій вокзалъ, и я рѣшилъ подговориться подъ автомобиль. Машину далъ самъ Троцкій, набросавшій на листкѣ бумаги распоряженіе въ гаражъ Смольнаго и, такимъ образомъ, подарившій мнѣ свой автографъ.

Прошу выдать подпол-
ковнику ~~Маркову~~ Фокке
мой автомобиль 3Г-63

НАРОДНЫЙ КОМИССАРЪ ПО ИНОСТРАННЫМЪ ДѢЛАМЪ

Л. Троцкий

27/XI 1917

Вечеромъ машина Троцкаго заѣхала за мной и, взявъ по дорогѣ съ Пантелеймоновской улицы ген. Скалона и съ Загороднаго стенографиста Гейкина, доставила насъ троихъ на пустой и темный вокзалъ, гдѣ для делегаціи былъ приготовленъ экстренный поѣздъ изъ обыкновенныхъ спальныхъ вагоновъ.

Ни торжественныхъ проводовъ, ни рѣчей, ни любопытныхъ.

На вокзалѣ меня ожидала новость: изъ представителей штаба 1-ой арміи, какимъ я значился въ спискѣ, меня «повысили» въ представители всего Сѣвернаго фронта. Телеграмму объ этомъ передалъ мнѣ контръ-адмиралъ Альтфатеръ:

«Из Лнт Д 4738 ПР БС 27/II 21 Срочно Петроградъ черезъ Смольный адмиралу Альтфатеръ. По приказанію Наштасѣва прошу сообщить подполковнику Фокке, что онъ назначается для поѣздки съ делегаціей въ Брестъ вмѣсто заболѣвшаго подполковника Морозъ точка 27 ноября НР 4738/Щ Врид генкварсевъ подполковникъ Артемьевъ».

Размѣстились по три человѣка въ каждомъ купе и, утомленные суетливыми днями краснаго Питера, спали всю ночь до прифронтоваго Двинска.

ГЛАВА XII.

Самоубійство генерала Скалона.

Новый составъ делегаціи. — Переѣздъ. — Увѣковѣчиваютъ моментъ. — Свое дѣло сдѣлалъ. — Предварительное совѣщаніе. — Генералъ застрѣлился. — У дверей въ комнату генерала Скалона. — «Непрактикующій» Іоффе. — Подача врачебной помощи. — Какъ умеръ генералъ. — Посмертная записка. — Протоколъ. — Нѣмцы искренне сочувствуютъ. — Большевики допытываются. — Нѣтъ отвѣта и страшный отвѣтъ. — «Я ему завидую».

Оставивъ въ красномъ Питерѣ балластъ въ видѣ рабочаго, крестьянина, солдата и матроса, которые были одинаково неспособны разбираться въ военныхъ вопросахъ, какъ офицеры-консультанты, и произносить программныя политическія рѣчи, какъ главари Смольнаго, делегація выѣхала въ Брестъ во второй разъ въ слѣдующемъ списочномъ составѣ:

I. Уполномоченные. Члены Всеросс. Центр. Исполн. Комитета Совѣтовъ Кр., Раб. и Солд. Депутатовъ. 1) Іоффе, Адольфъ Абрамовичъ — Предсѣдатель делегаціи. 2) Каменевъ, Левъ Борисовичъ. 3) Биценко, Анастасія Алексѣевна.

II. Члены военной консультаціи. 4) К.-адмиралъ Альтфатеръ, Василій Михайловичъ — старшина военной консультаціи. 5) Ген. Штаба ген.-маіоръ Скалонъ, Владиміръ Евстафьевичъ — представитель Ставки. 6) Капитанъ 1-го р. Доливо-Добровольскій, Борисъ Іосифовичъ — представитель Морского Генер. Штаба. 7) Генер. Штаба полк. Фокке, Джонъ Гуговичъ — представитель Сѣвернаго фронта. 8) Ген. Штаба подполк. Цеплитъ, Иванъ Яковлевичъ — представитель Юго-Западнаго фронта. 9) Генер. Штаба капитанъ Липскій, Владиміръ Владиміровичъ — представитель Западнаго фронта.

III. Состоящіе при делегаціи. 10) Секретарь делегаціи — Караханъ, Левъ Михайловичъ. 11) Переводчикъ — Яковлевъ, Александръ Павловичъ. 12) Стенографистъ — Гейкинъ, Михаилъ Кузьмичъ. 13)Юзистъ — Герберсонъ, Карлъ Антоновичъ. 14) Юзистъ — Артарьянъ, Иванъ Павловичъ. 15) Переписчикъ — Войшвилло, Брониславъ Іосифовичъ.

Караханъ и оба юзиста оставались въ Брестѣ, такъ что границу фронта фактически переходили только двѣнадцать человѣкъ.

Помимо к.-адмирала Альтфатера, котораго вынесла наверхъ красная флотская волна, и который усердствовалъ въ единомысліи съ большевиками, хотя и не примыкалъ оффиціально къ ихъ партіи, всѣ остальные были назначенцами. Начиная отъ генерала Скалона и кончая капитаномъ Липскимъ, всѣ мы получили прямое предписаніе отъ нашего прямого начальства изъ штабовъ, сохранявшихъ техническое руководство русской арміей, хотя бы и въ корнѣ изъѣденной красной ржавчиной большевизма, но законныхъ въ старомъ смыслѣ этого слова, хранившихъ преемственность еще съ царскаго времени.

Изъ Двинска до 513-ой версты насъ доставилъ тотъ же салонъ-вагонъ. Никакихъ волненій при переходѣ фронтовой линіи мы уже не испытывали, и самъ переходъ былъ много легче, чѣмъ въ первый разъ.

Чистый, бѣлый снѣгъ и морозъ, сковавшій невылазиую глинистую грязь, сравняли условія опрятности на двухъ противустоящихъ фронтахъ. Отъ снѣга вокругъ свѣтлѣе, хотя часъ перехода фронтовой линіи тотъ же, вечерній, какъ и нѣсколько дней назадъ. Обстановка встрѣчи съ нѣмцами на нейтральной зонѣ на этотъ разъ много проще. Навстрѣчу вышелъ не генералъ, а командующій участкомъ офицеръ. Никакихъ привѣтствій не было. Обошлось и безъ переклички.

Знакомымъ путемъ черезъ германскіе окопы и по узкоколейкѣ насъ доставили на станцію Беркгофъ, а вечеромъ мы выѣхали въ Брестъ, куда я прибыли 29-го ноября (12-го декабря) въ 13 часовъ.

Въ сильно освѣженномъ, бѣломъ Брестѣ къ нашему пріѣзду приготовились больше, чѣмъ въ прошлый разъ: вооружились фотографическими и кино-аппаратами, защелкавшими и завертѣвшимися при выходѣ делегатовъ изъ вагона. Увы, ожидавшіе эффектной кино-ленты съ фигурами революціоннаго матроса и старика-крестьянина должны были разочароваться: этотъ кино-трюкъ для нихъ не повторился. Пришлось удовольствоваться двумя штатскими и десяткомъ военныхъ фигуръ въ строгой формѣ. Черезъ нѣсколько дней ленты были продемонстрированы передъ нами въ офицерскомъ собраніи германской ставки.

Встрѣчалъ на вокзалѣ тотъ же привѣтливый маіоръ фонъ-Камеке со своими офицерами, среди которыхъ и прикомандированный снова къ русской делегаціи лейтенантъ Мюллеръ.

Улыбки, рукопожатія, вопросы.

Лейтенантъ Мюллеръ въ шутливой формѣ спрашиваетъ меня:

— А гдѣ же мой старый пріятель, делегатъ Сташковъ? Почему его не видно?

Недавняя формула Іоффе, аргументировавшаго въ кабинетѣ Троцкаго ненужность Сташкова и трехъ другихъ для дальнѣйшей работы, позволяетъ мнѣ отвѣтить и точно и въ то же время не менѣе шутливо:

— Товарищъ Сташковъ свое дѣло сдѣлалъ. Его миссія кончена.

Въ 15 часовъ делегація собралась на частное совѣщаніе, въ которомъ были оставлены въ сторонѣ важнѣйшіе вопросы договора, и велось обсужденіе частнаго вопроса о пунктахъ, въ которыхъ соберутся демаркаціонныя комиссіи.

Въ самомъ началѣ засѣданія, когда обсуждался вопросъ о пунктѣ демаркаціонной комиссіи для русскаго Юго-Западнаго фронта, и всталъ вопросъ о выборѣ между Каменецъ-Подольскомъ и Бердичевомъ, генералъ Скалонъ началъ отстаивать знакомый ему и удобный, по его мнѣнію, Бердичевъ. Сравнивали разстоянія, говорили объ удобствахъ путей сообщенія съ фронтомъ отъ обоихъ намѣченныхъ городовъ, и по ходу преній явилась необходимость въ картѣ.

Карты ни у кого не было.

— У меня въ вещахъ найдется карта. Сейчасъ принесу.

Спокойно заявивъ это, ген. Скалонъ оставилъ насъ въ комнатѣ совѣщанія и прошелъ въ отведенную ему въ томъ же зданіи личную комнату. Прошло около четверти часа, во всякомъ случаѣ, не больше двадцати минутъ, какъ вдругъ въ комнату совѣщанія русской делегаціи безъ всякаго предупрежденія вбѣжалъ лейтенантъ Мюллеръ, крайне взволнованный и поблѣднѣвшій, и громко крикнулъ по-русски:

— Господа, генералъ застрѣлился!

Эта вѣсть ударила по сознанію, какъ громъ изъ чистаго неба.

— Гдѣ? Какой генералъ? Генералъ Скалонъ?!

К.-адмиралъ Альтфатеръ и я опомнились первые и бросились въ комнату ген. Скалона. У распахнутыхъ дверей комнаты лейтенантомъ Мюллеромъ уже былъ поставленъ часовой, не допустившій насъ внутрь. Самого Мюллера съ нами не было. Онъ, искреннѣйшимъ образомъ взволнованный, бросился къ телефонному аппарату и вызывалъ штабного врача.

Черезъ открытую дверь нашимъ глазамъ представилась такая картина: на окровавленномъ полу передъ зеркальнымъ умывальникомъ на спинѣ лежалъ ген. Скалонъ. Руки у него разбросаны, въ правой судорожно зажатъ револьверъ. Онъ еще живъ. Глубоко, съ тяжелой хрипотой дышитъ, грудь высоко поднимается.

Первая мысль о подачѣ несчастному врачебной помощи.

Вдругъ всплываютъ въ памяти разговоры о Іоффе и его собственныя признанія: Іоффе — врачъ. Къ кому же обратиться, какъ не къ нему.

Спѣшно ищу Іоффе и взволнованно зову его:

— Адольфъ Абрамовичъ, генералъ еще живъ! Пойдемте скорѣе къ нему, требуется ваша помощь!

У Іоффе почему-то смущенный видъ.

— Какая же моя помощь?...

— Но вѣдь вы же докторъ, врачъ... Можетъ быть, несчастнаго генерала еще удастся спасти!

Іоффе смущенъ еще больше, но овладѣваетъ собой и изображаетъ сожалѣніе:

— Да, я-то врачъ, но я... не практикующій...

Махнувъ рукой на «непрактикующаго» Іоффе и на остальныхъ большевиковъ, мы вернулись къ комнатѣ ген. Скалона, куда насъ на этотъ разъ пропустили. Здѣсь былъ лейт. Мюллеръ вмѣстѣ съ старымъ германскимъ штабнымъ врачемъ и фельдшеромъ, склонившимися надъ умирающимъ. Генералу дѣлали подкожное впрыскиваніе, безсильное спасти ему жизнь, но, быть можетъ, способное привести его въ чувство и помочь произнести нѣсколько разъясняющихъ страшный поступокъ словъ. Напрашивалась мысль, что это казалось немаловажнымъ для хозяевъ Бреста, явно озабоченныхъ тѣмъ, чтобы на нихъ не пало ничѣмъ незаслуженное обвиненіе.

— Рана смертельна. Нѣтъ никакой надежды.

Черезъ нѣсколько минутъ ген. Скалонъ, не приходя въ сознаніе, скончался.

Выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ револьвера «Смитъ и Вессонъ» крупнаго калибра, и въ самоубійствѣ нельзя было сомнѣваться, такъ какъ крѣпко зажатый въ правой рукѣ револьверъ не могъ быть вложенъ никѣмъ, кромѣ самого генерала. Судя по положенію тѣла передъ умывальникомъ, покойный стрѣлялся передъ зеркаломъ. Выстрѣлъ былъ направленъ точно въ правый високъ, пуля пробила черепъ, широкимъ отверстіемъ вышла навылетъ изъ лѣваго виска, ударилась въ стѣну и рикошетировала на полъ. Послѣ короткихъ поисковъ мы нашли ее на коврѣ.

На столѣ лежала оставленная генераломъ Скалономъ записка, написанная на обрывкѣ бумаги:

Могилевъ. Аннѣ Львовнѣ Скалонъ. «Прощай, дорогая, ненаглядная Анюта, не суди меня, прости, я больше жить не могу, благословляю тебя и Надюшу. Твой до гроба Володя.»

Прибылъ комендантъ штабъ-квартиры, маіоръ фонъ-Камеке съ своимъ адъютантомъ и обратился къ намъ:

— Я васъ убѣдительно попрошу присутствовать при составленіи протокола и подписать его во избѣжаніе всякихъ кривотолковъ.

Приступили къ осмотру всѣхъ вещей скончавшагося генерала. Среди нихъ мы напрасно искали какихъ-нибудь другихъ писемъ, замѣтокъ или дневника, которые пролили бы больше свѣта на душевную драму генерала Скалона. На нее не было и намека.

Составили подробную опись вещамъ покойнаго, бывшимъ въ его чемоданахъ, въ бумажникѣ и на немъ самомъ — кольца, золотые часы — и все это запечатали германскими сюргучными печатями.

Послѣ этого былъ составленъ протоколъ, гласившій приблизительно слѣдующее: 12-го декабря 1917 года въ 15 ч. 15 мин. выстрѣломъ изъ собственнаго револьвера системы «Смитъ и Вессонъ» покончилъ съ собой членъ военной консультаціи при Русской делегаціи на переговорахъ о перемиріи, Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ Скалонъ. Со стороны штабного врача ставки Восточнаго Фронта германской арміи ему была оказана медицинская помощь. Генералъ, не приходя въ сознаніе, скончался. О причинахъ самоубійства германскому командованію неизвѣстно. Предварительно генералъ никому о своемъ рѣшеніи покончить съ собой ничего не говорилъ.

Къ протоколу былъ приложенъ списокъ вещей генерала и онъ, составленный въ двухъ экземплярахъ, былъ врученъ нѣмцамъ и намъ, въ лицѣ секретаря делегаціи Карахана.

Нѣмцы съ полной искренностью и вниманіемъ стали проявлять свое рыцарство. Тѣло генерала Скалона было убрано, возлѣ него былъ выставленъ почетный караулъ, а послѣ положенія въ гробъ тѣло перенесли въ крѣпостной православный соборъ. Изъ безлюднаго Бреста въ Бѣлостокъ была послана телеграмма, по которой экстреннымъ поѣздомъ были доставлены въ ставку принца Леопольда Баварскаго православный священникъ, діаконъ и церковный хоръ.

Назначенное на 17 час. совмѣстное засѣданіе конференціи было отмѣнено.

Мнѣ представляется, что рѣшеніе покончить съ собой было для генерала не заранѣе обдуманнымъ, а внезапнымъ. Потому вполнѣ

правдоподобной оказывается единственная объяснительная фраза, включенная въ телеграмму Карахана по поводу самоубійства генерала: «Можемъ предполагать нервное разстройство».

Подавленнымъ было настроеніе у насъ, русскихъ офицеровъ, среди которыхъ генералъ Скалонъ былъ старшимъ. Та «подкладка» самоубійства, которой тщетно допытывались у насъ Іоффе и Караханъ, угнетала насъ, создавая внутреннее оправданіе страшному поступку.

— Я ему завидую!

Такъ говорили нѣкоторые, и возраженія на зависть мертвому не находилось. Кромѣ издерганныхъ нервовъ, было слишкомъ много такого, что заставляло видѣть безпощадную логичность въ этомъ самоубійствѣ. Слишкомъ безжалостно подрубила корни привычной жизни Великая Россійская Революція.

Въ обычный обѣденный часъ мы собрались въ офицерскомъ собраніи германскаго штаба. Во время обхода принцъ Леопольдъ Баварскій подошелъ къ Іоффе и въ краткихъ словахъ выразилъ ему чувство глубокаго соболѣзнованія его и штаба по поводу смерти генерала Скалона.

Не по адресу.

Обѣдъ прошелъ безъ обычнаго оживленія, тихо. Мы разошлись по комнатамъ съ мыслью, что въ холодной церкви когда-то большого русскаго гарнизона и съ нѣмецкими почетными часовыми у гроба, въ генеральской формѣ, которую уже приказано снять распоряженіемъ большевика-прапорщика, смертнымъ сномъ спитъ русскій генералъ, ушедшій изъ жизни.

А эта жизнь готовитъ каждому изъ насъ множество испытаній, горечи и обидъ, смѣшивая понятіе о воинскомъ долгѣ съ большевицкой грязью и предательствомъ красной политики.

ГЛАВА XIII.

Снова за работу.

Дѣловитость. — Безъ протокольной точности. — Переговоры снова въ рукахъ Гофмана. — Удочка съ крючкомъ. — Обходятъ особо-спорные пункты. — На войскахъ въ Македоніи окончательно проговорились. — Прибудетъ ли Троцкій? — Іоффе заметаетъ слѣды. — Отпускные солдаты. — Дополнительныя предложенія большевиковъ. — Иронія и игривость. — Не упустятъ ли дѣлежъ земли? — Анонимный вѣнокъ. — Цеки-паша запутался. — «Реквіемъ». — Большевики отбываютъ похоронную повинность. — Проводы. — Караханъ спекулируетъ.

На слѣдующій день послѣ смерти ген. Скалона утромъ, въ 9 часовъ 30 ноября (13 декабря) состоялось первое совмѣстное засѣданіе, которое генералъ Гофманъ открылъ вступительнымъ словомъ, выразивъ глубокое соболѣзнованіе по поводу вчерашняго печальнаго событія.

Это и послѣдующее засѣданіе второго пріѣзда въ Брестъ по своему характеру рѣзко отличались отъ засѣданій перваго пріѣзда. Прежде всего почти нацѣло отпалъ большевицкій декларативный тонъ, отпала та «политика», во имя которой красные делегаты готовы были

часами потрясать воздухъ конференціи пустыми и однообразными рѣчами, прерываемыми упрямо-мягкимъ гофмановскимъ «довольно». Говорилось только то, что имѣло непосредственное отношеніе къ дѣлу перемирія и говорилось кратко, безъ разглагольствованія не по содержанію пунктовъ. Дѣловитость конференціи повысилась.

Но, наряду съ этимъ, понизился интересъ большевиковъ къ точности протокола, о чемъ они такъ рьяно хлопотали въ прошлый разъ. Протоколъ велся изъ рукъ вонъ плохо. Не было ревнителя протокольной точности эсэра Масловскаго, а Караханъ, официальный секретарь делегаціи, былъ вовсе не склоненъ заниматься «бумагокропательствомъ». Но, кромѣ того, мой протеже, стенографистъ Гейкинъ, оказался болѣе чѣмъ сомнительнымъ спеціалистомъ въ этой области и до курьеза безграмотнымъ и безтолковымъ писакой.

Отсюда разительная разница въ характерѣ оповѣщенія Россіи о ходѣ переговоровъ, когда они приняли наконецъ реальный характеръ. Первый Брестъ отраженъ на страницахъ «Извѣстій» и «Правды» съ большой обстоятельностью, вмѣсто же многочасовыхъ засѣданій второго Бреста въ тѣхъ же газетахъ появились короткія замѣтки въ нѣсколько десятковъ словъ. А между тѣмъ, за все время переговоровъ о перемиріи и о мирѣ именно второй Брестъ — окончательное фиксированіе пунктовъ перемирія — носилъ характеръ наибольшей дѣловитости и соблюденія достоинства Россіи. Вызывалось это наибольшей уступчивостью генерала Гофмана, который спѣшилъ фиксировать перемиріе, чтобы затѣмъ возможно скорѣе перейти къ вопросу о мирѣ на началахъ, далекихъ отъ «равноправія» сторонъ и уступчивости.

Какъ и въ первый разъ, генералъ Гофманъ началъ засѣданіе словами, побуждающими пріѣзжихъ высказаться по существу:

«Я полагаю, что Русская делегація объяснитъ результаты своей поѣздки въ Петроградъ».

Іоффе предлагаетъ начать разсматривать проектъ договора по пунктамъ, фактически передавая руководство засѣданіемъ въ руки ген. Гофмана, который никогда въ такихъ случаяхъ не протестуетъ противъ отсутствія прямого отвѣта: постатейное обсужденіе лучше всего развязываетъ ему руки. Съ германской стороны — успокоеніе: поѣздка въ Петербургъ не оказалась чреватой новыми агитаціонными выдумками и новой, съ мѣста въ карьеръ бьющей заносчивостью. Можно вести переговоры ровно и мягко, а на этомъ ген. Гофманъ обычно выигрываетъ.

Освѣдомившись, уполномочена ли Русская делегація подписать договоръ въ Брестѣ, и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, ген. Гофманъ устанавливаетъ согласіе обѣихъ сторонъ на 28-дневный срокъ перемирія съ правомъ отказа отъ него при условіи предупрежденія противной стороны за семь дней.

Іоффе, начиненный въ красномъ Питерѣ осторожностью и стремленіемъ добиться гарантіи ненападенія со стороны Германіи, независимо отъ того, есть ли уже прочный миръ или нѣтъ, вводитъ добавку:

«Перемиріе автоматически продолжается, пока одна изъ сторонъ не откажется отъ него съ предупрежденіемъ за семь дней».

Сначала какъ-будто и нѣтъ спора. Ген. Гофманъ удивляется только самому измѣненію редакціи пункта, не измѣняющаго въ немъ по существу ничего. Іоффе тоже «простодушно» объясняетъ измѣненіе интересами большей ясности. Тогда ген. Гофманъ напрямки указываетъ и на существенную разницу: «для Германіи непріемлемо перемиріе безъ права отказа, въ виду того, что Германія ведетъ войну на другихъ фронтахъ съ союзниками Россіи, а союзники не согласны на перемиріе». И напоминаетъ: «Представители обѣихъ сторонъ сѣли за столъ конференціи затѣмъ, чтобы потомъ приступить къ переговорамъ о мирѣ».

«Я полагаю, что мы сѣли за этотъ столъ съ той же цѣлью, и то положеніе, что Германіи приходится вести войну на Западномъ фронтѣ, не имѣетъ къ намъ отношенія» — отвѣчаетъ Іоффе.

Переходятъ къ вопросу о Румынскомъ фронтѣ, включенномъ въ особую оговорку первоначальнаго русскаго текста. Въ виду того, что главнокомандующимъ этого фронта ген. Щербачевымъ уже заключено перемиріе, и въ виду «ручательства» Іоффе — «въ смыслѣ согласованности дѣйствій нашихъ и румынскихъ солдатъ мы беремъ на себя эту отвѣтственность» — примѣчаніе исключается.

Далѣе возобновляется основной споръ между сторонами по вопросу о «непереброскахъ», позволяющій ген. Гофману снова вернуться къ щекотливому вопросу о союзникахъ Россіи. Генералъ подчеркиваетъ изолированность Россіи, напоминаетъ обращеніе Троцкаго къ союзнымъ посламъ о достаточности мѣсячнаго срока для присоединенія къ «мирному почину» большевиковъ и подводитъ къ тому, что въ заботахъ о несговорчивыхъ союзникахъ совѣтская делегація ставитъ уступчивую Германію въ условія односторонней связанности. Онъ допускаетъ эту связанность лишь временно, на вполнѣ опредѣленный срокъ, скажемъ, до 1-го — 2-го января. Къ этому времени союзники Россіи должны наконецъ дать опредѣленный отвѣтъ.

Іоффе тотчасъ же схватилъ примаику, отвѣтивъ:

— Можно установить срокъ точно, напримѣръ, до 10 января.

Предсѣдатель сов. делегаціи даже не замѣтилъ, что этимъ отвѣтомъ онъ положилъ конецъ недоумѣнію ген. Гофмана по первому, отложенному пока пункту.

Слѣдуютъ недолгіе переговоры по вопросу о количествѣ войскъ, которыя не дозволяется перебрасывать. Іоффе и Каменевъ оспариваютъ гофмановскую формулу «силой дивизіи и больше» и говорятъ о запретѣ вообще всякихъ перебросокъ, но вскорѣ сами же предлагаютъ отложить и этотъ пунктъ.

Благодаря вмѣшательству к.-адмирала Альтфатера быстро принимается добавка, запрещающая сосредоточивать войска въ портахъ Чернаго моря и Балтійскаго моря восточнѣе 15 град. восточной долготы отъ Гринвича. Ген. Гофманъ тѣмъ легче вводитъ это дополненіе, что при этихъ условіяхъ Россіи оказываются закрытыми для подготовки десантной операціи рѣшительно всѣ ея порты, а Германіи предоставляется свобода въ рядѣ ихъ отъ Киля до Штеттина.

Пунктъ о демаркаціонной линіи не вызываетъ особыхъ споровъ. Правда, ген. Гофманъ хотѣлъ бы покончить въ этомъ пунктѣ и съ

вопросомъ о братаніи, фиксировавъ непереходимость демаркаціонной линіи рѣшительно для всѣхъ, что оспаривается большевиками, но, такъ какъ послѣдніе рѣшили выдѣлить братаніе въ особый пунктъ, редактированіе основного III-го пункта не задерживается.

Нѣкоторыя разногласія вызываетъ пунктъ VI, предусматривающій учрежденіе районныхъ комиссій для обсужденія мѣстныхъ условій перемирія въ соотвѣтственномъ районѣ. Въ первый пріѣздъ по этому вопросу существовала почти полная договоренность. На этотъ разъ большевики мѣняютъ и число комиссій и мѣста ихъ расположенія, вводя въ число такихъ пунктовъ Двинскъ и Бердичевъ.

Переходъ къ слѣдующему пункту о судьбѣ русскихъ войскъ въ Македоніи вновь вскрываетъ отсутствіе у большевиковъ шансовъ сговора съ державами Согласія. Въ первый пріѣздъ главари делегаціи подъ вліяніемъ составлявшихъ русскія условія военныхъ консультантовъ, всячески считавшихся съ интересами союзническаго фронта, не соглашались на германское предложеніе о включеніи русскихъ войскъ въ Македоніи въ перемиріе и на перевозку ихъ Центральными державами обратно въ Россію. Наоборотъ, русскій пунктъ VIII-ой гласилъ:

«Вопросъ о русскихъ войскахъ, находящихся въ Македоніи и во Франціи, подлежитъ предварительному обсужденію Правительства Россіи съ союзными ей державами».

На этотъ разъ Іоффе молчитъ о союзникахъ и освѣдомляется:

— Я бы хотѣлъ задать вопросъ, можетъ ли переброска русскихъ войскъ изъ Македоніи обратно въ Россію, какъ говорится въ вашемъ VIII-мъ пунктѣ, быть выполнена со стороны Германіи и ея союзниковъ?

Ген. Гофманъ изъявляетъ полную готовность Германіи и ея союзниковъ выполнить обѣщаніе о перебросқѣ русскихъ войскъ изъ Македоніи, связывая это съ началомъ мирныхъ переговоровъ и нащупывая:

«Немедленно же послѣ подписанія настоящаго договора могутъ выѣхать лица, уполномоченныя на веденіе переговоровъ о заключеніи мира. Отъѣздъ ихъ можетъ быть ускоренъ, если на веденіе этихъ переговоровъ уполномочены вы».

Іоффе подтверждаетъ свои полномочія и на веденіе мирныхъ переговоровъ съ тѣмъ, однако, что составъ делегаціи будетъ пополненъ. Новая пріятная для ген. Гофмана точка на «і». Онъ спѣшитъ скорѣе установить, кѣмъ именно делегація пополнится, согласно ли совѣтское правительство вести переговоры здѣсь, въ Брестѣ, и гдѣ можетъ состояться подписаніе мирнаго договора.

Отвѣты большевиковъ окончательно пахнутъ близостью сепаратнаго мира. Каменевъ говоритъ даже о «большомъ значеніи быстроты мирныхъ переговоровъ», позволяющей начать ихъ и въ Брестѣ, а Іоффе удовлетворяетъ любопытство ген. Гофмана, интересующагося, не пожалуетъ ли въ Брестъ самъ Троцкій. Изъ его словъ очевидно, что въ Германіи присутствію или неприсутствію на переговорахъ Троцкаго придаютъ немалое значеніе.

— Можно ли было бы окончательно узнать, — разспрашиваетъ ген. Гофманъ, — кого союзныя державы будутъ имѣть въ качествѣ представителей со стороны Россіи, такъ какъ, напримѣръ, если прибудетъ

Троцкій, то и въ составѣ намѣченной германской делегаціи могутъ быть соотвѣтствующія измѣненія.

— Что касается прибытія Троцкаго, то мы еще снесемся по аппарату Юза, — бросаетъ значительно Іоффе.

А ген. Гофманъ настаиваетъ:

— Я считаю желательнымъ, чтобы возможно скорѣе было объявлено, кто будетъ присутствовать со стороны Россіи. Это особенно важно, въ виду дальности Турціи. Турецкимъ делегатамъ необходимо во время снестись съ великимъ визиремъ.

— Мы это вскорѣ узнаемъ, — обѣщаетъ Іоффе и спѣшитъ придать мало дипломатической скороспѣлости своихъ признаній оттѣнокъ частной бесѣды, заявляя:

— Офиціальная часть засѣданія можетъ продолжаться.

Подъ знакомъ мягкости проходятъ два послѣднихъ, исключительно большевиками выдвинутыхъ, пункта объ «организованныхъ сношеніяхъ между войсками, въ цѣляхъ развитія и укрѣпленія дружественныхъ отношеній между народами договаривающихся сторонъ» и о провозѣ въ Германію и черезъ Германію во Францію и въ Англію «русской литературы».

Ген. Гофманъ не протестуетъ и вновь напоминаетъ, что «дивизіи фактически уже установили порядокъ общенія». Имъ оговариваются только опасенія насчетъ перехода черезъ демаркаціонную линію отпущенныхъ по домамъ солдатъ. Переходъ этотъ не можетъ быть допускаемъ, въ противномъ случаѣ будетъ открыто широкое поле шпіонажу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые отпущенные солдаты захотятъ вернуться на родину, а настоящее ихъ мѣстожительство провѣрить невозможно. Это предложеніе удачно мотивируется и припугиваніемъ: если перемиріе не приведетъ къ миру, такіе вернувшіеся на родныя мѣста русскіе солдаты станутъ военноплѣнными.

Передъ концомъ засѣданія Іоффе выдвигаетъ новое предложеніе изъ слѣдующихъ добавочныхъ пунктовъ: а) объ обмѣнѣ гражданскихъ плѣнныхъ и инвалидовъ, б) о возвращеніи на родину задержанныхъ въ теченіе войны женщинъ и дѣтей до 14-лѣтняго возраста, в) объ улучшеніи положенія военноплѣнныхъ обѣихъ сторонъ, г) о возстановленіи культурныхъ и хозяйственныхъ сношеній между странами, заключившими перемиріе.

Конференція скользитъ по этимъ вопросамъ, принимая моментами тонъ полу-шутливый. Такъ, на ироническое сомнѣніе ген. Гофмана, войска котораго вторглись далеко вглубь русской территоріи, есть ли по сю сторону фронтовой линіи такія женщины и дѣти, которыхъ пришлось бы возвращать въ Россію, Каменевъ игриво замѣтилъ:

— Мы тоже не знаемъ, имѣются ли у васъ такія, но у насъ ихъ много есть, и мы ихъ вамъ съ удовольствіемъ возвратимъ.

— А мы примемъ съ благодарностью, — съ достоинствомъ отвѣтилъ ген. Гофманъ.

По вопросу о возобновленіи почтовыхъ сношеній глава герм. делегаціи напомнилъ о существованіи въ Германіи цензуры, съ которой приходится считаться, а обо всѣхъ вообще дополнительныхъ пунктахъ

обѣщалъ сообщить своему правительству, не считая ихъ настолько спѣшными, чтобы рѣшать ихъ немедленно.

Характеренъ экивокъ ген. Гофмана по вопросу объ облегченіи участи военноплѣнныхъ. Онъ ни словомъ не обмолвился объ улучшеніи быта находящихся въ Россіи плѣнныхъ нѣмцевъ, но указалъ, что не плохо бы «успокоить» русскихъ военноплѣнныхъ въ германскихъ лагеряхъ:

— Русскіе военноплѣнные волнуются. Боятся, что изъ-за задержки мира они упустятъ свое право при раздѣлѣ земли. Русская делегація должна бы дать имъ успокоеніе.

Этотъ намекъ на необходимость, обращаясь по адресу военноплѣнныхъ, расписаться въ скорѣйшемъ стремленіи сов. правительства заключить миръ подхватываетъ Каменевъ, заявляющій, что делегаціей будетъ составлено соотвѣтствующее обращеніе. Ген. Гофману — онъ вѣдь только «солдатъ» — кажется достаточнымъ ограничиться тѣмъ, чтобы «уполномоченные военныхъ властей сообщили объ этомъ, подобно тому, какъ они передаютъ военныя распоряженія».

Пообѣщавъ обсудить дополнительные пункты совѣтской делегаціи, ген. Гофманъ въ 11 час. 30 минутъ объявляетъ перерывъ до вечера, и мы спѣшимъ по своимъ помѣщеніямъ переодѣться въ походную форму передъ панихидой по генералѣ Скалонѣ.

Все бѣло кругомъ отъ только что выпавшаго пушистаго снѣга. Мы по одиночкѣ собираемся въ крѣпостную церковь, гдѣ поставлено тѣло ген. Скалона. Является и почти весь составъ германскаго штаба. Штабъ и всѣ пять договаривающихся о перемиріи сторонъ возлагаютъ на гробъ покойнаго вѣнки. Безлюдный Брестъ, гдѣ не найдешь лентъ и выполнителей для надписей, заставляетъ сов. делегацію возложить анонимный вѣнокъ. Это и лучше. Богъ знаетъ, какъ именовали бы несчастнаго и какую бы «соболѣзнующую» надпись ввернули бы тѣ, за кѣмъ несомнѣнная вина въ его смерти.

Въ церкви — молчаніе. Мы стоимъ по одну сторону гроба и невольно наблюдаемъ, какъ старательно и щепетильно блюдутъ военные противники свою честь хозяевъ и ритуалъ проводовъ, кой въ чемъ дѣлая промахи противъ обрядовъ православія. Ввели, напримѣръ, внутрь церкви цѣлый духовой оркестръ, дожидающійся знака начать погребальную музыку.

Мусульманинъ Цеки-паша совсѣмъ запутался. Явился съ огромнымъ вѣнкомъ и не знаетъ, куда его возложить. Первымъ движеніемъ его было окружить вѣнкомъ голову покойнаго. Пашу выручилъ Альтфатеръ, принявшій вѣнокъ и прислонившій его къ катафалку въ ногахъ гроба.

Принцъ Леопольдъ Баварскій прибылъ въ церковь въ походной формѣ и съ золотымъ маршальскимъ жезломъ въ рукахъ. Онъ также возложилъ на гробъ свой вѣнокъ и истово перекрестился католическимъ крестомъ.

Оркестръ грянулъ «Реквіемъ». Трагически торжественны мѣдные звуки, чуждые русскимъ церковнымъ стѣнамъ. Этими мрачными аккордами военная Германія провожаетъ русскаго генерала за день до прекращенія войны, о которомъ договаривается съ двумя чуждыми

Россіи штатскими революціонерами и недавней каторжанкой, убійцей русскаго военнаго министра. Чувствуется, что этому ряду германскихъ военныхъ до мозга костей такъ понятна душевная драма генерала-самоубійцы, что они сочувствуютъ покойнику и презираютъ такихъ, какъ Іоффе, но они — нѣмцы и завтра будутъ съ брезгливостью въ душѣ, хотя и улыбаясь, скрѣплять договоръ бокаломъ шампанскаго.

Затихъ послѣдній аккордъ «Реквіема», началась церковная служба. Чинно стоятъ два еврея и армянинъ вмѣстѣ съ несомнѣнной атеисткой, блюдутъ декорумъ лояльности передъ православной религіозной церемоніей. Іоффе даже приготовилъ передать причту и хору цѣну крови, предательскіе «тридцать серебренниковъ» — по сто рублей.

А у насъ — иныя чувства.

Нужно было встрѣтить смерть на вражеской территоріи, чтобы отъ враговъ получить послѣднія воинскія почести. А тамъ, въ Россіи... тамъ въ этомъ уже было бы отказано красными комитетами, махнувшими на уставъ командами и объявившей походъ противъ религіи властью.

На смѣну хватающей за душу «вѣчной памяти» — траурный бетховеновскій хоралъ.

Гробъ вынесли на рукахъ члены русской делегаціи. На площади близъ гарнизонной церкви приготовленъ катафалкъ-грузовикъ, убранный траурными флагами и зеленью. Принцъ Леопольдъ Баварскій произнесъ нѣсколько сочувственныхъ словъ, а отрядъ германскихъ ландштурмистовъ далъ рядъ салютныхъ залповъ.

На вокзалѣ — снова краткая литія у гроба, поставленнаго въ траурный вагонъ, убранный черными, русскими трехцвѣтными и германскими флагами. Безъ рѣчей, безъ словъ проводили вагонъ, застучавшій по шпаламъ по направленію къ фронту, до котораго его провожаютъ германскіе солдаты.

При прощаніи со снявшимъ облаченіе причтомъ контръ-адмиралъ Альтфатеръ подошелъ къ священнику и поблагодарилъ его за совершеніе печальнаго обряда. Здѣсь къ общему удивленію произошелъ такой инцидентъ, вызванный характерной наружностью старшины военной консультаціи, а отчасти, вѣроятно, и фантастикой свѣдѣній о революціонной Россіи у тѣхъ, кто оставался внѣ ея, въ условіяхъ германской оккупаціи.

Священникъ изъ Бѣлостока пожалъ руку контръ-адмирала съ выраженіемъ глубокой преданности и взволнованно спросилъ:

— Ваше Императорское Величество! Осмѣлюсь спросить, какимъ образомъ вы сюда изволили попасть?

— Вы ошибаетесь, батюшка. Я не Государь Николай II, а контръ-адмиралъ русской службы Альтфатеръ.

Священникъ недовѣрчиво оглянулся на всѣхъ и настаивалъ:

— Зачѣмъ предо мной скрывать, Ваше Императорское Величество. Я не въ первый разъ имѣю счастье васъ видѣть. Могу ли я не узнать Ваше Императорское Величество.

К.-Адмиралъ Альтфатеръ немного смущенъ.

— И все-таки я не тотъ, за кого вы меня принимаете, батюшка. Спросите у другихъ. Они вамъ подтвердятъ, что я контръ-адмиралъ Альтфатеръ.

Раздаются подтверждающіе голоса, но создавшуюся въ представленіи священника живую легенду не такъ просто разрушить. У батюшки на лицѣ досада, — почему бы не довѣриться ему — и онъ прощается со словами:

— Все равно вы меня не разубѣдите.

Расходимся.

Зайдя въ помѣщеніе делегаціоннаго телеграфа, случайно узнаю, что Караханъ наладилъ черезъ кого-то изъ нѣмецкихъ офицеровъ связь съ окрестными польскими крестьянами. Ничего политическаго въ этой «смычкѣ» не было, но деньги интересовали секретаря совѣтской делегаціи много больше политики. Оказалось, что несмотря на германскую оккупацію и революцію въ Россіи, у крестьянъ довѣріе къ царскимъ сторублевкамъ-«катенькамъ» куда больше, чѣмъ къ германскимъ остъ-маркамъ: они охотно платятъ по 350 мар. за одну сторублевую бумажку.

Сообразительный Караханъ срочно потребовалъ отъ Смольнаго денегъ, въ которыхъ будто бы остро нуждается делегація, и по «юзу» выписалъ изъ Петербурга съ фельдъегеремъ на десятки тысячъ такихъ сторублевокъ. Въ Петербургѣ за одну германскую марку платили уже восемь рублей.

ГЛАВА XIV.

Договорились.

Первая цифра осилена. — Іоффе почувствовалъ себя стратегомъ. — Гарантируетъ ли господинъ Каменевъ непереброску американскихъ войскъ? — На разныхъ точкахъ зрѣнія. — Намекъ на возможность обхода договорныхъ условій. — Мы рвемъ съ союзниками, — вотъ наша гарантія. — Въ 28 дней армію все равно не перебросишь. — Каменевъ ловитъ Гофмана. — Гофманъ въ нетерпѣніи. — Телеграмма отъ русскихъ черезъ Германію. — Вопросъ о смѣнѣ частей для отдыха. — Принимаютъ отъ нѣмцевъ «взятку». — «Излѣченіе ранъ, нанесенныхъ цивилизаціи». — Альтфатеръ-бенефиціантъ. — Переводчикъ растерялся. — Русскій флотъ безъ базы или нѣмцы безъ доступа въ Ригу съ моря. — Средняя демаркаціонная линія. — Подписаніе.

— Открывая засѣданіе, отъ имени Германіи и союзныхъ державъ заявляю о желаніи слушать русскія предложенія.

Этой, ставшей стереотипомъ, фразой ген. Гофманъ открылъ вечернее засѣданіе конференціи того же 30-го ноября (13-го декабря) въ 17 часовъ.

Іоффе: Предложенія были сдѣланы, и мы должны были получить отвѣтъ на нихъ со стороны Германіи и ея союзниковъ.

Ген. Гофманъ вновь приступаетъ къ разсмотрѣнію І-го пункта, которое на этотъ разъ идетъ, какъ по маслу. Уполномоченный Германіи подчеркиваетъ, что «разногласіе существуетъ лишь въ словахъ,

а не въ смыслѣ», и что приближеніе заключенія мира — общая цѣль сторонъ. Каменевъ даетъ и точную формулу:

«Перемиріе начинается 15-го декабря н. ст. въ 12 час. дня и продолжается 28 дней, до 12 января н. ст. 12 час. дня. Обѣ стороны могутъ отказаться отъ перемирія не раньше 21 дня. Если этого не произойдетъ, перемиріе продолжается до тѣхъ поръ, пока одна сторона не откажется отъ него съ предупрежденіемъ за 7 дней. Такимъ образомъ, ранній срокъ начала враждебныхъ дѣйствій — 12 января».

— Текстъ принимается, — подтверждаетъ Іоффе.

— Первая цифра осилена, — съ удовлетвореніемъ говоритъ ген. Гофманъ, и карандашъ въ его рукахъ дѣлаетъ особенно энергичную помѣтку.

Конференція переходитъ къ обсужденію II-го пункта о «неперебросках». Ген. Гофманъ указываетъ на необходимость слѣдовать нѣмецкому тексту, а Іоффе, почувствовавъ себя стратегомъ, принимается разбираться въ войсковыхъ соединеніяхъ:

— Затрудняемся понять, почему нужно признавать именно дивизію, а не роты боевого значенія, какъ, напримѣръ, желѣзнодорожныя.

Ген. Гофманъ методично повторяетъ все, имъ ранѣе сказанное:

— Съ нашей стороны проявлена больше, чѣмъ предупредительность. Мы отъ своего предложенія отказаться не можемъ. Объясните намъ причину несогласія съ нашей формулировкой, дайте доводы, аннулирующіе наше предложеніе. Мы ихъ не видимъ. Перемиріе должно улучшить положеніе сторонъ, а не ухудшить.

Іоффе отвѣчаетъ доводомъ альтфатеровской записки, прочитанной въ первый пріѣздъ:

— Если будетъ сохранена формулировка «силой дивизіи и выше», это можно понимать, какъ разрѣшеніе въ цѣляхъ наступленія переброски силъ меньше дивизіи. Переброска, такимъ образомъ, все-таки будетъ продолжаться. Такой характеръ перемирія не можетъ способствовать присоединенію къ нему союзниковъ.

Ссылка на союзниковъ нервируетъ ген. Гофмана:

— Передвиженіе и перегруппировка въ настоящее время уже производятся по ранѣе отданнымъ приказамъ, а потому послѣ заключенія перемирія они должны продолжаться, иначе положеніе Германіи будетъ ухудшено. Ваши условія непріемлемы не только по соображеніямъ стратегическимъ, но и моральнымъ. Вскрывая вашъ смыслъ словъ «свыше полка», мы видимъ, что положеніе вещей не измѣнится, такъ какъ вы считаете невозможнымъ даже переброску отдѣльныхъ баталіоновъ изъ полка. Положеніе остается прежнимъ. Оно — на пользу державъ Согласія и продолженія европейской войны. Германская делегація спрашиваетъ Русскую, какія гарантіи можетъ дать Каменевъ, что союзники Россіи не будутъ усилены переброской американскихъ войскъ изъ Соедин. Штатовъ.

— Мы стоимъ на разныхъ точкахъ зрѣнія, — парируетъ Каменевъ. —Задача нашего договора такова: усилить мирныя движенія въ странахъ Антанты. Само уже заключеніе договора между Россіей и Германіей предполагаетъ усиленіе Германіи, которая сможетъ давить на страны Антанты и этимъ усилить въ нихъ мирное движеніе. Къ 12-му января

западные народы могутъ заставить свои правительства вступить на путь Россіи и Германіи, но для этого западныя страны не должны находиться подъ угрозой со стороны Германіи, иначе Клемансо и Ллойдъ-Джорджъ получатъ силу продолжать войну.

— Я держусь противоположной точки зрѣнія, — отвѣчаетъ ген. Гофманъ. — Всякое условіе, налагающее на Германію стѣсняющія ее обязательства, вызоветъ усиленіе не пацифистскаго движенія, а какъ-разъ наоборотъ. Всякое условіе, связывающее Германію, можетъ быть использовано въ странахъ Согласія, какъ моментъ ея слабости.

Пренія принимаютъ оживленный характеръ. Передаю ихъ по протоколу, нигдѣ не опубликованному:

Іоффе: О слабости Германіи рѣчь идти не можетъ. Нужно только имѣть въ виду стремленіе вызвать въ народахъ пацифистское движеніе, и въ этомъ смыслѣ вопросъ можетъ быть понимаемъ одинаково, какъ со стороны Россіи, такъ и со стороны Германіи, у которыхъ — общіе интересы. Иначе, возможно понять, что Германія используетъ перемиріе лишь въ цѣляхъ агрессивныхъ, а отнюдь не пацифистскихъ. Утромъ нами указывалось, что Германія и ея союзники не будутъ пользоваться для давленія на Западномъ фронтѣ заключеннымъ съ Россіей перемиріемъ только до 12 января. Въ цѣляхъ ясности намъ необходимо имѣть въ этомъ увѣренность.

Гофманъ: Напоминаю, что уже сегодня утромъ я считалъ непріемлемымъ русскій текстъ настоящаго пункта даже въ нѣсколько измѣненной формѣ. Что жъ, отложимъ окончательное его редактированіе. Но въ томъ, что мы не можемъ допустить наложенія на насъ такихъ стѣсненій, не должно оставаться никакихъ сомнѣній. Кромѣ того, я не могу принять безъ возраженій утвержденіе, что борьба за миръ начата Россійскимъ правительствомъ: первые шаги къ миру были сдѣланы Германіей и ея союзниками.

Каменевъ: Здѣсь теоретическіе споры неплодотворны. Вопросъ заключается лишь въ томъ, можно ли сдѣлать обязательство о непереброскѣ войскъ болѣе точнымъ. По моему, оно будетъ точнѣе, если слово «дивизія» замѣнить словомъ «полкъ».

Гофманъ. Считаю нужнымъ замѣтить, что Верх. Командованіе Германіи производитъ постоянныя передвиженія войсковыхъ частей и что затѣмъ нѣтъ ничего легче, чѣмъ обойти смыслъ предложеннаго измѣненія. Практически это можетъ осуществиться хотя бы такъ: будетъ лишь заранѣе приказано, а самыя передвиженія до момента необходимости производиться не будутъ.

Каменевъ. Все, конечно, можно обойти, но я считаюсь съ доброй волей сторонъ. Съ договоромъ въ рукахъ мы идемъ на разрывъ съ союзниками, съ которыми дружили три года. Вотъ — наша гарантія.

Гофманъ. Россія помогла союзникамъ больше, чѣмъ они — Россія. Всякое стѣсняющее насъ условіе будетъ истолковано, какъ давленіе на Германію и какъ признакъ ея слабости.

Іоффе. Тутъ разница въ точкахъ зрѣнія. Мы находимъ, что, если, вопреки установленію перемирія, будутъ производиться переброски, мы дадимъ Германіи возможность использовать перемиріе, какъ давленіе на союзниковъ. Это пріостановитъ движеніе въ пользу мира,

имѣющееся уже налицо въ странахъ Антанты. И наконецъ нужно подчеркнуть: разъ принятъ вообще вопросъ о непереброскѣ до 12-го января, непонятно, почему не принимается наша редакція. Почему неискренне говорить «передвиженіе», разъ это звучитъ не открыто.

Гофманъ. Первоначально Германія въ договорѣ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій не давала обѣщанія не сосредотачивать войскъ противъ западныхъ державъ, какъ и противъ Россіи. Такое обѣщаніе было дано лишь впослѣдствіи по просьбѣ Русской делегаціи. Въ принятой для пріостановки военныхъ дѣйствій редакціи допущено то, дальше чего идти уже нельзя.

Іоффе. Указаніе «дивизія и свыше» сводитъ непереброску до 12-го января на Западный фронтъ на-нѣтъ. Будетъ понятно, если ввести слова «не болѣе одной дивизіи».

Гофманъ. Это не исключаетъ, а лишь ограничиваетъ. Дивизія — оперативная единица, и безъ послѣдствій нельзя брать изъ нея отдѣльныхъ полковъ. Сначала совершенно не было ограниченія въ смыслѣ непереброски войскъ. Затѣмъ было указано: не болѣе одной дивизіи. Больше уступокъ дѣлать нельзя. Я имѣю передъ собой договоръ, заключенный между III, X и II русскими арміями и генераломъ Эйхгорномъ. Пунктъ 9-тый тамъ также гласитъ о запрещеніи передвиженій, а дальше объяснено, что «болѣе крупное передвиженіе, чѣмъ 4 дивизіи не разрѣшается». Вотъ это ведетъ куда дальше, чѣмъ то, что здѣсь было предложено.

Каменевъ смѣется.

Іоффе. Этотъ пунктъ настолько важенъ, что, если не найдемъ пути соглашенія, то предлагаемъ либо сейчасъ сдѣлать перерывъ, во время котораго мы снесемся съ Петроградомъ, либо же перейдемъ дальше, отложивъ спорное.

Гофманъ. Считаю болѣе правильнымъ снесеніе съ Петроградомъ. (Соглашается на перерывъ, но продолжаетъ аргументировать). Итакъ, 21 день — основной срокъ. Въ 28 дней срока перемирія невозможно производить передвиженіе армій.

Каменевъ. Если бы это было точно формулировано генераломъ такъ, чтобы политическій расчетъ, вкладываемый нами въ этотъ пунктъ, оправдался, тогда бы демократическія массы, на которыя мы опираемся, были бы ясно освѣдомлены о томъ, что пунктъ означаетъ.

Гофманъ. Это — вопросъ политическаго убѣжденія. Г. Каменевъ стоитъ на противоположной моей точкѣ зрѣнія.

Каменевъ. Но генералъ такъ или иначе сказалъ, что въ 21 день перебросить армію для боя нельзя.

Гофманъ. Подтверждаю.

Каменевъ. Намъ важно выразить это въ опредѣленной формулѣ. Если переброска войскъ въ 21 день невозможна, то введеніемъ этого въ формулу перемирія наше желаніе будетъ удовлетворено.

Гофманъ. Это требованіе звучитъ унизительно для Германіи, и такъ какъ практически это безразлично, мы можемъ сказать: «не производить болѣе крупныхъ перебросокъ...»

Каменевъ. А если мы скажемъ откровенно то, что здѣсь только что выражено: «не предпринимать перебросокъ для оказанія давленія

на страны Антанты, превышающаго обычные размѣры»? Предлагаемое перемиріе не можетъ быть употреблено для удара на Западный фронтъ силами, находящимися у нашего фронта.

Гофманъ. Не можемъ взять на себя обязательство не производить перевозокъ небольшихъ частей, такъ какъ распоряженіе о томъ, что можетъ быть снято съ Восточнаго фронта, уже послѣдовало.

Іоффе. Я долженъ указать, что въ борьбѣ за миръ, которую мы проводимъ, нужно считаться съ представленіемъ невоенныхъ людей, которымъ кажется, что частыми переброскамн мелкихъ частей можетъ быть перевезена цѣлая армія.

Гофманъ. Я уже сказалъ, что германское Верх. Командованіе не можетъ связать себя обѣщаніемъ не перебрасывать мелкихъ частей. Само собою разумѣется, что большія части перебрасывать невозможно.

Каменевъ. Мы не сомнѣваемся, что фактически вопросъ стоитъ именно такъ, что перебрасывать можно лишь мелкія части. Мы не хотимъ лишь, чтобы намъ былъ брошенъ упрекъ, что за время перемиріи на Западномъ фронтѣ, помимо войскъ, тамъ находившихся, было произведено давленіе, котораго не было раньше, до перемирія. Иначе это мѣняетъ для насъ всю политическую ситуацію.

Іоффе. Можно ли это зафиксировать такъ: «не усиливать на фронтѣ отъ Балтійскаго до Чернаго морей измѣненія числа дивизій, находящихся къ моменту начала перемирія».

Гофманъ. Съ одной стороны, 21-дневный срокъ слишкомъ коротокъ для переброски въ бой и возвращенія арміи обратно. Разстояніе слишкомъ велико. Съ другой стороны, я не могу взять обязательство отказаться отъ переброски небольшихъ частей.

Іоффе. Къ этому пункту можно сдѣлать добавленіе такого рода: «за исключеніемъ небольшихъ передвиженій, вызываемыхъ техническими условіями».

Гофманъ. Въ виду невозможности сейчасъ разрѣшить этотъ вопросъ и возможности этого лишь послѣ переговоровъ съ Петроградомъ, предлагаю перерывъ на часъ или на какой-нибудь другой удобный срокъ.

Іоффе. Предлагаю сегодня вообще не засѣдать, тѣмъ болѣе, что при переговорахъ съ Россіей нужно считаться съ тѣмъ, что тамъ изъ-за двухчасовой разницы во времени теперь слишкомъ поздно — 8 часовъ 30 минутъ.

Гофманъ. Можно, заимствуя слова г. Каменева, формулировать такъ: «Въ силу добраго стремленія Русскаго правительства побудить своихъ союзниковъ къ участію въ переговорахъ объ установленіи всеобщаго перемирія и во избѣжаніе вліянія на нихъ усиленнаго давленія войскъ Германіи и ея союзниковъ, договаривающіяся стороны обязуются, по особому желанію Русской делегаціи ...»

Іоффе. Это можно добавить.

Гофманъ. Въ частности, въ давленіи противъ англичанъ при Камбре оказала содѣйствіе дивизія, переброшенная съ русскаго фронта. Такъ какъ же: принять поправку съ новой вступительной частью и включивъ въ нее «болѣе крупныхъ войсковыхъ единицъ», или же нѣтъ?

Каменевъ. Можно было бы, не вводя этого въ текстъ пункта, дополнить договоръ торжественнымъ заявленіемъ Германскаго правительства или командованія, что, идя навстрѣчу желаніямъ Русскаго правительства, оно обязуется для оказанія особаго давленія на народы Антанты не производить болѣе или менѣе крупныхъ дѣйствій...

Гофманъ (съ нетерпѣніемъ). Предлагаю начать пунктъ слѣдующими словами: «Въ виду особеннаго желанія Русской делегаціи, которая все еще надѣется, что союзники примкнутъ къ перемирію, договаривающіяся стороны обязуются не предпринимать болѣе крупныхъ передвиженій».

На этомъ безплодный споръ сторонъ неожиданно окончился, чтобы впослѣдствіи не возобновиться: пленумъ конференціи къ вопросу о «непереброскахъ» больше не возвращался, общую формулу нашли въ засѣданіяхъ редакціонной комиссіи на слѣдующій день.

Выходомъ для ген. Гофмана явилась переданная въ залъ засѣданій телеграмма отъ германскаго Верх. Командованія. Въ этой телеграммѣ содержалось какимъ-то образомъ (очевидно, черезъ перебѣжчиковъ) переданное требованіе русскихъ воинскихъ частей, включенныхъ въ союзническія арміи, о вывозѣ ихъ въ Россію. Германская делегація усиленно подчеркиваетъ, что русскіе солдаты обращаются къ новому правительству не черезъ союзниковъ, а черезъ Германію, въ которой уже не видятъ врага и въ близкомъ сговорѣ съ которой вполнѣ увѣрены.

Телеграмма производитъ впечатлѣніе, отвлекая общее вниманіе отъ разсматриваемаго вопроса.

Ген. Гофманъ быстро заканчиваетъ засѣданіе, предлагая принять весьма важное для Германіи дополненіе ко II-му пункту:

— Пунктъ II-ой можно дополнить еще слѣдующимъ: «смѣна частей разрѣшается». Дѣло въ томъ, что Германское командованіе и теперь уводитъ дивизіи въ тылъ, на удобныя квартиры съ цѣлью смѣнить ихъ на короткое время для отдыха. На одинъ день поэтому нужно допустить подвозъ къ мѣсту смѣны лишней дивизіи, которая должна занять положеніе уводимой, а эта послѣдняя уходитъ сразу же, на слѣдующій день. Мы должны объ этомъ предупредить, чтобы смѣна не была поводомъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ.

Іоффе сразу же соглашается на это съ тѣмъ, чтобы въ формулировку дополненія было введено слово «обычная»: «обычная смѣна частей разрѣшается».

— У насъ другихъ смѣнъ и нѣтъ, — смѣется ген. Гофманъ. — При нашей системѣ смѣна частей есть лишь льгота для тѣхъ солдатъ, которые несутъ окопныя тяготы. Такая же смѣна необходима и возможна и для русскихъ солдатъ. Эта оговорка должна быть принята въ интересахъ солдатъ обѣихъ сторонъ, гарантируя имъ болѣе продолжительный отдыхъ.

— Это принимается, — согласенъ Іоффе.

Въ 19 час. 20 мин. передъ самымъ обѣдомъ засѣданіе закрывается, съ тѣмъ, чтобы возобновиться въ 9 часовъ утра на слѣдующій день.

Въ обстановкѣ штабного офицерскаго собранія горячности ген. Гофмана какъ не бывало. Прежніе любезные разговоры, лишній предложенный стаканъ вина, лишняя улыбка единственной дамѣ Биценко,

атмосфера подчеркнутой дружественности и увѣренности, что полная договоренность близка.

Большевики, сами того не замѣчая или не желая замѣчать, поддаются на удочку любезнаго вниманія хозяевъ. Ими принято, напримѣръ, великодушное предложеніе ставки Восточнаго Фронта, установившаго спеціально для совѣтской делегаціи въ районѣ Брестъ-Литовска курсъ русскаго рубля по до-военному расчету: одинъ рубль — двѣ германскихъ марки. При дешевизнѣ германскихъ товаровъ это позволяетъ большевикамъ обзаводиться многимъ необходимымъ за безцѣнокъ.

Но, принимая такую финансовую «любезность», большевики косятся на невиннѣйшія проявленія вниманія германскаго офицерства къ русскому въ обстановкѣ собранія. Караханъ даже умудрился создать цѣлый «вопросъ» изъ такой естественной мелочи. Во время обѣда у меня былъ разговоръ въ общей формѣ съ маіоромъ генер. штаба Вахенфельдомъ о первомъ періодѣ войны. Я высказывалъ личное мнѣніе, что Германія сдѣлала непоправимый промахъ, не направивъ всѣхъ своихъ силъ на Францію осенью 1914 года, и проиграла сраженіе на Марнѣ, задавшись цѣлью одновременно остановить русское наступленіе въ Вост. Пруссіи. Сначала мой собесѣдникъ со мной не соглашался, но, придя въ благодушное настроеніе послѣ обѣда, по обычной у нѣмцевъ между собой манерѣ, похлопалъ меня по плечу и произнесъ, приглашая меня въ гостиную:

— «Sie haben Recht, Herr Focke: hätten wir 1914 Paris genommen, so wären wir eben mit Ihnen schon daheim!»

Ночью работалъ съ краснымъ Питеромъ делегаціонный «юзъ». Не дремалъ и штабъ ген. Гофмана.

На утреннемъ засѣданіи 1/14-го декабря, собраннымъ въ 9 час. 13 мин., обсуждался вопросъ объ обмѣнѣ гражданскими плѣнными и бѣженцами войны, который былъ возбужденъ большевиками наканунѣ. Большевики развивали свою крикливую мысль «о скорѣйшемъ излѣченіи ранъ, нанесенныхъ войной цивилизаціи», а ген. Гофманъ слушалъ и соглашался принципіально, отстраняя рѣшеніе вопроса отъ себя и предложивъ созданіе особой комиссіи. Съ германской стороны должна выѣхать въ Петроградъ такая комиссія во главѣ съ гр. Кайзерлингомъ, въ распоряженіе котораго на нейтральной зонѣ должно быть предоставлено соотвѣтствующее число классныхъ вагоновъ для поѣздки въ Россію.

Спѣшная и плодотворная работа редакціонной комиссіи этимъ вечеромъ до и послѣ обѣда (съ 17 час. до 19 час. 30 мин. и съ 21 час. 30 мин. до 23 час.) привела къ тому, что на слѣдующій день оставалось лишь пленарно обсудить кардинальныя разногласія по вопросу объ установленіи перемирія на морскихъ театрахъ войны.

Посвященное этому засѣданіе состоялось 2/15-го декабря, начавшись въ 9 час. 5 мин. и закончившись въ 12 час. 35 мин. Эти три часа были бенефисомъ для к.-адмирала Альтфатера. «Бенефиціантъ» вступилъ въ словесную борьбу съ представителемъ герм. флота, капитаномъ 1-го ранга Горномъ, а ген. Гофманъ велъ себя, какъ арбитръ.

Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности детально изложить ходъ преній по этому вопросу, въ первый и единственный разъ за все время Бреста заслуживающій названіе «поединка», успѣшнаго для русской делегаціи. Въ самомъ же началѣ спора двухъ моряковъ оказалось: представитель морского вѣдомства Россіи вооруженъ доводами такъ же основательно, какъ основательно безсиленъ передать ихъ офиціальный переводчикъ русской делегаціи. К.-адмиралъ Альтфатеръ говоритъ съ воодушевленіемъ, а Яковлевъ вслѣдъ за нимъ путается въ нескладныхъ нѣмецкихъ фразахъ и выливаетъ ушаты холодной воды въ альтфатеровскій кипятокъ. Альтфатеръ начинаетъ нервничать, искать глазами подмоги и въ концѣ концовъ смотритъ умоляющими глазами на меня, киваетъ мнѣ, прося его выручить.

Мѣсто переводчика пришлось занять мнѣ, бросивъ свои помѣтки наблюдателя. Не до особенныхъ наблюденій было при передачѣ стратегически обоснованныхъ экскурсій к.-адмирала Альтфатера по большой морской картѣ.

Существо спора между двумя моряками было таково:

Первоначальныя предложенія Германіи и контръ-адмирала Альтфатера были совершенно несогласимы. Германское предложеніе просто-напросто запирало весь русскій флотъ въ Финскомъ заливѣ, ограничивъ его линіей Шпитгамнъ—Оденсгольмъ—Руссарэ и трехмильной полосой вдоль Финляндіи въ Ботническомъ заливѣ. Это предложеніе изгоняло русскій флотъ изъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ онъ сравнительно свободно крейсировалъ и, главное, гдѣ онъ имѣлъ мощную укрѣпленную базу на Аландскихъ островахъ, съ большими складами, батареями и личнымъ составомъ. Лишенные связи съ русскимъ флотомъ, эти острова попадали въ кольцо германскаго флота.

Первоначальное предложеніе контръ-адмирала Альтфатера о демаркаціонной линіи въ Балтійскомъ морѣ отъ Люзерорта на южную оконечность острова Готландъ и до территоріальныхъ водъ Швеціи носило бы болѣе безпристрастный характеръ, если бы для Германіи могло быть пріемлемо вызывающее альтфатеровское очищеніе нѣмцами острововъ Моонзунда. Однако, и при этомъ условіи «запросъ» съ русской стороны былъ бы слишкомъ очевиднымъ, такъ какъ указанная линія, захватывая къ сѣверу Рижскій заливъ, разобщала бы для Германіи ея порты съ уже занятой Ригой. Получался бы также курьезъ: русскій флотъ имѣлъ бы право подходить къ «нѣмецкой» Ригѣ при отсутствіи этого «права» у германскаго военнаго флота. Отъ такихъ условій контръ-адмиралъ Альтфатеръ отказался еще въ прошлый пріѣздъ, но и вторичная, смягченная его редакція (демаркаціонная линія Залисмюнде—Церель—южная оконечность острова Готланда — территоріальныя воды Швеціи) все же изолировала нѣмцевъ съ моря отъ занятыхъ ими Моонзундскихъ острововъ, несмотря на то, что очищеніе ихъ было отвергнуто, съ чѣмъ уже согласилась русская делегація.

Было слишкомъ очевидно, что невозможно принять ни ту, ни другую редакцію, и проводить демаркаціонную линію въ Балтійскомъ морѣ придется гдѣ-то посрединѣ.

Въ спорѣ объ этомъ капитанъ І-го ранга Горнъ выдвигаетъ гораздо болѣе слабую аргументацію, чѣмъ оживившійся к.-адмиралъ Альтфатеръ.

Горна больше всего занимаетъ не русскій флотъ, а англійскія подводныя лодки, которыя, не участвуя въ перемиріи, будутъ имѣть возможность свободно дѣйствовать и уходить изъ русскихъ морскихъ базъ обратно въ Англію. Чтобы успѣшно наблюдать за этими подводными лодками Антанты, необходимо имѣть возможно болѣе короткую демаркаціонную линію въ видѣ одного горла Финскаго залива. Чтобы добиться расширенія зоны свободнаго плаванія русскаго флота, к.-адмиралу Альтфатеру приходится дать гарантію, что военныя суда Антанты будутъ подчиняться правиламъ перемирія наравнѣ съ русскими судами.

Когда договорились объ этомъ, уступка послѣдовала и со стороны Германіи.

Арбитръ, ген. Гофманъ, призналъ несправедливость изоляціи русскаго флота отъ его морской базы на Аландскихъ островахъ, и капитанъ 1-го ранга Горнъ выдвинулъ новое предложеніе, по которому весь Ботническій заливъ вошелъ въ русскую зону; опорнымъ пунктомъ на русскомъ берегу и на островахъ Моонзунда остались тѣ же Шпитгамнъ и Оденсгольмъ, но въ дальнѣйшемъ демаркаціонная линія отклонилась на Западъ и на Югъ пройдя черезъ Бокшеръ—Сэдерармъ—Симпнэсклубъ.

Это предложеніе было уже почти пріемлемо, но неутомимый Альтфатеръ продолжалъ споръ и выторговалъ возможное удаленіе демаркаціонной линіи отъ Ревеля. Ген. Гофманъ опять таки нашелъ вполнѣ справедливой аргументацію Альтфатера и согласился отодвинуть исходную точку морской демаркаціонной линіи туда, гдѣ въ берегъ упирается сухопутный фронтъ. Въ конечномъ итогѣ преній за демаркаціонную линію была принята такая: Рогекюль—западный берегъ острова Вормсъ—островъ Бокшеръ—Свенска—Хегарне.

Эпопея переговоровъ о перемиріи кончалась. До обѣда усиленно работала только редакціонная комиссія, окончательно свѣрявшая тексты договорныхъ пунктовъ, и въ часъ, когда обѣ делегаціи сошлись на обѣдъ, нѣсколько машинокъ уже отстукивали необходимый для подписанія десятокъ экземпляровъ договора.

Въ одиннадцатомъ часу вечера присутствовавшихъ пригласили въ общій залъ. За столъ, одинъ противъ другого, сѣли принцъ Леопольдъ Баварскій и Іоффе, а по обѣ стороны отъ нихъ размѣстились представители договаривающихся государствъ и красной Россіи. Остальные стали за спинками ихъ креселъ въ нѣсколько рядовъ. Вспышка магнія. Фотографы увѣковѣчиваютъ историческій моментъ, а по рукамъ представителей сторонъ идутъ десять оттисковъ только что заключеннаго договора.

Моментомъ подписанія считается 23 часа 10 минутъ.

Я не могъ не воспользоваться возможностью получить тѣ же подписи лично для себя. По моей просьбѣ онѣ были повторены и одиннадцатый разъ на такомъ же печатномъ текстѣ договора, какъ и офиціальные.

Въ краткихъ словахъ принцъ Леопольдъ Баварскій благодаритъ участниковъ переговоровъ за понесенные труды и высказываетъ увѣ-

ренность, что успѣшно начатое дѣло мира приведетъ къ благопріятвому для сторонъ концу.

Около пятидесяти офицеровъ ставки германскаго Восточнаго Фронта присутствуетъ при этомъ актѣ, создавая необычный въ офиціальныхъ случаяхъ численный перевѣсъ на германской сторонѣ и придавая торжеству его истинный характеръ крупнаго успѣха Германіи.

ГЛАВА XV.

Между дѣломъ.

Передъ мирными переговорами. — Первыя ласточки съ Украины. — Приглашеніе въ охотничій замокъ «Скоки». — Этикетъ походнаго Двора. — Между дѣломъ. — Поѣздка Іоффе и Каменева въ Варшаву. — «Непредвидѣнные» расходы. — И это все? — Глава изъ бульварнаго романа. — Каменевъ разошелся. — Обзавелись необходимымъ. — Караханъ-оптовикъ. — Двѣ коробки карманныхъ часовъ. — Щелчокъ по карахановскому носу. — Поѣздка на фортъ № 11. — Страница недавнихъ дней войны. — Общія чувства противниковъ. — Альтфатеръ пробуетъ заняться дѣломъ. — Предложеніе русской делегаціи по вопросу о плѣнныхъ. — Вялое засѣданіе.

Мирные переговоры должны начаться безъ промедленія, какъ только прибудутъ уполномоченные Германіи и ея союзниковъ, которымъ уступитъ свое мѣсто ген. Гофманъ. По распоряженію изъ Смольнаго, представителями сов. правительства при новыхъ переговорахъ оставлены тѣ же лица, и члены военной консультаціи остаются участниками дальнѣйшихъ шаговъ мира. Главная ихъ роль сыграна. Въ будущемъ приходится присутствовать въ качествѣ безгласныхъ свидѣтелей, такъ какъ чисто-военные вопросы отступаютъ на послѣдній планъ. Передъ авторитетными фигурами государственныхъ людей, ст.-секретаря фонъ-Кюльмана, министра гр. Чернина и великаго визиря Турціи, стушевывается генеральская фигура Гофмана. Стушевываются и защитные кителя русскихъ военныхъ консультантовъ, ихъ подсказка уже почти ни въ чемъ не нужна «полномочнымъ».

Какъ первая ласточка новыхъ, многолюдныхъ и широкихъ переговоровъ, въ ставкѣ принца Леопольда Баварскаго уже появились изъ-за того же многострадальнаго русскаго фронта украинцы, положеніе и роль которыхъ пока далеко не ясны: провозглашенный Смольнымъ принципъ самоопредѣленія народовъ вплоть до образованія самостоятельныхъ государствъ и существованіе Украинской Центр. Рады отдѣляетъ ихъ отъ большевиковъ, но точнаго договора о самостійной Украинѣ еще нѣтъ — и представители русскаго Юга ведутъ пока совмѣстные съ большевиками переговоры.

Украинскую государственность представляетъ одинъ Любинскій, членъ Ц. Рады, совсѣмъ молодой человѣкъ, студенческаго возраста, съ симпатичнымъ лицомъ. Онъ, конечно, соціалистъ, но того эсэровскаго толка, который на большевицкомъ Сѣверѣ подвергается политическимъ преслѣдованіямъ. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли и двое военныхъ изъ новоявленной украинской арміи, ротмистръ Гасенко и пору-

чикъ Левицкій. Всѣ трое — въ штатскомъ, простомъ, но много болѣе казистомъ, чѣмъ у потертыхъ делегатовъ Смольнаго.

3-го декабря, на слѣдующій день послѣ подписанія договора о перемиріи весь составъ русской делегаціи и трое украинцевъ получили приглашеніе на обѣдъ у принца Леопольда Баварскаго въ занимаемомъ имъ охотничьемъ замкѣ «Скоки» подъ Брестъ-Литовскомъ.

Къ назначенному времени для приглашенныхъ было подано около десяти штабныхъ автомобилей. Отъ обычнаго разсаживанія пріѣзжихъ по одиночкѣ нѣмцы на этотъ разъ отказались. Размѣстились, кто какъ хотѣлъ, свои со своими.

Замокъ «Скоки» — уголокъ уцѣлѣвшей помѣщичьей старины. Это — небольшой особнякъ съ почетными часовыми у входа. Въ вестибюлѣ, куда мы входимъ, на стѣнахъ — охотничьи трофеи, масса оленьихъ роговъ и головъ. Снять шинель подскакиваютъ вѣстовые въ солдатской формѣ, а на порогѣ встрѣчаетъ капитанъ фонъ-Трота, исполняющій въ замкѣ гофмаршальскія обязанности. Онъ приглашаетъ насъ въ пріемную, гдѣ гости за разговоромъ ожидаютъ выхода августѣйшаго хозяина.

Принцъ Леопольдъ у себя особенно привѣтливъ, здоровается и говоритъ съ каждымъ, хоть по нѣсколько словъ, самъ приглашаетъ въ столовую.

Безъ особой роскоши изящна и до мелочей выдержана жизнь этого маленькаго походнаго Двора, куда залетѣли пиджаки изъ Смольнаго, привыкшіе пить чай на непокрытыхъ скатертью столахъ изъ немытыхъ кружекъ. Походный гофмаршалъ ф.-Трота указываетъ каждому его мѣсто, заранѣе отмѣченное отпечатанной типографскимъ способомъ небольшого размѣра визитной карточкой. На карточкахъ фамилія и для офицеровъ — чинъ. Возлѣ каждаго прибора и печатное меню съ программой музыкальныхъ номеровъ, исполняемыхъ струннымъ оркестромъ музыкантскаго хора 2-го ландштурмъ-баталіона Бохумъ. Сервировка еще болѣе изысканная, чѣмъ въ штабномъ собраніи, и много цвѣтовъ.

Кромѣ делегатовъ Смольнаго и Украинской Рады и ихъ военныхъ консультантовъ, къ обѣду приглашены только ген. Гофманъ, австр. посланникъ ф.-Мерей, легаціонный совѣтникъ ф.-Розенбергъ, турецкій совѣтникъ Эденъ-бей, комендантъ ф.-Камеке, полковникъ баронъ ф. Перфаль, маіоры Бринкманъ и Мирбахъ и капитанъ Гей; всего за обѣдомъ — двадцать четыре человѣка.

Честь пріѣзжимъ оказана, но отъ произнесенія рѣчей хозяинъ воздерживается. Разговоръ ведется между сосѣдями. У меня они — турокъ Эденъ-бей и капитанъ Гей, съ которымъ иногда приходится сидѣть рядомъ и въ офицерскомъ собраніи.

Обѣдъ прекрасный, оркестръ играетъ изъ Оффенбаха, Штрауса и малоизвѣстнаго опереточнаго композитора Сюлливана, на прибавку къ которымъ серьезные Вагнеръ и Григъ.

Изъ обѣдающихъ въ «Скокахъ» паръ наиболѣе интересной была — ген. Гофманъ и Биценко. Уполномоченный Германіи, обычно внимательный къ совѣтской делегаткѣ, на этотъ разъ весь отдалъ себя оживленному съ ней разговору. Внѣшне манера генерала, его улыбки и частые поклоны говорятъ о большомъ интересѣ къ собесѣдницѣ.

Обѣдъ продолжался два часа. Принцъ Леопольдъ распрощался съ гостями, и насъ отвезли обратно въ Брестъ.

На нѣсколько дней началась свободная въ предѣлахъ крѣпости жизнь между дѣломъ, сложившаяся различно для военной консультаціи и для «полномочныхъ».

Еще во время послѣдняго обѣда передъ подписаніемъ договора о перемиріи Іоффе и Каменевъ заручились у ген. Гофмана разрѣшеніемъ побывать въ лагеряхъ военноплѣнныхъ подъ Варшавой, откуда на адресъ делегаціи получались многочисленныя письма съ просьбами облегчить положеніе и ускорить возвращеніе на родину.

4-го декабря ст. ст. въ Варшаву выѣхали Іоффе и Каменевъ въ сопровожденіи лейтенанта Мюллера и совѣтника Эденъ-бея. О поѣздкѣ «полномочныхъ» впослѣдствіи сложился такой разсказъ.

Средства на поѣздку были отпущены германскимъ штабомъ, не поскупившимся взять на себя всѣ расходы по поѣздкѣ до самыхъ мелкихъ и даже до такихъ, которые, съ точки зрѣнія соціалистическаго ригоризма, приходится назвать «непредвидѣнными».

Въ Варшавѣ два большевика были на автомобилѣ доставлены въ лучшій отель «Бристоль», гдѣ имъ отвели прекрасное помѣщеніе. Едва успѣли товарищи привести себя въ порядокъ послѣ дороги, какъ явился ихъ чичероне, лейтенантъ Мюллеръ, и предложилъ ѣхать развлечься въ знаменитую Варшавскую оперетку. Поѣхали.

Выйдя изъ театра, разохотившійся на развлеченія послѣ добраго ужина съ виномъ Каменевъ вопросительно и съ сожалѣніемъ сказалъ:

— И это все?

Тогда машина двинулась по ночнымъ улицамъ Варшавы и привезла ихъ къ дверямъ, за которыми ночная жизнь не слишкомъ считается съ запретами и сроками военнаго положенія.

По убранной коврами и растеніями лѣстницѣ поднялись въ типичнѣйшій для ночного, чувственнаго разгула уголокъ — зеркальный залъ. Стѣны, потолокъ, двери и полъ, все — изъ сплошного зеркальнаго стекла. Полускрытый на хорахъ, играетъ дамскій струнный оркестръ. Для гостей мягкіе диваны и шампанское.

Одинъ за другимъ смѣняются музыкальные номера, и вдругъ подъ звуки томной восточной мелодіи въ залъ вступаютъ обнаженныя женскія фигуры танцовщицъ-баядерокъ. Зеркала повторяютъ ихъ десятками хороводовъ, опрокидываютъ надъ головою и показываютъ въ неожиданномъ, возбуждающемъ раккурсѣ въ сверкающей поверхности пола.

Снова вино. Наѣзжія изъ веселыхъ кварталовъ Берлина гуріи и варшавянки, танцуя, бомбардируютъ взглядами «борцовъ за миръ», и бомбардировка имѣетъ успѣхъ. Іоффе таетъ болѣе молчаливо, а захмѣлѣвшая художественная натура Каменева пришла въ побѣдно-восторженное состояніе. Даже званіе русскаго делегата сказалось. Вскочилъ съ мѣста, крикнулъ оркестру:

— Трепака! Русскую!

Музыкантши измѣнили восточные темпы на плясовую, и Каменевъ, взмахнувъ фалдочками демократическаго пиджачка, пустился въ присядку вмѣстѣ съ одной изъ полуголыхъ баядерокъ.

Въ «Бристоль» вернулись только къ утру.

Слѣдующій день пришлось вычеркнуть изъ «дѣловой» работы. Жаждущимъ улучшенія участи русскимъ военноплѣннымъ можно было и пообождать: у пролетарскихъ делегатовъ болѣли головы.

Другой приманкой Варшавы явились магазины. Русскія кредитки предупредительно размѣнены въ Брестѣ по льготному курсу, и оба главаря красной делегаціи имѣли возможность обзавестись приличными костюмами, дорожными несесерами и добротными чемоданами. Въ Брестъ они вернулись преображенными.

Военноплѣнныхъ все-таки посѣтили. Побывали въ одномъ изъ лагерей, который быстро обошли, что-то пообѣщали и ни въ чемъ, конечно, не облегчили ничьей участи.

Не дремалъ въ дни отдыха и оставленный въ Брестѣ Караханъ. Кутить здѣсь негдѣ, но уже прибылъ изъ Петербурга фельдъегерь съ царскими кредитками, и началась «хозяйственная» работа.

Въ свободные отъ засѣданій дни мы охотно пользовались разрѣшеніемъ побывать въ городѣ въ сопровожденіи германскаго офицера. Брестъ пустъ. На улицахъ только солдатскія и офицерскія фигуры. Магазиновъ нѣтъ, кромѣ прекраснаго магазина, напоминающаго наши полевыя отдѣленія «гвардейскаго экономическаго общества».

Въ такомъ же нѣмецкомъ военномъ магазинѣ мы застали Карахана, закупающаго массами галстухи, дамскіе чулки, духи, косметику, все, что подъ руку попадалось, благо даромъ доставшихся денегъ у него полные карманы.

Меня заинтересовали карманные часы-будильникъ, продававшіеся по 42 марки. Я купилъ двое такихъ часовъ для вѣстовыхъ. Часами мгновенно заинтересовался и Караханъ.

— Дайте, дайте и мнѣ.

— Сколько прикажете?

— Цѣлую коробку.

Не успѣлъ приказчикъ удивиться, какъ аппетиты Карахана выросли. Онъ прикинулъ и передумалъ:

— Нѣтъ, дайте двѣ коробки.

Кромѣ часовъ дюжинами, секретарь делегаціи скупилъ и два-три десятка фонариковъ-новинокъ, работающихъ отъ небольшой динамо, если ихъ дергаешь за цѣпочку. Словомъ, въ автомобиль Карахана переселялись груды товаровъ, среди которыхъ было не мало имѣвшихъ значеніе въ военномъ обиходѣ.

Группѣ русскихъ офицеровъ пришлось быть свидѣтелями, какъ приказчикъ германской экономки былъ вынужденъ отказать зашедшему нѣмецкому офицеру какъ разъ въ приглянувшихся Карахану часахъ-будильникахъ.

— Какъ же нѣтъ? Вчера еще много было!

— Вчера было, а сегодня господинъ русскій делегатъ всѣ купилъ.

Нѣмецкій офицеръ выражаетъ недовольство:

— Но вѣдь вы же должны насъ обслуживать! Какъ же послѣ этого быть намъ, германскимъ офицерамъ?

Коммерческіе налеты на экономку Караханъ производилъ каждый день, пока наконецъ оттуда не поступила жалоба на имя ген. Гофмана.

Болѣе чѣмъ предупредительный обыкновенио, ген. Гофманъ на этотъ разъ ие выдержалъ, и русской делегацін было передано оффиціальное предупрежденіе: длн покупокъ въ городѣ выбирать особое разрѣшеніе штаба.

По отношенію къ русскому офицерству со стороны германскаго штаба было проявлеио другого рода сочувствениое ввимаиіе: нѣмцы предложнли поѣздку на фортъ № 11 прежней русской крѣпости Брестъ-Литовска.

— Мы вамъ покажемъ разрушительиую снлу русскихъ войскъ въ педавней борьбѣ.

Поѣздка иа фортъ словио иеревериула назадъ нѣсколько страницъ исторіи, ставшей теперь для Россіи злой мачехой, вернула сознаніе къ героическимъ днямъ 1915 года. Русскіе войска тогда отступалн, но это отступленіе, руководимое генералами Ивановымъ и Алексѣевымъ, нимало не походнло на пораженіе и сопровождалось множествомъ боевыхъ подвиговъ еще крѣпкнхъ духомъ, бодрыхъ русскнхъ полковъ. Брестъ-Литовскъ въ послѣдніе дни заиимался прикрывавшимъ отступленіе славнымъ 3-мъ Кавказскнмъ корпусомъ, движеніе котораго стѣсняла масса бѣжевцевъ, оставлявшнхъ родныя мѣста, чтобы отступить вмѣстѣ съ русскимн войсками. Эта бѣженскан трагедія также была доказательствомъ прнвязанности смѣшаннаго населенія къ Россіи, вѣрнвшаго въ силу ея оружін: вслѣдствіе этой вѣры мѣстное крестьянство оставалось на мѣстахъ до коица и снималось въ послѣднюю минуту, подвергая себя двойному бѣдствію.

Въ руки германцевъ попалъ н рядъ русскихъ крѣпостей, но достаточно повидать форты Бреста, чтобы судить, иасколько владѣло арміей тогдашнее русское командованіе, насколько велнка была русская выдержка и мощь даже въ разрушеніи того, что оставлялось врагу.

Картина форта № 11 — незабываема.

На мѣстѣ тяжелаго фортнфикаціоннаго сооруженія — сравнявшіяся съ землей развалнны, теперь убраииыя спокойнымъ, бѣлымъ сиѣгомъ. Силой чудовищнаго взрыва въ кускн разорвано саженное бетониое прикрытіе, и эти огромные ломти камня отброшены на много шаговъ. Вотъ — все, что досталось наступавшнмъ.

Стоимъ и смотримъ на развалииы, и насъ, офнцеровъ двухъ противныхъ сторонъ, это молчаливое прошлое соединяетъ въ одномъ чувствѣ крѣпче, чѣмъ зала засѣданій мирныхъ переговоровъ. Здѣсь — взорванный камень свидѣтельствуетъ о честной воинской доблести сторонъ; тамъ — наигранно-возвышеинын фразы большевиковъ едва прикрываютъ позоръ Россіи, а отвѣты протнвннковъ — холодный разсчетъ на русскій развалъ и безсиліе.

Мы въ Брестѣ полу-отрѣзаны отъ міра. Районъ свободиаго для насъ передвиженія — только цитадель, писемъ н газетъ нѣтъ, нѣтъ и блнзости между пріѣзжими, не связанными до командировки въ Брестъ личнымъ знакомствомъ.

Въ ожиданіи возвращенін «посѣщающихъ лагери длн военноплѣнныхъ» Каменева и Іоффе оставшійся за ихъ фактотума контръ-адмиралъ Альтфатеръ пытается наладить продолженіе работы, поднявъ вопросъ о тѣхъ же военнопленныхъ.

6-го (19-го) декабря было созвано засѣданіе по этому вопросу по просьбѣ русской делегаціи. Нѣмцы не спѣшили съ разрѣшеніемъ его, но не уклонились, и засѣданіе состоялось въ 9 час. 9 мин. на этотъ разъ подъ предсѣдательствомъ не ген. Гофмана, а появившагося въ Брестѣ представителя гражданской власти Германіи, легаціоннаго совѣтника ф.-Розенберга. Безъ оговорокъ онъ, какъ и ген. Гофманъ во время предыдущихъ переговоровъ, взялъ на себя предсѣдательство.

— Прошу объявить русскія предложенія.

К.-адмиралъ Альтфатеръ оглашаетъ слѣдующее:

«Русская делегація, въ цѣляхъ облегченія положенія военноплѣнныхъ, гражданскихъ плѣнныхъ и заложниковъ, предлагаетъ представителямъ Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи принять слѣдующія мѣры:

I) Военноплѣннымъ, гражданскимъ плѣннымъ и заложникамъ разрѣшается организовывать выборные комитеты для сношенія съ начальствомъ, для веденія своихъ хозяйственныхъ дѣлъ и вообще для установленія внутренняго распорядка.

II) Принудительныя работы для военноплѣнныхъ, гражданскихъ плѣнныхъ и заложниковъ отмѣняются:

а) всѣ перечисленныя лица, находящіяся на работахъ, получаютъ заработную плату; заработная плата должна быть уравнена съ заработной платой вольнонаемныхъ рабочихъ;

б) нежелающіе работать на заводахъ и фабрикахъ могутъ быть переводимы на сельскохозяйственныя работы;

в) отношенія между плѣнными рабочими и предпринимателями регулируются особыми комиссіями, въ составъ которыхъ входятъ обязательно представители (пунктъ I) отъ плѣнныхъ;

г) плѣнные передъ ихъ отправленіемъ на работы свидѣтельствуются врачебной комиссіей въ присутствіи представителя отъ плѣнныхъ;

д) инвалиды или заболѣвшіе во время работы получаютъ соотвѣтствующее врачебное свидѣтельство;

е) плѣнные, имѣющіе врачебное свидѣтельство (пунктъ II-д), получаютъ право на вознагражденіе отъ тѣхъ предпріятій, гдѣ они работали; размѣръ этого вознагражденія долженъ быть опредѣленъ особымъ договоромъ обѣихъ сторонъ».

Предсѣдательствующій ф.-Розенбергъ предлагаетъ перейти къ постатейному чтенію, дабы путемъ вопросовъ и отвѣтовъ выяснить необходимость каждаго отдѣльнаго пункта. Слово немедленно беретъ ген. Гофманъ, заявляющій:

— Въ настоящее время въ концентраціонныхъ лагеряхъ Германіи находятся около 1.200.000 русскихъ военноплѣнныхъ. Съ точки зрѣнія военной власти я категорически отрицаю возможность организаціи комитетовъ военноплѣнныхъ.

За отсутствіемъ Іоффе и Каменева ни у кого нѣтъ особенной охоты оспаривать генерала, которому слишкомъ явно не улыбается учрежденіе по всей Германіи маленькихъ совдеповъ.

Засѣданіе вообще идетъ вяло. Нѣмцы смотрятъ на него, какъ на чисто информаціонное, потому что вся масса возбужденныхъ вопросовъ

поступитъ на разсмотрѣніе особой комиссіи. Но кое-какіе вопросы и контръ-предложенія все-таки дѣлаются:

— Принудительныя работы можно будетъ сохранить въ видѣ наказанія.

— Плѣннымъ-спеціалистамъ должно быть предоставлено право заниться своей спеціальностью.

— Переводъ на сельскохозяйственныя работы возможенъ только въ индивидуальномъ порядкѣ.

— Какъ часто придется подвергать плѣнныхъ врачебному осмотру передъ назначеніемъ на работы?

— Возможно ли практически осуществленіе вознагражденія для пострадавшихъ на работѣ или заболѣвшихъ въ мелкихъ сельскихъ хозяйствахъ?

Перебравъ рядъ вопросовъ, ф.-Розенбергъ закрываетъ засѣданіе, давъ обѣщаніе довести до свѣдѣнія своего правительства о пожеланіяхъ русской делегаціи. На этомъ попытки чѣмъ-нибудь заняться окончились до 9-го (22-го) декабря, когда въ торжественной обстановкѣ начались мирные переговоры.

ЧАСТЬ II.

ПЕРЕГОВОРЫ О МИРѢ.

ГЛАВА I.

Фигуры и тактическіе планы мирныхъ переговоровъ

Всѣ «знаютъ» больше, чѣмъ русскіе офицеры въ Брестѣ. — Прямого сговора большевиковъ съ Германіей нѣтъ. — Кошка и мышка. — Германія и ея союзники дипломатически вооружаются до зубовъ. — Размѣщеніе прибывающихъ делегацій — Казино № 3. — Личный составъ делегацій германской коалиціи. — Фонъ-Кюльманъ. — Графъ Черининъ. — Турецкіе делегаты.

Въ первые дни декабря 1917-го года, въ дни, когда только что закончились переговоры о перемиріи и вскорѣ предстояли переговоры о мирѣ, среди всѣхъ русскихъ людей, сколько-нибудь интересовавшихся процессомъ переговоровъ и мнѣніями сторонъ, трудно было бы найти болѣе «неосвѣдомленныхъ», чѣмъ находившіеся въ самомъ же Брестѣ участники переговоровъ, члены русской военной консультаціи.

Даже многочисленное населеніе совѣтскихъ тюремъ «знало» больше, чѣмъ я и другіе офицеры-консультанты. О рядовомъ петербуржцѣ, питающемся безчисленными слухами, не приходится и говорить. Но отъ этого рядового петербуржца не отставали и серьезнѣйшія газеты, какъ разъ въ эти дни сообщавшія то о «состоявшемся въ Брестѣ соглашеніи о продажѣ нѣмцамъ всей русской артиллеріи», то о «выводѣ большевиками войскъ и флота изъ Финляндіи по требованію германскаго командованія», то о «присылкѣ въ Петербургъ между 7 и 12 декабря двухъ германскихъ корпусовъ для водворенія порядка и для непосредственныхъ переговоровъ командующаго этими корпусами съ Учредительнымъ Собраніемъ», то объ «успѣхѣ» большевиковъ въ видѣ «отказа германскаго военнаго командованія отъ первоначальнаго требованія разоружить на время перемирія всю русскую армію . . .»

Мы въ брестскомъ уединеніи были внѣ подобныхъ слуховъ, нервирующихъ, путающихъ всѣ карты, издергивающихъ воображеніе и обычно не имѣющихъ абсолютно никакихъ корней въ дѣйствительности. У насъ не было ни газетъ, ни всезнающихъ уличныхъ встрѣчныхъ, ни прислуги, приносящей свѣжія новости изъ лавочныхъ очередей.

Съ другой стороны, присутствуя рѣшительно на всѣхъ засѣданіяхъ только что закончившихся переговоровъ о перемиріи и точно зная, что внѣ этихъ засѣданій Іоффе не велъ никакихъ тайныхъ бесѣдъ ни съ ген. Гофманомъ, ни съ кѣмъ-либо другимъ изъ нѣмцевъ, мы отдавали себѣ лучшій отчетъ въ характерѣ «связи» Смольнаго съ Берлиномъ, о которой въ понятномъ патріотическомъ рвеніи кричало въ Россіи все, что послѣ переворота оказалось правѣе большевиковъ. Намъ было ясно, что никакой «связи», въ смыслѣ прямого сговора напередъ, у Германіи съ большевиками не было.

Намъ въ Брестѣ было совершенно очевидно, что предстоящіе переговоры о мирѣ не инсценировка заранѣе предрѣшеннаго, не такой уже слишкомъ плохо прикрытый обманъ, а трагикомедія, въ которой кошка-Германія будетъ играть зарвавшейся мышью-Смольнымъ, имѣя за собой всѣ преимущества и военной силы и дипломатическихъ способностей. Не сговоръ опредѣляетъ это взаимоотношеніе сторонъ, а реальныя условія военной и политической дѣйствительности. «Подкупа» нѣтъ. Германіи просто-напросто не имѣетъ смысла выбрасывать тѣ милліоны, которые будто бы были получены Ленинымъ: Ленинъ и Троцкій безъ того дѣлали и дѣлаютъ именно то, что на руку Германіи, какъ военному противнику и политическому сопернику Россіи. Со стороны большевиковъ — конечно, предательство, но оно — въ ихъ личныхъ цѣляхъ, а не въ цѣляхъ Германіи. Она только пользуется сложившейся обстановкой, и винить ее за это не приходится. Она — врагъ.

Слѣдя за начавшимся съѣздомъ въ Брестъ уполномоченныхъ Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи и ихъ техническаго аппарата, достигшаго въ общей сложности внушительной цифры около 400 человѣкъ, мы понимали только одно: переговоры будутъ «настоящіе». Германія и ея союзники придаютъ переговорамъ чрезвычайно серьезное значеніе. Они вооружаются дипломатически до зубовъ, выдвинувъ со своей стороны тяжелую артиллерію въ лицѣ ст.-секретаря по иностр. дѣламъ Кюльмана, австрійскаго министра гр. Чернина и великаго визиря Турціи Талаатъ-паши совмѣстно съ бывшимъ великимъ визиремъ, впослѣдствіи посломъ въ Берлинѣ Ибрагимомъ-Хакки-пашей. Въ конференціи, кромѣ того, принимаютъ участіе турецкій министръ ин. дѣлъ и пять лицъ въ званіи пословъ и посланниковъ, которое на Западѣ не дается даромъ, а говоритъ о солидномъ служебномъ стажѣ.

Противъ нихъ — Іоффе и Каменевъ, такъ часто терявшіеся даже тогда, когда приходилось имѣть дѣло съ однимъ ген. Гофманомъ, который подчеркивалъ, что онъ «не политикъ». Троцкій не изволилъ пожаловать.

Германскому командованію въ Брестъ-Литовскѣ пришлось въ нѣсколько дней продѣлать огромнѣйшую работу по технической подготовкѣ мирныхъ переговоровъ: размѣстить нѣсколько сотъ участниковъ

въ тѣснотѣ небольшой уцѣлѣвшей цитадели, и безъ того забитой учрежденіями Штаба фронта и его личнымъ составомъ, организовать питаніе пріѣзжихъ и дать имъ возможность работать какъ въ совмѣстныхъ засѣданіяхъ, такъ и въ особыхъ совѣщаніяхъ. Ставка германскаго Восточнаго Фронта вышла изъ всѣхъ этихъ затрудненій блестяще. Въ особенности удобнымъ оказалось помѣщеніе для переговоровъ, для которыхъ былъ отведенъ брестскій городской театръ, по нѣмецкой штабной терминологіи «Казино № 3».

Изъ этого большого зданія были выселены помѣщавшіяся тамъ ранѣе учрежденія ставки, оно было заново отремонтировано и обставлено съ обычной у нѣмцевъ быстротой. Для общихъ засѣданій конференціи былъ отведенъ большой двусвѣтный собственно-театральный залъ, расширенный за счетъ прежней сцены. Тутъ же во второмъ этажѣ помѣщались отдѣльныя комнаты для австрійской, болгарской и турецкой делегацій. На третьемъ этажѣ отдѣльныя помѣщенія были отведены для германской и русской делегацій и особая комната для «юза», связывавшаго Брестъ-Литовскъ со Смольнымъ. На случай большихъ частныхъ засѣданій сторонъ оставался прежній залъ, гдѣ происходили переговоры о перемиріи.

Велась большая работа по приданію будущимъ переговорамъ характера возможно большей въ брестскихъ условіяхъ торжественности, которая позволила бы хозяевамъ осуществлять до тонкости дипломатическій этикетъ, соотвѣтствующій достоинству Германіи и обычаямъ ея дипломатовъ.

Личный составъ делегацій Центральныхъ Державъ, Болгаріи и Турціи опредѣлился такой:

Германская делегація:

Ст.-секретарь по иностр. дѣламъ ф.-Кюльманъ. Ген.-маіоръ Гофманъ. Посланникъ ф.-Розенбергъ. Директоръ правового департамента Криге. Тайный сов. Надольный. Капитанъ I ранга Горнъ. Маіоръ Бринкманъ. Директоръ экономич. департамента Іоганнесъ.

Австро-венгерская делегація:

Министръ ин. дѣлъ гр. Черининъ. Посолъ фонъ-Мерей. Посланникъ ф.-Визнеръ. Легаціонный совѣтникъ гр. Коллоредо. Легац. секретарь гр. Чаки. Фельдмаршалъ-лейтенантъ ф.-Чичеричъ. Подполковникъ Покорный. Маіоръ ф.-Глайзе.

Болгарская делегація:

Министръ юстиціи Поповъ. Посланникъ Коссевъ. Посланникъ Стояновичъ. Полковникъ Гантчевъ. Легац. секретарь Анастасовъ.

Турецкая делегація:

Вел. визирь Талаатъ-паша. Министръ ин. дѣлъ Мессими-бей. Посолъ (б. вел. визирь) Ибрагимъ-Хакки-паша. Генералъ отъ кавалеріи Цеки-паша. Легац. секретарь Решадъ-Хикметъ-бей.

Къ делегаціи Смольнаго къ началу мирныхъ переговоровъ присоединились только двое: проф. Покровскій, ставшій впослѣдствіи за-

мѣстителемъ нар. комиссара по просвѣщенію, и совершенно малозамѣтный консультантъ Вельтманъ-Павловичъ. На мѣсто покончившаго съ собой ген.-маіора Скалона къ русской военной консультаціи былъ добавленъ генералъ А. А. Самойло. Однимъ словомъ, кромѣ Іоффе, Каменева и Карахана, изъ которыхъ первый и послѣдній въ Брестѣ были только «будущими дипломатами», пока только наигрывали тонъ грядущихъ завсегдатаевъ различныхъ конференцій, со стороны большевиковъ не было противопоставлено никого внушительнымъ дипломатическимъ силамъ противниковъ. А среди послѣднихъ были далеко не блѣдныя фигуры.

Прежде всего, лидеръ переговоровъ ст.-секретарь ф.-Кюльманъ. Это — дипломатъ выдающихся качествъ, знаній и выдержки. Если знаніе иностранныхъ языковъ — фундаментъ дипломатической дѣятельности, то у ф.-Кюльмана этотъ фундаментъ былъ исключительно монументальнымъ: онъ безукоризненно владѣлъ, кромѣ родного, и французскимъ, и англійскимъ, и русскимъ языками. Не разъ случалось, что по ходу засѣданія ф.-Кюльманъ бралъ на себя небезвыгодную роль переводчика заявленій, сдѣланныхъ на французскомъ языкѣ, и передавалъ ихъ тутъ-же по нѣмецки съ удивительной точностью и толковостью. Кто настолько знаетъ языкъ противника, не можетъ не знать и большаго о противной сторонѣ. Манера ф.-Кюльмана вести засѣданія была неизмѣнно окрашена выдержаннымъ спокойствіемъ и тактомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ безупреченъ.

Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Черининъ оставлялъ по себѣ впечатлѣніе рафинированнаго аристократа, дипломата большой тонкости, но сотканнаго изъ нервовъ. Даже внѣшне выдержка нерѣдко измѣняла графу Чернину, склонному вносить нервозность въ вопросы, не выводившіе ф.-Кюльмана изъ равновѣсія.

Представители Турціи производили, главнымъ образомъ, декоративное впечатлѣніе и необычной наружностью и цвѣтистостью въ общемъ безцвѣтныхъ рѣчей. Въ этомъ внѣшнемъ отношеніи особенно виднымъ былъ старикъ Ибрагимъ-Хакки-паша, прежній вел. визирь съ титуломъ Высочества, прибывшій изъ Берлина, гдѣ онъ состоялъ посломъ Оттоманской Имперіи. У него — крупныя черты лица и внушительная наружность умнаго восточнаго старика, себѣ на умѣ. По навыкамъ Ибрагимъ-Хакки-паша — дипломатъ старо-турецкой школы, представитель той Турціи, которая еще не облеклась въ германскій мундиръ и щеголяла французскимъ языкомъ и французскими вкусами. Старикъ предпочитаетъ этотъ традиціонный языкъ дипломатовъ даже въ Брестѣ, гдѣ онъ — языкъ враговъ. Политикъ новой младотурецкой и германофильской формаціи Талаатъ-паша появился на конференціи позже.

Совсѣмъ блѣдно, на мой и на всякій взглядъ, была представлена маленькая Болгарія.

ГЛАВА II.

Начало мирныхъ переговоровъ.

Германская дипломатія соблюдаетъ этикетъ. — Пріодѣлись и большевики. — Торжественная вступительная рѣчь принца Леопольда Баварскаго. — Мѣсто старѣйшему изъ участниковъ переговоровъ. — Въ русло дипломатическаго ритуала. — Три очереди на предсѣдательскомъ креслѣ. — Ф.-Кюльманъ не задерживаетъ декларациями. — Счастливое предзнаменованіе. — Формальности веденія засѣданій. — Публичность и гласность. — Хакки-паша протестуетъ. — Средній путь. — Списанная декларація Іоффе. — Дѣлаетъ видъ, что незнакомъ съ «декретомъ о мирѣ». — Четверной союзъ готовитъ свой отвѣтъ. — Германія не разрѣшила своимъ соціалистамъ поѣздки въ Россію.

Чуждая прежнимъ засѣданіямъ подъ предсѣдательствомъ ген. Гофмана торжественность окрасила все, начиная отъ манеры обращаться къ собранію — съ округленными вводными фразами и съ полнымъ титулованіемъ сидящихъ — и кончая педантично-строгимъ соблюденіемъ распорядка засѣданій.

Поѣздка въ Варшаву дала делегатамъ Смольнаго возможность до нѣкоторой степени приспособить свой внѣшній видъ къ общему характеру наряда засѣдающихъ. Во всякомъ случаѣ, одѣтые въ новенькіе, съ иголочки, костюмы, Іоффе и Каменевъ не били въ глаза своей демократичностью среди тѣхъ, кто, по ироническому выраженію Троцкаго, «садясь, раздвигалъ фалды дипломатическаго сюртука».

Всего въ первомъ и въ послѣдующихъ общихъ засѣданіяхъ принимало участіе около 50 человѣкъ, которые размѣщались за поставленными покоемъ столами такъ, что внутри сидѣли одни делегаты Смольнаго и члены русской военной консультаціи, а представители Германіи и ея союзниковъ охватывали столы снаружи.

Засѣданіе открылъ торжественной рѣчью генералъ-фельдмаршалъ принцъ Леопольдъ Баварскій:

«Ваше Высочество, Ваши превосходительства, Господа!

Прежде всего я хотѣлъ бы привѣтствовать васъ, господа, въ моей главной квартирѣ въ качествѣ гостей. Стараніями нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ лицъ удалось послѣ трехъ съ половиной лѣтъ войны заключеніемъ перемирія положить ей конецъ. Я надѣюсь, что г. г. делегатамъ державъ Четвернаго Союза и могущественной Россійской Республики удастся довести переговоры до такой стадіи, что мы въ кратчайшій срокъ окажемся передъ лицомъ мира, несущаго счастье народамъ. Я думаю, что выражу общее мнѣніе, если я попрошу Его Высочество Ибрагима Хакки-пашу, въ качествѣ старѣйшаго, принять пока предсѣдательствованіе на этихъ переговорахъ. Отъ всего сердца желаю, чтобы работы, которыя васъ, господа, теперь здѣсь ожидаютъ, вскорѣ привели къ счастливому концу».

Старый великій визирь занимаетъ предсѣдательское мѣсто въ центрѣ стола, а принцъ Леопольдъ, выполнивъ формальность открытія конференціи, уходитъ изъ зала засѣданій, какъ обычно, устраняясь отъ непосредственнаго участія въ переговорахъ.

Конференція введена въ русло дипломатическаго этикета торжественнымъ вступленіемъ принца Леопольда, и занявшій его мѣсто Ибрагимъ Хакки-паша слѣдуетъ тому же примѣру. Въ его рѣчи — еще болѣе пышныя привѣтствія и даже лестное для большевиковъ выдѣленіе ихъ, какъ иниціаторовъ будущаго мира: «Я привѣтствую всѣхъ делегатовъ пяти державъ, въ особенности, делегатовъ Россійскаго правительства, которое имѣло мужество провозгласить принципы гуманности передъ лицомъ всего міра».

«Господа, мы здѣсь — гости Германскаго правительства, желанія котораго его представитель, Его Королевское Высочество, здѣшній Главнокомандующій такъ любезно выразилъ. Я убѣжденъ, что я дѣйствую въ согласіи съ вами, если выскажу Его Королевскому Высочеству нашу самую искреннюю благодарность. Точно также я разсчитываю на ваше одобреніе, предлагая Его Превосходительству господину фонъ-Кюльману, полномочному германскому представителю, принять предсѣдательствованіе на себя».

Подъ одобрительные голоса ст.-секретарь ф.-Кюльманъ занимаетъ, наконецъ, предсѣдательское мѣсто, чтобы въ свою очередь привѣтствовать «Его Высочество, милостивую государыню и господъ».

Какъ и принцъ Леопольдъ Баварскій, ф.-Кюльманъ подчеркиваетъ желаніе «быстраго хода переговоровъ» и «скорѣйшаго мира».

Декларативная часть вступительной рѣчи статсъ-секретаря фонъ-Кюльмана была недолга. Оговоривъ немыслимость теперь же выяснить до мельчайшихъ деталей условія будущаго мира, первый предсѣдатель выразилъ пожеланіе «считаться, съ одной стороны, съ историческими данными, съ историческимъ развитіемъ, иначе — у насъ не будетъ твердой почвы подъ ногами; съ другой же стороны, мы должны руководствоваться тѣми новыми и великими идеями, къ осуществленію которыхъ стремятся присутствующіе».

«Позвольте мнѣ отмѣтить, какъ счастливое предзнаменованіе окончанія нашихъ переговоровъ, то, что они происходятъ подъ знакомъ того праздника, который много столѣтій назадъ возвѣстилъ намъ наступленіе «мира на землѣ».

Далѣе слѣдуютъ формальности порядка дня и веденія засѣданій въ будущемъ.

Безъ преній принимаются слѣдующія предложенія ф.-Кюльмана:

— При опредѣленіи порядка ранговъ придерживаться иниціаловъ соотвѣтствующихъ странъ въ порядкѣ, въ коемъ онѣ слѣдуютъ въ латинскомъ алфавитѣ: напримѣръ, Австрия, Болгарія...

— Предсѣдательствованіе будетъ вестись попеременно всѣми представителями участвующихъ въ конференціи державъ.

— При переговорахъ допускаются, какъ равноправные, языки всѣхъ здѣсь присутствующихъ державъ. По примѣру переговоровъ о перемиріи, переговоры о мирѣ ведутся на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ.

Не оспаривается ф.-Кюльманомъ и предложеніе Ибрагима Хакки-паши о допущеніи и французскаго языка:

— «Французскій языкъ допустимъ, какъ языкъ интернаціональный, къ тому же онъ признанъ дипломатическимъ языкомъ».

Ф.-Кюльманъ предлагаетъ Іоффе «изложить въ основныхъ чертахъ тѣ руководящія мысли, которыя, по его мнѣнію, должны быть положены въ основу нашихъ работъ».

Іоффе началъ именно съ затягиванія и съ попытки ввернуть знаменитый агитаціонный оттѣнокъ переговорамъ, для чего внесъ предложеніе о публичности засѣданій и о веденіи подробныхъ протоколовъ съ правомъ для каждой стороны опубликовывать эти протоколы полностью.

Возникаетъ первое разногласіе между сторонами. Выразителемъ противнаго мнѣнія явился Ибрагимъ Хакки-паша, считающій, что «вынесеніе переговоровъ на улицу нежелательно»:

«Ежедневное освѣдомленіе печати о ходѣ переговоровъ, объ отдѣльныхъ стадіяхъ развитія ихъ до ихъ окончанія возбудитъ газетную полемику и можетъ угрожать продолженію и успѣшному окончанію переговоровъ».

Іоффе облегчаетъ положеніе, совершенно не возвращаясь къ «публичности» конференціи и даже указывая на техническую невозможность ежедневнаго опубликованія стенограммъ. Ф.-Кюльманъ спѣшитъ завѣрить, что «наши предложенія и наши обсужденія не боятся свѣта самой широкой гласности», въ чемъ ему «было бы непріятно какое-либо сомнѣніе». Онъ дѣлаетъ видъ, что разногласія возникаютъ только между «Его Высочествомъ Хакки-пашей» и «господиномъ предсѣдателемъ Русской делегаціи» и быстро примиряетъ стороны:

«Мы найдемъ средній путь въ той формѣ, которую онъ (Іоффе) указалъ, а именно — будемъ сравнивать и свѣрять наши протоколы. Могу констатировать, что по поводу предложенія Русской делегаціи разногласій не имѣется».

По установленіи деталей порядка конференціи и при отсутствіи у Іоффе другихъ способовъ затягиванія, ему пришлось выступить съ декларацiей Русской делегаціи, цѣликомъ состоявшей изъ знаменитаго декрета о мирѣ, принятаго на Всеросс. Съѣздѣ Раб. и Солд. Депутатовъ; къ этому декрету лишь на скорую руку пришпилили вступительную фразу — въ ней наименованіе Съѣзда занимаетъ ровно половину — да такое послѣсловіе:

«Въ дополненіе къ этимъ пунктамъ, Россійская делегація предлагаетъ договаривающимся сторонамъ признать недопустимыми какія-либо косвенныя стѣсненія свободы болѣе слабыхъ націй со стороны націй болѣе сильныхъ, какъ-то: экономическій бойкотъ, подчиненіе въ хозяйственномъ отношеніи одной страны другой при помощи навязаннаго торговаго договора, сепаратныя таможенныя соглашенія, стѣсняющія свободу торговли третьихъ странъ, морскую блокаду, не преслѣдующую непосредственно военныхъ цѣлей и т. п. Вотъ тѣ основные принципы, одинаково для всѣхъ пріемлемые, безъ признанія которыхъ делегація Россійской Республики не представляетъ себѣ возможности заключенія всеобщаго мира».

Совершенно спокойно выслушали представители Германіи и ея союзниковъ это заявленіе, конечно, заранѣе извѣстное имъ въ деталяхъ и до тонкости изученное въ министерскихъ кабинетахъ Берлина и Вѣны. Ф.-Кюльманъ освѣдомился, не добавитъ ли кто-нибудь изъ дру-

гихъ членовъ Русской делегаціи что-нибудь къ этимъ соображеніямъ и, получивъ отъ Покровскаго отвѣтъ: «Это — наше общее мнѣніе», ведетъ засѣданіе къ концу.

Выдвинутыя предложенія онъ называетъ «имѣющими громадное значеніе» и «глубоко принципіальными», но дѣлаетъ видъ, что незнакомъ съ ними:

«Я былъ бы благодаренъ, если бы рѣчь господина предсѣдателя Русской делегаціи, которая, я смѣю предположить, уже имѣется в письменной формѣ, какъ можно скорѣе была доставлена намъ въ оттискахъ, и кромѣ того, я хотѣлъ бы узнать мнѣніе уважаемыхъ господъ делегатовъ, считаютъ ли они возможнымъ изучить и обсудить эти предложенія въ теченіе сегодняшняго же вечера и завтрашняго утра для того, чтобы завтра же ознакомить Русскую делегацію съ нашимъ отвѣтомъ».

За всѣхъ отвѣчаетъ гр. Чернинъ, считающій, что «слѣдуетъ попытаться изготовить отвѣтъ въ теченіе завтрашняго утра. Если бы это встрѣтило большія затрудненія и оказалось невозможнымъ, то мы сможемъ отложить предполагаемое на завтрашній день засѣданіе».

Никѣмъ не вносится новыхъ вопросовъ, и ф.-Кюльманъ въ 17 час. 13 мин. закрываетъ засѣданіе.

Предусмотрѣнныя гр. Чернинымъ «затрудненія» составить отвѣтъ на декларацію дѣйствительно встрѣтились. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней, 10-го (23-го) и 11-го (24-го) декабря Карахану приходилось извѣщать всю Россію черезъ Смольный и «Правду»:

— Назначенное на сегодня въ 4 часа дня второе засѣданіе мирной конференціи по просьбѣ делегаціи противной стороны отложено на завтра, 24 декабря, въ виду того, что отвѣтное заявленіе на нашу декларацію еще не готово.

— Назначенное на 24 декабря н. ст. засѣданіе... вновь по просьбѣ делегаціи противной стороны отложено...

Пока у ф.-Кюльмана и представителей Четверного Союза происходили совѣщанія для выработки отвѣта, Іоффе выступилъ ходатаемъ за германскихъ соціалистовъ Гаазе, Ледебура и Каутскаго, которымъ, по слухамъ, было отказано въ выдачѣ паспортовъ для поѣздки черезъ Стокгольмъ въ Россію съ цѣлью ознакомиться съ русской революціей. Офиціальное письмо Іоффе по этому поводу, отправленное на имя германскаго министра иностранныхъ дѣлъ, на всѣ лады повторяло, что стѣсненіе германскихъ соціалистовъ препятствуетъ дѣлу мира.

Но Германія не разрѣшила своимъ соціалистамъ этой поѣздки.

Составленіе отвѣта заняло у делегацій Четверного Союза цѣлыхъ три дня. Въ отвѣтъ Германіи и ея союзниковъ было внесено много изворотливости. Ст.-секретарь ф.-Кюльманъ и гр. Чернинъ постарались не пройти мимо какого-нибудь отдѣльнаго пункта «декрета о мирѣ», а торжественными фразами пересказали этотъ декретъ въ новыхъ формулировкахъ, подчеркивая общность основъ большевицкаго предложенія съ основами ихъ прежнихъ декларацій.

Штабъ ставки принца Леопольда Баварскаго встрѣчалъ этимъ вечеромъ день Рождества Христова, вѣрный традиціямъ Старой Германіи, внося штрихи патріархальности и религіознаго подъема въ обычно стро-

гій и офиціальный тонъ обѣда. Въ вечеръ сочельника обѣдъ былъ особенно параднымъ. Въ помѣщеніи офицерскаго собранія была зажжена елка, украшенная сосульками стекляннаго льда, и въ каждую карточку меню была продѣта вѣточка ельника. Большая военная семья не отступила отъ рождественскихъ обычаевъ мирныхъ семей; передъ приборомъ каждаго изъ штабныхъ офицеровъ былъ положенъ небольшой подарокъ — серебряная вещица: стопочка, спичечница, зажигалка или мундштукъ...

Штабной струнный оркестръ заигралъ традиціонныя мелодіи нѣмецкаго Рождества, и, оставивъ всякую чопорность, принцъ Леопольдъ, ген. Гофманъ, ст.-секретарь ф.-Кюльманъ, всѣ присутствующіе запѣли, какъ въ давно отлетѣвшемъ дѣтствѣ, религіозныя пѣсни святой ночи: «O du fröhliche, o du selige!..» и «Stille Nacht! Heilige Nacht!»...

И не было въ этомъ общемъ пѣніи натянутости, неискренности, фальши. Еще слишкомъ крѣпка была народная семья Германіи, которую черезъ годъ потрясли, но не разрушили удары революціи.

Во время обѣда въ сочельникъ къ столу была подана «русская икра». Меню особо отмѣтило этотъ подарокъ делегаціи Смольнаго: большевики привезли боченокъ паюсной икры, знакъ отвѣтнаго вниманія на гостепріимство хозяевъ Бреста.

«Дѣловые» разговоры въ дни праздника избѣгались. Лишь сравнительно поздно вечеромъ въ самый день Рождества 12-го (25-го) декабря состоялось, наконецъ, второе засѣданіе мирной конференціи, давшее большевикамъ весьма малый, по во-всю использованный ими поводъ забить въ побѣдныя литавры на страницахъ совѣтскихъ газетъ.

ГЛАВА III.

Отвѣтъ Четверного Союза.

Праздничное засѣданіе въ рождественскій вечеръ. — Гофманъ вноситъ нѣкоторый диссонансъ. — По алфавиту. — Графъ Чернинъ предсѣдательствуетъ. — Декларація германской коалиціи. — Согласны немедленно заключить общій миръ. — Необходимо присоединеніе Державъ Согласія. — Условія вывода войскъ. — Пути самоопредѣленія, предусмотрѣнные конституціями. — Отказъ отъ контрибуціи и возмѣщеній за убытки. — Германское заявленіе о судьбѣ колоній. — Болѣе вѣско, чѣмъ всякое «изъявленіе народной воли». — Черезъ головы большевиковъ къ союзникамъ Россіи. — Іоффе отвѣчаетъ. — Развитіе логики Смольнаго. — «Немедленность» Іоффе. — Съ глазу на глазъ съ большевиками.

Яркими огнями электрическихъ лампочекъ освѣщенъ большой залъ мирной конференціи вечеромъ 12/25 декабря, въ день лютеранскаго и католическаго Рождества, того праздника рожденія «мира на землѣ», о которомъ поэтически напомнилъ въ прошлый разъ ст.-секретарь ф.-Кюльманъ.

Торжественно, съ лицами, выражающими сознаніе значительности предстоящаго на конференціи заслушанія отвѣта Четверного Союза на

декларацію Іоффе, сходятся въ залъ делегаты-противники. Я не успѣлъ еще достаточно хорошо приглядѣться къ игрѣ этихъ новыхъ лицъ, къ тому же дипломатически сдержанныхъ у всѣхъ, начиная съ ф.-Кюльмана и кончая турками, но общее выраженіе значительности и увѣренности говорило само за себя.

Диссонансомъ въ этой плеядѣ увѣренныхъ лицъ показалось мнѣ только знакомое и прямодушно выразительное лицо ген. Гофмана. Оно — сосредоточено, но далеко отъ выраженія удовлетворенности. Ген. Гофманъ задумчивъ, и легкая улыбка, такъ часто освѣщающая его черты, не появляется на его лицѣ даже мимолетно.

Предсѣдательское кресло, по алфавитному условію, заключенному на первомъ засѣданіи, на этотъ разъ занимаетъ представитель Австро-Венгріи гр. Черининъ. Онъ — много подвижнѣе ф.-Кюльмана, манеры его исключительно элегантны: не сдержать только этому блѣдному и болѣзненному на видъ человѣку легкаго внутренняго подергиванія: слишкомъ обострена его рефлекторная сторона.

Представитель Австро-Венгріи съ манерой либеральнаго аристократа отбрасываетъ сложность обращенія къ присутствующимъ, замѣняя его простымъ: «милостивые государи».

Гр. Черининъ начинаетъ прямо съ отвѣта Союзныхъ Державъ отъ имени ихъ правительствъ:

«Делегаціи Союзныхъ Державъ исходятъ изъ ясно выраженной воли своихъ правительствъ и народовъ, какъ можно скорѣе добиться заключенія общаго справедливаго мира.

Делегаціи союзниковъ, въ полномъ согласіи съ неоднократно высказанной точкой зрѣнія своихъ правительствъ, полагаютъ, что основныя положенія русской декларацiи могутъ быть положены въ основу переговоровъ о такомъ мирѣ.

Делегаціи Четверного Союза согласны немедленно заключить общій миръ безъ насильственныхъ присоединеній и безъ контрибуцій. Они присоединяются къ Русской делегаціи, осуждающей продолженіе войны ради чисто завоевательныхъ цѣлей. Государственные дѣятели Союзныхъ Правительствъ въ программныхъ заявленіяхъ неоднократно подчеркивали, что ради завоеваній Четверной Союзъ не продлитъ войны ни на одинъ день. Этой точки зрѣнія правительства союзниковъ все время придерживались неуклонно; они торжественно заявляютъ о своемъ рѣшеніи немедленно подписать условія мира, прекращающаго эту войну на указанныхъ, равно справедливыхъ для всѣхъ безъ исключенія воюющихъ державъ условіяхъ.

Необходимо, однако, съ полной ясностью указать, что предложенія Русской делегаціи могли бы быть осуществлены лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ причастныя къ войнѣ державы, безъ исключенія и безъ оговорокъ, въ опредѣленный срокъ, обязались точнѣйшимъ образомъ соблюдать общія для всѣхъ народовъ условія. Договаривающіяся теперь съ Россіей державы Четверного Союза не могутъ, конечно, ручаться за исполненіе этихъ условій, не имѣя гарантіи въ томъ, что союзники Россіи, съ своей стороны, признаютъ и исполнятъ эти условія, честно и безъ оговорокъ, также и по отношенію къ Четверному Союзу.

Исходя изъ этихъ принциповъ, мы, по поводу шести пунктовъ, которые, по предложенію Русской делегаціи, должны быть положены въ основу переговоровъ, имѣемъ заявить слѣдующее:

Къ пункту I. Въ планы и намѣренія Союзныхъ Державъ не входитъ насильственное присоединеніе захваченныхъ во время войны территорій. Условія о выводѣ войскъ, нынѣ занимающихъ оккупированныя территоріи, должны быть опредѣлены въ мирномъ договорѣ, если ранѣе не будетъ достигнуто соглашеніе объ отозваніи ихъ изъ тѣхъ или другихъ мѣстъ.

Къ пункту II. Въ намѣренія союзниковъ не входитъ лишеніе политической самостоятельности тѣхъ народовъ, которые утратили эту самостоятельность во время настоящей войны.

Къ пункту III. Вопросъ о принадлежности къ тому или другому государству національныхъ группъ, не имѣющихъ политической самостоятельности, по мнѣнію державъ Четверного Союза, не можетъ быть рѣшенъ международно. Онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ быть рѣшенъ самимъ государствомъ вмѣстѣ съ его народами путемъ, предусмотрѣннымъ данной конституціей.

Къ пункту IV. Равнымъ образомъ, согласно заявленіямъ государственныхъ дѣятелей Четверного Союза, огражденіе правъ меньшинства составляетъ существенную часть права на самоопредѣленіе народовъ, которое должно осуществиться путемъ конституціи. Правительства союзниковъ проводятъ въ жизнь также и этотъ принципъ всюду, гдѣ это практически осуществимо.

Къ пункту V. Союзныя Державы неоднократно указывали на возможность взаимнаго отказа не только отъ возмѣщенія военныхъ издержекъ, но и отъ возмѣщенія причиненныхъ войной убытковъ. Согласно съ этимъ принципомъ, каждой изъ воюющихъ державъ пришлось бы нести только расходы за своихъ подданныхъ, попавшихъ въ военный плѣнъ, а также за убытки, причиненные на собственной территоріи частнымъ лицамъ, подданнымъ противника, насильственными дѣяніями, нарушившими международное право.

Предложенное Россійскимъ Правительствомъ созданіе особаго фонда для этихъ цѣлей можетъ подлежать обсужденію лишь въ томъ случаѣ, если другія воюющія державы примкнутъ къ мирнымъ переговорамъ до истеченія извѣстнаго срока.

Къ пункту VI. Изъ четырехъ Союзныхъ Державъ одна лишь Германія владѣетъ колоніями. Германская делегація, въ полномъ согласіи съ русскими предложеніями по этому поводу, заявляетъ слѣдующее:

Возвратъ насильственно захваченныхъ во время войны колоніальныхъ территорій составляетъ существенную часть германскихъ требованій, отъ которыхъ Германія ни въ какомъ случаѣ не можетъ отказаться. Русское требованіе о немедленномъ очищеніи противникомъ оккупированныхъ колоніальныхъ территорій также согласуется съ нѣмецкими намѣреніями.

Имѣя въ виду природу германскихъ колоній, осуществленіе права самоопредѣленія на этихъ территоріяхъ, помимо раньше высказанныхъ принципіальныхъ соображеній, въ формахъ, предложенныхъ Русской

делегаціей, въ настоящее время представляется практически невозможнымъ.

Въ германскихъ колоніяхъ туземцы, несмотря на величайшія затрудненія и при минимальныхъ шансахъ на побѣду въ борьбѣ съ противникомъ, во много разъ болѣе сильнымъ, пользующимся неограниченнымъ подвозомъ съ моря, въ самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ остались вѣрны до смерти своимъ германскимъ друзьямъ.

Это можетъ служить доказательствомъ ихъ привязанности и ихъ рѣшимости при всѣхъ обстоятельствахъ остаться съ Германіей. Доказательство это по своей вѣскости и значительности далеко превосходитъ какое бы то ни было «изъявленіе народной воли».

Предложенные Русской делегаціей, въ связи съ означенными шестью пунктами, принципы для руководства при возсозданіи хозяйственныхъ отношеній всецѣло одобряются делегаціями Союзныхъ Державъ, всегда отрицавшихъ всякое насиліе въ области экономической жизни и усматривающихъ въ возстановленіи урегулированныхъ хозяйственныхъ отношеній, отвѣчающихъ интересамъ всѣхъ причастныхъ народовъ, одно изъ важнѣйшихъ условій для подготовки и выработки дружественныхъ отношеній между державами, ведущими въ настоящее время войну».

Закончивъ чтеніе отвѣтной деклараціи, графъ Чернинъ заявилъ о согласіи Четверного Союза вступить въ немедленные переговоры о мирѣ на основаніи только что оглашенныхъ принциповъ и «начать спеціальное обсужденіе тѣхъ пунктовъ, разработка которыхъ какъ для Россійскаго Правительства, такъ и для союзниковъ, кажется необходимой во всѣхъ отношеніяхъ».

Прежде всего слишкомъ бьетъ по сознанію одно: делегаты-политики такъ же усиленно стремятся ввести въ орбиту переговоровъ о мирѣ державы, союзныя Россіи, какъ ген. Гофманъ усиленно отбрасывалъ всякіе разговоры о тѣхъ же западныхъ державахъ во время переговоровъ о перемиріи. Прочтенная гр. Чернинымъ декларація писана преимущественно для правительствъ Державъ Согласія. Имъ она ставитъ условія, ихъ вызываетъ на переговоры. Не даромъ съ такой тщательностью отдѣлано германское заявленіе по вопросу о судьбѣ отторгнутыхъ колоній.

Взявъ слово, Іоффе прежде всего дипломатически позолотилъ поднесенную ему пилюлю съ такимъ содержимымъ, подъ которое было возможно подвести грядущій позоръ Россіи въ Брестѣ, и съ «удовлетвореніемъ» констатировалъ, «что провозглашенные Россійской революціей принципы всеобщаго демократическаго мира безъ аннексій восприняты народами Четверного Союза». Но тутъ же перешелъ и къ критикѣ оговорокъ деклараціи гр. Чернина, указавъ на существенное ограниченіе въ пунктѣ III-мъ:

«Отказъ отъ аннексій есть лишь логическое слѣдствіе болѣе общаго принципа, а именно, принципа самоопредѣленія національностей, т. е. права каждой народности самостоятельно рѣшать свою судьбу. Право это существующими конституціями признается, обыкновенно, въ весьма

ограниченныхъ размѣрахъ, если признается вообще, поэтому ссылка на обычный конституціоный путь, какъ на средство осуществленія названнаго права, фактически уничтожаетъ самый принципъ.

Отказываясь отъ примѣненія права сильнаго въ отношеніи къ территоріямъ, оккупированнымъ въ теченіе настоящей войны, Державы Четверного Союза въ то же время даютъ всѣмъ противникамъ немедленнаго всеобщаго мира основаніе утверждать, что право сильнаго послѣ безпримѣрнаго кровопролитія, тѣмъ не менѣе, сохраняется во всей неприкосновенности внутри каждаго изъ договаривающихся государствъ.

Война, выдвинувшая вопросъ о государственномъ существованіи мелкихъ и подавленныхъ націй, не можетъ закончиться безъ того, чтобы попранныя права этихъ націй не были возстановлены.

Русская делегація по-прежнему настаиваетъ на томъ, что эти націи должны въ самомъ текстѣ мирнаго трактата, устанавливающаго общій миръ между всѣми воюющими странами, получить, на основахъ международнаго соглашенія, гарантіи того, что ихъ законныя права будутъ ограждены. Историческая давность ни въ какомъ случаѣ не узаконяетъ насилія одного народа надъ другимъ».

Въ заключеніе предсѣдатель делегаціи Смольнаго заявляетъ, «что она, въ свою очередь, несмотря на указанныя выше разногласія, полагаетъ, что заключающееся въ деклараціи державъ Четверного Союза открытое заявленіе объ отсутствіи какихъ-либо агрессивныхъ плановъ даетъ фактическую возможность немедленно приступить къ переговорамъ о всеобщемъ мирѣ».

«Немедленность» у ищущаго проволочки Іоффе — своеобразная. Онъ предлагаетъ десятидневный перерывъ до 12 часовъ ночи съ 22-го на 23-е декабря ст. ст. (до 12 час. 4-го января 1918 года н. ст.).

Необходимость перерыва Іоффе аргументируетъ стремленіемъ къ тому, «чтобы народы, правительства которыхъ не примкнули еще къ ведущимся переговорамъ о всеобщемъ мирѣ, имѣли возможность достаточно ознакомиться съ устанавливаемыми выше принципами такового мира».

Засѣданія политической комиссіи носили нѣсколько иной характеръ, чѣмъ засѣданія пленума конференціи. Ст.-секретарь ф.-Кюльманъ рѣшилъ придать этимъ засѣданіямъ характеръ переговоровъ делегаціи Смольнаго съ однимъ только изъ государствъ Четверного Союза, а именно съ Германіей. Это устраняло присутствіе турокъ и болгаръ, а изъ австрійцевъ самимъ же ф.-Кюльманомъ былъ привлеченъ только предсѣдатель делегаціи Австро-Венгріи, гр. Черн инъ.

Ф.-Кюльманъ открылъ первое засѣданіе, онъ же занялъ предсѣдательское мѣсто и на слѣдующихъ.

ГЛАВА IV.

На поводу у ф.-Кюльмана.

Инициатива возбужденія вопросовъ взята фонъ-Кюльманомъ. — Предложено о возстановленіи до-военныхъ договоровъ. — Германія рѣшает за своихъ вассаловъ одна. — Іоффе заладилъ одну и ту же фразу «Политическое значеніе» масла масляпаго. — Отмѣна исключительныхъ законовъ военнаго времени. — Іоффе не можетъ слышать ни о какихъ договорахъ. — «Обычное положеніе». — Свобода торговли или взаимное благопріятствованіе. — Равенство условій внѣшней торговли со всѣми другими странами для Германіи обезпечено. — Понятливость фонъ-Кюльмана. — Возстановленіе дипломатическихъ и консульскихъ сношеній. — Restitutio in integrum. — Вопросъ о судьбѣ рманскихъ концессій въ Россіи. — Договоръ о возвратѣ захваченныхъ судовъ. —Возмѣщеніе убытковъ гражданскихъ лицъ и освобожденіе интернированныхъ и сосланныхъ. — «Я извиняюсь». — Ф.-Кюльманъ не слышитъ о Карлѣ Либкнехтѣ. — Іоффе рѣшилъ проявить иниціативу. — Нѣмцы не склонны бесѣдовать объ очищеніи занятыхъ территорій.

Открывъ въ 9 час. 32 мин. 13/26 декабря засѣданіе политической комиссіи съ участіемъ только германской и русской делегацій и въ присутствіи гр. Чернина, ф.-Кюльманъ предложилъ начать обсужденіе отдѣльныхъ пунктовъ, «разборъ которыхъ, какъ вчера было установлено, пригодился бы въ дальнѣйшемъ, и разработка, а затѣмъ точная запись которыхъ — опять-таки на всякій случай — значительно облегчили бы и ускорили дѣло заключенія мира».

Съ чего именно начать, ф.-Кюльманъ не задумывается и не пытается предложить иниціативу большевикамъ. У него уже есть свой собственный порядокъ:

«Согласно существующимъ взглядамъ и правиламъ международныхъ сношеній, война разрываетъ тѣ договоры, которые существовали до этого между государствами. Я поэтому предлагаю установить, какъ первый принципъ, чтобы возстановленіе мира, по возможности, возстановило и договоры между Германіей и Россіей».

Іоффе соглашается на обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ, но хочетъ обезпечить себѣ развязанность рукъ при обсужденіи условій заключенія всеобщаго мира, для чего тогда придется вновь вернуться къ тѣмъ же разсмотрѣннымъ въ политической комиссіи вопросамъ. Ф.-Кюльманъ не возражаетъ противъ этого, но все-таки проситъ фиксировать, хотя бы предварительную, необязательную, редакцію тѣхъ пунктовъ, по которымъ стороны придутъ къ соглашенію.

При началѣ послѣдующихъ переговоровъ и попыткахъ дать общую формулировку пункта о возстановленіи до-военныхъ договоровъ присутствующій на засѣданіи гр. Черининъ проситъ включать въ текстъ наряду съ Германіей и Австро-Венгрію, а ф.-Кюльманъ безъ обиняковъ объявляетъ себя полноправнымъ говорить отъ лица всей герм. коалиціи:

«Я хотѣлъ бы сказать по поводу замѣчанія г. предсѣдателя Австро-Венгерской делегаціи, что при обсужденіи общихъ вопросовъ всѣ державы Четверного Союза будутъ подразумѣваться, какъ одно цѣлое,

если даже они и не будутъ присутствовать при обсужденіи отдѣльныхъ пунктовъ».

По вопросу о договорахъ выдвигаются двѣ редакціи. Первая — ф.-Кюльмана:

— Возстановить тѣ изъ государственныхъ договоровъ, къ возстановленію которыхъ не имѣется особыхъ препятствій.

Другая — редакція Іоффе:

— Возстановленіе тѣхъ договоровъ, содержаніе которыхъ не противорѣчитъ новымъ условіямъ Россіи, и постольку, поскольку невозможность ихъ возстановленія не будетъ спеціально оговорена.

Іоффе нѣсколько разъ настойчиво повторяетъ свою оговорку относительно «непротиворѣчія нынѣшнимъ условіямъ внутренняго положенія Россіи».

Но ф.-Кюльманъ настойчивъ и всячески добивается согласія на принятіе его простой, возстановляющей удобную старину формулы:

«Мнѣ бы хотѣлось обратить вниманіе г. предсѣдателя Русской делегаціи на одно затрудненіе, которое представляетъ для насъ его редакція. По всей вѣроятности, будетъ не такъ легко въ короткое время установить, что именно въ старыхъ договорахъ не соотвѣтствуетъ теперешнимъ взглядамъ и условіямъ. Мнѣ важно, чтобы, какъ можно скорѣе, сношенія между сосѣдними народами получили какое-нибудь правовое основаніе. Поэтому я предпочелъ бы такую формулировку: «тѣ договоры, возстановленіе которыхъ явно и очевидно не исключается, разсматриваются, какъ вновь вступившіе въ силу». Впослѣдствіи мы имѣли бы возможность провѣрить въ деталяхъ, какія части этихъ договоровъ соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ взглядамъ нынѣшняго Россійскаго правительства и современнымъ русскимъ условіямъ».

Іоффе вновь въ третій, въ четвертый, въ пятый разъ съ смѣшнымъ однообразіемъ отмахивается повтореніемъ одной и той же присказки о недопустимости «противорѣчія между старыми договорами и настоящимъ положеніемъ вещей въ Россіи».

Ф.-Кюльманъ не возражаетъ противъ этого. Ему только нужна какая-нибудь точная формулировка, которая такъ или иначе отдѣлила бы договоры-козлища для Іоффе отъ договоровъ-овецъ:

«Я бы сказалъ: вступаютъ въ силу тѣ законы, относительно которыхъ Россійскимъ правительствомъ къ установленному сроку не будетъ заявлено, что они въ силу вступить не могутъ. Такимъ образомъ, у насъ имѣлась бы широкая основа для возстановленія договоровъ, и мирныя сношенія могли бы до извѣстной степени возобновиться. Новая редакція цѣлаго ряда договоровъ потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если же Россійское правительство впослѣдствіи пожелаетъ сдѣлать частныя измѣненія, эти договоры, какъ принято въ такихъ случаяхъ, по истеченіи извѣстнаго срока могутъ быть аннулированы или возстановлены. Согласились бы вы съ слѣдующей редакціей: «съ момента возстановленія мирныхъ отношеній возобновляются всѣ тѣ договоры, относительно которыхъ не послѣдуетъ опредѣленнаго заявленія о непріемлемости ихъ?»

— Съ дополненіемъ о томъ, что они не противорѣчатъ внутреннему положенію Россіи — опять упрямо твердитъ Іоффе, мотивируя и оправ-

дывая свое «масло масляное» известным «политическим значеніем» такого дополненія.

Съ краснымъ дипломатомъ начинаютъ возиться всѣ, отъ гр. Чернина, который приглашаетъ не оставлять державы Четверного Союза въ недоумѣніи такой общей формулировкой: «намъ вѣдь труднѣе судить о наличности или отсутствіи противорѣчій, чѣмъ вамъ самимъ». Директоръ Криге подсказываетъ ему его же формулу съ добавкой указанія на срокъ заявки о непріемлемыхъ договорахъ, а тайный совѣтникъ Надольный даже похваливаетъ предусмотрительность «общей оговорки» Іоффе, лишь бы остались въ силѣ всѣ остальные, незатрагиваемые этой оговоркой договоры.

Въ концѣ концовъ ст.-секретарь ф.-Кюльманъ предлагаетъ составить текстъ соглашенія въ промежуткѣ между засѣданіями.

Зато Іоффе радуетъ противниковъ мгновеннымъ согласіемъ на такое предложеніе ф.-Кюльмана, осуждающаго перенесеніе войны въ область экономики: «Всѣ законы и распоряженія, изданные для проведенія въ жизнь экономической войны, объявляются со дня заключенія мира недѣйствительными для обѣихъ сторонъ».

— Такъ какъ исключительные законы вообще недопустимы на русской территоріи, то мы, разумѣется, съ этимъ согласны.

Ободренный успѣхомъ, ф.-Кюльманъ ставитъ на очередь вопросъ о возстановленіи нормальныхъ экономическихъ сношеній между обоими народами. Ближайшій къ этому путь — возстановленіе, по примѣру другихъ договоровъ, существовавшихъ до начала войны, торговаго договора, хотя бы и предварительнаго. Онъ лично привѣтствовалъ бы обсужденіе этого вопроса въ первую очередь.

— Мы, разумѣется, за то, чтобы возстановить торговыя сношенія, но должны заявить заранѣе, что возстановленіе послѣдняго договора невозможно.

— Итакъ, господа, — спрашиваетъ ф.-Кюльманъ — вы совершенно исключаете возможность возстановленія означеннаго договора?

— Въ Россіи теперь господствуютъ совершенно новые принципы и условія, такъ что невозможно возстановить договоры, созданные еще при прежнихъ условіяхъ.

Покровскій даетъ такое разъясненіе къ словамъ предсѣдателя делегаціи Смольнаго:

«Организація народнаго хозяйства въ Россіи будетъ проведена въ общегосударственномъ масштабѣ. Въ виду этого, было бы немыслимо возстановить тѣ договоры, которые были заключены при совершенно другихъ условіяхъ между извѣстной группой русскихъ и нѣмецкихъ торгово-промышленниковъ. Что касается предварительнаго договора, то можно было бы просто возстановить обычное положеніе впредь до урегулированія отдѣльныхъ вопросовъ путемъ спеціальныхъ совѣщаній».

Ф.-Кюльманъ ловитъ большевиковъ на этомъ словѣ и проситъ разъясненія, что подразумѣвается подъ выраженіемъ «обычное положеніе». Но, не дожидаясь отвѣта, предлагаетъ, впредь до выработки торговаго договора въ будущемъ, установить порядокъ, для Германіи еще болѣе выгодный, чѣмъ всякій договоръ:

«По моему мнѣнію, представляются двѣ возможности предварительнаго соглашенія: одно — для ближайшаго будущаго (скажемъ, на одинъ годъ по заключеніи мира) мы провозгласили бы взаимную свободу торговли, причемъ пошлины не стали бы взиматься ни съ той ни съ другой стороны; второй выходъ заключался бы въ томъ, что обѣ договаривающіяся стороны поступали бы по принципу «взаимнаго благопріятствованія» въ области торговыхъ сношеній. Вотъ вамъ двѣ возможности временнаго соглашенія».

Покровскій на первый предложенный выходъ отвѣчаетъ съ достаточной мотивированностью отрицательно: «полная свобода торговли явилась бы помѣхой къ плавомѣрной разработкѣ русскаго народнаго хозяйства въ общегосударственномъ масштабѣ, благодаря слишкомъ большому наплыву товаровъ изъ-за границы, изъ Германіи». Второй выходъ, «взаимное благопріятствованіе» онъ пытается обойти туманнымъ указаніемъ: «Принципъ взаимнаго благопріятствованія предполагаетъ, что на рынкѣ представлена не одна только заинтересованная сторона, но всѣ націи. Если нѣтъ выбора, некому пользоваться преимуществами».

Ф.-Кюльманъ фиксируетъ «благопріятствованіе» для Германіи на будущее время:

— Подъ «благопріятствованіемъ» мы подразумѣваемъ согласіе Россійскаго правительства не создавать другихъ и лучшихъ условій для какой-либо чужой націи, чѣмъ для насъ. Насколько я понялъ обоихъ предшествовавшихъ ораторовъ, по ихъ мнѣнію, торговля должна быть націонализирована, т. е. находиться въ рукахъ государства. Я не высказываюсь въ данномъ случаѣ по существу, хотѣлъ бы только замѣтить, что пройдетъ много времени, пока удастся организовать торговыя сношенія между государствами. Этому должна предшествовать грандіозная детальная разработка вопроса. Мнѣ кажется, что великіе принципы торговыхъ сношеній, которые я предложилъ собранію на выборъ, не зависятъ отъ лицъ, занимающихся торговлей, и отъ формы товарообмѣна, а должны быть установлены народами. Если торговыя сношенія будутъ вестись непосредственно между государствами, то мы уже теперь можемъ установить, согласны ли мы принципіально вести совершенно безпошлинную торговлю, или же, по крайней мѣрѣ, сойдемся ли мы на принципѣ — не оказывать въ области товарообмѣна предпочтенія другимъ націямъ».

— Конечно, — отвѣчаетъ Іоффе, — мы не возражаемъ противъ того, чтобы Германія послѣ заключенія мира встрѣтила къ себѣ въ Россіи не худшее и не лучшее отношеніе, чѣмъ другія страны. Весь вопросъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы урегулировать отношенія обѣихъ сторонъ.

Слѣдующимъ вопросомъ, выдвинутымъ опять-таки ф.-Кюльманомъ, который въ единственномъ лицѣ представляетъ инниціативную силу совѣщанія, былъ вопросъ о возстановленіи дипломатическихъ и консульскихъ сношеній. Особенныхъ споровъ этотъ вопросъ, дебатирующійся опять-таки только между ф.-Кюльманомъ и Покровскимъ, не возбуждаетъ. Дипломатическія и консульскія сношенія возобновляются, причемъ Покровскій выдвигаетъ для Россіи принципъ избранія консуловъ

живущими въ данной мѣстности русскими гражданами, противъ чего не возражаетъ ф.-Кюльманъ.

Послѣ этого Кюльманъ выдвигаетъ на очередь важный для Германіи вопросъ о лицахъ, экономически пострадавшихъ во время войны:

«Согласно только что принятому рѣшенію, законы, которые были изданы въ началѣ войны, съ цѣлью пораженія и разрушенія экономической жизни враговъ, должны считаться взаимно упраздненными при заключеніи мира. Такъ какъ эти законы военнаго времени большею частью цивилизованнаго міра были признаны несправедливыми законами, противорѣчащими тому принципу, что гражданскія отношенія должны какъ можно меньше страдать отъ войны, то отмѣна ихъ заднимъ числомъ, вплоть до момента объявленія войны, соотвѣтствовала бы чувству справедливости. Такимъ образомъ, всѣ мѣропріятія, вызванныя законами военнаго времени, какъ-то: конфискація, ликвидація и прочее должны быть признаны незаконными, и убытки должны быть возмѣщены. Употребляя латинское выраженіе, которое всѣмъ присутствующимъ извѣстно, мы предлагаемъ: restitutio in integrum».

Отвѣчаетъ опять Покровскій. Его интересуетъ сравненіе всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ Германіей противъ Россіи, съ мѣропріятіями Россіи противъ Германіи.

Ф.-Кюльманъ, давъ разъясненіе, что германское законодательство въ экономической области руководствовалось точкой зрѣнія взаимности — «мы не примѣняли по отношенію къ Россіи какого-либо закона, котораго она не примѣняла бы по отношенію къ намъ» — и обѣщавъ представить русской делегаціи полный обзоръ германскихъ законовъ военнаго времени, предложилъ «составить комиссію, которая должна будетъ установить, что фактически произошло въ хозяйственной области, что было ликвидировано и продано, дабы мы имѣли полную картину и уяснили себѣ, какія именно мѣропріятія потребуются для проведенія принципа restitutio in integrum».

Далѣе ф.-Кюльманъ нащупываетъ вопросъ о концессіяхъ, полученныхъ до войны и во время войны, разъясняя, что подъ послѣднимъ онъ подразумѣваетъ передачу другимъ иностранцамъ прежнихъ нѣмецкихъ концессій (напримѣръ, передача американскому о-ву нѣмецкой концессіи на производство электрическаго свѣта) и выдачу новыхъ концессій предпринимателямъ изъ нейтральныхъ странъ, финансируемымъ нѣмецкими капиталистами.

Отвѣты большевиковъ мало успокоительны. Каменевъ говоритъ о «глубокой ломкѣ экономическихъ отношеній, которая происходитъ въ Россіи», о томъ, что «отдѣльныя группы предпринимателей должны считаться съ установленіемъ государственнаго контроля», а Іоффе — о прямой возможности національзаціи предпріятій. Въ концѣ концовъ большевики соглашаются передать вопросъ въ комиссію, которая займется разсмотрѣніемъ послѣдствій законовъ военнаго времени.

Довольно гладко проходитъ вопросъ о взаимномъ возвратѣ судовъ, находящихся въ гаваняхъ противныхъ государствъ. Возвращаются всѣ суда, не объявленные военными призами, и тѣ, дѣло о которыхъ находится еще въ производствѣ призовыхъ судовъ.

Возвращаясь къ вопросу о возмѣщеніи убытковъ, ф.-Кюльманъ предлагаетъ:

«Каждая сторона возмѣщаетъ гражданскому населенію другой стороны убытки, причиненные, вопреки международному праву, во время войны путемъ насилія надъ жизнью, здоровьемъ или имуществомъ. Убытки устанавливаются смѣшанной комиссіей, которая образуется изъ представителей обѣихъ сторонъ и одного нейтральнаго третейскаго судьи. Слѣдовательно, дѣло идетъ въ этомъ случаѣ о гражданскомъ населеніи, находящемся внѣ сферы военныхъ дѣйствій, и объ убыткахъ, нанесенныхъ во время войны вслѣдствіе насильственныхъ дѣяній; эти убытки должны быть установлены нейтральнымъ третейскимъ судьей и затѣмъ взаимно возмѣщены».

Іоффе, соглашаясь съ этимъ предложеніемъ, добавляетъ, что возмѣщенія должны распространяться не только на гражданскихъ лицъ, но и на государственныя учрежденія, напримѣръ, на посольства и т. д.

На предложеніе ф.-Кюльмана о немедленномъ освобожденіи всѣхъ интернированныхъ и сосланныхъ лицъ гражданскаго населенія въ обѣихъ странахъ и о доставкѣ ихъ на родину Іоффе добавляетъ къ этой категоріи лицъ и «другія категоріи арестованныхъ, напримѣръ, пострадавшихъ за мирную пропаганду».

Ф.-Кюльманъ смѣется. Его сдержанность при этомъ предложеніи уступаетъ мѣсто знакомой намъ «гофмановской» усмѣшкѣ и «гофмановскимъ» словамъ:

— Такихъ у насъ нѣтъ! Я хочу сказать, что мы принимаемъ это пожеланіе къ свѣдѣнію, но я полагаю, что у вашихъ союзниковъ вы найдете въ этомъ отношеніи гораздо болѣе обширное поле дѣятельности!

Іоффе: Я извинняюсь. (Даже въ протоколъ вошло это одесско-приказчичье «извинилось» предсѣдателя красной делегаціи). Я извинняюсь, но такіе имѣются и у васъ. Я могъ бы назвать хотя бы Карла Либкнехта, еще до сихъ поръ томящагося въ Германіи въ каторжной тюрьмѣ!

Ф.-Кюльманъ вовсе не слышитъ этого вызова:

«Слѣдовательно, можно считать, что въ вопросѣ объ интернированныхъ и сосланныхъ лицахъ гражданскаго населенія вы согласны съ нашимъ предложеніемъ. Я лично очень хотѣлъ бы, если со стороны Россійскаго правительства не будетъ возраженій, предложить приняться за это дѣло немедленно, во время перемирія. Эти люди столько перенесли, безъ всякой съ ихъ стороны вины, что, чѣмъ скорѣй они снова вернутся къ нормальнымъ условіямъ, тѣмъ пріятнѣе будетъ для ихъ правительствъ».

Рѣшаютъ, что этимъ вопросомъ займется выѣзжающая въ Петербургъ германская комиссія подъ предсѣдательствомъ гр. Мирбаха. Ф.-Кюльманъ предлагаетъ закрыть засѣданіе и заняться редакціей «массы важныхъ матеріаловъ», которые «по его мнѣнію, разобраны весьма удовлетворительно».

Перерывъ, на самомъ дѣлѣ, необходимъ, но Іоффе, словно опомнившись и увидѣвъ, что онъ пунктъ за пунктомъ уступалъ представителю Германіи въ иниціативѣ возбужденія вопросовъ и подыскиваніи для нихъ удобныхъ для Германіи формулировокъ, вдругъ предлагаетъ

«предпослать редакціи отдѣльныхъ пунктовъ общую редакцію территоріальныхъ вопросовъ мирнаго договора».

Ф.-Кюльманъ отказывается поставить вопросъ на обсужденіе, ссылаясь на то, что «вниманіе присутствующихъ сильно напрягается и ослабляется», что «г. г. переводчики начинаютъ утомляться». Директоръ Криге заботливо оговариваетъ невозможвость вернуться къ преніямъ раньше завтрашняго двя, такъ какъ редактированіе сказаннаго займетъ много времени. Столкновеніе по территоріальнымъ вопросамъ пока избѣгнуто. Мѣсто и время слѣдующаго засѣданія рѣшаютъ установить въ зависимости отъ хода редакціонныхъ работъ.

Передъ самымъ коицомъ засѣданія, которое было закрыто въ 11 час. 30 мин., Каменевъ пытается все-таки подсказать ф.-Кюльману свою точку зрѣнія на вопросъ о территоріяхъ, заставить его признать этотъ вопросъ уже рѣшеннымъ. Но изъ этого ровно ничего не выходитъ.

Каменевъ: Если я правильно понялъ г. Предсѣдателя, вопросъ о занятыхъ и подлежащихъ очищенію территоріяхъ съ нѣмецкой стороны уже былъ рѣшенъ и оглашенъ въ общей деклараціи.

Ф.-Кюльманъ: Я полагаю, намъ не слѣдуетъ поднимать сейчасъ этого вопроса. Разговоры на эту тему могутъ вылиться въ совѣщаніе, а мы еще не подготовились къ обсужденію этой темы.

Каменевъ: Вопросъ о территоріяхъ здѣсь не обсуждался, въ связи съ даннымъ вами вчера отвѣтомъ.

Ф.-Кюльманъ: Это само собой разумѣется. Никакой обмѣнъ мнѣній на эту тему невозможенъ.

Вечеромъ того-же 13/26-го декабря въ нижнемъ залѣ «Казино № 3» состоялся большой концертъ, собравшій около 400 человѣкъ Въ опустошенномъ войной Брестъ-Литовскѣ нѣтъ мирнаго населенія, а порядки прифронтовой полосы у нѣмцевъ до-нельзя строги, потому — публика исключительно мужская: штабное офицерство въ походной формѣ и члены съѣхавшихся въ ставку Восточнаго фронта дипломатическихъ делегацій. Небольшая сцена убрана зеленью, въ первыхъ рядахъ креселъ — мѣста для принца Леопольда, делегатовъ и высшаго штабного офицерства. Обращаетъ на себя вниманіе стоящій въ залѣ бюстъ фельдмаршала Гинденбурга, массивный, исполненный въ техникѣ кубизма, напоминающій рублеными чертами строгаго лица извѣстную по снимкамъ его же монументальную фигуру въ Берлинѣ.

Программа — исключительно музыкальная. Невольно заставляетъ улыбаться ея офиціальность. Выписаны не только артистическіе титулы пѣвицы Елены Шульцъ (королевская пѣвица изъ придворнаго театра въ Касселѣ) и скрипача-виртуоза Вилли Генеля (изъ Берлинскаго Блютнеръ-оркестра), но и воинскія званія остальныхъ двухъ участниковъ: теноръ Николай Рейнфельдъ прежде всего унтеръ-офицеръ, а потомъ уже артистъ берлинской королевской оперы, а піанистъ А. Тома — «ассистенцарцтъ» съ выпиской изъ послужного списка: «временно на фронтѣ».

Въ программѣ — три отдѣленія, добросовѣстно исполненныя и выслушанныя собравшимися, но гвоздь вечера — все-таки демонстрація кино-ленты: «Пріѣздъ въ Брестъ русской делегаціи».

Такъ странно видѣть на экранѣ самого себя въ живыхъ движеніяхъ. Это несравнимо ни со снимкомъ просто, ни съ наблюденіемъ за собой въ зеркало. Я и другіе невольные «актеры» этого историческаго кино, присутствующіе въ залѣ, естественно насторожились. Сама по себѣ фильма — ординарна: прибытіе поѣзда, выходъ изъ вагоновъ, взаимныя представленія, посадка въ автомобили. По окончаніи концерта Караханъ купилъ кино-ленту яко бы для «культпросвѣта» и сдѣлалъ хорошую аферу. Въ «культпросвѣтъ» фильма, конечно, не попала. Караханъ за баснословныя деньги сбылъ ее по пріѣздѣ въ Петербургъ лучшимъ частнымъ кинематографамъ, и во второй разъ я видѣлъ ее уже въ большомъ кино «Паризіана» на Невскомъ близъ Литейнаго.

ГЛАВА V.

Отбираютъ территорію безъ аннексій.

Вопросъ объ очищеніи австро-германскими войсками занятыхъ территорій Россіи. — Фонъ-Кюльманъ вызываетъ Іоффе на формулировку вопроса. — Формулировка делегаціи Смольнаго. — Германское предложеніе. — Іоффе явно не уловилъ смысла контръ-предложенія. — Окраины Россіи — уже не Россія. — Референдумъ возможенъ лишь послѣ заключенія мира. — Сила германскаго дипломатическаго удара. — Голову подъ крыло. — Оптимизмъ слетѣлъ. — Не согласилось бы Россійское правительство вывести свои «оккупаціонныя» войска изъ Россіи же? — Графъ Чернинъ поддерживаетъ иллюзію независимости Австро-Венгріи отъ Германіи. — Вопросъ о Финляндіи. — Генералъ Гофманъ заботится объ удобствахъ украинской делегаціи. — Совѣтскіе газеты рвутъ и мечутъ.

Редакціонная работа по формулировкѣ статей мирнаго договора, обсужденныхъ въ общей формѣ на предыдущемъ засѣданіи политической комиссіи, продолжалась цѣлыхъ два дня. Но делегація Германіи все-таки сдѣлала уступку Іоффе и Каменеву и рѣшила изложить свою точку зрѣнія на вопросъ объ очищеніи войсками Четверного Союза занятыхъ во время войны русскихъ территорій.

Этому вопросу было посвящено дневное засѣданіе политической комиссіи на слѣдующій день 14-го/27-го декабря, открытое и проведенное опять-таки ф.-Кюльманомъ.

Это засѣданіе, длившееся всего сорокъ минутъ, оказалось поворотнымъ пунктомъ мирныхъ переговоровъ, такъ какъ здѣсь была выдвинута формулировка вопроса о русскомъ Западѣ, которая, несмотря на всю дипломатическую завуалированность, свела на нѣтъ германское согласіе на «миръ безъ аннексій».

Хотя германская формулировка условій очищенія занятыхъ войсками Четверного Союза русскихъ областей и грядущей судьбы ихъ населенія была уже готова, ф.-Кюльманъ счелъ нужнымъ, открывая засѣданіе, предложить Іоффе сдѣлать его сообщеніе.

Іоффе заявилъ:

«На прошломъ засѣданіи мы говорили, что первымъ пунктомъ будущаго мирнаго договора долженъ быть не тотъ пунктъ, который трактуетъ о вопросахъ экономическаго характера, а, въ первую очередь, долженъ быть поставленъ вопросъ политическаго свойства, а именно: вопросъ объ очищеніи оккупированныхъ территорій. Мы предлагаемъ слѣдующій пунктъ, который я позволю себѣ сейчасъ огласить:

«Въ полномъ согласіи съ открытымъ заявленіемъ обѣихъ договаривающихся сторонъ объ отсутствіи у нихъ завоевательныхъ плановъ и о желаніи заключить миръ безъ аннексій, Россія выводитъ свои войска изъ занимаемыхъ ею частей Австро-Венгріи, Турціи и Персіи, а державы Четверного Союза — изъ Польши, Литвы, Курляндіи и другихъ областей Россіи.

Въ соотвѣтствіи съ принципами Россійскаго правительства, провозгласившаго права всѣхъ безъ исключенія народовъ, живущихъ въ Россіи, на самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія, — населенію этихъ областей дана будетъ возможность вполнѣ свободно, въ ближайшій, точно опредѣленный срокъ рѣшить вопросъ о своемъ присоединеніи къ тому или другому государству, или объ образованіи самостоятельнаго государства. При этомъ въ самоопредѣляющихся областяхъ недопустимо присутствіе какихъ-либо войскъ, кромѣ національныхъ или мѣстной милиціи.

Впредь до рѣшенія этого вопроса управленіе этими областями находится въ рукахъ избранныхъ на демократическихъ началахъ представителей самого мѣстнаго населенія.

Срокъ эвакуаціи, въ связи съ обстоятельствами, — началомъ и ходомъ демобилизаціи арміи — опредѣляется спеціальной военной комиссіей».

Этотъ пунктъ въ такой формулировкѣ мы предложили бы считать первымъ пунктомъ будущаго мирнаго договора».

Отвѣтную точку зрѣнія, во всемъ, кромѣ историческаго права, аналогичную точкѣ зрѣнія большевиковъ, выражаетъ ф.-Кюльманъ въ своемъ контръ-предложеніи:

«Благодарю г. предсѣдателя Русской делегаціи за интересное и важное сообщеніе содержанія 1-го пункта, который, по мнѣнію Русской делегаціи, долженъ войти въ будущій мирный договоръ. Я позволю себѣ отъ имени Германской делегаціи — думаю, что имѣю право говорить и отъ имени Австро-Венгерской Монархіи, — внести формулированное контръ-предложеніе, въ которомъ мы стараемся, насколько позволяютъ намъ обстоятельства, пойти навстрѣчу взглядамъ делегаціи, съ которыми мы ознакомились изъ хода переговоровъ.

Нашъ проектъ гласитъ:

«Статья 1. Россія и Германія заявляютъ о прекращеніи между ними состоянія войны. Оба государства рѣшили впредь жить въ мирѣ и дружбѣ.

Германія готова, при условіи полной взаимности по отношенію къ ея союзникамъ, какъ только миръ будетъ заключенъ, и демобилизація русской арміи закончится, очистить теперешнія позиціи и занятыя русскія области, поскольку это не будетъ противорѣчить ст. 2-ой.

Статья 2-ая. Такъ какъ Россійское правительство, въ соотвѣтствіи съ своими принципами провозгласило для всѣхъ безъ исключенія народовъ, входящихъ въ составъ Россійскаго государства, право на самоопредѣленіе вплоть до полнаго отдѣленія, то оно принимаетъ къ свѣдѣнію заявленія, въ которыхъ выражена воля народовъ, населяющихъ Польшу, Литву, Курляндію и части Эстляндіи и Лифляндіи, объ ихъ стремленіи къ полной государственной самостоятельности и къ выдѣленію изъ Россійской Федераціи.

Россійское правительство признаетъ, что эти заявленія при настоящихъ условіяхъ надлежитъ разсматривать, какъ выраженіе народной воли, и готово сдѣлать вытекающіе отсюда выводы.

Такъ какъ въ тѣхъ областяхъ, къ которымъ примѣнимо вышеизложенное положеніе, вопросъ измѣняется въ томъ смыслѣ, что эвакуація не можетъ быть произведена, согласно ст. 1, то, слѣдовательно, сроки и способы волеизволенія — согласно русской точкѣ зрѣнія — путемъ всенароднаго голосованія съ устраненіемъ какого бы то ни было военнаго давленія, предоставляются обсужденію и установленію особой комиссіи».

Вотъ, господа, формулированное контръ-предложеніе. Его слѣдовало бы расчленить на двѣ статьи. Я былъ бы благодаренъ г. предсѣдателю Русской делегаціи, если бы онъ сдѣлалъ сообщеніе объ отношеніи своей комиссіи къ этому предложенію».

Какъ для насъ всѣхъ выяснилось послѣ засѣданія, глава делегаціи Смольнаго просто не уловилъ истиннаго смысла пунктовъ ф.-Кюльмана. Этимъ и объясняется его короткій отвѣтъ о преимуществахъ ясности формулировки русской делегаціи и согласіе на созданіе «комиссій»:

— Мы согласны, что, въ виду техническихъ затрудненій при осуществленіи такого референдума, какъ и при опредѣленіи точнаго срока эвакуаціи, необходимо созданіе спеціальныхъ комиссій.

Ф.-Кюльманъ «констатируетъ полное согласіе по вопросу о необходимости обсужденія въ комиссіи этого сложнаго пункта», а основной пунктъ предлагаетъ считать пока разсмотрѣннымъ и перейти къ другимъ очереднымъ вопросамъ.

Къ вопросу о судьбѣ оккупированныхъ областей конференція такъ и не вернулась до перерыва занятій и до нашего отъѣзда въ Петербургъ, которымъ закончился первый періодъ мирныхъ переговоровъ. Истинный смыслъ контръ-предложенія ф.-Кюльмана раскрылся, кромѣ того, и въ послѣдующихъ частныхъ бесѣдахъ съ представителями Четверного Союза. Они не отказывали Іоффе въ этой любезности

Ф.-Кюльманъ высказалъ себя до конца. Коротко говоря, его контръпредложеніе сводилось къ слѣдующему:

а) Народы западныхъ окраинъ Россіи уже произнесли рѣшающее слово рядомъ заявленій о желаніи существовать самостоятельно, отдѣльно отъ Россіи. Большевицкому правительству слѣдуетъ сдѣлать такой «вытекающій отсюда выводъ»: окраины — Польша, Украина, Литва и Прибалтійскій Край — уже не Россія.

б) Продѣлать церемонію всенароднаго голосованія въ занятыхъ нѣмцами областяхъ теперь невозможно. Когда-нибудь это будетъ про-

дѣлано, но это уже вопросъ не между Германіей и Россіей, а новый вопросъ, и рѣшится онъ послѣ мира, послѣ демобилизаціи русской арміи.

Согласіе на «миръ безъ аннексій» оказалось призракомъ.

Информируемый по прямому проводу Смольный въ теченіе шести дней скрывалъ отъ Россіи свою неудачу. До сихъ поръ о ходѣ переговоровъ становилось извѣстнымъ по газетамъ на слѣдующій же день. Тутъ — полное молчаніе съ 14-го по 20-ое декабря ст. ст.

Смольному о контръ-предложеніи Германіи было извѣстно въ тотъ же день, т. е. 14-го/27-го декабря, но и Смольный, резиденція правительства, провозгласившаго «открытую дипломатію», какъ страусъ, пряталъ голову подъ крыло. Со страницъ номера «Правды», вышедшаго на слѣдующій день 15-го/28-го декабря не была даже снята пышная статья подъ заголовкомъ: «Достигнутая побѣда и мирный перерывъ».

Надо было быть въ тѣ дни въ Брестѣ, надо было видѣть физіономію Іоффе послѣ первой обѣщающей деклараціи гр. Чернина и послѣ отнявшаго всѣ иллюзіи контръ-предложенія ф.-Кюльмана, чтобы судить, насколько великъ былъ первоначальный наивный оптимизмъ главаря делегаціи Смольнаго. До этого удара тонъ и внѣшній видъ Іоффе напоминали ту его манеру, съ которой онъ дѣлалъ бравурно-оптимистическій докладъ о переговорахъ въ кабинетѣ Троцкаго. Послѣ удара Іоффе завялъ, и это увяданіе краснаго дипломата показало, что «оптимизмъ» не былъ у него наиграннымъ: сначала, когда все шло по видимости удачно, онъ дѣйствительно вѣрилъ въ свою дипломатическую мощь, былъ искренно наивнымъ.

Картина сознанія большевиками ихъ провала выяснилась, однако, уже послѣ засѣданія. Оно мирно продолжалось. Ф.-Кюльманъ задаетъ русской делегаціи «информаціонный» вопросъ:

«Не знаетъ ли русская делегація и не согласилась бы она насъ освѣдомить, произошелъ ли между петроградскимъ центральнымъ правительствомъ и Державами Согласія обмѣнъ мнѣній по поводу бывшаго между нами въ началѣ этого совѣщанія обмѣна нотами, и въ какой именно формѣ?»

Іоффе отвѣтилъ, что союзники увѣдомлены о началѣ переговоровъ, а дальнѣйшее содержаніе ихъ стало достояніемъ печати, но, помимо этого, обѣ деклараціи были, вѣроятно, сообщены правительствамъ союзниковъ Россіи.

Ф.-Кюльманъ не останавливается на этомъ щипкѣ по поводу изолированности Россіи. Его «информаціонные» вопросы становятся еще болѣе щекотливыми:

«Не согласилось бы Россійское правительство при извѣстныхъ, еще подлежащихъ ближайшему обсужденію, условіяхъ вывести свои оккупаціонныя войска изъ Лифляндіи и Эстляндіи, чтобы дать мѣстному населенію возможность, безъ давленія со стороны военной силы и на широкихъ демократическихъ началахъ, изъявить свое неоднократно выраженное желаніе соединиться со своими одноплеменниками, нынѣ живущими въ занятыхъ областяхъ?»

Іоффе отвѣчаетъ:

— Со стороны Россійскаго правительства неоднократно провозглашалось признаніе права всѣхъ народовъ безъ исключенія на самоопредѣленіе, причемъ обязательнымъ условіемъ такого свободнаго волеизволенія признавалась необходимость полнаго отсутствія чужеземныхъ войскъ — чужеземныхъ для данной національности — въ спорныхъ территоріяхъ. Такимъ образомъ, и въ отношеніи къ губерніямъ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи Россійское правительство несомнѣнно примѣнило бы тотъ же принципъ, осуществленія котораго оно требуетъ отъ всѣхъ, признающихъ принципъ дѣйствительнаго самоопредѣленія народовъ.

Ф.-Кюльманъ благодаритъ Іоффе за сообщеніе и даетъ возможность представителю Австро-Венгріи гр. Чернину удостовѣрить передъ присутствующими, что Имперія Габсбурговъ не тащится въ хвостѣ у Германіи.

— Кажется, гр. Черининъ желалъ сдѣлать маленькое заявленіе?

Австрійскій министръ повторнетъ сказанное уже въ прошлый разъ, что «соглашенія, заключенныя въ этой комиссіи съ представителями Германіи, будутъ имѣть силу и для Австро-Венгріи, поскольку онъ, Черининъ, не возражаетъ противъ того или другого пункта». Интересы Германіи и Австро-Венгріи въ этихъ вопросахъ почти совпадаютъ, и онъ просто не желаетъ терять времени.

Ввернувъ еще предложеніе объ управленіи устьями Дуная Европейской Дунайской комиссіей и тутъ же заявивъ, что отвѣтъ на это предложеніе сейчасъ не нуженъ, ф.-Кюльманъ отъ имени ген. Гофмана предлагаетъ въ томъ же «информаціонномъ» порядкѣ отвѣтить на слѣдующее: «въ какой стадіи находится вопросъ о самостоятельности Финляндіи».

Іоффе, которому только и приходится удовлетворять любопытство по поводу самообщипыванія Великой Россіи, находитъ, наконецъ, удачную возможность огрызнуться:

«Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ — точный отвѣтъ я дамъ впослѣдствіи — я хотѣлъ бы напомнить г. г. представителямъ Германской делегаціи, что съ точки зрѣнія Четверного Союза, какъ это было ясно выражено въ деклараціи, представленной въ отвѣтъ на нашу декларацію, вопросы такого свойства не подлежатъ международному обсужденію. Что же касается вопроса по существу, то я категорически заявляю, что и на Финляндію Россійское правительство распространяетъ свой принципъ права каждой національности на свободное самоопредѣленіе».

Ф.-Кюльманъ не поднимаетъ перчатки Іоффе, а продолжаетъ «информироваться» теперь уже насчетъ Украины, судьбой которой интересуется тотъ же ген. Гофманъ:

— Кромѣ того, г. генералъ спрашиваетъ, въ какомъ положеніи находится и будетъ находиться пассажирское сообщеніе съ Украиной. Я совсѣмъ не знаю, существуетъ ли сейчасъ такое сообщеніе, и есть ли у васъ свѣдѣнія по этому вопросу.

Іоффе беретъ совсѣмъ обиженный тонъ:

— Я не совсѣмъ понимаю вопросъ. Если рѣчь идетъ о томъ, идутъ ли пассажирскіе поѣзда на Украину, то мы не сомнѣваемся, что пассажирское движеніе между Кіевомъ и Петроградомъ за все время не прекращалось.

Въ отвѣтъ на недоумѣніе Іоффе ген. Гофманъ дѣловито, но язвительно, подчеркиваетъ совершившійся фактъ разрыва между совѣтской Россіей и національной Украиной:

— Какъ извѣстно, г. предсѣдатель русской делегаціи, получено радіо-телеграфное сообщеніе отъ Украинской Центральной Рады, что Центр. Рада будетъ считать себя связанной мирными переговорами только тогда, когда въ этихъ переговорахъ будетъ участвовать ея делегація. Съ точки зрѣнія германскаго Верх. Командованія, мнѣ интересно узнать, если таковая делегація прибудетъ, то какимъ именно путемъ, для того, чтобы позаботиться объ установленіи телеграфной связи и т. п.

Въ своемъ отвѣтѣ Іоффе все-таки не хочетъ признать свои полномочія окургуженными на полъ-Россіи:

— Я съ благодарностью принимаю во вниманіе заботливость ген. Гофмана о техническихъ удобствахъ Украинской части нашей делегаціи. Мы не преминемъ извѣстить генерала, какъ только получимъ свѣдѣнія о томъ, что наша делегація пополняется представителями отъ Украины.

Въ 17 часовъ 45 минутъ фонъ-Кюльманъ, за отсутствіемъ другихъ вопросовъ, закрываетъ засѣданіе.

Важнѣйшій день перваго періода мирныхъ переговоровъ конченъ. Делегаты Смольнаго забились въ аппаратную и усиленно бомбардируютъ «рабоче-крестьянское правительство» данными о «внезапномъ» поворотѣ въ настроеніи представителей Четверного Союза. Этотъ день — толчекъ къ перемѣнѣ и всего тона большевицкой печати по отношенію къ нѣмцамъ:

«Лицемѣры въ аксельбантахъ, которые въ Брестѣ торжественно клялись въ своихъ благородныхъ чувствахъ, теперь начинаютъ высовывать хищные когти!..»

«Германскій имперіализмъ начинаетъ обнаруживать разбойничью жадность, которую онъ было умѣрилъ подъ вліяніемъ ударовъ октябрьской революціи!..»

«Издѣваясь надъ здравымъ смысломъ, издѣваясь надъ всѣми народами, Австро-нѣмецкіе генералы заявляютъ о томъ, что они уже «самоопредѣлили» оккупированныя провинціи. Ибо ни къ чему другому, какъ къ этому дикому утвержденію, сводится наглое предложеніе германо-австрійскихъ имперіалистовъ ...»

Этимъ же вечеромъ Іоффе напоминаетъ противникамъ въ частной бесѣдѣ, что онъ съ делегаціей долженъ уѣхать въ Петербургъ.

Хозяева не протестуютъ противъ отъѣзда, но просятъ остаться еще на одинъ день, чтобы фиксировать рядъ договорныхъ пунктовъ, «такъ быстро и удачно» выработанныхъ въ засѣданіяхъ политической комиссіи.

ГЛАВА VI.

Финалъ второго Бреста.

Какъ будто уже договорились. — Четырнадцать статей будущаго мирнаго договора. — Каждый имѣетъ право на свободный въѣздъ и выѣздъ. — Іоффе считаетъ статьи 3—16 пріемлемой основой для дальнѣйшаго разсмотрѣнія. — Вопросъ объ Аландскихъ островахъ. — Іоффе дипломатически уклоняется отъ обсужденія. — Болгарская и турецкая лесть. — Величайшая изъ Великихъ Хартій. — Мы справились очень быстро. — Миръ можетъ и долженъ наступить въ ближайшемъ будущемъ. — Караханъ грузится. — Снятіе погонъ. — Важный грузъ и неважный портфель.

«Послѣ того, какъ были даны обѣ формулировки по территоріальному вопросу, и выяснилась полная невозможность соглашенія ихъ, Россійская делегація не скрывала непріемлемости для Россіи германскаго мира. Однако, во избѣжаніе упрековъ, что переговоры были прерваны до заслушанія всѣхъ германскихъ предложеній, Россійская делегація рѣшила продолжать переговоры исключительно въ цѣляхъ полученія всего проекта германскаго мирнаго договора. Этому и посвящено засѣданіе отъ 15/28 декабря».

Такими нѣсколькими словами характеризуетъ Іоффе въ комментаріяхъ къ протоколамъ Бреста свое поведеніе въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ и перерывомъ мирныхъ переговоровъ. Съ другой стороны, ф.-Кюльманъ держалъ себя такъ, какъ будто ничего не случилось, и спѣшилъ фиксировать все, о чемъ, по его мнѣнію, стороны уже договорились. Такую форму оглашенія уже достигнутыхъ общихъ положеній ф.-Кюльманъ придалъ засѣданію 15/28-го декабря, открытому подъ его предсѣдательствомъ въ 12 час. 40 мин.

«Прежде всего я позволю себѣ огласить рядъ статей, содержаніе которыхъ уже подверглось цѣлому ряду обсужденій».

Огласить статьи было предложено директору Криге, который оговорилъ, что содержаніе двухъ первыхъ статей, согласно желанію и предложенію русской делегаціи, относится къ вопросу объ оккупированныхъ территоріяхъ, и потому оглашеніе начинается съ статьи 3-ей.

Когда текстъ 14-ти статей (3—16) былъ оглашенъ, Іоффе заявилъ:

«Въ предыдущихъ переговорахъ уже затрагивались всѣ отдѣльные пункты, которые сейчасъ подлежатъ обсужденію. Я не стану перечислять всего. Часть нашихъ стремленій выражена въ настоящей формулировкѣ, другая часть откладывается до слѣдующихъ переговоровъ и совѣщаній. Статья 14 (о возобновленіи дипломатическихъ и консульскихъ сношеній) не обсуждалась въ комиссіи; она является предметомъ частнаго совѣщанія. Русская делегація того мнѣнія, что, въ виду измѣнившихся условій въ Россіи, подобное обсужденіе этого вопроса является излишнимъ. Русская делегація предлагаетъ совсѣмъ вычеркнуть эту статью, такъ какъ при современныхъ условіяхъ Россіи каждый имѣетъ полное право на свободный въѣздъ и выѣздъ. Мы оставляемъ за собой право вносить новыя предложенія и измѣненія къ этому

проекту. Русская делегація принимаетъ къ свѣдѣнію предложенія Германской и Австро-Венгерской делегацій и считаетъ, что въ цѣломъ они являются пріемлемой основой для дальнѣйшаго разсмотрѣнія тѣхъ вопросовъ, которые затрагиваются статьями 3—16».

Глава германской делегаціи настойчиво продолжалъ устанавливать дальнѣйшія «соглашенія». Онъ «позволяетъ себѣ еще на нѣсколько минутъ задержать вниманіе г. г. делегатовъ» и поднимаетъ вопросъ объ Аландскихъ островахъ, пользуясь какъ матеріаломъ опубликованіемъ большевиками тайныхъ договоровъ Императорскаго Правительства:

«Какъ всѣмъ извѣстно, Аландскіе острова представляютъ собой предметъ международнаго соглашенія, которое считалось дѣйствительнымъ до объявленія войны. Цѣль этого международнаго соглашенія, подъ которымъ значилась и подпись Германіи, состояла въ томъ, чтобы навсегда исключить возможность использованія ихъ для военныхъ операцій и, въ частности, для сооруженія какихъ-либо укрѣпленій. Въ продолженіе этой войны прежнее правительство Россіи приняло всѣ мѣры къ укрѣпленію этихъ острововъ. Изъ опубликованныхъ нынѣшнимъ русскимъ правительствомъ тайныхъ документовъ, явствуетъ, что прежнее русское правительство предприняло дипломатическіе шаги съ цѣлью сдѣлать изъ этихъ острововъ постоянную базу для военныхъ и морскихъ операцій. Теперь мнѣ хотѣлось бы предложить два вопроса господину предсѣдателю Русской делегаціи: во-первыхъ, согласно ли нынѣшнее русское правительство заключить новый договоръ съ германскимъ правительствомъ, соотвѣтственно которому оставался бы въ силѣ прежній принципъ, на основаніи коего Аландскіе острова ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ укрѣпленію для военно-морскихъ цѣлей? Во-вторыхъ, видитъ ли русское правительство какія-либо препятствія къ тому, чтобы другія государства, граничащія съ Балтійскимъ моремъ и поэтому чрезвычайно заинтересованныя въ разрѣшеніи этого вопроса, какъ, напримѣръ, Швеція, присоединились къ германско-русскому соглашенію?»

Отвѣтъ Іоффе — уклончивъ:

«Русская делегація того мнѣнія, что этотъ вопросъ — вопросъ международный. Какъ извѣстно, договоръ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ подписанъ многими государствами, здѣсь не представленными. Въ виду этого, Русская делегація считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что новое россійское правительство въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакихъ агрессивныхъ намѣреній и не склонно поддаться чьимъ-либо агрессивнымъ планамъ... Мы считаемъ, что вопросъ долженъ обсуждаться, прежде всего, всѣми странами, которыя подписывали этотъ договоръ».

Ф.-Кюльману пришлось отложить обсужденіе этого вопроса, ставшаго много позже предметомъ ряда конференцій и полемики въ европейской печати.

Условившись на слѣдующій день встрѣтиться на пленарномъ засѣданіи конференціи, ф.-Кюльманъ закрылъ засѣданіе политической комиссіи въ 13 час. 17 мин.

Смольный волновался и торопилъ затянувшійся отъѣздъ Іоффе и

Ко. На другой же день предсѣдатель делегаціи Смольнаго заявилъ о своемъ намѣреніи отбыть сегодня же днемъ. Нѣмцы представили возраженіе, что по техническимъ условіямъ отъѣздъ не можетъ состояться раньше вечера, и днемъ было собрано послѣднее передъ отъѣздомъ пленарное засѣданіе мирной конференціи.

Засѣданіе открылось въ 16 час. 10 мин. подъ очереднымъ предсѣдательствомъ болг. министра юстиціи Попова, который со своихъ медоточивыхъ устъ влилъ добрую ложку меда въ ту бочку чернаго дегтя, гдѣ безнадежно увязли первые дипломатическіе шаги Іоффе и его товарищей:

«Высокоуважаемые присутствующіе, Ваше Высочество, Милостивая Государыня и Милостивые Государи! Принятыя нашей конференціей основныя положенія создаютъ совершенно новую эру въ развитіи международнаго права, обезпечивая политическую самостоятельность и свободу не только отдѣльныхъ индивидуумовъ и соціальныхъ классовъ, но и всѣхъ государствъ въ мірѣ, будь они слабы или могущественны. Принципіальная недопустимость насильственныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, т. е. вопреки волѣ населенія соотвѣтствующей области, допущеніе организаціи малыхъ народностей, а также принципъ разрѣшенія всѣхъ международныхъ споровъ мирнымъ путемъ, — провозглашеніе этихъ принциповъ въ развитіи международнаго права должно считаться Величайшей изъ Великихъ Хартій. Человѣчество должно быть благодарно въ первую очередь Русской делегаціи, въ лицѣ которой здѣсь представлены творческій духъ и правовое чувство великаго русскаго народа и, затѣмъ, мирнымъ делегаціямъ Четверного Союза. Считаю за истинное счастье, что мнѣ представляется возможность, не только въ качествѣ представителя небольшого народа, но также и въ качествѣ предсѣдателя историческаго засѣданія, привѣтствовать представителей русскаго народа, а также представителей Четвернего Союза. Я ихъ привѣтствую не только, какъ первыхъ творцовъ новой эры въ развитіи международнаго права, но и какъ творцовъ мира, и позволю себѣ высказать мою сердечную благодарность и пожелать счастливой новой встрѣчи. Передаю предсѣдательствованіе г. предсѣдателю Русской делегаціи, такъ много потрудившейся для общаго дѣла».

Іоффе, съ благодарностью принявъ предложенное предсѣдательство, поспѣшно напомнилъ о своемъ предложеніи устроить перерывъ и подчеркнулъ, что это засѣданіе «является, повидимому, послѣднимъ передъ наступающимъ перерывомъ». На предложеніе Іоффе высказаться откликнулся только Ибрагимъ-Хакки-паша, въ рѣчи котораго было также немало льстивыхъ словъ по адресу делегаціи Смольнаго, но было, кромѣ того, и дипломатическое стремленіе подчеркнуть, что переговоры уже привели къ положительнымъ результатамъ. Онъ напоминаетъ, что на первомъ засѣданіи выразилъ надежду на успѣхъ конференціи:

«Эта надежда была очень смѣла: ни одинъ практическій вопросъ тогда еще не былъ подвергнутъ обсужденію. Теперь я вижу, что мои надежды меня не обманули. Всѣ эти тяжелые вопросы, которые еще больше осложнились благодаря трехлѣтней войнѣ, мы подвергли об-

сужденію и анализу, и я могу утверждать, что для большинства ихъ мы нашли практическое разрѣшеніе. Передъ нами стоятъ еще затрудненія, но я увѣренъ, что, когда всѣ делегаты вернутся и подвергнутъ ихъ послѣдней провѣркѣ, всѣ остальные вопросы разрѣшатся такъ же благополучно. Сегодня было совмѣстное засѣданіе Русской и Турецкой Делегаціи, и я вынесъ впечатлѣніе, что вопросы, касающіеся Россіи и Турціи, найдутъ себѣ счастливое разрѣшеніе. Ихъ Превосходительства, г. г. Представители союзныхъ съ нами державъ, раздѣляютъ мое впечатлѣніе. Это хорошій результатъ. Работа, которую мы совершили за эти шесть дней, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ похвалы; мы съ ней справились очень быстро. За достиженіе такихъ благопріятныхъ результатовъ мы обязаны благодарить русскую делегацію, которая въ теченіе этихъ тяжелыхъ переговоровъ обнаружила много прямодушія, справедливости и практическаго смысла. Господа представители русской делегаціи доказали, что они — настоящіе представители демократіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличные дипломаты и государственные дѣятели. Я желаю имъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія къ назначенному сроку».

Утопающій въ волнахъ болгарской и турецкой лести Іоффе вторитъ предыдущимъ ораторамъ и, закрывая засѣданіе, заключительными словами пытается высказать надежду на близость всеобщаго мира:

«Русская делегація глубоко убѣждена, что усталые и жаждущіе мира народы, которые ясно заявили, что имперіалистическія цѣли и стремленія имъ абсолютно чужды, рѣшительнымъ волеизъявленіемъ потребуютъ въ самомъ недалекомъ будущемъ заключенія настоящаго демократическаго мира между всѣми враждующими государствами. Во время предстоящаго перерыва всѣ мы будемъ чувствовать, что за нами стоятъ милліоны страдающихъ людей, которые жаждутъ мира. Сознаніе отвѣтственности передъ народами, передъ человѣчествомъ и передъ исторіей дастъ намъ надежду и внутреннюю силу проложить путь къ всеобщему миру. Миръ можетъ и долженъ наступить въ ближайшемъ будущемъ. Съ этой надеждой объявляю засѣданіе закрытымъ».

Въ 18 час. 40 мин. послѣднее передъ перерывомъ пленарное засѣданіе конференціи было закрыто. Послѣдній совмѣстный обѣдъ въ офицерскомъ собраніи носилъ приподнятый характеръ, словно и за обѣденнымъ столомъ еще звучали пышныя увѣренія балканскихъ дипломатовъ, превозносившихъ величіе задачъ и первыхъ шаговъ конференціи и отдававшихъ льстивую дань миротворческой «идейности» большевиковъ. Во время этого послѣдняго обѣда со стороны хозяевъ Бреста лично мнѣ былъ оказанъ рядъ знаковъ вниманія. Отъ своего сосѣда за обѣдомъ, дѣйствительнаго тайнаго легаціоннаго совѣтника Симонса я получилъ цѣнный по тѣмъ временамъ подарокъ, второй томъ труда Штегемана «О великой міровой войнѣ». Первый томъ этой книги я пріобрѣлъ въ газетномъ кіоскѣ цитадели, гдѣ продавались нѣмецкія газеты и новинки книжнаго рынка Германіи. Книга заинтересовала меня, и я выразилъ сожалѣніе, что, уѣзжая, не имѣю возможности познакомиться съ ея продолженіемъ.

— А я какъ разъ сегодня получилъ второй томъ Штегемана, рож-

дественскій подарокъ отъ жены, — сказалъ совѣтникъ Симонсъ и тутъ же просилъ меня принять книгу на память отъ него. Я принялъ подарокъ съ благодарностью.

Тѣмъ временемъ германское штабное офицерство обратилось къ русской делегаціи съ просьбой дать свои автографы на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на карточкахъ-меню. Просьба была исполнена, и мнѣ пришло въ голову просить хозяевъ о такомъ же одолженіи. Я передалъ свою карточку-меню стоявшему позади вѣстовому и просилъ его обратиться отъ моего имени къ ген. Гофману: — Я бы очень хотѣлъ имѣть его автографъ и, если это возможно, автографъ принца-главнокомандующаго. Прошло минутъ двадцать и мое меню возвратилось ко мнѣ на серебряномъ подносѣ, покрытое рядомъ подписей. Первыми подписались принцъ Леопольдъ, ген. Гофманъ, гр. Чернинъ, ф.-Кюльманъ и Цеки-паша на турецкомъ языкѣ.

Послѣ обѣда, на этотъ разъ совсѣмъ конфиденціально, считаясь съ косыми взглядами Карахана, лейт. Мюллеръ попросилъ меня отъ имени коменданта ф.-Камеке зайти къ нему въ комнату. Тамъ мнѣ была передана оправленная въ рамку карточка-группа конференціи, знакъ особой ко мнѣ пріязни и вниманія.

Неисполненнымъ осталось желаніе оказать мнѣ вниманіе, какъ недавнему противнику, со стороны одного изъ штабныхъ офицеровъ, обѣщавшихъ меня познакомить съ героемъ нѣмецкой авіаціи, ротмистромъ ф.-Рихтгофеномъ.

— Это — нашъ лучшій летчикъ. Вамъ, какъ завѣдующему авіаціей вашей 1-ой арміи, было бы, конечно, интересно побесѣдовать съ человѣкомъ, который одержалъ 78 воздушныхъ побѣдъ на Зап. фронтѣ. Сегодня утромъ ротмистръ ф.-Рихтгофенъ долженъ былъ пріѣхать въ Брестъ, но, къ сожалѣнію, почему-то задержался.

Потомъ оказалось, что задержала германскаго воздушнаго викинга — смерть. Наканунѣ его аппаратъ былъ сбитъ союзническимъ летчикомъ, и, какъ передавали, побѣдитель многихъ палъ пораженный новичкомъ-счастливцемъ, вылетѣвшимъ въ боевой полетъ чуть ли не впервые.

Вечеромъ делегація Смольнаго и военная консультація въ полномъ составѣ покидали Брестъ въ экстренномъ поѣздѣ. На этотъ разъ въ красный Питеръ отправился и загостившійся въ Брестъ-Литовскѣ Караханъ. Для него эта поѣздка тоже была этапомъ «дипломатической» дѣятельности: надо же было реализовать груды разнообразнѣйшихъ товаровъ, закупленныхъ по дешевкѣ и на доставшіяся даромъ царскія сторублевки.

На вокзалѣ было замѣтно не столько то, что уѣзжаетъ цѣлая делегація, сколько, что грузится Караханъ. Въ его купэ и въ корридоры вагона вносились десятки свертковъ, ящики съ виномъ и сигарами, картонки съ дамскими шляпами и обувью, штуки мануфактуры, — всего не перечесть.

Послѣ обычнаго переѣзда ночью отъ Брестъ-Литовска до станціи Беркгофъ нѣмецкой фронтовой узкоколейки — нейтральная зона. Здѣсь намъ офицерамъ-консультантамъ пришлось продѣлать надъ собой то,

что уже было продѣлано надъ всѣмъ русскимъ офицерствомъ, по приказу Главковерха Крыленко, а именно снять съ себя погоны и кокарды. Объ этомъ въ мягкой формѣ, какъ будто стараясь не задѣть нашего самолюбія, напомянилъ Каменевъ:

— Господа, теперь въ Россіи погонъ уже не носятъ. Придется вамъ съ ними разстаться. Продѣлывать это у нѣмцевъ не стоило, а на нашей сторонѣ — какъ бы не было нежелательныхъ для васъ инцидентовъ. Удобнѣе всего снять здѣсь.

Мы такъ и поступили, и границу фронта перешли уже безпогонными.

Пограничная возня съ «дипломатическими трофеями» Карахана (десятокъ угрюмыхъ русскихъ окопниковъ перенимали пожитки отъ нѣмецкихъ солдатъ-носильщиковъ) нѣсколько задержала насъ на русской окопной линіи, мимо которой мы до сихъ поръ проходили быстро налегкѣ. Ни тѣни уюта, какъ у нѣмцевъ. Исчезли послѣдніе признаки благоустройства, существовавшіе въ до-революціонное время. Особенно поражала окопная тьма.

— Что же это у васъ такъ темно? — спросилъ я у ближайшаго солдата.

— А съ октября и все у насъ такъ. О свѣтѣ и позабыли. Не до него, видно.

Въ этомъ короткомъ, безъ подчеркиванія, отвѣтѣ — только намекъ на жалобу, глухое недовольство позабытыхъ красной властью. Она уже начинала забирать въ крѣпкія руки тѣхъ, кто своимъ недовольствомъ и протестами поддержалъ ея торжество.

Экстренный салонъ-вагонъ доставилъ насъ въ Двинскъ, а изъ Двинска въ Петербургъ мы прибыли экстреннымъ поѣздомъ рано утромъ. У вокзала насъ ждали автомобили.

Караханъ облюбовалъ для себя одного огромный закрытый лимузинъ и сталъ грузить его съ азартомъ, нагромождая свои пожитки до самаго верха и оставивъ себѣ только маленькое мѣстечко, гдѣ присѣсть. Погрузился и уѣхалъ. Въ это время, дожидаясь своей очереди на автомобиль, я обратилъ вниманіе Каменева на чей-то портфель, лежащій на ступенькахъ вокзальнаго подъѣзда.

На портфелѣ — монограмма Л. К.

— Ужъ не Караханъ ли оставилъ?

Каменевъ поднялъ портфель, раскрылъ его. Въ глаза бросились прежде всего полномочія нѣмцевъ и ихъ союзниковъ съ огромными печатями.

— Ну, конечно — Караханъ! Все забылъ: и полномочія, и стенограммы, и всю переписку въ подлинникахъ.

— Хорошъ секретарь!

Каменевъ захватилъ съ собой «результаты» перваго и второго Бреста; мы распрощались и поѣхали по домамъ.

ГЛАВА VII.

Троцкій ѣдетъ.

Двинскій перронъ и Лохвицкіе бараны. — Пѣшки, Стучки и Капускасы. — Черезъ окопы. — Декламація съ кукишемъ въ карманѣ. — Вотъ и пріѣхали. — Незаконное сожительство Троцкаго и Винниченко. — Хохлы гадятъ.

Срокъ 10-ти дневнаго перерыва истекалъ въ 12 часовъ ночи 4 января 1918 г. — 23 декабря 1917 года.

И вотъ 24 декабря (5 января 1918 г.) на пути въ Брестъ-Литовскъ, черезъ Двинскъ прослѣдовала совѣтская мирная делегація съ Троцкимъ во главѣ.

Для встрѣчи делегаціи на сѣверо-западномъ вокзалѣ Двинска былъ построенъ почетный караулъ Лохвицкаго полка.

Къ тому времени вездѣ проведены уже были выборы лицъ командного состава, вознесшіе на роли командировъ полковъ, баталіоновъ и ротъ либо невѣжественныхъ демагоговъ изъ писарской и солдатской среды, либо отбросы команднаго состава.

Вновь испеченный начальникъ гарнизона, какой-то товарищъ Малявскій, привѣтствовалъ нар. комиссара Троцкаго отъ имени Двинскаго гарнизона и Лохвицкаго полка. Заученная, испещренная трафаретомъ революціонной фразеологіи рѣчь просила «нашего товарища Троцкаго твердо стоять на нашей платформѣ мира, не дѣлая никакихъ уступокъ».

Съ своей стороны товарищъ Малявскій, какъ водится, обѣщалъ борцамъ за демократическій миръ «полную поддержку гарнизона и Лохвицкаго полка».

Троцкій напыщенно отвѣтилъ въ обычномъ тонѣ драматическихъ эффектовъ и декламаціи:

— Товарищи, я до глубины души тронутъ мужественными словами, которыя я услышалъ отъ вашего командира. Это — подлинный голосъ революціи. Мы знаемъ, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ провела наша армія эти три съ половиною года страшной войны. Но жива революціонная душа русской арміи. Пусть знаютъ всѣ, что мы не для того низвергли буржуазію, чтобы склонить свою голову передъ чужеземными имперіалистами и ихъ правительствами. Наша воля закалена въ борьбѣ и пусть знаютъ всѣ, что русскій народъ хочетъ мира, но онъ можетъ принять только честный демократическій миръ. Да здравствуетъ революціонный Двинскій гарнизонъ! Да здравствуетъ Лохвицкій полкъ!

На замызганномъ и загаженномъ перронѣ послѣ этой рѣчи разыгралась очередная трогательная сцена «единенія революціоннаго народа съ его доблестными коммунистическими вождями», и поѣздъ мирной делегаціи торжественно отбылъ подъ нестройно-жидкіе звуки оркестра восхищенныхъ и растроганныхъ товарищей Лохвицевъ. Делегація ѣхала на этотъ разъ въ новомъ составѣ.

На смѣну Іоффе руководство переговорами взялъ на себя самъ Троцкій.

Іоффе былъ взятъ снова въ Брестъ лишь въ цѣляхъ использованія

создавшихся у него во время пребыванія тамъ связей, знакомствъ и знанія мѣстныхъ условій.

Кромѣ знакомыхъ уже намъ членовъ, впослѣдствіи пріѣхали еще лѣвый эсэръ Карелинъ и вызванная Троцкимъ украинская делегація въ составѣ В. Шахрая и И. Медвѣдева, изъ которыхъ первый былъ нар. секретаремъ по военнымъ дѣламъ, а второй — предсѣдателемъ центр. исполн. Комитета всеукраинскихъ Совѣтовъ раб., солд. и крест. депутатовъ.

Эти «Украинцы», бывшіе въ сущности безгласными и безотвѣтственными пѣшками въ рукахъ Троцкаго, были привезены имъ съ собой изъ Петрограда послѣ наступившаго впослѣдствіи новаго перерыва, въ цѣляхъ созданія противовѣса делегаціи буржуазной украинской генеральной Рады. Эту Раду ген. Гофманъ и ф.-Кюльманъ безъ особаго труда завлекли въ сѣти сепаратнаго мира съ Украиной и весьма ловко использовали противъ неистовой демагогіи Троцкаго, пытавшагося обратить Брестъ въ трибуну для міровой большевистской пропаганды.

Въ качествѣ военныхъ консультантовъ ѣхали тѣ же лица. Консультантами по національнымъ вопросамъ состояли: пресловутый Радекъ *) въ качествѣ представителя с.-демократіи Польши; извѣстный авторъ первыхъ большевицкихъ декретовъ объ упраздненіи судовъ и присяжной адвокатуры, прославившійся своей гомерической бездарностью петроградскій присяжный повѣренный П. И. Стучка; нѣкій С. Бобинскій, представитель с.-демократіи Польши, и такой-же анонимъ В. Мицкевичъ-Капускасъ, делегатъ литовской с.-демократіи.

Въ тихую морозную ночь переходила делегація окопы. Были, конечно, тѣ же, что и въ Двинскѣ, революціонные проводы, тѣ же напыщенныя и неискреннія рѣчи: «держитесь, товарищи, крѣпко». Окопники угрюмо молчали.

Выступавшіе же отъ ихъ имени распропагандированные комитетчики по натверженной указкѣ повторяли навязшій въ зубахъ и завѣдомо дутый революціонный трафаретъ:

— Помните, что мы за миръ, но не за миръ во что бы то ни стало. Помните, что солдаты, три года сидящіе въ окопахъ, во всякомъ случаѣ поддержатъ васъ. Дѣлайте смѣло свое дѣло и надѣйтесь на насъ!

Конечно, Троцкій не преминулъ использовать и здѣсь случай стать въ трагическую позу и продекламировать нѣсколько трескучихъ фразъ:

— Русская революція не склонитъ головы передъ германскимъ имперіализмомъ. Не для того сбросили русскіе крестьяне, солдаты и рабочіе иго царя, чтобы подчиниться другому игу, игу нѣмецкихъ имперіалистовъ и буржуазіи. Въ полной увѣренности въ вашей поддержкѣ, товарищи, мы подпишемъ только почетный миръ.

---

*) Этотъ несомнѣнно ловкій агитаторъ, почти не владѣвшій русскимъ языкомъ (переводчикомъ была у него его гражданская жена, также пріѣхавшая въ Брестъ, еврейка и ярая коммунистка), въ началѣ міровой войны былъ призванъ въ ряды Австрійской арміи, откуда дезертировалъ въ Россію. Какъ дезертира его разыскивали австрійскія власти, а генералы въ Брестѣ, при его появленіи, дѣлали брезгливыя гримасы.

Въ нѣмецкихъ окопахъ мертвая тишина.

Только издали мелькаютъ одинокіе силуэты стоящихъ и куда то двигающихся солдатъ въ остроконечныхъ каскахъ. Что въ ихъ душахъ, о чемъ они думаютъ?

Знакомый переѣздъ сначала въ саняхъ, затѣмъ въ вагонеткахъ по узко-колейной дорогѣ и, наконецъ, въ экстренномъ поѣздѣ отъ ст. Беркгофъ.

Сквозь наружную, прочно вбитую прусскую выучку и казарменную дисциплину пробивается подчеркнуто симпатичное отношеніе нѣмецкихъ солдатъ и ординарцевъ.

Вѣдь русскіе делегаты несутъ имъ давно жданный миръ.

Утромъ 25 декабря (7 января) на вокзалѣ въ Брестъ-Литовскѣ состоялась офиціальная встрѣча.

Троцкій и руководящіе персонажи делегаціи торопливо комкаютъ процедуру встрѣчи. Подъ предлогомъ желанія немедленно приступить къ работѣ русская делегація удаляется къ себѣ и спѣшитъ приняться за дѣло.

Завтра у нея дипломатическая встрѣча, во время которой необходимо договориться и размежеваться.

Это — переговоры съ представителями генеральнаго секретаріата украинской республики, явившимися въ Брестъ еще за нѣсколько дней до пріѣзда совѣтской делегаціи.

Было условлено, что Троцкій заявитъ на пленарномъ засѣданіи о согласіи русской делегаціи распространить право самоопредѣленія и на украинскій народъ и предложитъ разсматривать украинскую делегацію, какъ полномочное представительство украинской народной республики. Договорились также выступать во всѣхъ заявленіяхъ единодушно и поэтому всѣ вопросы предварительно обсуждать въ составѣ русско-украинскихъ делегацій.

Этотъ медовый мѣсяцъ незаконнаго сожительства Троцкаго съ Винниченко долженъ былъ, увы, скоро миновать. Убѣдившись въ намѣреніи большевиковъ использовать Брестъ, какъ трибуну для революціонной пропаганды, ген. Гофманъ, по соглашенію съ ф.-Кюльманомъ, очень скоро склонилъ украинцевъ къ адюльтеру сепаратнаго мира съ центральными державами.

Подшпориваемая извѣстіемъ изъ Кіева о начатомъ большевиками давленіи на центр. Раду, съ цѣлью замѣнить ее чисто-большевистскимъ правительствомъ всеукраинскихъ совѣтовъ, укр. делегація очень скоро сдалась, и сепаратный миръ съ Украиной — такъ называемый «хлѣбный миръ» — былъ подписанъ.

9 января (27 декабря) 1917 года состоялось первое послѣ перерыва пленарное засѣданіе.

Второй актъ Брестской трагикомедіи начался.

ГЛАВА VIII.

За кулисами.

Іоффе уютно позавтракалъ. — Покровскій плачетъ. — Пожалуйте бриться.

Пріѣхавъ въ Брестъ, Троцкій первымъ дѣломъ настоялъ на полномъ изолированіи насъ, членовъ делегаціи, отъ нѣмцевъ. Онъ потребовалъ, чтобы кормежка совѣтской делегаціи происходила у нея на дому и чтобы ни одинъ изъ членовъ не имѣлъ никакого общенія ни съ германскими делегатами, ни съ окружающимъ германскимъ офицерствомъ.

До этого же при Іоффе обстановка была значительно болѣе дружелюбной, и мы всегда обѣдали и завтракали съ нѣмцами за общимъ табльдотомъ въ приготовленномъ для насъ помѣщеніи.

И вотъ за завтракомъ, какъ разъ наканунѣ отъѣзда русской делегаціи въ Петроградъ, ген. Гофманъ безъ всякихъ околичностей рѣшилъ испортить Іоффе его пищевареніе, заявивъ ему напрямки, что о возвращеніи оккупированныхъ русскихъ территорій Германія вовсе и не помышляетъ. Логика нѣмцевъ была ясна и проста:

— Компетентные представители населенія занятыхъ германской арміей областей сдѣлали уже опредѣленныя волеизъявленія о своемъ желаніи добровольно и безъ всякаго принужденія выйти изъ состава Росс. государства и присоединиться къ Герм. имперіи или къ какому-либо государству. Вѣдь совѣты заявили уже о признаніи за народами права на самоопредѣленіе, вплоть до отдѣленія. И вотъ теперь представители Польши, Литвы и Курляндіи и воспользовались этимъ своимъ правомъ для того, чтобы выйти изъ состава Россійскаго государства. Какая же это «аннексія», и развѣ у Германіи нѣтъ при таковыхъ условіяхъ права рѣшить вопросъ объ участи этихъ территорій въ согласіи съ волей ихъ населенія и безъ всякаго участія въ этомъ петроградскаго правительства?

Іоффе былъ растерянъ, изумленъ, уничтоженъ. Послѣ завтрака разразилась патетическая сцена. Іоффе, Каменевъ и Покровскій — съ одной стороны, ф.-Кюльманъ, гр. Чернинъ и ген. Гофманъ — съ другой, приступили къ обсужденію создавшагося положенія.

Характерно, что больше всѣхъ волновался Покровскій. Онъ со слезами ярости на глазахъ наступалъ на ген. Гофмана, спрашивая его, какъ осмѣливается онъ говорить о мирѣ безъ аннексій, когда Германія отрываетъ отъ Росс. государства цѣлыхъ 18 губерній.

Іоффе и Каменевъ грозили отъѣздомъ и разрывомъ переговоровъ.

Съ этимъ Іоффе и компанія и уѣхали въ Петроградъ 15/28 декабря передъ 10-ти дневнымъ перерывомъ. Конечно, они не дѣлали и не сдѣлали изъ этого тайны и для пославшихъ ихъ главарей изъ Смольнаго.

18/31 декабря мирная делегація дѣлала докладъ въ Петроградѣ, въ соединенномъ засѣданіи: центральнаго исполнительнаго комитета, Петроградскаго совѣта и представителей обще-армейскаго съѣзда по демобилизаціи арміи.

Докладъ сдѣлалъ Л. Б. Каменевъ, повторившій все тѣ же, завѣдомо ложныя теперь, разглагольствованія о «справедливомъ и демократическомъ» мирѣ.

Однако, даже и онъ не нашелъ возможнымъ скрыть, что шансы на проведеніе въ окраинныхъ областяхъ, оккупированныхъ германскими войсками, принципа самоопредѣленія народовъ въ желательномъ для большевиковъ смыслѣ значительно заколебались.

Конечно, о происшедшей въ Брестѣ патетической сценѣ, объ испорченномъ пищевареніи Іоффе и о слезахъ ярости Покровскаго въ сообщеніяхъ Каменева не было ни звука.

По выслушаніи доклада начались пренія. Участвовали представители арміи, делегированные на обще-армейскій съѣздъ по демобилизаціи, лидеры фракцій Цик'а и, наконецъ, самъ будущій глава делегаціи, народный комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ Троцкій.

Неосвѣдомленные о закулисномъ положеніи дѣлъ представители революціонной арміи и демократіи говорили очень радикальныя рѣчи.

Особенно темпераментна была рѣчь лидера лѣвыхъ эсэровъ — Камкова, призывавшаго присутствующихъ къ «борьбѣ до конца, до побѣды русской революціи надъ германскимъ имперіализмомъ»:

— Если мы не расшаркались передъ германскими имперіалистами, а продолжали настаивать на безусловномъ принятіи нашихъ основъ, то это потому, что мы — сила, съ которой имперіалисты должны считаться. Наша сила не штыковая, мы опираемся на силу нашихъ лозунговъ. Мы настойчивы, потому что сила русской революціи — сочувствіе трудящихся массъ Европы — есть въ то же время слабость германскаго имперіализма. Гинденбургъ разобьется не о русскіе штыки, а о собственную демократію, кровью которой онъ хочетъ привести къ торжеству владычества германскихъ феодаловъ и капиталистовъ въ Литвѣ, Польшѣ, Эстляндіи и т. д. Такая политика германскаго генералитета переполнитъ чашу терпѣнія германской демократіи и взорветъ тотъ пороховой погребъ, на которомъ сидятъ германскіе имперіалисты. Наша сила въ тѣхъ идеяхъ, которыя проводитъ русская революція, въ томъ новомъ словѣ, которое найдетъ резонансъ и полное сочувствіе всѣхъ истомленныхъ войной, обезкровленныхъ народовъ. Вотъ почему мы всецѣло поддерживаемъ дѣйствія нашей мирной делегаціи, не пошедшей ни на какія компромиссныя сдѣлки съ германскими имперіалистами. Тотъ путь, по которому мы идемъ, — единственно правильный и только этотъ путь приведетъ русскую революцію къ побѣдѣ надъ имперіализмомъ!

Троцкій показалъ себя несравненно умнѣе, не промолвивъ почти ни одного слова по существу, и произнесъ митинговую рѣчь, въ которой лишь опровергалъ вымыслы контръ-революціонной печати «относительно мирныхъ переговоровъ, якобы ведущихся въ Петроградѣ, и слухи о присутствіи тамъ же вооруженныхъ германскихъ солдатъ и офицеровъ».

Очевидно, ближайшій другъ и сподвижникъ Ленина былъ уже освѣдомленъ о той пилюлѣ, которую ген. Гофманъ заставилъ проглотить Іоффе за злосчастнымъ завтракомъ въ день отъѣзда.

Съѣздъ смѣялся надъ остротами Троцкаго, что, по сообщенію

контръ-революціонныхъ газетъ, содѣйствіе въ вооруженіи прибывшихъ нѣмцевъ «исходило, разумѣется, прежде всего отъ комиссара по ин. дѣламъ».

Тѣмъ мефистофельски злѣе могъ смѣяться самъ Троцкій, слушая всѣ эти наивныя рѣчи о «силѣ» русской революціи и о ея «побѣдѣ» надъ германскимъ имперіализмомъ.

Въ концѣ концовъ собраніе приняло длиннѣйшую резолюцію, немедленно возвѣщенную по радіо-телеграфу «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ»; въ ней, между прочимъ, значилось, что «соединенное засѣданіе настаиваетъ, чтобы въ дальнѣйшемъ мирные переговоры велись въ нейтральномъ государствѣ, и поручаетъ совѣту нар. комиссаровъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы это было проведено въ жизнь».

Во исполненіе этого постановленія Іоффе 20 декабря (2 января) 1918 г. обратился къ предсѣдателямъ германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской делегацій со слѣдующей телеграммой:

«Правительство Россійской республики считаетъ настоятельно необходимымъ перенесеніе дальнѣйшихъ мирныхъ переговоровъ на нейтральную почву и съ своей стороны предлагаетъ г. Стокгольмъ. Россійская мирная делегація ожидаетъ отвѣта на это предложеніе въ Петроградѣ.

Что же касается предложенія германской и австро-венгерской делегацій отъ 25 декабря, то, по крайней мѣрѣ, поскольку оно касается формулировки первыхъ двухъ пунктовъ, правительство Россійской республики, какъ полномочный органъ совѣтовъ Р. и С. депутатовъ, въ полномъ согласіи съ неоднократно выраженнымъ россійской мирной делегаціей мнѣніемъ, усматриваетъ въ этой формулировкѣ противорѣчіе съ принципомъ самоопредѣленія народовъ, даже въ томъ ограничительномъ толкованіи, которому этотъ принципъ подвергся въ отвѣтной деклараціи делегацій Четверного союза».

Однако, 21 декабря (3-го января 1918 г.) пришелъ изъ Бреста телеграфный отвѣтъ. Тамъ было коротко сказано, что всякое перенесеніе мирныхъ переговоровъ изъ Брестъ-Литовска рѣшительно отклоняется, россійская делегація ожидается въ Брестъ-Литовскѣ не позже 5 января, т. е. 23 декабря 1917 г.

22 декабря (4 января 1918 г.) большевицкая делегація въ тотъ же самый день отправила въ Брестъ телеграмму, въ которой сдавала свои позиціи подъ тѣмъ предлогомъ, что делегаціи центральныхъ державъ уже прибыли въ Брестъ.

Уже въ догонку выѣзжавшей делегаціи за подписью ф.-Кюльмана, гр. Чернина, Попова и Мессими-бея пришла телеграмма, гдѣ подчеркивалось, что принципы для немедленнаго заключенія всеобщаго мира, изложенные въ отвѣтной деклараціи Четверного союза отъ 25/12 декабря были даны подъ условіемъ, что безъ оговорокъ и точнѣйшимъ образомъ обяжутся соблюдать эти условія и всѣ остальныя, находящіяся въ войнѣ, державы.

Между тѣмъ перерывъ, предложенный большевицкой делегаціей, прошелъ безъ всякихъ волеизъявленій со стороны державъ согласія. Телеграмма кончалась заявленіемъ:

«Делегаціи Четверного союза устанавливаютъ, что срокъ 10-ти дневнаго перерыва истекъ 4 января 1918 г. (22 декабря 1917 года), и ни отъ одной изъ остальныхъ воюющихъ державъ не поступило заявленія о присоединеніи къ мирнымъ переговорамъ».

*

Нѣсколько штриховъ изъ совершенно противоположной области комфорта и уюта, отъ котораго въ тѣ времена мы, грѣшные, вполнѣ отвыкли съ начала «великой, безкровной» революціи.

Германскіе чины ставки Восточнаго фронта жили въ Брестѣ сравнительно шумно и весело. Какъ разъ въ день нашего пріѣзда полковникъ бар. Ламеццанъ разсказывалъ, что накануне въ окрестностяхъ Бреста состоялась парадная охота, въ которой приняли участіе принцъ Леопольдъ, гр. Чернинъ и многіе члены ранѣе прибывшихъ въ Брестъ делегацій. Блестящее общество въ открытыхъ автомобиляхъ проѣхало по опушкѣ дремучихъ, первобытныхъ лѣсовъ, тянущихся къ Бѣловѣжѣ. Холодъ и снѣгъ компенсировали теплыми шубами и добрымъ коньякомъ. Дичи было немного, но зато было много веселья и шутокъ. Кто-то изъ высшихъ военныхъ подстрѣлилъ кабана.

Моя бесѣда съ полковникомъ Ламеццаномъ происходила за обѣдомъ — послѣднимъ изъ совмѣстныхъ уютныхъ обѣдовъ въ офицерскомъ собраніи. Германскій хозяинъ собранія, поручикъ Адольфъ, постарался на славу. Прежде всего, изъ вниманія къ начавшимся у русскихъ праздникамъ Рождества, программа игравшаго во время обѣда оркестра включала рождественскіе мотивы. Былъ сыгранъ даже «Der rote Sarafan». Меню по тогдашнимъ временамъ было прямо роскошное: были изысканныя блюда, вина и шампанское. Вотъ сохранившаяся у меня обѣденная карточка:

Hauptquartier Ost, den 7. 1. 1918.

Abendessen.

Sellery-Suppe

1913 er Graacher Lay

1909 er Chateau Perenne

Austern-Pastetchen

Gänsebraten mit Kartoffelsalat.

Kompott.

Cabinet-Sekt.

Eis in Gläsern mit Gebäck.

Obst.

Kaffee.

Musikfolge.

1. Einzug der Gäste auf der Wartburg aus der Oper «Tannhäuser» . . . . R. Wagner.
2. a) Stille Nacht, heilige Nacht.
   b) O, Tannenbaum.
3. Der rote Sarafan, russische Volksweise.
4. Geschichten aus dem Wiener Wald, Walzer . . Strauss.
5. Türkische Schaarwache . . . . Th. Michaelis.
6. Schäume Maritza, bulgarische Volksweise.
7. «Zika», Czardas Hongroise Nr. 7 . . . . Michiels.
8. Am stillen Herd a. d. Oper «Die Meistersinger» R. Wagner.
9. Solveygs Lied und Anitras Tanz . . . . Grieg
10. Wotan's Abschied u. Feuerzauber aus der Oper «Die Walküre» . . . . R. Wagner.

Послѣ окопной и Петербургской скудости, послѣ почти года революціи было очень странно чувствовать себя перенесеннымъ въ культурную обстановку.

Германцы, сами крайне стѣсненные въ продуктахъ питанія, тратились на всѣ эти аттрибуты роскоши частью въ расчетѣ на то, что, по нѣмецкой пословицѣ, «любовь рождается черезъ хорошо приготовленный столъ». Возможно, что они хотѣли также и пустить намъ пыли въ глаза.

Троцкій учелъ эту сторону дѣла и съ мѣста въ карьеръ запретилъ намъ эти контръ-революціонные, съ его точки зрѣнія, табльдоты.

*

Такова была увертюра ко второму акту Брестской трагикомедіи.

ГЛАВА IX.

За столомъ конференціи.

Наши партнеры. — Талаатъ-Паша — предсѣдатель на дебютѣ. — Сіятельный трубадуръ синяго чулка. — «Не подлежитъ отмѣнѣ». — [illegible]говоры въ опасности. — Замороженная угроза. — Черининъ въ [illegible]нгела-примирителя. — Генералъ Гофманъ устраиваетъ «бумъ». [illegible] протестующихъ военныхъ представителей. — Дебютъ отклад[illegible]. — Голубовичъ охорашивается. — Тѣхъ же щей, да пожиже влей. — Капитуляція съ дерзостью: мы остаемся.

Германская делегація, въ моментъ возобновленія переговоровъ, имѣла слѣдующій составъ: Предсѣдатель мирной делегаціи ф.-Кюльманъ. Представитель верх. командованія ген. Гофманъ. Директоръ правового департамента Криге. Директоръ экон. департамента Іогавнесъ. Посланникъ ф.-Розенбергъ. Д. т. легац. совѣтникъ Си-

монсъ. Т. легац. совѣтники Эдлеръ фонъ-Штокгаммеръ, Шюлеръ и Надольный. Капитанъ I ранга Горнъ. Маіоръ Бринкманъ. Легац. совѣтникъ фонъ-Балигандъ. Легац. секретари фонъ-Гешъ и фонъ-Бюловъ. Атташэ графъ Рексъ. Надворный совѣтникъ Ритцъ. Тайный секретарь Элаидъ. Консульскіе секретари Вухерпфеннигъ и Лорцъ.

Австро-Венгерская делегація: Предсѣдатель делегаціи министръ иностр. дѣлъ гр. Черининъ. Посолъ фонъ-Мерей. Начальникъ отдѣленія докторъ Грацъ. Посланникъ фонъ-Визнеръ. Легац. совѣтники баронъ Андріанъ, графъ Коллоредо и баронъ Бергеръ. Легац. секретари баронъ Гаучъ и графъ Чаки. Фельдмаршалъ-лейтенантъ ф.-Чичеричъ, командиръ 23 армейскаго корпуса. Личный адъютантъ, поручикъ Уманъ. Подполковникъ Покорный. Капитанъ 2 ранга Олафъ Вульфъ. Генеральнаго штаба маіоръ фонъ-Глайзе. Маіоръ Флеккъ.

Болгарская делегація: Министръ юстиціи Поповъ. Ген. консулъ Стояновичъ. Посланникъ Коссевъ. Полковникъ Гантчевъ. Легац. секретари докторъ Анастасовъ и Кермекчіевъ. Военный прокуроръ Миланъ Марковъ. Капитанъ 1-го ранга Нодевъ. Докторъ Н. Христовъ.

Турецкая делегація: Его высоч. Великій визирь Талаатъ-Паша. Посолъ, Его высоч. Ибрагимъ Хакки-Паша (б. великій визирь). Министръ ин. дѣлъ Ахмедъ-Мессими-Бей. Генералъ отъ кав. Цеки-Паша. Генералъ отъ кав. Ахмедъ Изздедъ-Паша. Товарищъ ст.-секретаря министерства ин. дѣлъ Решадъ-Хикмедъ-Бей. Секретари посольства Оркханъ-Бей и Вехби-Бей. Легац. секретарь Низамеддинъ-Бей. Ротмистръ ф.-Шмидтъ. Капитанъ Гуссейнъ-Реуфъ-Бей. Маіоръ Садыкъ-Бей. Капитанъ 2-го ранга Кемаль-Бей.

Первое послѣ перерыва пленарное засѣданіе открылось въ 11 час. 10 мин. утра 27 декабря 1917 года (9 января 1918 г.).

По принятому уже ранѣе порядку, очередь предсѣдательствованія была за главой турецкой делегаціи великимъ визиремъ Талаатъ-Пашой. Тактичный восточный дипломатъ, ограничившись произнесенной формулой открытія засѣданія, передаетъ предсѣдательствованіе ф. Кюльману.

Свою рѣчь ф.-Кюльманъ началъ съ вылощеннаго обращенія, по старшинству и привилегіямъ званія и пола:

«Ваши Высочества, Милостивая Государыня, Милостивые Государи!»

Обращеніе: «Высочества» имѣло въ виду, конечно, турокъ: Талаата-Пашу и Ибрагима Хакки-Пашу, пользовавшихся правомъ на этотъ титулъ по своему званію. Милостивая же государыня — это была А. Биценко, соціалъ-революціонная дама, попавшая въ эти переговоры совершенно случайно и проявившая себя лишь неподвижнымъ выраженіемъ на своемъ лицѣ 50-ти лѣтняго синяго чулка.

«Такъ какъ въ составѣ отдѣльныхъ делегацій произошли измѣненія, то кажется не лишнимъ въ началѣ нашихъ работъ бросить ретроспективный взглядъ на исторію и на ходъ переговоровъ до настоящаго времени.

«Нынѣшнее русское правительство, сообщивъ въ радіо-телеграммѣ отъ 28/15 ноября 1917 г., обращенной ко «всѣмъ», нѣкоторыя свои рѣ-

шенія, изъявило одновременно свою готовность вступить въ мирные переговоры съ воюющими державами.

«Послѣ этого, въ пленарномъ засѣданіи рейхстага отъ 29/16 ноября, герм. имперскій канцлеръ, графъ ф.-Гертлингъ въ своей программной вступительной рѣчи заявилъ слѣдующее:

— Вчера русское правительство послало изъ Царскаго Села правительствамъ народовъ воюющихъ странъ радіо-телеграмму, подписанную народнымъ комиссаромъ по иностраннымъ дѣламъ Троцкимъ и предсѣдателемъ совѣта народныхъ комиссаровъ Ленинымъ, въ которой предлагается въ ближайшій срокъ приступить къ переговорамъ о перемиріи и всеобщемъ мирѣ.

— Я долженъ заявить, что въ извѣстныхъ предложеніяхъ русскаго правительства могутъ быть усмотрѣны такія основы, которыя даютъ возможность приступить къ переговорамъ, и что я готовъ приступить къ таковымъ, какъ только русское правительство пришлетъ уполномоченныхъ на то представителей.

— Я надѣюсь и желаю, чтобы эти стремленія скорѣе приняли конкретныя очертанія и принесли намъ миръ.

«Отвѣтственные государственные дѣятели другихъ союзниковъ сдѣлали аналогичныя по смыслу заявленія».

Ф.-Кюльманъ перешелъ затѣмъ къ изложенію извѣстнаго уже намъ до сихъ поръ хода переговоровъ.

Онъ указалъ, что, по условію съ русской делегаціей, по истеченіи десятидневнаго срока переговоры подлежали возобновленію, независимо отъ того, присоединятся ли и въ какомъ числѣ къ этимъ переговорамъ воюющія государства.

«Срокъ этотъ истекъ 4 января 1918 г. (22 декабря 1917 г.) въ 12 час. ночи, и послѣ того, какъ союзнымъ правительствамъ стало извѣстно, что со стороны правительствъ державъ Согласія не поступило какихъ-либо сообщеній, отвѣчающихъ этой цѣли, союзныя правительства разослали по радіо-телеграфу слѣдующее свое общее рѣшеніе:

— Делегаціи союзныхъ державъ констатируютъ, что десятидневный срокъ истекъ 4 января 1918 г. и что къ нимъ ни отъ одной изъ остальныхъ участницъ войны не поступало заявленія о присоединеніи къ мирнымъ переговорамъ.

«Какъ слѣдуетъ изъ содержанія сообщенія союзныхъ державъ отъ 25/12 декабря 1917 г., однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій, которыя были въ немъ поставлены, было — единогласное принятіе всѣми враждующими державами условій, одинаково обязательныхъ для всѣхъ народовъ. Неисполненіе этого условія повлекло за собой послѣдствіе, вытекающее какъ изъ содержанія заявленія, такъ и изъ истеченія срока: документъ сталъ недѣйствительнымъ. Ближайшей задачей нашего собранія является прежде всего возобновленіе переговоровъ съ того пункта, на которомъ мы остановились до наступленія рождественскаго перерыва. Русская делегація, однако, телеграммой за подписью г-на Іоффе сообщила ген. Гофману свое требованіе вести дальнѣйшіе переговоры о мирѣ на нейтральной почвѣ».

Ф.-Кюльманъ излагаетъ затѣмъ уже извѣстную намъ исторію обмѣна телеграммами по вопросу о мѣстѣ переговоровъ и заявляетъ:

«Я не хочу здѣсь подробнѣе останавливаться на причинахъ извѣстныхъ господамъ делегатамъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ веденіе переговоровъ въ другомъ мѣстѣ, а не въ Брестъ-Литовскѣ.

«Но я желалъ уже сейчасъ заявить окончательное рѣшеніе державъ Четвернного союза, не подлежащее отмѣнѣ, что они не могутъ продолжать въ другомъ мѣстѣ переговоры относительно прелиминарнаго мира.

«Однако, державы Четвернного союза, изъ международной вѣжливости, готовы были бы вести формальные заключительные переговоры и подписать прелиминарныя условія въ другомъ мѣстѣ, которое подлежало бы установленію, совмѣстно съ русской делегаціей, и вступить въ обсужденіе относительно выбора этого мѣста».

Ф.-Кюльманъ дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ своей рѣчи весьма выразительную паузу. Темные глаза Троцкаго вспыхиваютъ. На лицахъ членовъ германской делегаціи мелькаетъ и исчезаетъ многозначительная улыбка удовлетворенія. Гофманъ, притворяясь равнодушнымъ, дѣлаетъ строгое лицо. Нѣсколько секундъ глубокаго выразительнаго молчанія.

Ф.-Кюльманъ переходитъ къ дальнѣйшей части своей рѣчи. На этотъ разъ корректность его пронизана особымъ холодкомъ и носитъ характеръ не только предупреждающій, но и отчасти угрожающій:

«Я хотѣлъ бы въ этомъ смыслѣ указать на тонъ нѣкоторыхъ полуофиціальныхъ заявленій русскаго правительства и въ особенности же на одно сообщеніе петр. телегр. агенства, которое разсматривается заграницей какъ полуофиціальный русскій правительственный органъ. Въ этомъ сообщеніи подробно передавался отвѣтъ, якобы, данный г. Іоффе, предсѣдателемъ русской делегаціи, въ засѣданіи отъ 28/15 декабря 1917 г., который, однако, какъ убѣждаетъ справка въ дѣлахъ, является ничѣмъ инымъ, какъ плодомъ фантазіи автора. Это цѣликомъ выдуманное сообщеніе сильно содѣйствовало затемненію пониманія хода переговоровъ и подвергало опасности ихъ результаты».

Беретъ слово гр. Черининъ и спѣшитъ смягчить общее впечатлѣніе.

«Милостивые Государи! Я считаю нужнымъ прибавить къ замѣчаніямъ моего германскаго коллеги еще слѣдующее:

«Причины, по которымъ мы категорически отказываемся перенести переговоры въ настоящій моментъ въ нейтральную страну, — двоякаго рода: во-первыхъ, причины техническаго характера. Еще важнѣе, однако, второй мотивъ. Вы, милостивые государи, въ свое время пригласили насъ на всеобщіе мирные переговоры. Мы приняли приглашеніе и пришли къ соглашенію относительно основъ всеобщаго мира. Оставаясь вѣрными принятымъ основамъ, вы поставили союзникамъ десятидневный ультиматумъ. Ваши союзники вамъ не отвѣтили, и сегодня рѣчь идетъ не о всеобщемъ мирѣ, но о мирѣ сепаратномъ между Россіей и державами Четверного союза. Перенесеніе переговоровъ на нейтральную почву дало бы Согласію давно желанную возможность вмѣшаться, съ цѣлью воспрепятствовать дѣлу мира. Что касается территоріальной части переговоровъ, относительно которыхъ еще не достигнуто соглашенія между вами и нами, то мы окончательно условились на послѣднемъ пленарномъ засѣданіи, что эти вопросы мы передадимъ комиссіи,

спеціально для этого образованной, которая немедленно и начнетъ свои работы».

Графъ Черининъ опять пытается подѣйствовать любезностью, которая должна замаскировать столь явно выглядывающіе изъ словъ ф.-Кюльмана волчьи зубы. Одинъ за другимъ берутъ слово турецкій и болгарскій главы делегацій и заявляютъ о своемъ присоединеніи къ ф.-Кюльману и Чернину.

Талаатъ-Паша кратокъ:

— Я не хочу повторять того, что уже говорили здѣсь другіе делегаты. Оттоманская делегація согласна съ делегаціями Четверного союза.

Поповъ повторяетъ то же самое:

— Я вполнѣ согласенъ съ высказаннымъ.

На лицѣ ген. Гофмана появляется особое выраженіе многозначительности. Сейчасъ послѣдуетъ неожиданность.

Дѣйствительно, Гофманъ проситъ слова и, глядя упорно на Троцкаго, заявляетъ:

— Предо мною здѣсь лежитъ цѣлый рядъ телеграммъ и воззваній, подписанныхъ господами представителями русскаго правительства и русскаго командованія, въ которыхъ частью поносится бранью германская армія и германское верховное командованіе, частью же содержатся воззванія революціоннаго характера, обращенныя къ нашимъ войскамъ. Эти радіо-телеграммы и воззванія, безъ всякаго сомнѣнія, противны духу заключеннаго между обѣими арміями перемирія. Отъ имени германскаго верховнаго командованія я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестую какъ противъ формы, такъ и противъ содержанія этихъ телеграммъ и воззваній.

Точно по сигналу, за ген. Гофманомъ тянутся всѣ другіе союзные военные представители.

Взоры обращаются на Троцкаго: что онъ скажетъ? Какъ будетъ реагировать на открытый противъ него здѣсь словесный «ураганный огонь»?

Но комиссаръ предпочитаетъ отложить свой дебютъ, очевидно, желая выиграть время и приготовиться.

Надо сказать, что Троцкій очень тщательно готовился къ засѣданіямъ и работалъ усидчиво. До поздней ночи въ его комнатѣ горѣлъ огонь, и туда поминутно призывались отдѣльные члены делегаціи и консультанты, съ которыми происходила принципіальная разработка затрагиваемыхъ на засѣданіяхъ разнообразныхъ вопросовъ.

Съ перваго же дня своего пріѣзда Троцкій запретилъ и самостоятельное выступленіе въ пленарныхъ засѣданіяхъ членовъ делегаціи безъ испрошенія его предварительнаго согласія и представленія ему текста предположенной къ произнесенію рѣчи.

Троцкій заявляетъ:

— Я предлагаю перерывъ засѣданія.

Временемъ возобновленія засѣданія, по предложенію Троцкаго, назначается 4 часа дня.

Но этотъ промежутокъ оказывается слишкомъ коротокъ, и вся процедура откладывается, по настоянію комиссара, до слѣдующаго утра.

На другой день 28 декабря (10 января) засѣданіе открылось въ 10 час. 13 мин. утра подъ предсѣдательствомъ ф.-Кюльмана.

Долгожданный Голубовичъ наконецъ пріѣхалъ и щепотливо охорашивается въ ожиданіи прочтенія своей деклараціи.

Предсѣдатель предоставляетъ ему слово, и Голубовичъ манерно начинаетъ, старательно имитируя Кюльмана и германцевъ:

«Милостивая Государыня и Милостивые Государи!

«Истощенные и измученные войной народы жаждутъ мира.

«Представители демократіи Великороссіи, пренебрегая нападками части русскаго общества. а также печати, смѣло перешли окопы враждующей страны, для того, чтобы не на полѣ брани, кровью и желѣзомъ, а путемъ дружественнаго соглашенія народовъ достигнуть и общаго мира, положивъ начало мирнымъ переговорамъ.

«Вы, Милостивые Государи, справедливо объявили перерывъ на 10 дней, дабы дать возможность государствамъ, не принимавшимъ доселѣ участія въ мирныхъ переговорахъ, присоединиться къ намъ.

«Государство наше, Украинская народная республика, народъ которой всегда стремился къ миру, первымъ откликается на вашъ призывъ.

«Опредѣливъ 3-мъ универсаломъ Украинской Центральной Рады отъ 7/20 ноября свое государственное положеніе, украинская народная республика въ настоящій моментъ возобновляетъ свое международное бытіе, утерянное болѣе 250 лѣтъ тому назадъ, и со всей полнотой присущихъ ей въ этой области правъ выступаетъ сейчасъ въ международныхъ сношеніяхъ.

«На основаніи вышеизложеннаго, правительство Украинской народной республики считаетъ справедливымъ занять самостоятельное мѣсто на нынѣшнихъ мирныхъ переговорахъ и имѣетъ честь вручить господамъ делегатамъ представленныхъ здѣсь державъ слѣдующую ноту».

Голубовичъ читаетъ затѣмъ свою декларацію.

Чтеніе украинской деклараціи никакого особеннаго впечатлѣнія не произвело. Даже съ нашей, безпартійной и военной точки зрѣнія технических экспертовъ, это было просто напросто заурядное дипломатическое общее мѣсто, въ которомъ сравнительно удовлетворительно и сравнительно полно были упомянуты всѣ модные лозунги «демократическаго мира»; за которыми только и шли тогда массы.

На лицахъ нѣмцевъ и въ томъ числѣ на высокомѣрной, бритой физіономіи ген. Гофмана мелькнуло и скрылось выраженіе удовлетворенія.

Ф.-Кюльманъ великолѣпно выдержалъ свою роль корректнѣйшаго предсѣдателя конференціи, узнавшаго, якобы, объ украинскихъ намѣреніяхъ лишь впервые и привѣтствующаго это новое пріобрѣтеніе идеи мира.

Статсъ-секретарь дѣлаетъ торжественное лицо и внушительно и раздѣльно заявляетъ:

«Съ большимъ интересомъ мы выслушали сдѣланное украинской делегаціей заявленіе. Я предлагаю ноту украинской делегаціи, какъ важный историческій документъ, пріобщить къ дѣламъ конференціи.

«Представители Центральныхъ державъ привѣтствуютъ еще разъ прибывшихъ представителей украинской делегаціи.

«Представители центральныхъ державъ оставляютъ за собой право высказаться впослѣдствіи по поводу оглашенныхъ здѣсь заявленій украинскаго народа. Оглашенныя здѣсь важныя заявленія украинскаго народа смогутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, существенно повліять на весь ходъ мирныхъ переговоровъ.

«До сихъ поръ относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся Россійскаго государства, переговоры велись г. г. представителями петроградскаго правительства.

«Я хотѣлъ бы предложить г-ну предсѣдателю русской делегаціи вопросъ:

— Намѣрены ли онъ и его делегація и впредь быть здѣсь единственными дипломатическими представителями всей Россіи?»

Взоры обращаются на Троцкаго.

Троцкій нервно поправляетъ пенснэ и говоритъ своимъ звонкимъ пронзительнымъ и рѣзкимъ голосомъ:

«Прежде чѣмъ былъ поставленъ г-номъ предсѣдателемъ германской делегаціи этотъ вопросъ, я собирался сдѣлать нижеслѣдующее заявленіе:

— Заслушавъ оглашенную украинской делегаціей ноту генер. секретаріата Укр. нар. республики, русская делегація въ полномъ соотвѣтствіи съ признаніемъ за каждой націей права на самоопредѣленіе, вплоть до полнаго отдѣленія, заявляетъ, что съ своей стороны не имѣетъ никакихъ возраженій противъ участія укр. делегаціи въ мирныхъ переговорахъ».

Ф.-Кюльманъ корректно, но твердо даетъ Троцкому понять, что сказаннаго имъ еще слишкомъ мало:

— Считаетъ ли г. представитель русской делегаціи нужнымъ сейчасъ же отвѣтить на предложенный мною только что вопросъ, или же предпочитаетъ отложить отвѣтъ до другого времени?

Троцкій отвѣчаетъ тономъ недоумѣнія:

— Я считаю, что сдѣланное мною заявленіе является вполнѣ достаточнымъ отвѣтомъ на вопросъ, поставленный г. предсѣдателемъ германской делегаціи

Кюльманъ доводитъ свой корректный дипломатическій холодокъ до настоящаго полярнаго холода:

«Я съ этимъ не вполнѣ согласенъ. Насколько я понялъ г. предсѣдателя русской делегаціи, онъ только призналъ право на участіе украинской делегаціи въ мирной конференціи. Для насъ же имѣютъ чрезвычайное значеніе тѣ права и аттрибуты, которыми г. г. укр. делегаты будутъ пользоваться при участіи въ мирной конференціи. Укр. делегація говоритъ отъ имени области, границы которой она намъ приблизительно указала. Согласно полученнымъ нами разъясненіямъ, въ эту область входитъ, между прочимъ, и область Чернаго моря. Подлежитъ выясненію, слѣдуетъ ли представителю центральныхъ державъ переговоры, имѣющіе отношеніе къ Черному морю, вести съ г. предсѣдателемъ русской делегаціи, который представляетъ также и Украину, или же съ украинской делегаціей?»

Троцкій нервно заявляетъ:

«Я считалъ свой отвѣтъ достаточнымъ, потому что онъ опирается на опредѣленную принципіальную базу. Наше правительство не считаетъ для себя допустимымъ опредѣлить характеръ и аттрибуты представительства тѣхъ народовъ, которые проявляютъ свою волю въ самостоятельности. Что касается границъ той области, отъ имени которой говоритъ украинская делегація, то, по самому существу положенія, этотъ вопросъ не можетъ считаться рѣшеннымъ, такъ какъ Укр. республика находится сейчасъ именно въ процессѣ своего самоопредѣленія. Во всякомъ случаѣ эти вопросы о границахъ и, въ частности, о Черномъ морѣ не могутъ стать предметомъ конфликта между нашей делегаціей и делегаціей украинской республики, такъ какъ, въ случаѣ расхожденія въ этомъ пунктѣ, вопросъ разрѣшился бы свободнымъ голосованіемъ заинтересованнаго населенія».

Ф.-Кюльманъ все еще не унимается:

«Дѣло касается не частныхъ вопросовъ, которые будутъ обсуждаться въ дальнѣйшемъ. Намъ нужно получить точное представленіе о взглядахъ русской делегаціи, въ виду тѣхъ важныхъ и чреватыхъ послѣдствіями рѣшеній, которыхъ требуютъ отъ насъ заявленія украинской делегаціи.

«Вопросъ вкратцѣ сводится къ слѣдующему: должна ли украинская делегація считаться частью русской делегаціи, или же она, въ дипломатическомъ отношеніи, является представительницей самостоятельнаго государства?»

Троцкій: Такъ какъ укр. делегація выступила здѣсь, какъ совершенно самостоятельная делегація, и такъ какъ въ нашемъ заявленіи мы признали ея участіе въ переговорахъ, не внося никакихъ ограниченій, такъ какъ здѣсь ни съ чьей стороны не было внесено предложенія о превращеніи украинской въ часть русской делегаціи. то этотъ вопросъ, мнѣ кажется, отпадаетъ самъ собою.

Ф.-Кюльманъ выражаетъ признательность, и полярный холодъ его интонацій снова понижается до легкаго, обычнаго, презрительно-аристократическаго холодка:

— Я очень благодаренъ г. представителю русской делегаціи за то заявленіе, которое онъ здѣсь сдѣлалъ. Это заявленіе будетъ служить указаніемъ и основоположеніемъ для опредѣленія впредь тѣхъ формъ, въ которыхъ украинская делегація будетъ участвовать на конференціи.

Обращаясь къ Голубовичу, ф.-Кюльманъ добавляетъ:

— Желаетъ ли г. предсѣдатель украинской делегаціи сдѣлать какое-либо заявленіе?

На лицѣ Голубовича сіяетъ настоящее Рождество:

— Мы удовлетворены тѣмъ заявленіемъ, какое послѣдовало со стороны русской делегаціи, и признательны за то, что оно было принято такимъ образомъ. Я полагаю, что это уже опредѣляетъ наше дальнѣйшее положеніе здѣсь, какъ полноправныхъ членовъ этой мирной конференціи, по всѣмъ вопросамъ, которые здѣсь будутъ обсуждаться.

— Мы просимъ занести въ акты мирныхъ переговоровъ, что мы, такимъ образомъ, являемся до извѣстной степени двумя совершенно

отдѣльными самостоятельными делегаціями одного и того же русскаго фронта б. Россійской имперіи.

Статсъ-секретарь бросаетъ на Голубовича повелительный хозяйскій взглядъ: «довольно, молъ». И говоритъ:

— Я хотѣлъ бы испросить ваше согласіе, господа, на то, чтобы снять сейчасъ съ очереди этотъ предварительный вопросъ объ Украинѣ, который еще будетъ подробно обсуждаться Центральными державами, и приступить къ продолженію нашихъ обсужденій, прерванныхъ вчера по желанію русской делегаціи. Я полагаю, что г. предсѣдатель русской делегаціи желаетъ высказаться...

Троцкій, обведя собраніе своими злыми блестящими буравчиками-глазами, звонко и отчетливо читаетъ свою извѣстную декларацію:

«Прежде чѣмъ войти въ разсмотрѣніе вопросовъ, поставленныхъ въ заявленіяхъ г. г. представителей Четверного союза, мы считаемъ нужнымъ устранить элементъ недоразумѣнія, ворвавшійся въ ходъ переговоровъ.

«На офиціальномъ засѣданіи отъ 14/27 декабря, въ отвѣтъ на пункты 1 и 2 германскаго и австрійскаго проекта, русская делегація ограничилась противопоставленіемъ своей редакціи этихъ пунктовъ, опредѣляющихъ судьбу оккупированныхъ территорій, и краткимъ заявленіемъ предсѣдателя русской делегаціи, указавшаго на то, что россійское правительство не можетъ считать выраженіемъ воли населяющихъ эти области народовъ заявленія, сдѣланныя привилегированными группами населенія въ условіяхъ военной оккупаціи.

«Мы констатируемъ, слѣдовательно, что офиціально опубликованный въ нѣмецкихъ газетахъ протоколъ послѣдняго засѣданія въ части, излагающей рѣчь предсѣдателя русской делегаціи, соотвѣтствуетъ тому, что дѣйствительно происходило на засѣданіи отъ 14/27 декабря.

«Что же касается совершенно неизвѣстной намъ, дѣйствительной или мнимой, телеграммы петроградскаго телеграфнаго агентства *), на которую мы находимъ ссылки въ нѣмецкой печати и въ заявленіи г-на статсъ-секретаря ф.-Кюльмана, то мы затрудняемся сейчасъ, до наведенія справокъ, установить, какимъ образомъ и какая именно телеграмма могла быть понята, какъ исправленіе или дополненіе протоколовъ засѣданія отъ 14/27 декабря.

«На самомъ дѣлѣ во всѣхъ ссылкахъ на указанную телеграмму рѣчь идетъ не о какомъ-либо заявленіи делегаціи въ Брестъ-Литовскѣ, а, насколько мы можемъ судить, о резолюціи обще-армейскаго съѣзда, центральнаго исполнительнаго комитета и Петроградскаго совѣта, вынесенной послѣ доклада русской делегаціи о ходѣ переговоровъ и заключавшей въ себѣ, въ полномъ соотвѣтствіи съ позиціей нашей делегаціи, рѣшительное отклоненіе такого пониманія самоопредѣленія, при которомъ воля народовъ въ дѣйствительности подмѣняется волей отдѣльныхъ привилегированныхъ группъ, дѣйствующихъ подъ контролемъ оккупаціонныхъ властей.

---

*) Рѣчь идетъ объ извѣстной уже намъ резолюціи соединеннаго засѣданія Ц. И. К., Петроградскаго Совѣта и обще-армейскаго съѣзда отъ 18/31 декабря 1917 года, переданной Роста по телеграфу и воспроизведенной нѣмецкими газетами.

«Сожалѣя о происшедшемъ недоразумѣніи, которое не стоитъ ни въ какой связи съ работой нашей делегаціи и непосредственный источникъ котораго подлежитъ выясненію, мы считаемъ, однако, необходимымъ установить тотъ фактъ, что самая возможность подобнаго недоразумѣнія вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что не всѣ официальныя заявленія русской делегаціи доводятся до свѣдѣнія народовъ центральныхъ имперій, частью же доходятъ въ измѣненномъ видѣ, какъ то было, напр., съ отвѣтомъ нашей делегаціи на декларацію отъ 12/25 декабря, изъ котораго въ германскомъ официальномъ сообщеніи выпала вся критика пункта 3-го о самоопредѣленіи націй».

Въ этомъ мѣстѣ деклараціи слѣдовала хорошо продуманная и достаточно краснорѣчивая пауза.

Этотъ опасный энтузіастъ, съ горящими злымъ блескомъ темными глазами и профилемъ Мефистофеля, говорилъ какъ бы передъ открытымъ окошкомъ, бросая даже изъ обложеннаго германскими штыками и осадными строгостями Бреста опасный посѣвъ доноса народамъ на преступную и своекорыстную опеку ихъ правительствъ:

«Въ этой неполной освѣдомленности общественнаго мнѣнія о ходѣ мирныхъ переговоровъ мы усматриваемъ дѣйствительную опасность для завершенія нашихъ работъ».

Участіе совѣтскаго правительства въ пропагандѣ не доказано. А что, молъ, до отдѣльныхъ гражданъ, то, при господствующей въ совѣтскомъ раю безграничной свободѣ слова, кто можетъ запретить имъ агитировать и призывать къ бунту за свой собственный страхъ и рискъ?!

«Что же касается протеста ген. Гофмана противъ статей нашей печати, радіо-телеграммъ, воззваній и проч., поскольку они подвергаютъ критикѣ монархическій или капиталистическій строй тѣхъ или иныхъ странъ, протеста, поддержаннаго военными представителями трехъ другихъ делегацій, то мы считаемъ необходимымъ заявить: ни условія перемирія, ни характеръ мирныхъ переговоровъ ни въ какомъ смыслѣ и ни съ какой стороны не ограничиваютъ свободы печати и слова ни одной изъ договаривающихся странъ.

«Во всякомъ случаѣ мы, представители Росс. республики, оставляемъ за собой и за нашими согражданами полную свободу пропаганды республиканскихъ и революціонно-соціалистическихъ убѣжденій.

«Въ то же время мы заявляемъ, что не усматриваемъ съ своей стороны никакого повода для протеста въ томъ обстоятельствѣ, что правительства Четверного союза распространяютъ среди русскихъ плѣнныхъ и среди нашихъ солдатъ на фронтѣ полуофиціальныя германскія изданія, проникнутыя духомъ крайней тенденціозности и капиталистическими воззрѣніями, которыя мы считаемъ вредными для интересовъ народныхъ массъ».

Подвергнувъ затѣмъ критикѣ доводы противъ перенесенія переговоровъ въ Стокгольмъ, Троцкій кончаетъ театральнымъ ораторскимъ подъемомъ:

«Намъ поставленъ ультиматумъ: либо переговоры въ Брестъ-Литовскѣ, либо — никакихъ переговоровъ. Этотъ ультиматумъ можетъ быть понятъ только въ томъ смыслѣ, что правительства или тѣ элементы Четверного союза, которые ведутъ политику захватовъ,

считали бы болѣе благопріятнымъ для этой политики разрывъ переговоровъ по формальнымъ, техническимъ вопросамъ, нежели по вопросу о судьбѣ Польши, Литвы, Курляндіи и Арменіи.

«Ибо нельзя не признать, что разрывъ переговоровъ, вызванный ультиматумомъ по техническому поводу, чрезвычайно затруднилъ бы народнымъ массамъ Германіи и ея союзницамъ дѣйствительное пониманіе причинъ конфликта и облегчилъ бы работу тѣхъ офиціальныхъ захватническихъ агитаторовъ, которые пытаются внушить германскому народу, будто за прямой и открытой политикой россійской революціонной власти стоятъ англійскіе или иные режиссеры.

«Исходя изъ этихъ соображеній, мы считаемъ необходимымъ открыто передъ лицомъ всего міра и прежде всего германскаго народа принять предъявленный намъ ультиматумъ.

«Мы остаемся здѣсь, въ Брестъ-Литовскѣ, чтобы не оставить неисчерпанной ни одной возможности въ борьбѣ за миръ народовъ. Какъ ни необычно поведеніе делегацій Четверного союза въ вопросѣ о мѣстѣ переговоровъ, мы, делегаты русской революціи, считаемъ своимъ долгомъ предъ народами и арміями всѣхъ странъ сдѣлать новое усиліе, чтобы здѣсь, въ главной квартирѣ Восточнаго фронта, узнать ясно и точно: возможенъ ли сейчасъ миръ съ четырьмя объединенными державами безъ насилій надъ поляками, литовцами, латышами, эстонцами, армянами и др. народами, которымъ русская революція, съ своей стороны, обезпечиваетъ полное право на самоопредѣленіе безъ всякихъ ограниченій и безъ всякихъ заднихъ мыслей.

«Снимая въ данный моментъ свое предложеніе о перенесеніи переговоровъ въ нейтральную страну, мы предлагаемъ перейти къ продолженію самихъ переговоровъ».

Троцкій кладетъ на столъ текстъ деклараціи и добавляетъ:

— Въ заключеніе позволю себѣ выразить надежду, что наше заявленіе дойдетъ до свѣдѣнія тѣхъ народовъ, съ которыми нашъ народъ искренно стремится жить въ дружбѣ.

ГЛАВА X.

Вода въ ступѣ.

Бѣлка въ колесѣ. — «Въ тѣсныя рамки комиссіи». — Споръ объ оккупированныхъ областяхъ. — Какими существительными и прилагательными. — У насъ Россія, слава Богу, ничего не заняла. — Пилюля съ Бельгіей. — Зачѣмъ большевики держались за самоопредѣленіе? — Пропаганда не уменьшается. — Ген. Гофманъ устраиваетъ «ассажэ». — Никакого самоопредѣленія. — Нѣмая сцена. — Занавѣсъ опускается.

— Бѣгъ на мѣстѣ.

Такъ можно всего точнѣе назвать то, что началось въ Брестѣ послѣ перваго «троцкаго» дебюта.

Измѣнился и внѣшній, техническій порядокъ веденія переговоровъ.

Ф.-Кюльманъ настоялъ на замѣнѣ многолюдныхъ пленарныхъ за-

сѣданій дѣловою работой въ комиссіяхъ. Ихъ было три: политическая, главвая и подкомиссія по территоріальнымъ вопросамъ.

Въ этомъ непринужденномъ обмѣнѣ мнѣніями государства съ государствомъ, при наличности лишь части всего состава делегацій, германскій статсъ-секретарь расчитывалъ скорѣе и легче придти къ практическимъ рѣшеніямъ.

Первое засѣданіе состоялось вечеромъ 28 декабря (10 января) въ самый день дебюта Льва Троцкаго и прочтенія укр. декларации. Эта комиссія, въ которой участвовали предсѣдатели трехъ главныхъ делегацій: германской, русской и австрійской, играла во всей этой новой фазѣ Брестскихъ переговоровъ рѣшающую роль.

Пленарныхъ засѣданій за все время участія Троцкаго было только четыре.

Зато политическая комиссія засѣдала ежедневно, часто по два раза въ день.

Съ перваго засѣданія осью, вокругъ которой вращались эти часто очень острыя пренія, былъ все тотъ же роковой вопросъ о судьбѣ оккупированныхъ областей: Польши, Литвы, Курляндіи и части Лифляндской и Эстляндской губерній. Германцы создали уже здѣсь различныя привиллегированныя представительныя собранія, высказавшіяся за присоединеніе къ Германіи; они боялись большевицкаго террора и возвращенія большевиковъ, имѣвшихъ опору въ низшихъ слояхъ населенія.. Наоборотъ, большевики, въ надеждѣ, что вездѣ и въ особенности въ Польшѣ трудовыя массы выскажутся за нихъ, требовали вывода оккупаціонныхъ войскъ и устройства всеобщаго народнаго голосованія.

Ареной приложенія принципа самоопредѣленія народовъ была и Арменія. Кромѣ того, Троцкій довольно ловко воспользовался и вопросомъ о Персіи.

Въ этой новой стадіи переговоровъ первоначальный примирительный духъ въ значительной мѣрѣ исчезъ, и главы делегацій, бывшіе до того верхомъ предупредительности одинъ въ отношеніи другого, теперь начали обмѣниваться довольно неприкрытыми колкостями.

Практически обсужденіе началось съ того, что Кюльманъ напомнилъ русской делегаціи двѣ противоположныя формулировки, которыя были выдвинуты сторонами по вопросу о судьбѣ оккупированныхъ территорій.

Указавъ, что первыя двѣ статьи герм. проекта содержатъ въ себѣ три предложенія: а) вопросъ объ окончаніи состоянія войны, б) о возстановленіи мира и дружбы и в) выраженіе готовности Германіи оставить занимаемыя теперь позиціи и очистить занятыя русскія области, при условіи полной взаимности по отношенію къ союзницамъ Германіи, ф.-Кюльманъ выразилъ увѣренность, что какъ первое, такъ и второе предложенія, по его мнѣнію, едва ли вызовутъ какіе нибудь споры:

— Вѣдь съ этихъ традиціонныхъ фразъ начинаются обыкновенно всѣ вообще мирные трактаты.

Троцкій началъ съ рѣзкаго наскока:

— Мы считаемъ совершенно и безусловно непріемлемыми предложенія противной стороны, которыя формулированы ст. ст. 1-ой и 2-ой.

Озадаченный ф.-Кюльманъ остановилъ комиссара въ довольно рѣзкой формѣ:

— Пунктъ 2-ой не подлежитъ обсужденію. Я прошу г. предсѣдателя высказаться по п. 1-му.

Троцкій отвѣтилъ вызовомъ:

— Я не могу принять предложенія г. предсѣдателя, являющагося одновременно и заинтересованной стороной. Г. предсѣдатель не можетъ мнѣ предписывать той формы, въ которой я излагаю свои мысли.

Въ концѣ концовъ, однако, въ основу обсужденія положенъ былъ герм. проектъ.

Троцкій отомстилъ предложеніемъ исключить ту фразу ст. 1-ой германскаго проекта, которая говорила о рѣшеніи обоихъ государствъ жить впредь въ мирѣ и дружбѣ.

Ф.-Кюльманъ:

— Предсѣдатель русской делегаціи объяснилъ отъ имени делегаціи, что заявленіе о рѣшеніи обоихъ государствъ жить впредь въ мирѣ и дружбѣ онъ считаетъ декоративнымъ. Это чрезвычайно показательно для тѣхъ намѣреній, съ которыми русская делегація приступаетъ къ переговорамъ. Я хотѣлъ бы спросить г. предсѣдателя русской делегаціи, какими именно существительными и прилагательными онъ хотѣлъ бы охарактеризовать будущія отношенія между обоими народами, какъ онъ ихъ себѣ представляетъ?

Троцкій:

— Я указалъ, что упомянутое предложеніе — условная фраза, которая переписывается изъ документа въ документъ и никогда не характеризовала сама по себѣ дѣйствительнаго отношенія государствъ. Я выражаю свою глубокую увѣренность, что на отношенія обоихъ народовъ будутъ вліять иные и болѣе серьезные факторы, чѣмъ выраженные въ этой условной фразѣ.

Ф.-Кюльманъ:

— Это совсѣмъ не условное предложеніе. Въ текстѣ нѣтъ никакого условія.

Черинъ:

— Я не понимаю, какъ эта фраза можетъ вызвать малѣйшее сомнѣніе!

Троцкій:

— Я предложилъ бы просто исключить вторую фразу. Мы въ первой фразѣ констатируемъ фактъ прекращенія войны. Въ дальнѣйшемъ документъ характеризуетъ содержаніе тѣхъ отношеній, которыя сложатся послѣ прекращенія войны. Если бы понадобилась характеристика отношеній, она могла бы получить болѣе обширный историческій характеръ. Я бы охотно ее представилъ, но я сомнѣваюсь, чтобы она могла войти въ рамки формальнаго дипломатическаго документа.

Ф.-Кюльманъ:

— Наше предложеніе гласитъ: «оба народа рѣшили жить впредь въ мирѣ».

Троцкій: «Оба государства!»

Ф.-Кюльманъ: «Обѣ націи!»

Троцкій: Здѣсь написано: «Оба договаривающихся государства».

Ф.-Кюльманъ: «Обѣ націи». Я удивляюсь, что вы такъ сильно возражаете.

Троцкій: Плохой переводъ!

Ф.-Кюльманъ: За переводъ мы не отвѣтственны!

Въ концѣ концовъ Троцкій предложилъ не задерживаться на редакціи и перейти къ дальнѣйшему обсужденію.

Во второмъ засѣданіи политической комиссіи отъ 29-го декабря (11января) ф.-Кюльманъ изложилъ герм. точку зрѣнія и указалъ, что Германія изъявляетъ принципіальное согласіе очистить занятыя области, если Россія сдѣлаетъ то же самое по отношенію къ Австро-Венгріи и Турціи:

— Взаимность въ данномъ случаѣ состояла бы только въ томъ, что и Россія заявила бы, что и она съ своей стороны готова очистить области, занятыя у нашихъ союзниковъ. У насъ, т. е. у Германіи, Россія, слава Богу, ничего не заняла. Россійское правительство согласилось на это, что и выражено въ его редакціи пункта о судьбѣ оккупированныхъ областей, гдѣ ясно обѣщанъ выводъ русскихъ войскъ изъ областей Австро-Венгріи, Турціи и Персіи

Троцкій почувствовалъ это ироническое и прусски-самонадѣянное «слава Богу» и немедленно отвѣтилъ на колкость колкостью:

— Персидскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петроградѣ обратилъ мое вниманіе, что Персія ставится какъ бы въ ряду воюющихъ странъ. Между тѣмъ Персія не является ничьей союзницей, такъ что никто не можетъ благодарить Бога, что оккупирована Персія, а не его земля!

Ф.-Кюльманъ:

— Центральныя державы также питаютъ къ персидскому народу съ его древней культурой самыя живыя симпатіи, и мы желаемъ только, чтобы персидскій народъ и въ будущемъ могъ свободно, безъ давленія со стороны своихъ сосѣдей, развивать свою національную культуру.

Троцкій:

— Мы съ своей стороны будемъ привѣтствовать, если такое же заявленіе послѣдуетъ со стороны Турціи — союзницы Германіи.

Ф.-Кюльманъ:

— Я не уполномоченъ говорить отъ имени Турціи. Но я поговорю съ нашими турецкими друзьями и, не предрѣшая отвѣта турецкаго правительства, уже и сейчасъ могу обѣщать, что если председатель русской делегаціи возьметъ на себя трудъ убѣдить своихъ англійскихъ друзей очистить Персію, тогда ни одинъ турецкій солдатъ не остается въ Персіи и одного лишняго часа.

Троцкій:

— Я не могу брать на себя обязательствъ по отношенію къ странамъ, которыя не участвуютъ въ настоящихъ переговорахъ. И если бы возникъ вопросъ въ такой широкой постановкѣ, то пришлось бы возбудить вопросъ о нѣкоторыхъ другихъ нейтральныхъ странахъ, напр., о Бельгіи.

Ф.-Кюльманъ поспѣшилъ сдѣлать любезное лицо и вернуть отклонившіяся въ сторону пренія къ ихъ практическимъ задачамъ:

— Я безусловно отклоняю обсужденіе этого вопроса. Послѣ этой маленькой экскурсіи въ нейтральныя страны мы снова возвращаемся къ вопросу объ очищеніи занятыхъ областей!

Въ дальнѣйшемъ Кюльманъ сразу же поставилъ вопросъ такъ, что Германія и ея союзники согласны очистить только области, лежащія внѣ территорій, которыя въ силу права самоопредѣленія отходятъ отъ Россіи:

— На тѣ области, которыя къ моменту наступленія мира уже не составляютъ части русской государственной территоріи, это согласіе очистить занятыя области не распространяется.

Тутъ ф.-Кюльманъ весьма внушительно объяснилъ Троцкому, что въ оккупированныхъ областяхъ мѣстными органами, которые признаются съ германской стороны фактически уполномоченными представлять соотвѣтствующіе народы, заявленія объ отдѣленіи отъ сов. Россіи уже сдѣланы.

Тогда возникъ очень длинный и во многомъ чисто теоретическій споръ о томъ, что такое право самоопредѣленія и при какихъ условіяхъ тотъ или иной народъ, пользуясь своимъ правомъ на самоопредѣленіе, могъ изъявить свою волю на полное отдѣленіе.

Согласно собственному же заявленію большевицкаго комиссара, онъ руководился при этомъ вовсе не интересами Россіи и не надеждой такъ или иначе удержать въ ея составѣ отходящія окраинныя области, но лишь задачами и цѣлями революціонной пропаганды и затѣмъ — желаніемъ создать на германской границѣ рядъ «совѣтско-пролетарскихъ» государствъ, могущихъ явиться исходной точкой для германской, а затѣмъ и міровой коммунистической революціи.

Этотъ принципъ, какъ мы увидимъ ниже, былъ съ полной откровенностью подчеркнутъ въ декларацііи, прочтенной, по порученію Троцкаго, въ пленарномъ засѣданіи 30 декабря (12 января) его зятемъ и другомъ Каменевымъ.

Въ день своего дебюта въ пленарномъ засѣданіи 28 декабря (10 января) Троцкій обратился къ ф.-Кюльману съ письмомъ, отправленнымъ непосредственно послѣ принятія ультиматума объ отказѣ въ перенесеніи конференціи въ Стокгольмъ:

«Г. Министръ!

«Въ своей декларацііи отъ 9 числа сего мѣсяца росс. делегація указывала на трудности при веденіи мирныхъ переговоровъ, вытекающія изъ того обстоятельства, что переговоры ведутся въ совершенно изолированной крѣпости, въ главной квартирѣ Восточнаго фронта.

«Эти неудобства могли бы быть нѣсколько смягчены, если бы въ Брестъ-Литовскъ были допущены представители прессы какъ русской, германской, австро-венгерской и болгарской, такъ и нейтральныхъ странъ.

«Росс. делегація полагаетъ, что, если въ цѣли делегацій Четверного союза не входитъ стремленіе искусственно изолировать ее отъ общественнаго мнѣнія Европы, представители правительствъ 4-хъ союзныхъ державъ согласятся съ предложеніемъ допустить въ Брестъ-Литовскъ указанныхъ представителей печати безъ различія направленій.

Народный комиссаръ по ин. дѣламъ Л. Троцкій».

Неистово протестовали большевики и противъ появленія въ германской прессѣ урѣзанныхъ и измѣненныхъ отчетовъ объ ихъ выступленіяхъ и рѣчахъ въ Брестъ-Литовскѣ.

6/19 января, уже послѣ отъѣзда Троцкаго въ Петроградъ, оставшійся за него въ Брестѣ Іоффе послалъ въ этомъ смыслѣ телеграммы протеста въ Берлинъ и въ Вѣну. Въ это же самое время изъ Царскаго Села сплошнымъ потокомъ мчались во всѣ стороны радіо-телеграммы съ призывами германскихъ армій къ бунту, къ отказу воевать и къ убійству германскихъ офицеровъ.

На засѣданіи политич. комиссіи отъ 30 декабря (12 января) предсѣдательствовалъ ф.-Кюльманъ.

Послѣ обычнаго обмѣна мнѣній по вопросу о правѣ самоопредѣленія и въ частности по вопросу о томъ, состоялось ли уже народное волеизъявленіе въ оккупированныхъ странахъ, германскій ст. секретарь потребовалъ отъ Троцкаго точный отвѣтъ на эти вопросы.

Тогда, по порученію Троцкаго, Каменевъ прочелъ письменную декларацію, содержаніе и тонъ которой заставили сидѣвшихъ тутъ же рядомъ германскихъ и австрійскихъ военныхъ экспертовъ побагровѣть отъ гнѣва.

Декларація гласила:

«Послѣднія пренія обнаружили разногласія, могущія имѣть чрезвычайное значеніе.

«Послѣ того, какъ на двухъ засѣданіяхъ вопросъ о судьбѣ оккупированныхъ областей подвергся теоретическому обсужденію, русская делегація считаетъ совершенно необходимымъ, чтобы обѣ стороны представили въ письменномъ видѣ резюмэ высказанныхъ во время преній взглядовъ, для того, чтобы правительство и общественные круги имѣли передъ собой ихъ точную формулировку и могли дать себѣ точный отчетъ какъ въ принципіальныхъ исходныхъ позиціяхъ, такъ и въ практическихъ предложеніяхъ обѣихъ сторонъ».

Далѣе въ деклараціи говорилось, что революціонная Россія не можетъ считать выраженіемъ воли населенія оккупированныхъ областей заявленія различныхъ, фальсифицированныхъ при режимѣ оккупаціи, привилегированныхъ собраній:

«Делегація констатируетъ, что во время оккупаціи нигдѣ, ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ, ни въ Курляндіи не создано, и не могло быть создано, и не существуетъ никакого демократически избраннаго органа, который съ наималѣйшимъ правомъ могъ бы претендовать на роль выразителя воли широкихъ круговъ населенія. По существу же заявленій о стремленіи къ полной самостоятельности, заявленій, на которыя ссылается статья 2-ая германскаго предложенія, русская делегація считаетъ своимъ долгомъ заявить слѣдующее:

«Старыя границы бывшей Росс. имперіи, границы созданныя насиліемъ и преступленіями противъ народовъ и, въ частности противъ народа польскаго, пали вмѣстѣ съ царизмомъ.

«Новыя границы братскаго союза народовъ Россійской республики и народовъ, которые пожелаютъ выйти изъ ея предѣловъ, должны быть опредѣлены свободнымъ рѣшеніемъ соотвѣтствующихъ народовъ.

«Изъ факта принадлежности оккупированныхъ областей къ составу бывшей Россійской имперіи Россійское правительство не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, которые налагали бы на населеніе этихъ областей какія-либо государственно-правовыя обязательства по отношенію къ Россійской республикѣ.

«Поэтому Росс. правительство считаетъ основной задачей ведущихся переговоровъ не отстаиваніе какимъ-либо образомъ дальнѣйшаго насильственнаго причисленія указанныхъ областей къ предѣламъ Россійскаго государства, но лишь обезпеченіе этимъ областямъ дѣйствительной свободы самоопредѣленія по вопросамъ внутренняго государственнаго устройства и международнаго положенія.

«Понимаемая такъ, задача предполагаетъ предварительное соглашеніе Германіи и Австро-Венгріи, съ одной стороны, и Россіи, съ другой, по 4-мъ главнѣйшимъ пунктамъ. Это пункты: а) относительно объема территорій, б) относительно общихъ политическихъ предпосылокъ права самоопредѣленія, в) относительно временнаго переходнаго режима и — наконецъ, г)относительно тѣхъ способовъ и формъ, въ которыхъ населеніе этихъ областей будетъ призвано выразить свою волю».

Декларація заканчивалась требованіемъ, чтобы правительства Германіи и Австро-Венгріи категорически подтвердили отсутствіе у нихъ какихъ-либо притязаній на включеніе въ свою территорію оккупированныхъ областей, на исправленіе границъ за счетъ этихъ областей, на водвореніе въ нихъ какой-нибудь опредѣленной формы государственнаго устройства и, наконецъ, на заключеніе съ ними какихъ-либо дающихъ исключительныя преимущества таможенныхъ или военныхъ конвенцій:

— Совокупность отвѣтовъ на эти вопросы со стороны делегацій Германіи и ея союзниковъ и русской делегаціи должна явиться статьями мирнаго договора, которыя замѣнятъ собой статью вторую германскаго проекта.

Эта декларація была прочитана въ тонѣ и съ видомъ, какъ если бы большевики чувствовали себя въ Брестѣ не побѣжденными, а побѣдителями.

Тогда Гофманъ попросилъ слова.

«Я долженъ, прежде всего, протестовать противъ т о н а этихъ заявленій. Делегація совѣтовъ заговорила такъ, какъ будто бы она представляетъ собою побѣдителя, вошедшаго въ нашу страну. Я хотѣлъ бы указать на то, что факты какъ разъ противорѣчатъ этому: побѣдоносныя германскія войска находятся на русской территоріи. Я хотѣлъ бы далѣе указать, что русская делегація требуетъ признанія права на самоопредѣленіе въ такой формѣ и въ такомъ объемѣ, въ каковыхъ ея правительство не признаетъ этого права и въ собственной странѣ.

«Совѣтское правительство основывается исключительно на насиліи, посредствомъ котораго оно подавляетъ всякаго инакомыслящаго. Всякій инакомыслящій просто объявляется контръ-революціонеромъ и буржуемъ, стоящимъ внѣ закона.

«Я хочу подтвердить это свое мнѣніе только двумя примѣрами. Въ ночь съ 30 на 31 декабря первый бѣлорусскій конгрессъ въ Минскѣ,

требовавшій права на самоопредѣленіе бѣлорусскаго народа, былъ разогнанъ большевиками посредствомъ штыковъ и пулеметовъ

«Когда украинцы потребовали себѣ права на самоопредѣленіе, петроградское правительство послало имъ ультиматумъ и пыталось настоять на своемъ посредствомъ вооруженной силы.

«Какъ видно изъ радіо-телеграммъ, лежащихъ сейчасъ предо мной, гражданская война еще не кончилась. Вотъ какое выраженіе получаетъ принципъ самоопредѣленія народовъ у большевицкаго правительства на практикѣ. Поэтому германское верховное командованіе считаетъ нужнымъ отклонить вмѣшательство въ дѣла оккупированныхъ областей.

«Для насъ, очевидно, что народы оккупированныхъ областей уже заявили о своемъ желаніи отдѣлиться отъ Россіи въ ясной и неоставляющей никакого сомнѣнія формѣ».

Ген. Гофманъ приводитъ далѣе вотумы курляндскаго народнаго собранія, литовскаго ландрата, рижскаго городского самоуправленія, а также представителей дворянства. сельскихъ, городскихъ и церковныхъ обществъ Эзеля, Даго и Моона.

Ген. Гофманъ въ волненіи проговаривается и выдаетъ настоящія соображенія герм. военнаго командованія:

— Никакого самоопредѣленія. Всѣ области попросту будутъ присоединены къ Германіи.

Рѣчь Гофмана заканчивалась крутымъ и не двусмысленнымъ отказомъ.

«Равнымъ образомъ и изъ технически-административныхъ соображеній верховное германское командованіе должно отклонить очищеніе Курляндіи, Литвы, Риги и острововъ Рижскаго залива. Всѣ эти области не обладаютъ органами управленія, не имѣютъ судовъ и органовъ судебной защиты, не имѣютъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и почты. Все это создано Германіей и управляется Германіей.

«Равнымъ образомъ и въ ближайшемъ будущемъ эти народы не будутъ въ состояніи имѣть своихъ собственныхъ войскъ или милиціи, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ органовъ, которые могли бы все это создать».

Эффектъ этого чисто военнаго выступленія былъ чрезвычайный. Воцарилось глубокое молчаніе. Даже Троцкій растерялся и не нашелъ, что возразить.

Ф.-Кюльманъ до конца выдержалъ свою роль корректнаго предсѣдателя, поспѣшивъ прервать засѣданіе подъ предлогомъ необходимости «обсудить создавшееся положеніе вмѣстѣ съ союзниками Германіи».

Троцкій пробормоталъ что то невнятное, что большевики не хотятъ затруднять теченіе переговоровъ:

— Наше предложеніе осталось бы какъ проектъ для дальнѣйшихъ дебатовъ.

Засѣданіе закрылось при весьма выразительномъ переглядываніи нѣмцевъ и ихъ союзниковъ, на лицахъ которыхъ было написано нескрываемое выраженіе торжества.

ГЛАВА XI.

Передъ третьимъ перерывомъ.

Фонъ-Кюльманъ беретъ отъ Троцкаго вексель на самостійность Украины. — Германія разводитъ у насъ контръ-революцію. — Царя слѣдуетъ вернуть изъ Тобольска въ Петроградъ. — Нѣтъ, довольно. — Троцкій бьетъ не по коню, а по оглоблѣ — Donnerwetter. — «Кюльманъ-Ледъ». — Троцкій маскируетъ отступленіе. — Договорились до Анаминтовъ. — Радекъ — нахалъ. — Украинцы конспирируютъ. — Тайная миссія Каменева. — Переломъ близокъ.

Утромъ 30 декабря (12 января), въ тотъ же день, когда произошло описанное открытое столкновеніе, состоялось пленарное засѣданіе мирной конференціи подъ предсѣдательствомъ гр. Чернина. На немъ произошло, во-первыхъ, признаніе укр. делегаціи въ ея правахъ со стороны делегацій Четверного союза и заслушанъ былъ новый протестъ ген. Гофмана противъ большевицкой пропаганды бунта въ германскихъ войскахъ.

Предсѣдатель гр. Чернинъ огласилъ выработанную представителями Центральныхъ державъ отвѣтную декларацію. Отмѣтивъ въ началѣ извѣстное уже выступленіе укр. ст.-секретаря Голубовича въ засѣданіи отъ 28 декабря (10 января) съ нотою генер. секретаріата укр. республики о намѣреніи этого вновь самоопредѣлившагося государства самостоятельно выступать въ международныхъ дѣлахъ, гр. Чернинъ, отъ имени делегацій Четверного союза, поспѣшилъ признать и подтвердить заявленныя Голубовичемъ притязанія:

— Мы признаемъ укр. делегацію, какъ делегацію самостоятельную и какъ полномочное представительство самостоятельной Укр. нар. республики. Формальное же признаніе со стороны Четверного союза Укр. нар. республики, какъ самостоятельнаго государства, будетъ сдѣлано въ мирномъ договорѣ.

Троцкій въ отвѣтъ вынужденъ былъ заявить, что напряженныя отношенія и борьба между правительствомъ совѣта нар. комиссаровъ и генеральнымъ секретаріатомъ Укр. Рады не имѣютъ никакого отношенія къ праву на самоопредѣленіе укр. народа.

Ф.-Кюльманъ немедленно же попросилъ Троцкаго подтвердить это заявленіе въ письменной формѣ.

Голубовичъ заявилъ, что отвѣтную декларацію державъ Четвервого союза украинцы привѣтствуютъ и считаютъ достаточной для своего участія въ мирныхъ переговорахъ.

Тогда ген. Гофманъ выступилъ со вторичнымъ протестомъ по поводу продолжающейся въ Германіи большевицкой пропаганды:

— Изъ отвѣта, который далъ предсѣдатель петроградской делегаціи на заявленный мною первый протестъ, я усматриваю, что онъ, очевидно, не понялъ, почему упомянутыя въ моемъ протестѣ радіотелеграммы и заявленія противорѣчатъ духу договора о перемиріи. Въ первыхъ же строкахъ договора о перемиріи стоятъ слова: «для достиженія длительнаго мира». Совѣтская пропаганда нарушаетъ это усло-

віе, потому что она добивается не длительнаго мира, а желаетъ разжечь революцію и гражданскую войну въ нашей странѣ.

Троцкій извернулся возраженіемъ, что онъ не можетъ отвѣчать за «русскую печать» точно такъ же, какъ германское командованіе не является отвѣтственнымъ за агитаціонныя статьи германской прессы, поддерживающей-де россійскую контръ-революцію. «Многимъ изъ русскихъ контръ-революціонеровъ, на основаніи статей тѣхъ или иныхъ органовъ германской печати, можетъ показаться необходимымъ и правильнымъ, что Николая Романова, нашего бывшаго царя, слѣдовало бы вернуть изъ Тобольска въ Петроградъ, а насъ послать на его мѣсто. Мы, конечно, съ этимъ рѣшительно не согласны. Тѣмъ не менѣе мы не считаемъ нужнымъ требовать на этомъ основаніи ограниченія свободы германской печати, и въ томъ числѣ — той, которая поддерживаетъ взгляды ген. Гофмана».

Затѣмъ, чувствуя себя задѣтымъ способомъ обращенія ген. Гофмана: «Петроградская делегація», Троцкій язвительно подчеркиваетъ, что, если генералъ представляетъ здѣсь не только Берлинское правительство, то и большевики «имѣютъ отношеніе не только къ Петрограду, но и къ Москвѣ и другимъ городамъ».

Ген. Гофманъ со свойственной ему прямотою тотчасъ же поймалъ Троцкаго на этой передержкѣ:

— Констатирую, что предсѣдатель русской делегаціи меня опять не понялъ. Я не говорилъ о печати. Понятно, что ни мы, ни совѣтская делегація не можемъ имѣть вліянія на то, что болтаетъ печать обѣихъ сторонъ. Мой протестъ касался и касается офиціальныхъ заявленій совѣтскаго правительства и офиціальной пропаганды за подписью верховнаго главнокомандующаго Крыленко. Пусть мнѣ покажутъ германскія заявленія того же характера, которыя носили бы, напримѣръ, подпись германскаго главнокомандующаго восточнымъ фронтомъ или статсъ-секретаря по ин. дѣламъ.

Въ отвѣтъ Троцкій нашелся лишь сказать колкость, что онъ «вообще не можетъ понимать» ген. Гофмана изъ за коренного различія исходныхъ точекъ зрѣнія. Затѣмъ вспомнилъ о судебномъ приговорѣ противъ него, Троцкаго, вынесенномъ за его пораженческія воззрѣнія во время войны.

Когда Кюльманъ, боявшійся возможныхъ рѣзкихъ столкновеній, безпокойно повернулся къ генералу, спрашивая его, не хочетъ ли онъ сказать еще что-нибудь: «вамъ угодно», разсерженный Гофманъ рѣзко отрѣзалъ:

— Нѣтъ, довольно!

Пленарное же засѣданіе 30 декабря (12 января) безрезультатно закончилось попыткой Троцкаго загладить свою неудачу въ спорѣ съ Гофманомъ: онъ заявилъ, что при интернаціональномъ характерѣ сов. правительства, большевики ничего не имѣютъ противъ того, чтобы и герм. правительство излагало въ воззваніяхъ или иной формѣ свои сужденія о внутреннемъ положеніи дѣлъ въ Россіи.

Изъ происшедшаго на засѣданіяхъ политической и главной комиссій между 30 декабря (12 января) и 5/18 января 1918 г., когда Троцкій попросилъ снова 10-ти дневнаго перерыва, интересно отмѣтить еще

конецъ словесной дуэли между ген. Гофманомъ и сов. комиссаромъ по ин. дѣламъ.

Въ засѣданіи политической комиссіи отъ 1/14 января, въ томъ же самомъ, на которомъ германская и союзныя делегаціи выступили съ окончательнымъ отвѣтомъ по вопросу о самоопредѣленіи оккупированныхъ ихъ войсками русскихъ областей, Троцкій началъ, какъ всегда, съ перехода отъ обороны къ нападенію:

«Въ нѣмецкихъ газетахъ появился отчетъ о пленарномъ засѣданіи 28 декабря (10 января). Текстъ отчета обработанъ тенденціозно. Русская делегація на этомъ засѣданіи заявила: «наше правительство во главѣ своей программы поставило миръ, но оно обязалось, въ то же время, передъ народомъ подписать только справедливый миръ, демократическій миръ». Въ отчетѣ нѣмецкихъ газетъ приведена только первая половина фразы. Это сдѣлано для того, чтобы извратить весь отчетъ, служащій не столько для информированія германскаго общественнаго мнѣнія, сколько для введенія его въ заблужденіе.

«Вчера я вынужденъ былъ по прямому проводу предложить нашему правительству воспользоваться всѣми доступными ему средствами для того, чтобы убѣдить европейское общественное мнѣніе считаться только со стенографическими отчетами, которые совѣтская печать публикуетъ безъ какихъ-либо сокращеній и измѣненій».

Переходя, далѣе, къ отвѣту на выступленіе ген. Гофмана, Троцкій ограничился чисто формальными возраженіями.

— Ген. Гофманъ дважды обратилъ мое вниманіе на то, что онъ представляетъ здѣсь не германское правительство, а германское верховное командованіе. Я не претендую на сужденіе о внутреннемъ устройствѣ Германской имперіи. Но я, все же, думалъ, что мы въ данномъ случаѣ ведемъ переговоры только съ лицами, которыя представляютъ германское правительство. Какъ же совмѣстить съ этимъ утвержденіе ст.-секретаря ф. Кюльмана, увѣрявшаго насъ, что всѣ пункты переговоровъ, включая и тѣ, которые намъ кажутся противорѣчивыми, соотвѣтствуютъ единой руководящей волѣ германскаго правительства.

— Ген. Гофманъ протестовалъ противъ тона нашего заявленія и обратилъ наше вниманіе, что этотъ тонъ не стоитъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ фактомъ, что германскія войска находятся на нашей территоріи.

— Если бы мы придерживались того принципа, который намъ рекомендуетъ ген. Гофманъ, то мы должны были бы съ представителями Германіи разговаривать иначе, нежели съ представителями Австро-Венгріи, Турціи или нейтральной Персіи. Мы полагаемъ, однако, что общія положенія, которыя мы выдвигаемъ, даютъ намъ право вести переговоры съ представителями всѣхъ государствъ въ одномъ и томъ же духѣ.

Сказано это было рѣзкимъ, вызывающимъ тономъ, съ высоко поднятой головой и язвительно-наглой усмѣшкой.

Рѣчь произвела впечатлѣніе. Съ конца стола, гдѣ сидѣли австрійскіе военные, раздалось негодующее: «Donnerwetter!»

— Г-нъ генералъ, — продолжаетъ Троцкій, — указалъ далѣе, что наше правительство опирается на силу и примѣняетъ насиліе ко всѣмъ инакомыслящимъ, которыхъ оно клеймитъ, какъ контръ-революціоне-

ровъ и буржуа. Но генералъ правъ, говоря, что наше правительство опирается на силу. До тѣхъ поръ, пока общество будетъ состоять изъ борющихся классовъ, государство останется по необходимости орудіемъ силы и будетъ примѣнять аппаратъ насилія. Я, однако, категорически протестую противъ совершенно неправильнаго утвержденія, будто мы всѣхъ инакомыслящихъ ставимъ внѣ закона. Я былъ бы очень радъ, если бы с.-демократическая печать Германіи пользовалась той свободой, какой у насъ пользуется печать нашихъ противниковъ и въ томъ числѣ печать контръ-революціонная.

Въ томъ же духѣ были построены и другія возраженія Троцкаго. Вотъ, напримѣръ, его оправданіе противъ выдвинутаго тѣмъ же Гофманомъ обвиненія въ разгонѣ бѣлорусскаго конгресса:

«Мы навели справки о бѣлорусскомъ конгрессѣ. Этотъ бѣлорусскій конгрессъ состоялъ изъ представителей бѣлорусскихъ аграріевъ-помѣщиковъ. Онъ сдѣлалъ попытку присвоить себѣ тѣ права, которыя составляютъ исключительную собственность бѣлорусскаго народа.

«И если конгрессъ встрѣтилъ отпоръ, то этотъ отпоръ исходилъ отъ солдатъ, среди которыхъ были одинаково великороссы, малороссы и бѣлоруссы».

Отвѣтъ послѣдовалъ устно въ засѣданіи политической комиссіи 1/14 января, открывшемся въ 5 час. 8 мин. пополудни подъ предсѣдательствомъ ф.-Кюльмана.

Въ началѣ ф.-Кюльманъ коснулся порядка работъ комиссіи, указавъ, что предложенный Троцкимъ обмѣнъ формулированными на письмѣ заявленіями очень длителенъ и мало способствуетъ благополучному исходу переговоровъ.

Тонъ германскаго статсъ-секретаря звучалъ на этотъ разъ повышенно-холодно. «Кюльманъ-Ледъ» здѣсь цѣликомъ оправдывалъ свою мѣткую въ этомъ отношеніи фамилію *):

«Если мы здѣсь дѣйствительно ведемъ переговоры — я хотѣлъ бы остаться при этомъ мнѣніи, пока мнѣ не будетъ доказано противное — то мы дѣлаемъ это, чтобы фактически достигнуть мирнаго соглашенія. Поэтому я настоятельно предлагаю въ будущемъ придерживаться иныхъ методовъ, чѣмъ до сихъ поръ».

Ф.-Кюльманъ предложилъ поручить редакцію пунктовъ съ каждой стороны одному лицу, съ тѣмъ, чтобы оба такихъ представителя, въ качествѣ редакціонной комиссіи, старались выработать общую редакцію принятыхъ уже пунктовъ, а въ отношеніи спорныхъ и непріемлемыхъ статей, формулировали бы разныя точки зрѣнія и письменно зафиксировали бы ихъ разногласія:

— При другомъ методѣ, я полагаю, мы только потеряемъ время.

Затѣмъ посланникъ ф.-Визнеръ, вмѣсто заболѣвшаго гр. Чернина, прочелъ отвѣтъ союзныхъ державъ на предложенія совѣтской делегаціи относительно оккупированныхъ областей.

Троцкій отвѣтилъ рѣзко по формѣ и капитуляціей по существу:

«Предсѣдатель германской делегаціи поставилъ намъ вопросъ, что намъ даетъ право интересоваться судьбами этихъ народовъ, разъ мы

*) Игра словъ: «Кюльманъ» по-нѣмецки — «Человѣкъ холода».

заявили, что прежняя ихъ принадлежность къ Россіи не налагаетъ на нихъ никакихъ обязательствъ международнаго характера. Но вѣдь и г. предсѣдатель герм. делегаціи основываетъ свое право интересоваться этими областями не на голомъ фактѣ оккупаціи, а на принципѣ самоопредѣленія народовъ, правда нѣсколько имъ ограниченнаго. Я полагаю, что этотъ принципъ сохраняетъ во всякомъ случаѣ не меньшую силу и для насъ и даетъ намъ право интересоваться судьбой тѣхъ народовъ, выдѣленію которыхъ изъ состава бывшей Россійской имперіи мы отнюдь не препятствуемъ».

Далѣе Троцкій подчеркиваетъ, что германскія предложенія ни въ чемъ не измѣнили прежнихъ германскихъ имперіалистическихъ требованій:

«Мы оставляемъ за собой право дать болѣе точную характеристику тѣхъ предложеній, которыя были сдѣланы сегодня и которыя въ такой формѣ являются по прежнему непріемлемыми для насъ. Если я, не имѣя передъ глазами текста сегодняшнихъ предложеній, правильно понялъ ихъ содержаніе, то за интересующими насъ областями попрежнему признается такъ называемое «право», до окончательнаго ихъ превращенія въ государство, служить дѣлу исправленія границъ сосѣдняго государства, заключать съ нимъ военныя и другія конвенціи, а будущему народному представительству остается только санкціонировать эти рѣшенія. Мы придерживаемся того мнѣнія, что только явно и опредѣленно выраженная воля народа можетъ рѣшить всѣ эти вопросы».

Значитъ — разрывъ переговоровъ?

Ничуть не бывало.

Отвѣтъ Троцкаго закончился капитуляціей:

«Задача дальнѣйшихъ переговоровъ, на основаніи обѣихъ предложенныхъ здѣсь формулировокъ, должна состоять въ томъ, чтобы точно опредѣлить, какимъ образомъ можетъ быть осуществленъ компромиссъ, который имѣетъ въ виду оглашенный сегодня текстъ, компромиссъ между офиціально признаннымъ 25/12 декабря принципомъ самоопредѣленія и правомъ на аннексіи, основаннымъ на правѣ оккупаціи и провозглашеннымъ здѣсь ген. Гофманомъ».

Ф.-Кюльманъ отвѣтилъ коротко:

«Никакой двойственности въ позиціи германскаго правительства нѣтъ. Имперскій канцлеръ, единственный отвѣтственный министръ имперіи, во всѣхъ вопросахъ внѣшней политики дѣлаетъ указанія, обязательныя и для всѣхъ подчиненныхъ органовъ. Поэтому и при существующемъ между мною и ген. Гофманомъ единодушіи въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, никакихъ разногласій здѣсь быть не можетъ».

Отвѣчая Троцкому по вопросу о самоопредѣленіи окраинныхъ областей, ф.-Кюльманъ подчеркнулъ различіе между самоопредѣленіемъ по большевицки и самоопредѣленіемъ на германскій манеръ и заключилъ свою рѣчь выраженіемъ удовлетворенія.

«Я, однако, съ удовольствіемъ отмѣчаю конецъ объясненій предыдущаго оратора, заявившаго, что онъ и его делегація готовы перейти къ дѣйствительному обсужденію для выясненія подробностей раздѣляющихъ насъ взглядовъ.

«Я предлагаю перейти къ обсужденію четырехъ пунктовъ, перечисленныхъ въ нашемъ отвѣтѣ, и приступить къ детальному ихъ разбору. Я надѣюсь, что мы, такимъ образомъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней будемъ въ состояніи выяснить съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности, сможемъ ли мы преодолѣть всѣ трудности, или же надо оставить попытку, предпринятую вами».

Затянувшійся обмѣнъ мнѣній заканчивается переносомъ преній на слѣдующее засѣданіе 2/15 января въ 10 часовъ утра.

Это засѣданіе въ послѣдній разъ было днемъ все тѣхъ же нудныхъ и безплодныхъ, почти теоретическихъ преній.

Уже на слѣдующемъ засѣданіи германской делегаціей вопросъ былъ поставленъ на почву военной карты, и большевики очутились снова передъ двумя возможностями: вернуться въ Петроградъ или безъ мира или съ «похабнымъ» миромъ.

Въ засѣданіи 2/15 января ф.-Кюльманъ предложилъ не останавливаться пока на вопросѣ о территоріи: этотъ вопросъ наиболѣе спорный; и затѣмъ въ распоряженіи делегаціи нѣтъ затребованныхъ, но еще не прибывшихъ, необходимыхъ картъ.

Ф.-Кюльманъ просилъ Троцкаго высказаться по пункту о политическихъ предпосылкахъ, необходимыхъ для осуществленія права на самоопредѣленіе.

Троцкій воспользовался этимъ, чтобы попытаться исправить допущенную имъ ранѣе тактическую ошибку.

«Германская и Австро-Венгерская делегаціи внесли на одномъ изъ прошлыхъ засѣданій предложеніе привлечь къ участію въ мирныхъ переговорахъ извѣстныхъ этимъ делегаціямъ представителей оккупированныхъ областей, которыя, съ точки зрѣнія названныхъ делегацій, уже могутъ считаться государственными единицами, какъ проявившія въ достаточной мѣрѣ свою волю къ независимому государственному существованію.

«Мы не могли сразу отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ предварительно хотѣли уяснить себѣ, какіе именно признаки являются, по мнѣнію противной стороны, рѣшающими для опредѣленія правомочности или неправомочности органовъ, претендующихъ на право выраженія народной воли.

«Внесенныя нами въ формулированномъ видѣ предложенія должны были доставить намъ этотъ матеріалъ. Но полученные нами отвѣты съ формальной стороны представляются глубоко противорѣчивыми, а, по существу, они сводятся къ предоставленію оккупаціоннымъ властямъ права, основаннаго на физической силѣ, права произвольно рѣшать судьбы оккупированныхъ областей и пользоваться по своему усмотрѣнію тѣми или иными, возникшими въ нихъ, органами, независимо отъ того, когда эти органы возникли, на какой соціальной основѣ, каково было ихъ предназначеніе и каковъ ихъ подлинный вѣсъ. Поскольку, однако, правительства противной стороны, по крайней мѣрѣ въ рамкахъ этихъ мирныхъ переговоровъ, признаютъ таковые органы носителями воли уже самоопредѣлившихся народовъ, мы также считали бы въ высшей степени цѣлесообразнымъ привлеченіе представителей этихъ органовъ къ участію въ нынѣшнихъ переговорахъ».

Ф.-Кюльманъ немедленно разставилъ передъ Троцкимъ уже однажды съ успѣхомъ испробованную ловушку:

«Обращаю вниманіе г. г. присутствующихъ, что я совершенно опредѣленно обусловилъ готовность на участіе въ мирныхъ переговорахъ представителей этихъ народностей тѣмъ, что ихъ присутствіе здѣсь будетъ истолковано русской делегаціей въ смыслѣ признанія ихъ государственной самостоятельности. Либо представители эти придутъ сюда, какъ выразители воли данныхъ народовъ, и тогда мы должны сойтись хотя бы на подразумѣваемомъ признаніи возникновенія этихъ государственныхъ единицъ. Либо они придутъ сюда, какъ частныя лица, и тогда имъ тутъ дѣлать нечего. Если эти предпосылки будутъ приняты предсѣдателемъ русской делегаціи, то я согласенъ сейчасъ же обмѣняться мнѣніями съ нашими союзниками: слѣдуетъ ли, согласно пожеланію русской делегаціи, привлечь представителей этихъ областей и, если да, то въ какой формѣ».

Троцкій въ ловушку не пошелъ и воспользовался постановкой этого условія, чтобы въ замаскированной формѣ отказаться отъ столь неосторожно сдѣланнаго имъ ранѣе предложенія:

«Мы не можемъ въ порядкѣ обсужденія вопросовъ о привлеченіи делегатовъ спорныхъ представительныхъ органовъ разрѣшить или считать разрѣшеннымъ тотъ именно вопросъ, который составляетъ главный предметъ нашихъ разногласій.

«Организованные оккупаціонными властями ландтаги, по даннымъ нѣмецкой печати и нашимъ, представляютъ группы, хотя и вліятельныя по своему экономическому положенію, но составляющія отъ 3—7% населенія. Мы считаемъ, что народная воля должна выражаться народомъ, а не привилегированными группами. Намъ пришлось бы совершенно отречься отъ нашихъ принциповъ, если бы мы, прямо или косвенно, дали поводъ польскимъ, литовскимъ и латышскимъ народнымъ массамъ обвинять насъ въ готовности признать представительство высшихъ привилегированныхъ классовъ за представительство всего народа. Такъ какъ предсѣдатель герм. делегаціи усматриваетъ въ этомъ препятствіе къ привлеченію указанныхъ представителей, то и предложеніе, сдѣланное раньше, отпадаетъ само собой».

Ф.-Кюльманъ задаетъ Троцкому вопросъ:

— Вы имѣете въ виду предложеніе сдѣланное предсѣдателемъ русской делегаціи?

Троцкій, не желая сознаться, что именно онъ беретъ обратно имъ же внесенное предложеніе, отвѣчаетъ:

— Предложеніе, которое было внесено противной стороной, и которое, насколько мы поняли, не было связано съ обязательнымъ признаніемъ съ нашей стороны правомочности этихъ органовъ. Я не оспариваю заявленія г. статсъ-секретаря. Я только подчеркиваю, что мы не поняли того, что привлеченіе этихъ представителей обусловливается нашимъ предварительнымъ и безусловнымъ ихъ признаніемъ.

Ф.-Кюльманъ немедленно же, справкою въ протоколѣ, устанавливаетъ, что, во первыхъ, вопросъ о представительствѣ на конференціи

окраинныхъ народовъ былъ поднятъ Троцкимъ и затѣмъ, что въ заявленіи нѣмецкой делегаціи требованіе предварительнаго признанія было выставлено имъ въ качествѣ непремѣннаго условія.

Констатировавъ это обстоятельство, ф.-Кюльманъ касается того впечатлѣнія, которое производятъ на него переговоры:

— Мы, какъ будто, вращаемся въ заколдованномъ кругу. Во всякомъ случаѣ я думаю, что это споръ до извѣстной степени историческій и дальнѣйшія пренія врядъ ли могутъ приблизить стороны къ его разрѣшенію.

Германскій ст.-секретарь далѣе указываетъ, что переговоры, по его мнѣнію, должны привести или къ примиренію, или къ окончательному установленію непримиримыхъ точекъ зрѣнія обѣихъ сторонъ. По установленіи перваго или второго ихъ качества необходимо перейти къ дальнѣйшему, и, когда весь матеріалъ будетъ исчерпанъ, то станетъ совершенно ясно, по какимъ пунктамъ можно будетъ добиться соглашенія и въ чемъ заключаются разногласія. Дойдя до этого предѣла, участники мирной конференціи могутъ считать свой долгъ исполненнымъ. Задача авторитетныхъ государственныхъ учрежденій обѣихъ сторонъ — сдѣлать отсюда необходимые выводы.

Споръ по вопросу объ условіяхъ осуществленія права на самоопредѣленіе сосредоточивается послѣ этого заявленія ф.-Кюльмана на вопросѣ о срокѣ, въ который оккупированныя провинціи должны будутъ вырѣшить вопросъ о своемъ присоединеніи къ тому или иному государству, или объ образованіи самостоятельнаго государства.

Ф.-Кюльманъ предлагаетъ по этому поводу такой modus:

«Промежутокъ времени, предусмотрѣнный предложеніемъ русской делегаціи, начинается съ момента заключенія мира съ Россіей и кончается по истеченіи года послѣ заключенія всеобщаго мира».

Троцкій, послѣ длинной рѣчи, въ которой онъ ссылался на все возможное и невозможное, въ томъ числѣ на то, что могло бы произойти въ Индіи, послѣ устраненія англійскаго господства («могъ ли бы въ этомъ случаѣ раджа Низамъ-Гейдарабадскій считаться представителемъ индусскаго народа»), отвѣтилъ предложеніемъ установить годичный срокъ для вывода войскъ Германіи и Австро-Венгріи изъ оккупированныхъ территорій.

Произошелъ опять длинный и безплодный споръ, въ которомъ Троцкій снова забрался въ настоящія дебри чисто теоретическихъ разсужденій вплоть до обсужденія случаевъ изъ исторіи борьбы населенія французской колоніи Аннама противъ французскаго господства.

— Во французской колоніи Аннамъ, во время этой войны, мѣстный вождь поднялъ знамя возстанія противъ французскаго господства. Въ его оправданіе нужно сказать, что ему всего 18 лѣтъ. Французы его смѣстили и замѣнили другимъ, болѣе покорнымъ. Это его дядя. Онъ болѣе зрѣлаго возраста. Я полагаю, что въ тотъ моментъ, когда французское владычество прекратится въ Аннамѣ, врядъ ли исторія по-

ручитъ дядѣ выраженіе воли аннамитовъ. Призоветъ ли она племянника, я не знаю.

Ф.-Кюльманъ еще разъ попытался въ ироническомъ и настойчивомъ тонѣ вернуть Троцкаго къ чисто практическимъ вопросамъ:

«Я не хотѣлъ бы здѣсь далѣе останавливаться на вопросѣ о правахъ и обязанностяхъ аннамитовъ. Равнымъ образомъ я полагаю, что разбираться въ тѣхъ гадательныхъ случаяхъ, которые могли бы произойти въ Индіи при выводѣ изъ нея англійскихъ войскъ, не входитъ въ наши прямыя задачи.

«Я считаю невозможнымъ смягчить военныя гарантіи въ какой бы то ни было степени до прекращенія міровой войны. Если предложенная мною формулировка, въ которой я указалъ на годъ, какъ на срокъ подлежащій еще дальнѣйшему обсужденію, непріемлема, то я предложилъ бы главѣ русской делегаціи формулировать свое предложеніе».

Троцкій отвѣтилъ длинными разсужденіями о правахъ жителей оккупированныхъ областей, положеніе которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію населенія угнетаемыхъ Антантою колоній.

Ф.-Кюльманъ предложилъ перерывъ засѣданія до 5 час. дня.

Въ концѣ концовъ весь вопросъ совершенно не подвинулся ни въ утреннемъ, ни въ вечернемъ засѣданіяхъ политической комиссіи 2/15-го января, и Троцкій возбудилъ второстепенный вопросъ о правѣ на реэвакуацію бѣженцевъ, которыхъ по всей Россіи имѣется нѣсколько сотъ тысячъ. Ихъ участіе важно въ моментъ референдума.

Ф.-Кюльманъ указалъ, что вопросъ этотъ второстепенный и техническій.

Засѣданіе опять прервалось, не давъ никакого практическаго результата.

Изъ происшедшаго за это время надо отмѣтить нѣсколько инцидентовъ, которые внесли нѣкоторое разнообразіе въ нашу жизнь.

Радекъ обругалъ германскаго шоффера, который опоздалъ подать автомобиль для его милости. Автомобиль былъ штабной, и шофферъ былъ изъ личнаго штата ставки германскаго вост. фронта, въ которой къ большевикамъ относились уже съ нескрываемымъ раздраженіемъ.

Выходка Радека, переданная шофферомъ Гофману, вывела генерала изъ себя. Онъ заявилъ, что больше автомобиля давать не будетъ, и поставленный въ крайне неудобное положеніе Троцкій поспѣшилъ запретить катанье всей вообще нашей делегаціи.

Затѣмъ, какъ то въ разговорѣ Чернина съ Троцкимъ, австрійскій министръ предложилъ оказать содѣйствіе къ отправкѣ въ Россію личной библіотеки, оставленной большевицкимъ комиссаромъ въ Вѣнѣ у какого то соціалиста. Тутъ же Чернинъ попросилъ Троцкаго посодѣйствовать облегченію положенія нѣкоторыхъ плѣнныхъ германцевъ и

австрійцевъ, родственниковъ видныхъ военныхъ или принадлежащихъ къ верхамъ аристократіи, въ томъ числѣ и ротмистра фонъ-Секкендорфа, племянника или сына генерала фонъ-Секкендорфа, впослѣдствіи ген.-губернатора Эстляндіи, а тогда командующаго однимъ изъ корпусовъ германской арміи, занимавшей моонзундскіе острова.

Троцкій отвѣтилъ, что онъ согласенъ, но не ставитъ вопросъ объ облегченіи положенія плѣнныхъ въ какую-либо связь съ вопросомъ о библіотекѣ, которую онъ естественно очень не прочь получить.

Тогда же поползли упорные слухи, что продовольственный вопросъ дошелъ, особенно у австрійцевъ, до катастрофическаго положенія. Въ связи съ этимъ Троцкій какъ то узналъ, что укр. делегація ведетъ съ ген. Гофманомъ таинственные сепаратные переговоры. Проскользнулъ этотъ фактъ и въ заявленіи ф.-Кюльмана на одномъ изъ засѣданій. Это былъ разрывъ соглашенія, заключеннаго въ первые дни по пріѣздѣ въ Брестъ, чтобы по вопросамъ общаго характера выступать съ украинцами вмѣстѣ и освѣдомлять другъ друга о положеніи.

Полученныя извѣстія привели Троцкаго въ большое безпокойство.

Съ каждымъ днемъ твердость ген. Гофмана давала ему на ходъ переговоровъ все большее и большее вліяніе. Въ то же самое время въ засѣданіяхъ вопросъ о положеніи оккупированныхъ областей не двигался ни на шагъ. Чувствовалось, что такъ долго тянуться не можетъ и начавшаяся съ пріѣздомъ Троцкаго новая полоса переговоровъ идетъ къ какому то концу.

Между тѣмъ Троцкій хотѣлъ выиграть время, чтобы еще больше вздуть мѣхъ усиленно разжигаемой большевиками германской революціи.

Видно было, что онъ ищетъ способа какъ то загнуть переговоры.

За кулисами Смольнаго началась какая-то усиленная возня. Уголокъ занавѣса внезапно приподнялся для меня, когда Караханъ въ разговорѣ какъ то обмолвился, что Каменевъ раньше всѣхъ насъ будетъ въ Петроградѣ.

Оказалось, что этотъ зять Троцкаго, въ качествѣ особоуполномоченнаго совѣта народныхъ комиссаровъ, отправляется въ Стокгольмъ и далѣе въ Лондонъ и Парижъ, въ дѣляхъ, якобы, офиціальнаго освѣдомленія правительства и народовъ о ходѣ мирныхъ переговоровъ. Караханъ вздыхалъ лишь о томъ, что «отъѣздъ глубокоуважаемаго Льва Борисовича», вѣроятно, затянется, въ виду перерыва движенія по Финляндскимъ жел. дорогамъ. Стокгольмъ, какъ центръ пропаганды для Германіи и нейтральныхъ странъ, — это былъ основной планъ Троцкаго, сорванный неуступчивостью нѣмцевъ. Теперь, слѣдовательно, онъ снова всплывалъ наружу.

Такова была обстановка, въ которой подошелъ рѣшающій день 5/18 января, подведшій итоги этой стадіи переговоровъ.

ГЛАВА XII.

На переломѣ.

Большевики и украинскіе самостійники въ Брестѣ. — Графъ Чернинъ не можетъ договориться съ желторотыми выскочками. — Голубовичъ требуетъ Холмщины, Восточной Галиціи и Буковины. — Австрійскіе нервы и 30.000 недостающихъ вагоновъ. — Троцкій въ перепискѣ съ дипломатомъ Довгочхуиомъ. — Единственная территорія Украинской Рады. — Вопросъ о самоопредѣленіи ребромъ. — Фонъ Кюльманъ прерываетъ споръ. — Германскіе аппетиты на картѣ. — Кавказъ и Аландскіе острова. — Разрывъ въ вечернемъ засѣданіи.

Конфликтъ между Укр. Радой и сов. делегаціей въ Брестѣ былъ неустранимъ по самой природѣ вещей.

Большевики пріѣхали въ Брестъ для борьбы не только за такъ называемый всеобщій демократическій миръ, но и, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ пропаганды міровой пролетарской революціи.

Дѣятелямъ же самостійной Рады нужна была прежде всего независимость Украины и затѣмъ укрѣпленіе господства въ ней тѣхъ группъ радикальной укр. интеллигенціи, части распропагандированнаго городского мѣщанства и ремесленничества и, наконецъ, тѣхъ бандъ, готовыхъ на все, авантюристовъ фронта, которые подъ флагомъ самостійной Украины готовились удовлетворить свои давніе аппетиты и жажду власти.

По существу противорѣчіе цѣлей было между Радою и правительствомъ сов. комиссаровъ огромное. Формально же, по программѣ, оно выражалось въ кое-какихъ оттѣнкахъ различнаго отношенія къ путямъ обезпеченія мира.

Въ это же самое время процессъ разложенія старой государственности, обострившійся до нельзя послѣ захвата власти большевиками въ центрѣ Россіи 25 октября, перекинулъ революціонную волну на Украинѣ значительно лѣвѣе самой Рады.

Между самостійниками различныхъ, болѣе или менѣе соціалистическихъ, оттѣнковъ, съ одной стороны, и большевиками — съ другой началась на Украинѣ борьба, немедленно же вылившаяся въ гражданскую войну.

На сторонѣ большевиковъ было подавляющее большинство частей фронта.

При такихъ условіяхъ большевицкое движеніе на Украинѣ дѣлало все больше и больше успѣховъ. Еще передъ Рождествомъ Рада вынуждена была бѣжать изъ Кіева въ Житоміръ. Единственной опорой противъ большевиковъ для самостійниковъ могли быть только нѣмцы, единственнымъ путемъ украинской делегаціи въ Брестѣ — путь заключенія сепаратнаго мира.

Нѣмцы, какъ мы знаемъ теперь, ясно отдавали себѣ отчетъ, что, признавъ самостійность Украины, имъ не остается ничего больше какъ сдѣлать слѣдующій шагъ и оказать Радѣ вооруженную поддержку.

Препятствіе для возможности сговора Украины съ Центральными державами оставалось только внѣшнимъ: непосредственное касатель-

ство по фронту и въ оккупированныхъ областяхъ съ правительствомъ Укр. Рады имѣла не Германія, а Австро-Венгрія. Но для нервнаго и болѣзненно-самолюбиваго аристократа, какимъ былъ гр. Черпинъ, одинъ видъ украинскихъ представителей былъ непереносимо демократическій. За исключеніемъ пресловутаго Довгочхуна-Голубовича, это были большей частью юнцы, еще не вышедшіе изъ студенческихъ лѣтъ, желторотые выскочки типа Любинскаго и Севрюка, къ которымъ гр. Чернинъ никакъ не могъ отнестись, какъ къ дипломатамъ и представителямъ равноправнаго воюющаго государства. Однако въ дѣло очень скоро вмѣшался съ обычной своей прямолинейиостью ген. Гофманъ, заявившій обоимъ юнымъ украинскимъ представителямъ, что объ исполнеиіи ихъ контръ-требованій отъ Австро-Венгріи не можетъ быть и рѣчи.

Желанія украинцевъ сводились къ тому, чтобы добиться присоединенія къ Украйнѣ Холмщины, до того остававшейся включенной въ составъ польской территоріи, а равно и населенной русинами части Вост. Галиціи и Буковины.

Холмщину нѣмцы готовы были возвратить Украйнѣ. Что же касается другихъ, уже австро-венгерскихъ областей, то ген. Гофманъ отрѣзалъ украинцамъ напрямки, что имъ, какъ побѣжденной странѣ, заявлять требованія о какихъ бы то ни было «прирѣзкахъ» территоріи вовсе не пристало.

Произошелъ нѣкоторый торгъ. Рада очень скоро сдалась по вопросу о Вост. Галиціи и Буковинѣ, но потребовала Холмщины, настаивая на преобразованіи Вост. Галиціи и Буковины, населенныхъ русинами, въ особую «самостоятельную землю» Австро-Венгерской монархіи, на подобіе Чехіи или даже Венгріи.

Въ это же самое время въ Вѣнѣ произошла катастрофа, чуть не закончившаяся голоднымъ бунтомъ.

Въ самый разгаръ переговоровъ гр. Чернинъ получилъ офиціальное увѣдомленіе, въ которомъ было указано, что для Австріи на ближайшей недѣлѣ не хватаетъ, самое меньшее, 30.000 вагоновъ зерна, безъ которыхъ Вѣнѣ угрожаетъ голодный моръ. Румынія за нѣсколько мѣсяцевъ дала лишь 10.000 вагоновъ кукурузы. Венгрія не давала почти ничего.

Получивъ это письмо, гр. Чернинъ телеграфировалъ императору Карлу и главѣ правительства, что, въ случаѣ непринятія экстренныхъ мѣръ, положеніе сдѣлается катастрофическимъ: станетъ военная промышленность, сдастъ и безъ того надорванный механизмъ снабженія арміи, остановится движеніе желѣзныхъ дорогъ, и эта катастрофа вызоветъ гибель не только Австріи, но и Венгріи.

Тогда ф.-Кюльманъ пришелъ на помощь. Императоръ Карлъ обратился телеграфно за помощью въ Берлинъ лично къ императору Вильгельму, прося его временно помочь Австріи. Чернинъ слалъ въ Вѣну отчаянныя телеграммы, настаивая на удовлетвореніи украинцевъ въ той формѣ, чтобы Галиція была раздѣлена, а изъ Вост. Галиціи и Буковины была образована новая самостоятельная провинція австрійской короны.

Не получая изъ Вѣны, гдѣ въ то время начались уже голодные безпорядки, иикакого окончательяаго отвѣта, гр. Черяиив въ концѣ концовъ махнулъ рукою, взялъ вопросъ о Холмщинѣ на свою личную отвѣтственность и уполномочилъ геи. Гофмаяа передать украинцамъ, что домогательства ихъ въ той или иной формѣ ие являются непріемлемыми.

Послѣ этого заключеніе сепаратнаго мира съ Украйной стало вопросомъ иѣсколькихъ иедѣль.

Конечно, дошли свѣдѣнія объ этихъ переговорахъ до ушей Троцкаго. Потребовавъ отъ совѣта иар. комиссаровъ въ Петроградѣ открытія противъ Укр. Рады воеиныхъ дѣйствій, съ цѣлью поставить германскія делегаціи передъ голымъ фактомъ прекращенія бытія самостійной Украины, Троцкій началъ бомбардировать Голубовича крайне задорнымн и угрожающнмн иотами. О тонѣ и характерѣ ихъ можетъ дать понятіе выдержка изъ послѣдовавшей при этомъ весьма своеобразиой переписки.

2/15 пиваря Троцкій обратнлся къ Голубовичу съ письмомъ:

«Господину предсѣдателю укр. делегаціи!

«Сегодип, во время переговоровъ съ иами, предсѣдатель герм. делегацін заявилъ, что, по вопросу объ оккупированныхъ территоріяхъ и спеціально о границахъ, ведутсп переговоры съ украинской делегаціей, которые могутъ оказать большое вліпиие иа этотъ вопросъ. Мы, такимъ образомъ, снова коистатируемъ, что делегація генеральнаго секретаріата, вопреки смыслу состопвшагосп въ первый день соглашенія, вопреки смыслу объективнаго положенія, диктующаго единство дѣйствій противъ общихъ враговъ, вопрекн революціонной морали, которая не можетъ допускать закулисныхъ соглашеяій съ нмперіалистами — делегація геиеральнаго секретаріата ведетъ попрежнему за нашей спиной переговоры съ австро-германской делегаціей н. вопреки нашему настояиію н первоиачальному собствеииому обѣщанію, ие показываетъ намъ протоколовъ этихъ переговоровъ. Такъ какъ дѣло идетъ о жизненныхъ интересахъ трудящнхся массъ Россіи и Украины, то мы не только публично синмаемъ съ себп вспкую отвѣтствеииость за Ваши переговоры, ио непосредственно обращаемсп къ украинскому центральному исполнительному комитету въ Харьковѣ, съ прнглашеиіемъ принять мѣры къ тому, чтобы иитересы Укр. иар. республики были достаточно ограждеиы отъ безпрнниципной и предательской закулисиой игры делегаціи генеральнаго секретаріата.

«Для Васъ не тайна, что всеукр. центр. исполн. комитетъ нмѣетъ въ иастоящее времп иесравненно больше права представлять Украинскую республику, нежелн Кіевскап Рада. И если мы ие протестовали противъ Вашего участія въ переговорахъ, то исключительио въ надеждѣ, что передъ лнцомъ общаго врага поведеніе Ваше будетъ построено иа элементарныхъ демократическихъ принцнпахъ и пе создастъ почвы для коифликта между Вами, съ одной стороны, харьковскимъ Ц. И. К. и нами — съ другой. Поскольку же Ваша междуиародная политика, въ соотвѣтствіи съ политикой внутрепяей, построеяа яа закулясяыхъ сдѣлкахъ н предательствѣ демократіи, мы считаемъ яеобхо-

димымъ показать, что Вы и по фактической своей силѣ совершенно не въ правѣ говорить отъ имени независимой украинской республики».

На это письмо, написанное въ тонахъ, далеко неизысканно дипломатическихъ, послѣдовалъ не менѣе безцеремонный отвѣтъ:

«Господину предсѣдателю делегаціи совѣта нар. комиссаровъ!

«Грубо демагогическій тонъ Вашего обращенія къ намъ отъ 15 января 1918 г. заставляетъ думать, что единственно достаточнымъ отвѣтомъ на это обращеніе было бы полное его игнорированіе. Но мы узнали, что это обращеніе сообщено въ газеты. И нашъ отвѣтъ Вамъ адресуется обществу, которое, не зная настоящаго положенія вещей, можетъ быть введено Вами умышленно въ заблужденіе. Ему мы отвѣчаемъ на затронутые Вами вопросы.

«Соглашеніе между нашей и Вашей делегаціями не состоялось по винѣ Вашей, такъ какъ Вы первый связали Ваше поведеніе по отношенію къ намъ съ поведеніемъ Вашихъ соратниковъ въ Петроградѣ въ отношеніи генеральнаго секретаріата, выбросивъ передъ засѣданіемъ отъ 9 января половину текста деклараціи, принятой нами сообща наканунѣ. Будучи самостоятельной делегаціей, вести засѣданіе непремѣнно съ Вами вмѣстѣ мы не считали для себя нужнымъ. Въ то время, когда Вы ведете самостоятельные переговоры относительно границъ на сѣверѣ, мы ведемъ такіе же переговоры о границахъ, соприкасающихся съ нашей республикой. Принципы, указанные Вами въ деклараціи, не являются монополіей Вашей и лежатъ въ основаніи нашихъ переговоровъ. Мы также не ведемъ переговоровъ за Вашей спиной, какъ Вы за нашей, и никто Вамъ не мѣшаетъ присутствовать на нашихъ засѣданіяхъ — они открытыя.

«Что касается жизненныхъ интересовъ трудящихся массъ Украины, то мы увѣрены, что защищаемъ ихъ болѣе, чѣмъ Вы, и поражены Вашей претензіей брать на себя публичную отвѣтственность за наши переговоры. Не знаемъ, кѣмъ уполномочены Вы на это, развѣ правомъ Вашего «священнаго насилія». Наше поведеніе построено на истинно-демократическихъ принципахъ, и мы до сихъ поръ еще не выносили нашихъ острыхъ разногласій внутри страны на глаза противной делегаціи, хотя могли бы это сдѣлать, когда Вы на засѣданіи отъ 15 января явно и злоумышленно извращали факты нашей внутренней жизни

«Нелѣпое и смѣшное обвиненіе насъ въ предательствѣ съ полнымъ правомъ должно быть возвращено Вамъ, ибо острая по формѣ полемика съ нѣмцами нисколько не можетъ скрыть фактическаго положенія вещей, то есть сдачи Вами одной позиціи за другой.

«Имѣетъ ли фактическую силу на Украинѣ такъ называемый всеукр. центр. исполн. комитетъ въ Харьковѣ, т. е. кучка убѣжавшихъ изъ Кіева большевиковъ, которыхъ съѣздъ совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ на Украинѣ морально принудилъ скрыться въ Харьковѣ подъ защитой совѣтской «священной арміи», заставилъ инсценировать второй съѣздъ украинской демократіи безъ украинцевъ и организовать, такъ называемый, всеукраинскій центральный исполнительный комитетъ, — предоставляемъ судить Вамъ.

«Фактическую и формально-юридическую силу на Украинѣ имѣетъ генеральный секретаріатъ, который со значительно большимъ правомъ

можетъ говорить отъ имени Украины, чѣмъ народные комиссары отъ имени остальной Россіи. Закулисной игрой мы не занимались ни у себя дома, ни здѣсь. Наша работа у всѣхъ на виду, и пресса наша освѣдомляется о всѣхъ нашихъ намѣреніяхъ и задачахъ. И ссылка только на неосвѣдомленіе Васъ о нашихъ засѣданіяхъ, когда Вамъ предоставлена полная возможность присутствія, по меньшей мѣрѣ, не убѣдительна. Отчеты о засѣданіяхъ мирной конференціи у насъ публикуются въ прессѣ на Украйнѣ».

Между тѣмъ, съ начала января по старому стилю гражданская война на Украинѣ между большевиками и Укр. Радой шла безъ перерыва, и «паны генеральные» теряли одинъ городъ за другимъ, пока, наконецъ, къ началу февраля единственной территоріей, гдѣ еще держалась Рада, оставались, по выраженію Троцкаго, комнаты, занятыя украинской делегаціей въ Брестъ-Литовскѣ.

Такова была обстановка, въ которой открылось 5/18 января утреннее засѣданіе политической комиссіи. Предсѣдательствовалъ ф.-Кюльманъ.

Послѣ незначительнаго обмѣна мнѣніями по вопросу о резмиграціи и условіяхъ возвращенія бѣженцевъ изъ оккупированныхъ провинцій, германскій статсъ-секретарь рѣшилъ поставить, наконецъ, вопросъ объ оккупированныхъ территоріяхъ ребромъ.

Ф.-Кюльманъ принялъ рѣшеніе выяснить, согласны ли большевики уступить и принять германскія предложенія, или же они попрежнему настаиваютъ на устройствѣ въ оккупированныхъ областяхъ всеобщаго народнаго голосованія.

Троцкій отвѣтилъ категорически:

«Да, мы остаемся при томъ взглядѣ, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ вновь возникающаго государства, референдумъ лучше всего выражаетъ волю народа. Мы не думаемъ, чтобы населеніе оккупированныхъ областей стояло на такомъ уровнѣ развитія — по выраженію господина предсѣдателя германской делегаціи, — при которомъ эта форма опроса является нецѣлесообразной.

Отвѣчая Троцкому, ф.-Кюльманъ также категорически подчеркнулъ, что максимумъ уступокъ на этомъ пунктѣ съ германской стороны уже достигнутъ и требованіе Центральныхъ державъ объ отказѣ отъ референдума ставится ими въ этомъ случаѣ какъ conditio, sine qua non.

Ф.-Кюльманъ оборвалъ въ этомъ пунктѣ безнадежный споръ и предложилъ перейти къ вопросу о границахъ:

— Изъ пунктовъ, поставленныхъ на обсужденіе, остался еще одинъ пунктъ относительно объема территорій тѣхъ народовъ, которымъ слѣдуетъ предоставить право на самоопредѣленіе. По обоюдному соглашенію онъ былъ поставленъ въ концѣ. Если предсѣдатель русской делегаціи согласенъ, то мы могли бы перейти къ разсмотрѣнію этого пункта. Въ такомъ случаѣ я попрошу ген. Гофмана съ картою въ рукахъ высказать вкратцѣ нашу точку зрѣнія по этому вопросу.

Слово предоставляется ген. Гофману:

«Я долженъ, прежде всего, заявить, что сейчасъ я могу говорить только относительно областей, лежащихъ къ сѣверу отъ Брестъ-Литовска до Балтійскаго моря, потому что относительно областей южнѣе

Брестъ-Литовска въ данное время ведутся переговоры съ г. г. представителями украинской делегаціи, переговоры пока еще не законченные.

«Синяя линія, идущая къ сѣверу отъ Брестъ-Литовска, охватываетъ собой тѣ области, которыя, по нашему мнѣнію, не подойдутъ подъ пунктъ I нашего предложенія, т. е. не должны быть очищены отъ нашихъ войскъ до конца демобилизаціи нашей арміи. Я оставляю карту на столѣ и прошу г. г. присутствующихъ съ ней ознакомяться».

Троцкій, состоявшій, какъ мы уже видѣли, съ укр. делегаціей на военномъ положеніи, немедленно счелъ необходимымъ подчеркнуть, что большевики, во всякомъ случаѣ, не сказали еще по вопросу объ Украинѣ своего послѣдняго слова:

«Во первыхъ, я долженъ сдѣлать небольшое формальное заявленіе по поводу областей южнѣе Брестъ-Литовска. Когда рѣчь шла о признаніи укр. делегаціи, самоопредѣленіе Укр. республики, какъ я уже дважды указывалъ, еще не достигло того пункта, когда границы, отдѣляющія насъ отъ новаго государства, оказались бы уже проведенными съ согласія обѣихъ сторонъ. Я тогда уже указывалъ, что вопросъ этотъ не создастъ фактическихъ затрудненій въ переговорахъ. Такъ какъ, согласно нашимъ принципамъ, границы опредѣляются заинтересованными массами населенія, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ понадобилось бы соглашеніе между нашей и украинской делегаціями. Это, разумѣется, распространяется цѣликомъ и на области южнѣе Брестъ-Литовска. Что касается линіи, проведенной на этой картѣ, то мы были бы очень благодарны, если бы намъ объяснили, какими принципами и соображеніями руководствовались при ея проведеніи.»

Гофманъ дѣлаетъ въ отвѣтъ весьма важное заявленіе, сводящееся къ оставленію въ германскихъ рукахъ всѣхъ фактически оккупированныхъ территорій:

«Эта линія, поскольку въ нашемъ владѣніи находятся цѣлыя націи, т. е. поскольку ихъ территоріи заняты нашими войсками, — эта линія, по нашему мнѣнію, очерчиваетъ ихъ границы. Такова, напримѣръ, граница территоріи литовскаго народа. Сѣвернѣе — настоящая линія не совпадаетъ и не можетъ совпасть съ границею разселенія народностей, ибо, какъ это извѣстно г. предсѣдателю русской делегаціи, линія Восточнаго Фронта пересѣкаетъ области, населенныя латышскимъ народомъ. Начерченная линія продиктована военными соображеніями: она обезпечитъ народамъ, живущимъ по ту сторону линіи, спокойное государственное строительство и осуществленіе права на самоопредѣленіе. Согласно прежнимъ разъясненіямъ предсѣдателя русской делегаціи, россійское правительство намѣрено предоставить и тѣмъ частямъ этихъ народовъ, которыя живутъ по другую сторону линіи, возможность высказаться свободно, безъ всякаго давленія, по вопросу объ устройствѣ будущей своей политической судьбы. Примѣненіе этого принципа я считалъ бы въ особенности желательнымъ въ отношеніи латышскаго народа. Равнымъ образомъ предсѣдатель русской делегаціи высказалъ готовность предоставить эту возможность и эстонскому народу».

Троцкій въ отвѣтъ сдѣлалъ попытку убѣдиться, нельзя ли будетъ вбить клинъ противорѣчія между требованіями германскаго верх. командованія и болѣе примирительною политикой ф.-Кюльмана:

— Полагаю, что разъ г. представитель германскаго верховнаго командованія изложилъ принципы, положенные въ основу созданія этой линіи, и разъ предсѣдатель германской делегаціи не сдѣлалъ никакихъ дополнительныхъ сообщеній по этому поводу, то данныя здѣсь представителемъ германскаго верховнаго командованія разъясненія исчерпываютъ взгляды германскаго правительства.

Ф.-Кюльманъ, однако, поспѣшилъ разочаровать Троцкаго:

— Я готовъ, при дальнѣйшемъ обсужденіи, дать дополнительныя разъясненія относительно тѣхъ основныхъ принциповъ, которые взложены ген. Гофманомъ, но врядъ ли нужно снова указывать, что и по этому вопросу между руководящими кругами имперіи и верховнымъ командованіемъ не можетъ существовать никакого разногласія.

Нар. комиссаръ попросилъ перерыва подъ предлогомъ ознакомленія съ предъявленной картой:

«Послѣ заявленій представителя германскаго верховнаго командованія и дополнительнаго сообщенія главы германской делегаціи, я считаю цѣлесообразнымъ сдѣлать перерывъ для ознакомленія русской делегаціи со столь ярко обозначенной на картѣ линіей».

Ф.-Кюльманъ, не возражая въ принципѣ противъ этого предложенія Троцкаго, не хотѣлъ выпустить его, не получивъ предварительно отвѣта на нѣкоторые дополнительные территоріальные вопросы.

Таковъ, во-первыхъ, былъ вопросъ о принадлежности Кавказа и Кавказской арміи къ сферѣ дѣйствія большевицкой или украинской делегаціи. Во-вторыхъ, это былъ чисто международный вопросъ объ Аландскихъ островахъ, этомъ стратегическомъ ключѣ къ Финскому заливу, относительно которыхъ существовали международныя конвенціи.

На первый вопросъ о Кавказѣ Троцкій отвѣтилъ ясно и точно:

— Кавказская армія находится всецѣло подъ командой властей, подчиненныхъ совѣту нар. комиссаровъ, и это было недавно, недѣли двѣ тому назадъ, подтверждено на всеобщемъ съѣздѣ делегатовъ кавк. фронта.

Относительно же Аландскаго вопроса Троцкій отвѣтилъ фразами, въ самомъ тонѣ которыхъ прозвучало желаніе скрыть отсутствіе точныхъ свѣдѣній по данному вопросу:

— Провозглашеніе государственной самостоятельности Финляндіи не внесло до настоящаго времени никакихъ измѣненій въ вопросъ объ Аландскихъ островахъ.

— Вопросъ объ Аландскихъ островахъ получаетъ новое освѣщеніе въ связи съ линіей, обозначенной на картѣ. Такъ какъ высказаться по поводу этой линіи придется не только намъ, но и цѣлому міру, то мы оставляемъ за собой право отвѣтить на всѣ эти вопросы въ общей связи.

Ф.-Кюльманъ, несомнѣнно замѣтившій шаткость позиціи Троцкаго, рѣшилъ обойти трудность привлеченіемъ къ подписанію договора объ Аландскихъ островахъ нейтральной Швеціи. Симпатіи Швеціи въ годы войны были, несомнѣнно, на сторонѣ Германіи, и ея присоединеніе

къ невыгодной для Россіи статьѣ объ Аландскихъ островахъ было уже заранѣе обезпечено:

«Мы желали бы, въ интересахъ поддержанія добрососѣдскихъ отношеній между народами, живущими по берегамъ Балтійскаго моря, привлечь ихъ къ подписанію новаго договора. Въ особенности это касается шведскаго народа, который, благодаря своему географическому положенію, сильно заинтересованъ въ этомъ новомъ договорѣ. Правда, Швеція не участвуетъ въ нашихъ переговорахъ, но у насъ есть вполнѣ обоснованное убѣжденіе, что шведскій народъ стремится участвовать въ этомъ договорѣ. Не пожелаете ли вы высказаться по этому поводу?»

Троцкій отвѣтилъ съ краткостью, характеризующею отсутствіе у него яснаго представленія о значеніи всего вопроса:

— Я только что далъ формальный отвѣтъ, который, какъ мнѣ кажется, включаетъ въ себѣ отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

Выступилъ еще и гр. Черниннъ, кровно заинтересованный въ томъ, чтобы добиться отъ Троцкаго признанія за Украиной права на самостоятельное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ о частяхъ бывшей Россійской территоріи, расположенныхъ къ югу отъ Бреста.

Троцкій, однако, въ отвѣтъ повторилъ то же самое, что онъ заявилъ въ началѣ засѣданія:

«По всѣмъ территоріальнымъ вопросамъ, поскольку согласіе между Россіей и Украиной еще не достигнуто, необходимо соглашеніе этихъ двухъ делегацій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ коснется областей, безспорно принадлежащихъ, скажемъ, Украинѣ, дѣло будетъ рѣшено формальнымъ путемъ и безъ затрудненій. Но необходимость соглашенія обѣихъ делегацій остается, съ нашей точки зрѣнія, во всей своей силѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ у насъ не было бы критерія для того, чтобы отдѣлять спорныя области отъ безспорныхъ».

Гр. Черлинъ отвѣтилъ просьбою указать на картѣ, какія области при проведеніи границы между Россіей и Украиной онъ считаетъ спорными. Троцкій отвѣтилъ обычною ссылкой, что вопросъ зависитъ отъ самаго процесса самоопредѣленія Укр. республики:

«Я не могу по собственному усмотрѣнію давать такія указанія. Для этого необходимо соглашеніе между нашей и украинской делегаціями. И если бы та или иная область показалась намъ спорной, то намъ пришлось бы сначала установить отношеніе этихъ областей къ Германіи и Австро-Венгріи, а опредѣленіе границъ отложить до разсмотрѣнія совмѣстно съ Украинской республикой».

Наступалъ вечеръ 5/18 января 1918 года — моментъ новаго девятидневнаго перерыва, на этотъ разъ послѣдняго въ исторіи Брестъ-Литовской эпопеи.

Вечернее засѣданіе началось въ атмосферѣ особо повышеннаго холода въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ.

Повидимому, извѣстіе о рѣшеніи Троцкаго потребовать перерыва такъ или иначе дошло до ф.-Кюльмана и Гофмана.

Какъ всегда предсѣдательствовалъ въ засѣданіи ф.-Кюльманъ.

Въ 5 час. 49 мин. вечера засѣданіе открывается заявленіемъ Троцкаго, сдѣланнымъ съ особою торжественностью и подчеркнутостью выраженій.

«Предъявленныя въ сегодняшнемъ утреннемъ засѣданіи территоріальныя притязанія германской и австро-венгерской делегацій завершаютъ въ извѣстномъ смыслѣ основные политическіе переговоры. Позиція противной стороны въ политико-территоріальномъ вопросѣ вполнѣ вырисовалась теперь для насъ въ своихъ конкретныхъ очертаніяхъ и сводится къ слѣдующему: Германія и Австро-Венгрія отрѣзаютъ отъ владѣній бывшей Россійской имперіи территорію, размѣромъ свыше 150.000 кв. верстъ. Въ границы ея входятъ бывшее царство Польское, Литва и значительныя пространства, населенныя украинцами и бѣлоруссами. Далѣе намѣченная линія прорѣзаетъ территорію, населенную латышами, раздѣляя ее на двѣ части, и отсѣкаетъ населенные эстонцами острова Балтійскаго моря отъ эстонской части континента. Въ предѣлахъ названныхъ областей Германія и Австро-Венгрія сохраняютъ режимъ военной оккупаціи не только по заключеніи мира съ Россіей, но и по заключеніи всеобщаго мира, причемъ обѣ упомянутыя державы отказываются вступать въ какія бы то ни было объясненія не только относительно срока очищенія оккупированныхъ областей, но и вообще отказываются связать себя какими бы то ни было обязательствами въ смыслѣ очищенія оккупированныхъ областей отъ своихъ войскъ. Внутренняя жизнь этихъ областей остается, слѣдовательно, въ теченіе неопредѣленнаго историческаго періода въ рукахъ оккупаціонныхъ властей, и развитіе проживающихъ въ этихъ областяхъ народовъ должно будетъ совершаться въ тѣхъ рамкахъ, какія окажутся совмѣстимыми съ интересами названныхъ державъ. При этихъ условіяхъ тѣ или иныя гарантіи волеизъявленія поляковъ, литовцевъ или латышей носятъ совершенно иллюзорный характеръ, и практически дѣло сводится къ тому, что правительства Германіи и Австро-Венгріи берутъ въ свои руки управленіе судьбами названныхъ народовъ.

«Мы считаемъ своимъ политическимъ долгомъ открыто установить этотъ фактъ. Въ данной стадіи переговоровъ я не считаю нужнымъ, послѣ всей совершенной нами работы, подвергнуть снова принципіальной критикѣ эти условія и доказывать, что они построены въ совершенно другой плоскости, нежели заявленія отъ 12/25 декабря, и что прочный и длительный миръ народовъ возможенъ лишь при условіи правильнаго осуществленія принципа самоопредѣленія народовъ. Въ виду достигнутаго, такимъ образомъ, завершенія работъ политической комиссіи, я предлагаю устроить перерывъ въ ея работахъ, дабы дать возможность правительственнымъ органамъ Россійской республики вынести свое окончательное рѣшеніе по поводу предложенныхъ намъ условій мира. Этотъ перерывъ долженъ былъ бы, по моему мнѣнію, продолжаться дней 8—9. Я, съ своей стороны, предлагаю назначить слѣдующее засѣданіе этой комиссіи на 29 января въ 11 час. утра.

«Въ виду нареканій со стороны части германскаго общественнаго мнѣнія, будто русская делегація затягиваетъ переговоры, я считаю необходимымъ заявить, что ясность была бы достигнута несомнѣнно скорѣе, если бы условія противной стороны были поставлены съ самаго

начала не въ чуждой имъ плоскости самоопредѣленія народовъ, а такъ, какъ они были сегодня выявлены ген. Гофманомъ, т. е. какъ вытекающія изъ права военной оккупаціи и какъ направленныя, по словамъ предсѣдателя германской делегаціи, на огражденіе упомянутыхъ территорій отъ вторженія въ нихъ революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь довести до свѣдѣнія г. г. предсѣдателей и членовъ обѣихъ делегацій, что я вынужденъ сейчасъ, въ связи съ лежащими на мнѣ политическими обязанностями, поѣхать въ Петроградъ, причемъ на время моего отсутствія предсѣдательствованіе русской делегаціи и всѣ соотвѣтственныя полномочія переходятъ къ т. Іоффе».

Ф.-Кюльманъ, очевидно, рѣшаетъ принять это предложеніе и отыграться, опровергнувъ совѣтскую декларацію по пунктамъ:

«Мнѣ не приходится особенно подчеркивать, что я не могу присоединиться къ тому толкованію нашихъ намѣреній, которое придалъ имъ г. предсѣдатель русской делегаціи теперь, когда работы нашей политической комиссіи подходятъ къ концу. Онъ, правда, очень бѣгло высказалъ свои критическія соображенія относительно той линіи, которая сегодня утромъ была предложена комиссіи».

Ф.-Кюльманъ дальше перешелъ къ опроверженію Троцкаго въ вопросахъ, касающихся положенія Украины, Литвы, Курляндіи и др., подчеркнувъ, что, послѣ заявленія на утреннемъ засѣданіи о несомнѣнности полюбовнаго разграниченія съ Украйной, глава большевицкой делегаціи, собственно говоря, долженъ былъ бы понять всю неумѣстность и невозможность своего вмѣшательства въ дѣла украинскихъ территорій.

Ф.-Кюльманъ защищаетъ далѣе точку зрѣнія германской делегаціи по вопросу о присутствіи въ оккупированныхъ областяхъ организованныхъ военныхъ силъ, которыя, по мнѣнію германскихъ экспертовъ и политиковъ, въ минимальномъ количествѣ не препятствуютъ свободѣ политическаго волеизъявленія. Неправильно изображено Троцкимъ и отношеніе центральныхъ державъ къ оккупированнымъ провинціямъ по заключеніи всеобщаго мира:

«Какъ ни противился г. предыдущій ораторъ признать, что въ этихъ государствахъ уже существуетъ государственная жизнь и государственная воля, онъ, придерживаясь своей точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе не можетъ сомнѣваться въ томъ, что по крайней мѣрѣ, послѣ предполагаемаго всеобщаго голосованія или послѣ выборовъ въ парламентъ, эта государственность будетъ налицо. Изъ этого, насколько мы понимаемъ, логически слѣдуетъ, что вопросы оккупаціи намъ придется обсуждать уже съ этими государствами».

Германскій ст.-секретарь совершенно недвусмысленно констатируетъ далѣе, что вопросъ объ участи и внутреннемъ устройствѣ оккупированныхъ областей уже разъ навсегда рѣшенъ, и большевикамъ придется помириться съ тѣмъ, что устройство этихъ провинцій будетъ оріентировано не на коммунистическую Россію, а на буржуазную Германію, и намекаетъ далѣе, что на этомъ пунктѣ уступокъ большевикамъ не будетъ, хотя бы даже цѣною разрыва переговоровъ.

Германскій ст.-секретарь иронизируетъ далѣе надъ попытками

Троцкаго какъ то отколоть позицію германскаго правительства отъ позиціи германскаго командованія.

Въ заключеніе ф.-Кюльманъ весьма осторожно предупреждаетъ Троцкаго, что на этотъ разъ Центральныя державы не потерпятъ, чтобы во время перерыва снова возникъ вопросъ о вѣроятности или невѣроятности продолженія переговоровъ. Съ этой цѣлью онъ пытается весьма опредѣленно настоять, чтобы перерывъ былъ использованъ для подготовительныхъ работъ къ миру, на который Центральныя державы все еще продолжаютъ надѣяться.

Въ своей репликѣ Троцкій возражалъ противъ доводовъ Кюльмана и подтвердилъ готовность пріѣхать для продолженія переговоровъ, а ф.-Кюльманъ въ напутствіе счелъ нужнымъ подчеркнуть Троцкому, что Германія не слишкомъ боится разрыва переговоровъ.

ГЛАВА XIII.

За сценой.

Стороны готовятся. — Троцкій въ роли Остапа изъ «Тараса Бульбы». — «Слышишь, батько?» — Съѣздъ подтверждаетъ. — Вновь испеченныя украинскія персоны въ Брестѣ. — Канцелярская литература Іоффе. — Почему не поѣхалъ Голубовичъ? — Делегація Рады проскакиваетъ зайцемъ.

Третій перерывъ Брестскихъ переговоровъ явился моментомъ, когда обѣ стороны готовились къ рѣшительному концу.

Троцкій въ Петроградѣ дѣлалъ докладъ на 3-мъ съѣздѣ совѣтовъ. Это произошло въ засѣданіи съѣзда 13/26 января.

Передъ тѣмъ Троцкій на одинъ день ѣздилъ въ Варшаву, гдѣ въ честь его были устроены многочисленные митинги, а загнанные подъ желѣзной пятой германской оккупаціонной власти въ подполье польскіе коммунисты преподнесли перевитые красными лентами букеты, въ которыхъ скрыты были записочки съ просьбою къ россійскому пролетаріату о помощи.

Тамъ же, въ Варшавѣ, произошелъ маленькій, но характерный инцидентъ, о которомъ, въ свое время, шли большіе разговоры.

Въ бесѣдѣ съ германскими властями Троцкій сказалъ мелькомъ, что его сынъ коллекціонируетъ почтовыя марки и ему, Троцкому, очень улыбалась бы возможность привезти съ собой въ Петроградъ комплектъ германскихъ оккупаціонныхъ марокъ съ надпечатками: Ob. Ost, Belgien и т. д.

Любезные хозяева преподнесли грозному народному комиссару цѣлую пачку и весьма удивлялись, какъ этотъ столь непримиримый глашатай міровой революціи обнаруживаетъ столь патріархальныя и буржуазныя наклонности.

Троцкій привезъ подарокъ въ Петроградъ, и его сынъ, учившійся въ Коммерческомъ училищѣ, немедленно же открылъ «обмѣнъ» среди своихъ товарищей.

Встрѣченный апплодисментами съѣзда, Троцкій произнесъ длинную рѣчь, восхвалившую усилія большевиковъ добиться мира:

«12/25 декабря былъ данъ отвѣтъ Четверного союза, и отвѣтъ изумилъ весь міръ. Германцы заявили, что они соглашаются на миръ безъ аннексій и контрибуцій, что они признаютъ право народовъ на самоопредѣленіе и отказываютъ въ этомъ правѣ лишь тѣмъ народамъ, которые были порабощены и ограблены еще до этой войны. Для всѣхъ насъ было ясно, что это лишь лицемѣріе, но мы даже не ожидали отъ нихъ проявленія лицемѣрія, потому что, какъ сказалъ одинъ французскій писатель, лицемѣріе является послѣднею данью порока добродѣтели, и то, что германскій имперіализмъ счелъ необходимымъ принести эту дань демократическимъ принципамъ, доказывало, что положеніе внутри Германіи настолько серьезно, что вынуждаетъ германскій имперіализмъ къ попыткѣ подкупить широкія народныя массы маской демократическихъ стремленій».

Далѣе Троцкій разсказываетъ подробности этихъ переговоровъ и выясняетъ позицію обѣихъ сторонъ при обсужденіи этого вопроса. Затѣмъ, ораторъ переходитъ къ вопросу объ участіи въ переговорахъ Украинской Рады.

«Мы знали, — говоритъ онъ, — что украинская делегація имѣла цѣлый рядъ тайныхъ совѣщаній съ нѣмецкой и австрійской делегаціями, и мы заявили украинцамъ, что мы обязуемся вести всѣ наши переговоры съ делегаціями Четверного союза при участіи украинской делегаціи, что мы обязуемся сообщать ей протоколы всѣхъ тѣхъ засѣданій, на которыхъ она, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не присутствовала или не будетъ присутствовать, но что мы требуемъ такого же отношенія къ намъ и со стороны украинской делегаціи. Слабость украинской Рады лишила ее возможности вести самостоятельно честную и открытую политику, и исторія зло подшутила надъ тѣми, кто видѣлъ свою опору противъ «предательства» большевиковъ и лѣвыхъ эсэровъ въ Украинской Радѣ. Мы знаемъ, до чего цинична была поддержка, оказываемая Радѣ со стороны посольствъ и миссій нашихъ союзниковъ; мы знаемъ, что въ Украину шло и англійское золото, и французское офицерство, и тяжелая артиллерія обѣихъ этихъ странъ, но Рада поступила съ ними, какъ поступаютъ всѣ мелкобуржуазныя правительства маленькихъ государствъ, какъ поступила Болгарія и Румынія, какъ поступалъ черногорскій король, одновременно получавшій взятки у Австро-Венгріи и Россіи. И теперь Альбертъ Тома высказываетъ надежду, что именно Украина спасетъ интересы русской биржи на Восточномъ Фронтѣ, но Кіевская Рада уже вступила въ сепаратные и тайные переговоры, какъ вступила бы и та часть Учредительнаго Собранія, которая нѣсколько дней тому назадъ добивалась здѣсь власти».

Въ заключеніе Троцкій переходитъ къ выясненію и защитѣ позиціи большевицкой делегаціи въ Брестѣ и напоминаетъ далѣе участникамъ съѣзда о тѣхъ делегаціяхъ, которыя еще до октябрьской революціи появлялись отъ имени различныхъ армій на засѣданія Петроградскаго совѣта.

«Мы не говоримъ здѣсь никакихъ торжественныхъ словъ, мы не даемъ никакихъ клятвъ, но мы обѣщаемъ вамъ вмѣстѣ съ вами бо-

роться за честный демократическій миръ. Мы будемъ бороться съ ними, и они не съумѣютъ намъ противопоставить угрозы наступленіемъ, ибо у нихъ не можетъ быть увѣренности въ томъ, что германскіе солдаты пойдутъ въ наступленіе.

«И если германскій имперіализмъ попытается распять насъ на колесѣ своей военной машины, то мы, какъ Остапъ къ своему отцу, обратимся къ нашимъ старшимъ братьямъ на Западѣ съ призывомъ:

— Слышишь?...

«И международный пролетаріатъ отвѣтитъ, мы твердо вѣримъ этому:

— Слышу».

Собраніе приняло резолюцію, въ которой, между прочимъ, значилось:

«Выслушавъ доклады Троцкаго, Каменева и заявленія представителя партіи лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ Карелина о томъ, что старый секретаріатъ буржуазной Украинской Рады подалъ въ отставку и на Украинѣ формируется коалиціонная власть, состоящая изъ большевиковъ и лѣвыхъ эсэровъ Великороссіи и Украины, заслушавъ сообщеніе центральнаго исполнительнаго комитета Украины о признаніи имъ совѣта народныхъ комиссаровъ въ качествѣ органа всероссійской совѣтской власти, правомочнаго выступать отъ всей россійской федераціи, принявъ къ свѣдѣнію заявленіе того же центральнаго исполнительнаго комитета, что делегація украинскаго рабоче-крестьянскаго правительства, посланная для того, чтобы разоблачить самозванное выступленіе украинской центральной Рады, въ составѣ предсѣдателя Ц. И. К. Медвѣдева и народныхъ секретарей Затонскаго и Шахрая, будетъ дѣйствовать въ составѣ обще-россійской соціалистической делегаціи въ полномъ согласіи съ нею, всероссійскій съѣздъ совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ постановляетъ:

«Съѣздъ подтверждаетъ и одобряетъ всѣ тѣ заявленія и шаги совѣтской власти, которые направлены на достиженіе всеобщаго демократическаго мира. Всероссійскій съѣздъ констатируетъ, что условія, предъявленныя австро-германской делегаціей, являются не только попраніемъ принциповъ демократіи, но и полнымъ отрицаніемъ тѣхъ началъ, которыя были признаны делегаціями Центральныхъ имперій въ деклараціи отъ 12/25 декабря. Центральныя имперіи завладѣваютъ поляками, литовцами, половиной латышей, частью украинцевъ, бѣлоруссовъ и эстонцевъ и лишаютъ ихъ права на дѣйствительное самоопредѣленіе, насильственно утверждаютъ въ ихъ средѣ господство привилегированныхъ и имущихъ верховъ; такимъ образомъ, военная оккупація, которую центральныя имперіи намѣреваются сохранить и послѣ заключенія всеобщаго мира, прямо направлена противъ осуществленія демократическаго мира на началахъ, провозглашенныхъ россійской революціей.

«Всероссійскій съѣздъ выражаетъ свою глубокую увѣренность въ томъ, что эта аннексіонная политика окажется безсильной отрѣзать трудящіяся массы Россіи отъ трудящихся массъ Германіи и Австро-Венгріи.

«Въ могущественномъ протестѣ рабочихъ Вѣны, Нижней Австріи и Венгріи противъ аннексіоннаго мира, въ пробужденіи революціоннаго движенія пролетаріата въ Германіи всероссійскій съѣздъ усмотрѣлъ лучшую гарантію противъ имперіалистическаго мира, основаннаго на порабощеніи, насиліи и замаскированной контрибуціи.

«Провозглашая снова передъ лицомъ всего міра стремленіе русскаго народа къ немедленному прекращенію войны, всероссійскій съѣздъ поручаетъ своей делегаціи отстаивать принципы мира на основахъ программы русской революціи».

Уже 8/21 января въ Брестъ-Литовскъ прибыли вновь испеченныя высокія украинскія персоны: народный секретарь по военнымъ дѣламъ рабоче-крестьянскаго правительства украинской республики Шахрай и предсѣдатель всеукраинскаго Ц. И. К. Медвѣдевъ.

Уѣзжая изъ Бреста, Троцкій оставилъ тамъ почти всю делегацію подъ предсѣдательствомъ Іоффе. Работы экономической и юридической комиссій въ Брестѣ продолжались.

Того же 8/21 января Іоффе обратился къ ф.-Кюльману съ нижеслѣдующимъ письмомъ:

«Господину Предсѣдателю Германской мирной делегаціи.

Господинъ Министръ!

«Препровождая при семъ копіи полученнаго мною заявленія делегатовъ рабоче-крестьянскаго правительства Украинской республики В. М. Шахрая и Е. Г. Медвѣдева и ихъ мандаты, имѣю честь сообщить Вамъ, что Росс. делегація въ полномъ согласіи съ неоднократно признаваемымъ ею правомъ на свободное самоопредѣленіе за всѣми народами, — въ томъ числѣ, конечно, и за народомъ Украинскимъ, — не видитъ никакихъ препятствій къ участію въ мирныхъ переговорахъ представителей раб.-кр. правительства Укр. республики и, согласно выраженному ими желанію, включаетъ ихъ въ составъ россійской мирной делегаціи, какъ уполномоченныхъ представителей раб.-кр. правительства Укр. республики.

«Доводя объ этомъ до Вашего свѣдѣнія, господинъ Министръ, я прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Предсѣдатель Россійской мирной делегаціи А. Іоффе».

Къ письму Іоффе были приложены копіи заявленія и мандатовъ слѣд. содержанія:

«Господину Предсѣдателю мирной делегаціи Россійск. Республики

Заявленіе.

Мы, представители рабоче-крестьянскаго правительства Украинской республики В. М. Шахрай, народный секретарь по военнымъ дѣламъ, и Е. Г. Медвѣдевъ, предсѣдатель всеукраинскаго центральнаго исполнительнаго комитета совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, делегированные въ Брестъ-Литовскъ для веденія мирныхъ переговоровъ съ представителями Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи, въ полномъ согласіи съ представителями рабоче-крестьянскаго правительства россійской федеративной республики, каковымъ является совѣтъ народныхъ комиссаровъ, настоящимъ заявляемъ слѣдующее:

«Генеральный секретаріатъ центр. укр. Рады ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признанъ представительствомъ всего Укр. народа. Отъ имени укр. рабочихъ, солдатъ и крестьянъ, мы категорически утверждаемъ, что всѣ рѣшенія, принятыя генер. секретаріатомъ безъ соглашенія съ нами, не будутъ признаны Укр. народомъ, не могутъ быть осуществлены и ни въ коемъ случаѣ не будутъ проведены въ жизнь.

«Въ полномъ согласіи съ совѣтомъ нар. комиссаровъ, а слѣдовательно, съ делегаціей росс. рабоче-крестьянскаго правительства, мы въ дальнѣйшемъ будемъ вести мирные переговоры съ делегаціями Четверного союза въ составѣ росс. мирной делегаціи.

«При семъ доводимъ до Вашего свѣдѣнія, г. Предсѣдатель, резолюцію, принятую Центр. Исп. Комитетомъ всеукр. совѣтовъ раб., солд. и кр. депутатовъ 12 январи 1918 года (30 декабря 1917 г.).

Приложеніе: мандатъ, выданный народнымъ секретаріатомъ украинской рабоче-крестьянской республики отъ 30 декабря 1917 года.

Указаніе: Народный Секретарь Просвѣщенія Вл. Петр. Затонскій въ дорогѣ заболѣлъ и потому не прибылъ вмѣстѣ съ нами.

Предсѣдатель центральнаго исполнительнаго комитета всеукраинскихъ совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ Медвѣдевъ. Народный секретарь по военнымъ дѣламъ Шахрай.

21-го январи 1918 года».

Приложенный мандатъ гласилъ:

«Копія».

«По постановленію центральнаго исполнительнаго комитета совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ Украины, народный секретаріатъ Украинской республики, именемъ рабоче-крестьянскаго правительства Украины, настоящимъ уполномочиваетъ предсѣдателя центральнаго исполнительнаго комитета совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ Украины Ефима Григорьевича Медвѣдева, народнаго секретаря по военнымъ дѣламъ Василія Матвѣевича Шахрая и народнаго секретаря по просвѣщенію Владиміра Петровича Затонскаго участвовать отъ имени Украинской народной республики въ переговорахъ съ правительствами Германіи, Австро-Венгріи, Турціи и Болгаріи объ условіяхъ мира между означенными государствами и россійскою федеративной республикою.

«Для сего поименованнымъ уполномоченнымъ Ефиму Григорьевичу Медвѣдеву, Василію Матвѣевичу Шахраю и Владиміру Петровичу Затонскому предоставляется право во всѣхъ случаяхъ, когда они найдутъ необходимымъ, дѣлать заявленія и подписывать акты отъ имени рабоче-крестьянскаго правительства Украинской республики.

«Всѣ свои дѣйствія уполномоченные Украинскаго рабоче-крестьянскаго правительства обязаны согласовать съ дѣйствіями уполномоченныхъ рабоче-крестьянскаго правительства россійской федеративной республики, каковымъ является совѣтъ народныхъ комиссаровъ.

«Отъ имени рабоче-крестьянскаго правительства Украинской народной республики

Народные секретари: Междунаціональныхъ дѣлъ. Внутреннихъ дѣлъ. И. о. военныхъ дѣлъ. Судебныхъ дѣлъ. Продовольствія. Труда.

Управляющій дѣлами народнаго секретаріата.
Харьковъ, 12 января 1918 года (30 декабря 1917 г.).
Съ копіей вѣрно: Предсѣдатель
Россійской мирной делегаціи А. Іоффе».

Въ концѣ января въ Брестъ прибыли почти всѣ члены мирной делегаціи.

Однако, въ составѣ украинской делегаціи Рады произошли значительныя измѣненія.

За это время шансы большевизма и въ Россіи и на Украинѣ сильно прыгнули въ гору.

5/18 января большевики разогнали въ Петроградѣ эсэровское учредительное собраніе. Въ то же самое время важные успѣхи одержалъ большевизмъ и на югѣ Россіи. Въ Кіевѣ генеральный секретаріатъ Рады дѣйствительно долженъ былъ уйти. Отряды революціонныхъ матросовъ взяли Бахмачъ и многіе важные центры Украины. Пограничная стража и солдаты фронта получили приказъ задержать украинскихъ представителей Рады при переходѣ ими линіи окоповъ. При таковыхъ условіяхъ важный и сановный панъ Голубовичъ не поѣхалъ въ Брестъ. А новый предсѣдатель украинской делегаціи Севрюкъ и членъ делегаціи Любинскій, по собственному сознанію послѣдняго, проскочили черезъ фронтъ только тайкомъ, обманувъ красногвардейцевъ и комиссаровъ увѣреніемъ, будто они ѣдутъ въ составѣ совѣтской украинской делегаціи.

Въ составѣ большевицкой делегаціи пріѣхалъ и лѣвый эсэръ Карелинъ.

Такова была обстановка, въ которой 17/30 января открылось первое послѣ перерыва пленарное засѣданіе мирной конференціи.

ГЛАВА XIV.

Шахъ и матъ.

Двѣ украинскихъ делегаціи и обѣ желаютъ пройти контрабандой. — Троцкій открываетъ огонь. — Фонъ-Кюльманъ поддерживаетъ Раду. — Генеральный бой. — Декларація Рады. — Любинскій перечисляетъ грѣхи. — Троцкій потѣетъ и чертитъ. — Украина признана. — Наканунѣ украинскаго сепаратнаго мира.

Открывшійся послѣ 3-го перерыва періодъ Брестскихъ переговоровъ съ самаго начала выдвинулъ на первый планъ все тотъ же вопросъ объ Украинѣ.

Однако, первое рѣшительное столкновеніе по этому вопросу произошло лишь два дня спустя, въ виду того, что пробиравшіеся нелегальнымъ порядкомъ черезъ границу члены укр. делегаціи, за исключеніемъ Левицкаго, еще не успѣли прибыть въ Брестъ.

Отмѣтимъ, что работы конференціи начались сразу же двумя пленарными засѣданіями, тогда какъ въ дальнѣйшемъ продолженіи переговоровъ, впредь до ихъ разрыва извѣстнымъ театральнымъ жестомъ

Троцкаго, происходили лишь засѣданія комиссій: политической и подкомиссіи по территоріальнымъ вопросамъ.

Пленарное засѣданіе 17/30 января открылось привѣтственной рѣчью Талаатъ-Паши, который, согласно принятому уже ранѣе порядку поочередного веденія засѣданій, долженъ былъ на этотъ разъ предсѣдательствовать.

Затѣмъ ф.-Кюльманъ сообщилъ измѣненія, происшедшія въ составѣ германской делегаціи: Баварія, согласно принадлежащаго ей по конституціи права, изъявила желаніе участвовать въ Брестскихъ переговорахъ на ряду съ Германіей, командировавъ для этой цѣли баварскаго посланника графа Подевилье Дюрпицъ.

Троцкій немедленно же воспользовался возможностью въ томъ же порядкѣ регистраціи измѣненій, происшедшихъ въ составѣ делегацій, использовать отсутствіе запоздавшихъ представителей Рады съ цѣлью попытаться провести на ихъ мѣсто привезенныхъ съ собою Шахрая, Медвѣдева и Ко.:

«Въ составѣ русской делегаціи также произошли нѣкоторыя измѣненія. Одно изъ нихъ имѣетъ чисто личный характеръ: здѣсь въ дальнѣйшихъ работахъ приметъ участіе нар. комиссаръ имуществъ республики Карелинъ. Другое измѣненіе имѣетъ государственно-политическое значеніе. Оно касается участія въ составѣ нашей делегаціи двухъ представителей укр. нар. республики.

«Послѣднее обстоятельство имѣетъ серьезнѣйшее значеніе для хода дальнѣйшихъ переговоровъ и является отраженіемъ того внутренняго положенія, которое сложилось на Украинѣ».

Троцкій излагаетъ далѣе характеристику Укр. Рады съ большевицкой точки зрѣнія и пытается провалить делегацію Рады, ссылаясь на то, что фактически въ Украинѣ не существуетъ болѣе ни кіевскаго генеральнаго секретаріата, ни самой центральной Рады.

Сдѣлалъ онъ это въ довольно мягкой формѣ, какъ бы зондируя почву, насколько германцы и австрійцы станутъ поддерживать столь нужныхъ для нихъ украинскихъ самостійниковъ. Зная уже изъ обстоятельствъ, описанныхъ нами выше, что Рада разогнана, а генеральный секретаріатъ въ Кіевѣ подалъ въ отставку, Троцкій надѣлъ личину скромности и умѣренности:

— Если г. Голубовичъ попрежнему имѣетъ мандатъ отъ кіевскаго генеральнаго секретаріата, то что же, пусть и онъ участвуетъ въ переговорахъ!

Въ указаніе же того, что надлежало бы сдѣлать делегаціямъ Центральныхъ державъ въ случаѣ констатированія фактическаго низверженія украинскаго буржуазнаго правительства, Троцкій весьма выразительно намекалъ, что теперь, во всякомъ случаѣ, никакіе договоры съ Радой невозможны безъ предварительнаго соглашенія съ нимъ, Троцкимъ, и съ привезенными имъ пролетарскими «представителями» совѣтской Украины: Шахраемъ и Медвѣдевымъ.

Эти же господа, какъ мы уже знаемъ, рѣшили не признавать никакихъ принятыхъ центральной Радой обязательствъ.

Сидѣвшій за тѣмъ же столомъ секретарь этой украинской делегаціи, другъ и сподвижникъ Голубовича, Левицкій, потребовалъ слова,

чтобы попытаться спасти положеніе просьбою объ отсрочкѣ окончательнаго разрѣшенія этого вопроса до прибытія Любинскаго и Севрюка.

Обычнымъ спокойнымъ, но твердымъ, подчеркнутымъ тономъ ф. Кюльманъ сталъ на сторону украинцевъ:

«Отъ имени делегаціи Четверного союза я предложилъ бы отложить обсужденіе вопроса по существу до возвращенія всѣхъ членовъ кіевской делегаціи. То обстоятельство, что мы во время мирныхъ переговоровъ будемъ имѣть дѣло съ еще неопредѣленными и находящимися въ процессѣ образованія факторами, было съ самаго начала ясно представителямъ Четверного союза, и въ этомъ они усматривали громадное затрудненіе для всей мирной работы. Я считаю нужнымъ установить, что предсѣдатель русской делегаціи, какъ это можно усмотрѣть изъ стенограммъ, не указалъ, что одновременно съ делегаціей Кіевской Рады, подъ предсѣдательствомъ г. Голубовича, имѣетъ притязаніе говорить отъ имени украинскаго народа еще и другая делегація. Только въ письменномъ сообщеніи, поступившемъ во время перерыва, намъ было поставлено это требованіе противной стороны».

Ф.-Кюльманъ дѣлаетъ паузу и говоритъ, отчеканивая каждое слово:

«Согласно сообщенію, которое предсѣдатель русской делегаціи сдѣлалъ намъ раньше, правительство, нынѣ существующее въ Россіи, основывается на силѣ, и поэтому возникаетъ вопросъ, которая изъ двухъ организацій, считающихъ себя въ данное время вправѣ говорить отъ имени свободной украинской республики, имѣетъ перевѣсъ и силу на своей сторонѣ.

«Какъ я уже сказалъ, я не хочу останавливаться на сущности этого вопроса до пріѣзда г. г. представителей кіевской делегаціи. Поведеніе кіевской делегаціи здѣсь, въ Брестѣ, — предостерегающе заканчиваетъ германскій статсъ-секретарь, намекая совершенно недвусмысленно, что отношеніе Троцкаго къ укр. делегаціи измѣнилось именно вслѣдствіе склонности ея къ заключенію мира съ Центральными державами — поведеніе кіевской делегаціи здѣсь, до извѣстной степени, не осталось безъ вліянія на отношеніе къ этому вопросу русской делегаціи.

«Таково, конечно, мое субъективное мнѣніе. Но если г. предсѣдатель русской делегаціи убѣдитъ меня въ противномъ, я вполнѣ готовъ измѣнить свою точку зрѣнія».

Въ концѣ концовъ Кюльманъ сказалъ, что этотъ споръ двухъ самостоятельныхъ делегацій о правѣ на исключительное представительство Украинской республики делегаціи Центральныхъ державъ считаютъ нужнымъ подвергнуть самому внимательному обсужденію.

Стоя передъ безспорнымъ фактомъ незаявленія имъ возраженій противъ права делегаціи Рады на самостоятельное представительство Украины, Троцкій оказался вынужденнымъ сослаться на то, что онъ не могъ сдѣлать этого ранѣе, въ виду отсутствія соотвѣтствующихъ требованій и волеизъявленій со стороны трудящихся массъ самой Украины:

«Г. статсъ-секретарь совершенно правъ, напоминая, что при обсужденіи вопроса о кіевской делегаціи я ничего не говорилъ о существованіи въ предѣлахъ Украинской республики другой организаціи, предъявляющей свои права на государственную власть. Мы тогда

считали, что вопросъ, въ какой мѣрѣ делегація Украинской Рады можетъ съ успѣхомъ представлять интересы Укр. республики, лучше всего можетъ быть разрѣшенъ трудящимися массами самой Украины. И до того момента какъ совѣты Р., С. и Кр. депутатовъ Украины не подняли вопроса о необходимости ихъ представительства здѣсь, въ Брестъ-Литовскѣ, мы не имѣли никакихъ основаній возбуждать этотъ вопросъ здѣсь въ нашихъ преніяхъ».

Въ заключеніе Троцкій счелъ нужнымъ отвѣтить на колкость ф.-Кюльмана колкостью:

«Я долженъ здѣсь отмѣтить одно утвержденіе г. предсѣдателя германской делегаціи, которое онъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, сдѣлалъ также и въ главной комиссіи рейхстага, а именно, будто я дважды заявлялъ, что существующее въ Россіи правительство опирается только на силу.

«Я долженъ сказать, что тѣ правительства, которыя опираются только на силу, никогда этого не признаютъ. Они ссылаются на традиціи, унаслѣдованныя учрежденія и другія невѣсомыя величины. Я признаю, что въ существующемъ обществѣ, въ которомъ имѣются отдѣльныя классовыя группировки, наше правительство опирается, разумѣется, и на силу, но изъ этой силы мы дѣлаемъ то употребленіе, которое, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуетъ интересамъ представляемыхъ нами классовъ».

Между ф.-Кюльманомъ и Троцкимъ продолжается еще обмѣнъ раздражительными колкостями по поводу того, сказалъ ли Троцкій, что совѣты опираются только на силу или не только на одну силу, но и на нѣчто другое, а также по поводу искаженія нѣмецкимъ офиціальнымъ отчетомъ нѣкоторыхъ заявленій Троцкаго и Іоффе во время переговоровъ въ Брестѣ.

Гр. Чернинъ любезно, но все же съ достаточной твердостью присоединился къ позиціи ф.-Кюльмана и заявилъ, что выждать возвращенія кіевской делегаціи совершенно необходимо.

Конецъ засѣданія прошелъ хаотично въ обмѣнѣ рѣзкостями.

Троцкій заявилъ:

«Не отказываюсь, по инициативѣ ст.-секретаря, поднять интересный вопросъ: на чемъ еще, кромѣ силы, основывается россійское правительство. Я готовъ расширить этотъ вопросъ и распространить его и на нѣкоторыя другія правительства. Со своей стороны я готовъ представить такія разъясненія, которыя дадутъ г. г. представителямъ противной стороны понятіе, какія именно силы, настроенія и народныя страсти, вызванныя къ жизни войной, подрываютъ старыя и укрѣпляютъ новыя правительства».

Ф.-Кюльманъ въ отвѣтъ ущемилъ Троцкаго ссылкой на протоколъ засѣданія:

«Если г. предсѣдатель русской делегаціи утверждаетъ, что онъ въ свое время не высказывался въ томъ смыслѣ, будто власть совѣтовъ опирается только на силу, то во всякомъ случаѣ у меня осталось въ памяти его утвержденіе, что власть совѣтовъ опирается и на силу. Говорилъ ли онъ такъ или не говорилъ, — это обстоятельство можно будетъ выяснить изъ протоколовъ».

Троцкій, уклоняясь отъ прямого отвѣта, вернулся къ инциденту объ искаженіи отчета, которое, по утвержденію германцевъ, произведено было петроградскимъ телеграфнымъ агентствомъ, и заявилъ въ рѣзкой формѣ:

«Со всей категоричностью отвергаю инсинуацію по адресу россійскаго правительства, будто оно распространяло ложныя свѣдѣнія въ политическихъ цѣляхъ. Искаженіе отчета не входитъ въ практику россійскаго правительства. Не рѣшаюсь болѣе настаивать, чтобы это мое заявленіе было доведено до свѣдѣнія германскаго общественнаго мнѣнія, такъ какъ предшествующій опытъ отучилъ меня отъ тщетяыхъ надеждъ въ этомъ направленіи».

Атмосфера засѣданія сгущалась, и стало яснымъ, что обмѣнъ мнѣній сегодня ни къ чему, кромѣ колкостей, не поведетъ.

Тогда предсѣдательствовавшій Талаатъ-Паша рѣшилъ вмѣшаться и дать выходъ изъ сложившагося напряженнаго положенія, заявивъ:

— Такъ какъ никто болѣе не желаетъ высказаться, то засѣданіе объявляется закрытымъ. Въ согласіи съ высказаннымъ желаніемъ будетъ продолжаться засѣданіе такъ называемой территоріальной комиссіи.

Первыя впечатлѣнія послѣ встрѣчи были не изъ важныхъ.

Съ этого дня нервозность сторонъ наростала все болѣе и болѣе.

Въ той же атмосферѣ открылось на слѣдующій день 18/31 января и засѣданіе политической комиссіи.

Предсѣдательствовалъ гр. Черининъ. Присутствовали делегаціи: германская, австро-венгерская и русская.

Съ самаго начала, еще до приступа къ порядку дня, произошло столкновеніе между ф.-Кюльманомъ и Троцкимъ, все по тому же вопросу о томъ, на что опирается большевицкое правительство — только на силу или же не только на силу. По предложенію ф.-Кюльмана легаціонный секретарь ф.-Гешъ огласилъ соотвѣтствующее мѣсто протоколовъ.

Послѣ оглашенія цитаты, споръ, чисто словесный и раздражительный, продолжался.

Троцкій:

«Я считаю, что эта цитата цѣликомъ подтверждаетъ мои слова. Я не хотѣлъ бы расширять преній по этому вопросу и переходить на почву философіи права, но я могъ бы сослаться на Гегеля, который училъ насъ, какъ правовая идея матеріализуется и становится силой».

Ф.-Кюльманъ:

«Я не хочу сегодня входить въ обсужденіе принциповъ россійскаго правительства, насколько оно представлено совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, и я также не могу вступать въ пренія относительно правовой философіи Гегеля. Я только считалъ нужнымъ огласить соотвѣтствующее мѣсто протоколовъ».

Троцкій:

«Я констатирую, что оглашенная цитата категорически опровергаетъ утвержденія, сдѣланныя г. ст.-секретаремъ на засѣданіи рейхстага».

Ф.-Кюльманъ:

«Полагаю, что пренія относительно толкованія приведенной цитаты не разрѣшатъ нашего спора. Я съ своей стороны не имѣю ничего добавить».

Инцидентъ исчерпанъ. Но немедленно возникаетъ новый. Троцкій жалуется, что нѣмецкія газеты приписываютъ ему заявленія въ его рѣчи на третьемъ съѣздѣ совѣтовъ въ Петроградѣ, будто большевицкая делегація не заключитъ сепаратнаго мира.

Происходятъ довольно скучныя пренія, въ которыхъ Троцкій съ жаромъ опровергаетъ это несвойственное ему «имперіалистическое» заявленіе:

— Это значило бы, что я далъ обязательство за русскій народъ воевать до тѣхъ поръ, пока будетъ угодно великобританскимъ, американскимъ и др. имперіалистамъ. Ф.-Кюльманъ предлагаетъ пріобщить къ актамъ конференціи подлинный текстъ рѣчи Троцкаго, а изящный гр. Черникъ скучающимъ тономъ дипломата разъясняетъ, что вообще «не слѣдуетъ осложнять переговоры безотвѣтственными фантазіями журналистовъ».

Только послѣ этого удается наконецъ перейти къ порядку дня.

Предсѣдательствующій гр. Черникъ заявляетъ:

«До сихъ поръ въ комиссіи, именуемой комиссіей по территоріальнымъ дѣламъ, разбирался вопросъ объ областяхъ, занятыхъ германскими войсками. Я внесъ предложеніе, чтобы сегодня былъ выясненъ вопросъ и въ той его части, которая касается областей занятыхъ австровенгерскими войсками. Области, занятыя австро-венгерскими войсками, на этой картѣ обозначены желтой линіей. Но прежде, чѣмъ войти въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, я предложилъ бы выяснить вопросъ о правомочности для его рѣшенія русской и украинской делегаціи. Г. г. представителямъ русской делегаціи извѣстно, что г. г. украинскіе делегаты считаютъ себя вправѣ совершенно самостоятельно обсуждать и рѣшать эти вопросы. Поэтому я прошу предсѣдателя русской делегаціи высказаться по вопросу о правомочности и, такимъ образомъ, дать намъ возможность обсудить его».

Троцкій, въ отвѣтъ, произнесъ рѣчь вызывающаго тона и содержанія.

Въ его карманѣ лежала телеграмма, что въ Кіевѣ произошло возстаніе части гарнизона противъ Рады, и воинственный комиссаръ счелъ себя вправѣ говорить, какъ власть имѣющій:

«Отъ имени нашей делегаціи и нашего правительства я категорически протестую противъ притязаній делегаціи кіевской Рады рѣшать самостоятельно и односторонне территоріальные вопросы. Я констатирую, что въ томъ засѣданіи, гдѣ я впервые, въ присутствіи г. г. представителей кіевской Рады, заявилъ о необходимости соглашенія по всѣмъ территоріальнымъ вопросамъ между делегаціей кіевской Рады и нашей делегаціей, г. г. представители кіевской Рады не сдѣлали никакихъ возраженій по поводу моего заявленія. Мнѣ неизвѣстно, когда и въ какой формѣ представители кіевской Рады заявили о своемъ правѣ на самостоятельное разрѣшеніе территоріальныхъ вопросовъ. Наша прежняя точка зрѣнія сегодня еще болѣе подкрѣпляется уча-

стіемъ въ нашей делегаціи двухъ представителей всеукраинскаго центральнаго исполнительнаго комитета.

«Что же касается вопроса по существу, то на основаніи послѣднихъ свѣдѣній и, въ частности, только что полученной мною телеграммы я думаю, что вопросъ объ участіи кіевской Рады, какъ самостоятельной делегаціи, относится скорѣе къ прошлому, чѣмъ къ настоящему и будущему».

Тогда предсѣдательствующій гр. Чернинъ заявилъ, что при выяснившемся существенномъ противорѣчіи между представителями петроградской и кіевской делегацій является совершенно необходимымъ созывъ пленарнаго засѣданія. А пока гр. Чернинъ поставилъ Троцкому вопросъ: почему укр. делегація не имѣетъ права выносить рѣшенія относительно территорій, прилегающихъ къ Польшѣ съ юга и географически безспорно украинскихъ:

«Насколько я помню, въ первыхъ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ о территоріальной правомочности кіевской Рады и петроградскаго правительства. Если я не ошибаюсь, рѣчь шла о тѣхъ границахъ, при опредѣленіи которыхъ могъ бы возникнуть конфликтъ между Украиной и той частью Россіи, которая управляется Петроградомъ. Но я не предполагалъ, что граница Украины, примыкающей къ Польшѣ, будетъ предметомъ особыхъ обсужденій между Кіевомъ и Петроградомъ, ибо во всякомъ случаѣ мало вѣроятно, чтобы управляемая Петроградомъ Россія вклинилась въ эту область. Вопросъ, который я сейчасъ ставлю на очередь, сводится къ слѣдующему: является ли точка зрѣнія предсѣдателя русской делегаціи принципіальной и можно ли ее выразить такимъ образомъ, что Украина вообще не имѣетъ права судить о дѣлахъ украинскаго государства и требуется ли, при рѣшеніи всѣхъ территоріальныхъ вопросовъ, предварительное соглашеніе съ Петроградомъ».

Вотъ какъ отвѣтилъ комиссаръ:

«Позволю себѣ напомнить, что г. предсѣдатель австро-венгерской делегаціи въ одномъ изъ засѣданій еще до перерыва переговоровъ задалъ мнѣ вопросъ: не могу ли я указать, гдѣ именно находятся спорныя и гдѣ безспорныя границы Украины. Я отвѣтилъ, что, пока границы между Украинской республикой и республикой Россійской не установлены съ согласія обѣихъ сторонъ, всѣ территоріальные вопросы должны рѣшаться съ обоюднаго согласія. Само собой разумѣется, что, если Украина существуетъ и будетъ существовать въ дальнѣйшемъ, какъ совершенно свободная, независимая отъ Россіи республика, то послѣ отдѣленія она самостоятельно рѣшала бы всѣ вопросы своего государственнаго бытія и въ томъ числѣ вопросы территоріальные».

Тутъ Троцкій сдѣлалъ паузу и подчеркнулъ:

«Но то укр. правительство, которое представлено въ составѣ нашей делегаціи и которое черезъ своихъ представителей огласитъ свое заявленіе на ближайшемъ пленарномъ засѣданіи, это правительство стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что Украина составляетъ часть россійской федеративной республики, согласно рѣшенію послѣдняго всероссійскаго съѣзда совѣтовъ Р., С. и Кр. депутатовъ. Въ этомъ смыслѣ необходимо, чтобы разрѣшеніе вопроса стояло въ зависимости не только отъ насто-

ящаго положенія вещей. Если раньше соглашеніе между нами и украинской делегаціей по необходимости вызывалось условіями момента, то теперь оно, тѣмъ болѣе, необходимо въ связи съ федеративнымъ устройствомъ нашей республики».

Ф.-Кюльманъ задалъ Троцкому вопросъ, что собственно заключаетъ въ себѣ та телеграмма, на которую онъ съ такимъ тріумфомъ сослался въ настоящемъ засѣданіи.

Троцкій отвѣтилъ:

— Въ телеграммѣ сообщается, что преобладающая часть кіевскаго гарнизона перешла на сторону совѣтской укр. власти, и вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи Рады — вопросъ ближайшаго будущаго.

Затѣмъ Троцкій задалъ еще ф.-Кюльману вопросъ: дѣйствительно ли онъ въ своемъ письмѣ на имя предсѣдателя польскаго кабинета министровъ Кухаржевскаго обѣщалъ возбудить вопросъ о приглашеніи представителя этого кабинета для участія въ мирныхъ переговорахъ, и когда этотъ вопросъ будетъ поднятъ на засѣданіи конференціи?

Ф.-Кюльманъ сухо отвѣтилъ:

— Мы поставимъ этотъ вопросъ на обсужденіе, когда сочтемъ нужнымъ.

Послѣ этого стороны обмѣнялись еще нѣсколькими колкими замѣчаніями, и гр. Чернинъ закрылъ засѣданіе, заявивъ, что его правительство при извѣстныхъ условіяхъ привѣтствовало бы приглашеніе польскихъ представителей на засѣданія конференціи.

Какъ потомъ выяснилось, по закрытіи засѣданія, гр. Чернинъ черезъ ген. Гофмана пригласилъ къ себѣ украинцевъ и просилъ ихъ въ пленарномъ засѣданіи на слѣдующій день, не стѣсняясь, выразить большевикамъ украинскую точку зрѣнія на вещи.

Столкновеніе двухъ делегацій, такимъ образомъ, назрѣло, и ареной его явилось пленарное засѣданіе 19 января (1 февраля), начавшееся въ 5 час. 38 мин. вечера.

Непріятная обязанность предсѣдательствованія въ этомъ бурномъ засѣданіи выпала на долю болгарскаго представителя полк. Гантчева.

Объявивъ, что въ составѣ болг. делегаціи министра юстиціи Попова на посту предсѣдателя делегаціи смѣнилъ болг. министръ-президентъ Радославовъ, предсѣдательствующій далъ слово представителю укр. Рады Севрюку, делегація котораго всякими правдами и неправдами добралась все-таки до Бреста.

Голубовичъ не пріѣхалъ. И назначенный вмѣсто него предсѣдателемъ Севрюкъ, учитывая ободряющіе взгляды германскихъ и австрійскихъ представителей, весьма торжественнымъ тономъ началъ свое заявленіе:

«Милостивые государи! Нотой правительства Украины, генер. секретаріата отъ 20/7 декабря 1917 года, укр. делегація указала, что актомъ укр. центральной Рады отъ 7 ноября, третьимъ ея универсаломъ, провозглашена укр. народная республика, и этимъ самымъ опредѣлено ея международное положеніе.

«Это международное положеніе признано какъ совѣтомъ нар. комиссаровъ, такъ и представителями державъ Четверного союза, а равно и Французской республикой и Великобританской имперіей, которыя ва-

значили своихъ дипломатическихъ представителей при правительствѣ укр. народной республики».

Севрюкъ оглашаетъ затѣмъ протоколъ засѣданія конференціи отъ 28 декабря (10 января), гдѣ воспроизведено извѣстное уже намъ заявленіе Троцкаго объ отсутствіи съ его стороны возраженій противъ участія украинской делегаціи въ мирныхъ переговорахъ.

Укр. делегатъ, явившійся въ засѣданіе съ протоколами въ рукахъ, цитируетъ еще аналогичныя заявленія Троцкаго, данныя въ засѣданіяхъ отъ 28 декабря (10 января) и отъ 1/14 января, и заявляетъ:

«Весь ходъ переговоровъ до перерыва указывалъ, что укр. делегація всегда разсматривалась, какъ делегація независимаго государства. Такъ продолжалось до послѣдняго перерыва. Послѣ перерыва, въ засѣданіи отъ 18/31 января предсѣдатель русской делегаціи Троцкій, ссылаясь на какую то полученную имъ телеграмму, пытался отрицать правомочность укр. делегаціи, а въ засѣданіи отъ 17/30 января ссылался, въ качествѣ другого аргумента, на существованіе Харьк. исполн. комитета и заявилъ, что прежнее признаніе имъ Укр. Рады объясняется тѣмъ, что совѣты Р., С. и Кр. депутатовъ вопроса о самостоятельномъ представительствѣ въ Брестъ-Литовскѣ не подымали, и большевики поэтому, не имѣли основаній подымать этотъ вопросъ въ преніяхъ.

«Мы считаемъ нужнымъ установить, что первая рѣчь Троцкаго стоитъ въ полномъ противорѣчіи со всѣми его предыдущими заявленіями.

«Это, равно какъ и нѣкоторые факты изъ государственно-правовой жизни Украины, заставляетъ насъ заявить слѣдующее. Мы вполнѣ согласны съ г. Троцкимъ, что въ государственной жизни Украины произошли измѣненія, но эти измѣненія совершенно иного порядка».

«Эти измѣненія выразились какъ разъ въ томъ, что возникшая на Украинѣ умѣренно-соціалистическая власть укр. Рады констатируетъ неудачу попытокъ созданія обще-федеративной власти въ Россіи и окончательно становится на точку зрѣнія неограниченной самостоятельности и независимости украинской державы.

Эти новыя начала опубликованы въ четвертомъ универсалѣ Украинской центральной Рады отъ 24/11 января».

Севрюкъ читаетъ далѣе этотъ универсалъ и затѣмъ возражаетъ, противъ аргументовъ Троцкаго, подчеркивая, что они лишены какого бы то ни было значенія. Ссылка на то, будто харьк. исп. комитетъ болѣе полно отражаетъ интересы трудящихся массъ, неправильна и, затѣмъ, касается области внутреннихъ отношеній, которая не подлежитъ международному контролю. Если Троцкій утверждаетъ, что украинская делегація не правомочна, такъ какъ ее не признаетъ харьковскій исполнительный комитетъ, то и большевицкая делегація въ этомъ случаѣ должна первая сложить свои полномочія, такъ какъ въ ея составъ не вошли ни представители Молдавіи, ни крымскіе татары, казаки и кавказскія народности, ни Сибирь, не признающая власти совѣта нар. комиссаровъ.

Предсѣдатель укр. делегаціи протестуетъ затѣмъ противъ «недопустимаго въ такомъ высокомъ собраніи, какъ мирная конференція»

пріема Троцкаго, оспаривавшаго государственныя права укр. центральной Рады на основаніи какой то полученной имъ телеграммы:

«Укр. делегація также могла бы сослаться на напечатанную въ кіевскихъ газетахъ во второй половинѣ января новаго стиля радіотелеграмму о возстаніи въ защиту учредительнаго собранія нѣсколькихъ полковъ въ Петроградѣ и объ уличныхъ бояхъ, самыхъ неблагопріятныхъ для сов. правительства. Неужели на этомъ основаніи мы могли бы также попробовать добиться непризнанія здѣсь совѣтской делегаціи?»

Подчеркнувъ еще разъ, что въ обсужденіе этой и подобной телеграммъ украинцы входить не будутъ, Севрюкъ заканчиваетъ слѣдующимъ образомъ:

«Во избѣжаніе новыхъ возможныхъ кривотолковъ съ чьей бы то ни было стороны, во избѣжаніе на будущее время противорѣчивыхъ заявленій со стороны русской делегаціи, мы вручаемъ представленнымъ здѣсь державамъ ноту нашего правительства съ извѣщеніемъ о провозглашеніи украинской народной республики самостоятельнымъ государствомъ, и тѣмъ самымъ предлагаемъ призвать формально украинскую республику, какъ совершенно самостоятельное и независимое государство, и тѣмъ окончательно опредѣлить, какъ ея международное положеніе, такъ и правомочность делегаціи ея законнаго правительства».

Заключительную фразу Севрюкъ произнесъ спокойнымъ, увѣреннымъ и громкимъ голосомъ.

Слово предоставляется большевику Медвѣдеву, фиктивному делегату укр. совѣтской делегаціи.

Рѣчь Медвѣдева полна трескучими и избитыми выраженіями моднаго въ то время революціоннаго трафарета и угрозами:

«Мы считаемъ своимъ долгомъ предупредить народы Австро-Венгріи и Германіи, что всякія попытки противопоставить Украину Россіи и на этомъ противопоставленіи построить дѣло мира — построены на ложномъ основаніи и потому въ самомъ началѣ обречены на неудачу.

«Мы, уполномоченные народнаго секретаріата украинскаго исполнительнаго комитета, входящіе въ составъ россійской мирной делегаціи, заявляемъ:

«Народный секретаріатъ стремится къ созданію такихъ условій, при которыхъ весь украинскій народъ, живущій на Украинѣ, въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи, независимо отъ раздѣляющихъ его нынѣ государственныхъ границъ, могъ бы жить, какъ одно цѣлое, причемъ вопросъ о дальнѣйшемъ государственномъ положеніи Украины въ ряду другихъ государствъ долженъ разрѣшиться путемъ свободнаго голосованія объединеннаго украинскаго народа.

«Мы еще разъ категорически заявляемъ, что соглашеніе и договоры съ кіевской Радой войдутъ въ жизнь и получатъ признаніе укр. народа лишь въ случаѣ одобренія и признанія делегаціей совѣтской федеративной республики, въ составъ которой мы входимъ».

Вслѣдъ за Медвѣдевымъ выступилъ и Троцкій, который убѣждалъ противниковъ, что не въ ихъ интересахъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла:

«Я не думаю, что г. г. представители Четверного союза могутъ взять на себя роль третейскаго судьи въ вопросѣ о внутреннихъ отношеніяхъ въ Россіи или на Украинѣ. Я счелъ только нужнымъ добросовѣстно обрисовать дѣйствительное положеніе вещей. До тѣхъ поръ пока делегація кіевской Рады сохраняетъ свой мандатъ, мы не возражаемъ противъ ея самостоятельнаго участія въ переговорахъ. Но теперь, когда въ составъ нашей делегаціи вошли представители укр. исполн. комитета, мы съ удвоенной настойчивостью повторяемъ, что войти въ силу могутъ только тѣ соглашенія съ укр. Радой, которыя получатъ и наше признаніе».

Давъ высказаться большевикамъ Медвѣдеву и Троцкому, предсѣдатель предоставилъ слово украинскому делегату Любинскому, рѣчь коего длилась больше часа. Онъ обвинялъ большевиковъ въ томъ, что они провозгласили принципъ самоопредѣленія народовъ только для того, чтобы тѣмъ рѣшительнѣе бороться съ этимъ принципомъ въ его жизненномъ примѣненіи. «Правительство большевиковъ, разгоняющее учредительное собраніе, правительство, опирающееся на штыки наемныхъ красноармейцевъ, никогда не рѣшится примѣнить въ Россіи глубоко справедливые принципы самоопредѣленія. Ибо оно хорошо знаетъ, что не только многочисленныя республики — Украина, Донъ, Кавказъ, Сибирь и др. — не признаютъ его своимъ правительствомъ, но и самъ русскій народъ откажетъ ему въ этомъ правѣ. И только изъ страха передъ развитіемъ національной революціи, большевики, со свойственной имъ демагогіей, заявляютъ и въ Россіи и здѣсь, на мирной конференціи, о полномъ правѣ народовъ на самоопредѣленіе, вплоть до отдѣленія.

«Для борьбы съ дѣйствительнымъ осуществленіемъ этого принципа они прибѣгаютъ не только къ помощи наемныхъ бандъ красноармейцевъ, но и къ еще болѣе грубымъ и недопустимымъ пріемамъ: они закрываютъ газеты, разгоняютъ національные съѣзды, арестовываютъ и разстрѣливаютъ политическихъ дѣятелей и, наконецъ, прибѣгаютъ къ завѣдомо лживымъ навѣтамъ, пытаясь подорвать авторитетъ новыхъ правительствъ въ глазахъ населенія той или иной молодой республики».

Анализируя дальше съ такой же рѣзкостью всѣ подвохи большевиковъ и настаивая на правомѣрности полномочій предводимой имъ делегаціи, Любинскій своей рѣчью достигъ чрезвычайнаго эффекта. Троцкій совершенно блѣдный, съ широко раскрытыми глазами растерянно чертилъ какія-то каракули на листѣ лежавшей передъ нимъ бумаги. По лицу его катились крупныя капли пота.

Прошло нѣсколько тягостныхъ секундъ.

Всѣ взгляды обратились на Троцкаго, который съ кривой улыбкой нашелся только высказать благодарность предсѣдателю собранія за предоставленную имъ предыдущему оратору свободу слова и переводчику за точный переводъ выраженій.

Предсѣдательствующій Гантчевъ:

«До сихъ поръ всѣ ораторы пользовались здѣсь полной свободой слова, такъ что предсѣдатель и въ данномъ случаѣ не нашелъ возможнымъ ее стѣснять».

Троцкій:

«Совершенно справедливо!»

Въ заключеніе гр. Чернинъ огласилъ отъ имени делегацій державъ Четверного союза торжественное заявленіе.

Изложивъ въ немъ обстоятельства и способъ послѣдовавшаго уже въ засѣданіи 10 января (28 декабря) признанія делегаціи Укр. республики, какъ делегаціи самостоятельной и какъ правомочнаго представительства самостоятельной Украинской республики, декларація Германіи и ея союзниковъ констатировала далѣе, что въ виду заявленій Троцкаго о дѣйствительности только тѣхъ соглашеній съ Украиной, которыя получатъ формальное подтвержденіе со стороны совѣтскаго правительства, державы Четверного союза находятъ нужнымъ сдѣлать нижеслѣдующее заявленіе:

«У насъ нѣтъ основанія отказаться отъ признанія укр. делегаціи или ограничить это признаніе. Мы подтвердили въ пленарномъ засѣданіи отъ 30 декабря — 12 января 1918 года, что украинская делегація самостоятельна и правомочна представлять Укр. нар. республику. Въ настоящее время мы вынуждены признать Укр. нар. республику, какъ свободное суверенное государство, вполнѣ правомочное вступать въ международныя сношенія».

Троцкій попытался спасти что можно, произнеся довольно запутанную тираду о томъ, что неопредѣленность границъ Украины, по крайней мѣрѣ по отношенію къ спорнымъ территоріямъ, все же вызываетъ необходимость въ соглашеніи съ петроградской делегаціей.

Ф.-Кюльманъ, не опровергая этого заявленія, ограничился вопросомъ къ Троцкому о томъ, раздѣляются ли заявленныя Медвѣдевымъ требованія о присоединеніи къ Украинѣ населенныхъ украинцами частей Галиціи, Буковины и Венгріи, также и петроградской делегаціей?

Троцкій, повидимому, понялъ колкость вопроса и заявилъ, что петроградскіе большевики отвѣчаютъ за декларацію Медвѣдева только постольку, поскольку взгляды украинской делегаціи совпадаютъ съ точкой зрѣнія делегаціи большевицкой.

Однако эти запоздалыя попытки уже ничего не могли измѣнить въ положеніи.

21 января (3-го февраля) состоялось еще одно засѣданіе политической комиссіи.

На слѣдующій день ф.-Кюльманъ, гр. Чернинъ, ген. Гофманъ поѣхали въ Берлинъ для окончательныхъ совѣщаній съ Людендорфомъ.

Въ это время засѣданій въ Брестѣ, кромѣ работъ правовой и экономической комиссій, не было.

24 января (6 февраля) германскій и австрійскій предсѣдатели вернулись въ Брестъ.

А еще черезъ два дня, ночью, былъ подписанъ сепаратный миръ Центральныхъ имперій съ Укр. Радой.

ГЛАВА XV.

Дѣло сдѣлано.

Интермеццо близится къ концу. — Народный Комиссаръ на rendez-vous. — Тайные переговоры. — Ультиматумъ кайзера. — Дайте подписку, что вы хотите мира. — Рига не стоитъ векселя Троцкаго. — До 4-хъ часовъ дня. — Отставка не прибыла. — Дебютъ Радековъ и Капускасовъ. — Троцкій честный человѣкъ? — Бобинскій испытываетъ терпѣніе. — Кюльманъ сердится. — Что готовилось ночью? — Мирный договоръ съ Украиной подписанъ. — Рескрипты графу Гертлингу и графу Чернину. — Дѣло сдѣлано.

То, что происходило въ Брестѣ съ 21 января (3 февраля) по 28 января (10 февраля) 1918 года, было въ сущности агоніей этой стадіи мирныхъ переговоровъ.

Обѣимъ сторонамъ все болѣе и болѣе становилось яснымъ, что онѣ находятся наканунѣ разрыва и возобновленія войны.

Это сознаніе было общимъ. Никогда ранѣе пренія въ открытыхъ засѣданіяхъ не были столь безплодными, какъ въ этотъ моментъ.

Но тѣмъ откровеннѣе и опредѣленнѣе были закулисные переговоры, въ которыхъ сначала австрійцы, а потомъ германцы дѣлали попытки частнымъ образомъ договориться лично съ Троцкимъ и узнать отъ него, чего онъ, въ концѣ концовъ, хочетъ.

24 января (6-го февраля) ф.-Кюльманъ и гр. Черининъ возвратились въ Брестъ.

Между тѣмъ переговоры съ украинской делегаціей успѣшно для германцевъ продолжались, и делегаты Рады, не взирая на то, что они цѣликомъ зависѣли теперь отъ германской помощи, все же успѣли настоять на принятіи своихъ требованій, тѣмъ болѣе, что таковыя были поддержаны и пріѣхавшимъ въ Брестъ лидеромъ австрійскихъ русиновъ Василько.

Подъ вліяніемъ настойчивыхъ уговоровъ начальника отдѣленія, доктора Граца, гр. Черининъ согласился присутствовать на тайномъ свиданіи съ Троцкимъ.

Присутствовалъ Грацъ.

Гр. Черининъ, указавъ Троцкому на несомнѣнно носящіеся въ воздухѣ признаки близкаго разрыва и возобновленія войны, предложилъ комиссару свое посредничество и просилъ откровенно и точно изложить тѣ условія мира, которыя бы тотъ согласился принять.

Троцкій пустился въ откровенность и заявилъ, что ему, конечно, извѣстно, что на сторонѣ Центральныхъ державъ — безспорный перевѣсъ силы. Онъ готовъ склониться передъ силой и вполнѣ допускаетъ, что Германія можетъ аннектировать оккупированныя области, но пусть это произойдетъ въ грубой формѣ ничѣмъ не прикрытой аннексіи, а не подъ прикрытіемъ принципа самоопредѣленія народовъ. Тогда большевики апеллируютъ къ общественному мнѣнію всего міра и заявятъ, что они вынуждены принять эти условія, будучи слишкомъ слабы, чтобы сопротивляться. Но никогда онъ, Троцкій, не откажется отъ своихъ принциповъ и не признаетъ такое насиліе надъ народами

осуществленіемъ принципа самоопредѣленія націй. По вопросу о Ригѣ и Моонзундскомъ архипелагѣ Троцкій высказалъ упорство, заявивъ, что безъ владѣнія этими территоріями Петроградъ окажется подъ ударомъ Германіи.

О мирѣ съ Украиной подтвердилъ, что сепаратнаго мира большевики признать не могутъ, такъ какъ Украина составляетъ теперь часть россійской федераціи и заключеніе сепаратнаго мира съ возставшей противъ большевиковъ Радой явилось бы вмѣшательствомъ со стороны Центральныхъ имперій во внутреннія дѣла россійской республики.

Свиданіе не кончилось ничѣмъ. Нѣсколько позже, но въ этихъ же числахъ попробовалъ съ глазу на глазъ договориться съ Троцкимъ и ф.Кюльманъ. Произошло это при обстоятельствахъ, достаточно характеризующихъ лихорадочный темпъ развивавшихся въ то время событій.

Въ первыхъ числахъ февраля по новому стилю въ Берлинѣ были перехвачены радіо-телеграммы изъ Царскаго Села, въ которыхъ большевики призывали германскія войска къ бунту, къ убійству императора Вильгельма, генераловъ и офицеровъ и къ самочинному заключенію мира съ революціоннымъ правительствомъ Россіи.

Въ то же самое время къ Вильгельму II явились делегаціи отъ лифляндскаго и эстляндскаго рыцарства и земства (такъ назывались архаическія учрежденія сословнаго земскаго самоуправленія, дѣйствовавшія въ балтійскихъ провинціяхъ и отмѣненныя законодательствомъ революціи) съ просьбой о немедленной и вооруженной помощи противъ краснаго террора.

Тогда Вильгельмъ лично телеграфировалъ ф.-Кюльману съ приказомъ предъявить Троцкому ультиматумъ о заключеніи мира въ 24 часа.

Условіемъ мира было требованіе не только Курляндіи и Литвы, но и отдачи еще не оккупированныхъ частей Лифляндіи и Эстляндіи, безъ всякой ссылки на право самоопредѣленія народовъ.

Между тѣмъ въ засѣданіяхъ подкомиссіи по территоріальнымъ вопросамъ мы, военные эксперты, съ исчерпывающей ясностью высказались за невозможность оставленія въ рукахъ Германіи Моонзундскаго Архипелага, уступка котораго обезцѣнивала стратегическое положеніе Ревеля и отдавала въ руки германцевъ морскіе и сухопутные подступы къ Петрограду. Тогда Троцкій, въ томъ же частномъ порядкѣ, просилъ узнать отъ ф.-Кюльмана: нельзя ли какимъ либо образомъ добиться возвращенія Россіи Риги и острововъ Моонзундскаго Архипелага.

Ф.-Кюльманъ колебался.

Пославъ къ Троцкому посланника ф. Розенберга, германскій ст.-секретарь потребовалъ письменнаго заявленія, что большевики немедленно же заключатъ миръ въ случаѣ возвращенія Россіи Моонзундскаго Архипелага и Риги. Тогда германская делегація, быть можетъ, попытается это устроить.

Вильгельму ф. Кюльманъ телеграфировалъ, что положеніе въ Брестѣ сейчасъ исключаетъ возможность подобнаго рода нажима. Въ телеграммѣ было сказано, что въ случаѣ, если бы его величество настаивалъ на исполненіи приказа, ф.-Кюльманъ проситъ его озаботиться присылкой на его мѣсто другого статсъ-секретаря и главы делегаціи.

Отвѣта онъ, ф.-Кюльманъ, будетъ ждать до 4-хъ часовъ 30 мин. дня и, въ случаѣ неприсылки подтвержденія, ультиматума Троцкому не передастъ.

Отвѣта съ отставкой ф.-Кюльмана къ назначенному сроку изъ Берлина не поступило. Троцкій также отвергъ послѣ нѣкотораго колебанія сдѣланныя ему предложенія.

Между тѣмъ оффиціальные переговоры явно топтались на мѣстѣ.

21 января (3 февраля), 25/7 и 27/9 состоялись въ Брестѣ засѣданія политической комиссіи.

Присутствовали германская, австрійская и совѣтская делегаціи.

Пренія были безпорядочны. Троцкій выдвинулъ вопросъ о приглашеніи въ Брестъ делегатовъ пролетаріата Польши и Литвы.

Въ качествѣ таковыхъ должны были фигурировать привезенные съ собою еще при первомъ пріѣздѣ Троцкаго Радекъ и Бобинскій со стороны Польши, литовскимъ делегатомъ долженъ былъ явиться извѣстный уже намъ комиссаръ по литовскимъ дѣламъ Мицкевичъ-Капускасъ.

Однако, выступленіе Бобинскаго окончилось проваломъ, а Капускасу такъ и не пришлось выступать, и его декларація была просто приложена къ протоколамъ мирной конференціи отъ 28 января/10 февраля.

Въ засѣданіи 21 января (3 февраля) Троцкій сослался на опубликованное въ германской печати письмо ф.-Кюльмана къ польскому министръ-президенту Кухаржевскому, главѣ поставленнаго оккупаціонными германскими властями польскаго кабинета. Въ этомъ письмѣ было указано, что предсѣдатель германской делегаціи беретъ на себя иниціативу приглашенія на мирную конференцію представителей Польши. Однако, допущеніе польской делегаціи пока оставалось невозможнымъ, вслѣдствіе отказа его, Троцкаго, и большевиковъ — еще до появленія на конференціи польскихъ представителей — признать независимость польскаго народа и польскаго государства.

Ссылаясь на это письмо, Троцкій протестовалъ противъ такого рода неправильнаго истолкованія позиціи совѣтской делегаціи и предложилъ допустить на конференцію временное представительство независимой Польши, созданное путемъ свободнаго соглашенія польскихъ политическихъ партій, опирающихся на народныя массы и, въ частности, на рабочій классъ.

Такое полномочное представительство совѣты готовы признать цѣликомъ, безъ всякихъ ограниченій. Равнымъ образомъ большевицкая делегація не возражаетъ и противъ участія въ настоящихъ переговорахъ и польскаго министерства, поскольку польская Рада, созданная согласно желанію Центральныхъ державъ, намѣрена участвовать въ мирныхъ переговорахъ.

Ф.-Кюльманъ въ отвѣтъ, приведя свои сдѣланныя по этому поводу прежнія заявленія, остался на прежней точкѣ зрѣнія:

— Либо представители оккупированныхъ областей будутъ уже предварительно признаны большевиками, какъ представители государственныхъ образованій, достигшихъ полной самостоятельности, и придутъ сюда, какъ выразители воли данныхъ народовъ, и тогда стороны должны сойтись хотя бы на подразумѣваемомъ признаніи возникно-

ненія этихъ государственныхъ единицъ, либо они придутъ сюда, какъ частныя лица, и тогда имъ тутъ дѣлать нечего. Что же касается Финляндіи, то, наоборотъ, германцы могутъ заявить претензію на то, что расположенная тамъ большевицкая армія приняла участіе въ начавшейся гражданской войнѣ по чисто классовому признаку, въ пользу одной изъ борющихся сторонъ — красной финляндской гвардіи.

Произошелъ длинный и запутанный споръ, въ которомъ Троцкій сначала заявилъ о признаніи цѣликомъ и безъ всякихъ ограниченій независимости польскаго народа и польскаго государства, а потомъ взялъ это признаніе обратно подъ тѣмъ предлогомъ, что отношенія въ Польшѣ еще совершенно не опредѣлились:

— Если польское государство есть государство независимое, то у него должны быть географическія границы. Если Польское королевство есть королевство, то у него долженъ быть король. Если же у него нѣтъ ни границъ, ни короля, то это не есть ни государство, ни королевство.

На этомъ и поймалъ его ф.-Кюльманъ, констатировавъ, что здѣсь на лицо неустранимое логическое противорѣчіе:

«У меня создалось впечатлѣніе, что предсѣдатель русской делегаціи безъ всякихъ оговорокъ призналъ самостоятельность Польскаго государства, и я хотѣлъ уже присоединиться къ радости своего австро-венгерскаго коллеги по поводу этого кажущагося успѣха на пути взаимнаго соглашенія. Но потомъ, въ своемъ второмъ заявленіи, г. предыдущій ораторъ указалъ, что Польское государство, за отсутствіемъ границъ и за отсутствіемъ короля, не является ни государствомъ, ни королевствомъ. Непонятно, какъ можно въ полной мѣрѣ признать независимость государства, которое вовсе не является государствомъ. Если и слѣдуетъ признать, что слишкомъ искусственныя юридическія построенія могутъ повредить дипломатическимъ переговорамъ, то, съ другой стороны, я полагаю, можно оказаться между небомъ и землей, если лишить переговоры почвы солиднаго юридическаго построенія».

Гр. Чернинъ съ своей стороны отмѣтилъ абсурдность пріема большевиковъ — признавать самостоятельность того или иного государства, но не признавать, однако, права того или иного правительства представлять это государство:

«Я не могу допустить, чтобы вопросъ о правомочности нынѣшняго польскаго правительства представлять польское государство былъ предоставленъ третейскому рѣшенію русской делегаціи. Въ такомъ случаѣ международные переговоры вообще невозможны, потому что, въ концѣ концовъ, каждый представитель могъ бы выразить сомнѣніе относительно правомочности правительства, съ которымъ онъ ведетъ переговоры, смотря по тому, признаетъ ли онъ за этимъ правительствомъ, въ той или иной степени, право на существованіе и вѣритъ ли онъ въ его долговѣчность».

На этомъ фактически и закончилось засѣданіе политической комиссіи 21 января (3 февраля), послѣ котораго въ занятіяхъ былъ перерывъ до 25 января (7 февраля) 1918 г. въ виду извѣстной уже намъ поѣздки ф.-Кюльмана и гр. Чернина въ Берлинъ.

Работы правовой и экономической комиссій въ это время продолжались.

25 января (7 февраля) засѣданіе политической комиссіи возобновилось въ 11 час. 30 мин. утра.

Оно совпало во времени какъ разъ съ закулиснымъ утреннимъ свиданіемъ между Троцкимъ и гр. Чернинымъ и велось сравнительно въ болѣе примирительномъ духѣ, пока выступленіе Бобинскаго отъ имени польскихъ бѣженцевъ, нашедшихъ пріютъ въ Россіи, и одновременно с.-демократіи Польши и Литвы съ рѣзкими нападками на политику Центральныхъ имперій не выявило опять того основного факта, что Брестскіе переговоры велись большевиками не столько для цѣлей мира, сколько для цѣлей міровой и, въ частности, германской революціи.

Послѣ обмѣна мнѣній по поводу допускаемаго германской печатью искаженія и урѣзыванія содержанія заявленій большевицкой делегаціи и самого Троцкаго о характерѣ заключаемаго въ Брестѣ мира, неожиданно выяснилось, что искаженія и подлоги все-таки произошли при отправкѣ нѣкоторыхъ телеграммъ на пути изъ Петрограда въ Стокгольмъ.

Тогда Троцкій поднялъ вопросъ, на комъ лежитъ вина въ затягиваніи переговоровъ. Протестуя противъ обвиненій германской и австро-венгерской печати, усматривавшей причину этой затяжки въ желаніи Троцкаго выиграть время до наступленія политическаго переворота въ Германіи и Австро-Венгріи, нар. комиссаръ сваливалъ вину на германскую делегацію, которая, во-первыхъ, объявила конкретныя условія мира только въ самый послѣдній моментъ, а затѣмъ, въ лицѣ ст.-секретаря ф.-Кюльмана, настаивала на необходимости предварительнаго, чисто теоретическаго обсужденія ряда вопросовъ, въ томъ числѣ и вопроса объ условіяхъ осуществленія самоопредѣленія оккупированныхъ провинцій. При этомъ произошелъ обмѣнъ колкостями.

Ф.-Кюльманъ и гр. Чернинъ сослались, въ отвѣтъ, на развиваемую большевиками пропаганду и совершенно недвусмысленныя заявленія органовъ офиціальной совѣтской печати о томъ, что не стоитъ спѣшить заключать договоръ съ нынѣшними правительствами Центральныхъ державъ; въ большой степени давшія поводъ къ такого рода осужденію германской печати.

При этомъ главѣ большевицкой делегаціи въ довольно иронической формѣ поставили на видъ отсутствіе въ сов. Россіи свободы печати и безцеремонное зажатіе рта не только оппозиціоннымъ, но и инымъ органамъ прессы.

Троцкій долженъ былъ заявить, что большевики не связываютъ заключенія мира съ ожиданіемъ революціи въ Германіи и Австро-Венгріи. Однако, признавъ этотъ фактъ, Троцкій поспѣшилъ тутъ же указать, что революція все-таки произойдетъ, по мнѣнію большевиковъ, и послѣ заключенія мира:

«Совершенно ложно и въ корнѣ ошибочно утвержденіе, будто мы считаемъ, что до переворота въ Центральныхъ имперіяхъ нельзя заключать мира. Такого рѣшенія у насъ не было, и, именно исходя изъ нашихъ международныхъ революціонныхъ задачъ, мы не вступали на

путь такой политики. Именно заключеніе мира станетъ исходнымъ пунктомъ глубокихъ потрясеній въ государствахъ всего свѣта. Правы мы или нѣтъ, но мы вѣримъ, что широкія народныя массы всѣхъ странъ, возвращаясь изъ окоповъ, очнутся и подведутъ итоги этой войны».

Это заявленіе Троцкаго было принято сравнительно очень сдержанно, а гр. Черинымъ даже съ весьма кислыми сомнѣніями по поводу «честности намѣреній и заявленій» предсѣдателя сов. делегаціи.

Ф.-Кюльманъ указалъ, что предварительной цензуры въ Германіи нѣтъ, а гр. Черининъ заявилъ, что хотя таковая цензура въ Австро-Венгріи и существуетъ, но она можетъ лишь исключить ту или другую газетную статью, а никакъ не заставить газету высказывать или одобрять то или иное сужденіе:

«Я принимаю къ свѣдѣнію заявленіе предсѣдателя русской делегаціи, что онъ не ставитъ заключеніе мира въ непосредственную зависимость отъ предполагаемаго ниспроверженія существующаго строя въ нашей странѣ. Я долженъ, однако, сказать, что нѣкоторые органы, близко стоящіе къ предсѣдателю русской делегаціи, пытались подорвать нашу вѣру въ честность высказаннаго имъ заявленія».

Въ концѣ засѣданія Троцкій настоялъ, чтобы слово предоставлено было привезенному имъ съ собой польскому агитатору Бобинскому, который, вмѣстѣ съ австрійскимъ дезертиромъ Карломъ Радекомъ, «съ честью представлялъ собой» с.-демократію Польши и Литвы.

Бобинскій, однако, выступить оказался не въ состояніи . . . по малограмотности. Онъ просто прочелъ свою «декларацію» по бумажкѣ, заявивъ для чего то, что «подлинный нѣмецкій текстъ будетъ предъявленъ потомъ»

Въ этой декларацін, между прочимъ, указывалось, что

«Въ преніяхъ по вопросу о Польшѣ не прозвучалъ еще голосъ непосредственно заинтересованной страны, а именно — голосъ польскаго народа. Голосъ этотъ подымаемъ теперь мы, польскіе участники общероссійской делегаціи, я и товарищъ Радекъ. До тѣхъ поръ, пока въ настоящихъ мирныхъ переговорахъ не участвуютъ непосредственные представители Польши, мы, какъ выразители двухмилліоннаго польскаго населенія, загнаннаго войной въ Россію, считаемъ необходимымъ выявить здѣсь подлинныя желанія польскихъ трудящихся массъ, ибо только польскіе бѣженцы, благодаря русской революція, имѣютъ возможность свободно высказаться о своихъ нуждахъ и стремленіяхъ. Мы дѣлаемъ это съ тѣмъ большимъ правомъ, что мы являемся одновременно и представителями соціалъ-демократія Польши и Литвы, т. е. того теченія, которое вотъ уже 25 лѣтъ руководитъ рабочимъ движеніемъ Польши и которое, какъ доказалъ съѣздъ рабочихъ организацій въ Варшавѣ 16/29 ноября 1917 года, и теперь имѣетъ за собой большинство рабочихъ.

«Мы заявляемъ, что и въ такъ называемой конгрессовой Польшѣ трудящіяся массы Галиціи, какъ и трудящіяся массы Познани, прусской части Силезіи и сотни тысячъ солдатъ, погибавшихъ въ окопахъ, громко требуютъ:

1) уничтоженія національнаго гнета,
2) устраненія полицейскихъ перегородокъ между тремя частями одной страны и
3) возможности свободно устраивать жизнь собственной страны.

«Но, хотя требованія польскаго населенія Галиціи, Познани и Силезіи въ отношеніи къ Центральнымъ державамъ и согласуются съ нашими стремленіями, мы все же полагаемъ, что окончательная ихъ формулировка принадлежитъ непосредственнымъ представителямъ трудящагося населенія данныхъ областей. Что же касается такъ называемаго царства Польскаго, то требованіе всѣхъ слоевъ населенія страны настолько ясны и согласованы, что не могутъ быть подвергнуты никакому сомнѣнію. Они гласятъ:

1) Немедленный выводъ оккупаціонныхъ войскъ и очищеніе Польши отъ всѣхъ правительственныхъ органовъ, учрежденныхъ оккупаціонными властями, такъ какъ только такія условія дадутъ народу возможность свободнаго волеизъявленія.

2) Что касается волеизъявленія польскаго населенія, то главное требованіе трудящагося народа состоитъ въ томъ, чтобы это волеизъявленіе было обусловлено полной свободой печати, слова, собраній, союзовъ и т. д., безъ какого бы то ни было давленія со стороны болѣе сильныхъ сосѣднихъ державъ.

3) Волеизъявленіе народныхъ массъ Польши можетъ считаться правомочнымъ только послѣ возвращенія бѣженцевъ, изгнанныхъ войной изъ страны, и рабочихъ, насильственно увезенныхъ въ Германію и Россію.

4) Разрушенныя области Польши должны быть возстановлены на средства международнаго фонда, составленнаго путемъ обложенія имущихъ классовъ всѣхъ воюющихъ странъ.

5) Вопросъ о границахъ разрѣшается путемъ голосованія и соглашенія съ сосѣднимъ, заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, населеніемъ.

«Мы, отъ имени польскаго пролетаріата, торжественно заявляемъ, что до сихъ поръ только революціонная Россія стоитъ на стражѣ истинныхъ интересовъ и свободы польскаго народа, и что, не будь Польша оккупирована, — она уже въ настоящее время обладала бы той же свободой, которою пользуются прочіе народы Россіи. Отказъ же Германіи вывести войска изъ Польши и скрывающееся за этимъ отказомъ намѣреніе сдѣлать Польшу орудіемъ завоевательныхъ стремленій Германіи являются скрытой аннексіей и вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Польши. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта политика поддерживаетъ польскіе имущіе классы, въ ущербъ интересамъ польскихъ трудящихся массъ. Царскій гнетъ замѣненъ въ Польшѣ гнетомъ болѣе современнымъ. Польскій рабочій классъ, имѣющій за собою въ прошломъ героическую борьбу съ царизмомъ, никогда на это не согласится.

Представители соціалъ-демократіи Польши и Литвы:
Станиславъ Бобинскій. Карлъ Радекъ»

Отмѣтимъ, что приблизительно такого же содержанія была и декларація Мицкевича-Капускаса, представителя комиссаріата по литовскимъ дѣламъ, приложенная къ протоколамъ мирной конференціи отъ 28 января (10 февраля).

Чтеніе бумажки Бобинскаго произвело на представителей Центральныхъ державъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе.

Ф.-Кюльманъ сразу же ледянымъ тономъ потребовалъ отъ Троцкаго объясненій:

— Я хотѣлъ бы спросить предсѣдателя русской делегаціи, является ли оглашенное заявленіе офиціальнымъ заявленіемъ русской делегаціи?

Троцкій отвѣтилъ неувѣреннымъ тономъ:

— Могу только повторить то, что уже было сказано мною по поводу соотвѣтствующаго заявленія представителей украинскаго центральнаго исполнительнаго комитета.

Ф.-Кюльманъ ледянымъ тономъ продолжаетъ дальше:

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ повторить ваше заявленіе.

Троцкій отвѣтилъ:

— По самой конструкціи нашей делегаціи, мы предоставляемъ слово представителямъ трудящихся массъ соотвѣтствующаго народа. Поскольку въ этихъ заявленіяхъ охарактеризовано общее положеніе, эти представители привлечены нами потому именно, что они болѣе компетентны въ данномъ вопросѣ. Поскольку же эти заявленія непосредственно затрагиваютъ настоящіе мирные переговоры, они не выходятъ изъ рамокъ, установленныхъ русской делегаціей съ самаго начала настоящихъ переговоровъ. Въ этихъ предѣлахъ они должны разсматри-

ваться, какъ офиціальныя заявленія. Въ остальномъ же они являются информаціоннымъ матеріаломъ, облегчающимъ веденіе переговоровъ.

Въ своемъ отвѣтѣ ф.-Кюльманъ даже вышелъ изъ рамокъ своей обычной корректности:

«Я нахожу страннымъ, что въ томъ же засѣданіи, въ которомъ комиссаръ по ин. дѣламъ рѣшительно отклоняетъ упрекъ, что онъ говоритъ не по существу и пользуется настоящимъ засѣданіемъ въ цѣляхъ политической агитаціи, онъ заставляетъ насъ выслушивать столь длинныя заявленія изъ устъ одного изъ членовъ делегаціи, заявленія, отвѣтственность за которыя онъ наполовину слагаетъ съ себя. На меня лично только что прочитанное заявленіе произвело впечатлѣніе политической агитаціи, и я рѣшительно не понимаю, какъ предсѣдатель русской делегаціи можетъ полагать, что подобныя безцѣльныя митинговыя рѣчи могутъ послужить дѣлу нашихъ переговоровъ. Что касается меня, то я самымъ рѣшительнымъ образомъ отказываюсь принимать со стороны русской делегаціи какія-либо заявленія, которыя не будутъ дѣлаться офиціально, отъ имени всей делегаціи. Боюсь, что заявленія, подобныя только что выслушанной рѣчи, подвергаютъ серьезному испытанію терпѣніе предсѣдателей союзническихъ делегацій, и что не только у нѣмецкой печати возникнетъ весьма серьезное сомнѣніе въ дѣйствительномъ намѣреніи русской делегаціи довести мирные переговоры до благополучнаго конца».

Ген. Гофманъ въ рѣзкой формѣ заявилъ протестъ противъ заявленій Бобинскаго и Радека, присвоившихъ себѣ право говорить отъ имени польскихъ солдатъ, входящихъ въ составъ германской арміи.

Троцкій возражалъ, пытаясь доказать, что, если съ германской стороны заходила рѣчь о заявленіяхъ различныхъ, поддерживающихъ германскую точку зрѣнія, группъ населенія оккупированныхъ провинцій, то и большевики имѣли право сослаться на мнѣніе польской социалъ-демократіи. Кромѣ того, украинцы на послѣднемъ пленарномъ засѣданіи рѣчью Любинскаго также очень рѣзко критиковали внутреннее положеніе большевицкой Россіи. Почему ст.-секретарь ф.-Кюльманъ не указалъ тогда на агитаціонный характеръ рѣчи украинца Любинскаго?

Въ концѣ концовъ ф.-Кюльманъ закрылъ засѣданіе. Германскій ст.-секретарь заявилъ, что онъ намѣренъ дать въ слѣдующемъ засѣданіи обзоръ хода работъ конференціи и поэтому, такъ какъ такой обзоръ потребуетъ предварительной работы, назначаетъ слѣдующее засѣданіе не на завтра, а на послѣзавтра.

На самомъ дѣлѣ это была лишь дипломатическая диверсія.

26 января (8 февраля) ночью должно было состояться подписаніе сепаратнаго мира Германіи и Австро-Венгріи съ Украиной.

Брестское интермеццо крупными шагами приближалось къ своему концу.

Подписаніе договора и заключительное засѣданіе австро-германской и украинской делегацій состоялось въ ночь съ 26 января (8 февраля).

Ф.-Кюльманъ открылъ засѣданіе около 2-хъ час. ночи слѣдующими словами:

«Въ этотъ историческій моментъ представители Четверного союза и Украинской нар. республики собрались для подписанія мирнаго договора въ настоящей Міровой войнѣ.

«Мы заключаемъ его съ молодымъ государствомъ, возникшимъ въ теченіе войны, которому мы желаемъ самой лучшей будущности, и надѣемся, что это — начало цѣлаго ряда договоровъ, благотворныхъ для обѣихъ сторонъ».

Предсѣдатель украинской делегаціи отвѣчалъ:

«Мы привѣтствуемъ заключеніе мира между Украиной и Центральными державами. Мы прибыли сюда съ надеждой на всеобщій миръ, но политическое положеніе сложилось такъ, что здѣсь не оказалось представителей отъ всѣхъ державъ, которые должны его подписать. Мы заключаемъ выгодный миръ для обѣихъ сторонъ. Съ сегодняшняго дня Укр. нар. республика начинаетъ жить, какъ самостоятельное государство, и будетъ стремиться къ развитію всѣхъ своихъ силъ».

Въ 1 час. 59 мин. 27 января (9 февраля) 1918 года ф.-Кюльманъ первымъ подписалъ мирный договоръ отъ имени Германіи. Въ 2 час. 20 мин. было закончено подписаніе договора всѣми присутствовавшими делегатами Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи, Турціи и Украины.

Сепаратный миръ Центральныхъ имперій съ Украиной не былъ полностью опубликованъ. Вѣроятно, это было сдѣлано изъ чисто военныхъ соображеній. Не приведенъ онъ и въ книгахъ ген. Людендорфа, Штегемана и ген. Гофмана, посвященныхъ исторіи войны и, въ частности, войны на Востокѣ.

На страницахъ нѣмецкихъ и русскихъ газетъ появилась часть этого договора — дополнительный трактатъ, о возстановленіи и регулированіи консульскихъ сношеній, о возстановленіи силы дѣйствія договоровъ, нарушенныхъ войной, о возстановленіи нарушенныхъ исключительными военными законами правъ подданныхъ воюющихъ сторонъ, о возмѣщеніи убытковъ, обмѣнѣ военноплѣнными и интернированными гражданскаго состоянія, о возвращеніи торговыхъ судовъ и т. д. Всего въ этомъ дополнительномъ трактатѣ было 9 главъ, и въ него въ большей своей части вошли тѣ экономическія и правовыя соглашенія, которыя намѣчены были германцами еще въ совѣщаніяхъ середины декабря мѣсяца съ большевицкой делегаціей подъ предсѣдательствомъ Іоффе

Текстъ основного договора сохранился въ тайнѣ. Стали извѣстными лишь нѣкоторыя его основныя постановленія.

Такъ, статьею 2-б. возстановлялась прежняя государственная граница между Австро-Венгріей и Россіей, преемницей правъ которой въ южной части бывшаго русскаго фронта становилась Украинская народная республика.

Граница эта доходила до Тарнограда и оттуда шла къ Брестъ-Литовску, включая Холмщину. Равнымъ образомъ, къ трактату былъ приложенъ торговый договоръ, согласно которому Австро-Венгерская монархія и Германія получали право вывезти изъ Украины до 31 іюля

16*

1918 г весь избытокъ зерна. Для приведенія въ извѣстность всѣхъ запасовъ украинскаго продовольствія назначалась особая германская комиссія. Эта же комиссія получала право опредѣлить, въ какомъ размѣрѣ понадобится Украинѣ союзная германская и австрійская помощь, которая будетъ состоять въ. доставкѣ какъ техническихъ, такъ и военныхъ средствъ.

Въ качествѣ мотива для оказанія военной помощи была приведена необходимость организовать защнту пристаней и узловыхъ пунктовъ желѣзныхъ дорогъ отъ грабительскихъ шаекъ н нападенія большевиковъ.

Поучнтельиа судьба заключившей договоръ кіевской Рады.

Немедленно по возвращенін своемъ въ Кіевъ делегаты Рады, только что заключившіе миръ съ Центральными державами, были арестованы большевикамн н заключеиы въ Лукояновскую тюрьму.

Центральная Рада, бѣжавшая въ Житоміръ, издала пятый универсалъ, въ которомъ объявила о предстоящемъ иаступленін соединенныхъ германо-австро-венгерской и украиискои армій для изгнанія большевиковъ изъ Украины.

А еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя, понявъ невозможность дѣловымъ порядкомъ вести сношенія съ соціалистами-самостійниками Рады, германское командованіе подготовило переворотъ. Гетманъ Скоропадскій разогналъ Раду и возстановнлъ преобладаніе имущихъ и буржуазныхъ классовъ на Украинѣ.

Кайзеръ 29 января (11 февраля) телеграфнровалъ нмперскому канцлеру графу Гертлингу:

— Извѣстіе о заключенін мира съ Укранной я встрѣтнлъ съ чувствомъ велнчайшей благодарности къ Богу, Который въ эти тяжелые дни явно простеръ надъ Германіей свою спасающую десницу. Отъ всего сердца поздравляю Ваше Превосходительство съ этимъ выдающимся успѣхомъ Вашей политики и надѣюсь, что только что подписанный договоръ положитъ твердое основаніе дружескимъ отношеніямъ между державами Четверного союза и новымъ укранискнмъ государствомъ.

«Впервые послѣ столькихъ лѣтъ напряженнѣйшей борьбы съ цѣлымъ міромъ враговъ, побѣдой нашихъ несравнимыхъ армій разорвано давящее насъ желѣзное кольцо, и миръ изъ области словъ перешелъ въ область дѣйствительности. Въ первый разъ на горнзонтѣ въ осязательной формѣ вырисовывается конецъ гигантской борьбы. Въ единеніи со своими вѣрными союзнками германскій народъ, исполненный несокрушимымъ духомъ и въ сознанін непреодолимой силы, которую нрндаетъ ему чувство его спокойной совѣсти, рѣшимости и вѣры въ свое будущее, исполнитъ и другія задачн, которыя поставитъ ему эта тяжкая война. Вильгельмъ, I. R.»

Австрійскій нмператоръ, уже извѣрившійся въ возможность выхода нзъ своего тяжкаго положенія, прислалъ гр. Чернину исключнтельно мнлостивую телеграмму:

— Глубоко взволнованный и обрадованный извѣстіемъ о заключеніи мнра съ Украиной, я выражаю Вамъ, дорогой графъ Чернинъ,

отъ всего сердца благодарность за Вашу блестящую и правильно оріентированную работу. Цѣною усилій Вы дали мнѣ сегодня прекраснѣйшій день моего, до сихъ поръ столь отягощеннаго заботами, царствованія, и я молю Всемогущаго Бога, чтобы Онъ и далѣе поддерживалъ Васъ на трудномъ пути на благо имперіи и ея народу. Императорскій поѣздъ 9 февраля 1918 года. Карлъ».

ГЛАВА XVI.

Агонія.

Вечеръ послѣ пріятно проведенной ночи. — Да, покончено! — Пожалуйте въ территоріальную подкомиссію.

27 января (9 февраля) состоялось послѣднее передъ разрывомъ засѣданіе политической комиссіи.

Ф.-Кюльманъ и гр. Черининъ, назначившіе открытіе засѣданія на 5 час. 13 мин. вечера, чтобы успѣть отдохнуть послѣ подписанія мира съ украинской Радой, пришли въ удовлетворенномъ и повышенномъ настроеніи, какое только могъ дать подписанный и находящійся уже въ карманѣ договоръ.

Предсѣдательствовалъ ф.-Кюльманъ, открывшій засѣданіе заявленіемъ о необходимости подвести нѣкоторый итогъ работамъ мирной конференціи. Указавъ на затяжной характеръ преній, дважды прерывавшихся большевиками и не давшихъ большого сближенія противоположныхъ точекъ зрѣнія, статсъ-секретарь подчеркнулъ, что нельзя безконечно затягивать мирные переговоры, не обѣщающіе успѣшнаго исхода. Если обѣ стороны останутся при своихъ основныхъ взглядахъ, то продолженіе дальнѣйшихъ преній безнадежно. Необходимо обсудить занимающіе вопросы на болѣе широкихъ началахъ. Однако, складывающіяся обстоятельства вынуждаютъ Центральныя державы принять какъ можно скорѣе опредѣленное рѣшеніе.

Необходимо выясненіе окончательныхъ точекъ зрѣнія въ области основныхъ политическихъ вопросовъ, т. е. вопросовъ объ оккупированныхъ областяхъ, объ очищеніи занятыхъ россійскими войсками турецкихъ и отчасти австрійскихъ территорій и затѣмъ разрѣшеніе вопроса о положеніи Аландскихъ острововъ на началахъ возвращенія къ status quo ante bellum.

При соглашеніи въ области этихъ политическихъ вопросовъ остальные, и въ томъ числѣ правовые и экономическіе вопросы, разработанные при томъ спеціальными комиссіями, не представили бы никакихъ затрудненій для немедленнаго же подписанія мирнаго договора.

Троцкій отвѣтилъ, что съ своей стороны большевики ничего не имѣютъ противъ подведенія итога всѣмъ предшествующимъ работамъ. Исходной точкой переговоровъ явилась декларація Іоффе отъ 9/22 декабря, поставившая переговоры на почву принципа самоопредѣленія народовъ.

Этотъ принципъ былъ принятъ въ отвѣтной деклараціи Четверного союза отъ 12/25 декабря. Въ дальнѣйшемъ же переговоры приняли затяжной и безплодный характеръ именно потому, что противная сторона путемъ сложныхъ логическихъ операцій стремилась вывести изъ принципа самоопредѣленія тѣ заключенія, которыя стояли въ соотвѣтствіи съ фактическимъ положеніемъ обѣихъ воюющихъ сторонъ и съ военною картою.

Теперь, послѣ отказа германской и австро-венгерской делегацій принять на себя какія-либо обязательства относительно вывода войскъ изъ оккупированныхъ областей, не считая той незначительной полосы, которую предполагается возвратить Россіи, и въ особенности послѣ предъявленія ген. Гофманомъ пограничной линіи, линіи которая отдѣлитъ отъ Россіи уже не самоопредѣляющіеся окраинные народы, а территоріи Германіи и Австро-Венгріи, такъ какъ эти территоріи останутся на неопредѣленное время оккупированными германо-австрійскими войсками, теперь вопросъ объ этой новой границѣ выступаетъ въ совершенно иномъ свѣтѣ.

Отдѣленіе отъ Россіи не только Польши и Литвы, но и Латышскаго края и Эстляндіи, если бы такой оказалась воля населенія этихъ областей, не представляло бы никакой опасности для россійской республики. Но теперь, когда практически новая граница должна разсматриваться, не какъ граница съ Польшей, Литвой, Курляндіей и проч., а какъ граница съ Германіей и Австро-Венгріей, ведущими политику военныхъ пріобрѣтеній, возникаетъ новый вопросъ: какую судьбу готовятъ республиканской Россіи, т. е. самостоятельности и независимости ея народовъ, правительства Германіи и Австро-Венгріи той новой границей, которую они хотятъ провести.

На этомъ основаніи и въ цѣляхъ выяснить, какими стратегическими замыслами продиктована новая граница съ точки зрѣнія руководящихъ военныхъ учрежденій россійской республики, Троцкій просилъ предоставить слово военнымъ консультантамъ русской делегаціи.

Затѣмъ онъ перешелъ къ центральному вопросу о договорѣ съ кіевской Радой. Приведя фактическую сторону происходившихъ до сихъ поръ переговоровъ и указавъ, что уже послѣ признанія Центральными державами независимости Украины, признанія, послѣдовавшаго въ тотъ самый моментъ, когда Украина вошла въ составъ Россійской федераціи, кіевская Рада пала подъ натискомъ украинскихъ совѣтовъ. Троцкій потребовалъ, чтобы противная сторона предъявила русской делегаціи и пограничную линію, которая должна пройти къ югу отъ Брестъ-Литовска.

Ф.-Кюльманъ, какъ и подобаетъ тріумфатору, уже держащему въ своемъ карманѣ мирный договоръ, подписанный на цѣлую половину бывшаго русскаго фронта, отвѣтилъ очень кратко. Онъ заявилъ, что вопросъ о границѣ всего удобнѣе было бы передать маленькой подкомиссіи, въ составѣ одного дипломатическаго представителя и одного спеціалиста по военному и морскому дѣлу съ каждой стороны. Туда съ германской стороны будетъ назначенъ одинъ изъ дипломатическихъ сотрудниковъ делегаціи. Эта комиссія должна быть избрана уже на

данномъ засѣданіи и должна представить отчетъ о результатахъ своихъ работъ ближайшему же засѣданію политической комиссіи.

По вопросу же о намѣреніяхъ, которыми руководствовались Центральныя державы при проведеніи границы по отношенію къ Россіи, ст.-секретарь заявилъ, что направляющимъ мѣриломъ явилась попытка найти для Польши, Курляндіи и Литвы границы, которыя наиболѣе соотвѣтствовали бы историческимъ и этнографическимъ даннымъ. Затѣмъ, кромѣ національнаго вопроса, въ основѣ рѣшеній Центральныхъ державъ по отношенію къ проведенію границы лежало намѣреніе поддерживать дружественныя и добрососѣдскія отношенія съ Россіей, какъ прежней, такъ и съ новой, не вмѣшиваясь при томъ въ ея внутреннія дѣла. Доказательство отсутствія у Германіи агрессивныхъ намѣреній дастъ докладъ подкомиссіи по территоріальнымъ вопросамъ.

Затѣмъ германскій ст.-секретарь очень коротко, сухо и властно указалъ, что имѣющіяся у Центральныхъ державъ вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія совершенно устраняютъ возможность принять ту информацію о внутреннемъ положеніи на Украинѣ, которую развилъ здѣсь предсѣдатель большевицкой делегаціи. Этотъ вопросъ вообще поконченъ, и обсужденіе его здѣсь съ большевиками, послѣ подписаннаго уже съ Украиной мирнаго договора, было бы безцѣльнымъ:

«Въ вопросѣ, какія государства мы считаемъ нужнымъ признавать или не признавать, мы сами должны считаться лучшими судьями. Линія поведенія Центральныхъ державъ въ этомъ вопросѣ явствуетъ изъ публично сдѣланныхъ здѣсь заявленій. Центральныя державы дѣйствительно заключили съ представителями признанной ими Укр. нар. республики мирный договоръ, помѣченный сегодняшнимъ числомъ. Послѣдствія этого для Центральныхъ державъ ясны сами собою. Что касается обсужденія государственно-правового положенія Украины и вопроса, кто именно является правомочнымъ представителемъ послѣдней, то, я полагаю, при создавшемся положеніи, это обсужденіе не дастъ практическаго результата».

Въ заключеніе ф.-Кюльманъ подчеркнулъ, что, по вопросу о будущей судьбѣ народовъ отходящихъ отъ Россіи областей, представителями Центральныхъ державъ и ихъ государственными дѣятелями сдѣланы уже здѣсь и въ парламентскихъ учрежденіяхъ заявленія о согласіи расширить представительные органы окраинныхъ народовъ въ будущемъ, въ цѣляхъ сдѣлать таковые фактическими носителями народной воли. Въ концѣ концовъ Германія и Австро-Венгрія согласны установить здѣсь же срокъ и форму волеизъявленія населенія оккупированныхъ областей, волеизъявленія, которое будетъ осуществлено въ согласіи съ будущими представительными органами этихъ народовъ.

Тѣ же соображенія, въ общемъ, развилъ и гр. Чернинъ.

Троцкій въ своей репликѣ заявилъ, что если даже и условно принять точку зрѣнія гр. Чернина, что вопросъ объ отношеніи Украины и петроградскаго правительства есть вопросъ чисто русскихъ внутреннихъ отношеній, то и тогда Германіи и Австро-Венгріи, возможно, очень скоро придется считаться съ распространеніемъ власти совѣта нар.

комиссаровъ и на Украину, гдѣ Рада не располагаетъ болѣе ни однимъ квадратнымъ футомъ территоріи:

«Черезъ недѣлю или черезъ двѣ противной сторонѣ, возможно, придется признать, что власть совѣта нар. комиссаровъ распространяется и на ту территорію, отъ имени которой говоритъ правительство, единственной территоріей котораго является Брестъ-Литовскъ. Съ этой точки зрѣнія для насъ, разумѣется, не безразлична граница, которая проводится между украинской частью россійской федеративной республики и австро-венгерской монархіей. Вотъ почему намъ необходимо получить представленіе о границахъ въ полномъ ихъ объемѣ».

Ф.-Кюльманъ и гр. Чернинъ не нашли препятствій къ удовлетворенію любопытства Троцкаго относительно границы, принятой въ мирномъ договорѣ съ Украиной, заявивъ, что они готовы оказать содѣйствіе, чтобы соотвѣтствующее сообщеніе было сдѣлано въ подкомиссіи по территоріальнымъ вопросамъ.

Затѣмъ ф.-Кюльманъ, настойчивость котораго возросла послѣ удачнаго заключенія мира съ Украиной, рѣшилъ взять быка за рога и прямо предложить Троцкому новую формулировку пункта 2-го мирнаго договора, съ устраненіемъ изъ нея вопроса о самоопредѣленіи оккупированныхъ областей, ограничившись голымъ констатированіемъ отчлененія ихъ отъ Россіи:

«Россія принимаетъ къ свѣдѣнію слѣдующія территоріальныя измѣненія, вступающія въ силу вмѣстѣ съ ратификаціей этого мирнаго договора: области между границами Германіи и Австро-Венгріи и линіей, которая проходитъ... (оставлено пустое мѣсто, которое должно быть заполнено послѣ принятія пограничной линіи въ подкомиссіи по территоріальнымъ вопросамъ), впредь не будутъ подлежать территоріальному верховенству Россіи. Изъ факта ихъ принадлежности къ бывшей россійской имперіи для нихъ не будутъ вытекать никакія обязательства по отношенію къ Россіи. Будущая судьба этихъ областей будетъ рѣшаться въ согласіи съ данными народами, а именно на основаніи тѣхъ соглашеній, которыя заключатъ съ ними Германія и Австро-Венгрія».

Кромѣ этого пункта, ф.-Кюльманъ заявилъ еще ультимативное требованіе объ очищеніи областей союзниковъ Германіи и, въ частности, турецкихъ, занятыхъ войсками петроградскаго правительства, а также, чтобы по мирному договору Германіи вернули всѣ права въ отношеніи Аландскихъ острововъ, которыя она имѣла до момента возникновенія войны.

Ф.-Кюльманъ выразилъ пожеланіе о нейтрализаціи этихъ острововъ при участіи народовъ, населяющихъ побережье Балтійскаго моря, и, въ частности, при участіи Швеціи.

Троцкій заявилъ, что турецкія области будутъ очищены большевицкими войсками въ соотвѣтствіи съ общими принципами совѣтской политики самоопредѣленія націй, а никакъ не въ обмѣнъ за очищеніе той или иной части россійской территоріи. По вопросу объ Аландскихъ островахъ Троцкій, очевидно, получивъ информацію отъ своихъ экспертовъ, только теперь сослался на тайное соглашеніе между Германіей и Россіей, заключенное въ 1907 году, объ отсутствіи со стороны Гер-

манія препятствій къ укрѣпленію Россіей Аландскихъ острововъ, не считаясь съ постановленіями Парижскаго мира.

Въ концѣ концовъ было рѣшено, что будетъ немедленно же выдѣлена подкомиссія для разбора вопроса о границахъ, которая будетъ работать все утро слѣдующаго дня 28 января (10 февраля).

Вечеромъ соберется засѣданіе политической комиссіи для обсужденія результатовъ работъ, достигнутыхъ подкомиссіей по территоріальнымъ вопросамъ. Въ эту комиссію съ германской стороны тутъ же были назначены: ф.-Розенбергъ, ген. Гофманъ и одинъ представитель флота. Съ австрійской: начальникъ отдѣленія докторъ Грацъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ ф.-Чичеричъ и капит. 2-го ранга Вульфъ. Троцкій обязался не позже вечера увѣдомить о составѣ подкомиссіи съ русской стороны.

Въ нее оказались назначенными: членъ делегаціи проф. Покровскій, адм. Альтфатеръ и ген. штаба капитанъ Липскій.

Первая встрѣча членовъ подкомиссіи состоялась въ 9 час. утра 28 января (10 февраля). Предсѣдательствовалъ докторъ Грацъ. Послѣ долгихъ и упорныхъ пререканій между противниками предсѣдатель заявилъ, что потерянное время и отсутствіе результатовъ обсужденія достаточно говоритъ, что соглашеніе не достигнуто.

Безрезультатный споръ опять-таки переносится въ засѣданіе политической комиссіи, открывшееся въ 5 час. 58 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ ф.-Кюльмана.

Это было послѣднее засѣданіе съ участіемъ Троцкаго. И на немъ то и произошелъ давно назрѣвавшій разрывъ.

ГЛАВА XVII.

Coup de théatre Троцкаго.

Къ развязкѣ. — Торжественное засѣданіе и мелочи красной практики. — Подкомиссія покончила работу. — Троцкій въ амплуа тореадора. — «Ни войны, ни мира». — Сцена изъ «Ревизора». — Но это обозначаетъ войну. — Поклонъ спиною. — Отъѣздъ Троцкаго. — Всѣмъ! Всѣмъ! Всѣмъ!

Послѣднее засѣданіе политической комиссіи 28 января (10 февраля) носило торжественный характеръ.

Нѣмцы были подготовлены къ тому, что большевики не подпишутъ мирнаго договора. Но, повидимому, никто изъ нихъ не отдавалъ себѣ отчета, что же все-таки произойдетъ?

Засѣданіе началось мелочами.

Ф.-Кюльманъ возражалъ противъ пріобщенія къ дѣламъ конференціи уже извѣстныхъ намъ матеріаловъ по національному вопросу: деклараціи Мицкевича-Капускаса, заявленія Бобинскаго и Радека и др.

Ген. Гофманъ заявилъ протестъ противъ увеличенія численности большевицкихъ войскъ на территоріи Финляндіи, что противорѣчило заключенному договору о перемиріи.

Ф.-Кюльманъ въ довольно настойчивомъ тонѣ потребовалъ объясненій по поводу опубликованнаго главковерхомъ Крыленко приказа, съ цѣлью распространенія его среди германскихъ войскъ, приказа, въ которомъ русскимъ войскамъ вмѣияется въ обязаиность агитировать среди германскихъ солдатъ, подстрекая ихъ къ убійству германскихъ же геиераловъ и офицеровъ.

Троцкій залвилъ, что ему о такомъ приказѣ ничего неизвѣстно. А вотъ нѣмецкія газеты, издаваемыя иа русскомъ языкѣ соотвѣтствующими германскими учрежденіями, съ цѣлью распространеяія ихъ среди русскихъ военноплѣнныхъ и на русскомъ фронтѣ, пытаются ниспровергнуть совѣтскую власть, распространяя ложныя свѣдѣнія объ арестѣ большевицкаго верховнаго главнокомандующаго прапорщика Крыленко и относительяо того, что большинство городовъ Россін возстало противъ совѣтовъ.

Ф.-Кюльманъ пожимаетъ плечами и предлагаетъ перейтн къ порлдку дня:

— Я предлагаю делегаціямъ союзныхъ державъ, въ виду серьезности сегодняшпяго засѣданія, отказаться отъ какихъ бы то ни было полемическихъ пріемовъ и строго ограничиться обсужденіемъ вопросовъ, дающихъ иамъ возможность придти къ опредѣлеинымъ практическимъ результатамъ.

Затѣмъ, возвращаясь къ намѣчепному ранѣе плану работы, германскій ст.-секретарь напоминаетъ, что на предыдущемъ засѣданіи было рѣшено заслушать отчетъ подкомиссіи, созданной по дѣлу о граннцѣ:

«Если г. предсѣдатель русской делегацін иичего не имѣетъ противъ, я попросилъ бы предсѣдателя подкомиссіи по территоріальяымъ вопросамъ дать отчетъ о работахъ подкомиссіи.

Докторъ Грацъ докладываетъ:

— Не придя ии къ какому соглашенію относнтельно спорнаго вопроса о грапицахъ, подкомяссія сегодня закоячила свою работу.

Ф.-Кюльманъ говоритъ тогда, обращаясь къ Троцкому:

— Подкомиссія была образована вчера по обоюдному соглашенію. Делегированные иами эксперты должны были разсмотрѣть вопросы, прежде всего, съ ихъ технической стороны. Насколько я понимаю, мы не уполномачивали подкомиссію представить намъ своя окончательныя заключенія по затронутымъ вопросамъ. Поэтому я хотѣлъ бы спросять г. предсѣдателя русской делегація, не сообщитъ ли онъ намъ свои соображеиія, которыя помогли бы придти къ удовлетворительиому рѣшенію вопроса.

Троцкій встаетъ, нервно подергивая свою мефнстофельскую бородку.

Глаза горятъ злымъ и удовлетвореннымъ блескомъ. Горбатый носъ и выступающій впередъ острый подбородокъ сливаются въ одно обращенное къ противной сторонѣ оскаленное остріе.

Троцкій читаетъ звонкнмъ, металлическимъ голосомъ, отчеканнвая каждое слово:

«Задачей подкомнссіи, какъ мы ее понимаемъ, являлось отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ предложенная протнвиой стороной граница

способба, хотя бы въ минимальной степени, обезпечить русскому народу право на самоопредѣленіе.

«Мы выслушали сообщенія нашихъ представителей, вошедшихъ въ составъ подкомиссіи по территоріальнымъ вопросамъ, и мы полагаемъ, что послѣ продолжительныхъ преній и всесторонняго разсмотрѣнія вопроса наступилъ часъ рѣшенія. Народы ждутъ съ нетерпѣніемъ результатовъ мирныхъ переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ. Народы спрашиваютъ, когда кончится это безпримѣрное самоистребленіе человѣчества, вызванное своекорыстіемъ и властолюбіемъ правящихъ классовъ всѣхъ странъ. Если когда-либо война и велась въ цѣляхъ самообороны, то она давно перестала быть таковой для обоихъ лагерей. Если Великобританія завладѣваетъ африканскими колоніями, Багдадомъ и Іерусалимомъ, то это не есть еще оборонительная война. Если Германія оккупируетъ Сербію, Бельгію, Польшу, Литву и Румынію и захватываетъ Моонзундскіе острова, то это также не оборонительная война. Это—борьба за раздѣлъ міра. Теперь это ясно, яснѣе, чѣмъ когда-либо.

«Мы болѣе не желаемъ принимать участіе въ этой чисто имперіалистической войнѣ, гдѣ притязанія имущихъ классовъ оплачиваются явно человѣческой кровью. Мы съ одинаковой непримиримостью относимся къ имперіализму обоихъ лагерей, и мы больше не согласны проливать кровь нашихъ солдатъ въ защиту интересовъ одного лагеря имперіалистовъ противъ другого.

«Въ ожиданіи того, мы надѣемся, близкаго часа, когда угнетенные трудящіеся классы всѣхъ странъ возьмутъ въ свои руки власть, подобно трудящемуся народу Россіи, мы выводимъ нашу армію и народы наши изъ войны. Нашъ солдатъ-пахарь долженъ вернуться къ своей пашнѣ, чтобы уже нынѣшней весной мирно обрабатывать землю, которую революція изъ рукъ помѣщика передала въ руки крестьянина. Нашъ солдатъ-рабочій долженъ вернуться въ мастерскую, чтобы производить тамъ не орудія разрушенія, а орудія созиданія и совмѣстно съ пахаремъ строить новое соціалистическое хозяйство. Мы выходимъ изъ войны. Мы извѣщаемъ объ этомъ всѣ народы и ихъ правительства. Мы отдаемъ приказъ о полной демобилизаціи нашихъ армій, противостоящихъ нынѣ войскамъ Германіи, Австро-Венгріи, Турціи и Болгаріи. Мы ждемъ и твердо вѣримъ, что другіе народы скоро послѣдуютъ нашему примѣру.

«Въ то же время мы заявляемъ, что условія, изложенныя намъ правительствами Германіи и Австро-Венгріи, въ корнѣ противорѣчатъ интересамъ всѣхъ народовъ. Эти условія отвергаются трудящимися массами всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и народами Австро-Венгріи и Германіи. Народы Польши, Украины, Литвы, Курляндіи и Эстляндіи считаютъ эти условія насиліемъ надъ своей волей. Для русскаго же народа эти условія означаютъ постоянную угрозу. Народныя массы всего міра, руководимыя политическимъ сознаніемъ или нравственнымъ инстинктомъ, отвергаютъ эти условія въ ожиданіи того дня, когда трудящіеся классы всѣхъ странъ установятъ свои собственныя нормы мирнаго сожительства и дружескаго сотрудничества народовъ.

«Мы отказываемся санкціонировать тѣ условія, которыя германскій и австро-венгерскій имперіализмъ пишетъ мечомъ на тѣлѣ живыхъ

народовъ. Мы не можемъ поставить подписи русской революціи подъ условіями, которыя несутъ съ собой гнетъ, горе и несчастье милліонамъ человѣческихъ существъ

«Правительства Германіи и Австро-Венгріи хотятъ владѣть землями и народами по праву военнаго захвата. Пусть они свое дѣло творятъ открыто. Мы не можемъ освящать насилія. Мы выходимъ изъ войны, но мы вынуждены отказаться отъ подписанія мирнаго договора.

«Въ связи съ этимъ заявленіемъ, я передаю объединеннымъ союзническимъ делегаціямъ слѣдующее письменное и подписанное заявленіе:

«Именемъ совѣта нар. комиссаровъ правительство росс. федеративной республики настоящимъ доводитъ до свѣдѣнія правительствъ и народовъ, воюющихъ съ нами союзныхъ и нейтральныхъ странъ, что, отказываясь отъ подписанія аннексіонистскаго договора, Россія съ своей стороны объявляетъ состояніе войны съ Германіей, Австро-Венгріей, Турціей и Болгаріей прекращеннымъ. Россійскимъ войскамъ одновременно отдается приказъ о полной демобилизаціи по всему фронту.

Л. Троцкій, А. Іоффе, М. Покровскій, А. Биценко, В. Карелинъ».

Троцкій кончилъ.

Впечатлѣніе — взорвавшейся бомбы. Декларація грянула, какъ громъ изъ яснаго неба. Ничего подобнаго нѣмцы не ждали. Безмолвно сидѣло все собраніе, выслушавъ эти странныя и столь дико звучащія слова. Изумленіе было всеобщее. Ф.-Кюльманъ, пораженный, сумѣлъ, однако, быстро овладѣть собой и обратился къ Троцкому съ просьбой дать возможность делегаціямъ Четверного союза обсудить только что выслушанное заявленіе:

«Анализируя создавшееся положеніе, я прихожу къ выводу, что Германія и Австро-Венгрія и ихъ союзники находятся въ настоящій моментъ въ состояніи войны съ Россіей.

«На основаніи договора о перемиріи, военныя дѣйствія, несмотря на продолжающееся состояніе войны, пока прекращены. При аннулированіи же этого договора военныя дѣйствія автоматически возобновятся. То обстоятельство, что одна изъ сторонъ демобилизуетъ свои арміи, ни съ фактической, ни съ правовой стороны, ничего не мѣняетъ въ данномъ положеніи. Самымъ характернымъ признакомъ состоянія мира является существованіе международныхъ сношеній государствъ, а также правовыхъ и торговыхъ сношеній. Прошу г. предсѣдателя русской делегаціи высказаться по вопросу о томъ: во-первыхъ, намѣрено ли россійское правительство заявить о прекращеніи состоянія войны между обѣими сторонами; во-вторыхъ, гдѣ именно въ точности проходитъ внѣшняя граница россійскаго государства? Отвѣтъ на эти вопросы является необходимымъ условіемъ возобновленія консульскихъ, экономическихъ и правовыхъ сношеній. И, наконецъ, согласно-ли правительство народныхъ комиссаровъ возобновить торговыя и правовыя сношенія въ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ прекращенію состоянія войны и наступленію состоянія мира».

Троцкій подтвердилъ, что состояніе войны со стороны россійскаго правительства объявляется прекращеннымъ и, во исполненіе этого рѣшенія, имъ отданъ приказъ о полной демобилизаціи арміи на всѣхъ внѣшнихъ фронтахъ:

«Что касается практическихъ затрудненій, вытекающихъ изъ создавшагося положенія, то я не могу предложить никакой юридической формулы для ихъ разрѣшенія. Невозможно подыскать формулу, опредѣляющую взаимоотношенія россійскаго правительства и Центральныхъ державъ».

Ф. Кюльманъ просилъ назначить на завтра пленарное засѣданіе, на которомъ союзническія делегаціи могли бы высказать свою точку зрѣнія относительно создавшагося положенія.

Троцкій отвѣчаетъ еще разъ:

— Что касается насъ, то мы исчерпали всѣ полномочія, какія мы имѣемъ и какія до сихъ поръ могли получить изъ Петрограда. Мы считаемъ необходимымъ вернуться въ Петроградъ, гдѣ мы и обсудимъ, совмѣстно съ правительствомъ росс. федеративной республики, всѣ сдѣланныя намъ союзническими делегаціями сообщенія и дадимъ на нихъ соотвѣтствующій отвѣтъ.

Послѣ этого заявленія всѣ члены большевицкой делегаціи встали изъ-за стола и, не попрощавшись, вышли изъ зала засѣданія.

Ф.-Кюльманъ успѣлъ еще спросить Троцкаго, какимъ образомъ въ дальнѣйшемъ могла бы снестись нѣмецкая делегація съ совѣтской.

Троцкій уже на ходу отвѣтилъ, что до открытія мирныхъ переговоровъ сношенія велись по радіо. Кромѣ того, въ Петроградѣ въ данное время находится делегація Четверного союза, имѣющая возможность сноситься со своими правительствами. Въ настоящее время онъ, Троцкій, связанъ здѣсь, въ Брестѣ, прямымъ проводомъ съ Петроградомъ. Однимъ изъ этихъ способовъ можно сговориться о формѣ дальнѣйшихъ сношеній.

Взволнованный и потрясенный ф.-Кюльманъ закрылъ засѣданіе въ 6 час. 50 мин., оставивъ за собой право на свободу дѣйствій.

Отъѣздъ русской делегаціи состоялся той же ночью.

Около часу ночи большая часть участниковъ переговоровъ, кромѣ Іоффе и еще нѣсколькихъ лицъ, оставшихся въ Брестѣ для окончанія различныхъ мелкихъ текущихъ дѣлъ, прибыла на вокзалъ.

На перронѣ никого, кромѣ коменданта штабъ-квартиры, симпатичнаго маіора ф.-Камеке, въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ, съ обычной любезностью явившагося провожать уѣзжающихъ.

Съ нами, военными экспертами, онъ былъ всегда болѣе непринужденнымъ. Мнѣ маіоръ сказалъ на прощаніе:

— Ну что же теперь будетъ? Неужели мы теперь будемъ съ вами опять воевать?

Я въ отвѣтъ пожалъ плечами. Экстренный поѣздъ двинулся обратно по тому же пути, которымъ мы ѣхали сюда около мѣсяца назадъ.

Большевики держались увѣренно, весело обмѣнивались впечатлѣніями по поводу того, какъ они подкузьмили имперіалистовъ. Покровскій разсказывалъ, будто онъ лично слышалъ, какъ кто-то, чуть ли не ген. Гофманъ, послѣ рѣчи Троцкаго сказалъ вполголоса:

— Unerhört!

По возвращеніи въ Петроградъ, немедленно, по распоряженію Троцкаго, большевицкій главковерхъ, прапорщикъ Крыленко, обратился ко «Всѣмъ! Всѣмъ! Всѣмъ!» съ знаменитымъ приказомъ о демобилизаціи.

У красныхъ и у бѣлыхъ

Ю. К. Рапопорта.

Настоящія записки, являющіяся точнымъ пересказомъ дѣйствительныхъ событій (часть именъ, по понятнымъ причинамъ, вымышлена), составлены по памяти въ 1922—1923 г. г., т. е. черезъ 3—4 года послѣ описываемыхъ происшествій.

I. КІЕВЪ.

Исторія УССР.

Въ началѣ іюня «тихій семейный уютъ» сталъ разстраиваться, или, говоря языкомъ преступниковъ, «малина» испортилась.

Дѣйствительно, Алешѣ все труднѣе было оставаться у насъ на квартирѣ. Такъ всегда случается: въ Кіевѣ навѣрное не меньше десяти тысячъ домовъ, но когда Алеша къ намъ переѣхалъ, спасаясь отъ своего дворника (дворникъ видѣлъ его въ погонахъ и вообще слишкомъ многое видѣлъ), конечно, тотчасъ же оказалось, что этотъ самый дворникъ ежедневно бываетъ у насъ въ подъѣздѣ. Гдѣ то надъ нами, на шестомъ этажѣ, живетъ инженеръ Михельсонъ; такъ вотъ Михельсонъ, какъ выяснилось, управляющій того дома на Софіевской, откуда Алеша «выбылъ въ Харьковъ».

Первая встрѣча была довольно непріятная: на лѣстницѣ. Алеша едва успѣлъ начать сморкаться и бросился обратно. Очевидно, забылъ дома лекарство отъ насморка. Съ тѣхъ поръ, прежде чѣмъ ему выходить, я провѣряю, свободенъ ли путь.

Но это бы еще ничего. Хуже то, что слишкомъ многіе узнали нашъ адресъ и вообще перешли на положеніе «сообщниковъ».

Между тѣмъ, въ нашей конституціи какъ строго все это было предусмотрѣно! . . . . У насъ съ Алешей было такое соглашеніе.

. . . Мы бродили по Софіевской площади. Отъ Рыльскаго переулка, мимо колокольни, за уголъ на Владимірскую, до маленькихъ бѣлыхъ воротъ, ведущихъ въ Софійское подворье, къ архіерейскому дому (на воротахъ архангелъ) и обратно. Былъ хорошій, теплый январьскій вечеръ, уже съ весенней гнильцей. На улицахъ тихо и свободно. Петлюровцевъ никто больше не боялся, а большевики еще гдѣ-то копошились за Броварами. Только что галичане отогнали ихъ на сто верстъ, за Нѣжинъ, посредствомъ . . . волшебнаго фонаря. Выпустили прокламацію, что получены ими отъ французовъ «фіолетовые лучи», отъ которыхъ люди слѣпнутъ на шесть мѣсяцевъ. (Тогда всѣ были увѣрены, что у французовъ есть такіе лучи). А затѣмъ подъ Броварами,

верстъ 15 отъ Кіева, освѣтили большевистскій отрядъ чѣмъ-то вродѣ фіолетоваго прожектора...

Говорятъ, что именно этотъ балаганъ затянулъ дѣло на нѣсколько дней... Но ничто не могло спасти петлюровцевъ; въ гражданской войнѣ все заранѣе извѣстно — неуловимая волна проходитъ по всѣмъ душамъ, и рѣшаетъ судьбу боевъ, прежде чѣмъ они произойдутъ. И теперь тоже всѣ знали, что дѣло кончено: Кіеву не удержаться...

...Мы бродили съ Алешей и обсуждали, какъ быть дальше. Въ Одессу мнѣ не удалось уѣхать. Поѣздовъ больше нѣтъ. Да и стоитъ ли? Конечно, не позже марта союзники будутъ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ добровольцами. Тогда и начнется настоящая работа — а пока, только бы пересидѣть и хоть что-нибудь дѣлать.

Тогда Алеша и предложилъ мнѣ: собственно, есть работа... Онъ служилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ — въ Конспиративномъ штабѣ Добровольческой арміи. Тамъ найдется дѣло и для меня; не развѣдка, а именно то, за что я возьмусь и что смогу дѣлать — настоящая газетная работа. Надо составлять сводки изъ всѣхъ совѣтскихъ газетъ — для Екатеринодара.

Конечно, это было спасеніе: вынужденное, тягостное сидѣніе въ Кіевѣ (изъ за того, что запоздалъ на три дня изъ деревни пріѣхать!) сразу пріобрѣтало смыслъ. Объ отказѣ и рѣчи не могло быть.

Но надо было поставить условія. У меня былъ уже прошлогодній, петербургскій опытъ конспираціи, и я зналъ, что это означаетъ съ нашей публикой. Мы сдавали студентовъ по рабочимъ и дворницкимъ документамъ въ Преображенскій и Семеновскій полки (чтобы превратить жалкія «охвостья» запасныхъ полковъ въ противо-большевистскіе центры), а наши рекруты иногда на слѣдующій день являлись въ роту во всемъ блескѣ: путейская или горная тужурка, да еще съ вензелями и съ коронами. А потомъ, когда его ругаешь, только улыбается. «Что тамъ, какъ нибудь сойдетъ!».

Положимъ, дѣйствительно «сошло». Арестовали всего человѣкъ тридцать и тѣхъ скоро выпустили — и даже за небольшую, сравнительно, сумму: тогда еще разстрѣловъ не было. Но дѣло провалили, а у меня сохранилось глубокое убѣжденіе, что къ конспираціи наши новые революціонеры неспособны.

Поэтому-то съ Алешей мы заключили особое соглашеніе. Я имѣю дѣло только съ нимъ; больше меня никто не знаетъ, и я никого не знаю; но и самъ Алеша, который долженъ съ приходомъ большевиковъ переселиться къ намъ, сносится только съ ограниченнымъ кругомъ вѣрныхъ людей.

Конечно, условій этихъ ни одинъ изъ насъ не выполнилъ. Алеша выболталъ адресъ (въ сущности номеръ телефона, но не все ли равно?) какому-то «крайне-правому депутату», который проживалъ на вокзалѣ, въ собственномъ вагонѣ, въ качествѣ совѣтскаго сановника, и увѣрялъ, что чуть-ли не отъ него зависитъ свергнуть большевиковъ (съ этимъ депутатомъ Алеша велъ интересные, но совершенно безполезные переговоры); а я не выдержалъ своей роли по отношенію къ «почтальон-

шамъ», явившимся къ Алешѣ. Мнѣ нужно было разыгрывать совершенно посторонняго человѣка-хозяина квартиры. Тогда, въ случаѣ провала, Алеша скрывается, а мы всѣ ничего не знаемъ. Вмѣсто того, почтальонши съ нами перезнакомились, а толстая гимназистка Тина (конспиративная кличка «Бомба»), каждую недѣлю пьетъ у насъ чай и разсказываетъ моей женѣ всѣ свои тайны.

Между тѣмъ, въ случаѣ бѣды, мы совершенно безпомощны, потому что надо было бы скрываться всей семьей (че-ка возстановила родовую отвѣтственность), а это явно невозможно.

Постоянно толчется у насъ множество всякаго народа. Есть среди нихъ и прежніе друзья и знакомые, есть и такіе, которые сошлись съ нами только теперь, когда всѣ люди смѣшались въ общей сутолокѣ.

Каждый день забѣгаетъ, хоть на минутку, высокій молодой человѣкъ, Левъ Казимировичъ Стоцинскій. Казалось бы, прошлое мало способствовало нашему съ нимъ пріятельству. Три года назадъ, когда мы познакомились въ Петербургѣ, онъ былъ редакторомъ правой газеты — такой правой, что газета, гдѣ я писалъ, иначе какъ «рептилія» ее не называла. Но все это было такъ давно, такъ безвозвратно давно...

Съ тѣхъ поръ Левъ Казимировичъ черезъ многое прошелъ. Издавалъ въ большевистскомъ Петербургѣ книжку «Нѣтъ больше голода — 100 рецептовъ», но самъ при этомъ голодалъ изрядно.

Теперь судьба ему улыбнулась; конечно, совѣтская судьба: случайно, отъ одного учрежденія, предложили ему поѣхать въ Харьковъ стенографомъ, на съѣздъ совѣтовъ. Правда, стенографировать онъ не умѣлъ, но вѣдь и то учрежденіе, которое его посылало, не знало, на что ему, собственно, свои стенограммы, когда ихъ и безъ того составляютъ.

Вмѣсто стенограммъ, Левъ Казимировичъ привезъ блестящій отчетъ въ фельетонной формѣ и покорилъ начальство.

Но что еще большее произвело впечатлѣніе, это его визитка. Среди нѣсколькихъ сотъ фантастическихъ френчей, куртокъ, рубахъ, «расхрыстанныхъ» гимнастерокъ, старыхъ засаленныхъ пиджаковъ, два человѣка было на съѣздѣ въ визиткахъ: Раковскій (Христіанъ Георгіевичъ всегда хорошо одѣвается) и Стоцинскій. Какъ же имъ было не сойтись и не побесѣдовать?

Послѣ этой бесѣды учрежденіе пригласило Льва Казимировича на постоянную, хорошо оплачиваемую должность. Если бы онъ захотѣлъ, блестящую сдѣлалъ бы карьеру. Но онъ держится стойко.

Звонокъ . . . Альфа *). Послѣ большого перерыва — такъ съ нимъ часто бываетъ. Пропадаетъ на нѣсколько дней, на недѣлю, а тамъ опять начинаетъ приходить.

Мы съ нимъ встрѣтились еще нѣсколько лѣтъ назадъ, въ навѣки памятномъ корридорѣ нашего Петербургскаго университета, но подружились только теперь.

Первыя недѣли онъ забѣгалъ съ коротенькими дѣловыми визитами

*) Пор. Юрій Евгеньевичъ Фіалковскій, сконч. 9. 3. 1920 г. въ Варнѣ.

къ Алешѣ; мы едва здоровались и посматривали другъ на друга; потомъ стали улыбаться, какъ авгуры. Наконецъ не выдержали и заговорили откровенно.

Теперь онъ часами просиживаетъ у насъ. Мнѣ его присутствіе всегда пріятно. Въ этомъ высокомъ, слишкомъ тонкомъ юношѣ, подъ ироническойˇ, а иногда нарочито глуповатой улыбочкой, видна огромная воля, и ясный трезвый умъ. Можетъ быть, слишкомъ ужъ трезвый. Онъ могъ бы быть склоненъ къ нѣкоторому цинизму, если бы не нѣжная, огромная любовь къ Россіи, наполняющая все его существо, управляющая всей его жизнью.

Мы съ нимъ подолгу стоимъ у карты. Это большая карта Европейской Россіи; она виситъ въ каждомъ домѣ, въ каждомъ учрежденіи. Даже «Извѣстія» пишутъ, что саботажники вмѣсто службы занимаются стратегіей; и правда: въ такое время, когда о частномъ издательствѣ и думать никто не хочетъ, когда книжные магазины со дня на день должны быть реквизированы, неунывающій Иванъ Ивановичъ (издатель всѣхъ чтецовъ-декламаторовъ и безчисленныхъ «военныхъ» картъ) счелъ выгоднымъ отпечатать на шести листахъ «Европейскую Россію». Чутье его не обмануло: изданіе уже на исходѣ.

Я выполняю свои всегдашнія обязательства: показываю Альфѣ, по совѣтскимъ сводкамъ, положеніе фронта. Вотъ неясная линія на сѣверѣ; вѣрнѣе, отдѣльныя точки. Оттуда ближе всего къ Москвѣ; но, конечно, тамъ ничего серьезнаго не можетъ быть. Вотъ — досадный разрывъ, который такъ и не удается уничтожить: Котласъ-Вятка-Пермь. Если бъ Колчакъ еще немного нажалъ на правомъ флангѣ — можетъ быть ему удалось бы зацѣпиться за сѣверный фронтъ!

Кажется, такъ онъ и хочетъ поступить. Вокругъ Перми упорные бои. Въ этомъ направленіи Колчакъ не сдаетъ. Но въ центрѣ, по главной, Самарской линіи — совсѣмъ плохо. Бѣлые катятся къ Уралу. Конечно, совѣтскія сводки опережаютъ событія, какъ всегда при наступленіи, на нѣсколько дней. Но ясно: карта Колчака бита.

Мы ничего не знаемъ о томъ, какъ это случилось. Всего лишь нѣсколько недѣль назадъ Колчакъ былъ у Волги, и темная волна слуховъ долетѣла до Кіева. Говорили, что рабочія Уральскія дивизіи пошли противъ большевиковъ; что крестьяне подымаются цѣлыми селами и движутся, со священниками во главѣ; что Колчакъ мобилизуетъ — «до слѣдующаго уѣзда»; потомъ крестьянъ распускаютъ, другіе становятся на ихъ мѣсто; за войсками идутъ землемѣры и выдаютъ мужикамъ бумажки съ орломъ; одна бѣда въ войскахъ — не хватаетъ офицеровъ, но крестьяне — унтеръ-офицеры прекрасно командуютъ ротами.

Были дни — въ апрѣлѣ — когда по всѣмъ учрежденіямъ пронесся неясный шопотъ. Кто-то съ кѣмъ-то засѣдалъ и что-то рѣшали. Довѣреннымъ людямъ заявили: придержите работу; не стоитъ особенно развивать дѣятельность; развѣ вы не видите — конецъ: изъ Москвы собираются эвакуироваться въ Курскъ.

...Теперь мы съ Альфой тщетно стараемся разгадать: отчего все измѣнилось? На что наткнулся Колчакъ подъ Самарой, что заставило его повернуть?

Южнѣе — Дутовъ; за нимъ — Толстовъ. Что-то тамъ? Дѣйствительно фронтъ или безсильные островки въ степяхъ?...

...Но ужъ здѣсь-то — настоящій фронтъ; н а ш ъ, южный фронтъ. Еще недавно мы дрожали надъ картой, когда онъ сжался въ комочекъ: Таганрогъ-Харцызскъ-Лугаискъ, и по Донцу, Дону — почти къ тому же Таганрогу; на тоненькой перепонкѣ висѣла Кубань.

Теперь, когда Колчакъ отступаетъ, южный фронтъ распрямляется, какъ пружина. Красные отброшены за Манычъ, и бѣгутъ на сѣверъ, кубанцы преслѣдуютъ ихъ и перехватываютъ все дальше единственный Царицынскій трактъ. Въ Донецкомъ бассейнѣ бои все удачнѣе... И вотъ впервые появились въ красной сводкѣ слова, прокатившіяся по всей Россіи:

«Н е п р і я т е л ь, введя въ бой т а н к и, обратилъ въ бѣгство...» Господи, неужели?!

Послѣ «обзора» мы еще долго не отходимъ отъ карты. Альфѣ трудно оторваться отъ нея; онъ поглаживаетъ рукой верхній лѣвый уголъ, гдѣ далеко на сѣверѣ два тонкихъ клина врѣзаются среди тундры въ Норвегію, почти до самого Атлантическаго океана.

— Знаете, — говоритъ онъ съ неловкой усмѣшечкой, — конечно, чортъ съ ними... съ финнами, но вотъ... съ дѣтства... ужасно люблю я эти... заячьи ушки.

— Теперь очередь за вами. Что новаго?

— Курьеръ.

— Ну!? Что же вы не разсказываете? Изъ Одессы?

— Да, но право ничего интереснаго...

— Вѣдь почту то привезъ?

— ...Ничего интереснаго: онъ недѣли три уже какъ изъ Одессы. Не могъ проѣхать.

— Отчего не могъ проѣхать?

— Возстанія. Видите, мы съ вами, кажется, понапрасну такъ скептически на это смотрѣли. Мужички то наши дѣйствительно возстаютъ. Да еще какъ! Большевики еле ноги уносятъ... Но зато почта запоздала. А вотъ хотите еще одну новость? «5-45» — вашъ шефъ, котораго вы никогда не видали, тотъ самый, что читаетъ и отправляетъ ваши сводки, и еще одинъ, мое начальство, этого вы ужъ совсѣмъ не знаете, были у Зеленаго...

— Зачѣмъ??

— А такъ. Для информаціи. Съѣздили, побывали у него въ штабѣ и вернулись.

— Что-жъ тамъ?

— Чепуха страшная. Украинскіе эсдеки, «червонопрапорцы», какіе-то эсэры, потомъ просто есть офицеры.

— Большая сила?

— Ну кто-жъ ихъ разберетъ. Какъ будто большая; вокругъ Триполья всѣ села въ его владѣніи, до самого Кіева. Сейчасъ за Деміевкой, возлѣ города, уже зеленовцы. Но онъ обнаглѣлъ слишкомъ.

— Обнаглѣлъ?

— Ну да. Другіе атаманы движутся съ мѣста на мѣсто, и тогда большевики съ ними ничего сдѣлать не могутъ. А Зеленый настоящее государство завелъ. Когда на него нападутъ, будетъ бить въ набатъ и подымать всѣхъ своихъ подданныхъ. Конечно, ничего не получится. Разгромятъ его . . .

— Что еще новаго?

— Лично васъ касающаяся новость: студента Алексѣя Николаевича Боброва больше не будетъ.

— То-есть?

— Забираю Алешу отъ васъ. Будетъ шоферъ Алексѣй Ивановичъ Боровой. Ему ужъ и комната есть, на Бульварно-Кудревской. Знаете, вѣдь, я всѣхъ нашихъ въ одномъ раіонѣ поселяю: чтобъ мнѣ поменьше ходить . . . И вамъ покойнѣе будетъ.

Значитъ, Алеша уѣзжаетъ отъ насъ. Давно ужъ объ этомъ шла рѣчь, а все-таки жаль. Весь строй нашей жизни при большевикахъ — размѣренный, но съ примѣсью фантастики — неразрывно связанъ у меня съ Алешей.

Какъ будетъ съ нашей работой? Мы привыкли дѣлать ее вмѣстѣ. Въ среду, вечеромъ, часовъ въ одиннадцать, когда всѣ «уплотнители» нашей квартиры ложились спать, мы принимались за дѣло. Алеша вытаскивалъ откуда-то тщательно запрятанную «програмку» и садился писать докладъ. Къ этой програмкѣ мы оба испытывали недоброжелательныя чувства: именно такая бумажка погубила Сережу Никольскаго и тѣхъ, кто попался съ нимъ въ апрѣлѣ. Собственно, давно-бы пора выучить ее наизусть, и выкинуть. Алеша навѣрное уже и выучилъ, но разстаться не рѣшается, изъ служебнаго ригоризма.

У меня «орудіе производства» громоздкое, но менѣе компрометантное: огромная кипа газетъ. Каждое утро Малаша приноситъ пачку съ угла (газетчикъ очень меня уважаетъ, но считаетъ за сумасшедшаго); а потомъ еще въ среду я бѣгаю по редакціямъ. Дѣло въ томъ, что не всякую газету легко достать: бумаги мало. А мнѣ по долгу службы приходится выпрашивать пропущенные номера.

Какъ-то въ меньшевистскомъ клубѣ (въ крытомъ рынкѣ на Бессарабкѣ, подъ самой кровлей, гдѣ былъ прежде мировой судья) одинокій бородатый мужчина въ бархатной курткѣ такъ былъ тронутъ моимъ интересомъ къ партійной прессѣ, что завелъ бесѣду о Марксѣ. Хотѣлъ, вѣрно, въ партію записать.

Я бѣжалъ, а вѣдь собственно слѣдовало согласиться. Правда, могутъ посадить, но противъ разстрѣла — почти полная гарантія. А чего можно желать лучшаго?

Кипу газетъ нужно пробѣжать и размѣтить. Это не такъ трудно, какъ кажется: газеты жидкія; много матеріала однообразнаго. Двѣ основныя газеты «Извѣстія» и «Коммунистъ» почти тождественны: онѣ печатаютъ одну и ту же информацію. Только статьи разныя, и, кромѣ того, въ «Коммунистѣ» подробнѣе партійный отдѣлъ («заседание ком'ячейки арсенала», «вызываются в Партком следующие товарищи», «вы-

боры на уездную конференцію»), а въ «Извѣстіяхъ» каждый день цѣлая полоса декретовъ.

Далѣе идетъ «независимая печать». Во-первыхъ, «Борьба» и «Боротьба». «Борьбу» издаютъ лѣвые «россійскіе» соціалисты-революціонеры; они въ оппозиціи, и говорятъ даже, что у нихъ есть «свои» атаманы среди повстанцевъ; чуть ли не самъ Григорьевъ. Газета у нихъ крикливая и совсѣмъ ужъ водянистая. «Боротьба» — органъ украинскихъ эсэровъ, тоже, конечно, лѣвыхъ. Это публика болѣе основательная: у нихъ много мѣстныхъ отдѣловъ, есть связи съ деревней, и коммунисты съ ними считаются. Коммунисты очень боятся возбудить противъ себя «украинское» національное чувство.

Но и боротьбисты «за себе не дурни»: сперва они флиртовали было съ русскими эсэрами (вотъ «Борьба» обрадовалась!), но потомъ быстро поняли, гдѣ раки зимуютъ. Теперь они заявили, что и они тоже коммунисты. Такъ и называются: «боротьбисты-коммунисты». У нихъ полный альянсъ съ настоящими большевиками, и нѣсколько «портфелей» въ укрсовнаркомѣ отдали боротьбистамъ (такіе портфели, что похуже: земледѣлія, юстиціи, еще чего-то такого, что при большевикахъ не дѣйствуетъ). Иногда боротьбисты закапризничаютъ и уходятъ изъ Совнаркома. Тогда «Извѣстія» честятъ ихъ мерзавцами и предателями. Потомъ подумаютъ, и опять переходятъ въ правительство.

Впрочемъ, не одни боротьбисты, и украинскіе лѣвые эсдеки изъ «Червонаго Прапора» тоже объявили себя коммунистами. Но имъ это не помогло — большевики ихъ въ грошъ не ставятъ, и за шашни съ Петлюрой и съ Зеленымъ придушили ихъ «Червоний Прапоръ». А жаль: тамъ бывали интересныя корреспонденціи изъ деревни, и иногда даже съ какими-то остатками независимости.

Русскую меньшевистскую газетку сразу прикрыли; только разъ пять она и пискнула. Зато въ Харьковѣ выходитъ меньшевистскій листокъ, и довольно свободно пишетъ. Особенно тамъ бываютъ ядовитыя для большевиковъ стратегическія статьи. Въ Кіевъ газета приходитъ черезъ нѣсколько дней, и въ очень маломъ числѣ, но тутъ «буржуи» на расхватъ покупаютъ.

Съ этой газеткой у большевиковъ особый методъ борьбы. Закрыть ее не закрываютъ (кажется, боятся харьковскихъ рабочихъ), но зато даютъ самый паскудный шрифтъ и самую гнусную бумагу. Въ каждомъ номерѣ съ полъ-страницы совсѣмъ ничего нельзя прочесть. А остальное разбираютъ сообща, другъ друга поправляютъ. И, конечно, возлѣ карты...

Когда газеты размѣчены, на полъ-часа работы ножницами. Разумѣется, не слишкомъ громко: за стѣной квартиранты.

Потомъ составленіе обзора за недѣлю, по рубрикамъ; каждый разъ однѣ и тѣ же рубрики: внѣшняя политика У. С. С. Р.; внутренняя политика; національные вопросы; партійная жизнь; рабочіе, крестьяне; возстанія; че-ка; армія; законодательство; экономическая жизнь и т. д. Въ концѣ — «документы». Декреты; ноты Раковскаго; списки разстрѣлянныхъ.

Работа обыкновенно идетъ спокойно. Но не всегда.

Изъ-за открытой двери сдавленный шопотъ Алеши:

— Юра... потуши лампу...

Что за чортъ? У Алеши темно. Онъ поднялъ штору, прилипъ, невидимый снаружи, къ окну, и пристально разсматриваетъ что-то въ открытую форточку.

— Да что-же тамъ?

— А ну, посмотри... въ подворотнѣ.

Правда, напротивъ копошатся у воротъ. Двое. Это уже очень нехорошо. Вѣдь ходить по улицамъ позже 9-ти нельзя, а теперь два часа ночи. Эге, одинъ съ винтовкой. Къ намъ, или напротивъ? Нѣтъ, переходятъ на нашу сторону. Теперь ихъ не видно. Стукъ у воротъ. Въ наши, или въ сосѣднія?

— Алеша, въ кухню.

Внизу, на черной лѣстницѣ, хлопаетъ дверь. Бумаги въ плитѣ. Алеша стоитъ со спичками въ рукахъ. Но успѣетъ ли сгорѣть? А зола? А куча газетныхъ обрѣзковъ у меня на столѣ?

По лѣстницѣ шаги. Ближе и ближе. Идутъ двое, ругаются.

— Алеша, жги.

Нѣтъ, Алеша хочетъ выдержать до конца. Шаги у дверей... шаги... выше по лѣстницѣ... значитъ, не къ намъ.

Обыскъ наверху? А можетъ быть, просто завелась «подруга красноармейца».

Бумаги извлекаются изъ плиты. «5-45» получитъ завтра обычную сводку.

Офиціально это называется «История Советской Украины». Потому что совсѣмъ вѣдь скрыть мои ночныя занятія ни отъ квартирантовъ, ни отъ Малаши нельзя, а кипы покупаемыхъ газетъ служатъ предметомъ обсужденія всѣхъ сосѣдей. Но «История Сов. Украины» — это очень мило и естественно. Разъ человѣкъ состоитъ при университетѣ, ему полагается заниматься такими дѣлами. Жаль только, что если поинтересуются, нечего мнѣ будетъ показать. Не могу же я, кромѣ настоящихъ сводокъ, писать еще другія, для публики.

Но сводки сохраняются. Послѣ того, какъ ихъ препарируютъ для отправки (толстый ворохъ бумаги замѣняется маленькимъ... хотя нѣтъ, объ этомъ еще рано писать — можетъ, когда-нибудь пригодится; словомъ, превращается въ портативный предметъ) — рукописи сдаютъ какому-то невѣдомому мнѣ лицу, живущему за-городомъ. Онъ закапываетъ эти сводки въ землю.

Я объ этомъ просилъ, потому что вѣдь матеріалы, которыми я пользуюсь, представляютъ огромную цѣнность. Если мнѣ черезъ три-четыре дня такъ трудно достать номеръ «Коммуниста» или «Прапора», какъ же будутъ ихъ разыскивать, черезъ нѣсколько лѣтъ, историки! Вѣдь

нигдѣ, ни въ библіотекахъ, ни въ учрежденіяхъ, нѣтъ полныхъ комплектовъ. Если гдѣ и собираютъ, то кое-какъ, съ прорѣхами. Да и сохранятъ ли до конца?

Что-жъ, изъ пачекъ бумаги, которыя мой невѣдомый другъ гдѣ-то хранитъ на огородѣ, дѣйствительно получится когда-нибудь «Исторія Совѣтской Украины» или хотя бы «Сборникъ матеріаловъ по исторіи».

Конечно, не получится, а могло получиться. Потому что мои сводки — огромная груда посѣрѣвшей въ землѣ бумаги — кѣмъ-то гдѣ-то брошена при какой-то эвакуаціи.

Что-жъ, офиціальныя событія и безъ моей «исторіи» не забудутся. Какъ и о чемъ говорилъ Укрсъѣздъ совѣтовъ, кто былъ въ Совнаркомѣ, какія ноты посылалъ Раковскій. Мелочи же Кіевской жизни будемъ еще много лѣтъ выуживать изъ памяти и записывать всѣ мы — кто ихъ наблюдалъ. Какъ въ почтовомъ вѣдомствѣ былъ скандалъ изъ за комиссара, не признававшаго «собачьей мовы»; какъ бѣглый каторжникъ, служившій въ чрезвычайкѣ, отдѣлился отъ товарищей, и устроилъ на Батыевой горѣ свою, частную чрезвычайку. Какъ, послѣ многодневной, плодотворной дѣятельности (очень почтенной: онъ только грабилъ, но почти не убивалъ, въ отличіе отъ своихъ офиціальныхъ товарищей), былъ онъ разгромленъ отрядомъ китайцевъ съ броневиками; какъ въ мрачномъ молчаніи медленно отрывались отъ большевизма кіевскіе рабочіе — и многое, многое другое...

Вкладъ въ соціалистическое строительство.

Стрѣлка переведена на три часа впередъ. Въ девять — т. е. въ шесть часовъ утра надо быть на службѣ.

Служба есть, разумѣется, вещь необходимая. Денегъ она даетъ мало — но не въ деньгахъ тутъ сила: безъ службы нѣтъ соціальнаго положенія. При совѣтскомъ строѣ мыслимы два status'а: «сотрудникъ» — или дезертиръ. У дезертира много преимуществъ, и, въ сущности, это дѣло не такое ужъ опасное, но хлопотливое. Пріисканіе документовъ, перемѣны квартиръ... при семьѣ, да еще съ моей «Исторіей Совѣтской Украины», очень затруднительно. Надо думать о службѣ.

Когда пришли коммунисты и во всѣхъ большихъ домахъ пооткрывали разныя удивительныя учрежденія, весь городъ бросился поступать на службу.

Я сразу рѣшилъ было искать библіотечную работу. Такъ пріятно при большевикахъ имѣть дѣло не съ людьми, а съ книгами. Уютная, отдаленная комната, съ приспущенными шторами... шкафы, столы съ каталогами... Ласкающая тишина... Что можетъ быть лучше въ эти тоскливые, палящіе дни?

Конечно, для «управленія библіотеками» возникъ цѣлый рядъ учрежденій. Библіотечный отдѣлъ при Наркомпросѣ для созданія грандіознаго плана сѣти библіотекъ: сельскихъ, волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ (не считая, разумѣется, школьныхъ, передвижныхъ, же-

лѣзнодорожныхъ, военныхъ и еще какихъ-то). Все книжное имущество республики должно въ кратчайшій срокъ приведено быть въ ясность, чтобы всѣ граждане, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, смогли погрузиться въ безпробудное чтеніе.

Что-жъ, вѣдь самъ товарищъ Хейфецъ, видный членъ Цика, говорилъ съ совершеннымъ убѣжденіемъ товарищу Лилѣ Немидовой (Лиля, бѣдняжка, служила въ Вукомизисѣ, и за ней Хейфецъ пытался ухаживать), что къ осени дѣло будетъ закончено: коммунистическое строительство завершится, и наступитъ земной рай.

Укрбиблотдѣлъ (кажется, такъ онъ назывался, не помню навѣрное), засѣдалъ въ женской гимназіи, на бывшей Терещенковской, а на Владимірской, въ земской управѣ, разворачивался губернскій библіотечный отдѣлъ. О всеукраинскомъ отдѣлѣ и его планахъ онъ, разумѣется, имѣлъ самое смутное представленіе, да и не интересовался вовсе. У него были свои проекты, не менѣе радужные. Впрочемъ, какъ я узналъ, онъ кое-что полезное сдѣлалъ: выдалъ нѣкоторымъ владѣльцамъ библіотекъ охранныя грамоты, благодаря чему, надо думать, ихъ библіотеки разгромили нѣсколькими мѣсяцами позже, чѣмъ было бы безъ того.

Среди шума и гама, нашелъ я, по пришпиленному номерку на дверяхъ, библіотечный губотдѣлъ... Большая комната, все столы, конечно — безъ книгъ. Все тотъ же шумъ, хвосты просителей. За главнымъ столомъ... ну да, конечно, это онъ: Фитилинъ. Какъ же, знакомы были, писалъ военныя корреспонденціи въ «Русскомъ Словѣ». «Доблестные казаки на плечахъ позорно бѣгущихъ тевтоновъ ворвались...» Хорошо, что я его здѣсь встрѣтилъ: дѣло значительно упрощается.

Узналъ, садимся. Выслушиваетъ. Переходимъ къ бесѣдѣ о новыхъ задачахъ библіотечнаго дѣла.

Я хитро на него смотрю; вѣдь понимаетъ же, каналья, что мнѣ нужно пересидѣть здѣсь, въ идіотскомъ губотдѣлѣ, два-три мѣсяца, пока весь этотъ маскарадъ полетитъ къ дьяволу...

— ... въ нынѣшній великій моментъ не только задачи, но и техническіе пріемы буржуазной канцелярщины должны быть замѣнены тѣмъ...

Я тщетно стараюсь поймать его взглядъ, ускользающій въ сторону... Но мой Иванъ Николаевичъ воодушевляется, голосъ его звенитъ: «Когда при царизмѣ мы налаживали за Нарвской заставой библіотечку для Путиловскихъ рабочихъ...»

... Фу, Господи, еле выбрался на улицу. Тутъ не то, что служить, а лучше бы теперь съ этимъ прохвостомъ, во избѣжаніе бесѣды о прошломъ, не встрѣчаться. Въ ячейку онъ, что-ли, поступилъ?

Не повезло мнѣ и въ Укротдѣлѣ. Длинный, рыжій субъектъ коммунистическаго вида — довольно высокій сановникъ — долго со мною бесѣдовалъ, потомъ еще дольше ощупывалъ меня глазами, и, наконецъ, нѣжно произнесъ:

«Мм... а вы... мы съ вами какъ-будто... Вы не бывали ли, въ 17-омъ году на сходкахъ, въ Петербургскомъ университетѣ?...»

Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Жаль, что только одинъ глазъ, а не оба.

Разумѣется, въ коиечиомъ счетѣ, н попалъ на службу такъ, какъ всѣ: по зиакомству. Дальиій родственникъ жены, бравый гвардейскій полковннкъ, у котораго слишкомъ необычайиын событія сразу отшибли куражъ, насквозь черезъ всѣ режимы просидѣлъ въ одномъ изъ «нейтральиыхъ», хознйственныхъ вѣдомствъ. Сидитъ и теперь — только слегка переименовалн ихъ. Усилениo меня приглашаетъ.

Что-жъ, не все-ли равно?

Второй руки гостиинца; заплеванные полы, разбитыя стекла. Удивительио, какъ любнтъ совѣтскія учрежденія подобную обстановку. Видио, всякое внутреннее содержаніе находитъ эквивалентиую внѣшнюю форму. Самыя стѣны комиссаріатовъ кричатъ громкимъ голосомъ тому, кто понимаетъ языкъ вещей: «помни, что это ненадолго». Пройдутъ, можетъ быть, мѣсяцы, даже годы, но ничто не смоетъ печати обреченности. Ибо всякій здѣсь — отъ наркома до мальчишки курьера, всякій знаетъ въ самой глубинѣ души: это не настоящее. Оттого здѣсь виснтъ, вмѣсто металлическихъ табличекъ, надписи, иебрежио сдѣланныя краспымъ и сииимъ карандашемъ. Оттого никому не придетъ въ голову замѣнить эту сборную, отовсюду навезенную мебель болѣе подходящей, оттого нникто не починитъ, н даже не выброситъ этотъ трехногій стулъ; оттого никто не сдѣлаетъ — хоть изъ бумаги — абажура на эту безобразио торчащую лампу.

«И будетъ здѣсь такъ до тѣхъ поръ, пока все это не кончится. Тогда пройдетъ легкій вѣтерокъ по душамъ, и всѣ сразу поймутъ: теперь началось настоящее; тогда вдругъ захочется починить стулъ, вымыть полъ, повѣсить абажуръ, потому что начнется настоящая жизнь и настоящая работа, а не томленіе».

Прежде всего, конечно, «анкета». Безъ этого ничто не начинается.

Впервые заполняю листъ съ гнусными, изощренными вопросами.

Маркъ Исаевичъ Гликсонъ, мой будущій сослуживецъ (только что онъ мнѣ отрекомендовался) съ любопытствомъ смотритъ, какіе я придумываю отвѣты. Двѣ машинистки бросаютъ лукавые взоры.

Имя ... отчество ... фамилія ... годъ рожденія ... образованіе ... вотъ, начинается: «имущественное положеніе». Пишу: «имущества не имѣю, кромѣ нѣкоторыхъ движимыхъ предметовъ, какъ-то: книги, платье, обувь, бѣлье». Кажется, ясно?

«Ваше отношеніе къ совѣтской власти?» Мм... «Признаю существованіе совѣтской власти»... Довольно мудрено отрицать ея существованіе! ... Но у Марка Исаевича брови взметаются вверхъ. Смотря на него, машинистки настораживаются.

«Къ какой партіи принадлежали въ 1917 году?»

— «Къ партіи Народной Своб...» Маркъ Исаевичъ испуганно вскакиваетъ, смотритъ на меня пристально и растерянно спрашиваетъ:

— Господинъ ... товарищъ ... вы здоровы?

Конечно, это просто глупость. Кому нужна моя дурацкая выходка? Я бъ еще написалъ «сотрудникъ добровольческой организаціи». Но

Боже мой, какъ трудно съ непривычки заполнять этотъ гнусный листокъ!

Новое явленіе. Вбѣгаетъ плотный человѣкъ, съ огромной, умной головой, съ копной полусѣдыхъ, вьющихся волосъ. Вбѣгаетъ и набрасывается на меня. Машинистки подымаются; значитъ, начальство.

— Вы къ намъ поступаете? Вы юристъ? Изъ Петербурга?

Онъ хватаетъ со стола мою злосчастную недописаную «анкету»».

Я внимательно слѣжу за его лицомъ.

Ничего... только чуть-чуть улыбается и... возвращаетъ мнѣ бумажку.

— Вы... испортили этотъ листъ. Возьмите, вотъ на томъ столѣ, другой.

На этотъ разъ Маркъ Исаевичъ мнѣ помогаетъ. Дѣло очень просто: возлѣ всѣхъ щекотливыхъ вопросовъ ставится черта. Говорятъ, что скоро это будетъ запрещено, но пока еще можно, проходитъ.

Впрочемъ, «признаю существованіе совѣтской власти» я оставляю. Мнѣ эта формула очень нравится.

Плотный, полусѣдой человѣкъ, Петръ Измаиловичъ Маншинъ — начальникъ нашего управленія, которое только начало формироваться. Я получаю высокую должность начальника отдѣла — должно быть «за ученость». Это очень хорошо, на случай выселеній, облавъ и пр. и пр., а кромѣ того, мнѣ предстоитъ набрать штатъ изъ 25 человѣкъ. Значитъ, можно многихъ пристроить.

По всѣмъ четыремъ этажамъ нашей гостиницы, по главнымъ корридорамъ и во флигеляхъ, кипитъ работа. Изъ всѣхъ трехсотъ номеровъ выкинуты кровати и умывальники, поставлены столы и стулья, понавезены отовсюду машинки. Барышни и молодые люди шныряютъ по лѣстницамъ, престарѣлые чиновники тащатъ куда-то бумаги, изрѣдка промелькнетъ, въ неизмѣнномъ френчѣ, коммунистъ. Учрежденіе только еще развертывается.

Внизу, въ огромной залѣ, гдѣ прежде игралъ органъ, среди ободранныхъ стѣнъ и лохмотьями повисшихъ занавѣсей, поставлены рядами скамьи. Стойка, на которой блистали когда-то закуски, отодвинута въ уголъ, а на ея мѣстѣ сколочена эстрада.

Наше начальство, тов. Шлихтеръ, читаетъ нѣчто вродѣ вступительной лекціи: даетъ руководящія указанія относительно будущей дѣятельности комиссаріата.

Въ залъ набралось сотни двѣ-три человѣкъ. Не такъ густо. Еще ничто не налажено, контроля никакого нѣтъ, приходитъ тотъ, кто хочетъ. Въ первыхъ рядахъ кучка партійныхъ, и вообще своихъ. Всѣ остальные, какъ и я — взяты съ улицы. Разсматриваемъ другъ друга не безъ ехиднаго любопытства. Если-бъ передъ войной собралось въ этомъ мѣстѣ столько людей, конечно, множество оказалось бы знако-

мыхъ. Кіевъ, хоть и большой городъ, все же провинція. Но теперь по всей Россіи народъ перемѣшанъ.

Тов. Шлихтеръ — маленькій тщедушный человѣчекъ, довольно поганаго вида. Лѣтъ ему не менѣе сорока, а то, можетъ быть, и всѣ шестьдесятъ. Въ пиджакѣ. Говоритъ по профессіональному: быстро, громко и безъ запинки.

И притомъ весьма не глупо начинаетъ: прямо быка за рога:

«Я знаю, товарищи, что изъ всѣхъ васъ, сидящихъ здѣсь, нѣтъ почти никого, кто бы намъ сочувствовалъ. Вы — служили буржуазному государству, а теперь поневолѣ пришли служить намъ. Не думайте, что мы обманываемся въ этомъ отношеніи. Но намъ до вашихъ желаній дѣла нѣтъ: мы требуемъ, чтобы вы исполнили то, что вамъ будетъ поручено, и заставимъ васъ честно выполнять вашу работу».

Тонъ взятъ правильный. На физіономіяхъ замѣтно смущеніе и упадокъ духа. Вѣдь поступая, всякій думалъ о томъ, какъ онъ ловко надулъ большевиковъ.

Послѣ вступленія — о будущемъ строительствѣ, о задачахъ соціальной революціи, о томъ, что созидаются новыя формы общества. Наступаетъ рѣшительный, единственный моментъ въ жизни человѣчества, и мы призваны участвовать въ великомъ прыжкѣ.

— Въ буржуазномъ обществѣ, товарищи, продовольственныя учрежденія создавались для того, чтобы доставить продукты населенію, т. е. тѣмъ группамъ, въ которыхъ нуждались имперіалистическія правительства...

— Помните, товарищи, что наши цѣли совершенно иныя: наша задача — не прокормленіе населенія, но замѣна капиталистическаго товарообращенія соціалистическимъ продуктообмѣномъ.

Эге, эта фраза пригодится... хотя бы для моей исторіи. Я ревностно заношу ее въ записную книжку. Сосѣди подозрительно косятся...

Напослѣдокъ тѣ же напутствія: «Мы васъ видимъ насквозь».

«Подъ занавѣсъ» черный лохматый человѣкъ выскакиваетъ на эстраду и среди шума объявляетъ расходящимся, что собраніе коммунистической ячейки состоится завтра, въ пятницу, въ 5 часовъ вечера, въ комнатѣ № 153.

Въ то время, какъ другіе отдѣлы нашего комиссаріата занимаются пустой злобой дня, т. е. стараются, довольно тщетно, собрать какіе-то продукты, что-то куда-то передвинуть, кого-то гдѣ-то накормить — ну, словомъ, подражаютъ буржуазнымъ продовольственнымъ органамъ — наше управленіе, въ тиши, непосредственно готовитъ великій прыжокъ въ царство соціализма. Мы разрабатываемъ вопросы распредѣленія и снабженія грядущаго коммунистическаго рая.

Такъ какъ дѣло это не совсѣмъ обычное, то никто не знаетъ толкомъ, какъ его слѣдуетъ дѣлать. Можно бы въ Москвѣ узнать — но говорятъ, что и тамъ нѣтъ учрежденія съ такими великими заданіями. Мы призваны быть свѣточемъ всему міру — мы въ нашихъ совѣщаніяхъ и канцеляріяхъ найдемъ методы организаціи коммунистическаго

общества; по нашему примѣру будутъ строиться братскія совѣтскія республики нынѣшнія: россійская, туркестанская, венгерская, баварская, а потомъ и всѣ остальныя.

Поэтому мы ко всему подходимъ своимъ умомъ. Не знаю ужъ, чей это умъ; должно быть, товарища Шлихтера. У насъ есть особые отдѣлы, которые будутъ вырабатывать нормы питанія: на основаніи самыхъ совершенныхъ научныхъ данныхъ, они опредѣляютъ, сколько хлѣба, мяса, крупы, масла, сахара, чая и пр. и пр. нужно каждому человѣку: фабричному рабочему, интеллигенту, земледѣльцу, товарищу-курьеру, товарищу беременной женщинѣ, товарищу тифозному, товарищу годовалому младенцу. Да и не только о людяхъ надо позаботиться: для лошади, коровы, свиньи, для барана и для курицы тоже надо подсчитать число калорій и выработать нормы питанія, ибо въ общей экономіи соціалистическаго хозяйства, гдѣ все учтено и предопредѣлено, конечно, и у скота долженъ быть свой паекъ.

Но заданіе не ограничивается пищевыми продуктами; особые отдѣлы и подъотдѣлы вырабатываютъ нормы снабженія тканями: шерстяными, льняными, бумажными, шелковыми; обувью: кожаной, матерчатой; галантереей: нитками, пуговками, тесьмой; табакомъ: желтымъ и махоркой и пр. и пр.

Мы не обращаемъ вниманія — и не должны обращать — на то, что въ дѣйствительности нѣтъ ни хлѣба, ни мяса, что обувь начинаютъ мастерить изъ дерева, а сахаръ замѣнятъ сахариномъ. Мы вовсе не призваны заботиться о предоставленіи продуктовъ населенію — а только о планомѣрномъ ихъ распредѣленіи. Когда выведутся кожаные сапоги, мы, въ планѣ распредѣленія, замѣнимъ ихъ деревянными — только и всего — и въ сущности никто отъ этого не пострадаетъ.

Особые инструкторскіе отдѣлы будутъ готовить кадры тѣхъ людей, которые смогли бы воплотить въ жизнь гигантскую организацію. Правда, пока еще сами инструктора не имѣютъ представленія ни объ этихъ планахъ, ни о способахъ ихъ осуществленія. Но это не имѣетъ значенія: тов. Шлихтеръ заставитъ ихъ работать.

Иногда наша дѣятельность, направленная на благо будущаго человѣчества, прерывается досаднымъ вторженіемъ: деміевскій дѣтскій пріютъ запрашиваетъ: изъ какихъ продуктовъ и въ какомъ количествѣ долженъ состоять паекъ ребенка отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ. Обычно бумагу оставляютъ безъ отвѣта, т. к. не стоитъ разрѣшать частный вопросъ, пока еще не организованы лабораторіи и опытныя станціи для опредѣленія основныхъ нормъ. Въ случаѣ же повторныхъ и настойчивыхъ запросовъ, тов. Балабанъ, бывшій полковникъ съ огромными черными усами, управляющій какимъ-то научнымъ подъотдѣломъ какого-то отдѣла, вспоминаетъ, какъ онъ завѣдывалъ полковымъ хозяйствомъ, и отписываетъ: хлѣба выдавать ³/₄ фунта, мяса столько-то золотниковъ, пшена столько-то, соли столько-то. Всѣ довольны, кромѣ полковника: онъ очень уважаетъ науку, и искренно огорчается, что пришлось рѣшать вопросъ безъ профессора физіологіи, который приходитъ только по четвергамъ на засѣданіе секціи (150 рублей суточныхъ).

Мнѣ порученъ отдѣлъ чрезвычайной важности: техническій. Я долженъ организовать осуществленіе тѣхъ нормъ, которыя будутъ выработаны полковникомъ Балабаномъ совмѣстно съ профессорами.

Мнѣ предстоитъ найти средства къ тому, чтобы каждый человѣкъ и каждый скотъ получили именно то, что имъ причитается.

Если хорошенько пораздумать, то окажется, пожалуй, что на меня возложено разрѣшеніе самого зерна соціалистической проблемы: нужно восполнить то, что Марксъ хитро скрылъ отъ своихъ послѣдователей.

Въ моемъ отдѣлѣ полагается 25 сотрудниковъ. Почему на это дѣло нужно именно двадцать пять человѣкъ, а не троихъ, скажемъ, или 25 тысячъ чиновниковъ, конечно, никто не могъ бы сказать.

Начнемъ съ самаго существеннаго.

Нужно начертать схему. Такъ всегда дѣлается, во всѣхъ учрежденіяхъ, по всѣмъ этажамъ, чертятъ и чертятъ схемы.

Большой кружокъ — это я. Черточка внизъ — и кружокъ поменьше. Это будетъ, скажемъ, Александръ Николаевичъ Орловскій. Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ мировые судьи ликвидированы, а у Александра Николаевича семья.

Этотъ кружокъ называется: Заведующий общим под'отделом.

Отъ Александра Николаевича внизъ еще три палочки и три кружка: регистраторы, машинистка. Здѣсь, въ общемъ подъотдѣлѣ, мы будемъ устанавливать основныя аксіомы соціалистическаго распредѣлительнаго аппарата.

Вторая черточка внизъ отъ меня, второй кружокъ: «Заведующий вторым под'отделом». Пусть онъ, скажемъ, разрабатываетъ инструкціи и циркуляры. Сюда придется посадить Шаумберга. Этотъ старикъ, котораго отдали мнѣ въ подчиненіе, не мало меня смущаетъ. Онъ хорошій, опытный чиновникъ стараго времени, — инженеръ. Былъ, кажется, передъ революціей директоромъ какого-то настоящаго департамента. На меня онъ смотритъ со страхомъ и съ ненавистью, а мнѣ бы такъ хотѣлось отвести его въ сторону, и сказать: — Полноте, Николай Оттоновичъ, не падайте духомъ; неужто вы думаете, что это надолго? Обождите, обождите еще нѣсколько мѣсяцевъ, и вы увидите, что отъ всего этого безобразія, такъ оскорбляющаго васъ, и слѣда не будетъ.

Но нельзя этого сдѣлать, нужно выдерживать роль начальства.

А бѣдный Николай Оттоновичъ искренно и открыто возмущается нашими порядками, нашимъ хаосомъ, общей беззаботностью, и объясняетъ намъ, что совсѣмъ не такъ надо вести канцелярское дѣло. — Но вѣдь у насъ не старорежимный департаментъ, а живое, творческое строительство!

Третій кружокъ, третій подъотдѣлъ: типографскій. Ну да, разумѣется; вѣдь мы каждое существо обязательно снабдимъ карточкой. Надо, слѣдовательно, поставить цѣлую экспедицію заготовленія такихъ карточекъ.

Сюда, въ качествѣ спеца, можно пристроить Стоцинскаго. У нихъ съ женой всѣ вещи брошены въ Петербургѣ, а въ учрежденіи по дѣламъ печати хоть и высокія ставки, да вѣдь на жалованье не прожить.

нужно дать подсобный заработокъ. Разумѣется, совмѣстнтельство строжайше воспрещено, но...

Нужно, однако, и Алешу устроить, не все же ему быть просто студентомъ иевѣдомаго института съ сомнительными документами. Еще, чего добраго, въ трудповинность мобилизуютъ. Правда, есть препятствіе: Алеша, коиечно, долженъ поступать подъ той фамиліей, подъ которой онъ у насъ живетъ: студентъ Бобровъ... Но слишкомъ много людей въ городѣ знаетъ его, какъ поручика Билибина. Вдругъ войдетъ въ комнату посѣтитель н обрадуется: а, товарищъ Билибинъ!

Поэтому Алеша назначается начальникомъ четвертаго подъотдѣла: подъотдѣлъ храненія. Онъ долженъ вѣдать складомъ, иа которомъ будутъ лежать наши горы продовольственныхъ карточекъ. Кто станетъ являться туда, иа складъ?

Пока же нн склада, ни карточекъ нѣтъ, Алеша по преимуществу будетъ сидѣть дома. Онъ въ комаидировкѣ: подыскиваетъ для склада помѣщеніе.

Всѣ остальныя мѣста заполняются разпыми дамами и барышиями. Среди нихъ мелькаютъ два-три субъекта, которыхъ мнѣ прикинули безъ всякаго съ моей стороиы желанія.

Набрать всю эту публику легко. Но, Господи, что я буду съ ними дѣлать? На всю нашу братію отведена одна комиата. Жаркое, кіевское солнце, сквозь голыя окна, немилосердно печетъ насъ; пишущія машинки въ углу брызжутъ сиопамн лучей; зайчики прыгаютъ по стѣнамъ, по кухоннымъ столамъ, обклеенным бумагой, по чернымъ, свѣтлымъ, каштановымъ, рыжимъ прическамъ моихъ совбарышень.

Конечно, когда мы съ товарищемъ Орловскимъ установимъ коммунистическую систему распредѣленія, когда Шаумбергъ разработаетъ положенія и инструкціи, когда Левъ Казимировичъ пачнетъ печатать десятки милліоновъ карточекъ, а Алеша будетъ отпускать ихъ со склада — барышнямъ дѣла найдется по горло. Но зто будетъ примѣрно къ осени будущаго 1920 года — конечно, если коммунистическое строительство пойдетъ быстрымъ шагомъ. А пока барышни выучиваютъ наизусть висящія по стѣнамъ, переливающіяся на солнцѣ картограммы, гдѣ обозначено красными, синнми, желтыми кружками, сколько тысячъ пудовъ пшеницы грузилъ каждый полустанокъ Малороссіи при проклятомъ царскомъ режимѣ, когда никто не заботился о правнльномъ распредѣленіи калорій.

Однако, очень распускать мой цвѣтникъ нельзя. И такъ онѣ норовятъ посреди дня сбѣжать домой, чтобъ спастнсь отъ томящаго бездѣлья А между тѣмъ всякій народъ шатается по корридорамъ и канцеляріямъ и посматрнваетъ. Да н не могу жъ я прямо заявить подчиненнымъ бросьте, mesdames, всякое попеченіе, и не пытайтесь дѣлать видъ, будто вы работаете.

Между тѣмъ, при всемъ желанін, гдѣ-жъ тутъ всѣмъ работать? Въ нашей комнаткѣ, еслн собрать всѣхъ служащнхъ, и стать негдѣ будетъ, не то, что сѣсть.

Но я стараюсь никогда всѣхъ не собирать. Алеша въ постоянной командировкѣ, Левъ Казимировичъ тоже: для переговоровъ съ типографіями. Ему вѣдь нужно поспѣть и на основную свою службу.

Десятокъ барышень и невѣдомыхъ мнѣ субъектовъ тоже удается разослать подъ всякими приличными предлогами.

Для этого берется осьмушка бумаги и выстукивается на машинкѣ:

Удостоверение.

«Сим удостоверяется, что сотрудник такого то отдела Елизавета Павловна Яновская командирована в публичную библиотеку для ознакомления с новейшей литературой по продовольственному делу».

Печать, подпись, и въ комнатѣ становится чуть-чуть просторнѣе. Кто въ статистическомъ управленіи собираетъ данныя о населеніи Украины, кто для установленія контакта отправляется въ губпродкомъ, кто ходитъ въ бумотдѣлъ Совнархоза и ведетъ бесѣды о десяти вагонахъ бумаги, которые нужны намъ будутъ каждые полгода для печатанія карточекъ.

Въ бумотдѣлѣ прежде сидѣлъ товарищъ Рабиновичъ — пожилой мужчина, такой пухлый, будто онъ весь изъ надутыхъ шинъ, какъ на автомобильныхъ рекламахъ. Товарищъ Рабиновичъ, какъ старый коммиссіонеръ, привыкъ къ перипатетическому способу веденія дѣлъ и не признавалъ шкафовъ и папокъ. Изъ всѣхъ кармановъ своего засаленнаго костюма онъ вытаскивалъ клочки бумаги разныхъ сортовъ и предлагалъ: этой — есть въ запасѣ три пуда, этой — двадцать фунтовъ, этихъ и этихъ — совсѣмъ нѣтъ. Но когда рѣчь зашла о десяти вагонахъ, товарищъ Рабиновичъ руками всплеснулъ. — Что? На паршивыя карточки десять вагоновъ? Да вы знаете, что, когда собрать на всей этой Украинѣ сколько есть бумаги и еще два раза столько, такъ тоже не будетъ десяти вагоновъ!

Теперь бѣднягу Рабиновича, за слишкомъ бурную спекуляцію, вывели въ расходъ, и на его мѣстѣ — мрачный товарищъ Ицинъ. Этотъ понимаетъ, что волноваться нечего. Разъ десять вагоновъ — онъ такъ и отмѣчаетъ: для такого-то отдѣла наркомпрода — дать нарядъ на десять вагоновъ. О чемъ тутъ много говорить?

Но куда ни разсылай барышень, съ дюжину ихъ всегда тутъ. Да и надо ихъ здѣсь держать, хоть для вида. Онѣ понемногу трудятся. Вотъ, напримѣръ, въ наркомвнудѣлѣ мы раздобыли огромнѣйшую папку: списокъ волостей Украины. Говорятъ, что это уникумъ, — больше ни у кого нѣтъ. Вѣра Михайловна Поккова терпѣливо переписываетъ этотъ списокъ. Вѣдь надо намъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣть самыя точныя свѣдѣнія о каждой волости — какъ же безъ этого поставить распредѣленіе? Узнаемъ же хоть для начала, сколько этихъ волостей.

Переписываетъ Вѣра Михайловна аккуратно и методически, не отрывается отъ работы, честно сидитъ до пяти часовъ. Такъ учили ее въ институтѣ относиться ко всякому дѣлу, такъ навѣрное и она учитъ своего Колю, который иногда забѣгаетъ къ ней послѣ гимназіи. Я стороной знаю, что мужъ Вѣры Михайловны гдѣ-то въ добровольческой

арміи; но, она, бѣдняжка, навѣрное, въ ужасъ пришла бы отъ одной мысли, что мнѣ это можетъ быть извѣстно. И такъ смотритъ она на меня — большевистское начальство — съ нескрываемымъ страхомъ.

Утромъ въ половинѣ одиннадцатаго я хожу на докладъ къ Маншину — тому большеголовому человѣку, что принималъ меня на службу. Но и потомъ, разъ десять на день, я вижу его. Маншинъ безъ устали бѣгаетъ по своему управленію и всюду раскидываетъ брызги своей бѣшеной энергіи. То — изрѣдка — броситъ служебное замѣчаніе, и барышни усиленно начинаютъ стучать на ундервудѣ. То сострить, то заведетъ споръ, то анекдотъ разскажетъ — но гдѣ бы онъ ни появился, вокругъ него тотчасъ сбивается плотный кружокъ.

Петра Измайловича всѣ у насъ обожаютъ, какъ институтки. Да и трудно иначе: изъ этого человѣка лучится удивительное, непреодолимое обаяніе — такое, какимъ обладаютъ только очень крупные люди.

А между тѣмъ, никто изъ насъ даже не знаетъ толкомъ, кто онъ: нашъ или ихній, совѣтскій. Пожалуй, что ни то, ни другое. Біографія у него путаная, сумбурная, такая, какъ только у русскихъ людей бываетъ. Сколько у него спеціальностей? Онъ никогда не перечислялъ ихъ, но, кажется, нѣтъ такого дѣла, которымъ бы онъ не занимался. Онъ врачъ, физіологъ, инженеръ-технологъ, морякъ, экономистъ, а въ часы отдыха — археологъ.

Кто-то узналъ, что до Цусимы онъ былъ морскимъ офицеромъ. А послѣ Цусимы — сталъ анархистомъ. Жилъ въ Швейцаріи, знакомъ съ Ленинымъ, Троцкимъ, Зиновьевымъ. Объ этомъ онъ, впрочемъ, и самъ не безъ удовольствія разсказываетъ. Потомъ вернулся въ Россію, былъ гдѣ-то директоромъ огромныхъ заводовъ, а изъ директоровъ попалъ въ наркомы какой-то Уральской республики. Бѣжалъ, отъ кого-то скрывался, и вотъ выплылъ начальникомъ фантастическаго управленія. Ужъ не по его ли плану оно и создано?

О своемъ отношеніи къ большевикамъ Петръ Измайловичъ никогда не говоритъ, разумѣется. Но вообще онъ позволяетъ себѣ быть очень откровеннымъ — гораздо больше, чѣмъ кто-либо изъ насъ.

Какъ-то, послѣ долгихъ, осторожныхъ разговоровъ, намековъ, шутливыхъ полу-споровъ, Маншинъ вдругъ сталъ очень очень серьезенъ и медленно процѣдилъ: Ну, что-жъ... Конечно, это не творческая работа. Но будетъ Деникинъ — и у Деникина не будетъ творческой работы. О, долго еще не будетъ... десять, пятнадцать лѣтъ... А потомъ. Потомъ будетъ... Царь... только не просто «Милостью Божіей», а «Милостью Божіей и волею народной»... Что? только и всего?.. Ну да, только и всего... два лишнихъ слова... Изъ за двухъ словъ — пятнадцать лѣтъ крови... Что-жъ — такова исторія.

А вѣдь тутъ же, среди слушавшихъ, прыщавый коммунистъ изъ сосѣдняго отдѣла. Почему Маншинъ говоритъ такъ свободно? Почему коммунисты спускаютъ ему то, за что другой бы прямо въ Вучека угодилъ? Ужъ, конечно, не за прошлое. Прошлое теперь немногаго

стоитъ. Должно быть, чувствуютъ, что онъ, дѣйствительно, съ такимъ же искреннимъ скептицизмомъ говоритъ и о Деникинѣ, какъ о совѣтской власти. Этого для нихъ достаточно. Вѣдь они то въ концѣ концовъ прекрасно понимаютъ, что всѣ мы — и товарищи управдѣлы и товарищи начальннки отдѣловъ, о Деникинѣ думаемъ совсѣмъ иначе.

На установленіи контакта, иа совѣщаиіяхъ и комиссіяхъ можно бы отыгрываться до безконечности. Но я, по зрѣломъ размышлеиіи, рѣшилъ, что гораздо правильнѣе будетъ до конца выполяить возложенную на меяя задачу, и представить начальству достойный его проектъ.

Конечяо, всѣ накопленные нами «матеріалы» пришлось отбросить въ староиу. Какіе ужъ тамъ матеріалы! Я попросту разогналъ всѣхъ барышень по командировкамъ, взялъ бѣлый листъ бумаги и написалъ «отъ чистаго разума»:

«Проект общегосударствеиной системы распределеяия У. С. С. Р.»

Итакъ:

Капиталистическое товарообращеніе замѣияется соціалистическимъ продуктообмѣномъ. Вся территорія республнкн — едияое хозяйство. Все, что полагается человѣку для удовлетвореяія его потребностей, онъ получаетъ отъ государства. Ничего лишняго. Ничего по своему вкусу или выбору. Каждому — по его рангу.

Разъ въ нѣсколько лѣтъ особыя комиссіи пронзводятъ цензъ по всей странѣ: опредѣляютъ положеніе человѣка и выдаютъ продовольствеииый паспортъ.

Безъ продпаспорта — нѣтъ существованія. Когда младеяецъ рождается — его регистрируютъ въ мѣстномъ исполкомѣ и выдаютъ продпаспортъ. Когда умираетъ человѣкъ — прежде чѣмъ похоронить его, отбираютъ продпаспортъ. Каждые полгода по купону продпаспорта выдаются продкарточки, на полученіе разныхъ благъ. Въ промежутки между этими моментами, продпаспортъ лежитъ запрятанный на днѣ сундука. У кого нѣтъ сундука — закопаетъ его въ землю. Ибо тотъ, кто утратилъ продпаспортъ, обреченъ иа голодную смерть, еслн только сложнымъ судебнымъ процессомъ не докажетъ факта утраты. Впрочемъ, предпочтительнѣе для стройности и этого послабленія не дѣлать: въ системѣ не должно быть исключеній. Кто не учтенъ и не зарегистрированъ, кто не обладаетъ докумеятомъ — пусть не ѣстъ.

Маншинъ въ совершенномъ восторгѣ. Это именно то, что нужно. Машинки стучатъ, «сферы» (конечно, иаши, наркомпродскія сферы) требуютъ большое число зкземпляровъ. «Капиталистическое товарообращеніе замѣняется соціалистическимъ продуктообмѣномъ»... Тов. Шлнхтеру, разумѣется, очень понравилось. Говорятъ, что проектъ на дняхъ передадутъ въ Совнаркомъ.

Когда Стоцинскій убѣгаетъ со своей первой службы, мы съ нимъ ходимъ осматрнвать типографіи. Это гораздо пріятнѣе, чѣмъ сидѣть

въ душной комнатѣ. Естественно, что продпаспорта должны печататься въ экспедиціи заготовленія денежныхъ знаковъ. Но, къ сожалѣнію, договориться тамъ довольно мудрено. «Экспедиція» состоитъ изъ двухъ частей: одна — на бульварѣ, гдѣ были арестантскія роты. Тамъ поставлено нѣсколько машинъ, но нѣтъ никого, кромѣ сонныхъ сторожей: не на чемъ печатать. Второе отдѣленіе — это по-просту старая типографія Кульженко, которую всякій кіевлянинъ знаетъ; и самъ Михаилъ Степановичъ тамъ; теперь онъ не владѣлецъ, а управляющій экспедиціей, но, видимо, это ничуть дѣла не мѣняетъ. Только развѣ, что рабочіе болѣе почтительны, чѣмъ прежде. Но и у Михаила Степановича нѣтъ бумаги для нашихъ паспортовъ.

А между тѣмъ кто-то подалъ геніальную мысль относительно бумаги. Ее нужно искать совсѣмъ не тамъ, гдѣ ищутъ, а .... на сахарныхъ заводахъ.

Дѣло въ томъ, что во времена господства кровавой буржуазіи на сахарныхъ заводахъ скопились цѣлыя горы упаковочной бумаги. Особенно, говорятъ, почему-то хороша та, въ которой вывозили сахаръ въ Персію. Такъ какъ теперь не только для Персіи, но вообще сахара не производятъ, то отчего бы не примѣнить бумагу для паспортовъ и карточекъ. Особенно эффектны будутъ на этой бумагѣ сахарныя карточки...

Рисунки карточекъ мы пока что подготовляемъ, при помощи особаго спеца. Хлѣбный купонъ: рисунокъ — французская булка (кстати, вотъ уже полгода, какъ въ Кіевѣ вывелись французскія булки); мясной купонъ — чудесный окорокъ. Обувной: американскіе ботинки. Сахарный: голова сахару. Одежный: френчъ и галифе.

Рисунки выходятъ очень хорошіе. Посерединѣ карточки — рабочій и крестьянинъ, а надъ ними рогъ изобилія, съ надписью: У. С. С. Р.

Все шло такъ хорошо! И вдругъ — катастрофа!

Надо же было Шлихтеру разругаться съ какимъ-то своимъ помощникомъ. А помощникъ — пріятель Манцшина.

У насъ прощальное засѣданіе.

Цезарій Леонидовичъ Верцисъ, нашъ новый, прибывшій изъ Москвы начальникъ, предсѣдательствуетъ. Тов. Верцисъ совсѣмъ молодой мужчина съ черной бородкой. Говорятъ, что онъ студентъ московскаго университета. Взглядъ у него острый, бѣгающій, непріятный. Должно быть, онъ настоящій коммунистъ, изъ подпольщиковъ, а, можетъ быть, изъ охранки.

Тов. Верцисъ, разумѣется, крайне недоволенъ своимъ предшественникомъ. Выгнать девять десятыхъ служащихъ, расформировать, переорганизовать. Всѣ заботы — о красномъ фронтѣ. Деникинъ, поляки, Петлюра, Махно, Григорьевъ — отовсюду угрозы совѣтской власти. А у насъ, вмѣсто заботы объ арміи, засѣданія, научныя совѣщанія, лабораторіи!

— Къ сожалѣвію, моментъ настолько острый, товарищи, что приходится всѣ силы сосредоточить иа текущей работѣ. Даже то, что у васъ создаио цѣниаго, придется отложить иа время. Вотъ, иапримѣръ, проектъ техиическаго отдѣла, — и онъ не можетъ быть осуществленъ. Но, рано или поздно, совѣтская власть добьется полиаго осуществленія своихъ идеаловъ — тогда, повѣрьте, товарищъ, мы ие забудемъ и вашего проекта, этого цѣниаго вклада въ коммуиистическое строительство, вѣриаго духу совѣтскаго строя, и съ такой прямотой разрѣшающаго ту осиовную проблему, которая...

А между тѣмъ, право, мы не были саботажниками.

Миѣ и въ голову не приходило на зло совѣтской власти плохо выполнять мою работу: я вѣдь зналъ, что работа эта разсчитана на примѣиеніе... черезъ полтора года. Когда Деникииъ давно ужъ будетъ въ Москвѣ!

Напротивъ, я съ большнмъ увлеченіемъ занимался разрѣшеніемъ поставленныхъ мнѣ задаиій: у меня съ дѣтства любовь къ головоломиымъ задачамъ, къ шахматамъ, ко всякимъ шарадамъ, ребусамъ, лабиринтамъ.

А мои сотрудницы... бѣднымъ барышнямъ было ие до саботажа.

Конечно, въ нашемъ учреждепіи имѣлись иѣкоторыя особыя черты. Но я видалъ множество другихъ комиссаріатовъ, управленій, отдѣловъ; видѣлъ, какъ работали мои знакомые и друзья. Саботажа я не видалъ.

Коммунисты любятъ говорить: «Интеллигенція своимъ саботажемъ помѣшала иашему творчеству». Интеллигентамъ это нравится: «Мы нашимъ саботажемъ помѣшали большевикамъ осуществить ихъ задавія».

Слишкомъ много чести для обѣихъ сторонъ.

Саботировать — это значитъ сознательно, изо дня въ день портить то дѣло, къ которому приставленъ. Я зиаю — были такіе саботажники. Были генералы, собиравшіе войска въ тѣ пуикты, гдѣ легче было перейти къ бѣлымъ. Были продовольственники, свозившіе хлѣбъ въ города, подлежавшіе иеминуемой сдачѣ. Но сколько было такихъ саботажниковъ? Какая сила воли, какое упорство нужиы для этого?

Саботажъ — противенъ человѣческой природѣ. Человѣкъ такъ ужъ устроенъ, что ему хочется (если только это ие трудно) хорошо сдѣлать всякое дѣло, за которое онъ берется. Настоящіе, иесомнѣнные контръ-революціоиеры, попавъ въ совѣтскую каицелярію, въ силу привычки, въ силу иесомнѣнной человѣческой склонности, думали не о томъ, какъ иапортить, а какъ бы лучше составить бумагу, какъ удобнѣе иаладить архивъ, какъ правильиѣе распредѣлить дѣло между подчииенными.

Не было саботажа, но не было и вѣры въ работу. Да откуда ей было быть? Ея вѣдь никто и ие требовалъ: дѣлайте то, что вамъ прикажутъ; не ваше дѣло вѣрить или сомнѣваться: исполияйте.

И вотъ, безъ вѣры въ дѣло, этого тончайшаго масла, которымъ должна была иапитаться человѣческая машина, колеса стали скрипѣть и останавливаться. Оказалось, чтобы исполнять, тоже иужна вѣра. Заставьте машивистку переписывать безсмысленныя замѣтки сумасшедшаго. Много оиа за деиь иаработаетъ?

Саботажа никакого не было — кромѣ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ исключеній. Было только непреодолимое убѣжденіе, что дѣло, которое дѣлаешь — безсмысленное, вредное дѣло. И этого оказалось достаточнымъ, чтобы все валилось изъ рукъ... Тутъ не было ни заговора, ни сознательнаго замысла: было неизбѣжное логическое послѣдствіе системы, отрицающей человѣческую душу.

Совхимеры.

Алеша переѣхалъ на Бульварно-Кудрявскую, досталъ гдѣ-то кожаную куртку и ходитъ на службу въ авто-дивизіонъ. Паспортъ у него на имя мѣщанина Борового. Конечно, паспортъ «мытый», и довольно неаккуратно, такъ что кое гдѣ проступаютъ прежнія надписи. Но это сходитъ безъ заминокъ.

Я пока обхожусь моими старыми университетскими документами; съ каждымъ днемъ это все труднѣе: они безнадежно просрочены. Правда, я «прикомандированъ» къ Кіевскому университету, состоялось уже постановленіе факультета, но бѣда въ томъ, что комиссаръ, тов. Мицкунъ, принципіально не утверждаетъ факультетскихъ постановленій.

Попробовалъ я было сдѣлаться безработнымъ. Это особая профессія; нужно каждый день ходить на биржу труда и штемпелевать особую карточку. Многіе буржуи такъ и живутъ: лучше пройтись проштемпелеваться, чѣмъ коптѣть въ комиссаріатѣ.

Но къ этому тоже надо приспособиться. На биржѣ труда почему-то заправляютъ не коммунисты, а меньшевики. И надо имъ отдать справедливость: изъ всѣхъ учрежденій это самое гнусное, самое проплеванное, замызганное, провонявшееся...

И ужъ, конечно, самое сумбурное и грубое. Трудно сосчитать, черезъ сколько очередей приходится здѣсь пройти. Въ узенькихъ, душныхъ коридорахъ хвосты сталкиваются, сбиваются... Въ одной и той же комнатѣ по пять очередей, за каждымъ столомъ особая; какой-то маленькій, черный человѣчекъ — видно, создатель всего этого замѣчательнаго аппарата — кубаремъ летаетъ по лѣстницамъ, расталкиваетъ всѣ хвосты, кричитъ, топаетъ ногами, ругается...

Нѣтъ, много нужно охоты, чтобы каждый день выстаивать въ этихъ очередяхъ. Лучше ужъ оставить попеченіе о грядущемъ днѣ.

«Исторія Совѣтской Украины» занимаетъ всего одинъ день — вѣрнѣе, одну ночь въ недѣлю. Все остальное время — я свободенъ.

Но сегодня — сегодня у меня важное дѣловое свиданіе.

Я люблю бродить по городу.

Какъ ни странно — но на улицѣ у меня слабѣе отвратительное чувство гнетущаго безсилія и рабства. Дома, особенно по вечерамъ, это чувство невыносимо. Солнце еще высоко, но всѣ ворота заперты, на улицѣ ни души. Ходятъ только дозоры по обыскамъ.

Сидишь въ клѣткѣ и ждешь, пока хозяину придетъ охота свернуть тебѣ шею.

Что измѣнилось на кіевскихъ улицахъ? Конечно, многое, очень многое: нѣтъ трамваевъ, почти не видно извозчиковъ. Одни магазины закрыты, другіе хирѣютъ въ ожиданіи конца. И все же въ Кіевѣ еще чувствуется жизнь. Все также торопится шумная, южная толпа, только слегка поистрепалась; полны всякія кофейни и паштетныя, а неумирающая уличная биржа, ежедневно преслѣдуемая и обираемая, передвинулась только отъ Семадени за уголъ, на Николаевскую.

Полнокровный, сангвиническій городъ, питающійся соками черноземныхъ полей, не поддается большевистскому яду. Какъ все это не похоже на Петербургъ! Строгая, мрачная столица вспыхнула сумасшедшимъ краснымъ пламенемъ и умерла. Кіевъ хочетъ жить во что бы то ни стало — даже при большевикахъ.

Правда, въ Петербургѣ прошлой весной былъ уже настоящій голодъ. А здѣсь — пусть хлѣбъ 80 рублей фунтъ, но онъ есть, и почти всѣ его ѣдятъ. Почти всѣ.

Но день за днемъ вѣяніе смерти сильнѣе. Какъ на свѣжемъ трупѣ проступаютъ явственнѣе гнойныя пятна... Одинъ за другимъ пропадаютъ магазины, и на мѣстѣ ихъ раскрываются зіяющія впадины домовъ.

Это страшнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, потому что тамъ процессъ шелъ быстрѣе и въ немъ была стихійность, безшабашный напоръ. Теперь разрушеніе ведется спокойно, съ разсудительной медлительностью и оттого тупая безсмысленность его выступаетъ отчетливѣе. Сегодня — безъ всякой видимой причины закрываютъ мануфактурные магазины: это подъотдѣлъ тканей рѣшилъ взять ихъ на учетъ. Значитъ, съ сегодняшняго дня матерій больше нельзя достать (развѣ на толкучкѣ): ни сегодня, ни черезъ мѣсяцъ, вообще до тѣхъ поръ, пока не уйдутъ большевики. Завтра такъ же закрываютъ книжные магазины; послѣзавтра — посудные и т. д. и т. д. На фабрикахъ, заводахъ, складахъ — все то же. Голая нищета надвигается со всѣхъ сторонъ. Врядъ ли даже во всемъ этомъ есть продуманный (хотя бы сумасшедшими мозгами) планъ. Есть только неопредѣленный, уже выдыхающійся, но еще сверлящій импульсъ — на все наложить свою руку. Есть страсть къ наживѣ, а прежде всего — есть слишкомъ много ненужныхъ учрежденій. Послѣ того, какъ галантерейный отдѣлъ или табачный подъотдѣлъ учреждены, надо же имъ проявить свое рвеніе?

Среди кіевскихъ улицъ — такихъ знакомыхъ, веселыхъ, неаккуратныхъ улицъ — гдѣ чередуются бѣлые, красные, синіе, желтые, яркіе, какъ пасхальныя яйца, дома, странными сѣрыми пятнами торчатъ произведенія новой совѣтской культуры.

На Софіевской площади, на деревянныхъ подставкахъ, два гипсовыхъ чудовища смотрятъ другъ на друга: Ленинъ и Троцкій. Навѣрное саботажникъ поставилъ ихъ здѣсь, у подножія бронзоваго Богдана Хмѣльницкаго, чтобъ оттѣнить всю хрупкость новаго режима:

вотъ ужъ два года какъ при разныхъ правительствахъ соскабливаютъ съ бронзовой скалы преступныя слова «волимъ подъ Царя восточнаго, православнаго», и все таки не удалось соскоблить. А гипсовые Ленинъ и Троцкій... недолговѣчный у нихъ видъ. На пьедесталахъ у нихъ тоже всяческія надписи... и тоже все преступныя. Это — улучивъ удобную минутку, благодарные граждане отводятъ душу при помощи карандаша или уголька.

Еще десятокъ такихъ чурбановъ разставленъ по всему городу. Передъ городскимъ театромъ — Карлъ Либкнехтъ. Въ первую же ночь окатилъ его кто-то ведромъ красной краски, и Либкнехтъ стоитъ весь въ кровавыхъ брызгахъ. Есть гдѣ-то Карлъ Марксъ, Роза Люксембургъ, есть даже, кажется, Лассаль.

Но самое грандіозное новшество — названія улицъ. Не знаю ужъ, гдѣ нашелся такой рьяный администраторъ — однако, это единственное дѣло, доведенное до конца. На каждомъ углу — новенькая синенькая дощечка, на трехъ языкахъ: по украински, по русски, по еврейски. Фундуклеевская — улица Ленина. Широкая и прямая Александровская — улица Октябрьской революціи; узенькая, кривая Трехсвятительская — улица Февральской революціи. Звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ.

Центръ уличной жизни — то учрежденіе, гдѣ засѣдаетъ Левъ Казимировичъ Стоцинскій. Они въ теченіе всего дня выставляютъ плакаты съ послѣдними телеграммами. Можно-ли удержаться, чтобъ не забѣжать раза три на день... Вѣдь вся жизнь — только въ этомъ: вдругъ чудо... Говорятъ, одесситы сидятъ часами у моря и ждутъ дессанта. А мы, — намъ остается ждать плаката.

Не все ли равно, что произойдетъ? Только бы что-нибудь происходило, только бы не было этой могильной тишины... Поляки, Петлюра, Зеленый, Махно... Пусть громятъ городъ, какъ громилъ его Муравьевъ, пусть воюютъ, убиваютъ, разрушаютъ, но пусть жизнь мѣняется, движется, чтобы была надежда на конецъ.

Когда есть основанія ждать интересныхъ извѣстій, я захожу къ Стоцинскому. Непріятный визитъ. Здѣсь, въ этомъ учрежденіи — кладбище литераторовъ. Злословя и подсиживая другъ друга, выгоняютъ совѣтскія строчки бывшіе газетные люди. Здороваешься со знакомыми, и встрѣчаешь пристальный, съ затаенной поганенькой радостью взглядъ... Можетъ быть, тоже къ намъ? еще одинъ? Захлебываясь, разсказываютъ послѣднія событія, шепоткомъ, на ухо... Вотъ тотъ... знаете... извѣстный, петербургскій... тотъ, что на судѣ плакалъ, и раскаялся въ принадлежности къ буржуазной прессѣ... ну да, да... Подалъ прошеніе... А нашъ-то Кальмановичъ, такъ небрежно: «Если, товарищъ, найдется мѣстечко, то во вниманіе къ вашему искреннему переломужъ во взглядахъ»...

— Ну, и что-жъ?

— Да ничего. Редактируетъ новый журналъ — «Красный Офицеръ». Видѣли?.. ничего, хорошій журнальчикъ... съ картинками. Разсказы — про раскаявшагося бѣлогвардейскаго офицера. «Маршъ красноармейца». Милый, очень милый журнальчикъ... А? Какъ вы находите?

Но многіе литераторы держатся стойко и мужественно. Въ тѣхъ нѣсколькихъ номерахъ газетки, которые успѣли издать меньшевики, талантливый фельетонистъ Homunculus — Заславскій — окатилъ совѣтскихъ Аракчеевыхъ такими острыми, ядовитыми издѣвательствами, что газета ходила изъ рукъ въ руки. Говорятъ, его вызывали въ Чека, угрожали, соблазняли, но онъ къ нимъ не перешелъ. Правда, въ концѣ то концовъ ничего ему не сдѣлали, и онъ на свободѣ. Хорошо быть соціалистомъ...

Хорошо держится и Эренбургъ. Въ подвалѣ, подъ бывшимъ Континенталемъ, у него кабачокъ, вродѣ Бродячей Собаки, и онъ при каждомъ случаѣ подчеркиваетъ свои антибольшевистскія симпатіи.

У Стоцинскаго въ его учрежденіи совсѣмъ особое положеніе. Рискованную игру ведетъ Левъ Казимировичъ и, надо ему отдать справедливость, ведетъ съ большимъ искусствомъ. Конечно, среди всей «шпаны», осѣвшей на это дно, есть люди, знающіе его прежнюю карьеру. Каждый день кто-нибудь изъ нихъ можетъ доложить по начальству. А вѣдь, пожалуй, уже и доложили? Можетъ быть, начальство только притворяется ничего не вѣдающимъ. Такіе случаи бываютъ. Испытываютъ — насколько нужный человѣкъ. Стоитъ-ли помиловать? Но держатъ подъ неусыпнымъ надзоромъ. И въ любую минуту — хлопъ...

Левъ Казимировичъ беретъ развязностью. Онъ не подслуживается и твердо поставилъ себя какъ спецъ, безъ всякой политической окраски — онъ завѣдуетъ хозяйствомъ, чиститъ машинки, командуетъ машинистками, кричитъ на курьеровъ, но писать — ни строчки. Все время отважно эквилибрируетъ. Коммунистическую ячейку назвалъ коммунистическимъ яичкомъ — и написалъ забавные стишки, какъ это яичко поднесли учрежденію къ свѣтлому празднику. Стишки не безъ яду, но онъ самъ первый побѣжалъ читать ихъ начальству. Не обижаться же?

Кто его знаетъ, чѣмъ все это кончится — можетъ быть, въ чека сядетъ, а пожалуй, что пріобрѣтетъ особую милость начальства.

Конечно, на улицѣ, въ толпѣ, дышется свободнѣе, чѣмъ дома. Но не всегда пріятно и на улицѣ...

Въ гробовой тишинѣ пересѣкаетъ Крещатикъ странная процессія. Пятьдесятъ китайцевъ, тѣснымъ кольцомъ: впереди, по сторонамъ, сзади. Винтовки на изготовкѣ. А внутри кольца — человѣкъ двѣсти. Такъ, какъ ихъ взяли изъ дому: кто въ пальто, кто безъ шапки; въ рукахъ узелки.

Это переводятъ арестованныхъ изъ че-ка въ Лукьяновскую тюрьму.

Прохожіе задерживаются... образуется толпа. Но ни одного возгласа, ни одного жеста. Мрачно слѣдятъ глазами, какъ посреди огромнаго русскаго города китайцы ведутъ русскихъ... въ тюрьму, на смерть.

Эти минуты тишины — это то, что въ историческихъ изслѣдованіяхъ будутъ называть «изживаніе большевизма».

А между тѣмъ, вѣдь большевики такъ слабы...

Даже Петлюру они тѣснятъ съ большимъ трудомъ. За февраль и мартъ еле-еле отодвинули его отъ Кіева къ Каменецъ-Подольску. Директорія долго сидѣла въ Винницѣ, потомъ переѣхала въ Каменецъ. Былъ моментъ — въ апрѣлѣ — когда въ красныхъ сводкахъ упоминалось «на путяхъ къ Львову». Совсѣмъ какъ въ 14-омъ, а потомъ въ 16-омъ годахъ... Но тутъ пошла исторія съ Григорьевымъ, а потомъ ужъ было не до того....

Противъ мѣстныхъ бандъ большевики ничего не могутъ сдѣлать — лѣтомъ, по крайней мѣрѣ. Правда, Триполье разгромили: самъ Укрглавковерхъ Антоновъ, съ коммунистическими частями, пошелъ въ походъ.. Но кочевые бандиты бродятъ возлѣ самаго Кіева. У каждаго свой районъ. Соколовскій — по Житомірскому шоссе; Ангелъ — по Московско-Воронежской жел. дорогѣ. Его спеціальность — брать каждую недѣлю станцію Бахмачъ. Струкъ — вверхъ по Днѣпру, до Чернобыля.

Струкъ попробовалъ забраться въ самый Кіевъ. У него начальникъ штаба — настоящій полковникъ, Рейхель. Это не разбойничьи шайка, а вродѣ политической организаціи, крайне правой.

Среди бѣла дня — тревога въ городѣ. Вызываютъ караульныя части, дежурную коммунистическую роту; на извозчикахъ, на грузовикахъ летятъ внизъ по Александровской, на Подолъ.

Оказывается: пришли Струковцы. Человѣкъ сорокъ, съ винтовками. Никто ихъ не останавливалъ. Да никто и вниманія не обращалъ: мало-ли кто теперь шатается съ винтовкой?

Встрѣтили гдѣ-то милицейскаго, сняли его съ поста. Второго — опять сняли. Прошли предмѣстье — Пріорку, Плосскій участокъ, вышли на людныя улицы Подола. Можетъ быть и до Крещатика бы добрались, но стали магазины грабить. Тутъ поднялся крикъ, зазвонили телефоны и ринулись въ бой коммунисты.

И что-жъ? Въ результатѣ — Рейхель своихъ людей благополучно увелъ обратно въ лѣса. Пострѣляли немного, но безъ особыхъ потерь — для формы. На то и гражданская война.

Я у цѣли. Вотъ въ глубинѣ аллеи, на самой дальней скамейкѣ, Елена Николаевна. Она всегда обставляетъ наши встрѣчи величайшими предосторожностями. Можетъ быть, не безъ основанія. Пожалуй, что и правда, въ томъ учрежденіи, гдѣ она служитъ, всѣ подъ строгимъ надзоромъ.

— Вы знаете, въ прошломъ году, при гетманѣ... всѣ говорили: интриги, подпольная игра... А вотъ понимаете, никогда, никогда не

было столько политическихъ тайнъ, какъ теперь. Вы думаете, это такъ просто — большевики? А вотъ увѣряю васъ, у нихъ есть какія-то сношенія съ иностранцами. Я вѣдь очень, очень многое знаю. Потому что вѣдь машинистка не человѣкъ, при ней все можно говорить... А мнѣ они вѣрятъ... И потомъ свѣтл. княгиня В...

— Какая княгиня?

— Моя пріятельница по институту. Я вѣдь вамъ говорила. Тогда я только догадывалась, теперь я знаю навѣрное: у нея романъ съ Раковскимъ...

— ??

— Да, да... она сама мнѣ сказала. Вы не удивляйтесь. Она моихъ лѣтъ, Бетси, у нея почти взрослый сынъ. Но если бы вы ее увидѣли, вы бы поняли. И потомъ, ему должно льстить — княгиня. Правда вѣдь? Но не думайте о ней дурно — она искренно имъ увлеклась, увѣряю васъ. Вы видѣли его на митингѣ, помните? Вѣдь интересный? И знаете ли, онъ довольно воспитанъ, прилично себя держитъ.

— Право же, Елена Николаевна, все это...

— Нѣтъ, нѣтъ, не перебивайте. Вы вѣдь знаете, почему я вамъ говорю объ этомъ. Передайте Альфѣ. Я съ нимъ боюсь встрѣтиться. А мнѣ все кажется, можетъ быть это нужно ему знать. Какъ вы думаете? У княгини — вы знаете, что у нея раутъ былъ? Былъ Раковскій и консула, т. е. тѣ, что остались вмѣсто консуловъ. Все таки, вродѣ дипломатическаго корпуса, не правда ли? И очень много коммунистовъ. И изъ чрезвычайки были, — я вѣдь вамъ говорила, — они все время слѣдятъ за Бетси и постоянно грозятъ ей. Она жалуется Христіану Георгіевичу, но что онъ можетъ сдѣлать? Вы знаете — они вѣдь подчинены только Москвѣ. А передъ сдачей Крыма, за недѣлю, онъ прямо сказалъ Бетси: если у васъ есть какіе-нибудь способы, извѣстите вашего брата Владиміра — пусть онъ уѣзжаетъ, я его считаю однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ Россіи, и мнѣ жаль будетъ, если его разстрѣляютъ. Какъ вамъ понравится? Но это все такъ, это не важно, а вотъ что передайте Альфѣ непремѣнно: пріѣхала какая-то француженка, высокопоставленная дама... то есть, конечно, она авантюристка, но только самаго высокаго сорта. Говорятъ, у нея какія-то политическія порученія, будто-бы отъ французовъ. Потому что, знаете, какъ она проѣхала? Черезъ петлюровскій фронтъ. У нея были такіе пропуски, что петлюровцы ее пустили. Она только на три дня здѣсь, И опять возвращается въ Парижъ. Вотъ это нужно передать Альфѣ, вѣдь правда? Это вѣдь очень важно?

А вѣдь, дѣйствительно, странный теперь городъ нашъ Кіевъ. Доктора и адвокаты сторожатъ огороды. Чекисты во фракахъ на раутахъ знакомятся съ консулами. За десять верстъ отъ города нельзя проѣхать безъ охраны, но невѣдомыя дамы проходятъ безнаказанно всѣ фронты. Увѣряютъ, что въ кондитерской у Зѣлковскаго въ пять часовъ, кромѣ непремѣнныхъ чекистовъ, можно встрѣтить представителей развѣдокъ: польской, добровольческой, нѣмецкой, петлюровской, французской, англійской... А сверхъ того — крайне правыхъ, «самодержав-

никовъ». Это тѣ, что говорятъ: лучше большевики, чѣмъ Деникинъ съ кадетами. Такихъ совсѣмъ не мало, и Альфа думаетъ, что они опаснѣе большевиковъ: ихъ распознать труднѣе. А между тѣмъ они готовы служить большевикамъ, только бы «кадетъ» утопить. И бываетъ, что топятъ...

Че-ка.

Сперва они расположились по сосѣдству съ нами. Въ началѣ Большой-Подвальной есть грязные, мрачные номера «Версаль»; напротивъ нихъ — двухъэтажный, старинный домъ барона Штейнгеля; за домомъ садъ, круто спускающійся по обрыву.

Въ «Версали» поставили у дверей пулеметы, устроили тюрьму. Въ саду у Штейнгеля, надъ обрывомъ, разстрѣливали по ночамъ.

Вначалѣ работа не ладилась.

Какъ то, среди бѣла дня, на улицѣ крикъ, свистъ, улюлюканье, топотъ, хлопанье быстро закрываемыхъ дверей.

Я внизъ — не выпускаютъ. Строго велѣно запереть всѣ двери. Кто будетъ на улицѣ — застрѣлятъ.

И правда — на улицѣ уже ни души, кромѣ китайцевъ.

Захлебываясь, смѣшно вскидывая ногами, съ винтовками на перевѣсъ, мчатся по Подвальной китайцы.

Это кто-то изъ чека сбѣжалъ.

Черезъ часъ китайцы, понурые, возвращаются. Не нашли.

Потомъ какіе то матросы ходили въ чека «вызволять своихъ товарищей» и едва не затѣяли сраженіе. И вообще на людной улицѣ да еще при такомъ расположеніи — по обѣимъ сторонамъ — работать было неудобно.

Чека переѣхала въ Липки — спокойный, тѣнистый кварталъ, гдѣ въ просторныхъ особнякахъ испоконъ вѣку жила губернская аристократія.

Тамъ чека расцвѣла. Главная — В. У. Ч. К. (Всеукраинская) расположилась въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, а отъ нея пошли во всѣ стороны пышные побѣги — губернская, уѣздная, всяческіе отдѣлы и управленія.

Это были тѣ кварталы, гдѣ потомъ, черезъ полъ года (когда при добровольцахъ стали вскрывать подвалы) нельзя было пройти отъ трупнаго запаха.

Тутъ началась работа настоящая. Это не былъ залихватскій, разбойный набѣгъ, какъ годъ назадъ, при Муравьевѣ, когда въ нѣсколько дней перестрѣляли безъ разбора двѣ тысячи офицеровъ. Не было въ этомъ и трусливой, отчаянной злобы, какъ въ Петербургѣ, при Уриц-

комъ. Душегубство шло спокойное, размѣренное; Чека трудилась изо дня въ день. Какъ на скотобойнѣ — сегодня подвозъ былъ больше, завтра меньше, — но безъ работы никогда не оставались.

Кіевъ былъ чуть-ли не самымъ «правымъ» городомъ въ Россіи. Въ семнадцатомъ году, на выборахъ въ учредительное собраніе, когда среди большевистско-эсэровской мути еле-еле всплывали кое-гдѣ одинъ-два кадета, Кіевъ собралъ нѣсколько десятковъ тысячъ голосовъ за списокъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ былъ Шульгинъ, на второмъ — Струве.

Кіевъ не былъ еще подточенъ тѣмъ, что разрушаетъ жизнь глубже революціи: голодомъ. Въ пестрыхъ кирпичныхъ домахъ при всѣхъ режимахъ семьи жили такъ же, какъ прежде, или старались такъ же жить и только крѣпче цѣплялись за старыя привычки, пока волны перекатывались черезъ головы.

Поэтому Кіевъ рѣшено было почистить.

На Крещатикѣ, въ витринѣ большой фотографіи, висѣли для обозрѣнія гражданъ, портреты Наркомовъ и высшихъ должностныхъ лицъ Украинской Совѣтской Республики. Среди нихъ были портреты замѣчательные; тонкое лицо кондотьера, которое послѣ Генуи стало извѣстно всей Европѣ, изображено было въ десяти разныхъ видахъ: съ бородой, безъ бороды, за письменнымъ столомъ, съ задумчивымъ взоромъ, спереди, въ профиль — Раковскій любитъ позировать; изъ копны нечесаныхъ волосъ, слитыхъ съ бородой въ одинъ лохматый комокъ, дикимъ взоромъ смотрѣли безумные, не мигающіе глаза Пятакова — славнаго отпрыска богатой кіевской семьи, давшей революціи одного кадета, одного монархиста, и двухъ знаменитыхъ большевиковъ.

Но больше всего обращалъ на себя вниманіе портретъ крупнаго мужчины среднихъ лѣтъ съ благообразнымъ, немного пухлымъ лицомъ, съ широкой, мягкой бородой, и большими прекрасными, свѣтлыми глазами. Глаза, слегка на выкатѣ, смотрѣли на Божій міръ спокойно, ясно, обнаруживая ровный характеръ и непоколебимую совѣсть ихъ обладателя.

Человѣкъ съ такой располагающей внѣшностью и былъ товарищъ Лацисъ, предсѣдатель В. У. Ч. К.

Общій лозунгъ данъ былъ такой: убивать по преимуществу не молодыхъ, а стариковъ. Молодые, даже если они въ душѣ бѣлогвардейцы (активные, конечно, въ счетъ не идутъ), могутъ быть еще передѣланы, приспособлены, и станутъ полезными сотрудниками. Со стариками ничего подѣлать нельзя. Поэтому стариковъ надо уничтожать. Кого именно изъ стариковъ убивать — это ужъ вопросъ случая. Старыхъ купцовъ, и не очень богатыхъ, а только изъ самыхъ «почтенныхъ», профессоровъ — Флоринскаго (отца совѣтскаго дипломата) и Армашевскаго, которые, «какъ чрезвычайной Комиссіи удалось узнать», состо-

али членами клуба націоналистовъ (а списокъ то членовъ чуть не каждый годъ публиковался), отставныхъ чиновниковъ, адвокатовъ, судейскихъ.

Но и среди этой кровавой цѣпи ежедневныхъ безсмысленныхъ убійствъ были убійства необыкновенныя, совсѣмъ нестерпимыя.

В. П. НАУМЕНКО.

Въ Петербургѣ его знали только среди педагоговъ и среди ученыхъ филологовъ, въ Кіевѣ — рѣшительно всѣ. Не знаю, сколько у него было учениковъ, но, навѣрное, много тысячъ. И ужъ, конечно, у каждаго — кромѣ развѣ совершенно тупыхъ людей — осталось о немъ глубокое воспоминаніе.

Яркость была основнымъ его качествомъ, не померкнувшимъ и въ старыхъ годахъ. Но яркій свѣтъ, исходившій отъ него, былъ необыкновенно мягокъ — какъ широкія, удивительно выразительныя и спокойныя движенія его рукъ.

Моимъ преподавателемъ онъ былъ только въ старшихъ классахъ. Но, какъ директоръ, и къ младшимъ заходилъ иногда на пустой урокъ, — почитать Гоголя. Читалъ онъ Гоголя поразительно (особенно «Какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»), и это былъ всегда праздникъ.

Я зналъ его уже настоящимъ старикомъ. Послѣ безпрестанной, всю жизнь тянувшейся войны съ округомъ и съ министерствомъ, ему удалось, послѣ 1905-го года, открыть свою гимназію. Гимназія вышла не совсѣмъ такая, какъ-бы онъ хотѣлъ, но все же онъ могъ, наконецъ-то, работать у себя. Для надзора ему назначали изъ округа «недреманное око» — инспектора — но ничего изъ этого не выходило. Мягкій свѣтъ, излучавшійся изъ Владиміра Павловича, и та особая, стариковская мудрость, которая чувствовалась въ каждомъ его словѣ, обладали такой непреодолимой силой, что вся — заранѣе наигранная — злоба и рѣзвость разсѣивалась, какъ дымъ. Страшное рычащее чудовище въ вицъ-мундирѣ превращалось въ обыкновеннѣйшаго Матвѣя Ивановича, и работа Матвѣя Ивановича шла потихоньку да помаленьку, потому-что всѣ острые углы тщательно были сглажены мягкими стариковскими руками.

Науменко былъ однимъ изъ основоположниковъ — страшно сказать — украинскаго движенія. Настолько велика была его роль, что земля, на которой находится могила Шевченко (предметъ всегдашняго поклоненія, мѣсто, куда являются всѣ съѣзды, всѣ спілки) числилась его собственностью — такъ что, какъ будто бы, за отсутствіемъ соотвѣтственнаго юридическаго лица, Владиміръ Павловичъ признанъ былъ достойнѣйшимъ хранителемъ этой величайшей святыни украинцевъ.

Онъ былъ воплощеннымъ образомъ того, чѣмъ украинское или малороссійское движеніе могло бы быть, если-бъ ... если-бъ сложилось иначе.

Онъ былъ украинцемъ или малороссомъ, т. е. былъ русскимъ. Среди «украинцевъ» множество есть такихъ, которые (въ моменты,

когда насчетъ «самостійности» худо), распинаются въ любви къ Россіи, — но мнѣ не приходилось ни одного видѣть, у кого бы это было искренно: все украинское движеніе выросло на ненависти къ «москалямъ» — и оттого вмѣсто культурно-національнаго стало сектантскимъ.

Владиміръ Павловичъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, когда еще возможно было органически слить въ себѣ русскаго и украинца. Дома, въ семьѣ, у него говорили по малороссійски. Но онъ всю жизнь преподавалъ русскій языкъ — и преподавалъ съ величайшимъ воодушевленіемъ. Говорилъ онъ на великолѣпномъ русскомъ языкѣ, но своеобразно, не по московски и не по петербургски, а по южному, съ сочными провинціализмами, съ характерными удареніями, — на настоящемъ, чудесномъ гоголевскомъ языкѣ.

Преданность русско-украинской идеѣ погубила его.

Когда Скоропадскій выкинулъ лозунгъ «федераціи съ Россіей», «спасеніе Россіи и Украины», Науменко, больной старикъ, бросившій даже любимое преподаваніе и жившій на покоѣ, рѣшилъ, что онъ не въ правѣ отказаться отъ предложенной ему работы. Онъ сталъ министромъ народнаго просвѣщенія въ послѣднемъ гетманскомъ кабинетѣ. Сдѣлать онъ, конечно, ничего не успѣлъ — какое ужъ тамъ было просвѣщеніе, когда петлюровцы осаждали Кіевъ, а растерявшіяся власти мобилизовали гимназистиковъ и кадетиковъ. Онъ обреченъ былъ безучастно дожидаться конца, и даже послѣ того, какъ петлюровцы торжественно объявили внѣ закона «гетманскихъ министровъ», оставался у себя на квартирѣ, на Паньковской. Тронуть его не рѣшились.

Когда Чека расцвѣла, и по городу пошла волна «изъятій», Владиміръ Павловичъ вызвалъ какъ то къ себѣ моего пріятеля и одноклассника, о которомъ думалъ, видимо (и не безъ основаній), что онъ знаетъ тонкости совѣтскихъ декретовъ и ихъ практики. Пошелъ съ нимъ и я — мнѣ хотѣлось повидать, послѣ долгаго перерыва, «нашего старика».

Нашли мы его почти такимъ же, въ томъ же маленькомъ, заваленномъ книгами кабинетикѣ. Только въ бородѣ — не совсѣмъ сѣдой — появились, кромѣ бѣлыхъ, еще и желтые волосы, и движенія стали слабѣе и еще мягче.

Вызвалъ онъ моего пріятеля за совѣтомъ. При какой то раскладкѣ — въ пользу красной арміи, что-ли — на его долю назначили ни съ чѣмъ несообразное количество бѣлья, столько и въ домѣ не было. Какъ поступить? Кому на это жаловаться?

Мы горячо стали совѣтовать никому не жаловаться, а, вмѣсто того, немедленно уѣзжать изъ Кіева.

— Васъ до сихъ поръ не трогали, потому что забыли. А теперь всплыветъ ваше имя, пойдутъ разговоры, и будетъ худо. Уѣзжайте на хуторъ и переждите тамъ. (У него хуторъ былъ на Днѣпрѣ, подъ Каневомъ — противъ могилы Шевченко; тамъ онъ жилъ каждое лѣто).

Но Владиміръ Павловичъ отвѣчалъ мягкой улыбочкой — и подъ этой мягкостью чувствовалось неожиданное упорство.

— Я жизнь свою прожилъ и ни отъ кого не скрывался. Трогать меня не за что, а убѣгать я не умѣю и не буду.

Такъ онъ никуда и не уѣхалъ, а противъ несправедливаго обложенія сталъ дѣйствовать «законнымъ» путемъ: подалъ протестъ въ Исполкомъ.

Не знаю, оправдались ли наши предсказанія, и была ли эта бумажка причиной того, что о старикѣ вспомнили. Очень возможно, что именно такъ: арестовали его вскорѣ послѣ нашего разговора.

Такъ велико было обаяніе Владиміра Павловича, что, вѣроятно, его бы спасли. Когда стряслась бѣда, оказалось, что вездѣ есть его ученики — и среди коммунистовъ, и даже въ чрезвычайкѣ. Сотни людей заволновались, всякія пружины были пущены въ ходъ — и, должно быть, старика отстояли бы. Но чека увидала это — и поторопилась. На слѣдующую-же ночь его разстрѣляли.

Въ результатѣ хлопотъ и просьбъ удалось добиться только выдачи трупа. И то въ исторіи кіевской чека это былъ единственный случай.

Потомъ оказалось, что на арестѣ и разстрѣлѣ Науменки настояли украинскіе большевики-боротьбисты. Для этихъ двоерушниковъ по призванію, лукавыхъ и похотливыхъ, самое существованіе Владиміра Павловича (всѣ они его знали) было непрестаннымъ оскорбленіемъ.

В. А. САЛОМОНЪ.

Онъ стоялъ на той грани, гдѣ дѣтское незлобивое простодушіе начинаетъ казаться почти юродствомъ.

Шутя его называли княземъ Мышкинымъ.

Но въ немъ не было ничего болѣзненнаго, срывчатаго — напротивъ, была постоянная, тихая ясность, и какая то глубокая кротость.

Къ практической жизни онъ былъ безнадежно неприспособленъ. Окончивъ Александровскій лицей, обладая огромными связями, онъ служилъ маленькимъ чиновникомъ въ Азіатскомъ банкѣ, и навѣрное такъ прослужилъ бы всю жизнь.

Когда то онъ пробовалъ серьезно заняться наукой — но и изъ этого ничего не вышло. Да и врядъ ли онъ способенъ былъ къ настоящимъ, систематическимъ занятіямъ.

Постоянный, глубокій интересъ былъ у него къ вопросамъ вѣры и совѣсти. Соловьевъ имѣлъ на него неотразимое вліяніе. Владиміръ Александровичъ съ волненіемъ вспоминалъ, какъ въ кабинетѣ его отца, бывшаго директора лицея, Соловьевъ, другъ отца, читалъ свои произведенія, особенно «Три разговора».

Политически — онъ никакъ не воспринялъ революцію. У него не было политическихъ взглядовъ. Эта область была ему просто непонятна. Обывательски же воспринялъ очень тяжело. Когда началась въ Петербургѣ голодовка, ему лично почти не пришлось страдать. Сестра заботливо охраняла его отъ всѣхъ невзгодъ. Но у него сдѣлался голодный психозъ: онъ вѣчно ощущалъ голодъ, или боялся наступленія голода; какъ только явилась возможность, онъ бѣжалъ — вслѣдъ за всѣми — на Украину.

Здѣсь товарищи опять устроили на службу Владиміра Александровича. Такъ онъ и служилъ при всѣхъ режимахъ.

Жилъ онъ ужасно. На дальней улицѣ, во дворѣ, маленькая комната: въ ней семья стараго отставного штабсъ-капитана. А передъ этой комнаткой темная передняя — передняя и принадлежала Владиміру Александровичу; тамъ, при свѣтѣ лампочки, онъ кое какъ ютился за ширмой. Жилъ не то, что впроголодь, а совсѣмъ голодалъ, но тщательно сохранялъ тѣ немногія вещи, которыя привезъ изъ Петербурга. Эти вещи — тонкія простыни, вышитый атласный халатъ, дорогіе галстухи, очень ужъ какъ то не подходили къ комнатѣ и къ ширмочкѣ.

Но Владиміръ Александровичъ искренно не замѣчалъ всего безобразія своей жизни. Онъ былъ идеально воспитанъ — до той черты, когда воспитаніе опредѣляетъ не только внѣшній складъ человѣка, но и внутренній строй его переживаній, даже въ самыя тяжелыя минуты.

И съ штабсъ-капитаномъ, своимъ сосѣдомъ, и съ большевиками на службѣ онъ былъ одинаково изысканно любезенъ — и не могъ быть инымъ, — одинаково привѣтливъ и всегда искренно расположенъ.

Отъ голодовки-ли, отъ неурядицъ-ли бѣженской жизни, Владиміръ Александровичъ, несмотря на свои 35 лѣтъ, обросъ бѣлой, какъ снѣгъ бородой. Можетъ быть это его и сгубило? Можетъ быть его приняли за старика, подлежащаго не передѣлкѣ, а уничтоженію? Впрочемъ, это было вѣрно — измѣнить его не могли никакія силы въ мірѣ. Его большіе, сѣро-голубые глаза съ дѣтской наивностью смотрѣли изъ-за круглыхъ стеколъ. Слукавить они никакъ не могли.

Съ княземъ Мышкинымъ у него было глубокое, внутреннее родство.

«Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму —
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему».

На его пути когда-то — много лѣтъ назадъ — промелькнула женщина. Самая обыкновенная, и не безъ пошлости. Но онъ остался пораженный, потрясенный навѣки.

«съ той поры... онъ...»

. . . .

Въ чека Владиміръ Александровичъ попалъ по недоразумѣнію, или вѣрнѣе — за компанію. Арестовали какихъ-то его сослуживцевъ и его прихватили. Но въ чека стряслась съ нимъ бѣда.

Дѣло въ томъ, что онъ никогда въ жизни не солгалъ и н е у м ѣ л ъ лгать. Ни для приличія, ни въ шутку, никакъ не могъ. Не могъ велѣть прислугѣ: «скажите, что меня дома нѣтъ», не могъ придумать шутку на первое апрѣля. Когда его спросили: «вели-ли вы на службѣ разговоры, въ которыхъ осуждали совѣтскую власть?» — онъ отвѣчалъ утвердительно. Лишь послѣ онъ понялъ, что погубилъ и себя и своихъ товарищей. Говорятъ (сосѣди по камерѣ), что эта мысль свела его съ ума, и что на разстрѣлъ повели его совершенно безумнымъ.

Въ «Извѣстіяхъ», въ длинномъ спискѣ, онъ былъ отмѣченъ такъ:

Саломонъ, Владиміръ Александровичъ, сынъ члена Государственнаго Совѣта — за аристократическое происхожденіе и какъ безполезный элементъ.

Головокруженіе.

Въ первый разъ это случилось давно — въ началѣ апрѣля.

Былъ обыкновенный весенній день, теплый, уже немного пыльный. По Крещатику тянулись, какъ всегда, повозки съ конфискованными товарами. Возлѣ футуристическихъ плакатовъ «Буп'а» напряженно-безстрастно читали телеграммы прохожіе.

Я только взглянулъ на плакатъ...

Странная вещь, — почему, по какимъ незамѣтнымъ чертамъ, всегда можно отличить вѣрныя сообщенія отъ моря вымышленныхъ и лживыхъ извѣстій?

Въ этой телеграммѣ было и хвастовство, и глупыя агитаціонныя выраженія, и все же это была правда.

Это была правда — и все кругомъ измѣнилось. Съ дѣтства знакомые дома стали чужими; глухо и мрачно загрохотали ломовики, и самый солнечный свѣтъ сталъ безжизненнымъ и тусклымъ.

Такъ невозможно было. Надо было обдумать, обсудить, и рѣшить: что-же теперь?

Телеграмма была о томъ, что 7-го апрѣля 1919 г. доблестные отряды тов. Григорьева съ боемъ заняли Одессу, позорно обративъ въ бѣгство войска Антанты и банды бѣлогвардейцевъ.

Кажется, что для тѣхъ, кто сидѣлъ въ бѣломъ лагерѣ, событіе было прискорбное, но никакъ не роковое. Для одесситовъ — это было завершеніе долгой цѣпи разочарованій и обмановъ. Но для насъ, т а м ъ, за непроницаемой, каторжной стѣной, это было крушеніе, рѣшительное, непоправимое. Послѣ этого в ѣ р ы уже не было и не могло быть. Оставались — надежда... и любовь, конечно.

До того все было ясно, непоколебимо ясно. Можетъ быть, подсознательно, но все складывалось въ твердую, стройную систему. Это была настоящая, несокрушимая «идеологія». И притомъ — безъ всякой политики, безъ всякихъ партій.

Почему мы пошли противъ большевиковъ? Ужъ, конечно, не земли и не фабрики защищать. И даже не за временное правительство, не за Царя, не за учредительное собраніе. Съ этимъ можно было потерпѣть, подождать, это все было — потомъ.

Надо было спасаться отъ ближайшей бѣды: отъ брестскаго мира, отъ нѣмцевъ, отъ раздѣла Россіи, отъ безчестія. Тутъ не было никакихъ «лозунговъ», никакой политики, никакой почвы для споровъ.

Когда генералъ Алексѣевъ, черезъ недѣлю послѣ октябрьской революціи, создалъ армію — это не было началомъ гражданской войны; это было продолженіемъ старой арміи, и продолженіемъ прежней войны — за цѣлость, за честь Россіи.

Для того, чтобы такъ дѣйствовать, надо было хранить въ глубинѣ души твердую вѣру въ несокрушимый міровой порядокъ, въ Европу и въ союзниковъ.

Германія доставила въ Россію Ленина въ запломбированномъ вагонѣ: это расширило прорывъ въ міровомъ строѣ, волны захлестнули Россію. Но право и справедливость должны побѣдить: тогда волны схлынутъ, и въ Россіи возстановится порядокъ — какъ и во всемъ мірѣ. Большевики — большевики исчезнутъ, какъ туманъ. Развѣ они совмѣстимы съ порядкомъ? Они существуютъ — пока длится война.

О гражданской войнѣ не стоило и думать. Надо было только довести до конца великую войну. А потомъ — потомъ будетъ рѣчь и объ учредительномъ собраніи, и о царѣ, и обо всемъ.

Войну мы довели до конца.

На Кубани, на Уралѣ, въ Сибири, мы возсоздали восточный фронтъ и держались упорно до конца.

Теперь оставалось ждать — пока густая сѣть порядка и культуры оплететъ, остановитъ и скрѣпитъ хаосъ русскаго бунта.

Гражданской войны и теперь не должно было быть — да и не могло быть. Съ нашей стороны были бѣлоснѣжныя, незапятнанныя знамена — честь Россіи — и чудовищная сила, только что раздавившая Германію.

Съ ихъ стороны — ничего. Пьяныя разбойничьи шайки, бѣгущія отъ одного выстрѣла. Озвѣрѣлые палачи, способные убивать, — но не драться. Войны не могло быть. Должно было быть быстрое, спокойное продвиженіе, возстановленіе разрушеннаго, исцѣленіе, миръ, порядокъ.

Кто могъ слѣдить за Ясской конференціей, за исторіей съ Принцевыми островами, кто видѣлъ всѣхъ этихъ Ансельмовъ и Франше д'Эспре — и тѣ, кто видѣлъ, какъ на Кубани и на Дону, въ тяжелыхъ, кровавыхъ бояхъ красные учились драться — у нихъ крѣпкая, наивная вѣра уходила медленно, шагъ за шагомъ.

Для насъ — все сразу рухнуло 7-го апрѣля.

И непонятно и оскорбительно было то, что союзники измѣнили. Но еще непонятнѣе было другое: какъ могли войска — настоящія войска — поддаться подъ натискомъ шайки трусливаго сброда? Носители силы и порядка, спаянные, овѣянные побѣдой, съ пушками, танками — и эти вотъ распоясанные, расхлябанные оборванцы... Какъ могло это случиться?

Европа, незыблемый порядокъ, непобѣдимая культура, нерушимая вѣрность — все отхлынуло отъ насъ.

Кругомъ было бушующее море, и мракъ, мракъ, мракъ...

Конечно, остается наша армія...

Но теперь все мѣняется. Теперь наша борьба превращается въ гражданскую войну. Это будетъ долгая, безпощадная, кровавая война.

Чѣмъ она кончится? Что она принесетъ Россіи? Большевики... что-же такое большевики? Туманъ, болотные призраки... Но туманъ стоитъ, не разсѣиваясь, второй годъ. Призраки сгущаются, и солнце, великолѣпное европейское солнце, пропадаетъ въ туманѣ. Если они борются, если они оказываютъ сопротивленіе, значитъ, это не только призраки... Значитъ, подъ хлябями тумана есть какая-то реальность, какая-то сила, какая-то жизнь.

Неужели-же изъ этого можетъ родиться что-нибудь настоящее? Неужели... неужели къ этому надо отнестись серьезно? Банды красноармейцевъ, наркомпроды, совнархозы, чека... Неужели могутъ въ этомъ быть хоть ничтожныя частицы будущаго? Не разсѣется все, какъ дымъ, при первой зарѣ?

Это не такъ... даже навѣрное, не такъ. Просто барабанная дробь «Извѣстій», плакатовъ, митинговъ невольно проникаетъ въ мозгъ и отравляетъ сознаніе. Рождаются мысли уродливыя, пестрыя, кривыя и лживыя, какъ фигуры на плакатахъ. Съ этими мыслями нельзя ни жить, ни работать. Надо просто выкинуть ихъ вонъ...

Пусть намъ измѣнили, пусть насъ бросили. У насъ есть армія — и мы доведемъ борьбу до конца. И все, что громоздится кругомъ — все сгинетъ при первомъ пѣніи пѣтуха.

Я рѣдко бывалъ въ этомъ домѣ. Но меня позвали нарочно «посмотрѣть на генерала» [1]).

Онъ, какъ только пріѣхалъ изъ Москвы, сдѣлалъ визитъ, а потомъ зачастилъ. Когда-то онъ, кажется, былъ товарищемъ по службѣ дядюшки моей жены. Теперь дядюшка былъ гдѣ-то на Кубани, а тетка — ей нравилось, что генералъ, съ перваго же раза, завелъ длинныя рѣчи о своихъ монархическихъ чувствахъ. Ради этого она все готова была простить.

Генералъ, дѣйствительно, оказался замѣчательный.

Онъ пошелъ къ большевикамъ на слѣдующій-же день послѣ переворота — 26-го октября. Служилъ имъ съ тѣхъ поръ вѣрой и правдой. Въ чека, правда, сидѣлъ, но не за контръ-революцію, а для испытанія вѣрности — и кромѣ того, за спекуляцію.

Такія дѣла даромъ не даются. На сморщенномъ, бритомъ личикѣ генерала, на всей его маленькой фигуркѣ, даже на складкахъ пиджачка лежала глубокая печать какой-то настороженности, точно онъ ждетъ, что вотъ-вотъ призовутъ его къ отвѣту.

Зато въ словахъ и въ манерахъ развязность безбрежная.

Генералъ понималъ, разумѣется, что пришли посмотрѣть на него и задавать ядовитые вопросы.

Ему это, кажется, даже нравилось. Возможно, что у него была потребность ежедневно оправдываться и излагать свою программу.

А тетка такъ и старалась поскорѣе начать развлеченіе.

— Что же, Ѳедоръ Ивановичъ? Куда вы получаете назначеніе? Неужели съ нами воевать будете?

---

[1]) Ген. майоръ ген. шт. Одинцовъ.

Генералъ встрепенулся, и сдѣлалъ ручкой энергичный жестъ. Такъ, навѣрное, въ былыя времена, начиналъ онъ свои лекціи въ академіи генеральнаго штаба.

— Мой корпусъ назначенъ на западный фронтъ. Мы идемъ въ Галицію, оттуда въ Венгрію — спасать венгерскую совѣтскую республику.

— Помилуйте, Ѳедоръ Ивановичъ... съ вашими то оборванцами?

— Это не оборванцы, а революціонныя войска. Во Франціи, въ девяносто второмъ году, хуже было — и побѣдили. Революціонная армія. Для нея нѣтъ преградъ. Въ Одессѣ было первое столкновеніе... ну-съ, и что-жъ? А теперь впереди — побѣды, побѣды, побѣды...

— И всеобщее разрушеніе?

— Пожаръ, міровой пожаръ!

— Да къ чему жъ?

— Какъ къ чему? Неужели жъ вы думаете, что мы безъ этого смогли бы выбраться изъ петли? У насъ горитъ — такъ пусть же и у нихъ!

— А потомъ?

— У насъ раньше догоритъ-съ. У насъ кончится, а у нихъ еще полыхаться будетъ.

— Такъ вы, значитъ, весь міръ думаете покорить?

— Ну, это какъ случится. А Антанту побьемъ.

— Ахъ, «Россіи не быть подъ Антантой»?

— И не будетъ-съ. И наша русская армія, проникнутая революціоннымъ пыломъ, возстановитъ россійское государство, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды. И ужъ повѣрьте-съ: ни самостійнымъ «скаламъ», ни гордой Колхидѣ не сдобровать.

— А казаки? А... а добровольцы?

— Измѣнники! Невольные, конечно, невольные-съ... Вамъ извѣстно, Наталья Николаевна, съ какимъ почтительнѣйшимъ чувствомъ отношусь я къ порывамъ тѣхъ героевъ, которые покинули все, что было у нихъ въ жизни, дабы грудью противостоять стихійнымъ силамъ. Геройство, — и притомъ вредное. Наивность, незнакомство съ исторіей. Тэна надо было почитать! Героизмъ этотъ — однимъ врагамъ на пользу, французамъ и англичанамъ. Кобленцъ, россійскій Кобленцъ! Слѣпое орудіе въ рукахъ коварнаго Питта. Обреченные!

— Ну, ужъ и обреченные... да у нихъ танки и дисциплина. Они вашихъ товарищей голодранныхъ по вѣтру разсѣютъ...

— И разсѣяли бы, да нельзя-съ. Законы исторіи не позволяютъ. Революція должна замкнуть свой кругъ. Кто на пути становится — погибъ.

— Ахъ, кругъ замкнуть... А когда замкнете, тогда что?

— Россійская имперія.

— И Троцкій у насъ царемъ будетъ?

— Троцкій... мм... ну, это, какъ солдаты говорятъ, — кишка тонка. А будетъ... будетъ...

— Да кто же, Θедоръ Ивановичъ?
— Будетъ... генералъ Бонапартъ.
— Вотъ оно что... да это кто жъ? Ужъ не...
Но генералъ опять сдѣлалъ ручкой, засопѣлъ н замолкъ.

Черезъ нѣсколько дней я увндѣлъ, наконецъ, эту «революціонную армію» — самый еп цвѣтъ.

Вышелъ на Софійскую площадь, н вспомннлъ:

Троцкій пріѣхалъ!

По всей огромной площадн — сѣрые копошащіесп ряды.

Солдатики, старые русскіе солдатнкн. Скатка черезъ лѣвое плечо, фляжка. Для парада гнмнастерка залатана, н всѣ пуговкн на мѣстѣ. Только вмѣсто начнщенныхъ сапогъ — солдатской гордости — лохматыя обмотки.

Вотъ — краса н гордость. Кавалерійскій полкъ. Полкъ, правда, не большой — по мнрному временн эскадрона два, но конн подобраны — рослые, гнѣдые, а форма — невообразнмая. Красные кивера, какіе-то (не нзъ брошеяныхъ лн австрійцамн складовъ?) голубые галнфе, расшнтыя курткн. И хорошая, старая кавалерійская выправка: этн ребята, навѣрное, вндалн галнційскіе бон, Львовъ, царскіе парады... А красныя звѣзды — н на кнверахъ, н на рукахъ, н на груди.

— Товарншъ... огоньку найдется? Смерть курнть хочца.

Вотъ это — непріятель?! «Революціонная армія»?? О, Господн!

Ать — два!

Этого я давно не вндалъ! Съ семнадцатаго года... а пожалуй, что и съ четырнадцатаго... штыкн — нъ одну лннію! Какъ настоящая, хорошая рота въ старое время. Вннтовкн не лежатъ на плечѣ, не торчатъ надъ голоной, не вывернуты «въ поле» — а красуются н блещутъ по строевому уставу.

И вся рота, какъ одннъ человѣкъ, грузно колыхается «на мѣстѣ».

Ать — два!

Это красные курсанты подходятъ, н передъ тѣмъ, какъ стать, «даютъ ногу».

Передъ рядамн прыгаетъ тоненькій офнцерикъ. Не красный командиръ, а настоящій — навѣрное, поручнкъ.

Стой. Налѣ-апъ!

Голосъ у него тонкій, срывающійся. Весь онъ тянетсп, н такъ н ѣстъ глазами свонхъ курсантовъ — не подвелн бы. Шутка-лн — парадъ у Троцкаго.

Рядомъ со мной мон жена. Я смотрю на нее н вижу, какъ у нея по щекамъ ползутъ слезы.

— Боже, Боже... Вѣдь онъ, когда-то... онъ такъ на настоящнхъ парадахъ командовалъ...

Значнтъ, у Θедора Ивановнча, кромѣ его «законовъ нсторін», есть и солдаты.

Но вотъ насчетъ «законовъ исторіи»... Конечно, въ этомъ есть зерно истины — про естественный ходъ революціи и про «замыканіе круга».

Но вѣдь «наполеоновскія» идеи-то, на чемъ только и можетъ кончиться революція, безъ чего никакого порядка нельзя создать — нація, священная собственность, свой клочокъ земли и дисциплина, прежде всего дисциплина — вѣдь это н а ш и... н а ш и идеи...

Значитъ, мы должны побѣдить. А Ѳедора Ивановича, съ его законами исторіи, повѣсятъ — и туда ему и дорога.

— Но пойми-же меня, пойми: вѣдь я не измѣнился, не сталъ большевикомъ; я все тотъ же, какимъ былъ, какимъ ты меня столько лѣтъ знаешь. Помнишь Петербургъ, наши споры? Помнишь, я говорилъ всегда — побольше трезвости, безпощадной, спокойной трезвости. Вѣдь я и въ тебѣ находилъ крупицы интеллигентщины, радикализма, того, что мнѣ больше всего нестерпимо. Такъ вотъ пойми. Я все тотъ же. Я все такъ же думаю, что революція величайшее бѣдствіе, и что марксисты — круглые дураки, и что Европа съ ея бѣдненькими конституціями — нашъ далекій идеалъ. И вотъ, при всемъ томъ, я говорю тебѣ — м ы о ш и б а л и с ь. Да, да, мы ошибались — спасеніе придетъ не съ той стороны. Не удивляйся, не думай, что я съ ума сошелъ. Если-бъ ты зналъ только, сколько разъ мнѣ самому это казалось! Всѣ эти мѣсяцы, послѣ фронта, въ госпиталѣ, и потомъ дома, пока возился съ контузіей — вѣдь я все наблюдалъ и думалъ. А сколько я разныхъ режимовъ видѣлъ! И всѣ — игрушечные... Кучка людей, маскарадъ... Безъ размаха, безъ способности повелѣвать... Ничего, ничего не могло выйти... И у Колчака тоже. И теперь... прости, я знаю, тебѣ непріятно — но помяни мое слово: и у Деникина не выйдетъ.

Николай дрожащими руками закуриваетъ папиросу. Онъ блѣденъ, еще блѣднѣе обыкновеннаго. Такъ вотъ почему эти недоговоренныя слова, вотъ почему уклончивые, бѣгающіе взгляды съ самаго дня его пріѣзда. Вотъ почему онъ такъ странно промолчалъ, когда мы съ Алешей поспѣшили разсказать ему о нашей работѣ. А если-бы полтора года назадъ!

Не легко-жъ далась ему его новая теорія. Отъ нея или отъ контузіи дрожатъ руки, и прядь посреди лба сѣдая. И говоритъ онъ съ такой болѣзненной, съ такой дрожащей, мучительной убѣжденностью...

— Все это глубже и страшнѣе, чѣмъ мы думали. Двадцати тысячамъ офицеровъ да казаковъ этого не остановить, не опрокинуть. Помнишь? Вѣдь мы думали войну продолжать! Послѣ революціи!! Дѣти несчастныя... Что и война, и всѣ наши планы, программы, всѣ наши учредительныя собранія передъ этимъ потопомъ... Все уничтожено, все перевернуто, горы съ мѣстъ сдвинулись. А мы все свое, опять на мѣсто ставить? Опять все сначала? Да гдѣ-жъ силы на это найти? Одни у насъ осколочки остались — гдѣ-жъ изъ нихъ государство склеить?

— Такъ что-жъ, руки сложить? Чтобъ Россія въ пустыню обратилась?

— Но я тебѣ говорю: спасеніе явится. Только не съ той стороны!

— Что-жъ — отсюда? Вотъ отъ этихъ звѣрей??

— Да, да, звѣри! Палачи, убійцы, разбойники! Но кто могъ придти, кромѣ палачей! Послѣ проклятаго семнадцатого года, кто-жъ другой могъ взнуздать, кто могъ вытравить все это безпутство и безуміе?

— И ты серьезно думаешь, что они государство создадутъ?

— О, Господи! Да открой-же глаза, посмотри вокругъ себя — вѣдь оно уже создается... То происходитъ, о чемъ мы мечтали. А ты не видишь — потому-что не оттуда идетъ. Ты подумай только — вѣдь они маршируютъ!!

— Кто??

— Дезертиры, горланы, мародеры! Тѣ, что митинговали, что «свободу добывали». Сѣрые, сивухой опоенные, свихнувшіеся люди. Они вѣдь думали, что конецъ — начальства навѣки нѣтъ, гуляй — чего хочешь. А теперь? Видѣлъ? «Справа по отдѣленіямъ!» И какъ стараются!

Мертвые глаза Николая чуть-чуть заблестѣли.

— И не только въ этомъ! А въ учрежденіяхъ? Не смотри, что ничего въ нихъ пока не дѣлаютъ, а какая іерархія зато! Чинопочитаніе какое! Да вѣдь это революція вывѣтривается — складывается новый порядокъ!

— Чѣмъ же онъ новый? Всего этого раньше не было, что-ли? И куда разумнѣе, мягче. Стоило ради такой перемѣны разрушать?

— Да ужъ, разумѣется, не стоило! Но вѣдь разрушено-же — такъ о чемъ тутъ говорить. А новый порядокъ... дорогой мой, вѣдь въ этомъ-то самое зерно и есть: порядокъ всегда одинъ и тотъ же; такъ, отдѣлка бываетъ разная. А по существу: порядокъ или безвластіе, революція; и если порядокъ — значитъ, мы побѣдили.

— Ну, знаешь-ли, я что-то отъ **такой** побѣды мало радости ощущаю.

— Глубже, глубже смотри: развѣ въ томъ цѣль, чтобъ побѣдили мы лично? Мысли наши побѣждаютъ, принципы: дисциплина, твердая власть, общественная іерархія; уже кое-гдѣ и патріотизмъ вспыхиваетъ, Это только первые проблески. А тамъ — одно останется: собственность! И будетъ, будетъ, все будетъ — увидишь!

Я вижу, какъ трудно Николаю излагать эти мысли, а доказывать — и совсѣмъ невозможно. Это и не мысли даже, а обрывки, смутныя интуиціи, гдѣ-то глубоко въ немъ сложившіяся, и онъ самъ, видно, замѣчаетъ, какъ — на словахъ — они блѣднѣютъ. Оттого такъ напряженно звучитъ его голосъ — точно онъ мучительно ищетъ, какъ сдѣлать понятнымъ другому то, къ чему онъ пришелъ съ такимъ трудомъ.

— И ты дѣйствительно, серьезно вѣришь, что вотъ эти люди, тѣ самые, которые разрушили, которые продолжаютъ бѣсноваться — они переродятся, они признаютъ родину, собственность?

— Кто? Ленинъ, Троцкій? Зиновьевъ? никогда, конечно! Да ты меня какъ слѣдуетъ пойми; вѣдь не фантазеръ же я, не Маниловъ! Трезвость, трезвость. Много еще крови, перевороты, войны — еще долгіе, долгіе годы. Они будутъ драться между собой — и не одинъ, а много разъ. Когда? Черезъ годъ, черезъ два, черезъ пять, десять лѣтъ. Что такое пять лѣтъ для Россіи? И побѣдятъ тѣ, что будутъ за по-

рядокъ. Потому что порядокъ будетъ непреодолимъ (какъ тогда — потопъ), всѣ за него будутъ, вотъ эти комиссары, красноармейцы, — потому что складывается уже, кирпичикъ къ кирпичику, человѣкъ къ человѣку, завязываются крѣпкія нити власти, собственности — и нельзя, нельзя все это разрушить, а ждать надо, пока проявится.

— А что-же теперь дѣлать?

— Exister! Какъ Сійесъ. Qu'avez vous fait pendant la terreur? — J'existais!

— А нашъ фронтъ? а армія?

Николай еще больше поблѣднѣлъ, пробормоталъ что-то и забился въ уголъ дивана.

Онъ, можетъ быть, и правъ. Подъ совѣтской оболочкой, глубоко, глубоко, идетъ великій процессъ. Что если бъ дать ему спокойно развиваться? Вотъ такъ, клѣточка къ клѣточкѣ, выросъ бы новый строй? «Новый»? Да, конечно: вмѣсто погонъ — нашивки и звѣзды. И люди другіе. Но «оболочка»? «Цик», «Компартия»? Распадется-ли, не задушитъ-ли?

Поздно объ этомъ думать!

Наши двигаются, и развязка близка. «Это будетъ послѣдній и рѣшительный бой». Если побѣдимъ — мы построимъ Россію. Мы, бѣлые. И Россія будетъ бѣлая. А если они побѣдятъ — мы погибнемъ, разсѣемся. Россію они построятъ — красные. И Россія будетъ... будетъ все-таки бѣлая.

На краю.

Каждый разъ, что мы съ Альфой устраиваемъ «стратегическій обзоръ», фронтъ все ближе и ближе къ намъ.

Отъ Донецкаго бассейна быстро вытянулся къ Чаплино, потомъ поползъ къ Синельниково, къ Лозовой, къ Харькову

Дойдетъ или не дойдетъ?

Мы стараемся быть благоразумными. Конечно, въ этомъ году до Кіева не доберутся. Вѣдь надо возстанавливать все разрушенное, наводить порядокъ. Дойдутъ до Полтавы — и станутъ: до будущей весны. А мы... Мы останемся по эту сторону фронта.

Ну... а вдругъ?

Чѣмъ ближе фронтъ, тѣмъ «наши» могущественнѣе.

Изъ разныхъ угловъ, осторожными разспросами, добиваются какъ бы «установить связь», и пытаются чѣмъ-нибудь помочь. Одни — искренно, другіе — для перестраховки.

У Альфы каждый разъ все болѣе сіяющій видъ. Ему нравится, что онъ, — и двое его пріятелей — «управляютъ Кіевомъ».

— Изъ всѣхъ комиссаріатовъ намъ присылаютъ офиціальные доклады, на машинкѣ. Секретный отчетъ по инспекціи арміи.. его не то

въ трехъ, не то въ четырехъ экземплярахъ печатали... именные... ну, естественно... пятый экземпляръ — мнѣ.

Насчетъ документовъ, мобилизацій и всего такого стало совсѣмъ легко.

— Хотите быть больнымъ красноармейцемъ 133-го пѣхотнаго полка въ отпуску? Или «бѣлобилетчикомъ»? Или санитаромъ полевой летучки? А самое лучшее — сказать, чтобъ въ управленіи воинскаго начальника затеряли вашу учетную карточку — и ходите до скончанія вѣка съ вашими собственными документами...

Успѣхъ даромъ не дается.

Альфа забылъ уже сколько у него фамилій. Чуть не каждый день другая. И каждую ночь — на новомъ мѣстѣ.

И вдругъ...

Такія вещи всегда дѣлаются вдругъ. Именно «когда все шло, какъ по маслу». Какая-то петелька распустилась... и поѣхало!!

«Провалъ»...

Ко мнѣ Альфа прибѣжалъ почти спокойный. Только чуть-чуть губы вздрагивали.

— Васъ ловятъ?

— Видите... тамъ, гдѣ я вчера ночевалъ... засыпались. Этой ночью — обыскъ. Опоздали на сутки. А сейчасъ — обыскиваютъ у моего двоюроднаго брата. Гдѣ я ночевалъ сегодня.

— А съ нимъ что?

— Забрали. Пятнадцатилѣтній мальчикъ. Жаль его. Теперь все это надо локализировать. Для этого — на нѣсколько дней нужно замереть и ждать. Я еще ничего не знаю. Подождемъ, узнаемъ, въ чемъ дѣло, посмотримъ, что имъ извѣстно, и начнемъ дѣйствовать.

— А какъ вы узнаете?

— О-о... донесутъ. Надо только, чтобъ пока больше никто не попался. Слушайте-же: почтальоны отмѣняются. Работы на этой недѣлѣ не будетъ. Но смотрите — собирайте матеріалъ. Сношенія — черезъ Алешу. А теперь — до свиданія. Я у васъ буду скоро...

Онъ улыбнулся своей усмѣшечкой...

— Буду скоро, если только... Но я вѣрю въ мою звѣзду — и вы въ нее вѣрьте...

И выбѣжалъ.

Слѣдующій день прошелъ спокойно, а на третій день, напротивъ, обнаружилась пренепріятная вещь.

Въ домѣ противъ насъ былъ рядъ лавокъ. Лавки эти, какъ полагается при большевикахъ, то открывались, то закрывались, но, конечно, всегда были среди нихъ пустыя.

И вотъ въ пустой лавкѣ, прямо противъ подъѣзда, обнаружилось съ утра движеніе, а возлѣ нея занялъ позицію какой-то автомобиль.

Автомобиль всегда наводитъ на самыя грустныя размышленія. И вообще картина это была какая-то неуютная...

Иванъ Трофимовичъ — нашъ швейцаръ — двадцать разъ перебѣгалъ улицу и пытался ввязаться въ разговоръ. И каждый разъ заходилъ подѣлиться свѣдѣніями. Подозрѣвалъ ли онъ въ нашей квартирѣ неладное, или просто по дружбѣ — но всегда считалъ долгомъ «информировать».

А политическое направленіе Ивана Трофимовича мнѣ было хорошо извѣстно. Мы съ нимъ «стояли на общей платформѣ».

— У, собачьи дѣти! — безстрашно вопилъ онъ вслѣдъ какимъ-нибудь реквизиторамъ, такъ что на весь домъ разносилось (а домъ то полонъ былъ коммунистами). — За этимъ мы свободу добывали?! (Иванъ Трофимовичъ былъ въ 17-мъ году старшимъ писаремъ и добывалъ свободу). Подыхать изъ-за васъ пора пришла трудящему народу!! Ежели-бъ ты вправду, трамъ-тарарамъ, за народъ стоялъ, у тебя-бъ морда тощая была, какъ у меня, а тебѣ отъ краденыхъ харчей брюхо расперло!

За безстрашіе и краснорѣчіе, а еще больше за пролетарское происхожденіе и дипломатическія способности Иванъ Трофимовичъ почтенъ былъ избраніемъ въ предсѣдатели домового комитета.

Однако, добиться отъ нашихъ vis-a-vis даже ему почти ничего не удалось. Можно только догадываться — по нѣкоторымъ признакамъ — что у нихъ въ рукахъ фотографическая карточка, и по этой карточкѣ они кого-то ловятъ.

Надо было-жъ Альфѣ придти именно теперь.

Правда, онъ сильно измѣнился за два дня, но все таки узнать его можно сразу.

На немъ рваное солдатское платье, грязныя обмотки, заплатанная фуражка. Голая грудь «до пупа», но по красноармейски. Загорѣлая, обвѣтреная, да и физіономія не лучше. Малаша испугалась, но смолчала.

— Ну и принесло васъ ... не во время. Что съ вами?

— Я... я былъ арестованъ.

— А?!

— Да, да. Но у васъ тутъ неспокойно? Такъ слушайте-же скорѣе. Тогда, третьяго дня... я превратился въ красноармейца... и ушелъ за городъ. Въ Святошино. Цѣлый день на солнцѣ валялся и купался. Видите, какъ хорошъ сталъ... сразу! Очень удачно вышло. Настоящій красноармеецъ. Ночевалъ на пустой дачѣ. И представьте себѣ — какое невезенье. Все равно, что кирпичъ съ дома свалился!

— А что?

— Облава!!

— Ну?

— Въ дачу въ эту самую вломились! Не успѣлъ удрать. Документы въ порядкѣ — не вѣрятъ. Чего тутъ шатаешься? Дезертиръ! А купанье мое помогло — въ том, что красноармеецъ, не усумнились.

— Что-жъ они съ вами сдѣлали?

— Въ автомобиль — и въ чека. Тамъ разберутъ.

— А въ чека-жъ какъ?

— Въ чека-а? Неужто-жъ вы думаете, что я такъ туда и пріѣхалъ? Ну, нѣтъ! Въ чека мнѣ нельзя — слишкомъ много друзей. Тамъ бы конецъ былъ!

— А какъ-же вы?

— Выскочилъ!

— ? —

— Изъ автомобиля выскочилъ! Ночь, на шоссе темно... Дверцу пріоткрылъ, и хлопъ — въ канаву. Даже не замѣтили...

— А потомъ?

— А потомъ — вотъ стою передъ вами. Но что у васъ?

Я подвелъ его къ окну, — мы осторожно, изъ-за портьеры стали разглядывать пустой автомобиль и фигуры, слабо виднѣющіяся за витриной.

— Стоятъ съ утра. И, повидимому, по фотографической карточкѣ ловятъ.

Альфа задумался.

— Карточка... моя карточка есть въ чека. Но давняя... гимназическая. Недавно взяли въ одной квартирѣ, на обыскѣ. Пожалуй, что узнать трудно. Да, впрочемъ, пустяки. Навѣрное, не меня. За мной, повидимому, и не слѣдили вовсе. Мало-ли сколько у васъ народа въ домѣ. И потомъ... все равно, вѣдь у васъ хода другого нѣтъ... ворота тутъ-же, рядомъ съ подъѣздомъ. Кругомъ... постойте-ка, вотъ въ то окно посмотримъ... нѣтъ, вокругъ двора стѣны. Ну, тогда задача ясна — надо уходить, и возможно скорѣе. Навѣрное не за мной. А еслибы... все равно вечеромъ домъ обыщутъ... въ квартирѣ у васъ не должны меня найти...

Онъ заломилъ фуражку на затылокъ, оправилъ «декольте» и двинулся къ дверямъ.

«Вотъ увидите мою звѣзду»...

Я вышелъ на балконъ и сталъ равнодушно разсматривать улицу.

Дверь внизу широко распахнулась, и хлопнула съ трескомъ. Вышелъ въ развалку красноармеецъ, постоялъ, посмотрѣлъ направо, налѣво и двинулся, прямо черезъ улицу, къ автомобилю.

Обошелъ кругомъ, по шинѣ похлопалъ... въ ухѣ почесалъ, плюнулъ... и пошелъ, въ развалку, вдоль по улицѣ.

Въ магазинѣ никто и пальцемъ не повелъ.

На этотъ разъ опять «звѣзда» вывезла.

Но отъ спущенной петельки сѣть стала расползаться дальше и дальше.

Теперь Альфа избѣгалъ къ намъ заходить. Свиданіе у меня съ нимъ было гдѣ-то на Тарасовской, во дворѣ, на пятомъ этажѣ.

Кстати — идти черезъ Ботаническій садъ. Лучшій способъ провѣрки — нѣтъ-ли «хвоста».

Новости оказались плохія. Видъ у Альфы былъ не то, что взволнованный, скорѣе напротивъ — спокойнѣе обыкновеннаго, только собранный весь, какъ подъ огнемъ.

— Видите-ли, тетку мою арестовали... Сидитъ въ чека... Ее уже начали бить...

— Откуда вы знаете?

— Ну, вотъ... сообщаютъ... докладываютъ... Но вотъ въ чемъ дѣло: изъ старухи могутъ выбить все, что она знаетъ. Обо мнѣ то она ничего рѣшительно не можетъ сказать — полгода не видѣла. Но она знаетъ Алешу, знаетъ, что онъ со мной работалъ, и адресъ — настоящій, конечно. Тамъ его семья, тамъ нашихъ бумагъ множество, наша пишущая машинка, чуть не вся наша канцелярія. Надо все ликвидировать и возможно скорѣе. Я уже принялся. Найдите теперь: куда ихъ отправить?

Это было не такъ трудно. Есть по Полтавской дорогѣ такія мѣста, гдѣ я, а еще больше моя жена, всѣхъ знаемъ. Адресъ былъ данъ надежный: доѣдете до такой-то станціи, выйдете — наискосокъ отъ станціи хата стараго еврея, Аврама Щупака. Можетъ быть, у него можно поселиться — у него бываютъ лѣтомъ дачники. Если занято — онъ свезетъ, за четыре версты, къ заштатному дьякону, о. Ивану. У того ужъ навѣрное мѣсто будетъ — и кругомъ почти что людей нѣтъ. Скажете, что отъ насъ — на поправку, въ деревню.

Но, Господи Боже ты мой, съ какимъ трудомъ «ликвидируется» квартира, если жили въ ней люди десятки лѣтъ, чуть не три поколѣнія, и бросать все надо на произволъ судьбы...

По «диспозиціи» Катя — жена Алеши — съ матерью и съ ребенкомъ, должна была незамѣтно выйти изъ дому, развѣ маленькій сверточекъ взять въ руки. Остальныя вещи — и то самую малость — могъ кто-нибудь посторонній привезти на вокзалъ.

А между тѣмъ... какъ пошли извозчики съ тюками! Я думаю, что и безъ всякихъ иныхъ причинъ, чека должна была непремѣнно обратить вниманіе на этотъ домъ...

Къ слѣдующему вечеру «ликвидацію» закончили. Для «связи» оставался на квартирѣ Николай. Онъ снималъ у Алеши комнату. Пріятельство наше никому извѣстно не было, и оставался онъ просто въ качествѣ жильца, виднаго совѣтскаго служащаго, которому дѣла нѣтъ до внезапнаго отъѣзда квартирохозяевъ.

Вечеромъ Николай съ предосторожностями, окольными путями пробрался ко мнѣ. Въ брошенной квартирѣ было рѣшительно неуютно, въ ежеминутномъ ожиданіи чека. Открытыми стояли развороченные сундуки и шкафы. Что въ нихъ? Какая переписка, какія компрометтирующія бумаги, фотографіи? Все такъ и осталось неуничтоженнымъ. Не найдется-ли тамъ такихъ группъ, которыя обнаружатъ чрезмѣрную интимность «жильца» и бѣлогвардейскихъ «хозяевъ»?

Двѣ ночи и два дня прошли совсѣмъ спокойно. Ужъ не замѣтила-ли чека, что «гнѣздо» пусто? Пожалуй, не хотятъ расписаться въ своемъ опозданіи?

Но на третье утро Николай прибѣжалъ взволнованный и довольный.

— Отбыли повинность.

— Пріѣзжали?

— Классическая сцена. Все именно такъ, какъ полагается: въ два часа ночи — звонокъ. И слышно внизу, какъ автомобиль пыхтитъ. Конечно сразу ясно стало. Я открываю дверь — не очень скоро, чтобъ не думали, будто зналъ; входятъ двое мрачныхъ субъектовъ, съ винтовками, и за ними — Иванъ Федоровичъ Карамазовъ.

— Какой Карамазовъ?

— А я, когда Карамазовыхъ читалъ, именно такимъ себѣ Ивана Федоровича представлялъ. И по описанію — сходится. Средняго роста молодой человѣкъ, одѣтъ отлично, бородка темная, очки — и лицо настоящаго русскаго интеллигента. Голосъ глубокій, и вкрадчивый немного. И такъ все осторожно, мягко подходитъ.

— О чемъ же вы говорили?

— Обо всемъ, разумѣется. Какъ я здѣсь поселился, кто такіе хозяева, куда уѣхали. Это-то у меня все давно приготовлено было, въ деталяхъ. Но вотъ такъ бесѣдовали мы съ нимъ часа два, до разсвѣта, въ самомъ дружескомъ тонѣ — я все время сочувствіе выражалъ — а у меня и жуть какая-то была, и... странное удовольствіе. Эстетическое какое-то, что-ли. Очень ужъ замѣчательная картина: вотъ такой карамазовскій юноша — объ интеллигентности и говорить нечего, вполнѣ культурный человѣкъ, и, несомнѣнно, не безъ философскаго образованія, — въ роли посланника изъ чека. А внизу автомобиль, и въ автомобилѣ женщина какая-то.

— Откуда ты знаешь?

— Изъ разговоровъ видно было. Изъ того, что эти, съ винтовками, говорили.

— Такъ это... тетка Альфы?

— Разумѣется, очевидно...

— А обыскъ?

— Представь себѣ: не тронули ничего. Выспросилъ обо всемъ подробно. Самъ посуди: два часа говорили. А потомъ, когда убѣдился, что всѣ бѣжали, раскланялся — и ушелъ.

Мы приняли это какъ дань уваженія со стороны чеки. Значитъ, они высокаго о насъ мнѣнія: рѣшили, что разъ квартира «очищена» — и искать не стоитъ, ничего не найдешь. Ну, и слава Богу, что не искали.

Прошло еще съ недѣлю, и вдругъ, вечеромъ, прибѣжалъ ко мнѣ Альфа. Это совсѣмъ не полагалось: за нимъ продолжали гоняться.

На этотъ разъ усмѣшечка у него не сходила — такъ и прыгала по губамъ.

— Слушайте, у меня извѣстія, вѣрнѣйшія, изъ чека.
— О визитѣ на Алешину квартиру?
— Да, да. Слушайте-же: во-первыхъ, моя тетка ничего не сказала — это установлено.
— Откуда же они узнали??
— Что?
— Да адресъ... Алешкинъ, т. е. Катинъ. Откуда-жъ узнали, что они въ организаціи?
— Да ниоткуда... И не знаютъ этого вовсе.
— А какъ-же ночной визитъ? А дама въ автомобилѣ??
— Погодите, вотъ тутъ-то самое замѣчательное. Это вовсе не тетка моя была, а какая-то невѣдомая женщина. Петровская — фамилія ея, что-ли. Какая-то жена поручика.
— Чего-жъ ее возили?
— Да вотъ представьте себѣ: арестовали эту Петровскую по какому-то пустяку. Просто, кажется, какъ офицерскую жену. И спрашиваютъ: какихъ ты знаешь товарищей мужа, которые съ нимъ въ бѣлогвардейскихъ дружинахъ служили при гетманѣ? А она перепугалась до смерти. Помните — «сонъ статскаго совѣтника Попова»? И пошла припоминать всѣхъ офицеровъ, какихъ только встрѣчала въ своей жизни. Ну, и Алешу почему-то припомнила. Знакома когда-то была, что-ли. Ее сейчасъ въ автомобиль — и въ путь. Въ ту ночь десятки людей позабирали — кого попало, съ семьями, всѣ квартиры перерыли, и все въ чека.
— Значитъ, если-бы...
— Что?
— Если-бъ Катя оставалась на мѣстѣ... былъ бы обыскъ. И погибла-бы...
— Разумѣется...
— И выходитъ, что спаслась она изъ-за того, что мы вашей тетки боялись?
— Да выходитъ такъ...
— Вотъ ужъ дѣйствительно — береженаго и Богъ бережетъ...
— Ну, кто его знаетъ... Пословицы разныя бываютъ. Какъ-то дальше будетъ. Можетъ быть — кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ.

Воскресеніе.

Оттого-ли, что градусникъ переѣхалъ за сорокъ и ползъ все вверхъ, такъ что ноги вязли въ асфальтѣ, и передъ глазами прыгали красные круги, или оттого, что добровольцы взяли Харьковъ и Полтаву, — во всѣхъ головахъ пошелъ угаръ, и жизнь стала совсѣмъ какая-то невообразимая.

Начать съ того, что почти не осталось семьи, гдѣ-бы всѣ были на мѣстѣ. «Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече». Впрочемъ, кто живъ, тотъ по большей части и не такъ ужъ далеко: или на сосѣдней улицѣ, у знакомыхъ, съ чужимъ паспортомъ, или «на дачѣ».

«Знаете-ли, — разсказывалъ мнѣ одинъ такой дачникъ, — это вѣдь, въ сущности, не вездѣ возможно. Но тутъ ужъ очень условія благопріят-

ныя. Во-первыхъ — мѣстность удивительная. Вы возьмите только — что вокругъ Кіева? Лѣса и овраги! Тутъ ни одинъ чортъ не сыщетъ! Если съ собаками, какъ негровъ въ «Хижинѣ дяди Тома» ловили — такъ и то не найдешь, потому что рѣчки на каждомъ шагу. А Днѣпръ одинъ чего стоитъ? Камыши, острова. А пруды Пуща-водицкіе? А Ирпень? Хотите — я вамъ тутъ корпусъ цѣлый спрячу?!

Во-вторыхъ, погода самая подходящая. Ни одного дождичка — въ лѣсу безъ шалаша можно жить.

Но этого всего — недостаточно. При всемъ томъ, если-бъ мы въ прошломъ году такъ прятались, насъ бы въ одинъ день переловили. Отъ большевика укроешься, а отъ дядька деревенскаго — дудки! Въ прошломъ году, когда мы Петлюру отбивали... вѣдь бѣлогвардейцу близко къ деревнѣ подойти нельзя было — убьютъ. Особенно подъ Кіевомъ. Всѣ большевики — сплошь. А теперь — живу я второй мѣсяцъ съ рыбаками на Днѣпрѣ. Что-жъ вы думаете, не понимаютъ они, что-ли, черти, кто я такой? И — глазомъ не моргнутъ, еще стараются, незамѣтно, всякія любезности оказывать... Это за то, что я отъ большевиковъ убѣгаю — значитъ, хорошій человѣкъ. Ну, да что тамъ, я мало прячусь... Вотъ и въ городъ пришелъ. А трое моихъ пріятелей — они ужъ мобилизованы были, и на командныя должности назначены, съ этапа удрали, — тѣ душегубку раздобыли — и плаваютъ! Разъ въ три дня къ моимъ рыбакамъ подъѣдутъ, вечеромъ, хлѣба перекупятъ и — вверхъ по рѣкѣ. Чортъ одинъ знаетъ, гдѣ они живутъ».

Альфа три недѣли по городу лисьи петли писалъ, — каждую ночь на новомъ мѣстѣ. Наконецъ, сдался и «вышелъ въ запасъ» — превратился въ дачника.

А дни становились все напряженнѣе. Подъ Ромоданомъ, въ упорномъ бою, разбили курсантовъ — это доподлинно было извѣстно. Отъ Харькова шли на Бахмачъ — на перерѣзъ большевикамъ. Воспользовавшись замѣшательствомъ, Петлюра смелъ горсточку красныхъ, стоявшихъ противъ него, и двинулся прямо на Кіевъ.

Сомнѣній не могло быть — насъ собирались освободить. Надо было готовиться.

Такъ какъ Альфы не было, Алеша далъ мнѣ адресъ главнаго начальства. Правда, не самаго главнаго — надъ иимъ былъ еще одинъ полковникъ. Но полковникъ бѣгалъ цѣлыми днями со скрипкой въ рукахъ (онъ числился ученикомъ консерваторіи), встрѣчалъ сотни лицъ, велъ переговоры, словомъ, дѣлалъ высшую политику. А здѣсь, у «5-45» шла бумажная работа: сюда стекались всѣ доклады, рапорты, матеріалы, здѣсь дѣлалась общая сводка, а потомъ — въ лабораторію, для «технической обработки» и затѣмъ ужъ курьеру.

Во флигелѣ, въ глубинѣ большого сада, (квартира у «5-45» была особая, «съ фокусами»; въ домѣ на улицу нарочно двѣ курсистки были поселены — сторожить; очень ужъ много въ извѣстные дни скоплялось бумагъ), меня встрѣтилъ высокій, блѣдный человѣкъ, очень молодой; мы съ нимъ поздоровались, какъ давніе друзья.

Вопросовъ оказалось не мало.

Нужно было подготовить газету — все, до мелочей. Какъ только войдутъ въ городъ — въ тотъ же день выпускаемъ первый номеръ. Это требовало тщательной и осторожной предварительной работы.

Кромѣ того, нужно было найти курьера для отправки очередной почты. Конечно, у насъ была гдѣ-то особая курьерская часть, и спеціалисты, десятки разъ переходившіе фронтъ. Но теперь, въ эти послѣдніе, сумасшедшіе дни, все спуталось и разстроилось. Приходилось искать кого-нибудь со стороны.

У меня, какъ разъ, подходящій кандидатъ нашелся. Пріятелю моему, Михашу Турову, рѣшительно нуженъ былъ моціонъ: онъ ужъ седьмой мѣсяцъ въ заточеніи.

Дѣло въ томъ, что Михашъ нашелъ свой, особый способъ «приспособиться» къ совѣтскому строю. Есть въ Кіевѣ, на одной изъ главныхъ улицъ, замѣчательная усадьба; тянется она въ глубину чуть не на версту, и не ровнымъ четыреугольникомъ, а какой-то замысловатой фигурой: многоэтажные дома, дворы, садики, маленькіе деревянные домики, проходы какіе-то, сараи, и въ концѣ — выходъ на дальнюю боковую улицу; и живетъ въ этой усадьбѣ тысячъ пять народу.

Вотъ въ одномъ изъ этихъ домовъ, на квартирѣ у сестры Михашъ «засѣлъ» съ февраля мѣсяца. О пропискѣ онъ не думалъ, на мобилизаціи онъ не откликался, а декреты читалъ только для развлеченія.

Я его спросилъ какъ-то:

— А какъ-же у васъ съ документами? Ну, на случай обыска, облавы?

Михашъ горделивымъ жестомъ показалъ на окно.

— Что это значитъ?

— А вы посмотрите!

Окно дѣйствительно, было хорошее: аршина на три надъ землей, въ глухой закоулокъ двора; а прямо противъ него — рукой схватиться можно — каменная ограда сосѣдняго сада, и за ней — густыя заросли кустовъ.

Возлѣ этого окна Михашъ и высидѣлъ полгода; кстати, въ квартирѣ огромная была библіотека. Зато энергіи въ немъ скопилось — пропасть.

Мнѣ удалось устроить Михаша санитаромъ въ летучку, идущую на фронтъ. Тамъ онъ улучитъ моментъ — и окажется по ту сторону фронта. А можетъ быть и дѣлать для этого ничего не придется. Что-то, когда я велъ переговоры со старшимъ врачемъ, очень у него была лукавая улыбочка.

Михашъ получилъ немного денегъ (охъ, совсѣмъ немного, чего-чего, а этого у бѣлогвардейцевъ никогда не бывало; міровой капиталъ очень ужъ дешево, видно, нанималъ насъ), удостовѣреніе въ томъ, что «пред'явитель сего есть действительно санитар тов. . . . .», потомъ еще

другое удостовѣреніе — на тонкой папиросной бумагѣ, и пакетикъ, длиной и шириной, какъ двѣ сложенныя спичечныя коробочки, только въ толщину много меньше: это и была почта, зашифрованная и «сокращенная».

Къ мѣсту «назначенія» было далеко: летучка стояла за Днѣпромъ, въ Дарницѣ.

Михашъ, жмурясь, смотрѣлъ на сверкающее солнце, на дома, на прохожихъ (у прохожихъ, подъ мертвой совѣтской личиной, зашевелились въ эти дни, огоньки какіе-то; такъ смотрятъ выздоравливающіе послѣ тяжелой болѣзни).

А видъ у него былъ такой сіяющій, такой не совѣтскій, что даже какъ-то «неконспиративно» выходило: оборачивались на него.

Михашу все представлялось, какъ онъ закричитъ: стой! не стрѣляйте! быстро отпоретъ подошву и вытащитъ листикъ папиросной бумаги.

Подъ Дарницей мы распрощались. Мнѣ еще долго видно было, какъ онъ шагаетъ длинными ногами, увязая въ зыбучихъ пескахъ между соснами.

Такъ должно быть грѣшники смотрѣли на Данта, когда онъ пробирался обратно на землю.

Заголовки на плакатахъ каждый день становились тревожнѣй и грознѣе, и все шире раскрывались долго потупленные глаза, все выше подымались головы.

Кіевъ объявили «неприступной красной крѣпостью». Это ужъ всѣ знали, что значитъ: два мѣсяца назадъ Харьковъ тоже былъ «неприступной красной крѣпостью».

Для управленія этой крѣпостью устроили «тройку», конечно «съ неограниченными полномочіями»: Лацисъ, — какъ самое популярное въ городѣ лицо; Мануильскій — для приличія (у него была репутація «гуманнаго», и онъ даже почему-то называлъ себя «профессоромъ»), а во главѣ — Петерсъ. Онъ спеціально пріѣзжалъ въ эвакуируемые города, за нѣсколько дней до сдачи, для послѣдней «чистки».

Какъ много ни видали кіевляне, Петерсъ сумѣлъ и на нихъ воображеніе подѣйствовать. У него была своя, индивидуальная манера: вмѣсто «погреба» или «стѣнки», стрѣлять изъ револьвера прямо въ кабинетѣ, во время допроса.

Поэтому «управленіе» его каждый день кочевало изъ одного дома въ другой: два дня подрядъ въ томъ же кабинетѣ невозможно было «заниматься дѣлами».

Слѣдующій нашъ курьеръ былъ послѣдній. Онъ просто пѣшкомъ вышелъ изъ города, и пошелъ на югъ: такъ ужъ близко стало. Это былъ старый человѣкъ, съ длинной сѣдой бородой; всю жизнь онъ просидѣлъ чиновникомъ въ банкѣ. Но у него было два сына въ арміи, и онъ надѣялся, что они на этомъ фронтѣ.

Пошелъ онъ какъ нищій, съ шарманкой, въ длинномъ рваномъ балахонѣ. Прямо въ подкладку балахона и вшили большіе листы бумаги, съ пишущей машинки: зашифровать и обработать не успѣли.

И вотъ — началось.

Чуть слышные, тихіе вздохи, гдѣ-то далеко за горизонтомъ. Боже мой, какъ ихъ ловили! По склонамъ Днѣпра, въ Царскомъ Саду, какъ потерянные ходили люди, съ блуждающими глазами, и во всѣ стороны ворочая головой: какъ бы приспособиться, чтобъ лучше слышно было. А на лицахъ не столько радости было, какъ напряженія и тревоги. Вдругъ и въ этотъ разъ — неправда? Можетъ быть, зеленовцы какіе-нибудь? А вдругъ опять отступятъ?

Это былъ безконечный, томительный и свѣтлый день.

Начался онъ въ пять часовъ утра — автомобильнымъ гудкомъ подъ самымъ окномъ. Внизу, у подъѣзда, стучалъ моторъ.

Въ окно видно было, какъ нашъ преддомкомъ Иванъ Трофимовичъ вытаскивалъ изъ подъѣзда чемоданы. А черезъ минуту онъ влетѣлъ въ комнату и завопилъ:

— Уѣхали!

— Да кто?

— Министры!

Это былъ наркомъ, изъ захудалыхъ, жившій въ сосѣдней квартирѣ, за стѣнкой.

— Совсѣмъ уѣхалъ??

— Ну да-жъ! Я ему: «прощайте; Илья Кириллычъ», а онъ — «нѣтъ, Иванъ Трофимовичъ, до свиданьица. Комнату черезъ два мѣсяца приготовьте». Неужели-жъ опять Господь такое попуститъ??

Тутъ ужъ, конечно, было не до сна. Надо было скорѣе оріентироваться.

Но «оріентироваться» оказалось не въ чемъ. По городу все еще ходили латышскіе патрули, и висѣли приказы Петерса. Гдѣ-то внизу, на Подолѣ грузились пароходы: удирать приходилось по Днѣпру — значитъ, уже всѣ дороги отрѣзаны!

Все такъ же плавно и равномѣрно раздавались тихіе вздохи. И даже — даже какъ будто чуть-чуть стали слышнѣе.

Но все же иногда стукъ колесъ ихъ заглушалъ, и тогда сразу темнѣло въ глазахъ. Неужели отбиты? Вѣдь Кіевъ «неприступная красная крѣпость»? И вѣдь правда, сюда все стянуто, что было возможно — курсанты, латыши, китайцы, коммунистическіе батальоны. Тамъ, за нѣсколько верстъ, въ Дарницкихъ лѣсахъ, рѣшается судьба...

Въ этотъ день невозможно было оставаться въ городѣ. Оставалось одно — бродить.

Сперва я былъ на Байковомъ кладбищѣ. Тамъ стало слышнѣе — но видать ничего не было. А между тѣмъ... вѣдь, пожалуй, уже дымки должны быть видны?

Пришлось предпринимать далекое путешествіе. Но вѣдь надо-же, наконецъ, увидать дымки?

Въ Липкахъ, у воротъ какого-то изъ высшихъ учрежденій, я встрѣтилъ моего краснаго генерала. Ѳедоръ Ивановичъ мелкими шажками бѣгалъ взадъ и впередъ, на бокъ наклонивъ бритое лицо — видно, ждалъ кого-то. Видъ у него былъ очень сердитый. Мы раскланялись съ изысканной любезностью, но говоритъ какъ-то не о чемъ было.

Потомъ путь мой шелъ по огромнымъ площадямъ, сплошь заставленнымъ разбитыми пушками, санитарными повозками, снарядными ящиками. Конечно, ихъ никто не эвакуировалъ. Это наслѣдіе настоящей войны стояло недвижимо, при десяти режимахъ и десяти эвакуаціяхъ, — навѣрное, и сейчасъ стоитъ, если совсѣмъ не проржавѣло.

Наконецъ я добрался. Это былъ небольшой, тихій монастырь. Отсюда спускались зеленые, лѣсистые обрывы прямо къ Днѣпру. А за Днѣпромъ на безконечное пространство открывались поля и лѣса — и оттуда уже не вздохи шли, а ревъ, какъ будто земля подымалась и опускалась.

А все-таки ничего не видать было. Никакой «картины боя», ни даже дымковъ. Но этотъ ровный, гудящій ревъ такъ былъ пріятенъ, что уходить не хотѣлось.

На все — судьба. Когда, черезъ два часа, я вышелъ, наконецъ, къ воротамъ монастыря, они сами передо мной широко распахнулись и... въ монастырь, быстро отбивая шагъ, вошелъ взводъ латышей: съ обыскомъ, конечно; передъ смертью мухи удивительно непріятны.

Желтое августовское солнце палило во всю. Монахи послѣ обѣда забрались по кельямъ — въ огромномъ дворѣ не видно было ни души. Я одинъ стоялъ передъ латышами — и отступать было поздно.

Маленькій широкоплечій человѣчекъ, съ соломенными усами, подошелъ вплотную и сталъ впиваться въ меня свѣтло-сѣрыми глазами. Впрочемъ, я его вполнѣ понималъ. На его мѣстѣ, если-бъ я встрѣтилъ при такихъ условіяхъ человѣка, для меня ясно было-бы, что онъ не спроста пришелъ на этотъ наблюдательный пунктъ.

— Ваши документы, товарищъ...

Такіе пустяки у меня были, разумѣется, въ изобиліи.

— А вы, кажется, товарищъ, дрожите...

Это у нихъ, очевидно, такой способъ въ чрезвычайкѣ испытывать людей: вдругъ и, правда, задрожитъ — значитъ, виновенъ.

Пришлось изобразить самую любезную, искреннюю улыбку.

— Нѣтъ, товарищъ, пока не дрожу... Но тутъ и задрожать недолго: двадцать человѣкъ съ винтовками, и всѣ на меня такъ и смотрятъ...

Конечно, меня не это выручило, а университетская бумага.

— Вы, товарищъ, сегодня рѣшили на богомолье придти?

Я сталъ подробно объяснять, что изучаю старинную живопись, такая ужъ моя служба: а службу, конечно, нельзя пропускать.

(Кстати, монастырь этотъ лѣтъ тридцать, какъ построенъ).

— Такъ вы, товарищъ, каждый день здѣсь, значитъ?

— Мм... Нѣтъ, зачѣмъ-же... я и въ другихъ монастыряхъ изучалъ... Вотъ въ Лаврѣ. Ну, а теперь здѣсь.

Маленькій человѣчекъ еще разъ испытующе впился въ меня. По-видимому, мнѣ удалось выжать достаточную степень искренности и

18—194

товарищескаго благорасположенія. По крайней мѣрѣ, онъ мрачно подумалъ и заявилъ внушительно:

— Вы ужъ пока въ другомъ мѣстѣ ваши занятія устраивайте...

Что-жъ, на этомъ можно было помириться.

Когда я возвращался, по Крещатику плелись цѣпи обозовъ. Медленно передвигая худо обутыми ногами, тянулись сѣрые люди, съ пыльными красными звѣздочками иа околышѣ, а многіе и совсѣмъ безъ звѣздочки, просто въ отребьяхъ. Шло къ вечеру: въ это время вздохи за горизонтомъ затихали.

И вдругъ — не вздохъ, а страшный трескъ раздался совсѣмъ близко; высоко въ небѣ, чуть замѣтно, расплылся маленькій бѣлый шарикъ дыму.

И въ то же мгновеніе съ оглушительнымъ грохотомъ понеслись обозныя повозки, со всѣхъ ногъ бросились бѣжать красноармейцы; все ринулось внизъ, къ пристани, къ пароходамъ.

— Ой, Боже-жъ мій, Боже, да шожъ це воно буде?

Маленькій бородатый мужиченко съ винтовкой, лѣтъ сорока, налетѣлъ на меня, посмотрѣлъ широко раскрытыми, невидящими отъ страха глазами, опять забормоталъ и бросился дальше; на углу, ноги у иего запутались въ развязавшейся обмоткѣ, онъ плашмя повалился на мостовую, всталъ и, ие подымая винтовки, не поправляя обмотки, бросился дальше.

Спросить бы его — отъ чего и куда онъ бѣжитъ?

За первымъ разрывомъ пошли другіе. И не изъ-за Днѣпра, не оттуда, гдѣ третій день слышенъ былъ бой, а съ противоположной стороны, съ Запада.

Конечно, зто былъ Петлюра, но не все-ли равно — Петлюра, нѣмцы, испанцы, мадагаскарцы, разъ большевики уходятъ?

А кромѣ того, доподлинно было всѣмъ извѣстно, что между Деникинымъ и Петлюрой союзъ. Никто и сомнѣній въ этомъ не допускалъ — даже скептическій «5-45» говорилъ: «невѣроятно — но, видимо, такъ».

Теперь это стало очевиднымъ. Развѣ могло быть иначе, если двѣ арміи, согласованнымъ маршемъ, въ одинъ и тотъ же день подошли къ городу съ противоположныхъ концовъ.

Должно быть, такого зрѣлища въ исторіи войнъ никогда не бывало.

Три арміи стояло вокругъ города. По двумъ сторонамъ огромнаго правильнаго треугольника шла артиллерійская дуэль.

Съ вышки нашего дома (иадъ седьмымъ этажомъ) видны были въ небо уходящіе пунцовые столбы пожаровъ, и сѣрая, вечернимъ туманомъ покрытая, полоса Днѣпра, и безконечные, краснозеленые холмы крышъ.

Высоко надъ головами, въ замершемъ воздухѣ, гудѣли невидимыя шрапнели.

Это звенѣла пѣснь освобожденія...

II. НА МАЯКѢ.

На третій день Рождества 1919 года мы добрались до Одессы. Насъ было десять человѣкъ: не то кружокъ знакомыхъ, соединившихся, чтобъ вмѣстѣ уходить отъ большевиковъ, не то импровизированный отрядъ. «Командиромъ отряда» былъ В. В. Шульгинъ; нашъ четырехнедѣльный походъ отъ Кіева до Одессы описанъ въ книгѣ его «1920-ый годъ», и подробно возвращаться къ нему нѣтъ надобности.

На фронтѣ мы, разумѣется, ничего не знали объ общемъ ходѣ войны. Передъ нами была широкая дорога: то покрытая ледяной корой, то хлюпающей, холодной грязью. По сторонамъ — спокойныя, снѣжныя поля. Только позади, въ далекомъ зимнемъ туманѣ, слышались иногда глухія погромыхиванья орудій.

По этой дорогѣ, съ утра до поздней ночи, тянулась на югъ наша «войсковая группа»; якутскій полкъ: человѣкъ четыреста ободранныхъ, до смерти уставшихъ, да сотня лабинцевъ; были еще двѣ великолѣпныя англійскія батареи, но мы ихъ почти цѣликомъ растеряли по дорогѣ: несчастные египетскіе мулы не могли справиться съ гололедицей, и гібли отъ простуды.

Уходя изъ Кіева, я сунулъ въ карманъ двѣ «зеленки» (военная карта, 10 в. въ дюймѣ), того раіона, куда шелъ нашъ путь. Одну пришлось отдать полковому адъютанту: ни у кого никакихъ картъ не было, а по другой — мы пытались разбираться въ томъ, что дѣлается вокругъ насъ.

О томъ же, что происходитъ на другихъ частяхъ фронта, за Днѣпромъ, на главномъ, Ростовскомъ направленіи, старались не думать. Да и дѣйствительно не думали — не до того было. Лишь изрѣдка, на дневкѣ, начинали гадать о томъ, какъ будетъ дальше. Иногда воскресала надежда, что тамъ, гдѣ отходитъ настоящая Добрармія, старое, непобѣдимое ядро ея, наступилъ переломъ: волна опять покатится въ обратную сторону. Кое-кто подумывалъ уже пророчески о Крымѣ: можетъ быть, тамъ соберемся, укрѣпимся, отдохнемъ, а потомъ... потомъ видно будетъ. Только скептическій Ф. все жалѣлъ объ оставленномъ въ Кіевѣ цейсовскомъ фотографическомъ аппаратѣ: если-бъ захватили съ собой, можно бы въ Сербіи открыть фотографію.

Одно было ясно и безповоротно: здѣсь, на нашемъ фронтѣ, никакого перелома быть не можетъ. Никто насъ не гналъ; но мы шли безостановочно, и съ каждымъ днемъ это отступленіе, въ силу одной ужъ инерціи, становилось все непреодолимѣе.

Очевидно было, что «фронтъ» продержится столько дней, сколько остается переходовъ до Одессы. Когда-же уткнемся въ море, или въ румынскую границу, тогда все и окончится, въ тотъ же самый день.

Но подъ конецъ странствій объ этомъ не думалось вовсе. Мысли были объ одномъ: скорѣе бы попасть въ Одессу и... пойти въ баню. «Невзгоды походной жизни» — это, въ сущности, пустяки, даже для непривычнаго человѣка. Ночевать въ хатѣ на сѣнѣ очень удобно, и тридцать верстъ въ день — къ этому тоже легко приспособиться, даже

18*

по морозу; но вотъ «внутренніе враги» или «танки»... «Танки» способны довести до сумасшествія. Приходитъ моментъ, когда они превращаются въ навязчивую идею. Должно быть, еще нѣсколько дней, и наступитъ буйный бредъ.

Тутъ мы, однако, добрались до Одессы. Когда опредѣлилось окончательно, что никакого «сраженія» (сперва объ этомъ говорили), и вообще никакой войны не будетъ, нашъ «отрядъ» съ пѣшаго способа передвиженія перешелъ на желѣзнодорожный, взобравшись на переднюю площадку какого-то паровоза, и поэтому выгадалъ нѣкоторое время, т. е. въ Одессу прибылъ еще до того, какъ садиться на корабли.

Въ Одессѣ мнѣ, прежде всего, нужно было узнать, что сталось съ моей семьей, и по возможности разыскать ее. Гдѣ-то подъ Бѣлой Церковью пересѣкшій нашъ путь ротмистръ (Богъ его знаетъ, откуда онъ взялся и куда ѣхалъ) говорилъ мнѣ, что поѣздъ № 25 попалъ въ руки повстанцамъ. Мои были именно въ этомъ поѣздѣ.

№ 25... Вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ Стивенсонъ пустилъ въ ходъ первый паровозъ, не было болѣе удивительнаго поѣзда...

Двадцать восьмого ноября, въ темный, склизкій вечеръ, сквозь непроницаемый туманъ, кіевляне двинулись на вокзалъ.

Нашему дому удалось откуда-то раздобыть подводу. На нее взвалили вещи; вокругъ собралось человѣкъ пятнадцать: сосѣди, вмѣстѣ пускавшіеся въ невѣдомый путь. Пошли кругомъ, по самымъ широкимъ улицамъ — Фундуклеевской, Безаковской, чтобъ въ темнотѣ и грязи не застряла повозка. Мы же съ женой двинулись напрямикъ къ вокзалу — добывать теплушку. Шли такъ, какъ ходятъ въ дикихъ странахъ: женщина несетъ поклажу, мужчина впереди, съ винтовкой въ рукахъ. Но все было тихо. Гулко цокали въ туманѣ шаги, и гдѣ-то, за много кварталовъ, хлопнули раза два ружейные выстрѣлы.

Вотъ тутъ-то на вокзалѣ, въ общей растерянной сутолокѣ, я и услышалъ впервые о «№ 25». Его еще не было, но очень скоро его сформируютъ и отправятъ. Куда? Конечно, въ Одессу. Вотъ съ этого самаго пути. Остается только подождать часа два.

Наши тридцать четыре корзинки выгружаются на перронъ. Больной поручикъ Орловскій остается въ качествѣ вооруженной силы. «Административныя функціи» переходятъ къ моей женѣ; я пока возвращаюсь въ городъ.

Конечно, утромъ, когда я опять появляюсь на вокзалѣ, никто еще не уѣхалъ. Но замѣтны крупные успѣхи: всѣ наши уже въ теплушкѣ, и тридцать четыре корзины тоже. Это и есть «№ 25»: дѣйствительно на томъ самомъ пути, какъ говорили. Только ужъ очень много вагоновъ, чуть не сотня; а паровоза пока еще нѣтъ.

Я два раза въ день прихожу на вокзалъ, и каждый разъ мои въ другой теплушкѣ. Но это все еще «№ 25». Я начинаю понимать, въ чемъ тутъ секретъ: каждый, у кого хватаетъ энергіи (или денегъ) добываетъ на путяхъ, среди тысячъ больныхъ вагоновъ, одинъ здоровый;

его надо вывести, растолкавъ больные вагоны, и поставить на тотъ путь, гдѣ формируется «№ 25»; конечно, не въ хвостъ надо ставить, а въ голову поѣзда.

Изрѣдка — разъ или два въ день — откуда-то берется сиплый, простуженный паровозъ; осторожно подбирается къ безконечной лентѣ красныхъ заплатанныхъ вагоновъ и начинаетъ пробовать, сколько можно вытянуть. Пробуетъ зацѣпить штукъ сорокъ; если не пойдетъ, отброситъ десятокъ. Свистокъ, и тридцать счастливчиковъ — переднія теплушки — двинулись въ путь. Основная масса остается ждать очереди, и опять идутъ толки о «№ 25», который всѣхъ возьметъ.

Такъ тянется пять ночей и четыре дня. Вотъ теплушка уголовнаго розыска, вотъ — переяславской уѣздной стражи, вотъ три теплушки Краснаго Креста, вотъ теплушка генерала Б. Это вокзальные старожилы; но многіе уже гдѣ-то въ пути.

Третьяго декабря, утромъ, на Посту-Волынскомъ, куда меня занесло случайно въ поискахъ какого-то бронепоѣзда, мимо меня медленно тянутся, постукивая, красные вагоны. Я напряженно слѣжу за номерами. Вотъ на-глухо закрытая стѣна, на ней № 2368; слава Богу, мои выѣхали.

Потомъ я еще ненадолго возвращаюсь въ городъ. Когда мы — десять человѣкъ — въ послѣдній разъ проходимъ черезъ вокзалъ, на мѣстѣ «№ 25» опять цѣпь вагоновъ, полныхъ людьми. Но они уже не сидятъ спокойно на сундукахъ. Они мечутся въ отчаяніи, кричатъ, бѣгаютъ по перрону. И гдѣ-то совсѣмъ близко, за путями, уже слышенъ противный трескъ пулемета.

Знакомыя лица мелькаютъ въ этой толпѣ. Вотъ бѣжитъ за колымажкой, полной вещей, прис. пов. А. А. Гольденвейзеръ съ женой — спѣшатъ занять свободное мѣсто въ теплушкѣ.

Но мы идемъ по полотну желѣзной дороги, и больше ни одинъ поѣздъ не обгоняетъ насъ. Ни въ этотъ день, ни на слѣдующій. Хвостъ «№ 25» завязъ въ Кіевѣ...

Я никогда не былъ въ Одессѣ, никого тамъ не знаю. Но міръ такъ тѣсенъ — особенно бѣженскій міръ. За два часа я встрѣчаю десятокъ знакомыхъ и узнаю, что моя семья благополучно прибыла въ Одессу.

Они живутъ на вокзалѣ, въ теплушкѣ. По счастью, дальній родственникъ жены занимаетъ, оказывается, какой-то крупный постъ въ Одессѣ по снабженію арміи, потому-то и есть теплушка, его «собственная». Очень комфортабельно: даже перегородка есть — квартира изъ двухъ комнатъ; стѣны обиты войлокомъ — тепло, но по нынѣшнимъ временамъ небезопасно насчетъ тифа.

Какъ хорошо, въ чистомъ платьѣ и бѣльѣ, ходить по тротуарамъ Одессы. Нѣтъ канонады — этихъ назойливыхъ, противныхъ вздоховъ, то чуть слышныхъ, то оглушающе грозныхъ, почти неизбѣжнаго аккомпанимента кіевской уличной жизни. На Дерибасовской есть даже книжные магазины. Конечно, не покупать же теперь книги, но пріятно по-

стоять передъ витриной, пріятно зайти и перелистать нѣсколько потрепанныхъ томиковъ; книжки-то, разумѣется, все по случаю.

Вездѣ пусто по магазинамъ. Только въ огромномъ помѣщеніи какого-то потребительнаго о-ва толпятся, въ десяткахъ хвостовъ, терпѣливые покупатели. Ради фунта масла стоитъ потерпѣть.

Это похоже на большевиковъ... Да и многое похоже... тѣнь большевизма лежитъ уже на городѣ, какъ печать смерти на лицѣ умирающаго...

Вечеромъ мы ужинаемъ въ большой кофейной. Кажется, это Робина, а напротивъ — Фанкони, а, можетъ быть, именно мы у Фанкони — въ этомъ я никакъ не могу разобраться. Нервный, въ замасленномъ костюмѣ человѣкъ, нехотя бросаетъ на столъ тарелки, злобно кричитъ, проталкиваясь сквозь сѣрую, оборванную толпу посѣтителей. Каждый ломоть хлѣба стоитъ огромныхъ денегъ, и все грязно, неряшливо, непривѣтливо. Это — открытая, вопіющая нищета, т. е. большевизмъ. Эти два понятія слитны. Пока у посѣтителей погоны на плечахъ. Остается ихъ снять, и будетъ совѣтская столовка. Много-ли еще дней осталось ждать?

Одесса готовится, быстро, лихорадочно. Герой дня, герой маленькихъ фельетоновъ и злободневныхъ стишковъ — «человѣкъ съ визами». Чтобы быть comme il faut, надо имѣть визы всѣхъ странъ — на всякій случай. Кромѣ того, надо имѣть немножко валюты и билетъ на пароходъ.

Но серьезно объ этомъ не полагается говорить, а полагается иронизировать. «Человѣкъ съ визами» — персонажъ комическій и презираемый. А въ тоже время всѣ запасаются визами, кромѣ тѣхъ, кто разсчитываетъ и безъ нихъ унести ноги.

Существуютъ какія-то безконечно сложныя, тщательно разрабатываемыя комбинаціи «на предметъ драпа». Съ иностранцами сравнительно легко устроиться; должно быть, въ консульствахъ пооставалась лишь мелкая канцелярская заваль; что имъ мѣшаетъ прихлопнуть печать къ паспорту!

Но вѣдь надо обойти еще какія-то русскія инстанціи — морскую контръ-развѣдку, или что-то въ этомъ родѣ. Для того, разными кружными путями, простаивая сутки въ польскомъ консульствѣ, дѣлаются «поляками», въ другомъ мѣстѣ «задѣлываютъ» еще въ какую-то націю — и все это для того, чтобъ получить русскую выѣздную визу.

Русскую-же визу даютъ съ такимъ трудомъ, потому что вѣдь всѣ поголовно мобилизованы. Объ эвакуаціи Одессы и думать нечего. Напротивъ, одесскій раіонъ будетъ центромъ, куда стянутся отходящія войска, гдѣ заново организована будетъ борьба съ большевиками, откуда новая побѣдоносная волна добровольческаго движенія сокрушительной лавиной ринется на совѣтскую Россію.

Не знаю, какъ могла родиться и расцвѣсти эта безумная идея. Надо было быть поистинѣ глухими и слѣпыми, чтобы точку опоры искать въ этомъ огромномъ городѣ, проникнутомъ ненавистью и жадностью, полномъ еще бушующей, не успѣвшей испариться революціонной сивухи.

Что-жъ! Когда-то у Робина спекулировали вагонами сахара или пшеницы, теперь одни спекулируютъ на визахъ, другіе на оборонѣ. Есть, должно быть, такіе, что спекулируютъ и на одномъ и на другомъ.

Впрочемъ, есть и другіе, которые все видятъ и сознаютъ, но всетаки пытаются бороться потому просто, что нельзя же безмолвно опустить руки.

Оказывается, что пока нашъ «отрядъ» изъ десяти человѣкъ мирно отходилъ съ якутскимъ полкомъ, молва о нашихъ чудодѣйственныхъ подвигахъ облетѣла всю Одессу. Мы чуть-чуть не отбили Кіева и во всякомъ случаѣ нанесли незабываемое пораженіе большевикамъ. Числоже штыковъ въ нашемъ отрядѣ дошло до 3-хъ или 4-хъ тысячъ.

Такъ какъ въ Одессу пришло всего десять человѣкъ, то посудите сами, каковы-же потери. И, слѣдовательно, каковы подвиги.

Хуже всего то, что чрезмѣрно ретивые люди пока что готовили для насъ пополненіе. Въ пустомъ зданіи какого-то училища собрано человѣкъ пятьдесятъ гимназистовъ, старый фельдфебель съ бородой раструбомъ, и еще нѣсколько субъектовъ. Вокругъ носятся, какъ и полагается, какіе-то полковники. Удивительно много стало въ Россіи полковниковъ.

Сколько еще дней осталось? десять? двадцать?

И дни эти уходятъ, какъ вода сквозь пальцы.

«Вчера на засѣданіи общественнаго комитета обороны чрезвычайную сложность и остроту получилъ вопросъ: можетъ-ли комитетъ почитаться общественной организаціей...

Обнаружилась тенденція признать его общественнымъ только на 66%, такъ какъ въ комитетъ входятъ пять выборныхъ отъ крестьянъ, пять выборныхъ отъ колонистовъ, а остальные пять по назначенію отъ городской думы.

Но съ другой стороны, такъ какъ городская дума — какъ никакъ, а общественное самоуправленіе, то не является-ли комитетъ обороны общественной организаціей не только на 66%, а и на всѣ 100%...» *).

...Вотъ однимъ днемъ и меньше.

Въ газетахъ и на плакатахъ соловьями разливаются вербовщики всѣхъ мастей.

Въ гостиницѣ «Пассажъ» формируется «Отрядъ Священнаго Долга». Это дѣтище митрополита Платона. «Цѣль отряда — защита города Одессы... и вообще борьба съ большевизмомъ не только силой оружія, но и силой моральнаго воздѣйствія». Для полноты моральнаго воздѣй-

*) «Сынъ Отечества», Одесса, 13 января 1920 г.

ствія, особымъ воззваніемъ, въ спеціальную роту приглашаютъ болгаръ и сербовъ.

На Троицкой, въ «Уніонѣ», «І-ый офицерско-добровольческій полкъ Новороссіи». Совсѣмъ особенный полкъ... Это... словомъ, это тѣ люди, что формировали «гвардію» и посоздавали «Волынскіе» и «Кексгольмскіе» полки, по 9 человѣкъ въ строевой части, и по сорокъ въ хозяйственной. Правильно, впрочемъ: хозяйственныхъ дѣлъ тамъ было больше, чѣмъ боевыхъ. И теперь «полка» еще и въ поминѣ нѣтъ, но слухи о какихъ-то интригахъ, заговорахъ, подкопахъ — повсюду. И все какъ-то связано съ «Уніономъ».

Тутъ же какой-то Волковъ созываетъ «офицеровъ и добровольцевъ-старообрядцевъ» для особаго «старообрядческаго баталіона». Это въ Одессѣ-то! Впрочемъ, можетъ быть, и нѣтъ никакого Волкова, а такъ только, для полноты картины, развязный шутникъ пустилъ это объявленіе.

Потомъ еще идутъ «одесскіе партизане», какія-то пѣхотныя и стрѣлковыя дивизіи, «Союзъ Возрожденія» и множество другихъ.

О томъ, что бываютъ мобилизаціи, назначенія, давно позабыли. Между огромнымъ аншлагомъ «Братья болгары и сербы» и приглашеніемъ въ химическую аудиторію (Велиховъ будетъ зачѣмъ-то объяснять одесситамъ, «что можетъ дать учредительное собраніе при большевикахъ») — маленькое скромное объявленіе: приглашаются на службу офицеры и добровольцы въ... комендантскую роту. Да, ужъ если комендантъ зазываетъ на службу газетными публикаціями!!..

Никто не вѣритъ: ни сами вербовщики, ни тѣ, кто идетъ къ нимъ, ни ихъ высокіе покровители; всѣ знаютъ, что это слова, что конецъ близокъ и неминуемъ. Но объ этомъ нельзя говорить.

Одни — въ погонѣ за визами; другіе подумываютъ, какъ безъ визъ пробиться. А пока — призывы, лекціи, комитеты, засѣданія, соглашательныя формулы, резолюціи...

Оттого въ Одессѣ такъ невыносимо: надъ умирающимъ городомъ стоитъ облако гулкой лицемѣрной лжи.

А какъ власти?

Въ Кіевѣ имя ген. Шиллинга, Главноначальствующаго Новороссіи, окружено было ореоломъ. Когда канонада становилась слишкомъ близкой, газеты писали: «съ приближеніемъ войскъ ген. Шиллинга, продвигающихся изъ Новороссіи, обстановка должна радикально измѣниться...»

У ген. Шиллинга былъ порядокъ. У ген. Шиллинга не было погромовъ. У ген. Шиллинга власть «искала единенія съ общественностью».

Кажется, все это было дѣйствительно такъ. Но въ Одессѣ ореола, увы, совсѣмъ не видать было.

Зато ходилъ каламбуръ.

Вы знаете, чѣмъ нашъ шиллингъ хуже англійскаго?
??
Нашъ — со штемпелемъ.
Штемпель — фамилія одесскаго градоначальника.

По вечерамъ у Сергѣя Всеволодовича совѣщанія. Живетъ онъ надъ самымъ моремъ; съ версту надо пройти по Французскому бульвару, потомъ въ какой-то переулокъ, тропинкой подъ изгородью, — кругомъ не то сады, не то виноградники — обойти большой заколоченный домъ и постучаться подъ окномъ во флигелѣ. Безъ винтовки рекомендуется не ходить; когда-же въ темнотѣ раздаются встрѣчные шаги, слѣдуетъ отойти въ сторону, взять на изготовку и пропустить прохожаго на приличномъ разстояніи. Такъ вѣрнѣе. У каждой страны и у каждой эпохи свои обычаи и свой церемоніалъ.

Мы собираемся вчетверомъ или впятеромъ. Насъ связываетъ годъ общей работы, общихъ опасностей, общихъ надеждъ и разочарованій. Такой годъ стоитъ многихъ лѣтъ.

Особенно теперь, когда ни на кого нельзя положиться, когда всѣ превратились въ воровъ или предателей, мы стараемся держаться вмѣстѣ. Среди распыленныхъ, очумѣвшихъ отъ страха, отъ крови и легкой наживы людей — и пятеро человѣкъ уже сила.

Собираемся мы, главнымъ образомъ, для того, чтобъ узнать, что дѣлается на свѣтѣ. Въ морѣ офиціальной лжи и обывательскихъ паническихъ слуховъ тонетъ всякое представленіе о дѣйствительности. Вечеромъ до-смерти хочется стряхнуть съ себя весь этотъ бредъ — провѣрить тѣ сотни новостей, что узналъ за день, услышать, что узнали другіе, посмотрѣть со стороны на хаосъ, въ которомъ крутишься безпрерывно.

Больше всего разсказываетъ самъ Сергѣй Всеволодовичъ. Онъ уже съ мѣсяцъ въ Одессѣ, и для его остраго, наблюдательнаго ума этого достаточно, чтобъ оцѣнить людей, взаимоотношенія, настроенія. И потомъ — у него еще съ большой войны привычка къ штабной жизни; онъ умѣетъ всюду проникнуть и подъ канцелярской и іерархической оболочкой уловить суть вещей.

Посреди комнаты отчаянно потрескиваетъ маленькая желѣзная печка на растопыренныхъ ножкахъ. Отъ нея идутъ чудесныя волны тепла. Сергѣй Всеволодовичъ распахнулъ синеватый френчъ съ тремя звѣздочками, глубоко забрался въ кресло, и разсказываетъ обо всемъ, что сегодня видѣлъ и слышалъ.

А я, закрывши глаза, вспоминаю о тѣхъ далекихъ временахъ, когда впервые услышалъ этотъ голосъ. Тогда не было Сергѣя Всеволодовича — былъ таинственный «5-45»: тогда каждую встрѣчу приходилось осторожно подготовлять, на каждомъ шагу была опасность; время тянулось такъ тяжело, такъ медленно, какъ будто хуже уже и не можетъ быть. А между тѣмъ... теперь эти дни вспоминаются, какъ доброе, счастливое время. Потому что тогда было самое главное — вѣра.

Сергѣй Всеволодовичъ все разсказываетъ и разсказываетъ. Съ лица его не сходитъ улыбка — будто ему удивительно пріятно говорить обо

всей этой непроходимой глупости, о всемъ томъ тупомъ безволіи и безстыдной наглости, которыя онъ видитъ.

А между тѣмъ, изъ словъ его ясно, что конецъ близокъ — и позорный конецъ: среди интригъ, дрязгъ, безъ всякой попытки къ сопротивленію...

Въ штабѣ у Шиллинга говорятъ, что достигнуто соглашеніе съ румынами. Конечно, придется плохо — но все же не такъ худо, какъ тѣмъ, кто отступалъ отъ Одессы въ прошломъ году. Къ Днѣстровскому лиману высланы команды для устройства переправы. Штабы-то, разумѣется, по просту уплывутъ, на нихъ кораблей хватитъ. Ну, а остальные — уйдутъ въ Румынію. Что же касается «укрѣпленнаго раіона» и колонистовъ, которые должны его отстоять...

Сергѣй Всеволодовичъ дѣлаетъ совсѣмъ веселое лицо, и разсказываетъ о томъ, какъ «гвардейцамъ» поручили произвести мобилизацію въ нѣмецкой колоніи, и что изъ этого вышло... Послѣ такихъ опытовъ, конечно, на колонистахъ далеко не уѣдешь... То есть, они всей душой противъ большевиковъ и могли бы крупную силу составить — да раньше объ этомъ надо было думать... Теперь, послѣ нашихъ пораженій... Ну, знаете, это надо поискать любителей впутываться въ грязную исторію...

Алеша Ткаченко всегда возражаетъ. На его правильномъ, чуть чуть пухломъ лицѣ, съ едва пробивающимися усами, непривычное раздраженіе. Алеша оптимистъ — въ силу всего склада своей широкой, веселой природы, въ силу своихъ двадцати двухъ лѣтъ и своего неизмѣннаго везенья. Онъ продѣлалъ войну, кубанскіе походы, годъ подпольной работы... и всегда кончалось благополучно. Значитъ — всегда какъ нибудь устроится.

Говорятъ, что вѣщіе люди распознаютъ на лицѣ человѣка тѣнь близкой смерти... Нѣтъ, рѣшительно, на Алешиномъ лицѣ никто бы не увидѣлъ никакой тѣни...

Въ результатѣ нашихъ совѣщаній мы приходимъ къ непоколебимому выходу: дѣло безнадежно. З д ѣ с ь уже ничего нельзя сдѣлать — остается уйти во время. Для этого надо держаться вмѣстѣ. Уходить-ли на Аккерманъ, садиться-ли на корабли — но вмѣстѣ. Конечно, прикажутъ — будемъ воевать. Да только вѣдь и не прикажетъ никто.

На нашихъ собраніяхъ недостаетъ «Альфы» — Юрія Евгеньевича Фіалковскаго. Онъ уже «готовъ» — возвратный тифъ. Первый приступъ прошелъ, ждутъ второго.

Теперь очередь за мной. Въ теченіе всего пути, отъ Кіева до Одессы, мы были рядомъ: на моемъ полушубкѣ оба спали, его полушубкомъ укрывались. Значитъ, и мнѣ ждать недолго.

Но пока что, надо изъ теплушки перебраться куда-нибудь на квартиру. Это совсѣмъ не легко; сколько ужъ, кажется, народу изъ Одессы разъѣхалось, а жить негдѣ.

Гдѣ-то на краю города, на Черноморской улицѣ, нашлись комнаты въ заброшенной санаторіи. Правда, домъ надъ самымъ моремъ, а паровое отопленіе, разумѣется, бездѣйствуетъ. Но что-жъ дѣлать — это все-же лучше, чѣмъ теплушка.

Въ моей комнатѣ четыре большихъ окна, прекрасная мебель, видъ на море. Хозяинъ любезно предупреждаетъ, что именно здѣсь любилъ останавливаться когда-то румынскій наслѣдный принцъ. Конечно, тогда вода не замерзала въ умывальникѣ...

На слѣдующій день послѣ переѣзда у меня головная боль, высокая температура, ломота въ суставахъ. Неизбѣжное послѣдствіе похода, ночевокъ въ деревняхъ среди мрущихъ отъ тифа крестьянъ.

Сыпной или возвратный?

Нѣтъ, ни то ни другое. Черезъ три дня опредѣляется — не тифъ, а «тифоидъ»; что-то такое «тифообразное», но болѣе легкое.

Я лежу въ огромной постели «румынскаго принца», заваленный подушками, одѣялами, платьемъ, шубой. Цѣлая гора высится надо мной. Мнѣ почти-что тепло, только лицо обмерзаетъ.

Но каждую ночь прохватываетъ холодомъ, и я чувствую, что мой проклятый «тифоидъ» не пройдетъ, пока я не согрѣюсь, какъ слѣдуетъ.

Въ сосѣдней комнатѣ лежитъ мать моей жены. У нея дѣло серьезное — не то сыпнякъ, не то брюшной, еще навѣрное неизвѣстно, но тифъ несомнѣнный.

На Черноморскую къ намъ рѣдко кто заглядываетъ, но всѣ слухи долетаютъ мгновенно.

Пріѣхалъ изъ Новороссійска Степановъ, бывшій членъ Думы, кадетъ. Онъ привезъ вѣсти изъ штаба Деникина, съ которымъ уже давно была порвана связь.

Тяжелыя вѣсти... О развалѣ, объ измѣнѣ казаковъ. И самое тяжелое — объ измѣнѣ англичанъ.

Англійскій комиссаръ Макъ-Киндлеръ предъявилъ ультиматумъ. Онъ требуетъ признанія независимости окраинныхъ государствъ, признанія захвата русскихъ областей. Деникинъ категорически отказался, но его министры настояли на принятіи ультиматума, такъ какъ иначе англичане перестанутъ снабжать армію.

Да, да... Но вотъ вопросъ — нужно-ли снабжать армію? Если мы откажемся отъ единства Россіи, на что намъ армія? Какъ мы станемъ воевать? За что будемъ бороться?

Жаръ у меня не спадаетъ, и трудно разобраться въ потокѣ слуховъ. Говорятъ, что за принятіе требованій Макъ-Киндлеръ обѣщалъ организацію общаго фронта противъ большевиковъ: Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва, Польша, Румынія... и мы. Съ румынами, съ поляками? Поведемъ ихъ на Москву?

Можетъ быть, все это еще и не такъ, надо бы толкомъ узнать, обсудить, нужно многое рѣшить. Все въ корнѣ измѣнилось.

Но времени для обсужденій и рѣшеній нѣтъ. А впрочемъ... что тутъ рѣшать, о чемъ говорить... съ каждымъ днемъ надвигается неизбѣжный конецъ.

Къ намъ приходятъ прощаться знакомые изъ штаба Бредова. Этотъ штабъ и кучка солдатъ вокругъ него, обрывки разныхъ частей — все, что осталось отъ «войскъ Новороссіи». Вчера они пришли въ Одессу, сегодня идутъ дальше, на Аккерманъ. Значитъ, наступилъ тотъ послѣдній день, когда уперлись въ море...

Болѣть больше нельзя, надо дѣйствовать. Если-бъ мнѣ хоть одну ночь какъ слѣдуетъ согрѣться — я знаю, что выздоровѣлъ бы; но это невозможно, все короче и короче серебряный столбикъ въ термометрѣ за окномъ. Толстой глыбой льда застыла вода въ кувшинѣ, желѣзная печка безпомощно шипитъ и еле отогрѣваетъ на полчаса одинъ уголъ комнаты.

Въ газетахъ замѣчательное сообщеніе: «Одесскій портъ — британская территорія». Это означаетъ, что англійскіе солдаты охраняютъ портъ. Англичане обѣщали вывезти всѣхъ, кто хочетъ ѣхать.

Какое-то бюро, или маіоръ какой-то выдаетъ билетики съ печатью и съ обозначеніемъ категоріи; по этимъ билетамъ садятся на корабли. Сегодня грузятся A-B-C. Наша категорія — D; завтра утромъ жена получаетъ билетики — и въ путь.

Вечеромъ — ааахъ, ааахъ, ааахъ... Три долгихъ, бездонно глубокихъ вздоха. Это стрѣляетъ какое-то чудовищное, невиданнаго калибра, орудіе. Конечно, съ англійскаго судна...

Значитъ, вправду такъ близко?!

Въ субботу, 25-го января, я вылѣзаю изъ постели, и раннимъ утромъ вмѣстѣ съ женой отправляюсь въ городъ. На улицахъ пустовато, но спокойно. Ходятъ трамваи какъ всегда, магазины открыты. И даже — вотъ газета.

Это все тѣ же «Одесскія Новости», № 11129 и послѣдній, конечно. Большими буквами: «Передача власти галичанамъ». Что за галичане? Откуда?

«По соглашенію штаба укрѣпленнаго раіона и представителей галиційскаго командованія началась передача власти въ городѣ и раіонѣ галичанамъ».

«Въ украинско-галиційскихъ кругахъ совершившійся переходъ власти къ галиційско-украинскому командованію разсматривается, какъ безусловное признаніе самостійной Украины. Тѣмъ болѣе вопросъ считается рѣшеннымъ именно въ этомъ смыслѣ, что въ разрѣшеніи его участвовали такія авторитетныя стороны, какъ представители англійскаго, добровольческаго и галиційскаго командованія».

Теперь ясно... А вотъ и еще:

«При штабѣ галиційско-украинскихъ войскъ будутъ постоянно находиться представители англійской военной миссіи».

Но зачѣмъ, кто далъ согласіе на эту комедію въ послѣдній часъ, когда все равно уже никто ничего не удержитъ?

«По чьему распоряженію и съ чьей санкціи произошла передача власти?

На этотъ вопросъ полк. Стессель заявилъ намъ, что какъ переговоры съ галичанами, такъ и вопросъ о передачѣ власти былъ рѣшенъ согласно указанію ген. Шиллинга, переданному въ письменной формѣ».

Значитъ, конецъ. А тутъ-же, рядомъ, «Объявленіе по укрѣпленному раіону г. Одессы».

«Въ виду наблюдающейся въ городѣ паники, объявляю населенію г. Одессы и его окрестностей, что паника эта вызвана исключительно злонамѣренной агитаціей. Способствуютъ этой паникѣ также тѣ перетрусившіе, жалкіе людишки, которые думаютъ о спасеніи своей шкуры, мечутся безъ толку по всевозможнымъ учрежденіямъ и своимъ растеряннымъ видомъ вселяютъ смятеніе въ одиихъ, мѣшая работать другимъ. Въ общихъ интересахъ предлагаю всѣмъ сохранить полное спокойствіе, которое такъ необходимо въ переживаемые нами дни.

Всѣмъ, кто шелъ за лозунгами Добрарміи, объявляю, что раненые, больные, семьи сражавшихся въ рядахъ арміи за благо Родины, тѣ, кто словомъ и дѣломъ работали въ Добрарміи — всѣ будутъ эвакуированы распоряженіемъ англійскихъ властей и не будутъ оставлены большевикамъ.

Охрана порта уже находится въ рукахъ англійской военной миссіи и несется дессантомъ англ. морской пѣхоты. Тѣхъ же, кто притаившись въ углахъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ прихода большевиковъ, предупреждаю, что не допущу съ ихъ стороны никакихъ выступленій.

Не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы обезпечить городу порядокъ и спокойствіе, пока послѣдній боецъ-доброволецъ посаженъ будетъ на корабль.

Въ случаѣ какихъ либо выступленій весь городъ предамъ интенсивной бомбардировкѣ съ военныхъ судовъ и сухопутныхъ батарей. До самаго послѣдняго момента не выпущу власть изъ своихъ рукъ. Буду безпощаденъ ко всѣмъ лицамъ и партіямъ, препятствующимъ планомѣрной эвакуаціи.

Въ послѣдній разъ обращаюсь ко всѣмъ чинамъ Добрарміи, не вступившимъ еще въ комендантскія роты для защиты послѣдняго оплота Новороссіи.

Даю вамъ однодневный срокъ. Съ 26-го числа буду всѣхъ, кто не одумается къ тому времени, считать дезертирами и предателями и буду вѣшать ихъ на улицахъ города. Это касается также и отдѣльныхъ группъ, бѣжавшихъ съ фронта.

Торговому классу приказываю продолжать нормальную торговлю. Кто не откроетъ своихъ торговыхъ заведеній, либо вздумаетъ отказываться принимать такъ называемыя Деникинскія деньги — также будетъ повѣшенъ противъ своего магазина или учрежденія.

Всѣмъ учрежденіямъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ, которыя будутъ пытаться эвакуироваться внѣ очереди, объявляю, что изъ этого абсолютно ничего не выйдетъ, т. к. эвакуація будетъ произво-

диться въ строгомъ соотвѣтствіи составленному плану. А кто будетъ нарушать этотъ планъ, тому грозятъ самыя серьезныя репрессіи. Это послѣднее мое обращеніе къ населенію.

Предупреждаю, что съ момента опубликованія приказа всѣ указанныя выше мѣры будутъ неуклонно проводиться въ жизнь.

Комендантъ укрѣпленнаго раіона полк. Стессель».

Конецъ, конецъ... а газетный листъ еще дышетъ жизнью, вотъ завтра гастроль Цесевича въ оперѣ, вотъ готовятъ на аттестатъ зрѣлости въ кратчайшій срокъ, и Одесское общество взаимнаго кредита созываетъ общее собраніе на 8-ое февраля.

Это страшно, какъ борода, пробивающаяся у мертвеца.

Мы на трамваѣ добираемся до центра; жена ѣдетъ дальше, за англійскими билетиками. Но мнѣ еще трудно много двигаться, я схожу на Греческой и остаюсь у Веге.

Это наши близкіе, давніе друзья, почти что родные. Вмѣстѣ мы продѣлали бѣженскій путь: изъ Петербурга въ Кіевъ, изъ Кіева въ Одессу. Теперь разстанемся: они не рѣшаются ѣхать дальше...

Въ какія времена, въ какихъ странахъ удастся встрѣтиться? Ищемъ, гдѣ бы найти неподвижную точку опоры среди общаго крушенія и распада, и послѣ долгихъ раздумій находимъ: у Веге есть знакомый въ Швейцаріи. Онъ тамъ жилъ еще до войны, навѣрное и теперь тамъ. Слава Богу, архимедова точка найдена. Туда, при первой возможности, будемъ давать о себѣ свѣдѣнія — и ихъ семья, и наша. Можетъ быть, придется еще услышать другъ о другѣ...

Потомъ я еще захожу на нѣсколько минутъ на сосѣднюю улицу, къ М. И. Ганфману. У него стоятъ раскрытые чемоданы посреди комнаты, почти все упаковано, но онъ еще не знаетъ: ѣхать или нѣтъ. Въ Кіевѣ остались его дѣти...

М. И. бѣгаетъ по комнатѣ, будто диктуетъ передовую, загоняетъ меня въ уголъ, и мы оба одновременно кричимъ. Я говорю объ опасности, которая угрожаетъ ему, редактору бѣлыхъ газетъ, о томъ, что мы будемъ дѣлать въ Берлинѣ или Парижѣ, о безуміи оставаться въ городѣ, гдѣ онъ на виду, гдѣ черезъ два-три дня... Но онъ все это знаетъ лучше меня. Я спускаюсь по лѣстницѣ, и такъ и не знаю: поѣдетъ онъ или нѣтъ.

Когда я выхожу, чтобъ возвращаться домой, что-то подозрительно долго нѣтъ трамвая. Ждать больше нельзя, иду пѣшкомъ, вдоль Греческой, сворачиваю на спокойную узкую улицу — кажется, Маразліевскую, потомъ къ Александровскому саду...

И вдругъ справа, совсѣмъ близко, у вокзала, будто тысячи досокъ посыпались одна на другую...

Можетъ быть, два-три года назадъ я бы не сразу понялъ, но теперь — теперь мы всѣ ученые. Грозныя англійскія орудія — просто эффект-

ныя игрушки, а вотъ пулеметы — это значитъ, что остались не дни, а часы, можетъ быть — минуты...

А жена — далеко въ городѣ, не знаю даже, гдѣ.

Пулеметы и слѣва, и справа, и сзади... И отдѣльные ружейные выстрѣлы.

Все равно — остается одно: идти домой и ждать. Разыскивать по городу — значило-бы никогда не встрѣтиться.

Наша Черноморская — глухой тупикъ, и потому здѣсь кажется безопаснѣе. Отдѣльные смѣльчаки рѣшаются даже выйти на улицу. Прикладываютъ руки къ ушамъ, глазѣютъ на небо. Разумѣется, объ извозчикѣ теперь нечего думать. Вотъ тамъ, въ угловомъ домѣ, говорятъ, у дворника есть ручная телѣжка, и то бы хорошо.

Телѣжка маленькая, еле держится. И самъ дворникъ тщедушный, вялый. Но какъ ни удивительно — соглашается за пять думскихъ. Тутъ же, съ телѣжкой, идемъ къ нашему дому.

Теперь все готово. Остается ждать...

Пулеметы то стихаютъ, то опять гудятъ, и все въ разныхъ мѣстахъ, будто сразу весь городъ налился кровавымъ зудомъ. На углу, съ часами въ рукахъ, я смотрю вдоль переулка и загадываю. Жена должна быть... не позже, чѣмъ третьей... Первымъ, — солдатъ, безъ фуражки, съ винтовкой въ рукѣ. Переодѣваться бѣжитъ? Второй — господинъ въ шубѣ. Третій... третій — горничная съ хлѣбомъ въ рукахъ. Ну, вотъ теперь, слѣдующая... но слѣдующая — толстая дама, испуганная, запыхавшаяся. А стрѣлка все движется. Еще пять минутъ... еще пять... Вотъ, наконецъ... Она цѣла и невредима. На главныхъ улицахъ ничего не видно — только магазины закрываютъ, и то, будто изъ-за погрома. А такъ — все благополучно, и вотъ билеты. Маленькіе клочки бумаги: «Предъявитель сего» — и въ углу продолговатый штемпель: «British committee Odessa.... passed.... class.... ship». Съ этимъ остается только добраться на «британскую территорію» — въ портъ.

Идемъ по узенькой пустынной дорожкѣ, черезъ Ланжеронъ, минуя центръ города. Можетъ быть, тамъ уже и пройти нельзя.

Но поворотъ, — и весь портъ подъ нами. Два огромныхъ транспорта, съ красными жуками на синемъ полѣ, выходятъ одинъ за другимъ мимо маяка въ море. Третій въ эту самую минуту отплываетъ — всего сажени двѣ отъ набережной.

Но еще стоятъ какія-то суда. Да и не все-ли равно — лишь бы дойти до порта. Въ прошломъ году, говорятъ, когда городъ заняли большевики, французы пять дней оставались въ порту — пока не вывезли всѣхъ, кто бѣжалъ подъ ихъ защиту; у англичанъ, навѣрное, будетъ не хуже.

А «британская территорія» совсѣмъ уже близко, но нѣтъ британскихъ часовыхъ, и никто не спрашиваетъ билетика со штемпелемъ. Внизу по набережнымъ копошатся сѣро-зеленыя толпы шинелей. Пролетаетъ автомобиль, наполненный людьми и вещами. На поворотѣ от-

рывается большой желтый чемоданъ и дугой летитъ на мостовую. Но никто въ автомобилѣ и головы не поворачиваетъ, они смотрятъ только на отходящій транспортъ. Ну, значитъ, и тамъ на «англійской территоріи» люди чувствуютъ себя не очень увѣренно.

Ходьбы осталось минутъ пять, но проклятая телѣжка съ грохотомъ рушится: колесо отлетѣло. Какіе-то услужливые мальчишки подлетаютъ снизу, кто-то за двѣ тысячи «думскими» подвязываетъ колесо, другіе за пять тысячъ керенками хватаютъ по чемодану въ руки, и мы всей гурьбой сбѣгаемъ въ портъ.

Обстановку всего того, что было дальше, представить себѣ очень легко. Высокій, ровный берегъ отвѣсно обрывается къ морю. Внизу — широкая лента набережной. Къ ней — нѣсколько спусковъ. Отъ набережной въ море длинными полосами выступаютъ молы. Первый отъ Ланжерона, прямо противъ насъ, — Карантинный молъ, самый широкій и безконечной длины. Къ дальнему краю его примыкаетъ узенькая стѣнка волнолома, дугой охватываетъ портъ, и далеко въ морѣ заканчивается большимъ бѣлымъ маякомъ.

Вокругъ не было ни слезъ, ни криковъ, а только молчаливая, предсмертная суетливость. И безъ разспросовъ, безъ объясненій мы тотчасъ узнали все.

Транспортовъ больше не было. Англичане ушли, ушли какъ только поднялась стрѣльба въ городѣ, бросились, всѣхъ разгоняя, на свои корабли и уплыли. Всѣ эти пароходы, что пооставались въ порту — безполезные ящики, безъ пуда угля. Одинъ только «Владимиръ» отходитъ, но тамъ висятъ на перилахъ, на канатахъ, и юнкера штыками охраняютъ сходни отъ толпы.

Тысячи лицъ сумасшедшимъ вихремъ метались вокругъ. Длинный, тощій поручикъ въ рваной шинели схватилъ меня за рукавъ — мой гимназическій товарищъ; я его пять лѣтъ не видѣлъ.

Щемящая, сосущая тоска гнала людей съ мѣста на мѣсто, вертѣла ихъ въ отчаянномъ, холодномъ водоворотѣ. И потому, что надѣяться всегда на что-нибудь надо, шопотомъ говорили въ толпѣ, будто придетъ какое-то госпитальное судно «Николай 119» и всѣхъ спасетъ.

И вдругъ — далеко въ толпѣ мелькнула высокая сѣрая папаха.

Да, это онъ — В. В. Шульгинъ. И весь «отрядъ» здѣсь, и Сергѣй Всеволодовичъ, и бѣдняга Альфа, едва поднятый съ постели, и Алеша...

Странная вещь — дисциплина. Все такъ же холодно съ трехъ сторонъ бьется вода, такъ же неминуема гибель на этомъ каменномъ клочкѣ земли. Но какъ спокойно стало сразу: не о чемъ больше думать. Надо ждать и исполнять приказанія.

И вмѣстѣ съ спокойствіемъ, волна жара охватила меня. Пріятно закружилась голова, и шуба тяжело повисла на плечахъ. Мой тифоидъ — съ самаго утра я забылъ о немъ — опять зашевелился.

Совсѣмъ неожиданно что-то засвистѣло, пригоршни камешковъ со звономъ заскакали по мостовой, и гдѣ-то совсѣмъ близко, надъ самой головой, быстро застучала ловкая машинка.

Карантинный молъ — огромная площадь. На немъ есть большіе сараи. Даже когда они наглухо заперты, за выступами и поворотами толстыхъ каменныхъ стѣнъ могутъ укрыться тысячи человѣкъ.

Толпа бросилась и разсыпалась. На площади остались курганы сундуковъ, чемодановъ, мѣшковъ.

Мы сидѣли въ углу, защищенные съ двухъ сторонъ стѣнами склада. Отсюда виденъ былъ только кусокъ гранитныхъ перилъ, и за ними холодное, сѣрое море. Гдѣ-то за нашей спиной продолжался быстрый стукъ и тарахтѣли пули о камни.

Мы сидѣли на мостовой, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. Вокругъ все были женщины и больные. Были и дѣти.

Конечно, это были послѣдніе часы, можетъ быть, послѣднія минуты. Сидѣть сложа руки, спиной къ врагу — долго въ такомъ положеніи не продержишься. Тѣ, что съ горки вѣютъ пулеметный вѣеръ, выскочатъ сейчасъ вотъ изъ-за этого угла... Ругань, нѣсколько выстрѣловъ, можетъ быть, граната... А женщины?

У меня не было патроновъ. Я только что легкомысленно отдалъ всѣ, всѣ до послѣдняго, кому-то, кто увѣрялъ меня, будто у него пулеметъ, Льюисъ, разставленъ уже, нужно только набить патронами ленту. А теперь моя великолѣпная англійская винтовка, всего два мѣсяца какъ вынутая изъ ящика, превратилась въ никчемную палку.

Плечомъ къ плечу со мной — опять Альфа. Я къ нему нагнулся. Лицо у него было совсѣмъ сѣрое и мертвое, какъ папье-маше; у него только что кончился третій припадокъ возвратнаго; его съ трудомъ привели и посадили рядомъ со мной — онъ руки поднять не могъ, но глаза оставались все такіе же открытые и твердые, только насмѣшливой улыбки больше въ нихъ не было. Онъ все сознавалъ и съ нимъ можно было говорить.

— Послушайте, — спросилъ я его шопотомъ, — у васъ револьверъ есть?

Онъ кивнулъ головой.

— И патроновъ... достаточно?

Онъ посмотрѣлъ на меня понимающими глазами, и опять кивнулъ. Теперь можно было ждать конца.

Какъ это случилось? Нѣсколько драгунъ — огромные, ражіе ребята, вдругъ зашевелились въ узкомъ проходѣ между стѣной и моремъ. Расталкивая толпу и неистово ругаясь, они двигались мимо насъ обратно, къ набережной. «Сволочи! Офицеры!! Пропадать, что-ли, какъ собакамъ?!»

Это было похоже на пьяный дебошъ. И лица у нихъ были багровыя и отчаянныя. Кто-то суетился возлѣ нихъ, что-то кричалъ, спорилъ, какая-то женщина забилась въ истерикѣ.

Но они рѣшительно лѣзли сквозь толпу.

«Не видите, что-ли?! Такъ, значитъ, и пропадать сволочами? Все равно убьютъ!»

Они хотѣли драться.

Одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ группѣ офицеровъ. Вокругъ высокаго поручика въ мѣховой шапкѣ собрался цѣлый кружокъ головъ, и шли какіе-то споры. Пьяный скандалъ превращался въ попытку сопротивляться. Потомъ съ полсотни человѣкъ, съ винтовками въ рукахъ, пробѣжали за уголъ сарая, на большую площадь мола, къ набережной.

Почему это не произошло раньше? Вчера, часъ назадъ? Неужели нужно было дойти до послѣдней точки, стукнуться о гранитныя перила набережной, чтобъ пріобрѣсти силу для обратнаго толчка?

Разумѣется, это было совершенно безнадежное, отчаянное предпріятіе. На него могли рѣшиться только обреченные.

Пройти нѣсколько сотъ шаговъ по открытой, незащищенной площади, потомъ вскарабкаться по почти отвѣсному скату, или пробраться по узенькой дорожкѣ, и все это едва не съ голыми руками, подъ непрерывнымъ ливнемъ пулеметныхъ пуль сверху.

Но достаточно было повернуться лицомъ къ врагу, и врагъ... его не было.

Въ первую минуту упалъ тяжело раненый кадетикъ, его пронесли умирающаго. Потомъ стукъ тотчасъ оборвался. Черезъ четверть часа молоденькій поручикъ, запыхавшись, прибѣжалъ къ намъ. Наши были наверху, на бульварѣ. Никакого боя не было. Непріятеля не обнаружили. Какъ въ городѣ? — спокойно!

И правда, тотъ пулеметъ, что только что поливалъ насъ сверху, былъ послѣднимъ. Въ другихъ мѣстахъ стрѣльба ужъ замолкла. Синій морозный воздухъ глухо дымился, неподвиженъ и тихъ.

Я съ трудомъ подымаюсь и вылѣзаю изъ-за сарая.

Все пусто и мертво. На горкѣ, кое-гдѣ, одинокія фигуры съ винтовкой: это наша «передовая линія». Здѣсь, внизу, людей почти не видно. Одни такъ и застыли, укрывшись за стѣнкой, другіе открываютъ сараи, и забираются внутрь. Такихъ все больше: морозъ крѣпчаетъ съ часу на часъ.

Часы ползутъ, каждый изъ шестидесяти полновѣсныхъ тягучихъ минутъ.

Блестящимъ ожерельемъ развернулась на морѣ эскадра. Два англійскихъ крейсера-дредноута: «Эжексъ» — «Аяксъ», тотъ, что стрѣлялъ вчера вечеромъ, и «Церера». Потомъ транспорты — русскіе, англійскіе — госпитальныя суда, маленькіе какіе-то пароходики, катера Сзади всѣхъ — гигантскій ублюдокъ, страннаго, безобразнаго профиля, похожій на лежащаго верблюда. Онъ несравненно больше всѣхъ дредноутовъ и транспортовъ. Говорятъ, это угольщикъ: онъ только что при-

шелъ изъ Зунгулдака, а приди днемъ раньше, вся эта толпа застрявшихъ въ порту мертвецовъ была бы въ морѣ... и мы на одномъ изъ нихъ.

Сарай, въ которомъ мы устроились, — безконечное, трехъэтажное зданіе, съ длинными рядами большихъ залъ. Когда-то онѣ полны были тюками табака, шерсти, бочками сала, мѣшками пшена. Теперь остались только груды досокъ, на которыхъ можно удобно размѣститься. Въ одной залѣ желѣзную печку затопили — и стало совсѣмъ уютно.

Среди нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, забившихся вотъ такъ по угламъ, понемногу создается какая-то связь. Оказывается, есть и начальство. Гдѣ-то въ сосѣднемъ сараѣ пріютился «штабъ города Одессы», то-есть, полковникъ Мамонтовъ. Увѣряютъ даже, будто онъ ведетъ переговоры съ англичанами, и будто англійскій офицеръ пріѣзжалъ въ лодкѣ и хотѣлъ Мамонтова вывезти, а онъ потребовалъ, чтобы всѣхъ спасли, теперь ждетъ отвѣта англичанъ. Вывезутъ, конечно, вывезутъ, — не могутъ же они всѣхъ такъ бросить.

Солнце далеко за фонтанами опускается въ море, а англичанъ все нѣтъ. У дверей того сарая, гдѣ сидитъ Мамонтовъ, все больше толпится народъ. Внутри зажигаютъ лампу, и сквозь рѣшетчатыя окошки видна такая же сѣро-зеленая толпа стоящихъ, сгрудившихся въ молчаливомъ ожиданіи людей.

Но вотъ на крыльцо пробивается поручикъ въ полушубкѣ, что-то бормочетъ и машетъ рукой.

Этотъ жестъ значитъ: надежды больше нѣтъ...

Но разъ нашлось какое-то начальство, мы уже не пыль, летящая по-вѣтру, а сбитая въ одно кучка людей; а вѣдь тамъ, гдѣ есть организація, тамъ долженъ найтись какой-нибудь выходъ.

Выходъ оказывается такой: пробиться сквозь городъ, и идти въ Румынію, вслѣдъ за Бредовымъ.

Это невозможно? Да, конечно. Вѣдь у насъ сотни больныхъ, раненыхъ, женщинъ, у насъ нѣтъ лошадей, нѣтъ продовольствія, нѣтъ артиллеріи... да вообще ничего нѣтъ.

Но вѣдь и на молу-жъ невозможно оставаться? Значитъ, надо идти.

Мы строимся «въ походную колонну». Но, Господи, что это за колонна! Вѣдь у насъ не воинскія части (кромѣ двухъ-трехъ маленькихъ, откуда-то выползающихъ, группъ), а самая обыкновенная толпа.

Въ темнотѣ люди сталкиваются, цѣпляются другъ за друга, чтобъ не отбиться отъ близкихъ; нъ тонкихъ ботинкахъ, въ городскихъ пальто, съ чемоданами въ рукахъ. Все это выдумка, нелѣпость, маскарадъ какой-то. Но что-же, что-же другое?

А какъ они будутъ идти? Больные, тифозные? Конечно, не смогутъ. Теперь они кое-какъ выползли изъ сарая, и заняли мѣсто въ колоннѣ. Но хватитъ-ли у нихъ силъ хоть на первую версту?

Мы стоимъ въ сбитомъ снѣгу, среди раскиданныхъ вещей. Вѣтеръ свищетъ, и темно такъ, что сосѣда трудно разглядѣть. Не потерять-бы кого-нибудь, а то вѣдь не найдешь потомъ.

Наша колонна вьется въ темнотѣ невидимой лентой. Голова гдѣ-то на набережной, а хвостъ тянется по молу, вдоль складовъ, до самаго края. Уже разъ шесть начинали двигаться; но черезъ десятокъ шаговъ — остановка. Что-то впереди не ладится. Все никакъ съ мола сойти не можемъ.

Сколько намъ идти? — Говорятъ, всего шестьдесятъ верстъ до границы... Два-три дня. Но сколькихъ придется похоронить за эти дни, или— еще хуже — бросить?

Вотъ — опять движеніе. Впереди, въ темнотѣ, слышно, какъ заскрипѣлъ снѣгъ подъ сотнями ногъ. Шевельнулись передъ нами ряды... идемъ.

Въ рукахъ у меня — маленькій чемоданъ. Все остальное лежитъ гдѣ-то тамъ, за этими вагонами. Но и чемоданчикъ, — развѣ можно нести его въ рукахъ, десятки верстъ? Надо бросить, надо съ себя скинуть тяжелую шубу, найти что-то другое, вообще — привести себя въ походный видъ, разыскать подводы для тяжело больныхъ, построиться по настоящему, и тогда...

...Съ разгона грудью ударяюсь о что-то твердое: мѣшокъ на спинѣ человѣка въ переднемъ ряду. Опять остановились.

Въ темнотѣ движутся, вдоль колонны, какіе-то люди.

— Женщины-ы-ы и больны-ы-е-е! выйти изъ колонны-ы! Англичане обѣщали прислать ледоко-о-о-лъ! Остальнымъ идти впередъ!

Это — полковникъ Мамонтовъ.

Огней на ледоколѣ нѣтъ, въ темнотѣ видна только черная куча сгрудившихся, напряженно пробивающихся къ сходнямъ людей.

Ледоколъ, конечно, нашъ, русскій. Но управляютъ имъ англичане. Въ центрѣ толпы, тамъ, куда направлены всѣ надежды, слышны англійскіе выкрики и англійская ругань.

— Women... Women...

Англичане требуютъ, чтобы въ первую очередь посадили женщинъ. Но какъ это сдѣлать! Въ черномъ воздухѣ смутно видны напряженныя, озлобленныя лица, сжатые кулаки, рычагами выдвинутые локти. Послѣ безконечнаго дня отчаянія и безнадежности появилось спасеніе. Близко, рукой подать. Нужно лишь сдѣлать нѣсколько шаговъ, оттѣснить десятокъ сосѣдей, повалить ихъ, сбросить въ море... И въ стиснутыхъ зубахъ, въ обжигающемъ, прерывистомъ дыханіи говоритъ эта рѣшимость — спастись во чтобы то ни стало.

О, да! Это не тѣ люди, которые въ 1914-мъ и 15-мъ годахъ съ пѣснями шли на вѣрную смерть, это даже не тѣ, что полгода назадъ гнали передъ собой большевистскія арміи. Отъ нихъ, сотни разъ обманутыхъ и преданныхъ, во всемъ изверившихся, нечего требовать соблюденія очереди тамъ, гдѣ раздаютъ право на жизнь.

А въ серединѣ толпы все громче крики и англійская ругань. Это вдребезги пьяный англійскій солдатъ пытается осадить напирающихъ, озвѣрѣвшихъ и одичавшихъ людей.

— Пропусти-и-те! Братцы, пропусти-и-и-те!

Кто-то принесъ сюда раненыхъ на носилкахъ; они ползутъ и воютъ, требуя, чтобъ пропустили ихъ. Напрасно, конечно. Толпа, въ темнотѣ, неумолимо пробивается къ сходнямъ, и сколько ни прошло народу, напоръ все не уменьшается.

Десять, пятнадцать, двадцать минутъ... Надежды больше нѣтъ, намъ не попасть на ледоколъ. Но мы не уходимъ, потому что — куда-же идти?

Слышно, какъ лязгаютъ цѣпи. Въ толпѣ послѣднее, отчаянное усиліе. Потомъ сходни подымаются...

Кто-то кричитъ съ берега, шамкающимъ генеральскимъ баскомъ:

— Ваше Превосходительство, не бросайте, — придите за нами!!

И густой голосъ отвѣчаетъ:

— Придемъ черезъ полтора часа, Ваше Превосходительство!

Потомъ слышно нѣсколько неразборчивыхъ, тявкающихъ звуковъ, и опять густой басъ кричитъ:

— Слышите? Англичане обѣщаютъ: черезъ полтора часа придемъ и возьмемъ всѣхъ!

Зажигаю спичку: безъ пяти одиннадцать.

Когда хочется вѣрить — вѣрится легко.

Это было почти какъ на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда. Разъ англичане обѣщали — они придутъ, ровно въ половинѣ перваго. Вѣдь говорятъ — точенъ, какъ англичанинъ. Да и почему бы имъ не придти? Въ порту и въ городѣ — глубокая тишина.

Съ полудня — послѣ нашей атаки — ни одного выстрѣла. Стоитъ темная, крѣпкая морозная ночь, и яркія звѣзды на черномъ небѣ ничего не освѣщаютъ. Насъ осталось на молу немного. Нѣсколько сотъ человѣкъ, не больше. Теперь совсѣмъ ужъ нетрудно и остальныхъ подобрать, достаточно придти ледоколу еще одинъ разъ.

Но въ половинѣ перваго ледокола нѣтъ. Нѣтъ ни въ часъ, ни въ половинѣ второго. Кругомъ все та же тишина и мракъ. Смутно сѣрѣютъ склады, и тусклые огоньки пробиваются сквозь окна. Тамъ, дальше, черной стѣной подымается городъ. И только по другую сторону, въ морѣ, блещетъ ослѣпительная гирлянда огней.

Вся эскадра переливаетъ бѣлыми, желтыми, красными, синими, зелеными свѣтами. Оттуда сіяетъ такимъ спокойствіемъ, такимъ тепломъ, довольствомъ, — и такимъ глубокимъ, глубокимъ безразличіемъ...

Въ углу, на кучѣ сваленныхъ досокъ, лежатъ тяжело больные. Остальные сидятъ на полу, на корзинахъ. Сквозь открытыя двери видны, въ сосѣдней комнатѣ, или вѣрнѣе въ сосѣднемъ отдѣленіи сарая, такія же сгорбившіяся, хмурыя фигуры.

По темнымъ закоулкамъ склада бродятъ ослабѣвшіе, разбитые люди. Они не въ силахъ ничего предпринять, ничего рѣшить. А вѣдь надо торопиться. До разсвѣта осталось не такъ ужъ долго, и до тѣхъ поръ рѣшеніе должно быть найдено.

Идти въ городъ? Красный патруль на перекресткѣ, — должно быть, портъ оцѣпленъ; а можетъ быть просто шайка грабителей... Если-жъ добраться до цѣли... впрочемъ, не у всякаго есть куда добираться. Вотъ намъ, напримѣръ, возвращаться некуда. На Черноморскую, послѣ того, какъ вся улица видѣла нашъ уходъ въ портъ? Или къ друзьямъ? Всполошить ночью весь домъ, показать сосѣдямъ, дворнику, всей улицѣ, что здѣсь укрываются бѣлогвардейцы? Подвести подъ обыскъ, подъ вѣчный страхъ доноса?

Идти некуда. Но и не оставаться же здѣсь...

Не знаю, кто сдѣлалъ это открытіе. Кто-то, вмѣсто того, чтобы идти въ городъ, пошелъ въ противоположную сторону, въ самый конецъ мола, и побывалъ на маякѣ. Тамъ, на маякѣ, есть сторожъ: онъ говоритъ, что у него были уже люди. но ихъ снялъ катеръ, совсѣмъ недавно, нѣсколько часовъ назадъ, вечеромъ. Онъ увѣряетъ, что катера и потомъ будутъ подходить Оттуда вѣдь до эскадры совсѣмъ близко.

Правда это? Можетъ быть правда, а, можетъ быть, и нѣтъ. Не все-ли равно? Вѣдь больше идти некуда.

Итакъ, мы идемъ на маякъ. Насъ собралась цѣлая группа. Среди нихъ и мои друзья, и чужіе люди.

На дворѣ еще холоднѣе, и рветъ сильный вѣтеръ. Мы долго идемъ по молу, мимо темныхъ, низкихъ построекъ, и доходимъ до края. Тутъ начинается волнорѣзъ.

Одесскій волнорѣзъ — это длинная, узкая каменная стѣнка въ морѣ. Нѣтъ, не такая ужъ узкая, я видѣлъ потомъ на открыткѣ: аршина два въ ширину, а то и больше. Но она занесена снѣгомъ, снѣгъ лежитъ острымъ, крѣпко обледенѣвшимъ гребнемъ, и по самому верху еле протоптана тропинка. По этой тропинкѣ мы и идемъ. Впереди видна длинная фигура Алеши. Онъ хоть и пошатывается отъ лихорадки, но пока еще можетъ двигаться безъ чужой помощи. А вотъ Альфа совсѣмъ плохъ. Мы его поддерживаемъ — моя жена съ одной стороны, я съ другой. Правда, втроемъ почти невозможно продвигаться по тропинкѣ, но мы идемъ очень медленно и осторожно. Еще бы: по сторонамъ, внизу, черная, грохочущая пропасть.

Это длится долго, очень долго. Посреди тропинки вырастаютъ во тьмѣ столбы: когда-то здѣсь стояли фонари, освѣщали дорожку. Теперь же въ нихъ главное препятствіе: ощупью, почти ползкомъ, надо обойти ихъ...

Впрочемъ, мы вѣдь двигаемся и удерживаемъ равновѣсіе чутьемъ, помощью тѣхъ подсознательныхъ, почти мистическихъ силъ, которыя чудеснымъ образомъ вырастаютъ въ минуты смертельной опасности. И потомъ еще — помогаетъ темнота. Если-бъ видно было, по какой невѣрной, скользкой стѣнкѣ приходится пробираться между двумя обрывами, навѣрное, всѣ эти шатающіеся люди и шагу не могли-бы ступить.

Потомъ какая-то площадка, неясныя очертанія перилъ, пятнадцать узкихъ ступеней внизъ, и тяжелая, низкая дверца со скрипомъ открывается передо мной.

Фантастическая, полукруглая комната. Маленькая лампадка въ углу; видны койки, столъ. За столомъ угрюмый человѣкъ съ длинной, сѣдой бородой...

Вотъ это и есть маякъ...

Желѣзная печка до красна раскалена, а послѣ проклятаго вѣтра на волноломѣ это самое существенное.

Никто не спитъ и не шевелится. Сидятъ въ тяжеломъ оцѣпенѣніи, поближе къ печкѣ. Пока отогрѣваешься, нѣтъ никакихъ мыслей. Только какой-то лохматый человѣкъ, въ папахѣ съ наушниками, снимаетъ со спины большой мѣшокъ, вынимаетъ хлѣбъ, отрѣзаетъ краюху и начинаетъ жевать. Потомъ задумчиво обводитъ всѣхъ глазами и методически отрѣзаетъ каждому по куску.

Насъ двадцать три человѣка. Двадцать мужчинъ, трое женщинъ.

Свѣтаетъ. Изъ тумана выдвигается, совсѣмъ близко отъ насъ, безформенная масса. Это транспортъ «Донъ». Онъ безъ машинъ: его отвели только отъ пристани и бросили у самаго входа въ портъ. На немъ полно людей; говоритъ кто-то, что грузилось три тысячи человѣкъ.

Возлѣ «Дона» что-то шевелится. Боже мой, да вѣдь это и есть катеръ! Двое черныхъ человѣчковъ тянутъ канатъ, машутъ руками — должно быть, спорятъ о чемъ-то, потомъ начинаетъ пыхтѣть машина, и катеръ отходитъ немного въ сторону. Останавливается. Поворачивается, опять подходитъ.

Нельзя терять ни минуты. Надо звать на помощь, тотчасъ же, во что бы то ни стало...

И приставивши руки ко рту, глубоко набирая морозный, влажный воздухъ, мы кричимъ — такъ, что звенитъ въ ушахъ.

— П-о-о-о-м-о-о-о-г-и-и-и-т-е-е...

Но звукъ не бѣжитъ, а глухо погружается въ туманъ и пропадаетъ.

— П-о-о-о-м-о-о-о-г-и-и-и-т-е-е!

Черный человѣчекъ поворачивается, машетъ рукой, и кричитъ въ отвѣтъ что-то. Потомъ катеръ опять начинаетъ пыхтѣть, отходитъ отъ «Дона» и... уходитъ въ море.

Что онъ намъ крикнулъ?? Обѣщалъ помочь? Послалъ-ли къ чорту? Или просто хотѣлъ отдѣлаться отъ назойливыхъ воплей?

Становится совсѣмъ свѣтло. Поднимается солнце, ярко сіяютъ окна и крыши въ городѣ, блестятъ покрытые снѣгомъ Фонтаны, ослѣпительно сверкаютъ стволы орудій на «Церерѣ».

Какъ близко отсюда эскадра... Отчетливо видны каждая рея, каждая башня; и когда напряженно вглядѣться, видно даже, какъ движутся черныя точки по палубѣ. А, можетъ быть, это только распаленное воображеніе...

Около девяти часовъ утра. Паровозъ съ нѣсколькими пустыми вагонами пробѣгаетъ по портовой вѣткѣ. Это первое движенiе въ порту, которое намъ замѣтно.

Черезъ полчаса видно, какъ по иабережной мчится автомобиль. Онъ заворачиваетъ на Карантинный молъ и исчезаетъ гдѣ-то за складамн. Вотъ въ эту минуту, значитъ, наше вчерашнее убѣжище захвачено.

А что съ нашими товарищами по бѣдѣ? Что съ тѣми, кто не могъ уйти въ городъ, съ безногими, съ больными, которые валялись яа носилкахъ у ледокола?

Выстрѣловъ по-прежнему не слышно. Отсюда слѣдуетъ, что на мѣстѣ ихъ не убили. Вотъ все, что мы знаемъ.

Наши надежды съ каждымъ часомъ слабѣе. Конечно, насъ видятъ съ рейда. Мы, хоть и съ трудомъ, можемъ простымъ глазомъ разглядѣть отдѣльныхъ людей — а вѣдь у нихъ морскiе бинокли.

И все же никто не идетъ намъ на помощь. Да и почему-бъ имъ идтн? Развѣ вчера ночью не бросили они насъ и еще нѣсколько сотъ такихъ же безпомощныхъ и обнадеженныхъ людей иа вѣрную гибель?

Мы все таки пытаемся подать сигналы. Изъ чьего-то мѣшка вытаскиваемъ простыню, и на ней, сажей изъ печки, пишемъ:

S. O. S.

Это я припомнилъ по Леонниду Андрееву. Save our souls — морской сигналъ о бѣдствiи. Неужели имъ, всю жизнь проведшимъ на морѣ, эти три буквы ничего ие подскажутъ?

Мы выходимъ впятеромъ на площадку, становимся такъ, чтобы колонна маяка прикрывала насъ отъ города, — и пытаемся развернуть простыню. Правда, опять поднялся отчаянный вѣтеръ, и простыню рветъ изъ нашнхъ рукъ, но, конечно, въ бинокль три буквы должны быть ясно видны.

...Никто не торопится спасать наши души. Но мы не сдаемся. Мы устанавлнваемъ дежурства. На обжигающемъ вѣтру трудно простоять больше десяти минутъ. Простыня переходитъ изъ рукъ въ руки, но S. O. S. пусть будетъ все время передъ глазамн англичанъ.

...И вѣдь что бы имъ стоило? Катеръ, простая шлюпка! Неужелн мы не стоимъ получасовой прогулки британскихъ матросовъ...

Человѣкъ...

Человѣкъ, съ винтовкой въ рукахъ, пытается пройти по волнолому.

Спасается-ли оиъ, какъ и мы? Ищетъ-ли бѣглецовъ?

Онъ осторожно ступаетъ по скользкому гребню, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, безпомощно машетъ руками и возвращается на молъ.

За ночь волнорѣзъ совсѣмъ обледенѣлъ, и пройтн по нашей тропинкѣ больше нельзя.

Итакъ, отступленія нѣтъ.

Мы будемъ кричать, будемъ махать нашимъ самодѣльнымъ флагомъ, пока англичане стоятъ на рейдѣ. Когда они уйдутъ, намъ остается ждать неминуемаго конца.

Захватить насъ немыслимо. Даже если ледъ станетъ, по волнолому можно пробираться только по одиночкѣ. А у насъ три винтовки, и, спрятавшись за каменной колонной, можно безъ ошибки уложить всякаго, кто захочетъ силой пройти къ намъ. На водѣ большевики безпомощны: все, что могло плавать, уведено, у нихъ, должно быть, простой шлюпки исправной не найдется, а безконечный рядъ судовъ въ порту — это все такія калѣки, которыхъ они не скоро сдвинутъ съ мѣста.

Съ нами бы можно совладать развѣ только артиллеріей. Да и то тяжелой — стѣны здѣсь аршина по три толщиной.

А все таки наши всѣ преимущества не многаго стоятъ. Потому что никто и не станетъ за нами гоняться. Къ чему? Вѣдь когда англичане уйдутъ, у насъ все равно не будетъ исхода...

Вѣрнѣе — одинъ исходъ, все тотъ же, что вчера — браунингъ Альфы.

Дежурный ворвался въ комнату съ такимъ крикомъ, что всѣ мы вскочили на ноги: изъ порта выходитъ пароходъ.

Это была правда, истинная правда. Маленькій колесный пароходикъ двигался изъ самой глубины порта, изъ-за какихъ-то баркасовъ или баржъ, которые до сихъ поръ закрывали его отъ насъ. Онъ пыхтѣлъ, трясся, его такъ качало, что то одно колесо, то другое барахталось въ воздухѣ, но онъ шелъ прямо на рейдъ.

Для этого ему надо было пройти мимо насъ...

Мы стояли всѣ на верхней площадкѣ.

Пароходикъ шелъ такъ близко, что на носу ясно видна была ржавая надпись «Мэри». На палубѣ, на мостикѣ, густая, тѣсная толпа. Мы видѣли ихъ лица, ихъ движенія и кричали протяжно:

— П-о-о-о-м-о-о-о-г-и-и-и-т-е-е!!

— С-п-а-а-с-и-и-и-т-е-е-е-е!!

Конечно, они насъ слышали и видѣли, и даже какъ будто заволновались. Какіе-то люди задвигались, забѣгали, и высокій мужчина на кормѣ, потрясая кулаками, что-то кричалъ намъ.

Слышно было только:

— А-а-а — е-е-е-е-е!

Спасемъ? Обѣщаютъ помочь? Но пароходъ все такъ-же, что есть духу, по прямой линіи прошелъ мимо насъ, держа курсъ прямо на «Цереру», быстро пробѣжалъ, не останавливаясь, короткое разстояніе и, только поровнявшись съ «Церерой», остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный.

И эти тоже не помогли.

До сихъ поръ у насъ все-таки была какая-то смутная надежда. Потому что вѣдь, какъ никакъ, видѣли-же насъ съ рейда! И неподалеку,

передъ нами, стоялъ на якорѣ «Донъ», на которомъ, мы знали, должно быть столько людей. Не бросятъ вѣдь ихъ въ концѣ-концовъ, а тогда, за одно ужъ, можетъ быть, прихватятъ и насъ.

Но послѣ того, какъ «Мэри» спокойно прошла мимо... пусть англичане съ полнымъ безучастьемъ смотрятъ на насъ — чего и ждать отъ нихъ. Но и свои — свои тоже думаютъ каждый о собственной шкурѣ.

День шелъ къ концу. Еще два транспорта ушло съ рейда, и долгое время видно было, какъ они дѣлаются все меньше и меньше, а потомъ превращаются въ черныя точки...

Это тѣ счастливцы, что вчера попали въ портъ, часа на три раньше насъ, плыли... куда? Въ Африку, на Принцевы острова, въ Варну? Не все-ли равно! Туда, гдѣ земля, небо, деревья, спокойные, работающіе люди.

Такъ и сидѣть на маякѣ, пять, десять дней, пока не пропадемъ отъ голода? А, можетъ быть, все-таки идти въ городъ? Несмотря на то, что тамъ красные? Ночью пробраться въ портъ? Вотъ такъ, въ военной формѣ? Чтобъ первый часовой захватилъ?

Нѣтъ, нѣтъ... Будемъ здѣсь до конца.

Опять дежурный поднимаетъ тревогу. Новое судно идетъ на рейдъ. Но уже не изъ порта, нѣтъ — съ моря.

Въ этомъ нѣтъ ничего обнадеживающаго. Но все таки насъ нѣсколько человѣкъ плетется наверхъ. Мы слѣдимъ за каждымъ двигающимся кораблемъ. Такъ просто, на всякій случай.

Это маленькое суденышко, и двигается оно на насъ съ горизонта, съ удивительной быстротой, прямо на нашъ маякъ.

Это миноносецъ. Ясно видны четыре трубы и орудіе на носу.

Онъ проходитъ мимо англійскихъ крейсеровъ, не останавливаясь, не замедляя хода, и идетъ все прямо на насъ. На кормѣ американскій звѣздный флагъ.

Онъ совсѣмъ близко. Такъ близко еще ни одно судно къ намъ не подходило. Неужели онъ войдетъ въ портъ?..

Теперь мы всѣ столпились наверху. Мы больше не прячемся, пусть насъ видятъ изъ города, все равно, или теперь — или никогда. Мы такъ кричимъ, что заглушаемъ и вѣтеръ и волны, машемъ руками, шапками, платками. Женщины стоятъ впереди, на самомъ краю площадки. У маленькой брюнетки волосы распустились и бьются отъ вѣтра по заиндевѣвшей шубѣ.

Они останавливаются... Останавливаются у самаго входа въ портъ. Мы видимъ людей на палубѣ, видимъ каждое ихъ движеніе...

Они спускаютъ шлюпку. Можетъ быть... Можетъ быть, они въ портъ посылаютъ шлюпку?...

Шлюпка подходитъ къ маяку.

. . . .

Высокій тонкій человѣкъ, въ черной клеенчатой курткѣ, въ клеенчатыхъ брюкахъ и сапогахъ, въ широкой клеенчатой шляпѣ вскочилъ на нижнюю площадку маяка. Шестеро такихъ-же точно длинныхъ, по глаза завернутыхъ въ черное людей, оставалось въ шлюпкѣ. Брызги обдавали ихъ, и вода струями текла съ блестящихъ шляпъ.

Мы всѣ ужъ были внизу, въ дверяхъ комнаты, готовые, застегнутые на всѣ пуговицы, съ кулечками, мѣшками, винтовками въ рукахъ.

Онъ внимательно и молча разсматривалъ насъ. Молчали и мы. Да и что могли мы сказать этому человѣку изъ другого міра? Такъ прошла минута или двѣ. Потомъ онъ безмолвно поднялся на верхнюю площадку.

Я бросился за нимъ вслѣдъ. Онъ стоялъ, пристально смотря на свой миноносецъ и что-то высчитывая.

Потомъ покачалъ головой и процѣдилъ какъ бы про себя:

— The sea is very rough... Море очень бурно.

— Скажите, — спросилъ я его (слова еле выдавливались у меня изъ горла), — скажите: вы насъ возьмете?

Я былъ увѣренъ въ противномъ. Я слишкомъ много видѣлъ за эти два дня.

Онъ посмотрѣлъ на меня удивленными голубыми глазами и, какъ будто боясь, что не понимаетъ вопроса, протянулъ:

— Of cause... Разумѣется... но море очень бурно... больше трехъ человѣкъ я не могу принять въ шлюпку... намъ придется возвращаться семь разъ...

Потомъ онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ и крикнулъ:

— Women!

Три женщины сѣли въ шлюпку. Моя жена, ея мать и та маленькая брюнетка. Вѣрнѣе, не сѣли, а упали: шлюпка то поднималась, то глубоко уходила внизъ.

Онъ вскочилъ за руль, двѣнадцать веселъ хлопнули по водѣ, и шлюпку рвануло впередъ...

Всѣ сразу закричали, засмѣялись, засуетились. Послѣ часовъ мертвенняго ожиданія, всѣмъ вдругъ захотѣлось двигаться и дѣйствовать.

Насъ осталось двадцать мужчинъ. Еще семь очередей. Сперва пойдутъ больные, потомъ здоровые. Я — послѣднимъ. Изъ насъ всѣхъ по англійски говорятъ только моя жена и я. Она будетъ тамъ, на миноносцѣ объясняться, а я останусь здѣсь, для переговоровъ, на случай какихъ-нибудь осложненій.

Но не все ли равно теперь, часомъ раньше или часомъ позже, когда нашъ миноносецъ «151» стоитъ передъ нами, въ какихъ-нибудь двухстахъ саженяхъ.

Такъ прошло, совсѣмъ незамѣтно, около часа. И вдругъ — разговоры потухли. Взгляды бѣгали по сторонамъ, избѣгая встрѣчи: каждый хотѣлъ утаить зашевелившуюся мысль.

Но дежурства мы поддерживали еще строже. Теперь, когда спасеніе было такъ близко, не погибать же изъ-за какого-нибудь нападенія.

И вотъ — дежурный вызвалъ опять всѣхъ наверхъ.

Что-то странное дѣлалось на морѣ. Нашъ миноносецъ повернулся, потомъ двинулся... я чувствовалъ, какъ останавливается у сосѣдей дыханіе... отошелъ отъ насъ гораздо дальше, опять повернулся и бросилъ якорь. Сѣрый туманъ сгущался въ ночную темноту. Миноносца почти не было видно — только зеленые и красные огни то вспыхивали, то тухли на мачтѣ.

Почему они отошли въ море? Бросили насъ совсѣмъ? Ну, конечно, они рѣшили спасти только женщинъ. Women, fotward! Мужчины, да еще съ винтовками, могутъ оставаться. А если среди нихъ больные? Тѣмъ хуже: больныхъ опасно брать на корабль.

Англичане цѣлыя сутки смотрѣли на насъ — и никого не взяли. Американцы спасли женщинъ, а мужчинъ бросили на гибель: ну чтожъ, спасибо и на томъ...

Я сижу у самой печки, теплота наполняетъ меня, и вмѣстѣ съ теплотой — глубокое, счастливое спокойствіе. Я слышу, какъ сквозь сонъ, тревожный шопотъ, стукъ дверей.

Меня ничто не трогаетъ... Все такъ относительно на свѣтѣ! Послѣ тяжести, что давила меня... Придутъ-ли за нами американцы, бросятъ-ли... Теперь, когда нѣтъ отвѣтственности, когда я отвѣчаю только за себя... И если все-же придется схватиться за послѣднее оружіе — револьверъ Альфы, какъ теперь это будетъ просто... Это ожиданіе американской лодки кажется чѣмъ-то легкимъ и радостнымъ, какъ та легкая, мягкая, теплая дремота, что тихимъ облакомъ подымается отъ пышащей печки....

Глухой ударъ раздался совсѣмъ близко. Потомъ дверь распахнулась настежь, холодъ побѣжалъ по ногамъ, и вмѣстѣ съ грохотомъ волнъ ворвались чужіе голоса...

Это былъ катеръ «Смѣлый». Нашъ русскій катеръ, одесскій портовый катеръ. Онъ пришелъ для того, чтобы взять насъ всѣхъ.

Я не помню точно, какъ это было. Помню только, что Альфа не могъ пройти по тонкой доскѣ, перекинутой на бортъ — онъ еле стоялъ на ногахъ. Его тащили, поддерживали сзади, спереди, и онъ едва не упалъ въ воду.

Потомъ кучи канатовъ, запахъ дегтя, густой запахъ жилья и тепла и черный, шатающійся трюмъ.

Насъ бросало изъ стороны въ сторону, мы барахтались — двадцать человѣкъ, — въ одной общей кучѣ, толкались въ темнотѣ другъ о друга,

о стѣны, о подпорки коекъ. Мы не знали, куда насъ везутъ, что съ нами будетъ завтра. Семья, родина, домъ — все это осталось въ безконечной дали, отдѣленное пропастью двухъ неизмѣримыхъ дней. У насъ не было смѣны бѣлья не было ломтя хлѣба. Но мы были счастливы. Нескончаемое благодушіе наполняло насъ: мы заботились другъ о другѣ, искали одинъ другому мѣсто на нарахъ, любовно помогали устроиться...

Потомъ — какъ сквозь сонъ — мы были опять на палубѣ, и, на холодномъ вѣтру, со страшнымъ напряженіемъ, качали какой-то рычагъ. А боцманъ ругался сдавленнымъ шопотомъ и упрашивалъ не шумѣть, потому что въ тридцати шагахъ стоитъ большевистскій броневикъ. Но намъ все было такъ безразлично.

А потомъ опять трюмъ, темнота и тепло *).

Это было не то пробужденіе отъ сна, не то переходъ изъ обморочнаго состоянія къ полусознательному. Насъ такъ качало, что въ совсѣмъ сознательное состояніе придти нельзя было, по крайней мѣрѣ непривычному человѣку. То одна, то другая стѣна трюма потолкомъ опрокидывалась надъ головою, и то одинъ рядъ наръ, то другой проваливался въ преисподнюю.

Наверху дверь была пріоткрыта. Въ ней стоялъ очень свѣтлый и очень молодой человѣкъ въ щегольскомъ френчѣ. Стоялъ и безпомощно всматривался въ черную глубину трюма.

Это былъ англійскій врачъ.

Онъ, навѣрное, только въ книгахъ читалъ о страшномъ сыпномъ тифѣ... и ужъ, конечно, не сомнѣвался, что достаточно спуститься въ эту темную и грязную шатающуюся нору, чтобы стать его жертвой. Но я заговорилъ съ нимъ по англійски. Молодой человѣкъ встрепенулся, вспомнилъ, что британскій морякъ безстрашенъ, и двинулся внизъ.

Все же нашихъ больныхъ онъ не осматривалъ. Пробовалъ только двумя брезгливо выдвинутыми пальцами пульсъ и шелъ дальше.

Но посѣщеніе его было не безъ пользы. Черезъ десять минутъ намъ принесли хлѣба, замерзшаго жирнаго corn-beaf'а въ маленькихъ жестяныхъ баночкахъ, сгущеннаго молока и еще какихъ-то диковинныхъ вещей. Какъ ни колыхался трюмъ, выматывая все нутро, а все-таки питаться-то вѣдь надо было — послѣ двухсуточной голодовки?

Держась руками за уходящую внизъ лѣстницу, щурясь отъ свѣта, я выползъ наружу.

День былъ еще ярче, еще великолѣпнѣе вчерашняго. Мы стояли бортъ о бортъ съ «Аяксомъ» и брали у него уголь. Почти надъ самой

*) Я узналъ только на слѣдующій день: «Смѣлый», снявши насъ съ маяка, вошелъ въ портъ и вывелъ миноноску, стоявшую безъ машинъ. На ней уже побывали красные, и былъ для вида выбранъ матросскій совѣтъ, и, дѣйствительно, броневикъ стоялъ рядомъ и сторожилъ. Потомъ насъ поздравляли съ геройскимъ подвигомъ. Кто могъ подумать, что качать этотъ дурацкій рычагъ — это и былъ подвигъ!

моей головой, на длинномъ стволѣ чудовищнаго орудія, будто лежащая на боку башня, разсыпались фейерверки солнечныхъ искръ.

А американцы? Тамъ, у входа въ портъ, гдѣ стоялъ вчера «нашъ» миноносецъ — никого не было. Но далеко, въ глубинѣ рейда, за сѣткой другихъ судовъ, полоскался звѣздный флагъ. И на борту отчетливо бѣлѣло «156». Не «151», а «156»! Но я не могъ вчера ошибиться! И значитъ... значитъ — это другой, пришедшій ночью миноносецъ? А «151» и его пассажиры? По пути въ Константинополь, на Мальту, въ Суэцъ, въ Нью-Іоркъ!

Въ пяти шагахъ отъ меня, по начищенной палубѣ, по разложеннымъ половичкамъ, расхаживали, покуривая кэбстеяъ, выкормленные молодцы.

Одинъ остановился, любопытнымъ взглядомъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, и пролаялъ:

— That's You from the light-house?

Значитъ, они уже о насъ слышали. Я сознался, что это именно я съ маяка.

— Come here!

Я покорно перелѣзъ, по сходнямъ, на блестящую палубу. Черезъ минуту ко мнѣ подбѣжалъ маленькій кривоногій человѣчекъ въ зеленой сухопутной формѣ, со множествомъ орденскихъ ленточекъ.

Я догадался. Это былъ маіоръ X. Тотъ самый маіоръ, что выдавалъ билеты по категоріямъ A-B-C-D, что объявлялъ портъ британской территоріей и ручался газетамъ за благополучную эвакуацію.

Онъ съ вѣжливымъ любопытствомъ поздоровался и опять спросилъ, какъ будто не довѣряя:

— That's you who was taken from the light-house?

Я опять подтвердилъ.

— А что... что вы тамъ дѣлали на маякѣ?

Я объяснилъ, что мы ждали, пока насъ убьютъ, а пока, для препровожденія времени, подавали сигналы простыней.

— Ooh! — Маіоръ былъ не на шутку оскорбленъ. — Неужели-жъ вы думали, что вамъ что-либо угрожаетъ??

Тутъ ужъ я на него посмотрѣлъ съ нескрываемымъ любопытствомъ.

— Ну, конечно... Вѣдь мы же стоимъ здѣсь, чтобъ помогать вамъ и вашимъ соотечественникамъ!

Что тутъ было отвѣтить? Отвѣтить то, что слѣдовало бы... на палубѣ «Ajax»'а, подъ пятнадцатидюймовымъ орудіемъ — мѣсто было совершенно къ тому неподходящее.

Я смолчалъ. Разговоръ нашъ закончился.

Я опять спустился на палубу «Смѣлаго», — и на меня тотчасъ напали:

— Скорѣе, скорѣе, васъ англичанинъ спрашиваетъ.

Долговязый боцманъ ткнулъ въ меня пальцемъ и опять — еще разъ — задалъ все тотъ же вопросъ:

— That's you?

Тутъ же онъ вѣжливо объяснилъ:

— Я разыскиваю двухъ мужей и одного дядю.

И онъ сунулъ мнѣ въ носъ клочокъ бумажки.

Я началъ понимать... Это американцы требовали къ себѣ родственниковъ спасенныхъ ими женщинъ...

Мы вылѣзли на мѣрно колыхающуюся палубу «Аякса»; подъ противоположнымъ бортомъ бѣшено болталась шлюпка. Въ ней сидѣли — какъ тамъ, на маякѣ — завернутые въ черную клеенку люди.

Вслѣдъ за нами, невысокій сѣдой человѣкъ бойко соскочилъ съ веревочной лѣстницы и схватился за толстые шнуры руля.

«Постой, постой, не перебивай только, я все разскажу по порядку. Вѣдь ты знаешь, мы полтора часа не могли къ миноносцу причалить! Да, да, такое было волненіе на морѣ! Вы не видали ничего съ маяка? Ну, конечно, мы вѣдь объѣхали миноносецъ и съ другого борта приставали. А потомъ, можешь себѣ представить, какъ было? Насъ прямо американцы веревками перевязывали, какъ мѣшки, и втаскивали на палубу. Потомъ сейчасъ-же отвели въ каюту, вотъ въ такую самую, какъ эта, пришелъ капитанъ, представился, и вообще страшно были любезны.

Но я все время только спрашивала: а когда вы за моимъ мужемъ поѣдете на маякъ? Капитану очень неловко было, онъ мялся долго и, наконецъ, говоритъ: «Ma-am, даю вамъ слово, что это невозможно: уже темно, море неспокойно, я не могу моихъ людей посылать. Но повѣрьте, даю вамъ слово, что утромъ всѣ они будутъ взяты».

Я страшно возмутилась, — какъ это утромъ, когда за ночь большевики могутъ моего мужа убить! Зачѣмъ же вы, когда насъ брали, говорили, что всѣхъ спасете? Я бы ни за что не сѣла въ лодку. — Онъ меня успокаивать сталъ и увѣрять, что направитъ пушку на волнорѣзъ; если только хоть одинъ выстрѣлъ раздастся ночью, сейчасъ начнетъ по волнорѣзу стрѣлять изъ пушки. А чтобъ вы знали, что за вами утромъ пріѣдутъ, вамъ сигналы давали, разноцвѣтными огнями. Вѣдь вы видѣли?»

О, Боже мой! Кто-жъ могъ догадаться, что голубые и красные огоньки и странныя эволюціи миноносца — все это ради насъ!

«Послушай-же, теперь самое интересное! Только что насъ накормили (ахъ, какой обѣдъ! и апельсины! но это потомъ, потомъ, вотъ увидишь), и мы спать собрались, приходитъ опять капитанъ и очень проситъ извинить, но намъ надо переѣзжать! Пришелъ другой миноносецъ на рейдъ, а этотъ получилъ приказъ по радіо сейчасъ же уходить въ Новороссійскъ, потому что тамъ тоже эвакуація. Но все равно, говоритъ, мы уже сказали, утромъ они пошлютъ на маякъ.

Опять посадили насъ въ лодку! Море уже гораздо спокойнѣй было, но все-таки какъ качало! Но за то, Боже мой, какая это была красота! Звѣзды яркія, морозъ, волны, мы ѣдемъ мимо темныхъ кораблей, и только наверху на нихъ разноцвѣтные фонари, и прожекторы бѣгаютъ по водѣ.

Высадили насъ — уже безъ веревокъ, прямо по лѣстницѣ, а утромъ я рано вскочила, и при мнѣ моторную лодку послали на маякъ. Но ты подумай только, что я пережила, когда она пустая возвращалась! Офицеръ, который ѣздилъ, докладываетъ адмиралу...»

— Какому адмиралу?

«Ты не знаешь?? Да вѣдь это адмиралъ, который васъ привезъ въ шлюпкѣ. Онъ командующій американскими силами въ Черномъ морѣ и посланъ въ Россію съ дипломатической миссіей.

Ахъ, какой онъ милый! Такъ вотъ, только ему доложили, я прямо къ нему бросаюсь, и говорю: скорѣй, скорѣй, скажите мнѣ всю правду, ничего не скрывайте. Онъ такъ поморщился, даже поблѣднѣлъ чуть-чуть, такъ ему непріятно было говорить, а потомъ признался, что никого на маякѣ нѣтъ, только одинъ сторожъ, и отъ него ничего не могли добиться. Ты знаешь, я такъ похолодѣла и даже почти перестала понимать, только спрашиваю: а труповъ не видѣли? — Но ты подумай, что адмиралъ дѣлаетъ: беретъ сейчасъ же шлюпку и говоритъ мнѣ: я ѣду на англійскій крейсеръ и оттуда пошлю радіо на всѣ суда на рейдѣ... Не безпокойтесь, мы вашего мужа отыщемъ. — И тутъ же прыгаетъ самъ въ лодку. Вѣдь удивительно милый, правда? А потомъ... ну вотъ, привезъ васъ».

Все было такъ, какъ бываетъ во снѣ или въ дѣтскихъ книгахъ. Послѣ грязи, холода, вшей, послѣ одичавшей, замерзшей санаторіи, послѣ маяка и трюма — глубокія кожаныя кресла, электрическая лампочка подъ мягкимъ, ласкающимъ абажуромъ, услужливая ручка регулятора надъ вѣчно пылающимъ калориферомъ. Въ двухъ шкафахъ — пестрые кожаные переплеты. По стѣнамъ — гравюры. И вокругъ — добрые, довольные, непоколебимо спокойные люди. Все такъ, какъ было когда-то... Давно, очень давно... И отовсюду звучало упрекомъ: вотъ такъ жили люди прежде. Напримѣръ... ну, вотъ такой пустякъ, какъ мыло. Мыло не пахло ни собачьимъ саломъ, ни аптекой. Мыло пахло... странно сказать — фіалками. Это было до слезъ трогательно. Когда нажмешь кнопку звонка — въ двери стучится улыбающійся маленькій малаецъ и несетъ подносъ съ ярко желтымъ душистымъ цейлонскимъ чаемъ, съ голубоватыми сливками и пухлымъ тростниковымъ сахаромъ.

На палубѣ мнѣ было немного совѣстно. Что и говорить, странный костюмъ: шуба съ бобровымъ воротникомъ, но съ вырваннымъ карманомъ... солдатскіе высокіе сапоги, солдатская фуражка безъ кокарды, обломанный козырекъ; до сихъ поръ какъ то не было замѣтно, но здѣсь...

Дежурный офицеръ объявилъ мнѣ:

— Васъ надо продезинфецировать. Примите душъ.

Какъ ни совѣстно было попрошайничать, я попытался объяснить ему, что если, собственно, съ точки зрѣнія безопасности... у насъ нѣтъ смѣны бѣлья... я врядъ ли, для достиженія цѣли...

Но офицеръ понялъ такъ, что русскіе, со свойственной имъ дикостью, отлыниваютъ отъ купанья, а потому, нахмурившись, твердо произнесъ:

— Приказъ есть приказъ... ему надо подчиняться...

Ахъ, какъ пріятно было стоять подъ горячимъ, бьющимъ душемъ... И какъ противно потомъ опять влѣзать въ это подозрительное тряпье, побывавшее и въ тѣсной толпѣ на молу и въ отвратительной трюмной конурѣ.

— Адмиралъ желаетъ васъ видѣть!

Въ каютѣ было ихъ двое: Макъ-Келли и его адъютантъ.

— Что было бы съ вами, если бы вы отправились на берегъ?

— Большевики убили бы меня.

— Почему?

— Потому что я хотѣлъ бѣжать отъ нихъ и потому что я служилъ въ Добровольческой арміи.

— Зачѣмъ вы пришли на маякъ?

— Мнѣ нельзя было оставаться съ большевиками. Я состоялъ въ антибольшевистской организаціи.

— Да, конечно, тогда вамъ нельзя идти на берегъ. Но какой вы знаете способъ, чтобы передать письмо большевикамъ?

— Вы должны послать шлюпку на маякъ, и сторожъ маяка отнесетъ письмо.

— Сторожъ? Что онъ тамъ дѣлаетъ? Какъ онъ тамъ живетъ безъ пищи?

— Они тамъ смѣняются. Я вижу, вамъ это кажется страннымъ, но они несутъ службу при всѣхъ режимахъ и при всѣхъ революціяхъ. Есть такія нейтральныя службы...

— Вотъ какъ! Кто же это, кромѣ сторожей на маякахъ?

— Нѣкоторые — не всѣ — желѣзнодорожники.

— Такъ... скажите, много евреевъ въ Одессѣ?

— О да, много, но я не знаю, сколько именно.

— И всѣ они большевики?

— Почему? Нѣтъ, не всѣ, хотя среди нихъ и много большевиковъ. Есть, однако, евреи, которые бѣгутъ отъ большевиковъ.

— Вотъ какъ?? Почему же они бѣгутъ?

— Это богатые люди, адвокаты, сіонисты...

— И сіонисты? Почему они убѣгаютъ?

— Большевики противъ сіонистовъ. Они считаютъ сіонизмъ контръ-революціей, какъ и всякое національное движеніе. Большевики интернаціоналисты.

— Такъ тогда и украинское движеніе, съ ихъ точки зрѣнія, тоже революціонно??

— Разумѣется.

— Гдѣ Петлюра?

— Я не знаю, но слышалъ, что его войска заняли большую часть кіевской губерніи.

— Каковы принципы Петлюры?

— Его принципъ — отдѣленіе Украины отъ Россіи. Всѣ остальные принципы мѣняются. Онъ выбрасываетъ много демагогическихъ лозунговъ.

— ...(съ радостью) демократическихъ?

— Нѣтъ, демагогическихъ. Онъ обѣщаетъ гораздо больше, чѣмъ можетъ дать, обѣщаетъ обогатить каждаго.

— Скажите, почему Петлюра хочетъ отдѣлить Украину?

— Это долгій споръ... (Пытаюсь объяснить въ двухъ словахъ сущность украинскаго движенія).

— У Петлюры большія силы?

— Нѣтъ, его регулярныя войска очень слабы. Но въ настоящее время симпатіи крестьянъ за него. Видите-ли, положеніе въ этой странѣ очень сложное (пытаюсь разсказать, въ двухъ словахъ, какъ мѣняются настроенія крестьянъ).

— Скажите, это принципъ Петлюры убивать евреевъ?

— Нѣтъ, вообще не существуетъ правительства или партіи, которыя бы заявляли «мы будемъ убивать евреевъ». Но солдаты Петлюры убиваютъ евреевъ больше, чѣмъ всѣ другіе.

— А кто убивалъ евреевъ въ Одессѣ послѣдніе дни?

— Разные хулиганы-рабочіе, моряки и нѣкоторые солдаты изъ Добровольческой арміи.

— Значитъ эти группы населенія — рабочіе и т. д. — это все хулиганы?

— Нѣтъ, но среди нихъ есть хулиганы и разбойники — именно они и занимались убійствами и грабежами.

Адмиралъ ничего не понимаетъ въ нашихъ запутанныхъ дѣлахъ. Но онъ — широко образованный человѣкъ, онъ жилъ въ Петербургѣ, онъ даже слегка понимаетъ по русски. А остальные?

Съ однимъ матросомъ мы особенно подружились. Онъ былъ студентомъ какого-то университета и все объяснялъ мнѣ:

— Вы не думайте, что у насъ всѣ простые люди. У насъ, знаете-ли, много есть такихъ, которые вовсе не изъ-за пятидесяти долларовъ служатъ, есть даже сыновья милліонеровъ... Конечно, въ Россіи солдатами были только бѣдные...

— Знаете-ли, — убѣждалъ меня мой новый пріятель, — вамъ нужно ввести такую конституцію, какъ у насъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и тогда все у васъ пойдетъ хорошо. А президентомъ нужно выбрать такого человѣка, какъ вашъ Петръ Великій...

Да, только и всего. Сущіе пустяки.

Адмиралъ послушалъ меня только на половину. Вмѣсто того, чтобы передать письмо черезъ сторожа, онъ снарядилъ цѣлую экспедицію на маякъ, а оттуда въ городъ.

Такъ, должно быть, Кукъ и Ливингстонъ вступали въ сношенія съ людоѣдами. Впереди шелъ матросъ съ американскимъ флагомъ. За нимъ — сторожъ съ маяка, потомъ офицеръ съ письмомъ, и сзади — десять матросовъ съ винтовками въ рукахъ.

А на палубѣ — адмиралъ съ биноклемъ, и орудія миноносца направлены на городъ.

Малайцы, лэнчъ, романы Джека Лондона и апельсины... А вѣдь мы все тамъ же, даже приблизились опять къ порту, и вотъ, въ трехстахъ шагахъ отъ насъ, свѣтлая колонка Воронцовскаго маяка... У этой невысокой, сіяющей бѣлизною башенки, такой веселый, привѣтливый видъ...

Опять — какъ съ маяка — и почти такъ же отчетливо видны черныя движущіяся точки на Бульварѣ. А въ подзорную трубу можно разглядѣть каждую фигурку... Какъ то они смотрятъ на насъ, съ какой тоской и завистью!

А портъ сильно измѣнился. Отъ берега до самаго волнолома — крѣпкая пленка льда. По льду непрерывно двигаются люди, отъ одной примерзшей баржи къ другой.

Слѣдовательно? Слѣдовательно, всѣ наши разсчеты на маякѣ, всѣ надежды на нашу неприступность были ложны. Мы бы не могли отсиживаться: если-бъ просидѣли еще сутки, къ намъ бы пришли по льду и взяли голыми руками.

Черезъ три часа экспедиція возвращается изъ города.

Что они дѣлали тамъ? Что это было за письмо?

Говорятъ, въ городѣ осталась какая-то очень важная американка. Ей предлагали выѣхать, она будто бы отказалась.

Но въ экспедиціи, кромѣ офицера и матросовъ, участвовалъ еще одинъ человѣкъ — въ качествѣ переводчика.

Кто онъ такой?

Ихъ было на миноносцѣ двое — въ формѣ англійской «Имки» — British Y.M.C.A. Одинъ — сѣдой, съ необыкновенно красной рожей, Джонъ Буль изъ юмористическаго листка. Другой — черный мальчишка, съ юркими, безпокойными глазами. Онъ-то и былъ переводчикомъ.

Значитъ, онъ говорилъ по русски? Отчего-же онъ не подошелъ къ намъ, даже просто прятался отъ насъ, когда всѣ, и офицеры и матросы, осаждали насъ разспросами?

Не знаю.

Американцы не скрывали своего возмущенія по адресу англичанъ.

Смыслъ ихъ словъ сводился вотъ къ чему:

Русскіе теперь въ такомъ положеніи, что съ нихъ спрашивать нечего. Они деморализованы неудачами, утратили довѣріе другъ къ другу и бороться въ настоящій моментъ неспособны. Но англичане! Стояли въ порту, высадили своихъ солдатъ, поставили охрану — и все это для того, чтобы бѣжать отъ десятка разбойниковъ, поднявшихъ возстаніе въ городѣ!

Называть себя союзниками, обѣщать помощь тысячамъ людей и позорно бросить ихъ при одномъ призракѣ опасности!

Такъ говорили и матросы, и офицеры. И у меня есть основанія

утверждалъ, что такъ сказано было и въ официальномъ донесеніи, переданномъ по радіо въ Константинополь.

Прошло три дня. Число судовъ на рейдѣ все уменьшалось. Намъ никто не говорилъ о будущей нашей участи, и намъ заговаривать было неудобно: въ качествѣ гостей, да еще непрошенныхъ, нельзя-же было выставлять хозяевамъ свои требованія или желанія.

На третій день адмиралъ, черезъ адъютанта, освѣдомился: гдѣ мы хотимъ высадиться?

Миноносецъ шелъ въ Новороссійскъ; поэтому намъ нужно было перейти на другое судно.

Насъ стали снаряжать въ путь.

Въ большой мѣшокъ набросали полсотню банокъ съ консервами: мясомъ, лососиной, персиками, грушами, черешнями. Въ другіе мѣшки насыпали кофе и сахару, а потомъ выкатили на палубу жестяной боченокъ съ водой.

На прощанье защелкали кодаки. Офицеры наперерывъ просили разрѣшенія снять насъ. Должно быть, мы украшали собой впослѣдствіи воскресныя приложенія какихъ-нибудь Нью-Іоркскихъ газетъ.

Въ шлюпку трудно было помѣститься со всѣмъ нашимъ новопріобрѣтеннымъ багажомъ. Но приходилось торопиться: миноносецъ дрожалъ уже отъ торопливыхъ ударовъ машины.

Мы еще подымались по трапу большого, когда-то блестящаго, теперь ободраннаго и жалкаго «Цесаревича Георгія», а шлюпка уже была возлѣ миноносца.

Еще минута — и тонкій сѣрый силуэтъ быстро побѣжалъ къ горизонту.

Черезъ два дня, послѣ «морского боя» подъ Большимъ Фонтаномъ, послѣ ряда злоключеній въ морѣ, мы подходили къ Севастополю.

Открывался новый этапъ скитаній.

Строители земного рая.

(Изъ недавняго прошлаго).

Сергѣя Е—ва.

1.

Стрѣльба на улицахъ еще продолжалась, когда я вышелъ изъ дому и, избѣгая людныхъ улицъ, направился обходными путями на Неглинный проѣздъ, гдѣ помѣщалась контора Государственнаго банка. Итти приходилось далеко, и, хотя на улицахъ уже сновалъ народъ, но при каждомъ выстрѣлѣ всѣ принимались бѣжать вразсыпную, сворачивая въ глухіе переулки, прячась въ воротахъ и подъѣздахъ, и въ одно мгновеніе улица становилась безлюдной и молчаливой. Проходило нѣсколько минутъ, и опять робко и пугливо высыпали со всѣхъ сторонъ люди и торопливо шли своей дорогой.

Такъ добрался я до Петровскихъ линій, какъ вдругъ со стороны Петровки вынырнула толпа дико бѣгущихъ людей и одновременно съ этимъ послышалась четкая трескотня пулемета. Увлекаемый толпой, я вбѣжалъ въ подъѣздъ ресторана «Ампиръ» и сталъ возлѣ громаднаго окна въ швейцарской. Люди продолжали бѣжать, спасаясь отъ смерти, и въ дикой паникѣ прятались въ уборной, въ бильярдной, за диванами, подъ столами. А стрѣльба становилась все ближе, и какъ то совсѣмъ неожиданно пулеметъ заработалъ совсѣмъ близко, стрѣляя по бѣгущимъ. Къ счастью, всѣ уже успѣли спрятаться, гдѣ кто успѣлъ. Изъ окна ресторана я видѣлъ, какъ нѣсколько человѣкъ жались къ дверямъ противоположнаго подъѣзда, но массивныя двери были заперты, и никто не отворялъ ихъ, и смертельный ужасъ былъ написанъ на лицахъ несчастныхъ людей, старавшихся какъ бы вдавиться въ неподатливыя двери. Какая то женщина, сильно прихрамывая, ковыляла вдоль стѣны, торопясь укрыться за небольшимъ выступомъ, но вдругъ упала, словно кто-то съ силой толкнулъ ее, и осталась лежать возлѣ самой стѣны.

Изъ разсказовъ перепуганныхъ на смерть людей я узналъ, что весь этотъ переполохъ и стрѣльба вызваны появившейся на Кузнецкомъ мосту толпой какихъ то манифестантовъ, встрѣченныхъ стрѣльбой изъ засады, а заодно досталось и прохожимъ.

Пулеметъ потрещалъ еще нѣкоторое время и смолкъ, но еще долго никто не рѣшался выйти изъ своего убѣжища, и лишь послѣ того, какъ со стороны Петровки появились новые прохожіе, мы рѣшили покинуть ресторанъ.

Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ проникнуть въ помѣщеніе банка. У подъѣзда, въ вестибюлѣ, на лѣстницахъ и площадкахъ сплошной стѣной стояли до крайности возбужденные люди, стараясь пробраться впередъ, злобно переругиваясь и чуть не вступая въ рукопашную. Неоднократно какіе то экзальтированные типы хватали меня за руку и стаскивали внизъ, требуя, чтобы я сталъ въ очередь. Наконецъ, мнѣ удалось пробиться сквозь толпу, и я очутился на верхней площадкѣ, гдѣ возлѣ дверей, надъ которыми красовалась надпись «управляющій», происходила неописуемая давка. Два рослыхъ вооруженныхъ винтовками красноармейца съ измученными и сердитыми лицами охраняли входъ, съ трудомъ сдерживая напоръ толпы.

Я прошелъ въ кабинетъ одного изъ директоровъ банка. Возлѣ письменнаго стола толпилось нѣсколько человѣкъ просителей, и каждый изъ нихъ, перебивая другихъ, старался въ чемъ то убѣдить директора, тыча ему въ лицо какія то бумаги. Охрипшимъ отъ напряженія голосомъ директоръ пытался разъяснить орущимъ людямъ, что онъ ровно ничего не можетъ сдѣлать для нихъ, но люди не слушали и продолжали кричать и волноваться. Вошедшій въ это время курьеръ сообщилъ, что директора требуетъ товарищъ Поповъ.

— Идемте вмѣстѣ, я васъ представлю. Это нашъ новый комиссаръ, — предложилъ мнѣ директоръ. Но не успѣли мы дойти до кабинета управляющаго, какъ двери распахнулись и изъ нихъ, въ сопровожденіи секретаря банка и какого то человѣка въ кожаной курткѣ съ наганомъ на боку, вылетѣлъ довольно комичнаго вида человѣчекъ. Онъ былъ невысокаго роста, съ длинной черной бородой и такой же сбитой шевелюрой, въ черномъ сюртукѣ, съ коротенькими ручками и ножками, но съ изумительно храбрымъ и даже боевымъ видомъ. Его появленіе вызвало цѣлую бурю. Напиравшая на двери толпа сразу пришла въ необычайное волненіе, зашумѣла, закричала и придвинулась совсѣмъ вплотную къ вошедшему человѣку. И тогда произошло нѣчто въ высшей степени комичное: человѣчекъ взмахнулъ руками и закричалъ такимъ рѣзкимъ, пронзительнымъ голосомъ, что толпа невольно шарахнулась назадъ и какъ то сразу стихла.

— Молчать!.. Стрѣлять прикажу!.. Всѣхъ вонъ выгоню!.. — вопилъ человѣчекъ, размахивая руками. Толпа было опять зашумѣла, но тутъ на сцену выступила кожаная куртка съ наганомъ въ рукѣ и видъ у нея былъ такой рѣшительный, что люди, какъ дикое стадо барановъ, давя и толкая другъ друга, стали испуганно пятиться назадъ къ широкой лѣстницѣ. Человѣкъ въ черномъ сюртукѣ еще что то крикнулъ и снова скрылся въ кабинетѣ, куда вскорѣ ушла и кожаная куртка, пригрозивъ предварительно наганомъ.

— Это и есть самъ Поповъ — шепнулъ мнѣ директоръ — мы пройдемъ съ вами черезъ залъ засѣданій, чтобы не вызывать лишняго волненія въ публикѣ.

Когда мы вошли въ кабинетъ, Поповъ, нервно теребя свою длинную черную бороду, быстро ходилъ изъ угла въ уголъ. Въ кабинетѣ, кромѣ него, находились секретарь, молчаливо сидѣвшій за длиннымъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, столомъ, на которомъ виднѣлись громадныя кипы какихъ то бумагъ, директоръ фондоваго отдѣла, главный бухгалтеръ и еще какой то неизвѣстный мнѣ чиновникъ. Человѣкъ въ кожаной курткѣ лежалъ въ сторонѣ на диванѣ и со скучающимъ видомъ глядѣлъ въ потолокъ. На насъ Поповъ не обратилъ никакого вниманія и продолжалъ бѣгать по кабинету, куря одну папиросу за другой. И вдругъ онъ весело и громко расхохотался.

— А вѣдь изъ меня хорошій полководецъ могъ бы выйти — сказалъ онъ, быстро переводя глаза съ одного на другого. — Видали, какого страху нагналъ? — И онъ опять засмѣялся, и все лицо его разомъ преобразилось: изъ колючаго стало удивительно добрымъ и наивнымъ. Мой провожатый воспользовался благопріятной минутой и поторопился представить меня. Поповъ нахмурился.

— Саботируете? — насмѣшливо спросилъ онъ. — Воображаете, что мы къ вамъ на поклонъ придемъ. Разстрѣливать мы васъ будемъ, а не кланяться — визгливо крикнулъ онъ, подходя къ столу, и, словно желая предупредить всякія возраженія съ моей стороны, заговорилъ съ секретаремъ.

— Передайте гражданину Евгеньеву всѣ правительственныя распоряженія по комиссаріату финансовъ. Я увѣренъ, что гражданинъ Евгеньевъ не нашелъ нужнымъ познакомиться съ нашими декретами. Это его частное дѣло, но, покуда онъ состоитъ на службѣ, онъ обязанъ исполнять свои обязанности. Саботажа я не потерплю.

Опять передо мной была комичная пѣтушиная фигура человѣка, безнадежно пытавшагося стать грознымъ и страшнымъ. Но поведеніе Попова меня все же взорвало.

— Вы очень ошибаетесь, гражданинъ Поповъ, — заявилъ я. — Еслибы я считалъ саботажъ достаточно сильнымъ средствомъ для борьбы, то вы не увидѣли бы меня здѣсь ни сегодня, ни завтра. И декреты мнѣ тоже довольно хорошо извѣстны, такъ какъ они представляютъ интересный историческій матеріалъ.

— Историческій матеріалъ — закипѣлъ Поповъ. — А для насъ они — основа всей будущей жизни. Впрочемъ, мы еще потолкуемъ на эту тему, а теперь прошу садиться.

Онъ указалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ собой, и началась лихорадочная, сумасшедшая работа, которая на долгое время совершенно поработила меня. Первоначально она сводилась къ дачѣ заключеній по ходатайству различныхъ предпріятій и лицъ о выдачѣ денежныхъ суммъ съ текущихъ счетовъ для расчета съ рабочими и служащими и другихъ надобностей предпріятія. Всѣ текущіе счета были сосредоточены въ конторѣ Государственнаго банка, переименованнаго въ Народный банкъ Р. С. Ф. С. Р. При выдачѣ денегъ приходилось, главнымъ образомъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы при ходатайствахъ были приложены удосто-

вѣренныя фаб- и завкомами свидѣтельства о числѣ рабочихъ, вѣдомости на выдачу жалованья, счета и пр. Большинство фабкомовъ явно лгало въ исчисленіи требуемыхъ суммъ, значительно преувеличивая свои потребности, что объяснялось желаніемъ имѣть въ кассѣ нѣкоторый излишекъ въ виду тѣхъ громадныхъ трудностей, съ которыми было связано полученіе денегъ изъ банка. Люди проводили въ банкѣ цѣлые дни, становясь въ очереди еще съ вечера, и, тѣмъ не менѣе, не всѣ успѣвали получить деньги. Нерѣдко были случаи, когда на эту процедуру уходило 3—5 дней, и люди, въ концѣ концовъ, превращались въ озлобленныхъ звѣрей, совершенно терявшихъ разсудокъ и готовыхъ разгромить весь банкъ. Не разъ наша работа прерывалась трескотней ружейной пальбы и дикими криками изступленной толпы. То стрѣляла вызванная охрана банка, стрѣляла въ воздухъ въ цѣляхъ наведенія страха, но всегда могло случиться и такъ, что озвѣрѣвшая въ свою очередь охрана не остановилась бы передъ разстрѣломъ живыхъ людей.

Бывали дни, когда положеніе обострялось еще болѣе вслѣдствіе отсутствія денежныхъ знаковъ въ кассѣ банка. Работавшая безпрерывно и днемъ и ночью экспедиція не успѣвала изготовлять бумажки въ достаточномъ количествѣ. Къ этому присоединялось еще то, что сами государственныя учрежденія нерѣдко устраивали форменные налеты на банкъ, забирая всю кассовую наличность и совершенно не считаясь съ какими либо доводами. Особую энергію проявилъ въ этомъ отношеніи московскій совдепъ, обычно отправлявшій вооруженный отрядъ за деньгами глубокой ночью. Подымался на ноги старшій директоръ, доставлялся главный кассиръ и весь необходимый при вскрытіи кассы персоналъ, и вооруженные матросы, угрожая немедленнымъ разстрѣломъ, забирали мѣшки съ деньгами и, оставивъ расписку на клочкѣ бумаги, скрывались до слѣдующаго налета.

Въ такіе дни чугунныя ворота держались на запорѣ, и публика оставалась на улицѣ, вытягиваясь безконечнымъ хвостомъ вдоль всего Неглиннаго проѣзда. Въ связи съ неимовѣрными трудностями полученія денегъ не замедлила образоваться цѣлая компанія особыхъ спеціалистовъ по полученію денегъ внѣ очереди. Они добывали какими то невѣдомыми путями мандаты различныхъ совѣтскихъ учрежденій, предоставлявшіе имъ право свободнаго входа въ банкъ. Съ этими мандатами они проникали къ директорамъ и къ самому Попову, держали себя при этомъ крайне вызывающе и наводили тѣмъ самымъ панику на служебный персоналъ. Благодаря этому имъ, дѣйствительно, удавалось ускорить полученіе денегъ, и вскорѣ у каждаго изъ нихъ образовалась весьма солидная практика, дававшая имъ колоссальные доходы. А вмѣстѣ съ тѣмъ по Москвѣ поползли слухи, что въ Государственномъ банкѣ за взятку директору или самому Попову можно все сдѣлать. Въ довершеніе всего разыгрался крупный скандалъ съ такъ называемыми облигаціями государственнаго казначейства. Эти послѣднія не являлись деньгами въ полномъ смыслѣ слова и по разъясненію юрисконсультской части не подлежали установленнымъ ограниченіямъ въ отношеніи выдачи денежныхъ знаковъ. Поэтому касса банка безпрепятственно выдавала и размѣнивала означенныя обязательства съ

разрѣшенія директора фондоваго отдѣла. Но вскорѣ былъ изданъ декретъ, причислившій казначейскія обязательства къ денежнымъ знакамъ, еще до опубликованія его въ «Извѣстіяхъ» былъ присланъ Попову для немедленнаго исполненія и спокойно остался лежать среди неразобранныхъ еще бумагъ. Между тѣмъ, надъ банкомъ собиралась гроза. Подъ вліяніемъ распространившихся слуховъ о злоупотребленіяхъ въ банкѣ, Чека рѣшила произвести негласное разслѣдованіе, для чего командировала въ банкъ одну изъ своихъ сотрудницъ, снабдивъ ее значительнымъ количествомъ обязательствъ и подложнымъ мандатомъ какого-то предпріятія. Особа оказалась ловкой и сообразительной. Повертѣвшись нѣкоторое время въ банкѣ, она познакомилась съ однимъ изъ орудовавшихъ тамъ посредниковъ и предложила ему помочь ей въ размѣнѣ обязательствъ. Посредникъ заломилъ чудовищное вознагражденіе, ссылаясь на то, что ему придется подѣлиться съ директоромъ и Поповымъ. Чекистка согласилась, но когда размѣнъ состоялся и деньги вручались по принадлежности, посредникъ былъ арестованъ, и Чека торжествовала побѣду. Возникло громкое дѣло по обвиненію Попова, директора фондоваго отдѣленія и цѣлаго ряда мелкихъ служащихъ во взяточничествѣ и намѣреніомъ игнорированіи законовъ совѣтскаго правительства. Мы долго искали злополучный декретъ и, наконецъ, нашли среди бумагъ въ запечатанномъ конвертѣ совнаркома. По моему совѣту, конвертъ былъ вскрытъ въ присутствіи свидѣтелей, и въ немъ дѣйствительно былъ обнаруженъ декретъ о казначейскихъ обязательствахъ. Поповъ былъ глубоко возмущенъ предъявленнымъ къ нему обвиненіемъ. Я къ этому времени уже достаточно зналъ этого оригинала, чтобы ни одной минуты не сомнѣваться въ его полной непричастности къ какимъ либо денежнымъ махинаціямъ. Это былъ, дѣйствительно, оригиналъ, какихъ мнѣ рѣдко доводилось встрѣчать въ жизни. Я никогда не видѣлъ такого полнаго, совершенно буддійскаго безразличія къ своей особѣ. Одинъ и тотъ же до крайности поношенный сюртукъ, обтрепанныя брюки, неописуемая по своему безобразію шляпа и старое демисезонное пальто для всѣхъ временъ года. Въ такомъ видѣ этотъ комикъ появился однажды верхомъ на низкорослой плюгавенькой лошаденкѣ на Красной площади въ день празднованія первой годовщины октября и вызвалъ гомерическій хохотъ всѣхъ присутствующихъ на торжествѣ. Уже гораздо позже мнѣ удалось уговорить его подписать необходимую бумажку на полученіе для него пары ботинокъ и френча. Ботинки онъ, дѣйствительно, сталъ носить, а френчъ подарилъ курьеру, сказавъ, что онъ «не идетъ» ему.

Скандалъ съ обязательствами сильно поразилъ его. Нѣсколько дней онъ былъ угрюмъ и придирчивъ, безъ устали расхаживая по банку и наблюдая за работой. Но вскорѣ ему это занятіе надоѣло, и онъ постепенно пришелъ въ себя.

— Скажите мнѣ по совѣсти, совершенно искренне — обратился онъ однажды ко мнѣ, — допускаете ли вы возможность взяточничества со стороны директора X?

Этого директора я зналъ много лѣтъ и рѣшительно отвергъ подобнаго рода предположеніе. Поповъ, видимо, былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ. Дѣло въ томъ, что у него была непоколебимая вѣра въ свою

исключительную способность «видѣть человѣка насквозь», и директоръ, о которомъ шла рѣчь, и который въ это время сидѣлъ въ тюрьмѣ, принадлежалъ, по мнѣнію Попова, къ опредѣленно честнымъ людямъ. Оба они были впослѣдствіи оправданы революціоннымъ трибуналомъ, такъ какъ никакихъ доказательствъ виновности ихъ Чека собрать не могла.

2.

Вскорѣ послѣ разыгравшагося скандала былъ установленъ новый порядокъ выдачи денегъ, не требовавшій личнаго присутствія комиссара въ банкѣ, и Поповъ предложилъ мнѣ занять мѣсто его секретаря, на что я очень неохотно согласился, побуждаемый къ этому, главнымъ образомъ, уговорами старшаго директора, увѣрившаго меня, что при моемъ посредничествѣ ему будетъ легче вести дѣла банка и защищать интересы служащихъ.

Поповъ жилъ на Никитскомъ бульварѣ въ квартирѣ бывшаго управляющаго банка, занимая для себя двѣ небольшія комнаты, а парадныя залы предоставивъ въ распоряженіе секретаріата. Поповъ былъ никуда негоднымъ организаторомъ, и потому секретаріатъ представлялъ изъ себя нѣчто въ высшей степени сумбурное, гдѣ никто изъ многочисленныхъ служащихъ не зналъ, что ему надо дѣлать и въ чемъ заключались его обязанности. Объяснялось это тѣмъ, что и самъ Поповъ имѣлъ довольно смутное представленіе о финансовой программѣ новаго правительства и дѣйствовалъ наугадъ. «Потомъ разберемся» — обычно говорилъ онъ, предоставивъ мнѣ полную свободу дѣйствій. Благодаря этой неясности и боязни попасть впросакъ, служащіе банка обращались къ Попову за разрѣшеніемъ всѣхъ, даже пустяковыхъ, вопросовъ, и потому въ секретаріатѣ съ утра до вечера происходила невообразимая суматоха. Я садился въ кабинетѣ Попова, и начинался утомительный пріемъ, затягивавшійся до поздней ночи. Всѣ отвѣты давались обязательно въ письменной формѣ, и машинистки безъ устали писали выходящіе изъ кабинета циркуляры. Циркуляровъ этихъ ежедневно выпускалось безчисленное множество, и я съ ужасомъ видѣлъ, что секретаріатъ скоро буквально потонетъ въ этомъ бумажномъ морѣ. Каждый день приходилось увеличивать штаты служащихъ, чтобы справиться съ непосильной работой.

Иногда Попову надоѣдало это утомительное верченіе, и онъ скрывался у себя въ комнатѣ, увлекая и меня за собой. Начиналось безконечное чаепитіе съ разговорами на отвлеченныя темы. Центральной темой этихъ разговоровъ, въ которыхъ я не принималъ почти никакого участія, была міровая революція, которая ожидалась со дня на день.

— Ну, а если она не произойдетъ? — спрашивалъ я.

Поповъ усмѣхался и начиналъ доказывать мнѣ на основаніи самыхъ неопровержимыхъ данныхъ неизбѣжность такой революціи и не когда нибудь, а, самое позднее, въ 1919 г. А въ пріемной въ это самое время изнывали просители, ругая, на чемъ свѣтъ стоитъ, безалабернаго комиссара. Порой я заводилъ разговоръ о финансовой программѣ совѣтскаго правительства, указывая на быстрое обезцѣненіе денегъ и на

неизбѣжный крахъ всей денежной системы. Поповъ смѣялся надъ моими опасеніями, заявляя, что соціалистическому государству деньги не нужны, и что я мыслю съ точки зрѣнія буржуазной финансовой науки. Но въ чемъ заключалась новая безденежная система, Поповъ сказать не могъ, находясь и самъ въ полномъ невѣдѣніи на этотъ счетъ, и прекращалъ разговоръ ссылкой на наличность другихъ, болѣе важныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, націонализація банковъ, аннулированіе процентныхъ бумагъ и внѣшнихъ займовъ, что въ то время считалось изумительно смѣлымъ рѣшеніемъ совѣтскаго правительства.

Однажды Поповъ сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ изъ Петрограда Крестинскаго, назначеннаго, по какому то сплошному недоразумѣнію, комиссаромъ финансовъ.

— Онъ вамъ на всѣ вопросы отвѣтитъ, — добавилъ Поповъ съ иронической усмѣшкой. Вскорѣ насъ, дѣйствительно, посѣтилъ Крестинскій, этотъ единственный виновникъ еще невиданнаго въ исторіи финансовъ развала, которому страна обязана многими послѣдующими бѣдствіями. Я воспользовался пріѣздомъ важнаго бюрократа и завелъ разговоръ на интересовавшую меня тему. Быстро шагая по комнатѣ и размахивая руками, этотъ новоявленный финансистъ началъ развивать передо мной теорію соціалистическаго производства и распредѣленія съ полнымъ уничтоженіемъ всякаго рода денежныхъ знаковъ, какъ несовмѣстимыхъ съ новымъ соціалистическимъ строемъ, вслѣдствіе присущаго имъ классоваго характера. Въ виду этого деньги въ ихъ современномъ видѣ должны быть уничтожены и замѣнены новымъ измѣрителемъ цѣнности земныхъ благъ. Такимъ измѣрителемъ является трудъ, слагающійся изъ опредѣленнаго количества трудо-часовъ и создающій въ конечномъ результатѣ ту или иную цѣнность. Этими трудо-часами и долженъ производиться расчетъ съ государствомъ за полученныя отъ него блага. Поэтому нѣтъ никакихъ основаній тревожиться по поводу быстраго обезцѣненія денегъ, такъ какъ къ тому времени, какъ деньги совершенно перестанутъ приниматься населеніемъ въ обмѣнъ на реальныя блага, совѣтское правительство сумѣетъ окончательно организовать производство и распредѣленіе. Чтобы облегчить себѣ эту задачу, правительство, по предложенію его, Крестинскаго, намѣрено въ ближайшемъ будущемъ объявить безпощадную войну частной торговлѣ и цѣликомъ принять на себя заботу о полномъ содержаніи трудящихся.

Я внимательно слушалъ бѣгающаго изъ угла въ уголъ человѣка, съ увлеченіемъ больного маніака излагавшаго мнѣ свою дикую теорію, примѣненіе которой въ жизни стоило столькихъ человѣческихъ жертвъ, крови и страданій и въ концѣ концовъ привело къ тому, что вѣрный паладинъ ея вынужденъ былъ позорно бѣжать съ поля битвы, предоставляя расхлебывать заваренную имъ кашу другимъ.

Бесѣда съ Крестинскимъ произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Я понялъ, что нахожусь среди явно ненормальныхъ людей, и рѣшилъ оставить свое секретарство, какъ слишкомъ утомительное и совершенно безполезное занятіе. Ни одной минуты я не сомнѣвался въ томъ, что этой разношерстной кучкѣ людей, обманомъ захватившихъ власть, не удастся осуществить задуманную ея вождемъ и пророкомъ

грандіозную авантюру по превращенію темной и разоренной страны въ земной рай. Но въ это время произошло событіе, которое помѣшало мнѣ исполнить мое намѣреніе.

Вся Москва со дня на день ждала прихода нѣмцевъ. Ходили упорные слухи о захватѣ ими ст. Бологое и быстромъ движеніи на Москву. Правительство волновалось и приказало отправить золотой запасъ въ Казань, находя, что тамъ онъ будетъ болѣе обезпеченъ отъ всякихъ случайностей. Нѣмцы, однако, на Москву не пошли, и тревога разсѣялась, но золотой запасъ продолжалъ оставаться въ Казани. Но вотъ съ востока грянула новая бѣда — возстаніе адмирала Колчака и успѣшное продвиженіе впередъ чехословацкихъ войскъ. Было рѣшено вернуть золото обратно, но, странное дѣло, съ возвратомъ почему то не торопились. Мнѣ до сего времени остается непонятнымъ, что заставило Попова медлить съ выполненіемъ возложеннаго на него порученія. То онъ искалъ подходящихъ складовъ, и не могъ найти, хотя свободныхъ помѣщеній было болѣе, чѣмъ достаточно. То онъ рѣшалъ ѣхать лично за золотомъ и никакъ не могъ выбраться, а въ это время чехословаки были уже въ Казани. Я какъ сейчасъ помню это тревожное время. Поповъ измѣнился до неузнаваемости. Онъ нервничалъ, кричалъ на служащихъ, ежеминутно грозилъ разстрѣломъ, отправляя въ Казань одну депешу за другой, и въ одинъ прекрасный день лично отправился туда. Ни Казани, ни золота ему видѣть не пришлось. И то и другое досталось чехословакамъ. Боязнь ли возможной отвѣтственности за промедленіе, или какія другія соображенія были тому причиной, но Попова я уже больше не видалъ. Онъ остался на фронтѣ сражаться съ Колчакомъ, обнаруживъ, какъ мнѣ передавали очевидцы, исключительную храбрость и даже нѣкоторые таланты заправскаго полководца. Уже зимой пришло извѣстіе, что Поповъ былъ захваченъ бѣлыми во время производства какой то развѣдки, и, не желая сдаваться живымъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Нѣкоторое время комиссаріатъ оставался безъ руководителя, хотя никакого ущерба отъ этого совѣтскимъ финансамъ не произошло. Лишь осенью состоялось назначеніе на постъ комиссара Нарбанка небезызвѣстнаго Пятакова. Это былъ на рѣдкость рѣшительный человѣкъ, начавшій съ того, что перевелъ секретаріатъ на Ильинку, въ Рыбный пер. и принялся круто мѣнять установленные Поповымъ порядки. Въ самое короткое время этотъ совершенно безтолковый самодуръ нагналъ такого страху на всѣхъ служащихъ, внесъ такую путаницу своими распоряженіями, что люди окончательно одурѣли. Онъ былъ невѣроятно грубъ и вульгаренъ, совершенно не стѣсняясь въ выраженіяхъ, и производилъ впечатлѣніе довольно ограниченнаго и сумбурнаго человѣка. Пятаковъ, видимо, не раздѣлялъ увѣренности Крестинскаго въ совпаденіи времени полнаго краха денежнаго обращенія со временемъ окончательнаго соціалистическаго благополучія. Въ заботахъ о поддержаніи цѣнности денегъ, этотъ геніальный финансистъ придумалъ выпустить въ народное обращеніе металлическія деньги изъ желѣза. Матеріала для этого было достаточно, въ видѣ вывѣсокъ на магазинахъ, и вотъ по всей Москвѣ началось лихорадочное срываніе послѣднихъ и отправка ихъ въ заранѣе указанныя мѣста. Планъ этотъ, однако,

остался неосуществленнымъ, такъ какъ кто то, очевидно, разъяснилъ рѣшительному комиссару, что производство желѣзныхъ монетъ обойдется дороже самихъ денегъ.

Хозяйничанье Пятакова въ качествѣ комиссара Нарбанка продолжалось около 2 мѣсяцевъ, и за это короткое время онъ ухитрился внести такой хаосъ, что въ концѣ концовъ и самъ пересталъ понимать что либо. Къ счастью, онъ получилъ назначеніе на югъ для наведенія тамъ коммунистическихъ порядковъ и передалъ бразды правленія знаменитому Фирстенбергъ-Ганецкому. Со вступленіемъ на постъ комиссара этого послѣдняго характеръ работы рѣзко измѣнился, и секретаріатъ превратился въ какое то темное, подозрительное учрежденіе. Дѣятельность Ганецкаго заслуживаетъ особаго вниманія, и потому мы изложимъ ее болѣе подробно.

3.

Ганецкій явился съ опредѣленнымъ заданіемъ — достать для нуждъ совѣтскаго правительства необходимыя денежныя средства, но не въ формѣ никому не нужныхъ дензнаковъ, а въ формѣ реальной валюты, пріемлемой заграницей и необходимой для разжиганія міровой революціи, въ скоромъ пришествіи которой никто въ то время не сомнѣвался. Для подобнаго рода заданій Ганецкій считался незамѣнимымъ человѣкомъ и, надо отдать ему справедливость, прекрасно справился съ возложенной на него задачей. Убѣдившись, что безконечные пріемы завѣдующихъ, являющихся за полученіемъ инструкцій, только мѣшаютъ ему, отнимая слишкомъ много времени, Ганецкій рѣшилъ сократить таковые, для чего предоставилъ завѣдующимъ самимъ вести порученныя имъ дѣла и запретилъ безпокоить его. Его вниманіе было цѣликомъ поглощено тѣми цѣнностями, какія находились въ банковскихъ сейфахъ, и считались теперь собственностью рабочихъ и крестьянъ. Здѣсь, въ содержимомъ этихъ сейфовъ, предполагалъ онъ найти разрѣшеніе порученной ему задачи и, со свойственной ему энергіей, принялся за ихъ опустошеніе. Финансовое положеніе страны его нисколько не интересовало, и всѣ его заботы въ этомъ отношеніи сводились къ регулярному снабженію всѣхъ мѣстъ совѣтской республики денежными знаками, каковая обязанность была возложена на отдѣлъ кредитныхъ билетовъ или «кребиль». Здѣсь происходила лихорадочная работа. Ежедневно подавались къ подъѣзду грузовые автомобили, ежедневно грузились мѣшки съ деньгами и въ сопровожденіи спеціальной охраны отправлялись на тотъ или другой вокзалъ. Отправляемымъ мѣшкамъ велся особый счетъ, и выдача ихъ производилась въ присутствіи цѣлаго штата служащихъ, и тѣмъ не менѣе бывали случаи, когда на мѣстѣ полученія денегъ при пріемкѣ ихъ неожиданно обнаруживался лишній мѣшокъ, въ то время, какъ недостача его въ самомъ «кребилѣ» могла остаться совершенно незамѣченной. Но если лишній мѣшокъ обнаруживался въ пути, то онъ исчезалъ безслѣдно, хотя бы «кребиль» и самъ замѣтилъ свою ошибку. Установить, какой именно партіи былъ переданъ лишній мѣшокъ, не представлялось возможнымъ.

Интересную картину представляли кладовыя этого учрежденія. Съ вечера онѣ начинали заполняться денежными знаками, доставляемыми

съ фабрики Госзнака. Особая артель рабочихъ перетаскивала мѣшки съ подводъ въ кладовыя, которыя заполнялись до самаго потолка, съ узкими коридорами между штабелями, а на другой день отъ всего запаса почти ничего не оставалось. Бывали даже дни, когда этого колоссальнаго груза не хватало для удовлетворенія всѣхъ заявленныхъ требованій, и тогда Ганецкій бросалъ свои сейфы, и начиналась невѣроятная кутерьма. Но такія непріятности происходили сравнительно рѣдко, и Ганецкій могъ спокойно заниматься своимъ главнымъ дѣломъ. Его работа по опустошенію сейфовъ осложнялась до нѣкоторой степени тѣмъ обстоятельствомъ, что, на основаніи декрета совѣтскаго правительства, нѣкоторые собственники сейфовъ имѣли право на полученіе своихъ цѣнностей, если только стоимость ихъ не превышала установленной декретомъ суммы. Эта правительственная милость внесла большое оживленіе въ нашъ секретаріатъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались прошенія на имя Ганецкаго, такъ какъ судьба вещей зависѣла всецѣло отъ него. Прошенія шли черезъ меня, такъ какъ на моей обязанности лежалъ докладъ ихъ Ганецкому, и я съ большимъ интересомъ прочитывалъ ихъ. Это былъ одинъ сплошной вопль ограбленныхъ людей, отъ котораго порой сжималось сердце. Униженно, восхваляя доброту совѣтскаго правительства, взывая къ мягкосердечію тов. Ганецкаго, несчастные люди молили о выдачѣ имъ хотя незначительной части отобранныхъ у нихъ вещей, хоть одного колечка, которое дорого имъ, какъ память. Другіе ставили вопросъ на чисто дѣловую почву, прекрасно понимая, что мольбами и нытьемъ разбойниковъ не тронешь. Они просто и откровенно предлагали оставить имъ половину или даже треть содержимаго ихъ сейфа, а остальное благородно и великодушно жертвовали на нужды рабочаго класса. Но Ганецкій былъ неуязвимъ и внимательно осматривалъ каждый ящикъ сейфа, прежде чѣмъ подписать разрѣшеніе на выдачу.

Самый разборъ сейфовыхъ ящиковъ порученъ былъ особой комиссіи, работавшей въ томъ же зданіи, гдѣ находился и секретаріатъ. Сюда по требованію комиссіи доставлялись всѣ сейфы въ запечатанномъ видѣ, здѣсь вскрывались, свѣрялись съ описью, и затѣмъ производилась оцѣнка особыми экспертами, во главѣ которыхъ находились нѣкіе Пажамчи и Фейгельсонъ, впослѣдствіи уличенные въ кражѣ бриллiантовъ и разстрѣлянные по приговору Чеки. Эти эксперты помѣщались рядомъ съ кабинетомъ Ганецкаго въ небольшой свѣтлой залѣ. Полъ былъ застланъ краснымъ сукномъ, чтобы случайно оброненный камень могъ быть легко найденъ. Посрединѣ комнаты, ближе къ окну, находился громадный столъ, за которымъ и происходила самая работа, то есть выковыриваніе камней, сортировка ихъ и оцѣнка. При работѣ присутствовала особая контролерша, разстрѣлянная вмѣстѣ съ оцѣнщиками. Кража бриллiантовъ, какъ я узналъ потомъ, производилась весьма просто. Выковыривая какой-либо камень, оцѣнщикъ ронялъ его на полъ и во время поисковъ ловко подмѣнялъ его другимъ, значительно меньшимъ по вѣсу, заранѣе приготовленнымъ въ жилетномъ карманѣ. Кража была обнаружена случайно, хотя слухи о томъ, что въ оцѣночной комнатѣ происходитъ что то неладное, давно ходили среди служащихъ секретаріата. Зналъ объ этомъ и Ганецкій и даже

предложилъ мнѣ однажды принять на себя контроль за работой, но я категорически отказался. Вѣроятно, слухи эти дошли и до Чеки. Въ одинъ прекрасный день на квартирѣ оцѣнщиковъ, въ то время, какъ они находились на службѣ, былъ произведенъ внезапный обыскъ, обнаружившій громадное количество похищенныхъ бриллiантовъ. Началась суровая расправа со всѣми, причастными къ оцѣночному дѣлу лицами. Это открытiе причинило немало непрiятностей и самому Ганецкому, котораго упорно подозрѣвали въ соучастiи въ похищенiи бриллiантовъ. Но какъ бы преступенъ и низокъ ни былъ этотъ человѣкъ во всѣхъ другихъ отношенiяхъ, справедливость требуетъ сказать, что самъ Ганецкiй въ этомъ дѣлѣ не участвовалъ. Находясь въ постоянномъ служебномъ общенiи съ нимъ, я ни разу не замѣтилъ, чтобы Ганецкiй проявилъ какой-либо интересъ къ проходящимъ черезъ его руки цѣнностямъ. И, во всякомъ случаѣ, это былъ слишкомъ умный, осторожный и подозрительный человѣкъ, чтобы найти для себя иной путь обогащенiя, тѣмъ болѣе, что такихъ путей, какъ мы увидимъ ниже, было достаточно въ его распоряженiи. Только одинъ случай смутилъ меня. Однажды старшiй оцѣнщикъ Пажамчи принесъ въ кабинетъ Ганецкаго розовый бриллiантъ довольно крупныхъ размѣровъ. Ганецкiй пришелъ въ восторгъ и долго любовался прекраснымъ камнемъ, потомъ онъ разспросилъ подробно о вѣсѣ, о стоимости камня и вернулъ его обратно, а спустя нѣсколько дней оцѣнщикъ сообщилъ мнѣ, что взамѣнъ розоваго камня Ганецкiй принесъ другой, того же вѣса, но уже далеко не той стоимости.

Разборкой сейфовъ занимались въ то время Познеръ и Гоцъ. Познеръ, старый банковскiй служащiй, не скрывалъ своего отрицательнаго отношенiя къ большевицкому перевороту и пользовался въ секретарiатѣ вполнѣ заслуженной репутацiей честнаго и добраго человѣка, всегда готоваго стать на защиту преслѣдуемыхъ. Ближайшимъ его помощникомъ являлся Гоцъ, имя котораго одно время было весьма популярно въ Москвѣ. Это былъ ловкiй, безпринципный и очень добродушный молодой человѣкъ. Арестованный по обвиненiю въ кражѣ цѣнностей и приговоренный къ разстрѣлу, онъ, благодаря рѣшительному заступничеству Ганецкаго, сумѣлъ вырваться изъ цѣпкихъ лапъ Чека. Никакихъ, въ сущности, данныхъ къ обвиненiю Гоца въ кражѣ обнаружить не удалось. Едва ли онъ и занимался этимъ, довольствуясь тѣми знаками благодарности, какiе оказывали ему лица, получившiя свои цѣнности благодаря его настойчивости и смѣлости. Сколько разъ Гоцъ ухитрялся получить у Ганецкаго разрѣшенiе на выдачу такихъ вещей, стоимость которыхъ значительно превышала установленную закономъ норму, и въ этомъ случаѣ благодарные просители считали своимъ долгомъ подѣлиться съ Гоцемъ.

Тяжелыя, мучительныя сцены разыгрывались порой въ секретарiатѣ. Разоренные, запуганные люди съ ранняго утра наполняли громадную прiемную, справляясь о судьбѣ поданныхъ ими прошенiй. Но прошенiй было слишкомъ много, а разсмотрѣнiе ихъ происходило слишкомъ медленно, и несчастные люди унижались, плакали, совали служащимъ взятки, что вызывало постоянныя недоразумѣнiя, и молча уходили, чтобы снова явиться на другой день. А тѣ, которые получали

отказъ, иачинали умолить сиачала Гоца, потомъ меин допустить ихъ къ комиссару. Но Гаиецкій иикого не прииималъ. Оиъ, какъ будто, боялся этихъ человѣческихъ слезъ и жалобъ и сердился, когда я докладывалъ ему о какомъ иибудь просителѣ.

Зато отиошеиіе къ просьбамъ большихъ людей было совершенно иное. Если проситель представлялъ письмо Калиниа, Камеиева, Троцкаго, Луначарскаго и имъ подобныхъ величинъ, то стоимость вещей не играла никакой роли, и вещи выдавались безпрепятственно. Наибольшее количество такихъ спасительиыхъ писемъ исходило отъ Луиачарскаго. Этотъ сообразительный и толковый комиссаръ, вѣчно иуждавшійся въ деньгахъ, широко использовалъ свое комиссарское званіе для извлечеиія буржуазиыхъ цѣиностей. Оиъ дѣйствовалъ, конечно, не самъ, а черезъ своего брата, московскаго присяжнаго повѣреннаго, личность довольио темную и бездариую. Этотъ милый братецъ явлился своего рода посредиикомъ между буржуемъ и своимъ сановиымъ братцемъ. Желающіе получить свои вещи и знающіе, что нормальиымъ путемъ получить ихъ ие удастся, отправлялись къ посредиику и поручали ему веденіе ихъ дѣла. Посредникъ отбиралъ у иихъ прошеніе и опредѣлеиный аваисъ и шелъ затѣмъ къ брату, который охотно ставилъ на прошеніи одиу и ту же помѣтку: «Дорогой тов. Ганецкій, усилепио поддерживаю настоящее ходатайство. Луиачарскій». Какъ дѣлилась богатая добыча, — мнѣ неизвѣстно, ио не подлежитъ сомнѣиію, что добыча была богатая, ибо ограбленый человѣкъ готовъ былъ отдать половину своихъ драгоцѣнностей, чтобы только не потерять всего. Магическая сила запнсокъ и помѣтокъ Луначарскаго дѣйствовала, однако, иедолго. Гаиецкому было предложено не считаться съ ними, такъ какъ количество ихъ прииило скандальиые размѣры. А брату было просто запрещено явлиться въ секретаріатъ съ прошеніями.

Такое же усердіе проявила и извѣстная московская артистка М. Ф. Андреева, какъ то быстро и очень ловко перемѣнившая фронтъ и превратившаяся въ горячую поклонницу большевиковъ. Ея письма къ Ганецкому производили иа меня самое отвратительное впечатлѣніе своей грубой лестью, своими увѣреніями въ преданности совѣтской власти, словами «милый», «дорогой» и т. п., щедро разсыпаиными въ ея посланіяхъ. Сначала я не хотѣлъ вѣрить, что М. Ф. имѣетъ доходъ отъ своихъ ходатайствъ. Я встрѣчался съ ней у однихъ общихъ зиакомыхъ (впослѣдствіи отказавшихся принимать ее), и она не производила на меня впечатлѣнія хищницы. Но позже мнѣ пришлось убѣдиться, что эта благородная женщина ничуть ие уступала другимъ. Просьбы Андреевой выполнялись безпрекословно, такъ какъ эта ловкая женщина сумѣла завоевать расположеніе даже самого Дзержинскаго.

Но больше всѣхъ меня поразилъ М. Горькій. Я, конечно, ие допускаю и мысли, чтобы за его письмами къ Ганецкому скрывалась та же уродливая гримаса жизни, тѣмъ болѣе, что Горькій хлопоталъ за людей науки и искусства. Но содержаніе его, правда, иемногочисленныхъ писемъ носило тѣ же слѣды рабской угодливости и искательства, какіе наблюдались и въ письмахъ Аидреевой. Для меня явилось со-

вершенно непонятнымъ, чтобы Горькій могъ писать такого рода письма Ганецкому, о темныхъ и подозрительныхъ дѣяніяхъ котораго онъ не могъ не знать. Если Андреевой было позволительно для достиженія своихъ цѣлей льстить и унижаться передъ всякимъ авантюристомъ, то положеніе и имя Горькаго избавляли его отъ этой тяжелой необходимости. Ганецкій очень гордился этими письмами и всегда забиралъ ихъ съ собой, какъ нѣкую драгоцѣнность. Уже тогда между этими, казалось бы, столь не похожими другъ на друга людьми установилось нѣчто вродѣ дружбы. Очевидно, здѣсь было какое то трудно объяснимое сродство душъ.

Иногда секретаріатъ посѣщали довольно видныя персоны. Однажды къ Ганецкому явилась жена придворнаго поэта, Демьяна Бѣднаго, г-жа Придворова. Невысокаго роста, съ некрасивымъ и довольно неприятнымъ лицомъ, рѣзкимъ голосомъ и такими же движеніями. Одѣта она была шикарно, съ большими страусовыми перьями на шляпѣ. Явилась она за полученіемъ «своихъ бездѣлушекъ», какъ она выражалась, хотя бездѣлушки эти состояли изъ довольно крупныхъ цѣнностей и на много превышали установленную норму. Ганецкій распорядился принести въ кабинетъ металлическій ящикъ Придворова, а тѣмъ временемъ знатная посѣтительница распѣлась на тему о своей бѣдности, о благородствѣ своего мужа, который, какъ истинный коммунистъ, отказывается отъ гонорара за свои произведенія. Принесли ящикъ. Ганецкій лично сорвалъ печать и предложилъ Придворовой взять ея вещи. Но тутъ то и произошелъ конфузъ. Волнуясь и торопясь, Придворова начала открывать объемистую и довольно полную сумку, какъ вдругъ сумка вырвалась у нея изъ рукъ и упала на полъ. Къ нашему изумленію, оттуда выпала объемистая пачка такъ называемыхъ «думскихъ» и около двадцати золотыхъ монетъ, покатившихся по полу. Придворова быстро подняла сумку и захлопнула ее, и мы втроемъ принялись собирать золотые монеты. Когда посѣтительница въ большомъ смущеніи ушла изъ кабинета, Ганецкій весело расхохотался.

— Недаромъ Владимиръ Ильичъ сказалъ: «Демьянъ Бѣдный — мужчина вредный». Надо будетъ разсказать ему объ этомъ случаѣ.

Невыданные просителямъ цѣнности поступали въ собственность совѣтскаго правительства и если среди нихъ были брилліанты, то они передавались въ оцѣночную комнату для производства оцѣнки и описи. Когда оцѣнщики наковыривали достаточное количество камней, наступалъ второй, самый важный моментъ — превращеніе ихъ въ иностранную валюту. На сцену появлялись какіе то никому невѣдомые молодые люди подозрительнаго вида, съ которыми Ганецкій велъ продолжительныя бесѣды наединѣ. Не имѣя ни малѣйшаго представленія о содержаніи этихъ таинственныхъ разговоровъ, я, тѣмъ не менѣе, прекрасно зналъ, чѣмъ они кончатся. Приглашался оцѣнщикъ съ брилліантами, которые въ его присутствіи зашивались въ небольшой замшевый мѣшочекъ и вручались подъ особую росписку таинственному посѣтителю. За нимъ являлся другой, третій и т. д., пока не исчерпывался весь запасъ брилліантовъ. Проходили недѣли, и тѣ же самыя лица появлялись снова, но на этотъ разъ съ пачками долларовъ, фунтовъ, швейцарскихъ франковъ и другой цѣнной валюты, которые Га-

нецкій, послѣ тщательной провѣрки, забиралъ съ собой. Эти агенты проникали за границу нелегальнымъ путемъ при содѣйствіи пограничныхъ жителей и контрабандистовъ и такъ же возвращались обратно. Нѣкоторые изъ нихъ пользовались исключительнымъ довѣріемъ Ганецкаго и позже заняли видныя мѣста въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Но были и такіе, которые исчезли съ порученными имъ бриллiантами, или возвращались съ пустыми руками, ссылаясь на ограбленіе. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на Ганецкаго исчезновеніе нѣкоего К. Это былъ изумительно проворный и смѣлый еврей, который въ самое короткое время завоевалъ полное довѣріе Ганецкаго. Онъ ухитрялся продавать порученные ему бриллiанты самымъ выгоднымъ образомъ, привозя съ собой крупныя суммы иностранной валюты, что и послужило поводомъ къ передачѣ ему довольно значительной партіи драгоцѣнныхъ камней для реализаціи. Послѣ этого К. уже не появлялся болѣе въ кабинетѣ Ганецкаго, и лишь много времени спустя пришло извѣстіе, что К. находится въ Германіи.

Это совершенно безконтрольное расхищеніе драгоцѣнностей продолжалось около года, и только одинъ Ганецкій да разстрѣлянные оцѣнщики знаютъ, какое колоссальное богатство прошло черезъ его руки и уплыло частью за границу, частью въ карманы ловкихъ авантюристовъ. Это было поистинѣ блаженное время, когда лозунгъ «грабь награбленное» находилъ свое полное осуществленіе. Достаточно было заглянуть въ помѣщеніе оцѣнщиковъ, чтобы имѣть представленіе о громадныхъ размѣрахъ добычи, доставшейся новой власти. На полу, на подоконникахъ, на этажеркахъ — всюду валялись исковерканныя золотыя и платиновыя оправы, роскошныя діадемы съ пустыми гнѣздами отъ камней, а на длинномъ, обтянутомъ зеленымъ сукномъ столѣ были разложены драгоцѣнные камни-бриллiанты, голубые, необычайныхъ размѣровъ, сапфиры, кровавые рубины, зеленые изумруды, топазы, жемчугъ, бирюза. Но больше всего было бриллiантовъ различнаго вѣса и воды. Это былъ любимый камень русскихъ богатыхъ людей, безсознательно для себя содѣйствовавшихъ укрѣпленію разорившей ихъ власти.

У оцѣнщиковъ было своеобразное расписаніе дней недѣли. Былъ день графовъ Шереметевыхъ, день Сумароковыхъ, день Морозовыхъ, Елисѣевыхъ, кн. Мещерскихъ и т. д., когда происходила разборка вещей исключительно названныхъ лицъ. Наибольшій доходъ достался отъ ограбленія гр. Шереметевыхъ, такъ какъ ни у кого не было найдено такого количества драгоцѣнностей, какъ у нихъ. Скандалъ съ оцѣнщиками положилъ конецъ этому благополучію. Разборка цѣнностей была изъята изъ вѣдѣнія Ганецкаго и перенесена въ ссудную кассу, гдѣ не замедлили обнаружиться такія же хищенія съ неизбѣжнымъ разстрѣломъ виновныхъ. Секретаріатъ сразу опустѣлъ, но Ганецкій, видимо, уже тяготился своимъ комиссарскимъ званіемъ и, выждавъ нѣкоторое время, покинулъ свой постъ, передавъ бразды правленія Чуцкаеву, которому и пришлось расплачиваться за грѣхи своихъ предшественниковъ.

Еще до ухода Ганецкаго я вышелъ изъ состава секретаріата, соблазненный предложеніемъ покойнаго проф. М. А. Фридмана принять

участіе въ образовавшемся небольшомъ кружкѣ по изученію финансовыхъ вопросовъ. Впослѣдствіи этотъ кружокъ превратился въ солидное научное учрежденіе, но въ началѣ своего существованія это было нѣчто весьма незначительное. Членами кружка являлись проф. Кутлеръ, создатель знаменитаго червонца, и нѣсколько видныхъ финансовыхъ дѣятелей. Кружокъ былъ вполнѣ легальный, и офиціальной его задачей явилось изученіе денежнаго хозяйства совѣтской Россіи. Въ началѣ дѣятельности кружка весь интересъ сосредоточивался на вопросахъ денежнаго обращенія, и въ довольно непродолжительномъ времени кружокъ располагалъ исчерпывающими данными о количествѣ денежныхъ знаковъ, находящихся въ народномъ обращеніи. Эти данныя дали возможность проф. Кутлеру съ изумительной точностью, вполнѣ оправдавшейся впослѣдствіи, опредѣлить время полнаго краха всей совѣтской денежной системы, которую онъ же и спасъ отъ окончательнаго крушенія. Но въ то время, когда началъ функціонировать кружокъ, имя Кутлера было еще настолько одіозно, что члены не рискнули избрать его предсѣдателемъ изъ опасенія погубить начатое дѣло. Поэтому предсѣдателемъ кружка былъ избранъ проф. Фридманъ, но и ему пришлось отказаться отъ этого званія. Онъ имѣлъ неосторожность выпустить небольшой, но очень цѣнный трудъ подъ заглавіемъ «Государственное хозяйство и денежное обращеніе въ Россіи», въ которомъ онъ подвергъ критическому разбору хозяйственныя мѣропріятія совѣтскаго правительства, указавъ на глубочайшее противорѣчіе между блестящими планами, съ одной стороны, и ихъ плачевными результатами, съ другой. Эта книга вызвала взрывъ негодованія среди большевиковъ. Особенно бѣсновался нѣкій Оболенскій, вѣдавшій въ то время налоговымъ управленіемъ и считавшійся свѣтиломъ въ вопросахъ коммунистическаго творчества. Оболенскій усмотрѣлъ въ книгѣ проф. Фридмана чуть ли не призывъ къ ниспроверженію совѣтскаго строя и поднялъ такой шумъ, что въ дѣло вмѣшалась Чека и арестовала проф. Фридмана, а книга подверглась конфискаціи. Автору грозила суровая расправа, если бы не вмѣшательство самого Ленина, который, ознакомившись съ книгой, приказалъ прекратить дѣло и освободить проф. Фридмана. Однако, пережитое сильное впечатлѣніе не прошло даромъ, и вскорѣ послѣ своего освобожденія М. И. Фридманъ заболѣлъ тяжелымъ нервнымъ разстройствомъ, что и явилось причиной его преждевременной смерти.

Этотъ случай произвелъ на всѣхъ участниковъ кружка сильное впечатлѣніе. Всѣ ждали дальнѣйшаго продолженія преслѣдованій, и нѣкоторые поторопились уйти въ сторону. Но туча прошла стороной, и кружокъ продолжалъ свое скромное существованіе. Постепенно составъ его увеличивался новыми членами, рамки его дѣятельности расширялись, не ограничиваясь чисто финансовыми вопросами, но включая и вопросы всего хозяйства въ цѣломъ. Это было счастливое для большинства изъ насъ время. Среди полнаго разгрома всѣхъ культурныхъ и научныхъ цѣнностей, среди груды обломковъ, подъ дикіе звуки вакханаліи торжествующаго хамства, въ непроглядной и безнадежной тьмѣ особенно отраднымъ и привлекательнымъ казался этотъ маленькій непрочный оазисъ, куда раза два въ недѣлю сходились бывшіе люди,

говорили понятнымъ человѣческимъ языкомъ, рѣшали большіе и серьезные вопросы и подвергали безпощадной критикѣ все уродство новой системы хозяйства, вскрывая ея полную творческую безпомощность. Послѣ этихъ встрѣчъ и бесѣдъ становилось какъ то легче на душѣ, и сознаніе безнадежности уступало мѣсто глубокой вѣрѣ въ лучшее будущее. И только одно обстоятельство омрачало наше существованіе — острая, изо дня въ день усиливавшаяся нужда. Пришлось подумать о прінсканіи болѣе доходнаго занятія. Мнѣ предложили мѣсто финансоваго инструктора и я, не имѣя никакого представленія о своихъ новыхъ обязанностяхъ, принялся усердно изучать циркуляры и инструкціи. Это была поистинѣ головоломная работа, ибо даже опытные финансовые работники съ большимъ трудомъ разбирались во всей этой абракадабрѣ, сочиненной досужими изобрѣтателями новой, приноровленной къ соціалистическому строю финансовой системы. Мой первый самостоятельный выѣздъ въ Тверь въ качествѣ инструктора наглядно показалъ мнѣ всю безполезность и униэительность моей новой работы. Старый, опытный и умный бухгалтеръ послѣ перваго же засѣданія отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Вѣдь это же форменная галиматья, и вы увидите, что «они» сами откажутся отъ своихъ затѣй.

Онъ оказался правъ. Всѣ эти хитроумные циркуляры и инструкціи были, дѣйствительно, отмѣнены въ скоромъ времени, какъ никуда негодные. По возвращеніи изъ Твери я твердо рѣшилъ никуда больше не ѣздить, а заниматься инструктированіемъ пріѣзжавшихъ съ мѣстъ коммунистовъ, которыхъ все равно ничѣмъ не изумишь.

На мое счастье скоро освободилась вакансія въ такъ называемомъ отдѣлѣ международныхъ расчетовъ, который въ дѣйствительности никакими расчетами не занимался. Завѣдующій этимъ отдѣломъ предложилъ перейти къ нему на службу, и я безъ малѣйшихъ колебаній согласился. Меня прельщалъ, главнымъ образомъ, составъ немногочисленныхъ служащихъ этого отдѣла, принадлежавшихъ къ наиболѣе интеллигентнымъ слоямъ стараго чиновничества. Самъ завѣдующій, уже пожилой, прекрасно воспитанный и въ высшей степени корректный еврей, умѣло и энергично отстаивалъ свой отдѣлъ отъ вторженія въ него коммунистическихъ элементовъ. Большинство сотрудниковъ были членами того кружка, о которомъ я говорилъ выше, и, такимъ образомъ, моя связь съ кружкомъ возстановилась снова.

4.

Какъ уже было сказано, никакихъ международныхъ расчетовъ отдѣломъ не производилось, и самое назначеніе отдѣла было неопредѣленное. Между прочимъ, ему была поручена пріемка и выдача иностранной валюты и, такъ какъ я довольно хорошо разбирался въ этомъ дѣлѣ, то меня назначили завѣдующимъ кассой. Въ моемъ распоряженіи находился кассиръ и три помощницы кассира. Кромѣ того, въ кассѣ постоянно присутствовалъ особый контролеръ отъ рабоче-крестьянской инспекціи. Помѣщеніе кассы состояло изъ двухъ отдѣленій — небольшой передней комнаты, въ которой производилась вся работа,

и просторной стальной кладовой, заставленной несгораемыми шкафами, въ которыхъ хранилась иностранная валюта и процентныя бумаги. Работы оказалось много, особенно послѣ декрета, предписавшаго всѣмъ совѣтскимъ учрежденіямъ сдать находящуюся въ ихъ кассахъ иностранную валюту въ наркомфинъ и получать таковую съ разрѣшенія наркомфина.

Прошло нѣсколько дней со времени моего поступленія въ отдѣлъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно надъ комиссаріатомъ разразилась гроза. Уже давно ходили слухи, что въ наркомфинѣ происходитъ грандіозное воровство и широко организованное взяточничество. Что касается воровства, то слухи были не совсѣмъ точны. Воровали въ банкахъ, гдѣ хранились конфискованныя цѣнности, въ ссудныхъ кассахъ и ломбардахъ, словомъ тамъ, гдѣ можно было что нибудь украсть. Но воровать въ управленіи наркомфина, гдѣ находились различные отдѣлы и канцеляріи, было невозможно, ибо, кромѣ бумаги и чернилъ, ничего другого украсть было нельзя. Но такъ какъ и банки, и ломбарды находились въ вѣдѣніи наркомфина, то обвиненіе въ воровствѣ распространялось на все учрежденіе въ цѣломъ и явилось причиной его полнаго разгрома.

Въ началѣ февраля 1921 г. я, ровно ничего не подозрѣвая, пришелъ на службу и поднялся во второй этажъ. Но едва я вошелъ въ громадную залу, какъ сразу замѣтилъ, что вокругъ творится что то неладное. Служащіе не сидѣли, какъ обычно, на своихъ мѣстахъ въ шубахъ и шапкахъ передъ замерзшими за ночь чернилами, а толпились въ проходахъ съ растерянными и перепуганными лицами. А по залѣ дѣловито сновали какіе то люди въ кожаныхъ курткахъ съ наганомъ у пояса, и у каждой двери виднѣлся часовой съ винтовкой.

Я спросилъ, въ чемъ дѣло, и мнѣ объяснили, что еще съ вечера комиссаріатъ былъ занятъ отрядомъ Чека, и что сейчасъ будетъ произведенъ повальный обыскъ во всемъ зданіи. Я прошелъ къ кабинету завѣдующаго. Блѣдный, но наружно спокойный, онъ показалъ мнѣ на дверь своего кабинета, и я увидѣлъ большую сургучную печать. Оттуда я направился къ своей кассѣ, но и тамъ была та же картина, съ той только разницей, что печать охранялась вооруженнымъ чекистомъ. За свою кассу я былъ совершенно спокоенъ и нисколько не волновался. Перепуганный на смерть, трясущійся, какъ въ лихорадкѣ, кассиръ отвелъ меня въ сторону и срывающимся шопотомъ сообщилъ мнѣ, что за однимъ изъ шкафовъ находятся двѣ бутылки коньяку и бутылка ликеру.

Мнѣ стало не по себѣ.

— Откуда онѣ взялись?

— Завѣдующій просилъ спрятать. Онѣ уже давно стоятъ тамъ, — объяснилъ кассиръ.

Я не зналъ, какъ поступить. Сказать правду — значило подвести завѣдующаго, признать бутылки своими — самому подвергнуться аресту. Чекисты, повидимому, не собирались шутить, и, судя по ихъ поведенію, окрикамъ и суровому виду, готовились къ большому и серьезному дѣлу.

Оставивъ кассира, я снова отправился къ завѣдующему, чтобы сговориться относительно бутылокъ, но въ это время изъ кабинета Чуцкаева вышелъ высокій плотный мужчина въ сопровожденіи двухъ чекистовъ и крикнулъ: «Начинать!».

— Съ какого кабинета? — спросилъ его одинъ изъ сопровождавшихъ. Они стояли какъ разъ возлѣ кабинета моего завѣдующаго.

Высокій мужчина повернулся и указалъ на запечатанную дверь.

— Начнемъ хоть съ этого, — распорядился онъ. — Товарищи Рѣзникъ и Фоминъ останутся здѣсь. Гдѣ завѣдующій отдѣломъ?

Завѣдующій подошелъ ближе. Ключъ отъ кабинета находился у него, и онъ молча протянулъ его Фомину. Тотъ сорвалъ печати, и они втроемъ вошли въ кабинетъ. Я вернулся къ кассѣ, чтобы лично присутствовать при обыскѣ, но мнѣ сказали, что обыскъ будетъ произведенъ въ присутствіи чиновъ рабоче-крестьянской инспекціи, которые уже вызваны по телефону. Наскучивъ ожиданіемъ, я рѣшилъ посмотрѣть, что дѣлается въ кабинетѣ моего начальника. Глазамъ моимъ представилась странная, ошеломившая меня картина. Завѣдующій стоялъ у стола, а два чекиста, нагнувшись, рылись въ ящикахъ, вытаскивая оттуда все содержимое. На столѣ стояла корзинка для бумагъ, доверху наполненная бутылками. Здѣсь были и коньякъ, и портвейнъ, и еще какія то пузатыя бутылки съ виномъ. Рядомъ красовались двѣ бутылки шампанскаго. Тутъ же стоялъ жестяной открытый ящикъ съ шоколадомъ, лежали пачки долларовъ, стопка золотыхъ монетъ, три золотыхъ слитка и небольшая платиновая пластинка. Къ этимъ вещамъ чекисты добавили свертокъ съ процентными бумагами, нѣсколько золотыхъ портсигаровъ, кольца, золотые часы, великолѣпное жемчужное ожерелье и еще разную мелочь. Картина получилась архибуржуазная. Закончивъ обыскъ стола, чекисты обозрѣли разложенную на столѣ добычу и пришли въ неописуемую ярость.

— Ты кто такой? — подскочилъ ко мнѣ тотъ, котораго называли товарищъ Рѣзникъ, черный, лохматый, съ толстыми губами субъектъ.

Я назвалъ себя.

— Тов. Фоминъ, обыщите его, — распорядился Рѣзникъ и пока онъ самъ обыскивалъ завѣдующаго, отбирая все содержимое кармановъ, вплоть до носового платка, Фоминъ занялся мной, но ничего для себя интереснаго не нашелъ. Въ это время въ кабинетъ вошелъ тотъ высокій мужчина, который распорядился начать обыскъ и который, какъ я узналъ потомъ, являлся начальникомъ отряда. При видѣ заваленнаго стола онъ буквально остолбенѣлъ и, открывъ ротъ, переводилъ взглядъ съ завѣдующаго на столъ и обратно и вдругъ взорвался, какъ бомба.

— На дворъ мерзавцевъ!.. къ стѣнкѣ!.. разстрѣлять немедленно!.. это какой то воровской притонъ, а не комиссаріатъ... Ведите ихъ обоихъ на дворъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта жуткая сцена, если бы вошедшій чекистъ не объявилъ, что меня требуютъ въ кассу.

Въ кассѣ между тѣмъ происходило слѣдующее. Войдя въ первую комнату, чекистъ Ройзманъ, ни слова не говоря, выхватилъ револьверъ и, наставивъ въ упоръ на кассира, крикнулъ: «Сознавайся, сколько

укралъ». Кассиръ до такой степени перепугался, что, какъ подкошенный, упалъ на колѣни и, закрывъ лицо руками, закричалъ не своимъ голосомъ. Въ это самое время мы вошли въ комнату, и отчаянный вопль кассира заставилъ меня остановиться. Сопровождавшій меня чекистъ грубо толкнулъ меня въ спину и захлопнулъ дверь. Я увидалъ стоявшаго на колѣняхъ кассира, Ройзмана съ револьверомъ въ рукахъ, члена рабоче-крестьянской инспекціи, стоящаго у окна, и трехъ перепуганныхъ кассиршъ въ темномъ углу комнаты.

— Говори, мерзавецъ, какъ вы тутъ воровали, — кричалъ Ройзманъ, размахивая револьверомъ, — тебѣ же лучше будетъ.

Но кассиръ ничего не отвѣчалъ и вдругъ весь затрясся отъ истерическихъ рыданій, продолжая стоять на колѣняхъ и прижимаясь къ стѣнѣ. При моемъ появленіи, Ройзманъ быстро повернулся въ мою сторону.

— Это вы — завѣдующій кассой? Откройте дверь въ кладовую. Сейчасъ мы узнаемъ, какъ вы тутъ хозяйничали.

Я молча повиновался. Чекисты, какъ звѣри, ворвались въ кладовую и, видимо, сразу опѣшили. Несгораемые шкафы вдоль стѣнъ, металлическія полки съ разложенными на нихъ кипами процентныхъ бумагъ, небольшіе мѣшочки съ серебряной монетой и тотъ образцовый порядокъ, какой заведенъ былъ завѣдующимъ еще до моего поступленія въ кассу, произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе. Присутствовавшій членъ рабоче-крестьянской инспекціи заявилъ, что онъ лично производилъ ревизію кассы двѣ недѣли тому назадъ, и все было въ порядкѣ. Но Ройзманъ не придалъ этому никакого значенія и продолжалъ шумѣть и угрожать. Начался тщательный осмотръ шкафовъ и провѣрка содержимаго съ книгами. Никакого понятія о валютѣ эти люди не имѣли и потому разсматривали внимательно каждую бумажку. Кассиръ между тѣмъ пришелъ въ себя и принялъ участіе въ дачѣ объясненій. Я былъ совершенно спокоенъ, зная, что никакихъ неправильностей чекистамъ обнаружить не удастся, и только мысль о бутылкахъ тревожила меня. Но за шкафы чекисты еще не заглядывали.

Вскорѣ имъ, видимо, надоѣло это утомительное занятіе. Они поняли, что такой способъ провѣрки грозитъ потерей массы времени, и предложили мнѣ познакомить ихъ съ существующимъ въ кассѣ порядкомъ храненія и выдачи цѣнностей. Я показалъ имъ, гдѣ хранится иностранная валюта, гдѣ золото и серебро; показалъ шкафы и мѣшки съ процентными бумагами, ящики съ орденами, золотыми и серебряными вещами. Объяснилъ, какъ производится пріемъ и выдача валюты; представилъ всѣ книги съ подробными копіями.

— Какъ видите, украсть здѣсь ничего нельзя, даже купоновъ, и первая же ревизія обнаружила бы малѣйшую недостачу. Ревизія производится каждый мѣсяцъ, а провѣрка кассы — ежедневно при ея закрытіи.

— Ну, это мы еще увидимъ — нагло отвѣтилъ Ройзманъ.

На другой день онъ явился въ сопровожденіи двухъ опытныхъ артельщиковъ, и провѣрка кассы пошла значительно быстрѣе. Мы забирали изъ кладовой необходимый матеріалъ, и артельщики производили подсчетъ и свѣрку съ книгами. Мой беззаботный кассиръ совер-

шенно оправился отъ пережитыхъ волненій и снова шутилъ и смѣялся, какъ ни въ чемъ не бывало. Ройзманъ сначала обрывалъ его, но вскорѣ измѣнилъ свое отношеніе къ нему и хохоталъ вмѣстѣ съ другими надъ выходками моего безпечнаго помощника. И когда, наконецъ, бутылки были извлечены на свѣтъ Божій, онѣ уже не произвели того эффекта, какъ это можно было ожидать вначалѣ. Онѣ были отставлены въ сторону, а по окончаніи работы чекисты забрали ихъ съ собой.

Ревизія продолжалась болѣе недѣли, но когда очередь дошла до процентныхъ бумагъ, то Ройзманъ заявилъ, что бумаги его не интересуютъ. Къ концу обыска это былъ уже совершенно другой человѣкъ. Онъ оказался веселымъ и даже довольно симпатичнымъ парнемъ. Сначала онъ придирался къ каждому пустяку и тотчасъ же заносилъ себѣ въ книжку, но убѣдившись, что изъ этихъ пустяковъ все равно ничего не выкроишь, окончательно успокоился, и, въ то время, какъ артельщики вмѣстѣ съ кассиршами считали валюту и золото, Ройзманъ мирно бесѣдовалъ съ кассиромъ, заставляя его разсказывать анекдоты. Къ концу ревизіи онъ совершенно серьезно предложилъ кассиру перейти на службу въ Чека на ту же должность, но кассиръ, разумѣется, отказался отъ этой высокой чести.

За все время ревизіи мнѣ ни разу не пришлось оставить кассу, чтобы узнать, чѣмъ закончился обыскъ въ наркомфинѣ. Отъ Ройзмана я узналъ, что нашъ завѣдующій арестованъ и уже разстрѣлянъ, что арестовано и еще нѣсколько лицъ. Сообщеніе о разстрѣлѣ, къ счастью, не подтвердилось.

Наконецъ, ревизія окончилась. Я настоялъ, чтобы Ройзманъ составилъ офиціальный протоколъ и подтвердилъ своей подписью правильность веденія дѣла въ кассѣ. Онъ долго уклонялся отъ этого и только по требованію Чуцкаева подписалъ протоколъ. Тотъ же самый Ройзманъ выхлопоталъ потомъ разрѣшеніе о выдачѣ одной изъ кассиршъ принадлежавшихъ ей серегъ и браслета, которые она хранила въ ящикѣ своего стола и которые были признаны подлежащими конфискаціи.

На другой день послѣ окончанія ревизіи Чуцкаевъ вызвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и внимательно выслушалъ мой докладъ объ обыскѣ, о поведеніи чекистовъ, но ничего не сказалъ. Это былъ человѣкъ необычайно мрачный съ виду и въ то же самое время мягкій и отзывчивый. Коммунисты типа Бухарина его не долюбливали, и онъ какъ то быстро сошелъ съ горизонта. Мнѣ передавали, что во всѣхъ своихъ выступленіяхъ онъ исходилъ изъ соображеній интересовъ русскаго народа, и это обстоятельство и послужило поводомъ къ его постепенному оттѣсненію въ задніе ряды. Уже тогда слово «Россія» вызывало презрительную усмѣшку на губахъ правовѣрныхъ ленинистовъ, и человѣкъ, слишкомъ настойчиво повторявшій это ненавистное слово, не могъ разсчитывать на поддержку вліятельныхъ круговъ. Они просто выбросили его подъ благовидимымъ предлогомъ на задній дворъ. Вскорѣ послѣ произведеннаго обыска Чуцкаевъ былъ замѣщенъ Альскимъ, человѣкомъ невѣроятно грубымъ и невоспитаннымъ, съ замашками заправскаго чекиста.

Обыскъ въ наркомфинѣ далъ довольно пикантные результаты. Случилось такъ, что арестованными оказались одни коммунисты, за исключеніемъ завѣдующаго нашимъ отдѣломъ, и притомъ такіе, вѣрность которыхъ и преданность коммунизму ни въ комъ не вызывали сомнѣній. Особенно сильно поразилъ всѣхъ арестъ Безрукова, наводившаго настоящую панику на подчиненныхъ ему служащихъ своей дикой свирѣпостью. За каждое малѣйшее упущеніе онъ угрожалъ суровой расправой, кричалъ и всячески издѣвался надъ подвластными людьми. Служащіе ненавидѣли его острой, непримиримой ненавистью, но среди коммунистовъ онъ игралъ видную роль. Передавали о его непосредственномъ участіи въ разстрѣлѣ кронштадтскихъ матросовъ.

И вотъ этотъ видный и заслуженный коммунистъ оказался крупнымъ воромъ, награбившимъ, въ бытность свою комиссаромъ цѣлаго ряда банковъ, громадное количество цѣнностей. Для большей вѣрности онъ хранилъ ихъ у себя въ кабинетѣ въ несгораемомъ шкафу, куда, какъ онъ зналъ, кромѣ него, никто заглянуть не могъ. Когда чекисты явились къ нему въ кабинетъ, онъ поднялъ такой шумъ, что тѣ сначала было растерялись, но все же настояли на своемъ. И когда они открыли несгораемый шкафъ и увидали все находившееся тамъ богатство, они даже не повѣрили, что всѣ эти діадемы, кулоны, кольца и т. п. являются собственностью тов. Безрукова, а не принадлежатъ какому-нибудь учрежденію, будучи лишь временно положены въ шкафъ. Но когда они, наконецъ, убѣдились, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, то злобѣ ихъ не было предѣла. Одинъ изъ чекистовъ, какъ разсказывалъ потомъ присутствовавшій при обыскѣ секретарь Безрукова, не удержался и ударилъ его по лицу бриліантовой діадемой.

Что случилось съ этимъ человѣкомъ, мы такъ и не узнали точно. Говорили, что онъ былъ разстрѣлянъ въ тотъ же день.

Въ неменьшее изумленіе повергло насъ всѣхъ другое произведенное чекистами открытіе. На этотъ разъ воромъ оказался человѣкъ, являвшійся полной противоположностью Безрукову, нѣкто Виленкинъ, тоже, какъ оказалось, коммунистъ, но какъ бы стыдившійся своего коммунизма и державшій его въ секретѣ. Возможно, что онъ дѣлалъ это для того, чтобы облегчить себѣ шпіонажъ среди служащихъ, о чемъ меня предупреждали, когда я познакомился съ нимъ. Произведенные въ его отдѣлѣ загадочные аресты нѣкоторыхъ служащихъ въ достаточной степени подтверждали правильность подозрѣній. Онъ не занималъ очень большого поста, былъ въ высшей степени обходителенъ и корректенъ, обладалъ прекрасными манерами, никогда не являлся на службу въ нарочито растерзанномъ видѣ, какъ это дѣлалъ Безруковъ, но былъ всегда одѣтъ прилично и даже шикарно. Все это, въ связи съ его несомнѣнными и серьезными знаніями, располагало въ его пользу, и онъ пользовался всеобщими симпатіями. Въ его распоряженіи также находился несгораемый шкафъ для секретныхъ бумагъ, какъ онъ говорилъ, и это обстоятельство погубило его. Когда и въ этомъ шкафу было обнаружено бриліантовое колье въ платиновой оправѣ, съ крупными камнями, мѣшочекъ съ золотыми монетами и другія драгоцѣнности, Виленкинъ нисколько не растерялся, даже глазомъ не моргнулъ и съ обычной своей манерой заявилъ, что колье

принадлежитъ его женѣ, бывшей артисткѣ, золотыя монеты скоплены имъ до революціи, а вещи принадлежатъ его знакомымъ.

— Но позвольте, — горячились чекисты, производившіе обыскъ, — вѣдь вы же коммунистъ (только теперь мы узнали, съ кѣмъ имѣемъ дѣло) — какъ же вы могли оставить у себя золото, когда по декрету оно подлежитъ сдачѣ въ казну?

На это Виленкинъ только пожалъ плечами. Его увели. Пробывъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, онъ былъ выпущенъ на свободу и вновь поступилъ въ наркомфинъ.

Чекисты свирѣпствовали нѣсколько дней, но, кромѣ двухъ указанныхъ открытій, имъ ничего не удалось обнаружить. Попробовали было придраться къ пустякамъ. Задерживали лицъ, у которыхъ обнаруживали нѣсколько аршинъ ситцу, полученнаго по карточкамъ, баночку сахарину, парфюмерію и другіе предметы, свидѣтельствовавшіе о самой невинной спекуляціи, которой въ тѣ веселые дни занимались рѣшительно всѣ. Изъ этихъ пустяковъ попытались было сочинить «показательный процессъ», на что въ то время была большая мода, но сообразили, что главными обвиняемыми явятся коммунисты, и успокоились.

5.

Постепенно потревоженный муравейникъ успокоился, и жизнь вошла въ свою обычную колею. Въ моей кассѣ опять закипѣла работа. Почти ежедневно прибывали къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи мѣшки съ иностранной валютой и другими цѣнностями. Мѣшки поступали въ кассу, гдѣ вскрывались и содержимое ихъ свѣрялось съ приложенными описями. Странное впечатлѣніе производили эти описи. Сразу же было видно, чья рука составляла ихъ и кто являлся хозяиномъ того или иного финотдѣла. Было ясно, что эти новые хозяева не отдавали себѣ никакого отчета въ проходящихъ черезъ ихъ руки громадныхъ цѣнностяхъ. Швейцарскіе франки, гульдены, скандинавскія кроны, японскія іены и африканскіе фунты — все это смѣшивалось въ одну общую кучу и обозначалось въ описи числомъ бумажекъ на такую то сумму. Хуже всего обстояло дѣло съ англійскими фунтами, на которыхъ не имѣется численнаго обозначенія купюры. Поэтому эта валюта обозначалась просто количествомъ банкнотъ съ добавленіемъ «неизвѣстной цѣны». А между тѣмъ эта «неизвѣстная цѣна» представляла иногда нѣсколько десятковъ тысячъ золотыхъ рублей. Приходилось затрачивать массу времени на разборку валюты и запись ея въ книги. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что нерѣдко среди посланныхъ денежныхъ знаковъ находились простыя квитанціи, принятыя, вслѣдствіе ихъ пестроты, за деньги, которыя ни къ какой валютѣ отнести было нельзя. Надо было въ такихъ случаяхъ составлять особый протоколъ, чтобы не подвергнуться обвиненію въ подмѣнѣ. Вмѣстѣ съ валютой приходила и золотая монета разныхъ странъ. Часто попадались ордена, кресты, табакерки, невѣдомо какимъ образомъ очутившіяся среди валюты. Однажды мы извлекли изъ мѣшка шпагу, относительно которой возникла длительная переписка. А когда, на-

конецъ, полученъ былъ приказъ сдать шпагу въ музейную комиссію при наркомпросѣ, то оказалось, что шпага къ этому времени превратилась въ нѣчто дѣйствительно археологическое, такъ какъ употреблялась въ качествѣ кочерги для размѣшиванія углей въ печуркѣ. Въ этомъ видѣ она и была отправлена по назначенію. Что же касается орденовъ и крестовъ, то ими никто не интересовался, и они мирно покоились въ шкафу вмѣстѣ со своими описями.

Собранная валюта не долго залеживалась въ кассѣ. Ежедневно по нѣскольку разъ приходилось отсчитывать пачки долларовъ и фунтовъ и относить въ кабинетъ наркомфина, гдѣ уже дожидались присланные за ними артельщики. Больше всего забиралъ коминтернъ, развивавшій въ то время исключительную дѣятельность за-границей. Иногда происходили скандалы. Въ одно и то же время являлись за валютой изъ наркомвнѣшторга и коминтерна, и тогда возникалъ ожесточенный споръ, чье требованіе представляется болѣе важнымъ. Въ концѣ концовъ производилась дѣлежка, и въ кассѣ на нѣкоторое время не оставалось ни единаго пенса. Наконецъ, дошла очередь и до процентныхъ бумагъ. Особое вниманіе было обращено на «Lena Goldfields». Эти бумаги исчезали цѣлыми тюками, къ нашему большому удовольствію, избавляя насъ отъ необходимости ихъ провѣрки. Въ большомъ количествѣ шли также облигаціи Варшавскаго Еврейскаго О-ва Взаимнаго Кредита. Эти послѣднія забиралъ Ганецкій.

И вотъ совершенно неожиданно забилъ новый и на этотъ разъ богатый источникъ американскихъ долларовъ, давшій возможность наркомфину располагать довольно значительными средствами. Этимъ источникомъ явились русскіе реэмигранты изъ Америки, соблазненные дошедшими до нихъ слухами о свободной и привольной жизни въ Россіи, гдѣ нѣтъ ни фабрикантовъ, ни помѣщиковъ, и гдѣ каждый является полноправнымъ хозяиномъ всѣхъ благъ. Бери и пользуйся. И одураченные совѣтскими агентами люди спѣшно бросали свои насиженныя мѣста бросали хорошо оплачиваемую работу, распродавали накопленное многолѣтнимъ и тяжелымъ трудомъ добро и непрерывнымъ потокомъ потянулись въ новую Аркадію къ привольной жизни, къ дѣлежу несмѣтныхъ богатствъ. И каждый изъ этихъ наивныхъ чудаковъ везъ не одну сотню долларовъ въ надеждѣ найти для нихъ болѣе выгодное примѣненіе, чѣмъ это можно было сдѣлать въ Америкѣ, не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета въ смыслѣ происходившихъ въ Россіи событій. Они несли въ себѣ вѣру въ осуществленное цѣликомъ и полностью справедливое государство, и эта вѣра нисколько не противорѣчила въ ихъ представленіи другой — такой же простой и ясной — вѣрѣ въ несокрушимую силу доллара.

И безпредѣльно было ихъ изумленіе, когда обнаруженная ими по пріѣздѣ безотрадная дѣйствительность жестоко разбивала обѣ эти вѣры, замѣняя ихъ глубокимъ отчаяніемъ. Оказывалось, что народъ является хозяиномъ только на бумагѣ, а доллары надо было мѣнять на совѣтскіе знаки по установленному грабительскому курсу. Правда, существовала такъ называемая черная биржа, гдѣ за долларъ платили въ 10—15 разъ больше, но во-первыхъ, объ этомъ узнали гораздо позже, а во-вторыхъ, продажа валюты на черной биржѣ преслѣдовалась, какъ

спекуляція, и вела къ суровой расправѣ, въ чемъ многіе изъ пріѣзжихъ «американцевъ», какъ ихъ тогда называли, лично убѣдились впослѣдствіи.

Дѣло съ уловленіемъ долларовъ было поставлено весьма просто. Совѣтскіе агенты встрѣчали прибывшихъ на вокзалѣ и отправляли ихъ въ приготовленное заранѣе помѣщеніе, въ такъ называемую Бахрушинскую ночлежку на Домниковской улицѣ, недалеко отъ Казанскаго вокзала. Тутъ же имъ объявлялось, что каждый, имѣющій при себѣ доллары или какую нибудь иностранную валюту, долженъ сдать ее въ наркомфинъ, въ обмѣнъ на совѣтскіе знаки.

И вотъ съ ранняго утра возлѣ моей кассы вытягивалась длинная вереница «американцевъ». Было какъ то непривычно видѣть этихъ хорошо одѣтыхъ, гладко выбритыхъ людей, въ теплыхъ, сшитыхъ изъ прекраснаго матеріала курткахъ и пиджакахъ, въ крѣпкихъ сапогахъ, прекрасно говорящихъ по-англійски и не вполнѣ правильно по-русски. Они довѣрчиво протягивали въ окошечко свои доллары, получали бумажку съ расчетомъ и громадную кучу новенькихъ, всѣхъ цвѣтовъ и формъ, совѣтскихъ знаковъ, и довольные отходили прочь. И, хотя совѣтскіе деньги падали съ каждымъ днемъ, тѣмъ не менѣе курсъ доллара оставался неизмѣннымъ, въ то время, какъ на черной биржѣ онъ также неизмѣнно повышался. По сохранившимся у меня даннымъ, фунтъ чернаго хлѣба при такомъ размѣнѣ обходился «американцамъ» въ 1,5 и даже 2 доллара, въ то время, какъ въ дѣйствительности онъ стоилъ всего 20—30 центовъ.

Вскорѣ, однако, «американцы» сообразили, въ чемъ дѣло, и пустились на хитрость. Вмѣсто того, чтобы итти въ наркомфинъ, они отправлялись на Ильинку къ Городскимъ рядамъ, гдѣ всегда можно было найти охочаго до долларовъ спекулянта, и, такимъ образомъ, спасали себя отъ наглаго и безцеремоннаго надувательства. Однако, это обстоятельство не могло остаться незамѣченнымъ вслѣдствіе рѣзкаго сокращенія предъявляемой къ обмѣну валюты, и, дабы прекратить возможное прекращеніе выгодной стрижки американскихъ овецъ, былъ придуманъ новый трюкъ. Приказомъ наркомфина по нашему отдѣлу кассѣ предписывалось организовать размѣнъ долларовъ въ мѣстѣ пребыванія «американцевъ», каковая обязанность была возложена на кассира. Запасшись двумя громадными чемоданами съ совѣтскими знаками и захвативъ одну изъ помощницъ, кассиръ отправился на ловлю и вернулся къ концу операціоннаго дня, совершенно измученный физически и нравственно. Его разсказъ о видѣнномъ и пережитомъ имъ за этотъ день былъ до такой степени интересенъ, что я рѣшилъ лично побывать на мѣстѣ и на другой день отправился на Домниковскую улицу. И то, что мнѣ пришлось увидѣть и услышать, до такой степени поразило меня, что я долго не могъ притти въ себя отъ пережитыхъ мной впечатлѣній. «Американцы» помѣщались во второмъ этажѣ въ большомъ залѣ. Администрація ночлежки нашла въ себѣ достаточно сообразительности, чтобы, вопреки провозглашенному принципу равенства и братства, помѣстить новоприбывшихъ отдѣльно отъ остальныхъ обитателей ночлежки. Это до извѣстной степени привилегированное положеніе, въ связи съ рѣзко бросающейся въ глаза на фонѣ общей ни-

щеты и грязи зажиточностью «американцевъ», явилось причиной крайне враждебнаго къ нимъ отношенія со стороны ночлежниковъ, что буквально терроризировало пріѣзжихъ, отравляя и безъ того нерадостное существованіе.

Женщины и дѣти не могли показаться въ коридорѣ безъ того, чтобы не подвергнуться оскорбленіямъ и даже побоямъ. Между мужчинами то и дѣло возникали столкновенія, доходившія иногда до драки. Все въ этихъ прибывшихъ изъ далекой, невѣдомой страны, такихъ серьезныхъ и положительныхъ, людяхъ, раздражало несчастныхъ, совершенно озвѣрѣвшихъ райскихъ жителей. И та чистота, какую по долголѣтней привычкѣ поддерживали «американцы» въ своемъ помѣщеніи, и независимость ихъ поведенія, и необычность ихъ вида и, наконецъ, самое умѣнье этихъ людей говорить на какомъ то непонятномъ языкѣ — все это вызывало дикую зависть, а съ нею рождало чувство еле сдерживаемаго озлобленія.

Въ сопровожденіи коменданта зданія и двухъ милиціонеровъ съ винтовками въ рукахъ, я поднялся по невѣроятно грязной лѣстницѣ во второй этажъ и вошелъ въ помѣщеніе «американцевъ». При нашемъ появленіи разговоры смолкли, и сразу наступила неловкая, гнетущая тишина. У окна стоялъ простой деревянный столъ, нѣсколько табуретокъ, и я со своими чемоданами расположился за столомъ. Милицейскіе помѣстились нѣсколько поодаль.

— Товарищи, — крикнулъ комендантъ, — кто желаетъ мѣнять доллары, прошу къ столу.

Черезъ минуту возлѣ стола образовалась очередь, и я приступилъ къ размѣну. Комендантъ вскорѣ ушелъ, и я остался вдвоемъ съ кассиршей. Узнавъ, что я говорю по-англійски, «американцы» стали держать себя свободнѣе. Пока кассирша производила расчетъ и выписывала ордеръ, я осторожно разспрашивалъ ихъ о жизни въ Америкѣ, объ ихъ впечатлѣніяхъ отъ новой Россіи. Нѣкоторые отвѣчали неохотно, видимо, опасаясь ловушки, другіе, напротивъ, откровенно высказывали свое разочарованіе, ругали совѣтскихъ агентовъ, ругали себя за свою глупую довѣрчивость и настойчиво спрашивали меня, что съ ними тутъ будетъ, дадутъ ли имъ работу и сколько платятъ теперь въ Россіи за тотъ или иной трудъ. Отвѣтить на эти вопросы я, конечно, ничего не могъ, прекрасно понимая, что тягчайшія разочарованія ждутъ ихъ еще впереди и что не разъ придется имъ проклинать свою судьбу.

И всѣ, словно сговорившись, жаловались на неправильный курсъ, еще не соображая, въ чемъ заключается эта неправильность и какое неслыханное издѣвательство творится надъ ними. Они слишкомъ привыкли къ непоколебимой прочности доллара и съ уваженіемъ относились ко всякаго рода деньгамъ, наивно вѣря, что всѣ деньги имѣютъ такую же силу, какъ и долларъ. Они были темны и невѣжественны, и Америка не позаботилась о томъ, чтобы снабдить ихъ вмѣстѣ съ долларами и достаточнымъ запасомъ знаній. Они, какъ дѣти, радовались громадному количеству получаемыхъ ими въ обмѣнъ за доллары бумажекъ, аккуратно запечатанныхъ и такихъ красивыхъ на видъ. Въ ихъ памяти живо еще было воспоминаніе о цѣнности царскаго рубля, и теперь, когда эти рубли исчислялись сотнями тысячъ,

у иихъ захватывало духъ отъ предвкушеиія всего того количества благъ, какое, по ихъ мнѣнію, можно будетъ пріобрѣсти на этотъ сказочный капиталъ. И только очень немногіе догадывались о наличности какого то хитраго и ловкаго обмана. Какъ сейчасъ вижу передъ собой фигуру крѣпкаго, высокаго старика, съ длинной сѣдой бородой, съ очками на носу, придававшими ему видъ профессора. Онъ подошелъ къ столу въ сопровожденіи молодой, чисто и даже нарядно одѣтой женщины. Старикъ предъявилъ къ обмѣну триста долларовъ сразу и я замѣтилъ, что онъ находится въ необычайиомъ, съ трудомъ подавляемомъ волненіи. Пока кассирша считала деньги, я завелъ со старикомъ разговоръ, и отъ простого безхитростнаго разсказа на меня повѣяло такой жутью, что все внутри меня какъ то сжалось и замерло.

Въ Америкѣ они жили хорошо. Старикъ, его сынъ и невѣстка. Былъ еще съ ними братъ невѣстки, но онъ не захотѣлъ ѣхать въ Россію. И имѣли они небольшую собственную ферму, вполнѣ иалаженное хозяйство, причемъ главный доходъ приносило имъ свиноводство. Нужды они никакой не зиали и уже успѣли сколотить солидный капиталъ и собирались расширить свое хозяйство, какъ вдругъ появились какіе то люди и стали звать обратио въ Россію. Разсказывали, что земли теперь можно получить сколько угодно, что совѣтское правительство оказываетъ крестьянамъ всяческую поддержку, снабжаетъ ихъ сѣменами, сельско-хозяйствеными машииами и т. д. Словомъ, наговорили столько, что голова пошла кругомъ. А тутъ прошелъ еще слухъ, что всѣ наши назадъ возвращаются, и что въ Россіи теперь, какъ въ раю, — ни помѣщиковъ, ии фабрикаитовъ, ни господъ, а одии только трудящіеся. Казалось бы, на что лучше. Сынъ старика соціалистъ; такъ и загорѣлся весь — непремѣнно возвращаться. Однако, ему, старику, удалось настоять на томъ, чтобы не продавать всего хозяйства и сохранить кое что на всякій случай, тѣмъ болѣе, что молодой деверь и слышать ничего не хотѣлъ о возвращеніи. На томъ и порѣшили. Продали половиину свиней, часть инвеитаря, часть земли и двинулись въ дорогу.

Нашелся какой то ловкій человѣкъ, еврей изъ Литвы, втерся къ нимъ въ довѣріе, взялъ на себя устройство всей партіи иа пароходѣ и обѣщалъ проводить до самой русской границы. Собралъ большую сумму денегъ и скрылся. И ужъ иатерпѣлись же оии дорогой. Хуже всего было то, что, какъ только переплыли они океанъ, такъ иачались совсѣмъ другія пѣсни, и каждый, кто только ни говорилъ съ ними, жалѣлъ ихъ н разсказывалъ такіе ужасы о жизни въ Россіи, что вчужѣ становилось страшно. Но возвращаться было поздно и приходнлось положиться на милость Божью.

А какъ переѣхали русскую граиицу да увидали, что тамъ творится, такъ сразу и поняли, что иичего хорошаго ждать не приходится. И чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ хуже становилось на душѣ. А когда подъѣзжали къ Москвѣ, случилось несчастье: заболѣлъ сынъ старика. Докторъ сказалъ, что тифъ, и прямо съ вокзала увезли его въ больницу. Такъ и неизвѣстно до сихъ поръ — живъ ли. Молодая женщина отвериулась въ сторону, и я видѣлъ, что она плакала.

Старикъ говорилъ по-русски, громко и внятно, какъ будто читалъ одному ему видимую книгу, и стоявшіе у стола люди молча и угрюмо слушали печальную повѣсть, терпѣливо ожидая своей очереди.

Кассирша положила передо мной нѣсколько пачекъ новенькихъ, еще пахнущихъ свѣжей краской денегъ. Я провѣрилъ ордеръ и подвинулъ деньги на край стола, ближе къ старику, съ такимъ чувствомъ, какъ будто я въ чемъ то виноватъ передъ нимъ. Старикъ окликнулъ плакавшую невѣстку, и она торопливо, не считая, со слѣдами слезъ на лицѣ, стала складывать деньги въ полосатый платокъ, и затѣмъ оба они отошли въ сторону.

Но были среди этихъ людей и другіе, которые не смущались окружающей ихъ дѣйствительностью, которымъ, видимо, пришлось пережить немало униженій на чужой сторонѣ, и вульгарная, такая понятная имъ свобода вполнѣ удовлетворяла ихъ. Возможность послѣ полученныхъ пинковъ, окриковъ, оскорбленій самому давать пинки и наносить оскорбленія разсматривалась ими, какъ высшая справедливость. Они держали себя смѣлѣе, говорили громче другихъ и рѣшительно отказывались отъ размѣна долларовъ, угрожая дойти до самого Ленина, который, навѣрное, не знаетъ о надувательствѣ.

На другой день я составилъ мотивированное заключеніе о необходимости повышенія курса и лично отправился въ кабинетъ Чуцкаева. Чуцкаевъ принялъ меня съ обычной своей угрюмостью, но, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго, я не обратилъ никакого вниманія на нелюбезный пріемъ и въ краткихъ словахъ передалъ содержаніе моего доклада. Чуцкаевъ внимательно выслушалъ меня.

— Какой же курсъ вы считаете справедливымъ? — спросилъ онъ.

— Я не нахожу возможнымъ говорить о какой либо справедливости, — отвѣтилъ я, — вопросъ идетъ о реальной, а не фиктивной оцѣнкѣ доллара, соотвѣтственно его дѣйствительной стоимости.

— Доставьте мнѣ сегодня же вашъ расчетъ, я посмотрю, что можно сдѣлать.

— Мой расчетъ приведенъ въ докладѣ, — сказалъ я.

— Хорошо. Завтра вы получите отвѣтъ, а до того пріостановите размѣнъ.

Я вышелъ изъ кабинета въ полной увѣренности, что никакихъ измѣненій не произойдетъ, и все останется, какъ было. Но я ошибся. На другой день былъ объявленъ новый курсъ, хотя значительно ниже курса черной биржи, но все же болѣе соотвѣтствующій дѣйствительной стоимости доллара, причемъ курсъ этотъ постоянно мѣнялся, въ зависимости отъ паденія совѣтской валюты. Разумѣется, всѣ тѣ, кто уже успѣлъ обмѣнять свои доллары, никакого возмѣщенія понесенныхъ ими убытковъ не получили.

Послѣ этого размѣнъ продолжался еще мѣсяца три и какъ то разомъ оборвался. Волна «американцевъ» схлынула, оставивъ послѣ себя въ кассѣ наркомфина солидную сумму долларовъ, которая, впрочемъ, была довольно скоро разбазарена. Положеніе съ валютой становилось все болѣе критическимъ. Напрасно разсылались строжайшія предписанія о сдачѣ всѣми госучрежденіями находящейся у нихъ ва-

люты нъ кассу наркомфина. Только разъ нспыхнула было короткая радость. Изъ Одессы прибыла громадная партія румынскихъ лей, но нсѣ онн оказались фальшиными, что и было обнаружено при перной же попыткѣ сбыть ихъ заграницу. Дѣлать нъ кассѣ было абсолютно нечего. Чуцкаенъ нскорѣ ушелъ изъ наркомфина, и его мѣсто занялъ Альскій, а занѣдующимъ нашимъ отдѣломъ былъ назначевъ чекистъ Аркусъ. Это былъ еще мальчикъ, лѣтъ 20, страданшій при зтомъ какимъ то болѣзненнымъ самолюбіемъ и поэтому подозрительно относившійся ко нсѣмъ. Онъ былъ малограмотенъ и, чтобы скрыть это, нарочно писалъ неразборчино, но это выходило у него такъ нелонко, что мы сразу поняли, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Онъ держалъ себя крайне высокомѣрно, никогда не предлагалъ сѣсть у себя нъ кабинетѣ, рѣзко обрыналъ говоринщаго на полонинѣ фразы и постоянно сонѣтоналъ хорошенько усноить требонанія нонаго времени, а не руконодстноваться буржуазной галиматьей. Отъ нсей его личности нѣяло такой отталкннающей, непріятной и раздражающей наглостью, что служащіе начали одинъ за другимъ покидать отдѣлъ. Ушелъ и я.